
НА СУШЕ
И НА МОРЕ

НА СУШЕ И НА МОРЕ

ПУТЕШЕСТВИЯ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ФАНТАСТИКА

ФАКТЫ
ДОГАДКИ
СЛУЧАИ

НА СУШЕ И НА МОРЕ

ПОВЕСТИ
РАССКАЗЫ
ОЧЕРКИ
СТАТЬИ

МОСКВА
«МЫСЛЬ»
1980

84
Н12

РЕДАКЦИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Оформление художника
В. А. ЗАХАРЧЕНКО

$Н\frac{20901\text{-}109}{004(01)\text{-}80}$ 176-80 1905020000

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Художник В. ЗАХАРЧЕНКО

Два десятилетия! Для альманаха немалый срок! За это время выросло новое поколение молодых людей. Они берут в руки юбилейный сборник «На суше и на море», готовясь к путешествию по жизни. А читатели старшего возраста, уже знакомые с выпусками ежегодника, если им, как и прежде, интересны очерки, рассказы, повести, путевые заметки или сообщения о необыкновенных фактах, догадках и гипотезах, если их увлекают путешествия, приключения, фантастика, тоже не останутся равнодушными к этому изданию. Если наш юбилейный сборник, как и все предыдущие, мгновенно исчезнет с прилавков магазинов и не запылится на полках библиотек, то это будет большой наградой всех нас: членов редколлегии, писателей и ученых, авторов и редакторов, художников и работников типографии.

И как не вспомнить с великой благодарностью зачинателей нашего издания, кого уже нет среди нас: Ивана Антоновича Ефремова, Сергея Владимировича Обручева, Петра Никитича Бурлаку, Никиту Яковлевича Болотникова, этих подвижников географической науки

и литературы, энтузиастов нашего ежегодника.

Географическая литература! Соратница географии, науки строгой и обширной, увлекательной и обновляющейся, науки о морях и суше, о мире, в котором мы живем, о взаимодействии природы и человека, удовлетворяющей его ненасытную жажду все узнать о своей планете.

Если география недавнего прошлого ознаменована стиранием белых пятен с географических карт, то ныне она создает величественную картину меняющегося мира, подобного кипящему потоку, где неизменны только берега.

Знаменитые путешественники прошлого совершили немало славных открытий, но затем возникли колониальные империи с их политикой расового превосходства «цивилизаторов» и нещадного угнетения коренных жителей порабощенных земель. Ныне настала эра пробуждения национального сознания всех народов Земли. И опять меняются географические карты, возникают новые государства. Многие из них избрали путь к справедливым отношениям между людьми, к обществу без эксплуатации человека человеком.

Географическая наука отражает и грандиозные достижения современной техники. По воле человека возникают рукотворные моря, поворачивают вспять реки, прокладываются дороги через тайгу и пустыню, через саванны и сельву. Иной становится карта мира. Меняется земной шар, который так хорошо виден из космического пространства. И герои космоса там, на околоземной орбите, становятся космическими географами, которым видно то, чего не разглядишь вблизи, и даже космическими геологами, океанологами.

И вспоминаем мы, что Земля наша связана гравитационным объятием с другой частью двупланетной системы Земля—Луна, с вековечным своим спутником, вернее, космическим партнером, на поверхности которого остались еще «белые пятна» для будущих исследователей в космических скафандрах.

Расширяются пределы географии. Корень «гео» в осуществление мечты фантастов, и

прежде всего К. Э. Циолковского, начинает включать в себя и космическое окружение Геи. Можно ли было предположить после потрясшего весь мир полета Юрия Гагарина, что последующие шаги человека в космосе окажутся столь практическими, нужными, земными! Не первый год функционирует в космосе советская орбитальная станция-лаборатория «Салют-6», куда летают грузовые и пассажирские космические корабли. Тысячи искусственных спутников исправно трудятся, неся метеорологическую, геологическую, географическую и океанологическую службу. Без них уже никак нельзя в короткие сроки собрать несметные сведения, провести впечатляющие эксперименты.

В ежегоднике «На суше и на море» немало страниц отдается мечте фантастов, порой уносящейся далеко от Земли, ищущей где-то во Вселенной иные миры, в которых можно узнать о прошлом или будущем нашей планеты.

Подлинно Великая География включает в себя мечту и, конечно же, путешествия, неразрывно связанные с приключениями. Поэтому закономерно, что романтика путешествий занимает в ежегоднике особое место. И в наш век, когда можно совершать комфортабельные круизы, все сильнее тяга к пешим и лыжным походам, путешествиям на лодках, байдарках, плотах.

Взять хотя бы героический поход семерки отважных лыжников во главе с Д. И. Шпаро (нашим автором) к Северному полюсу. Это рекорд мужества, целеустремленности, выносливости. Впервые за всю историю человечества они прошли без транспортных средств этим невероятно тяжелым путем, на котором подстерегали неудачи многих путешественников прошлого. Среди них был и замечательный полярный исследователь Георгий Седов, который, уже умирая, требовал, чтобы соратники везли его на санях все дальше и дальше, к самому полюсу!.. Участники экспедиции «Комсомольской правды» осуществили его мечту! Они дошли до самой макушки земного шара, до точки схождения всех меридианов. Шли на лыжах, переправляясь через

торосы и полыньи, иной раз окунаясь в ледяную воду. Этому беспримерному походу предшествовали десять лет подготовки, во время которой были совершены путешествия, сами по себе заслуживающие того, чтобы быть воспетыми. Как ни воздать хвалу современным героям Арктики на страницах юбилейного сборника «На суше и на море»!

Все обязаны проявлять величайшую заботу о том, как сберечь для будущих поколений нашу планету во всей ее необычайной красоте, как избавить атмосферу от загрязнений, океаны от губительной пленки нефти, целые сгустки которой видел в Атлантике соратник Тура Хейердала, наш соотечественник Юрий Сенкевич во время плавания на папирусной лодке «Ра».

Не только изучать и описывать различные уголки Земли, но и оберегать их — вот важнейшая задача и географии как науки, и географической литературы, в том числе и ежегодника «На суше и на море». Члены редакционной коллегии призывают писателей, журналистов, ученых, мореходов, бывалых людей, самые широкие читательские круги принять участие в этой важнейшей и увлекательной работе, присылать свои произведения, письма, заметки, чтобы как можно полнее изучить нашу страну, нашу планету, чтобы рассказать о ней, защитить природные богатства.

Литературное оружие многих жанров, используемое в нашем ежегоднике, может и должно служить великому делу прогресса человечества.

Двадцатый, юбилейный выпуск сборника «На суше и на море» также призван привлечь внимание многотысячной читательской аудитории к жгучим проблемам современности, научному поиску, окрыленному фантазией — качеством величайшей ценности, по словам Владимира Ильича Ленина. Поэтому не может быть науки без фантазии, в том числе и нашей, географической.

Александр Казанцев

ПУТЕШЕСТВИЯ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Константин Паустовский	ТЕОРИЯ КАПИТАНА ГЕРНЕТА
Юрий Скворцов	ВОСТОЧНЫЙ ПРИЧАЛ РОССИИ
Василий Песков	НОРВЕЖСКИЕ КАМУШКИ
Арнольд Пушкарь	ПО СЛЕДАМ БЕРИНГА
Радим Кальфус	У ШВЕЙЦЕРА В ЛАМБАРЕНЕ
Феликс Свешников	ИДУ НА ПЛАТО
Владимир Бардин	В ГОРАХ ШЕКЛТОНА
Валентин Зорин	ПЕРЕВАЛ
Лев Лебедев	В ТЕНИ НЕБОСКРЕБОВ ГОНКОНГА
Руслан Скрынников	СИБИРСКАЯ ОДИССЕЯ
Самуэлла Фингарет	КОРАБЛИ НА СТЕНАХ ХРАМА
Юрий Аракчеев	СОЛНЦЕ НА КРЫЛЬЯХ
Елизавета Сумлёнова	ОБЛАСКАННЫЕ СОЛНЦЕМ ОСТРОВА
Валерий Гуляев	ЗАГАДКИ ДРЕВНЕЙ АМЕРИКИ
Борис Далматов	БУДНИ ГЕОЛОГОВ
Роман Белоусов	СТРАНСТВИЯ КАМОЭНСА
Алексей Рыжов	БЕСПАЛЫЙ
Димитр Клисуров	ОСТРОВ БЕЗ ИМЕНИ
Владимир Крутиков	ОТ «ПОТЕШНОГО» ДО ВЕЛИКОГО
Борис Варламов	ТЕНЬ СИНЕГО УТЕСА

КОНСТАНТИН ПАУСТОВСКИЙ

ТЕОРИЯ КАПИТАНА ГЕРНЕТА

Повесть

Художник Е. РАТМИРОВА

1. Жильцы четырех квартир

Дом стоял около устья Невы и казался береговым устоем исполинского висячего моста. В его серых стеклах отражались закаты, угасавшие в мутных водах Маркизовой лужи. Из комнаты Баклунова был выход на террасу, носившую громкое название «зимнего сада». От дождей, солнца и снега цементная терраса поседела и излучала очень тонкий и приятный запах чистоты и даже как будто цветов.

Зимой Наташа выбегала на нее в одних трусах и растиралась, вскрикивая, свежим снегом. Осенью по шуму, долетавшему с террасы, Баклунов определял силу дождя. Летом терраса тонула в запахах левкоев, табака, чая и ветра с залива, а весной ветер гонял солнечных зайчиков по прозрачным лужам, разлитым на цементе, и мешал Наташе читать. Терраса была неотделима от жизни Баклунова, и он отзывался о ней, как о живом существе. На террасе происходили жестокие споры и примирения обитателей седьмого этажа. Этаж был последним, выше жили только голуби и вращался любимый Наташей пестрый мир облаков.

После гражданской войны Баклунов несколько лет водил грузовые пароходы из Ленинграда в Лондон и Гулль. Потом он бросил плавать, поступил в управление Ленинградского порта и взял к себе Наташу, жившую до того у тетки в Пскове.

Рядом с Баклуновым жили молодой одинокий журналист Северцев — человек с пронзительными глазами, великий спорщик, потом научный работник Института материальной культуры Леонид Михельсон, пугавший свою старушку мать громоподобным чтением Маяковского, и, наконец, преподаватель немецкого языка Тузенбух, прозванный «старой щукой».

Дружба между Баклуновым и Леонидом Михельсоном началась из-за Онежского озера. Михельсон писал исследование о петроглифах — древних рисунках, высеченных на прибрежных скалах у мыса Перинос. Оба считали Онежское озеро одним из самых интересных

мест на земном шаре, обоим озеро дало много поводов для споров н размышлений. Северцев называл Баклунова и Михельсона «поэтами озерной школы» — такая поэтическая школа существовала некогда в Шотландин. Тузенбух тоже бывал на озере, но в споры Баклунова с Мнхельсоном не вмешивался: он ничего не мог сказать нн о петроглифах, ни о моренных грядах, ни об удлиненной форме полуострова Заонежье, так как ездил на озеро ловить рыбу на спннннинг. Тузенбух отличался старомодной вежливостью, звал Наташу Натальей Эдуардовной, и единственным его недостатком была любовь к рыболовным рассказам. Северцев доказывал, что Тузенбух похож на старую зубастую щуку, Михельсон — на молодого каменного идола, а Баклунов — на Руала Амундсена. Это соответствовало склонности Тузенбуха ловить рыбу, Мнхельсона — нзучать древнне нзваяння и Баклунова — находить белые пятна не только на карте земли, но и в снстеме физическнх наук.

Но в опнсываемое время в квартире Баклунова появился человек, безжалостно разрушивший теорню Северцева. Он носил легкнй серый костюм, ходнл без шляпы, отчего светлые волосы на голове были вечно спутаны, ежедневно переплывал по два раза Неву и каждое утро втыкал в петлицу пиджака позднне фналкн. Общее впечатление от него оставалось такое: загар, мохнатое полотенце на плече, смеющнеся серые глаза н быстрая немецкая речь. Фамилия этого человека была Гильмерсен, он был датчаннн.

Северцев нашел его похожим на иностранный плакат о ланолиновом мыле, где был нзображен такой же жнзнерадостный и чуть лысоватый мужчнна, н решил, что Гильмерсен — врач, сделавший своей спецнальностью профилактику н гигиену. На самом же деле оказалось, что Гильмерсен — старый прнятель Баклунова — был моряком датского торгового флота н специалистом по плаванню в полярных морях. С тех пор Северцев больше не упомннал о своей теорни.

Стояло лето, то странное ленинградское лето, в котором как будто нет полудней, а есть только раннне утра, вечера и ночн,

---

СУДЬБА ЗАБЫТОЙ ПОВЕСТИ ПАУСТОВСКОГО

Предисловие

В мае 1932 года К. Г. Паустовский по предложеиию горьковской редакции «История фабрик и заводов» поехал в Карелию, чтобы иаписать книгу о старииом заводе в Петрозаводске. «Неистребимое любопытство» привело его сиачала в Мурмаиск, столицу заполярного края. «Прожив в Мурмаиске иесколько дней,— признавался писатель в своей «Книге скитаиий»,— я сбежал... в милый, хлебосольиый и иеторопливый Петрозаводск».

Помимо Петрозаводска и его пригородов Паустовский посетил в Карелии водопад Кивач и всемирио известиые Кижи, побывал иа Ладожском и Оиежском озерах, в Заоиежье, в Пудоже и Медвежьегорске. Карелия произвела иеизгладимое впечатлеиие иа писателя. Завороженииый «плеиительиой властью Севера», Паустовский создал в 30-х годах целый ряд произведеиий о ием: «Судьба Шарля Лоисевиля», «Озериый фроит», «Севериая повесть» и другие.

Работа иад «севериым циклом» Паустовского привела меия в личиый

незаметно сменяющие друг друга. Серый и синеватый цвет господствовал всюду: в воде, в воздухе, в граните, в глазах людей, и только листва обрамляла этот светлый и немного сонный пейзаж черными рамами столетних парков.

Ночи над городом проходили короткими взмахами сумерек и тишины, и Наташа, не зажигая огня, глотала по ночам страницу за страницей «Хождение по мукам» Алексея Толстого. Утром глаза ее становились синими от рассвета и слез. Едва она откладывала книгу, свою ночную радость, как начинались неожиданности и радости дневные: то Гильмерсен шел с ней на Неву и учил ее плавать кролем, то Леня Михельсон поражал новыми, громоподобными стихами Тихонова, то отец приводил из порта вислоухого, теплого щенка, тщательно слизывавшего весь заграничный блеск с летних туфель Гильмерсена.

— Завидую я этой девчонке,— ворчал Северцев, притворно сердясь.— Все ее балуют: и в комсомоле, и дома, и русские, и датчане, и моряки, и аспиранты. Не жизнь, а сплошная нечаянная радость.

— Да, везет вам, Наталья Эдуардовна,— вздыхал «старая щука». Наташа смеялась — она была уверена, что и вечер принесет свою радость. Но даже если ничего и не случится особенного, все равно она будет сидеть на террасе и смотреть на розовые облака над заливом, похожие на громадные гроздья винограда...

2. Ледяной паркет

Наташа не ошиблась. Вечером Гильмерсен спел ей несколько датских песенок. Тузенбух тщательно перевел одну из них, переписал и передал Наташе. В литературной обработке Тузенбуха эта песенка выглядела так:

«Откуда штормы мчатся в океан?» —
Спросил матрос.
«От синих льдов гренландских стран,—
Ответил капитан.—

архив писателя. Десять дней, проведенных в семье Паустовских, были богаты любопытными находками.

В этом архиве мне удалось обнаружить дневниковые записи, которые Константин Георгиевич вел в мае 1932 года, находясь в Петрозаводске, а также черновые рукописи произведений «северного цикла». Все это представляло значительный интерес, но самая неожиданная находка была впереди.

Эта папка с бумагами внешне ничем не отличалась от других. Но меня поразило заглавие хранящейся в ней рукописи — «Теория капитана Гернета». Такого названия не было ни в собрании сочинений писателя, не упоминалось оно и в библиографических указателях творчества К. Г. Паустовского, не вошла эта вещь и в посмертно изданный сборник полузабытых и забытых произведений, составленный Л. Левицким в 1972 году. Таким образом, повесть «Теория капитана Гернета» оказалась своеобразным «белым пятном» на литературной карте «страны Паустовского».

На титульном листе найденной рукописи значилось, что «Теория капитана Гернета» была опубликована в № 1 и 2 журнала «Знание — сила» за 1933 год. Опубликована — и забыта. Невероятно, но факт! Знакомство с журнальным вариантом показало, что значительная часть текста осталась ненапеча-

Из этих стран плывет туман,
И ты не суй свой нос
Туда, дружок-матрос!»

— Откуда штормы мчатся в океан? — тихо произнес Гильмерсен. — Ответ капитана был совершенно точен, милая моя Наташа, — штормы рождаются в Гренландии... Ваш отец, — продолжал он, — захвачен великой идеей, ваш отец обладает пытливостью юноши. Я знаком не только с морским делом, но и с литературой, мне удалось прочесть очень много книг, и вы знаете, чему меня научили писатели? Они научили меня уважать людей, умеющих из маленьких фактов и случаев в жизни делать большие выводы. О, Баклунов умеет это делать лучше многих ученых голов!.. Что такое Онежское озеро? Обыкновенное озеро, где болтается холодная вода и рыбаки на берегах солят грязную мелкую рыбу. Ничего другого я бы не увидел в нем. Я — простой датский моряк, я люблю пить пиво!..

Гильмерсен засмеялся, и Наташе показалось, что смех его отдает горечью.

— Что же делает Баклунов? Он пишет мне: «Георг, я изучил это озеро. Нигде в мире я не видел таких ярких следов ледникового периода. Здесь льды стерли до корня гранитные горы. Я плавал в полярных водах и ненавижу льды. Лед — это смерть, это стеклянный колпак, который прикрывает умершую землю. Онежское озеро, — пишет Баклунов, — заставило меня задуматься над вопросом о нашествии льдов. Мы живем накануне нового ледникового периода, но я не верю, чтобы человечество, как старый бык на бойне, покорно подставило шею под ледяной нож. Мы призваны не только разрушать старые и ни к черту не годные социальные отношения, но и менять космические законы, если они грозят человечеству гибелью». Как это вам нравится! Не правда ли, сумасбродная мысль? Но я верю Баклунову... Новые льды движутся на Европу и Америку из Гренландии — так утверждает ваш отец, Наташа. Весь прошлый год я провел в Гренландии с экспедицией Мичиганского

танной. Возникла необходимость восстановить первоначальный вариант. Текстуальное сличение рукописной и журнальной версий повести выявило, что они существенно разнятся. Рукопись оказалась гораздо интереснее, богаче журнальной публикации.

Татьяна Алексеевна Паустовская, вдова писателя, перепечатала рукописный вариант повести и подарила мне рукопись с правом дальнейшего распоряжения ею. В 1974 году подготовленный мною к печати рукописный вариант «Теории капитана Гернета» опубликовал петрозаводский журнал «Север».

Из повести Паустовского было ясно, что Гернет — реальное лицо, о котором хотелось узнать возможно больше. Краткие сведения о нем есть в книге Паустовского «Золотая роза». Из главы «Максим Горький» мы узнаем о встрече двух писателей. «Тогда, — пишет Паустовский, — я только прочел очень редкую книгу одного нашего моряка, капитана Гернета. Называлась она «Ледяные лишаи»... Гернет был одно время советским морским представителем в Японии, там написал эту книгу, сам набрал ее в типографии... и отпечатал всего 500 экземпляров этой книги на тонкой японской бумаге... В книге капитан Гернет изложил свою остроумную теорию возвращения в Европу миоценового субтропического климата».

университета. Я был приглашен в нее мистером Гобсом как опытный полярный штурман. Баклунов очень просил меня приехать и рассказать все, что я знаю об этой экспедиции. «Без знания Гренландии,— говорит он,— победа над льдами немыслима». Хотите, я расскажу вам немного об этой стране?

Наташа кивнула головой. Она не знала, что Гильмерсен был в Гренландии. Даже сейчас это казалось ей невероятным, слишком не похож был он, чудаковатый и легкомысленный датчанин, на полярного исследователя.

— Сомерсуак!—сказал задумчиво Гильмерсен.— Что это такое? Ледяной компресс в два километра толщиной, покрывающий всю Гренландию,— вот что такое Сомерсуак. Он занимает два миллиона квадратных километров. Я перелетел его летом вместе со знаменитым американским летчиком Бордом. Мы видели только ледяной паркет, чуть присыпанный снегом. Я едва не ослеп. 30 градусов мороза в кабине в половине лета! Это что-нибудь да значит, Наташа... И вот,— Гильмерсен сделал широкий и медленный жест загорелой рукой,— льды ползут к океану. Льды, покрытые страшными трещинами. Я уронил в одну из них молоток и слышал, как он несколько минут гудел, ударяясь о стены. Единственное, что понравилось мне,— это цвет льда. Он голубой и прозрачный, как русское небо.

Гильмерсен поглядел на Неву. Очень светлый синий вечер, будто отлитый из стекла, лежал внизу, у подножия дома. Датчанин задумался. Ему вдруг показалось, что все вокруг напоминает по цвету гренландский лед. Он вздрогнул и провел рукой по волосам.

— На севере Гренландии ледники подходят к морю. Они прорываются к воде через узкие ущелья и текут по ним так быстро, что это видно на глаз. Ледники ползут по дну океана, потом отрываются с ужасным треском и всплывают наружу. Этот треск похож на залп нескольких тяжелых батарей. Все море вокруг запружено айсбергами. Летом течение несет их к берегам Ньюфаундленда, и океан в тех местах похож на громадную реку во время ледохода. Вы понимаете,

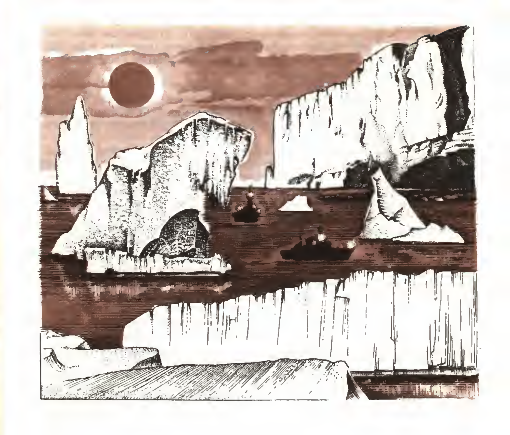

Паустовский рассказал Алексею Максимовичу о Гернете и его работе. Горький «был захвачен этой теорией, ее стройной неопровержимостью и даже какой-то торжественностью. Он попросил прислать ему эту книгу, чтобы переиздать ее большим тиражом в России. Но издать книгу Гернета Алексей Максимович не успел...». О заинтересованности Горького гипотезой Гернета и его личностью свидетельствуют и документы, в частности его письма Ромену Роллану и К. И. Чуковскому*.

В архиве А. М. Горького мне удалось обнаружить неопубликованное письмо Генриха Эйхлера Горькому, в котором сообщалось: «Гернет— исключительно скромный человек. Работает он в Ленинграде, каждый год бывает в полярных экспедициях, с большой настойчивостью продолжает изучение Арктики. Вся жизнь его прошла в труде. Он активно участвовал в революции... Словом, он из таких людей, которым человечество скажет спасибо за то, что они жили на свете»**. Очевидно, это письмо Эйхлера было ответом на вопросы Горького о Гернете.

* См. *М. Горький*. Собр. соч. в 30-ти томах. М. ГИХЛ, 1956, т. 30.

** Архив А. М. Горького. Эйхлер Генрих. Письмо А. М. Горькому от 24 августа 1935 г.

Становилось очевидным, что герой Паустовского — человек исключительный. Но найти дополнительные сведения о Гернете удалось далеко не сразу. Много интересного сообщила мне проживающая в Ленинграде дочь героя повести Паустовского — Галина Евгеньевна Гернет, доцент кафедры математики Института связи им. Бонч-Бруевича. Она прислала мне дополнительные материалы о своем отце. Вот некоторые факты из биографии этого удивительного человека.

Евгений Сергеевич Гернет родился 31 октября 1882 года в Кронштадте, в дворянской семье. В 1902 году, после окончания Морского корпуса, в звании мичмана назначен на Тихоокеанскую эскадру. В русско-японскую войну мичман Гернет служил на канонерской лодке «Отважный» в должности штурманского офицера. В апреле 1904 года его назначают штурманом на самый быстроходный миноносец Порт-Артурской эскадры — «Лейтенант Бураков», который «многажды прорывал блокаду», что было «крайне рискованно». После гибели миноносца «Лейтенант Бураков» мичман Гернет 21 июля 1904 года на парусной джонке совершил прорыв блокады и переход из Порт-Артура в Чифу для доставки донесения контр-адмирала Витгефта наместнику на Дальнем Востоке адмиралу Алексееву. Это был единственный случай выхода на джонке из осажденного Порт-Артура, за что молодой

какой заряд холода получает ежедневио этот иесчастный Ньюфаундлеид? Бывают дни, когда почтовые пароходы встречают за какой-нибудь час около четырехсот айсбергов н вертятся среди них, как испуганные зайцы.

По океаиу плывут целые материки голубого льда. Они шумят в тумаие. Резкий холод разливается вокруг них на десятки миль. Но кроме холода айсберги сопровождает особенный запах; если иметь хорошее обоняние, его можно почувствовать издалека. Я бы хотел передать вам этот запах, ио боюсь, что ничего не получится. Ну, вроде запаха килек в гвоздике или фиалок с перцем, очень свежий запах, хорошо помогает прн головной боли. Вы ие смейтесь, Наташа. Я умею различать запах льдов за полмили, и в этом иет ничего чудесного, уверяю вас. На море запахи разносятся очень далеко. Когда я еще плавал на пассажирском пароходе «Эмилия Гильберт», был такой случай: мы подходили к итальянскому порту Бриндизи. Одна пассажнрка — кстати, тоже русская н немного похожая на вас — вышла вечером на палубу, засмеялась и сказала капитану: «Как хорошо пахнет сеном!» Берегов еще не было видно. Капитан втянул добрых десять литров воздуха в свои прокуренные легкие, но ничего ие услышал, кроме запаха недавно выпитого пнва. Вся команда высыпала на палубу, июхала воздух, как стая гончих, и шутила над пассажиркой. Через два часа пароход вошел в Бриндизи — в этот порт, похожий на ярко освещенную фруктовую или цветочную лавку. Там на улицах всю ночь не стихают песни, звон гитар н шипение газированных вод. В порту мы увидели набережиые, заваленные горами прессованного сена. Мы прокрнчали «ура» в честь пассажирки н выпили за ее здоровье по стакану греиадина со льдом. То было веселое время, Наташа! Тогда я еще не знал, что такое Греиландия, ие слышал, как грохочут айсберги, и не видел трупа молодого ученого Кристенса, умершего от холода у подножия этих северных ледников...

— Расскажите о Кристенсе, — робко попросила Наташа. От отца оиа часто слышала, что лучшие люди, украшающие человечество

офицер был иагражден орденом св. Владимира 4-й степеии с мечами и бантами. Евгеиию Гернету не было тогда и двадцати двух лет...

Позже Гериет служил иа «Цесаревиче», вместе с экипажем которого в 1908 году принимал участие в спасательиых работах русского флота на острове Сицилия во время извержения вулкана Этна. В 1908 году, вынужденный из за ран и контузий, получеиных в русско-японской войне, выйти лейтеиаитом в отставку, Гериет снова поступил на службу в 1914 году в минную бригаду Черноморского флота в чиие старшего лейтенанта.

Октябрь 1917 года. Капитан II ранга, потомственный дворяиин Е. С. Гериет «созиательио переходит иа стороиу Советской власти и принимает активиое участие в организации Красиого флота» (Из письма В. А. Волошииа Г. Е. Гериет от 24.I.68 г.)*.

Гериет становится первым командиром советского эскадренного миноиосца «Калиакрия». Когда кайзеровские войска вступили в Крым и подошли к

* Влас Авксентьевич Волошин, члеи партии с мая 1917 года, в декабре того же года был избран председателем судового комитета «Калиакрии». Активный участник Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны.

своим существованием,— это полярные исследователи. С гордостью она произносила имена Нансена, Чухновского, Амундсена и Мальгрема. Страшные просторы Арктики и Антарктики, казалось, были озарены блеском их мужества, благородства и спокойной проницательности мысли. Они исчезли на целые годы в загадочных областях земли, где рождались черные штормы и снежные ураганы, жестокие морозы и сияния, зеленые, как спектр кристаллического азота. Раздавленные льдами корабли несло к угрюмому полюсу. В белых от снега каютах находили дневники погибших, и перед ними вся мировая литература казалась бесцветным вымыслом.

— Хорошо, я расскажу вам о Кристенсе,— согласился Гильмерсен, глядя, как дым папиросы заплетает комнату в голубоватые широкие сети.— Я расскажу вам о Кристенсе, но боюсь, что вы опять будете плохо спать ночью, а завтра нам надо ехать на лодочные гонки.

Наташа покраснела. Она не маленькая девчонка!..

— В смерти Кристенса не было ничего особенного,— Гильмерсен посмотрел на часы: было уже половина двенадцатого.— К двенадцати окончу... Дело было в Гренландии, и случилось так, что Кристенс отправился с тремя матросами на моторном боте к восточным ледникам. Он должен был вернуться через две недели. Прошел месяц, но никто не возвращался. Мы пошли навстречу Кристенсу, но встретили непроходимые поля айсбергов.

Двигаться вперед было бесполезно, Кристенс попал в ледяную мышеловку. Никто не ожидал такого стремительного рождения айсбергов. Мы медленно вертелись среди льдов в сплошном тумане. Сквозь туман в нескольких метрах от борта беспрерывно вспыхивали голубые стены льда. Тогда мы давали задний ход и осторожно пятились к чистой воде. Почему айсберги окутаны туманом? Первым это объяснил Норденшельд. Дело в том, что лед, тающий в соленой воде, притягивает к себе теплую воду из океана. Лед высасывает из атлантической воды все тепло, что дает ей экваториальное солнце и

Севастополю, вплотиую встал вопрос о судьбе Черноморского флота.

18 июня 1918 года, согласио приказу В. И. Леиниа о потоплеиии флота, Гериет вместе с комиссаром Волошииым и тремя другими члеиами комаиды потопил эсмииец «Калиакрия», открыв киигстоиы. Красавец «Калиакрия» пошел иа дио под сигиалом «Погибаю, ио ие сдаюсь»...

Военио-морской специалист высокой квалификации, Е. С. Гериет всецело отдавал себя революции, служению родному флоту.

В 1918 году он прибыл в Царицын, где возглавил только что сформироваиную Волжскую военную флотилию. Позднее, он командовал отрядом кораблей и траиспортов, шедших с Балтики иа Каспий, а затем был командующим Азовской флотилией.

...После окоичания гражданской войны Гериет демобилизовался и плавал на судах Совторгфлота иа Дальием Востоке. В 1927 году его комаидировали в Японию (порты Кобэ, Иокогама, Токио) для фрахта японских судов. В 1931 году Гериет с семьей вериулся из Японии в Советский Союз.

В 30-х годах жил в Леиинграде, работал в управлеиии Севморпути, был главным редактором лоций полярных морей, участвовал в экспедициях иа шхуне «Полярная звезда» и ледоколах «Сибиряков» и «Садко», читал лекции по навигации и мореходной астрономии в Гидрографическом иистиутуте. Гериет—автор-составитель «Близмеридиональных таблиц», которые вошли

теплые ветры Антильских островов. Взамен он выбрасывает в океан холодную и жгучую воду. От разницы температур рождаются туманы. Пароходы бродят в них, как слепые щенки, и нет-нет да и ткнутся носом в айсберг. Так было с «Титаником». Гренландия высовывает в Атлантический океан ледяной язык, окутанный паром. В иные годы этот язык почти касается кончиком южных широт. Так было 30 лет назад, в 1903 году. Мой отец рассказывал мне, как в этом году в Балтийском море появились киты и треска — лед сбил их с привычных мест и погнал к югу. Но это все вздор сравнительно с нашествием льдов из Атлантики. Оно длилось шесть лет — с 1892 по 1897 год. Оно началось в год моего рождения, и мой дед до самой смерти верил, что я родился под знаком Полярной звезды и погибну во льдах. Пароходное сообщение вокруг мыса Горн было прервано, муссоны Индийского океана начали дуть как попало, климат Индии претерпел жестокие потрясения. Два года шли беспрерывные дожди, и Индия заживо гнила от сырости и лихорадки, потом два года стояла засуха, земля превращалась в обожженный кирпич. Все кончилось страшным неурожаем. 500 000 квадратных миль земли не дали ни плодов, ни хлеба, ни овощей. Погиб почти весь скот. В одной Австралии пропало 100 миллионов овец. Легкие вылазки льдов из Антарктики были и позже; последняя случилась в 1926 году, когда льды снова перепутали океанские течения и едва не вызвали катастрофу, подобную той, о которой я говорил. Да, мы отвлеклись от смерти Олафа Кристенса. Он был затерт льдами, и пробиться к нему мы не могли. Мы знали, что у него мало провианта и он не может перезимовать. Мы ушли в Датскую гавань, наняли эскимосов и в конце зимы двинулись к северным ледникам на санях. Полярная ночь кончалась. От этой экспедиции у меня осталось воспоминание как о тяжелом сне или, пожалуй, смертельной болезни. Я не припомню ни одного слова, сказанного мной за это время. Я молчал. Я онемел от страшного вида полярной земли. Помню только метели, серый свет, замерзшие слезы, царапавшие до крови глаза, вой собак и ночи, внезапно разорванные от края до края огнем сияний. Во

в учебиики по мореходной астроиомии; ои разработал новый тип морских и авиационных карт для поляриых широт.

Умер Е. С. Гернет 8 августа 1943 года...

Легеидарная личиость Е. С. Гернета и его благородиая мечта пронизывают своим светом ие только повесть «Теория капитана Гериета», но и целый ряд других произведеиий Паустовского «севериого цикла». Отзвуки идей капитаиа Гериета и его личности иаходят свое отражеиие и в повести «Колхида», и в рассказе «Сораиг», и в романе «Дым отечества».

Все это свидетельствует о том, что иезаурядная личность Е. С. Гериета, как и его киига «Ледяиые лишаи», стала значительиым фактом в творческой биографии К. Г. Паустовского.

Своей повестью «Теория капитаиа Гернета» Паустовский выполиил совет Горького популяризировать иаучиую гипотезу Гериета. Однако зиачение этой киити перерастает рамки научно-популяриого жаира. «Теория капитаиа Гернета» вместе с тем оригинальиое произведеиие большого мастера прозы, одна из любопытиых страниц литературиого иаследия К. Г. Паустовского.

Фаина Макарова

время экспедиции за Кристенсом я в первый раз ощутил всем существом, всем мозгом, каждым нервом тела ненависть к этим никому ие нужным и злым областям земли. Я иеиавижу Север, Наташа, мой ум не может примириться с этим склепом, мы должны уничтожить проклятый ледяной лишай, разъедающий землю!..

На сороковой день мы увидели на берегу шест с обрывком фуфайки вместо флага, а на сорок первый день нашли мертвого Кристенса. Он лежал под перевернутым моторным ботом. Матросов не было. Около бота были видны их свежие следы. Они тянулись на запад, к утесу Флота. Я думал, что матросы ушли иедавно. Но потом из дневника Крнстенса мы узнали, что они покинули его пять месяцев назад. Следы на Севере, если нет сиега, сохраняются десятки лет.

Мы осторожно подняли Крнстенса. Он показался очеиь легким н даже как будто звенел от толчков. Я помню его белое лицо, прекрасное лицо, обросшее серебряной бородой. Мы похоронили Кристенса в снегу. За сорок дней я первый раз снял шапку, и волосы мои превратились в клубок обледенелых ниток. Дул северный ветер, над Гренландией висела темнота. Мы воткнули в могнлу старые лыжи н прибили к ним дощечку, на ней вырезали иадпись: «Олафу Кристенсу, геологу, датчанину, 28 лет. Мы поймаем солнце в капкан н заставим его дышать на полюс, покуда он не растает». Это строки из стихов одного забытого американского поэта.

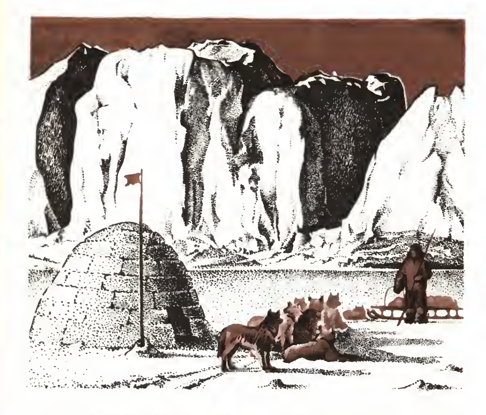
В куртке Кристенса мы нашли дневник. Из этого дневника я узиал, что лед давит на Гренландию с силой девятьсот тонн на каждый квадратный сантиметр. Чудовищная штука, не правда ли? От давления в нижних слоях льда развивается теплота, температура подымается почти до нуля, лед делается пластичным, подобно воску, и ползет к берегам. Лед втискивает Гренландию в море — каждый год она погружается в океан на полсантиметра.

Тогда я еще был простачком в этом деле, у меня ие было зианий материкового льда, н все это меня страшно поражало. Задним числом начал читать о Гренландии и открыл ее для себя, как для всего человечества ее открыл в X веке нсландский морской бродяга Эйрик Рыжий. Он иазвал ее Грёнланд, а это по-нашему значит «зеленая страиа»,— очевидно, в то время берега Гренландии были покрыты лесами. В XV веке леса нсчезли, а колонисты-иорвежцы вымерли. Это объясняют тем, что климат страны делался все более суровым.

Вислоухий щенок подобрался к туфле Гильмерсена и, обняв ее лапами, грыз, как кость. Гильмерсен поднял его за шиворот. Щенок зарычал.

— Вот,— Гильмерсен подул щенку в нос,— друг человека во льдах.— Друг человека взвнзгнул, заюлил хвостом и попросил прощения. Гильмерсен засунул его ногой под диван.

— Вся Гренландия окружена мысами н островамн, названными имеиами ее нсследователей. Карта Гренландии похожа на веиок из прекрасных имеи — лучшие люди тратили молодость на нзучение этой неприветливой земли. Стоит только прнпомнить Баффииа, Росса, Грили, Коха, Нансена, Пири, наконец, Эриксена. Это только десятая часть отчаянных людей, проиикших туда. Я узнал миогое и с тех пор уже не чувствую такой ненавнсти к Гренландин, как раньше. Времеиами мне даже хочется опять попасть туда и посмотреть в

глаза эскимосов, желтые, как рыбья желчь. В Гренландии и у стариков, и у грудных младенцев глаза одинаково старческие. Эскимосы вымирают от водки, туберкулеза и бедности: норвежские зверобои перебили всех китов и тюленей и ничего не оставили на долю эскимосов. Гильмерсен тихо запел:

Киты ушли, винчестеры ржавеют.
В Упернавике соли не достать.
Гренландия от голода седеет,
Как ты, старуха мать.

— Как ты, старуха мать,— повторил он и задумался.— Эту песенку сочинил мой друг Торн. Я потерял его из виду, но мне кажется, что мы еще встретимся. Торн был смелый и веселый парень, хотя все считали его болтливым и легкомысленным. Одно дело в городе, другое дело во льдах. Городская репутация притащилась за Торном в Гренландию, и он никак не мог ее от себя оторвать. Даже на страшной земле Пири товарищи Торна — американцы — учили его жить и возмущались его склонностью к выдумкам. Между тем Торн единственный из них вызвался идти к утесу Флота искать Кристенса. Так-то, милая моя Наташа! Не судите о людях по степени серьезности их отношения к жизни...

Спать легли поздно. Гильмерсен лег за перегородкой. Он долго и глухо говорил во сне. Наташа слышала, как вислоухий щенок снова

грыз туфли Гильмерсена, но боялась прогнать щенка, чтобы не разбудить Гильмерсена. Всю ночь она не спала. Она смотрела в окна, где луна висела в далеком небе, и тихо плакала, вспоминая рассказ Гильмерсена, недаром Северцев говорил, что у Наташи глаза на мокром месте и это очень стыдно для комсомолки. Но что же делать, если мужество людей подчас вызывает слезы. Стыдиться их или нет? Наташа стыдилась своих слез и прятала лицо в подушку, так в былое время глупые девочки плакали над романами Тургенева.

3. Листва магнолий

Солнечный воздух стоял во дворах, как налитая до краев золотистая жидкость. Случаются дни, когда Ленинград кажется столицей южной и теплой страны, когда мостовые пахнут морем.

— Солнце, великое солнце,— оглушительно крикнул в своей квартире Леонид Михельсон,— божественный Ра-Озирис!

— Ну, начинается,— пробормотал Баклунов. Он брился и, вздрогнув от крика, едва не порезался.

В мыльной пене сверкали радуги. Пена медленно оседала, разбрызгивая тончайший дождь синих брызг.

Михельсон выглянул в окно — двор до самой крыши был наполнен светлым туманом.

— Я в этот мир пришел, чтоб видеть солнце,— снова крикнул Михельсон и приветственно помахал рукой Баклунову,— а если свет погас, я буду петь о солнце в предсмертный час!

Наташе в это утро все казалось необыкновенным. Чайный стол переливался огнями, как маленькая солнечная система. Сахар отливал синевой, как чисто выбритые щеки Гильмерсена, ветер гонял по скатерти яркие бумажки от конфет, и шторы на окнах раздувались подобно парусам в полный ветер. Снизу залетали озорные гудки автомобилей и плеск воды.

«Сегодня лодочные гонки» — эти три слова приводили Наташу в состояние необузданной радости. Она схватила Баклунова за руки и закружила по комнате, поцеловала щенка в белое пятно на спине и положила Гильмерсену в чай три столовые ложки варенья. Гильмерсен пил и строил страшные рожи.

Гонки начались в четыре часа. Бронзовый день горел над Ленинградом, как неожиданный подарок тропических стран. Черный разлив садов затопил берега, и Баклунову почудилось, что в этих садах цветут не липы, а магнолии. Он вспомнил юг. Он говорил Гильмерсену, что перед ледниковым периодом, в эпоху миоцена — последнюю жаркую эпоху в жизни нашей земли, по берегам Балтийского моря росли вечнозеленые магнолии, мамонтовые деревья, платаны и виноградные лозы. Наташа слушала плохо. В это время начались гонка одиночных гичек, и ленинградцы сразу отстали — их перегоняла гичка из Петрозаводска. Ее вела загорелая девушка. Леонид Михельсон волновался: с этой девушкой он был знаком по Карелии. Наташа заглянула в программу и прочла: «Гичка Карельского Ослава, Петрозаводск. Гребец Елена Мижуева». Она впилась глазами в Мижуеву. Наташу мучила легкая зависть. Гичка легко вырвалась вперед, и ленинградцы шли позади в пене низких разбегающихся волн. Движения Мижуевой напоминали спокойные,

хотя и стремительные взмахи крыльев. Наташа видела издали ее блестящие зубы.

— Она смеется, как девушка на плакате,— сказал Михельсон.— После гонки я ее притащу к нам.

Баклунов рассказывал Гильмерсену и Северцеву о миоцене, Северцев слушал насмешливо и невнимательно — по поводу всех научных теорий у него было особое мнение.

Баклунов говорил, рассеянно поглядывая на реку, где отражались в воде пестрые флаги. От этого казалось, что река покрыта громадными разноцветными листьями.

— Георг, ты зимовал на Гриннеллевой земле. Ты, конечно, знаешь, что это самое холодное место на земном шаре. Там средняя годовая температура опускается до 20 градусов мороза. Так вот, на этой Гринеллевой земле капитан Фельден — натуралист английской полярной экспедиции — нашел остатки миоценовых растений. Сейчас такие растения можно найти только на юге Соединенных Штатов. Фельден нашел еще пихту, сосну, липу, тополь, орешник и калину. Эти деревья и кустарники могут расти в тех странах, где средняя годовая температура равна восьми градусам тепла. Я уверен, что сейчас ты не видел на Гринеллевой земле даже самых обыкновенных лишаев. Верно? На Шпицбергене в эпоху миоцена были непроходимые леса из сосен, дуба, елей, пихты и даже кипарисов. Там цвела магнолия с вечнозелеными листьями и громадными душистыми цветами. Там цвел конский каштан. Этим тебя не удивишь, ведь ты не был на Шпицбергене. Ладно, будем говорить о Гренландии. В миоцен в твоей любимой Гренландии существовал такой же климат и такая же растительность, как на курорте Монтрё на берегу Женевского озера. Наукой точно установлено, что в те времена во всей полярной области господствовал очень теплый климат. Арктика тонула в океане разнообразных девственных лесов, в океане цветов и запахов. Пожалуй, теперешние тропики не могут похвастаться такой пышной флорой.

— Что произошло дальше? — спросил Северцев.

— Дальше началась чепуха. С севера надвинулись льды, климат резко ухудшился. Европа очутилась под ледяным панцирем и снегом. Начался ледниковый период. Он прошел, но к климату миоцена земля не вернулась. Почему? Очень просто — потому, что в Арктике остался гигантский ледяной лишай. Он дышит холодом на Европу, на Азию, на Северную Америку. Если бы этот лишай исчез, мы снова увидели бы золотой век миоцена. Но дело не только в этом. Дело в том, что ледяной период приближается вновь. Вот что паршиво, дорогие товарищи.

Аплодисменты и топанье ног прервали Баклунова — петрозаводская гичка пришла к финишу первой.

Баклунов выждал, пока шум утих, и добавил:

— Итак, задача осложняется. Необходимо не только уничтожить полярный ледяной лишай, но и предотвратить новое нашествие льдов. А для этого нужно прежде всего точно установить причины образования материкового льда...

Северцев пожал плечами. Пятидесятилетний седой капитан занимается вздором. Что это? Глупость или старческий бред? По мнению Северцева, Баклунов был вполне нормальным человеком, но Северцев знал, что нет такого вполне здорового человека, который бы не

увлекался втайне вздором. Шопенгауэр, как говорят, вышивал крестиками, а Лев Толстой считал себя талантливым конькобежцем, хотя катался на коньках отвратительно. В лучшем случае идеи Баклунова можно было расценивать как фантазию. Эта мысль Северцева не встречала сочувствия ни у Михельсона, ни у Тузенбуха.

Возражения Михельсона Северцев называл пустяковыми, но они его злили. Михельсон утверждал так же, как Баклунов, что ледниковый период возник не потому, что климат земли изменился и стал холоднее, а был вызван какой-то еще не раскрытой случайностью. Если бы не эта случайность, жаркий миоценовый климат до сих пор господствовал бы в северном полушарии. Похолодание не было причиной нашествия льдов, напротив, оно было вызвано этим нашествием. Откуда же взялся лед? Этого никто не мог объяснить.

Михельсон доказывал, что нет ничего невероятного в том, что человечество, разгадав причину рождения льдов, устранит ее и превратит полярные страны в цветущие области земли. Эти страны получают очень много тепла, и его вполне достаточно, чтобы поддерживать теплый и ровный климат.

— Вы странный тип,— говорил Михельсон Северцеву.— Вы мракобес. Из средневековой алхимии родилась химия, из дощатых крыльев какого-то мужичка, прыгнувшего при Иване Грозном с кремлевской колокольни, родился планер и аэроплан, а идея Баклунова может вызвать в будущем полный переворот в науке о климате земного шара.

У Северцева болела голова от этих разговоров. Закрыв глаза, он слушал гул и гудки речных трамваев. Когда через минуту он открыл глаза, день был налит такой синевой, что Северцев зажмурился.

Около Баклунова стояли победительница в гонках гичек и Михельсон. Ее спортивный костюм и темное тело были забрызганы речной водой,— тело было такого цвета, что казалось, эта девушка всю жизнь только и делала, что гребла на гичке и бегала под солнцем.

Победительница разговаривала с Наташей, и Северцев увидел ее глаза, блестевшие не то от гнева, не то от возбуждения. Потом она быстро побежала переодеваться.

— Мне очень знакомо это чувство победы,— сказал Баклунов, продолжая, очевидно, разговор, начатый при победительнице. Северцев взглянул вокруг и впервые в жизни внезапно испытал то чувство, о каком говорил сейчас Баклунов,— испытал не за себя, а за эту смуглую и сдержанную девушку.

Победа! Он провел рукой по лбу, ему почудилось, что он видит все во сне: знамена облаков, тяжелый блеск заката в листве, похожей на листву магнолий, красные флаги на мачтах, удары весел, непрерывный смех, переливавшийся через широкие ступени стадиона. Со стороны большой Невы летела напряженная и торжественная дрожь пароходных гудков, как будто капитаны, сговорившись, нажали одновременно педаль могучего органа.

— Вот это здорово!— пробормотал Северцев. Он увидел резкий профиль Баклунова с седыми висками и вдруг поверил в невозможное — в то, что Баклунов прав и здесь, в Ленинграде, в Советском Союзе, впервые в мире зародилась безумная и смелая мысль об уничтожении арктических льдов.

«Чудесный Баклунов,— подумал Северцев.— Ах, какой милый чудак!»

Вечером победительницу, Лену Мижуеву, чествовали в комнате Баклунова. Гильмерсен показал столько веселых матросских номеров, что даже Баклунов, знавший его чуть не с детства, был поражен. Началось с пустяка: Гильмерсен брал нераскупоренные консервные банки и запускал их среди пола волчком с чудовищной скоростью. Он швырял одну банку за другой, и в комнате не затихал ровный и глухой гул, как будто работал исполинский агрегат. После этого Гильмерсен забил стеклянным бокалом гвоздь в стену по самую шляпку и, наконец, протанцевал знаменитый танец с парусом. Парус заменяла скатерть. Она все время летала под потолком, и Гильмерсен ловкими ударами не давал ей падать на пол. Наташа хохотала, Лена Мижуева смотрела с веселым изумлением. Гильмерсен зацепил стакан. Он лопнул и разлетелся мелкими осколками, и в каждом осколке сияли отблески электрических лампочек. Лампы качались, как фонари на улицах в ветреный вечер.

— Шторм!— прокричал Гильмерсен, и действительно шум танца и ветер, дувший в лицо, напоминали бурю на море: скатерть свистела и стреляла, а непрерывный стук каблуков Гильмерсена вызывал впечатление ливня, барабанящего по палубе.

— Неистовый датчанин,— бормотал Северцев. И этого человека он мог принять за доктора — специалиста по профилактике. Этого отчаянного весельчака и полярного штурмана, упоминающего о Баффиновом проливе, как мы упоминаем о Невском проспекте! Вот уж действительно нельзя судить о людях по степени серьезности их отношения к жизни...

4. Вечера в Петергофе

После лодочных гонок Северцев усиленно занялся изучением геологии и ледникового периода. Но все, на что он наталкивался, не утешало его. Сознание своей полной беспомощности перед космическими законами, вызвавшими нашествие льдов, приводило в ярость. Тогда Северцев ругал себя идиотом и смеялся — что ему за дело до льдов, которые покроют Европу через несколько тысячелетий. Что за чепуха! На наш век солнца хватит. Он шел со своими сомнениями к Баклунову, но уходил от него еще более раздосадованным.

— Прекрасно,— говорил Баклунов,— я согласен с вами, что заботиться о поколениях, которые появятся на свет через десятки тысячелетий, по меньшей мере, глупо. Но поймите, что я думаю не об этом. Я думаю о том, что уничтожение льдов вернет нам миоценовый климат, и этот возврат исчисляется не тысячами, а, может быть, только десятками лет. Считайте меня выдумщиком, чудаком, маньяком — кем хотите. Но мысль, что вместо ледяного Баренцева моря у берегов Мурмана будет плескаться теплая средиземноморская вода, меня волнует не меньше, чем мысль о сегодняшнем дне. Мы должны вызвать наружу скрытые силы земли. Мое фантазерство? Это вера в величайшие возможности человеческого разума. Раз мы дошли до расщепления атомов, то нет ничего нелепого в том, что мы будем работать над вопросом об изменении климата Арктики. Необходимо тщательно изучать дело и не опускать рук. Тем более что нас никто не гонит в шею.

— Это болезнь,— отвечал Северцев.— Дайте мне лекарство, чтобы избавиться от этих дурацких мыслей и не тратить время на *бесплодную работу*.

Баклунов предлагал Северцеву почитать рассказы Зощенко. Северцев сердился и уходил.

Ясные дни сменялись дождем. Он моросил с теплого неба и покрывал город бесцветным лаком — дома и набережные блестели, как клеенчатые плащи милиционеров. Легкий ветер рябил воду на Неве, и на улицах вблизи порта лежал дым из пароходных труб. Этот дым всегда вызывал у Гильмерсена жажду путешествий. Он решил уезжать, кстати, отпуск его кончался.

Баклунов с Наташей и Северцев провожали Гильмерсена. Северцев долго смотрел на мутную воду. Она плескалась около черных железных бортов парохода, и он думал, что эти борта мыли холодные и теплые волны всех морей, что он завидует Гильмерсену и что жизнь хороша.

Через несколько месяцев Северцев уехал в дом отдыха в Петергоф. Там он снова встретил Мижуеву. Эта встреча его обрадовала: он никак не мог забыть странное и подымающее чувство победы, охватившее его на лодочных гонках.

Как нарочно, несмотря на июнь, наступили холода. От Кронштадта наносило дожди. Волны катили к плоским берегам грязную пену. Парк опустел, одни только мороженщики зябли в киосках, и фонтаны били, сбрасывая в море стеклянные скатерти желтоватой воды. Золоченые статуи и розовый дворец казались освещенными солнцем, хотя никакого солнца не было.

Все последнее время Северцев думал о необходимости поговорить с настоящим геологом. Надо было наконец рассеять дурман, внушенный Баклуновым, и освободиться от постоянных размышлений о льдах. Какова же была радость Северцева, когда он встретил в Петергофе молодого геолога, только что вернувшегося с Новой Земли! Это был очень молчаливый человек со смеющимися глазами. Говорил он мало и коротко.

Во время одной из лодочных прогулок Северцев рассказал геологу о Баклунове и его фантастических надеждах уничтожить полярные льды. Геолог улыбнулся. Северцев жадно смотрел ему в лицо, надеясь наконец услышать успокоительные слова, что все это вздор, недостойный серьезных людей.

— Я боюсь назвать мысли вашего капитана утопией,— ответил геолог.— Наоборот, это очень интересно, но я не знаю, чем этот капитан объясняет возникновение ледникового периода. А в этом все дело. Зная причину, мы всегда будем в состоянии сказать, сможем ли мы ее устранить или нет. До сих пор причина нашествия льдов неизвестна. Было лишь много догадок, но все они страдают большим пороком. Я могу вкратце рассказать вам о них, но прежде всего нужно точно уяснить себе, как образуются материковые льды. Представьте себе, что вот здесь, под Ленинградом, в одну из зим выпало столько снега, что он не успел за лето стаять. Представьте себе, что год за годом случится одно и то же. Снежный покров будет непрерывно расти, верхний слой снега будет давить на нижний, превращать его сначала в фирн, потом в крупнозернистый лед и, наконец, в чистый, ярко-голубой материковый лед. Вот и все. Следовательно, для образования материкового льда необходим

обильный снегопад, то есть усиленная влажность воздуха и холода, которые бы не давали снегу стаивать за лето. Два этих фактора — запомните, климатических фактора — совершенно необходимы для образования материковых льдов, или, как принято у нас говорить, если льды захватывают большую площадь, материковых оледенений. Какой отсюда вывод? Вполне естественный: в ледниковую эпоху на земле было гораздо холоднее, чем сейчас, и, кроме того, влажность воздуха была значительно выше. Вот теперь-то нам и надо доискаться причины этих двух явлений.

Лена бросила весла. Серый вечер, чуть сбрызнутый дождем, неподвижно лежал над морем. Было странно, что море пахнет мокрыми липами, сырым песком и только очень немного — рыбой. Лена откинула со лба волосы и улыбнулась.

Разговоры ученых казались ей увлекательными сказками, как и вся жизнь, — за это ее постоянно ругали подруги, но что она могла поделать с собой, если каждый день жизнь со всей своей закономерностью производила на нее впечатление интереснейшего рассказа! В этом было ее счастье. Это свойство Лены объяснялось неистовой жаждой жизни. Лена выжимала из каждого дня, из каждой книги, из каждого человека всю его сущность, но самое удивительное было в том, что на следующий день все снова наполнялось не менее ценным и столь же заманчивым содержанием. Подруги-комсомолки говорили, что она слишком много берет от жизни, но Лена сознавала, что она дает жизни и окружающим не меньше, чем берет. Она была в этом уверена, хотя многого не знала — она не знала хотя бы, что дала Северцеву случай разделить с ней чувство победы, что Наташа вступила в гребную команду, что Гильмерсен ради нее протанцевал танец с парусом так, как никогда еще не танцевал в жизни, что люди, встречаясь с ней, ощущали непонятную легкость сердца, свежесть мысли и чувств. Она откинула со лба волосы, улыбнулась и снова взялась за весла.

— Хорошо, — сказал геолог Северцеву, — я изложу вам очень коротко все гипотезы о причинах ледникового периода, и вы увидите, как много еще в этом деле темных мест.

Сначала думали, что нашествие льдов связано с постепенным охлаждением земли. Но если это верно, то почему же льды растаяли? Кроме того, сейчас совершенно точно установлено, что внутренняя теплота земли не оказывает никакого влияния на климат. Тогда возникло предположение, что в доледниковую эпоху лучи солнца были гораздо жарче, чем теперь. Если допустить эту мысль, то мы придем к совершенно неизбежному выводу, что в палеозойскую, скажем, эру на земле была чудовищно высокая температура, уничтожавшая всякую возможность органической жизни. Мы же прекрасно знаем, что тогда существовала богатая органическая жизнь. Значит, и эта гипотеза отпадает.

Теперь перейдем к третьей догадке. Говорят, что до ледникового периода земля и вообще вся наша солнечная система проходила более теплые части мирового пространства. Откуда в этом пространстве может появиться теплота? Конечно, только от какой-либо другой солнечной системы, и, чтобы попасть в эту теплую зону, наша солнечная система неизбежно должна была подвергнуться силе притяжения этой системы. Не могла же она войти в сферу тяготения столь мощной чужой системы и безнаказанно из нее выйти! Это во

всяком случае грозило катаклизмами, так называемым возмущением планет, сходом их с обычных орбит, вообще мировой катастрофой. История земли не дает нам никаких признаков, которые бы на это указывали. Так что и эту теорию мы отбросим. Я сейчас перейду к более серьезным гипотезам, а из несерьезных остановлюсь на одной, связанной с Гольфштремом. Полагают, что движение льдов на Европу было вызвано тем, что Гольфштрем повернул на юг и ушел в Тихий океан. Он ушел через ворота между Северной и Южной Америкой, где сейчас лежит Панамский перешеек. Но оказывается, что в ледниковый период этот перешеек уже существовал. Вы замечаете, как беспощадно наука разоблачает все попытки объяснить нашествие льдов. Вот поэтому-то у многих геологов и создалось совершенно твердое убеждение, что льды появились в силу какой-то случайности, какой-то ненормальности в жизни земли и, если бы не эта случайность, мы до сих пор жили бы в чудесном климате миоцена...

Стало темно. Лена повернула лодку к пристани. На берегу горел костер, рыбаки перебирали сети и играли в карты, ожидали полуночи, чтобы выйти в море за салакой. В черных кущах садов шуршали, падая с листьев на листья, крупные капли дождя. Шли очень быстро, торопились к ужину. Лена шла впереди, и за ней оставался легкий ветер — в этом ветре Северцев слышал запах свежести, морской влаги, пропитавшей платье и волосы Лены, загорелых рук — запах молодости и ночи. Фонтаны молчали, йодистый запах тины доносился из бассейнов, где сочилась черная вода.

На следующий день выглянуло солнце. Залив чуть плескался у берега в тонком голубоватом дыму. Опять весь день Северцев, геолог и Лена провели вместе. Геолог окончил свой обзор ледниковых гипотез, но это не принесло никакого облегчения Северцеву.

Сначала Северцев ухватился за теорию о перемещении полюсов земли. Может быть, ледниковый период действительно вызван тем, что Северный полюс, по новейшим научным данным, проделал сложный путь из Тихого океана в Гренландию, а оттуда на свое теперешнее место. Но тогда совершенно необъяснимым оставался тот факт, что остатки миоценовых растений лежат узким кольцом вокруг нынешнего полюса, берут его в тиски, оставляют полюсу слишком небольшое место. Значит, в миоцен полюс был на его теперешнем месте и почти вплотную к нему подходили леса. Говорят, что в миоцен полюс был в Гренландии, но почему именно в этот же самый миоцен Гренландия была покрыта густыми тропическими лесами? Возможно ли, чтобы на полюсе росли такие леса? Конечно, нет. Северцев долго ломал над этим голову, но так ничего и не решил. Потом выяснилось из слов геолога, что следы материкового оледенения были найдены не только в Северной Америке и Европе, но и под экватором. Положение окончательно запутывалось. Если оледенение зависело от полюса, то каким образом мог образоваться материковый лед в Африке? С другой стороны, ледниковый период не был непрерывным — он несколько раз сменялся короткими теплыми периодами,— нельзя же было всерьез думать, что в эти периоды полюс делал стремительные скачки. Теорию перемещения полюсов пришлось оставить.

В запасе у геолога оставалось еще три теории, их он считал наиболее вероятными. Первая называлась теорией эксцентриситета.

Объясняя ее Лене, геолог начертил на песке около фонтанов земную орбиту в виде эллнпса. Дело оказалось не таким страшным, как сразу подумала Лена. Она впервые узнала, что орбита земли способна меняться: эллипс то вытягивается, то сокращается, прнблнжаясь по своей форме к кругу. Когда эллнпс удлиняется, земля уходит значительно дальше от солнца, чем если бы она вращалась по кругу. Этого вполне достаточно, чтобы вызвать значительное охлаждеиие климата. Точно нзвестно, что земная орбита дважды бывала очень вытянутой — первый раз за 2 500 000 лет до нашей эры н второй раз за 240 000 лет. Второе удлннение продолжалось 160 000 лет н окончилось за 80 000 лет до нашей эры. Но в геологнческнх пластах, совпадающнх с временем этого последнего удлинения эллипса, никаких следов оледенения не нашли. Рушилась н эта теория. Тогда геолог выдвинул очень заманчивую теорню солнечной радиации. Самое названне «солнечная радиацня» содержало в себе что-то новое н прнвлекательное...

Снова наступил вечер. Лене почему-то казалось, что раднацня похожа на свечение, флуоресценцию, вообще на зеленоватый магический свет, что нногда возннкает по ночам над морем. Из Оранненбаума шел в Леннннград пассажирский пароход, в темноте его почти не было видно, над залнвом медленно плылн яркне пароходные огни. Отражения огней доходили до берега н разбнвались в полосе медленного прибоя. Свет звезд тоже казался радиацией, так же как и чуть заметное голубое зарево над Леннннградом.

— Теорню солнечной раднации обосновал американский ученый Симпсон. По его мненню, изменение клнмата на земле зависит от увелнчения или уменьшения этой радиацни. Уменьшение солнечной радиации должно вызвать на земном шаре уменьшенне осадков н облачности. В эти перноды над всей землей простирается ясное н холодное небо. Лед медленно стаивает, и земля освобождается от ледяного покрова. При увеличении солнечной радиацнн пронсходит совершенно обратное: теплота вызывает сильную влажность воздуха, осадкн увеличнваются, выпадает глубокнй снег, небо все время затянуто облакамн. От обилия снега начинается мощное нарастание льдов. Получается на первый взгляд довольно дикая картина — избыток теплоты вызывает рожденне льдов н наступленне ледникового периода. Но это, к сожалению, так.

В дальнейшем увелнчение радиации прнводит к усиленному летнему таянию снегов и исчезновеиию ледяного покрова.

Вывод из теорни Снмпсона совершенно ясен: леднnковый период совпадает с началом усиления солнечной радиации. В разгар увеличения радиации, так же как и в перноды ее уменьшения, материковый лед стаивает.

В этой теории есть одна любопытная подробность. Думалн лн вы над тем, почему не леденела Сибирь? Лед покрыл Северную Европу н Америку, Снбирь же осталась нетронутой. Если принять теорию Снмпсона, то все разъясняется. Увелнченне солнечной раднации вызывает обильные осадки, в частности снег. Это явленне с особой силой сказывается в странах, лежащнх вблизи океанов и морей, поэтому-то ледники начали двигаться из Гренландин. В Снбнри с ее континентальным климатом, с ее громадным сухопутьем даже увелнчение солнечной радиации не могло вызвать обильных осадков. Северцев готов был принять теорню Снмпсона, освобождавшую его

от назойливых мыслей о борьбе со льдами. Человек не в силах изменить количество солнечной радиации — значит, баста! Ничего поделать нельзя, и нужно примириться с неизбежным. Это было тем более легко, что от ужасающей неизбежности Северцева отделяли тысячелетия. Можно прекрасно прожить и без миоценового климата! Почему Баклунову обязательно понадобились эвкалипты в Шлиссельбурге и магнолии в Повенце? Что за ребяческие мечты об апельсинах в Летнем саду и лимонах в Петрозаводске?

Когда геолог рассказал о последней теории, связанной с опусканием и подъемом материков, Северцев окончательно успокоился. Откровенно говоря, никакой теории не было. Был только факт — с временем ледникового периода совпадало поднятие и опускание материков. Факт этот ничего не объяснял, и никаких выводов из него геолог не делал. Когда все теории были исчерпаны, Северцев обозлился и произнес обвинительную речь против Баклунова: «Есть беспокойные старики. Они встают в пять часов утра и никому не дают выспаться. Они выдумывают головоломные задачи и заражают всех суетой и торопливостью. От них надо бежать без оглядки. Иначе они затащат вас в такие дебри, что вы вывихнете себе мозги. Вот и Баклунов — увидел бараньи лбы и морены на берегах Онежского озера, и сейчас же у него в голове завертелись шарики. Какой ужас пережила земля! Этот ужас надвигается на нас снова! Долой ледниковый период, да здравствует миоцен! С космическими законами эти старики обращаются, как с собственным примусом — их развинчивают на части, заглядывают внутрь и думают, нельзя ли их как-нибудь изменить, чтобы человечеству жилось лучше. Формальный бред! И это называется громким именем — пытливость человеческого ума!»

Горячность Северцева нисколько не испугала геолога. Он внимательно выслушал обличительную речь и как бы невзначай заметил, что всякая попытка решить задачу о ледниковом периоде благородна и заслуживает пристального внимания. Никто не думает менять космические законы, но бороться с их некоторыми последствиями человечество может!..

На следующий день утром Северцев получил загадочную телеграмму:

«Нас обставили. Привет победительнице. Баклунов».

Сначала Северцев ничего не понял. Потом он решил, что телеграф напутал. Очевидно, Баклунов сообщал — «нас ограбили». Днем он поехал в город. Всю дорогу стоял в тамбуре, курил и с тревогой думал, что из всех пассажиров только он один обворован.

5. Зависть

Когда Северцев сошел с трамвая и поднялся на седьмой этаж, там было тихо. Он открыл английским ключом свою квартиру, заранее ужасаясь взломанным ящикам и перерытым чемоданам, но в квартире было тихо, прохладно и пыльно. Все вещи стояли на своих местах. «Что за шутки!» — сказал Северцев, но тревога его от вида никем не тронутой квартиры еще усилилась. Он пошел к Баклунову. Капитан сидел на диване в густых облаках табачного дыма, сквозь дым блестели его спокойные глаза.

— Кого ограбили? — спросил Северцев.

Капитан
Евгений Сергеевич Гернет

— Кого? — спросил в свою очередь Баклунов.

— Вы послали мне телеграмму об этом.

Баклунов сел на диван и устало засмеялся. Нет ничего хуже, когда при вас человек смеется от неизвестной причины. Это бесит. Северцев пожал плечами, сел и демонстративно потянул к себе газету — он ждал, когда Баклунов кончит.

— Не ограбили, а обставили, — сказал наконец Баклунов. — На телеграфе перепутали. Я вам телеграфировал: «Нас обставили». Обставили, как мальчишек. И обставил свой же брат — капитан дальнего плавания Гернет.

Северцев догадался, что дело, очевидно, относится к ледниковой эпохе. Неужели этот капитан решил так долго мучившую его загадку? Северцев тотчас забыл о своем отвращении к ледниковым теориям и обличительной речи против Баклунова. «Если Гернет разгадал полярный ребус, — думал Северцев, — то... нет, это невозможно».

Баклунов протянул ему тоненькую книгу в 120 страниц. Она была издана в Японии, в Токио, но на русском языке. Переплет ее был сизого цвета, как зимний горизонт. На книге стояли рядом два названия: русское — «Ледяные лишаи» и английское — «The ice lichens».

— Кто автор?—спросил прежде всего Северцев. Баклунов ему не ответил. Северцев взял книгу и прочел вслух: «Капитан дальнего плавания Е. С. Гернет».

Внизу он заметил подзаголовок: «Новая ледниковая теория, общедоступно изложенная».

— Черт возьми, оказывается, эти вещи можно даже излагать вполне общедоступно,— пробормотал он и отложил книгу.

Баклунов насмешливо улыбнулся:

— Гернет поистине с гениальной простотой объяснил происхождение ледниковой эпохи. Но этого мало. Он указал даже способы, как вернуть землю к миоценовому климату. Каково! В них нет ничего фантастического. Все просто, как свечка.

— Для вас все просто,— огрызнулся Северцев.

Баклунов перестал улыбаться. Спокойствие его было наигранным. Он бился над загадкой ледниковой эпохи несколько лет, но, как это часто случается, где-то в Японии старый капитан — морской агент СССР — думал над тем же. И решил задачу. А Баклунов опоздал. Казалось бы, открытие Гернета должно было его успокоить, но случилось как раз обратное. Баклунов чувствовал горечь и стыд. Если бы телеграф действительно напутал и вместо «обставили» передал «ограбили», то это слово совершенно точно передало бы настроение Баклунова. Он чувствовал себя ограбленным или, вернее, пассажиром, опоздавшим на несколько секунд к поезду, отходящему только раз в жизни. Об этом настроении Баклунова догадывалась одна лишь Наташа: отец перестал напевать, много курил и часами просиживал на диване, тяжело упираясь ладонями в жесткое сиденье. Думать в таком неудобном положении было невозможно, и Наташа поняла, что отец не думает, а попросту подавлен. Баклунов был не только подавлен, но и раздражен, как человек, у которого вырвали из рук только что начатую увлекательную книгу. Поступок Гернета казался почему-то грубым и несносным, как будто этот боевой капитан, бывший командующий Азовской красной флотилией, сделал свое открытие назло Баклунову.

Поэтому сомнения Северцева втайне обрадовали Баклунова. Оба решили этим же вечером подвергнуть книгу Гернета самой убийственной критике. Они утешали себя мыслью, что это необходимо. Слишком велико открытие, чтобы принять его на веру. Надлежало расковырять теорию Гернета и найти плохо завязанный узел. Стоило дернуть за него, и вся теория рассыплется, как карточный домик.

Но Гернет оказался хитрее. Он связал свою теорию железными морскими узлами со спокойствием и опытностью старого капитана. К тому же эти узлы были пропитаны словно морской водой до крайности простыми и всем понятными предпосылками. А морской узел, набухший в соленой воде, невозможно прострелить даже пулей.

Вечером дождь усилился. Свет ламп, как всегда во время дождя, стал желтым и уютным. Баклунов представил себе холодный дождь, сыплющийся на всю Ленинградскую область, на всю Россию, и поежился: в последние дни ему в голову приходили неприятные и раздражающие мысли. Он сжал голову руками и поморщился. Так он просидел два часа, дожидаясь Северцева, но Северцев все не приходил.

Капитан Дальнего Плавания

Е. С. ГЕРНЕТ.

ЛЕДЯНЫЕ
ЛИШАИ.

(Новая ледниковая теория,
общедоступно изложенная.)

1930 год.
ТОКИО.

Capt. E. S. GERNET
"The ice lichens."

Титульный лист книги Е. С. Гернета «Ледяные лишаи»

Потом он услышал шум в передней — пришла Наташа. Она вошла в комнату, и Баклунов, не оглядываясь, почувствовал запах сырой листвы от ее свежего платья. К его щеке прижалась горячая щека и легкие пряди мокрых волос, и он, как во сне, услышал голос Наташи.

Баклунов вздрогнул. Никогда еще Наташа не говорила с ним так, как сейчас.

— Папа! — тихо сказала Наташа.— Папа, тебе очень тяжело, что это сделал он, а не ты?

Баклунов кивнул головой.

— Брось,— сказала Наташа, и в голосе ее послышался смех.— Я бы радовалась, а ты сердишься. Как нехорошо! Ты же никогда в жизни никому не завидовал, ты и меня отучал от зависти. Я тебя не узнаю,— еще тише сказала Наташа.— Было так хорошо, и вдруг... Ты сидишь целыми днями на диване и куришь без конца. Я бы иначе поступила. Я бы написала этому Гернету хорошее письмо, поблагодарила его за то, что он не побоялся додумать до конца и решить такую трудную вещь. Я была бы на твоем месте счастлива.

— Ты думаешь? — спросил Баклунов и вздохнул.

Наташа поцеловала его в седой висок.

Баклунов встал. Ему трудно было признаться перед дочерью в своей слабости.

— Ты права, девочка,— он смущенно улыбнулся.— К черту злые мысли! К черту эту муть!

Он быстро подошел к роялю, сел, откинул крышку и ударил по клавишам.

О скалы грозные дробятся с ревом волны
И с белой пеною, крутясь, бегут назад...

Дождь за окнами полил чаще. Блеснул синий огонь, и прокатился широкий гром. Аккорды сливались с громом, брызги дождя попадали на черную крышку рояля, от гула сыпались лепестки с сухих фиалок, забытых Гильмерсеном в стакане. Ночь бушевала музыкой, молниями, громами. Ночь влетала в комнату сырым ветром и заполняла все поры запахом гвоздики.

6. Живые льды

Старик с копной седых волос медленно поднял руку. Протяжно запел английский рожок. Оркестр отрывисто вздохнул всеми струнами. Неизвестно откуда, так как музыкантов не было видно, раскачивая слушателей, самый зал, поднятые руки дирижера, полились первые звуки.

Наташа притихла: музыка раздвигала стены старинного театра, наполняла собою весь вечер, весь Ленинград. Наташе казалось, что звуки ударяются о тяжелую невскую воду и поднимаются вновь, еще более мощные и потрясающие сознание.

Баклунов испытывал ощущение полета. Он не слушал оркестра. Он вспоминал теорию Гернета, и она представлялась ему торжественной и грозной сагой. Музыка помогала думать. Научная теория сливалась с ней в неразрывное целое, и Баклунов боялся только одного — как бы оркестр не окончил исполнение раньше, чем он передумает до конца книгу Гернета.

Он неожиданно вспомнил летний рассвет над Онежским озером, сверкающий как бы от белого льда,— тот рассвет, когда он впервые испытал волнение при мысли о величавости полузабытых геологических эпох.

И вот теперь конец! Мысль его безропотно шла по кругу, вычерченному твердой рукой Гернета. О чем говорил этот седой капитан?

Чем выше над землей, тем холоднее. На некоторой высоте вокруг земного шара простирается снегоизбыточный слой атмосферы. Если бы каким-либо чудом мы подняли до этой высоты ровную площадь земли, то на ней никогда не стаивал бы снег. Баклунов ясно представил себе плоскогорье, медленно подымающееся вверх в течение тысячелетий. Сначала оно пройдет те области атмосферы, где снега не будет совсем или он стаивает целиком, потом подымется еще выше, в те холодные области, где снег будет лежать всегда, и, наконец, выйдет из этого пояса, подымется еще выше, где, как и внизу, снега не будет совсем или он будет не всегда. Ту область воздушного пространства, где снег не стаивает, где он с каждым годом накопляется все больше, Гернет назвал снегоизбыточной.

«Снегоизбыточный слой окружает весь земной шар, и это доказывается тем, что во всех широтах — от экватора до полюсов — лежат покрытые вечным снегом горы»,— пишет Гернет.

Нижняя плоскость, ограничивающая снегоизбыточный пояс, названа Гернетом снегонулевой. Здесь снега выпадает ровно столько, сколько тает. Снегоизбыточная область обнимает землю неравномерной пеленой. Около полюсов она опускается ниже, чем у экватора. В странах с холодным влажным климатом она простирается ближе к земле, чем в странах жарких и сухих...

«Да, это верно»,— мысленно согласился Баклунов. Он вспомнил стеклянные ото льда вершины Альп. То были исполинские области земли, поднятые неимоверной силой до снегоизбыточного слоя атмосферы.

Пойдем дальше. Земля как будто дышит: материки то опускаются, то поднимаются. Нужны тысячелетия, чтобы осели в воду на несколько сантиметров набережные Александрии, и столько же тысячелетий, чтобы поднять на эти несколько сантиметров гранитные шхеры Финляндии.

Что произойдет, если большой материк, имеющий форму купола, подымаясь в течение тысячелетий, дойдет до снегоизбыточного слоя атмосферы? На самой верхней точке этого материка выпадет снег, и этот снег не растает. Он будет накапливаться из года в год, из века в век, давить на нижние пласты и превращать их в материковый лед. Наконец, лед поползет к берегам. Так возникнет первая ледяная гангрена — ее Гернет называет ледородной возвышенностью или ледородным бугром. Ветры разнесут снег вокруг бугра, белая гангрена начнет медленно увеличиваться, и воздух над ней сделается холоднее. Чем холоднее воздух, тем ближе к земле опускается снегоизбыточный слой и тем скорее идет разрастание снежного пятна. Под тяжестью все новых и новых пластов снега бугор будет оседать и расползаться и никогда не сможет дойти до такой высоты, чтобы выйти наконец за пределы снегоизбыточного слоя.

Баклунов не шевелился. Он старался представить себе тихий и страшный рост ледяного лишая. Достаточно, чтобы самая незначительная площадка материка поднялась выше снегонулевой поверхности, и ледяной лишай готов. Он начинает расползаться, снижает температуру, опускает к земле снеговой пояс и крошит на мелкие части.

О, эти проклятые живые льды! Баклунов ясно слышал тихий скрип ледников, ползущих к берегам с силою миллиардов тонн и стирающих в мокрую грязь гранитные горы.

Если у материка пологие склоны, то лед дойдет до моря. Что же будет дальше? Если лишай встретит мелкое море, то он целиком заполнит его льдом и вытеснит воду. Так было, очевидно, с Балтийским морем во время ледниковой эпохи. Если лишай дойдет до глубокого моря, он начнет выбрасывать миллионы своих обломков — айсбергов, гигантских, как американские заоблачные дома. Морские течения будут подхватывать айсберги и уносить их в океан ледяной рекой. Рождение айсбергов будет происходить беспрерывно. Холодная река из айсбергов может достигнуть каких-либо берегов. Над этой рекой температура всегда будет стоять на нуле, и потому снегоизбыточный слой атмосферы тоже будет висеть над ней очень низко. И если на этих неведомых берегах окажутся возвышенности,

которые попадут в этот снизившийся над рекой из айсбергов снегонзбыточный слой, то на них тотчас же родятся собственные ледяные лншаи. Они в свою очередь доползут до моря и пошлют новую реку айсбергов. Ледяная зараза медленно поползет дальше. Так нз небольшой пяди земли рождается всепланетная катастрофа.

Так случилось с лишаем, расползшимся из Гренландии и давшим земле ледниковую эпоху. Но может случиться и иначе. Вокруг матернка в море нет течений. Тогда айсберги замкнут материк шнрокнм поясом и будут плыть вперед только от толчков других айсбергов, напирающих сзади. Это происходит в Антарктике. Когда же лишай остановится? Только тогда, когда он займет громадную площадь землн и вызовет резкое похолодание. Когда над всей областью лишая установится холодный климат, вызванный этим же самым лншаем и неизбежно связанный с сухостью воздуха,— только тогда прекратнтся обильное выпадение снега н лишай перестанет расти.

В Европу льды пришли из Гренландии. Баклунов вспомнил объяснение Гернета. В эпоху, близкую к ледниковой, Гренландский материк, похожий на гигантский щит, медленно подымался. Когда он коснулся своей вершиной снегоизбыточного слоя атмосферы, на нем появился первый ледяной лишай. Все разрастаясь, лншай дополз до моря и начал рождать бесчисленные айсберги. Холодное течение гнало их вдоль берегов Северной Амернки к острову Куба. Навстречу айсбергам шел теплый Гольфштрем. Но тонкий слой его воды мог только замедлить движение ледяных гор, чьи подошвы лежали в мощном и глубоком океаническом течении, стремившемся к югу. Остаиовить льды Гольфштрем не мог. Айсберги шли наперерез Гольфштрему, как миллионы ледяных дредноутов в пене, в тумане, в холоде.

Баклунов закрыл глаза — оркестр словно бы пел суровую сагу о ледяной армаде, пересекавшей ночные воды Атлантикн. Белые громады льда, черные волны, бурная ночь н пронзительные звезды — так надвигалась в музыке ледниковая эпоха.

«Что случилось потом?» — подумал Баклунов.

Айсберги двигались к югу. Над нимн припадала к земле неустраннмая и проклятая снегоизбыточная область. Она присасывалась снежнымн пятнамн к выступам материков и порождала новые лишан. Самым обширным из них был Лабрадорский.

Гольфштрем прорывался между ледяными полями и айсбергами н охлаждался до нуля. Он поворачнвал мелкие ледяные горы, чьи подошвы оттаяли и не доходили до глубокого южного течения, и нес нх на север, к берегам Англии и Скандинавии.

Холодный Гольфштрем ударял об эти берега н притягивал к ним, как магнитом, снегоизбыточную область атмосферы — обширные пространства воздуха, насыщенные влагой. Так родились скандинавскне и английские лишаи и постепенно начала леденеть вся Северная Европа. Мноценовый климат был уничтожен. Европа оказалась раздавленной льдами.

Прошлн сотни, тысячн геологических лет. Неизмеримость их трудно передать даже сравнением. Один геолог сказал об этом так: «Представьте себе, что через каждое тысячелетие к громадной горе прнлетает птица и точит свой клюв о гору. И вот, когда гора нсточится, пройдет только одна секунда геологической эпохи».

Проходили тысячелетия. Льды, плывшие к экватору, постепенно растворялись в теплой воде Гольфштрема.

Но те льды, которые Гольфштрем нес к северу, не таяли. Они заполняли Полярный океан. Потом в гущу наносных льдов врезались потоки айсбергов из Скандинавии и Канады. Полярный океан застыл и начал действовать на соседние области земли, как обширный ледник. Над океаном установился сухой зимний климат. Ночное небо всегда сверкало звездами, снега выпадало все меньше и меньше, и, как естественное последствие сухости воздуха, снегоизбыточный слой поднялся выше и оторвался от Гренландии. Рост лишая прекратился. Айсберги рождались все медленнее и реже. В Канаде началось бурное таяние снегов.

Гольфштрем снова потеплел и принес к берегам Европы дыхание тропиков. Европа медленно освобождалась от ледяных массивов. Началось и едва заметное, бесконечно медленное таяние Полярного океана.

Баклунов открыл глаза. Старик с копной седых волос стоял неподвижно, раскинув руки, палочка едва заметно качалась в его пальцах. Осторожно и тихо напевали гобои, они боялись спугнуть теплые ветры, принесшие к истертым льдами берегам Европы воздух Антил. Лед таял. В прозрачных лужах сияло туманное синее небо. Скрипки вздохнули со сдержанной радостью. То была радость от первых подснежников и эдельвейсов, расцветших у края зернистого фирна. Золотой век налетал в порывах горячего ветра, и тысячи ручьев шумели, сливаясь в долины...

«Прекрасно,— подумал Баклунов,— но глухое беспокойство не покидало его. Все это прекрасно, но не в этом дело. Льды притаились и ждут своего времени.

Новое оледенение Европы неизбежно. Полярный океан хотя и медленно, но все же тает, и это грозит земле жестокими бедами. Когда океан растает настолько, что сухой зимний климат в Арктике сменится влажным, снегоизбыточный слой опять опустится к земле, и Гренландия снова начнет леденеть и рождать айсберги. Снова повторится все то, что уже испытала земля в ледниковую эпоху.

Но что может сделать человек, чтобы остановить движение льдов?»

О том, что несут с собой льды, Гернет говорит коротко и просто: «Это будет ужас, не поддающийся моему описанию». О том, что должно сделать человечество, он говорит с такой же простотой: «Человечество должно уничтожить Гренландский ледяной лишай. Надо успеть искусственно уничтожить ледяной покров Гренландии раньше, чем Полярный океан оттает настолько, что в Гренландии начнется усиленное рождение айсбергов...»

Ледяной щит Гренландии простирается на 2 000 000 квадратных километров. Его толщина колеблется от одного до двух километров. Растопить этот ледяной материк невозможно никакими доступными человечеству способами.

Но Гернет, как было сказано, связал свою теорию морскими узлами. Он даже смеется. Неужели вы думаете, что лед нужно плавить или колоть ломами, как это делают дворники, и отвозить на баржах к экватору? Это явные бредни. Все сделает солнце. Ему надо только немного помочь.

Лед в Гренландии образовался не от холода, а от чрезмерного

накопления снега. В Гренландии всегда остается некоторый избыток снега, не успевающего стаять. Этот избыток и питает ледяной лишай.

Избыток снега должен быть уничтожен, тогда солнце не будет бесплодно оплавлять снега, прикрывающие материковые льды Гренландии, как это происходит теперь, а начнет плавить сами льды, пока не дойдет до грунта. Солнечного тепла для этого хватит: не многим, должно быть, известно, что летом Гренландия получает в полтора раза больше тепла, чем экватор. Раз таяние материкового льда начнется — оно будет идти быстро, непрерывно и не остановится, пока Гренландия опять не превратится в прежнюю зеленую и веселую страну.

Уничтожение ледяного острова ускорит таяние Полярного океана. Земля вернется к миоцену. Бесконечное теплое лето будет стоять над Арктикой, и пустынные каменные земли покроются девственными лесами. Незамерзающий Северный океан в полярную ночь будет отражать зарева сияний и огни пароходов, идущих из Лондона в Тихий океан, ибо кратчайший путь из Европы в этот океан лежит через Берингов пролив. Европа, Сибирь и Канада сделаются богатейшими житницами земли. Зима не исчезнет, но она будет мягкой, снежной и насыщенной озоном, как зимы Баварии. Сиреневая макрель осторожно войдет стаями в когда-то холодные и мрачные моря. Дыхание Антил затопит север запахами ванили. Новая эра, созданная руками человека, взойдет над землей — золотой век, пышный от зелени и блистающий солнцем.

Оркестр затих. Свет люстр дрожал от последних мощных раскатов симфонии. Из открытых дверей сквозило свежестью летнего вечера.

Как растопить небольшой избыток снега,— об этом Баклунов еще не думал. Способ Гернета казался наивным. Гернет предлагал пустить по сомерсуаку снеговые танки. Они будут собирать излишек снега в свои трюмы, отвозить к берегу и сбрасывать в море. Гернет писал свою книгу в 1929 году, и только этим Баклунов объяснял его устаревшее и громоздкое предложение.

С тех пор нашли очень простой способ ускорять таяние снега, посыпая его сажей. Снег, посыпанный сажей, тает стремительно.

Баклунов рассказал об этом Наташе. Наташа даже рассмеялась: море вокруг Гренландии будет черным, вода в реках приобретет цвет китайской туши, и вся страна станет чумазой, как пароходный кочегар.

Северцева не было дома. Обозлившись на ледниковые теории, на Гернета, Баклунова, на Гренландию и миоцен, он уехал в Петергоф. Один Леонид Михельсон бушевал в своей квартире, разучивая песенку Беранже.

Если б вечный свой путь
Совершить наше солнце забыло,—
Завтра целый бы мир озарила
Мысль безумца какого-нибудь! ...

Баклунов, утомленный размышлениями о теории Гернета и музыкой, быстро уснул. На рассвете он проснулся. За открытым окном торжественно и глухо гудел самолет. Он нес в высоте два

огня. Они летели сквозь ночь, как медленные, падающие звезды.

«Как все просто и как все величаво!»—подумал Баклунов. Эта мысль относилась к теории Гернета.

Розовый, предрассветный дым расстилался над Финским заливом. Сквозь дым сверкали огни пароходов. На небе не было ни одного облака, но откуда-то доносился легкий запах дождя.

Вислоухий щенок стоял на террасе и лаял на восходящее солнце.

Публикация *Ф. Р. Макаровой*

ТЕОРИЯ ГЕРНЕТА В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

Послесловие

Из предисловия к повести Паустовского «Теория капитана Гернета» читателю известно, что Е. С. Гернет жил в 1927—1931 годах в Японии. Именно тогда он и написал книгу «Ледяные лишаи» *, заинтересовавшую наших прославленных писателей К. Г. Паустовского и А. М. Горького.

Кто-то из физиков однажды заметил, что новая научная гипотеза в процессе признания проходит три этапа. Первый: «Какая чушь!» Второй: «Нет, в этом что-то есть». Наконец, третий: «А кто же этого не знает?» Это шутливое, но вместе с тем не лишенное глубокого смысла суждение невольно вспоминается при чтении повести Паустовского. Ведь и теории ее героя — Е. Гернета суждено было пройти все три этапа. Вначале, еще при жизни автора «Ледяных лишаев», его идея вдохновила только писателей, а не ученых, с недоверием отнесшихся к смелой гипотезе, выдвинутой вдобавок каким-то чудаком-капитаном.

Между тем в основе этой теории лежит представление об изменениях климата и оледенении Земли как процессе автоколебаний. По мнению Гернета, распространение ледников вызвано не внешними причинами. Сами ледники, однажды появившись в результате поднятия гор и материков, вызвали охлаждение климата, способствовали собственному распространению. Дальнейшее охлаждение и замерзание Полярного бассейна привело к уменьшению влаги, сокращению осадков и самого оледенения.

В 1955 году в американском научном журнале «Science» появилась статья В. Стокса «Иной взгляд на ледниковый период» **, в которой независимо от Гернета выдвигалась по существу та же гипотеза. Позже два соотечественника Стокса, сотрудники знаменитой Ламонтской геологической обсерватории М. Юинг и В. Донн, выступили в том же издании со статьей «Новая теория ледниковых периодов» ***, где развивались далее положения Стокса. В их изложении теория получила теперь широкую известность под названием теории Юинга и Донна. Начался как бы второй этап в процессе утверждения теории оледенения Земли, некогда впервые выдвинутой капитаном Гернетом.

В нашей стране о «Ледяных лишаях» Гернета впервые всерьез заговорили в кругах гляциологов с начала 60-х годов ****. Сопоставление его книги со статьями Стокса и Юинга — Донна убеждает в тождественности предпола-

* В настоящее время книга Е. Гернета готовится к печати в издательстве «Наука».

** Сокращ. перевод см.: Материалы гляциологических исследований. Хроника, обсуждения, вып. 12. М., 1966, с. 285—292.

*** Русский перевод см.: Материалы гляциологических исследований. Хроника, обсуждения, вып. 12, с. 292—308.

**** *М. В. Тронов*. Проблема развития ледников. Томск, 1960, с. 102.

емых ими основных причин значительных колебаний климата и оледенения, что выражалось в смене ледниковых и межледниковых эпох на протяжеиии последнего миллиоиа лет истории Земли. Но разумеется, изложениую Гернетом еще в 1930 году гипотезу несправедливо связывать с именами Юинга и Донна. Ее следует называть теорией Гернета—Стокса в честь тех, кто первыми выдвииули и развили ее*.

Кроме того, в «Ледяных лишаях» Гернета есть положения, которых не коснулись американские авторы. Между тем они крайне важны: в них дан анализ существенных проблем эволюции климата и оледенения Земли. Это прежде всего объяснение первопричин возникновения ледников и, кроме того, различия в состоянии и истории оледенения северного и южного полушарий.

Основная причина возникновения ледников, по Гернету,—это существование в атмосфере слоя, в котором количество осадков, выпадающих за зиму в виде снега, превышает по объему то, какое способно растаять летом. Этот слой Гернет назвал снегоизбыточным, а нижнюю поверхность его, где снега выпадает столько, сколько станвает за лето,—нижней снегонулевой поверхностью.

Эти понятия позже были введены в науку академиком С. В. Калесником под названием хионосферы (т. е. снежной сферы) и иижней ее поверхности. Они широко применяются советскими гляциологами. Поднятия земной поверхности (горообразование, или орогенез, повышение и расширение материков, или эпейрогенез), происходнвшие миллионы лет и продолжающиеся иыне, способствовали вхождеиию отдельных участков суши в снегоизбыточный слой (хионосферу), что и создало условия для возникновения ледников.

Их образование сопровождается охлаждением воздуха. Это вызвано двумя причинами: увеличивается отражательная способность снежной поверхности, она поглощает меньше солнечного тепла, а температура снега и льда не поднимается выше нуля—точки их таяния. Поэтому после возникновения ледников слой хионосферы над ними понижается, благоприятствуя их расширению.

Различия в оледенении в северном и южном полушариях объясняются особенностями строения земной поверхности. У Южного полюса лежит материк Антарктида, окруженный океаном. Ледники, некогда образовавшиеся в горах Антарктиды, постепенно слились, образовав ледяной материк, который мы знаем теперь. Дойдя до берега моря, лед стал откалываться айсбергами. Их расход уравновешивается за счет выпадающего на поверхность Антарктиды снега. Когда-то образовавшись и заняв весь континент, покровное оледенение Антарктиды сохраняется до наших дней, мало изменяясь в размерах. Антарктический лишай, по Гернету, лишай локализованный, стационарный. У Северного полюса наоборот: Ледовитый океан охвачен кольцом континентов, размерами превышающих Антарктиду.

В северном полушарнн оледенение началось с Гренландии. По современным данным, ледники слились здесь в общий покров около двух—трех миллионов лет назад. Оледенению Гренландии способствовало глобальное охлаждение климата, вызванное «ледяным лишаем» Антарктиды. Гернет не знал последовательности этих изменений. Он допускал даже начальное оледенение Гренландии, однако дальнейшие этапы оледенения в северном полушарии излагал правильно.

Рост ледников в Гренландни вызвал охлаждение окружающих ее территорий и акваторий. Гренландские айсберги охлаждали побережья Баффиновой Земли, Лабрадора (где образовывались рефлекторные, как их называл Гернет, «ледяные лишаи») и воды Гольфстрима, что вело к оледенению Скандинавии... Ледники расползались все дальше—на равнины Северной Амернки и Восточной Европы. Вся Полярная область превращалась в

* *О. П. Чижов.* Ледники и климат.—«Природа», 1966, № 7.

огромную снежно-ледяную пустыню. Преобладающие в умеренных широтах западные ветры, несущие влагу с Атлантики, проходили из-за оледенения южнее. На большей части обширного ледяного покрова выпадало мало осадков, а продвинувшиеся в низкие широты краевые зоны летом сильно таяли, что вызывало процесс сокращения ледников. Таким образом, в северном полушарии (в отличие от устойчивого оледенения Антарктиды) ледниковые периоды сменялись межледниковыми, когда оледенение сокращалось до размеров, близких к современным...

Нельзя не сказать о предлагавшемся Гернетом проекте уничтожения Гренландского ледяного лишая. Ведь как раз он нашел живейший отклик в душе Паустовского и героев его повести. Теория Гернета обосновывает принципиальную возможность уничтожения льдов Гренландии и возвращения в северное полушарие более мягкого, доледникового (миоценового) климата.

Идея Гернета удалить снег с поверхности Гренландии вполне логична. За этим последует таяние, а потом исчезновение льда и общее смягчение климата. Однако этот проект вызывает определенные возражения. Гернет не учел некоторые существенные обстоятельства. К примеру, если растопить льды Гренландии, уровень Мирового океана повысится на 6,5 метра и будут затоплены крупные города и целые страны. Значит, придется предусматривать обваловывание затопляемых территорий, массовое переселение людей и т. п.

Автор «Ледяных лишаев» тогда не мог иметь в виду и еще одно важное обстоятельство. По данным современной науки, сжигание минерального топлива, увеличение углекислого газа в атмосфере Земли ведут к общему повышению температуры. Угроза эта вполне реальна. Она заставляет думать не об уничтожении, а о сохранении естественных «холодильников» планеты — покрытых снегом и льдом полярных областей...

Основной вклад Гернета в современную науку связан не с проектом улучшения климата высоких широт. Его теория помогла выявить причинно-следственную цепь событий, объясняющую большие ледниково-межледниковые колебания климата. Главные положения этой концепции подтверждаются математическим моделированием с применением теории сложных систем и автоматического регулирования*. Анализ взаимодействий внутри системы «земная поверхность — атмосфера» показал: при постоянстве годового поступления солнечной энергии и наличии двух инерционных звеньев (океан и материковые покровные ледники) система подвергается автоколебаниям, подобным тем, какие, по данным науки, наша планета переживала в далеком прошлом.

Математическое подтверждение обоснованности главных положений теорий Гернета — Стокса позволяет как будто легко отмахнуться от них («А кто же этого не знает?»), что столь естественно на третьем этапе признания научной гипотезы.

Таким образом, суммируя все изложенное, надо признать, что выдвинутая Гернетом полвека назад теория намного предвосхитила тогдашнюю научную мысль.

Современный читатель повести Паустовского не может не отдать должное прозорливости ее автора, который не только вдохновился идеей капитана Гернета изменить климат планеты, но и поверил в научную обоснованность исходных положений теории «ледяных лишаев». Ныне эта теория успешно развивается, и основные ее тезисы, сформулированные Е. Гернетом, а позже В. Стоксом, получают все более широкое признание.

О. П. Чижов,
доктор географических наук

* См. *В. Я. Сергин, С. Я. Сергин.* Системный анализ проблемы больших колебаний климата и оледенения Земли. Л., Гидрометеоиздат, 1978.

★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★

ЮРИЙ СКВОРЦОВ

ВОСТОЧНЫЙ ПРИЧАЛ РОССИИ

Очерк

Художник В. ЗАХАРЧЕНКО

★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★

Всего век назад земля эта была никому не ведома.

Флаг государства Российского уже развевался над военными постами вдоль Амура. И на Сахалине стучали топорами русские поселенцы, возводя сторожевые башни. А земля рядом, что протянулась от устья Амура почти на семьсот верст на юг, к солнцу и теплу, по-прежнему оставалась нехоженой.

Лишь с кораблей, с воды смотрели на нее — на темно-зеленые гряды сопок, на буйную поросль дубов и кедров, на скалы, которые тесно подступили к берегу, образовав крепостную стену: ни подойти, ни ступить...

В туманы куталась неведомая земля. Моросящие дожди все лето сыпали и сыпали на нее великую влагу. Дивно: с неба вода течет, соленое море сопки лижет. Вот так край — весь при воде, при море!

Приморье!

Надобно было и эту землю познавать: своя, российская! А значит, в первую голову охраны требует, военного люда, русского флага.

В середине 1859 года генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев решил с корвета «Америка» осмотреть берега Приморья, самолично определить, «где военным постам быть надлежит».

Вероятно, из судового журнала корвета почерпнули историки дальнейшие события.

17 июня, едва корвет достиг южного побережья, разбушевалось Японское море. Заволокло тучами небо, проливной дождь обрушился на воду и землю. К ночи, во тьме, волны стали трепать корабль неистово, нещадно. Корвет уже не качало — гнуло к воде. И командир корабля капитан-лейтенант Болтин отдал приказ: «Держаться ближе земли».

Стало ясно: часа через два дана будет последняя команда — направить корабль на берег. Может, выпадет кому-нибудь удача — вынырнет из-под обломков, доплывет, ощутит под ногами мокрую, но все же земную твердь.

...Корвет «Америка» шел на скалы. Но они вдруг раздвинулись и открыли кораблю узкий проход в глубь земли. И тут же опять сомкнулись скалы, но уже за кормой. Внезапно утих ветер, успокоились волны. В тишине и спокойствии шел корвет «Америка» по неведомому заливу.

— Удача, находка! — закричал кто-то из матросов. — Мы спасены!

Бросили якорь. Но до рассвета никто не сомкнул глаз. А когда взошло солнце, увидели моряки, что прямо перед ними закрытая с трех сторон горами красивая бухта.

И повелел генерал-губернатор Восточной Сибири Муравьев назвать залив по имени корабля — Америкой, а бухту — Находкой.

Но на берега Находки русские люди ступили лишь год спустя, когда пришла сюда на шхуне «Восток» гидрографическая экспедиция. Военный пост здесь был установлен в 1864 году, а подробную карту бухты составили лишь в 1890 году.

«Залив Америка вдается в материк на 13 километров. Бухта Находка вдается в берег почти на пять километров. Вход в бухту шириной около 2 километров. Естественная глубина — до девяти метров.

Заселение залива шло из России — сначала водными путями, а затем по Транссибирской магистрали. Железная дорога пришла в Находку в 1935 году» (из документов Находкинского морского порта).

«Находка! Твоими глазами Россия глядит в океан!» (плакат у въезда в сегодняшний город Находку).

Еду в Находку!

Кому из московских друзей ни скажу эту фразу, все удивленно тянут:

— О-го-о! В такую даль!

— Да это же рядом с Владивостоком. Каких-то двести километров по морю.

— Все равно край земли!

Вот парадокс. Владивосток — это близко, потому что тысячу раз описан, снят на фото- и кинопленку. Каждый вечер, когда передают по телевидению прогноз погоды, на экране появляется знакомая уже фотография бухты Золотой Рог, белое здание владивостокского морского вокзала.

О Находке же знают мало. И потому «далеко, край земли». А это самый большой на востоке страны порт, в несколько раз крупнее Владивостокского. Да только ли его! По размаху, по мощности Находка лишь немного уступает самому большому в СССР Ильичевскому порту на Черном море. А все другие знаменитости — Одесский порт, Ленинградский, Мурманский — с Находкой и в сравнение не идут. Сегодня Находка, образно говоря, восточный причал России.

От Владивостока до Находки «по земле» — 180 километров. Асфальтированное шоссе, оживленное движение — рейсовые автобусы, такси. Но главным образом вереницы грузовиков, тянущих тяжелые металлические контейнеры — разноцветные, с яркими зна-

ками зарубежных фирм либо со строгой надписью «Морфлот». На каждом мелом или краской слово «Находка».

За расположенным на равнине шахтерским городом Артемом, чьи высокие черные терриконы оказались теперь совсем рядом с новыми жилыми кварталами, дорога устремляется к сопкам на горизонте, начинает ползти вверх, но неожиданно опять ныряет вниз и серпантином, так и не успев выпрямиться, «ввинчивается» в большой поселок Шкотово. Рубленые сибирские избы с высокими, из темных широких досок заборами стоят вперемежку с белыми украинскими мазанками. И пейзаж этот, причудливый на первый взгляд, лучше всяких демографических справочников поясняет, откуда и как шло заселение этого района Приморья.

Шкотово — место историческое, легендарное. Тут был штаб партизанских отрядов, действовавших против белых и интервентов по всему южному Приморью. И сейчас здесь живут дети и внуки тех, кто послужил прототипом героев фадеевского романа «Разгром».

Миновав Шкотово, дорога опять ползет на сопки, перекидывается с одной на другую. Старинные деревеньки в распадках чередуются с поселками городского типа, как принято сейчас говорить. Девятиэтажные панельные дома, стеклянный простор витрин, засаженные деревцами скверики.

И все же нет впечатления, что земля приморская уже прочно обжита и освоена. Вероятно, потому, что поселки — даже новые, «высотные» — не могут соревноваться по росту с могучими сопками. Им, кажется, нет и не будет конца. Вокруг и далеко-далеко впереди только вздыбленная земля в буйной густой зелени.

Но вот мелькнул синей молнией в распадке узкий извилистый залив и корабль на водной глади. Море, оказывается, рядом — дорога стремится к нему, но ей трудно пробиться через гряды гор. Залив, корабль — это еще не Находка. Она дальше, за высоченным Американским перевалом.

Снова серпантин асфальта, визг колес на крутых виражах. Закладывает уши, как на самолете, набирающем высоту. И все больше и больше неба распахивается над головой. «Скоро откроется Америка!» — говорит шофер. И так спокойно, деловито это говорит, что невольно рождается детская мысль: а может, и правда видна с перевала Америка? Не Япония — о ней и говорить нечего, она рядом, рукой подать. Именно Америка, ведь и она отсюда не так далеко. Напротив — через океан.

Последний изгиб дороги, надрывный, из последних сил рык мотора — и... Морской простор распахнулся на три стороны света. Слепит глаза, отражая солнце, курится призрачным туманом, дрожит, дышит, живет. Десятки черных точек-кораблей ползут по этому мареву, оставляя короткие белые буруны.

Отсюда, с перевала, хорошо видно: раскиданные на десятки миль друг от друга, корабли медленно сходятся, стягиваются к узкому синему проходу между сопок, к бухте, которая полумесяцем лежит внизу, у подножия Американской горы. Берега бухты в россыпи белых домов, у самой воды на много километров — стрелы портовых кранов.

Не зря говорят: первое впечатление самое сильное. Я смотрел потом на Находку с моря, исходил ее вдоль и поперек в солнце, в дождь, даже в снег, но запомнил именно такой, какой увидел в

Находка — край советской земли. Вот таким видят этот город моряки с кораблей, вставших на рейде морского порта

первый раз с перевала: белой точкой на краю зеленой земли. Точкой, к которой стремятся корабли со всех сторон света.

«Пятисотым иностранным судном, побывавшим с начала года у причалов порта Находка, стал японский пароход «Шипсай-мару № 17». В течение года в порту Находка бросали якоря суда 22 стран мира — Японии, Норвегии, Югославии, Великобритании, США...» (из газеты «Комсомольская правда»).

Красива Находка! И тем, что разбросала свои белые дома по зеленым склонам сопок. И тем, что нет в ней длинных, прямых и потому однообразных улиц. Чтобы перейти с одной на другую, достаточно спуститься или подняться на двадцать ступенек по деревянным лестницам. Даже главный проспект города — Нахимовский, длиной почти двадцать километров,— это не прямая, а извилистая лента асфальта, перебегающая с сопки на сопку и разделяющая город на два уровня.

Вверх от проспекта — панельные и кирпичные пятиэтажные дома, магазины, скверы. Вниз от проспекта, у самой воды, раскинулась промышленная Находка. Торговый порт с его бесчисленными складами и кранами, три судоремонтных завода — тесно прижатые друг к другу корпуса цехов, доки. Затем консервная фабрика, рыбный порт — частокол мачт и труб. За крутым изгибом бухты, уже на мысе Астафьева, опять краны торгового порта, контейнерный терминал, лесосклад. А дальше маяк и груды камней. А еще дальше... уже только океан, за которым другие страны и континенты — весь земной шар.

И кажется, ветер, непрерывно дующий с океана и пронизывающий не только дома, портовые склады, но и высокие сопки, доносит до Находки и пряный банановый запах Шри Ланки, и шоколадный привкус филиппинских плантаций, и пропахший запахом овечьей шерсти воздух австралийских степей...

Соседство иных земель ощущается в Находке и зримо: в разноцветье флагов на судах, стоящих у причальных стенок, в бесчисленных афишах и табличках на английском языке — не только в гостинице и у входов в рестораны, но буквально всюду: в гастрономах, парикмахерских, булочных, кинотеатрах. Вот промчался по улице ядовито-желтый грузовик с эмблемой японской фирмы «Като». Шумной ватагой прошествовали в интерклуб смуглолицые парни в белых вязаных шапочках с большими помпонами — греки? сирийцы? индусы? Прошелестел шинами шикарный лакированный «Дацун» с дипломатическим флажком — в Находке есть японское консульство. Все дни, что я провел в Находке, на улицах звучала вьетнамская речь — докеры из порта Хайфон приехали изучать опыт находкинских портовиков.

И все же Находка из всех приморских городов страны самый рабочий, деловой. У него рабочий ритм и образ жизни. По вечерам здесь не фланирует по скверам над морем «разодетая публика», как, скажем, в Одессе. И скверов «шикарных» еще нет в Находке, да и некому особенно гулять. Здесь всего 150 тысяч жителей, и почти каждый связан с заводом или портом, с работой в три смены. Находка начинается и кончается портом. В прямом и переносном смысле. Родившись как порт, она и сегодня живет в основном его делами и заботами.

Днем и ночью разносится по городу перестук тяжелых железнодорожных составов. Они идут один за другим. Вагоны с лесом и бензиновые цистерны, вереницы открытых платформ с грузовиками, станками, листами стального проката. И все это непрерывно, как по гигантской ленте транспортера, тянется в порт, к его кранам. Протяжно три раза прогудит на всю бухту осевший от груза пароход, прощаясь с Находкой, а на освободившееся место у причала уже тянут буксиры контейнеровоз, заставленный яркими, словно из детского конструктора, «кубиками». Часа через три-четыре эти «кубики», уложенные на железнодорожные платформы, покинут порт и поедут через всю Сибирь, за Урал, а то и дальше — в Западную Европу. Выгодно сейчас промышленным странам Востока доставлять свои грузы на запад через нашу страну. Быстро: 12—14 дней — и японские грузы уже в Лондоне или Париже, а по морю на такое путешествие ушел бы месяц. Выгодны эти перевозки и нашей стране.

Девять миллионов тонн грузов «перерабатывает» Находкинский морской порт ежегодно. Такой объем невозможно себе представить, не увидев воочию, как трудится «восточный причал» страны.

Секретарь парткома порта Олег Григорьевич Крючков каждое утро в восемь часов обходит причалы. Это его незыблемое правило с того дня, как капитан дальнего плавания «окончательно ступил на землю». Правда, слова «обходит причалы» не совсем точны. Длина порта более четырех километров, а Крючкову надо и с людьми поговорить, и посмотреть, как ведется погрузка. Да мало ли еще дел! И Крючков по порту не ходит, а почти бегает.

Подстроиться под его ритм тяжело. Я семеню рядом, отдуваюсь, но терплю: мне надо поговорить с Крючковым, ведь именно он

И зимой, в лютый холод трудится Находкинский морской порт — восточный причал России

начинал несколько лет назад «кампанию по превращению порта в образцовое хозяйство».

— Так какие секреты вас интересуют? — спрашивает Олег Григорьевич на ходу.

— Как Находка стала вторым по мощности портом страны?

— Ответ вас, думаю, разочарует. Ничего сверхъестественного мы не выдумали. Шли традиционным путем. Дали нам план девять миллионов тонн. Надо план выполнять. Как? Да ясно: с помощью механизации. На спинах эти миллионы тонн не перетаскаешь. Начали просить, требовать мощные краны, автопогрузчики, малые механизмы, которые могут работать в трюмах судов, внутри складов. Техника эта, конечно дефицитная, всюду нужна. Но знаете, кто настойчив, тому и дают. А мы были настойчивы. В Находке появилась новая техника. И почти всех докеров мы посадили за рычаги. Теперь люди так привыкли к машинам, что техникой даже злоупотребляют.

— Как так?

Олег Григорьевич хитро улыбается, медлит, говорить или нет.

— Вон, видите, ползет желтенький погрузчик «Таётка»? Маленький, как мотороллер, и очень удобный: мешок подвезти или два-три ящика. Рассчитан на малый груз, управляет один водитель. Так вот,

иду я вчера по порту, а на этой «Таётке» восемь парней уселись и едут. «Вы куда?» — «В столовую, обедать. Пешком далеко!»

Пришлось читать лекцию о бережном отношении к технике. Но и этот случай показывает: люди и техника стали в порту, если так можно сказать, единым целым.

Высокий парень в телогрейке призывно машет парторгу от дверей склада. Крючков идет туда, а я продолжаю путь вдоль причалов.

Не знаю, как для других, но для меня морской порт — особое, ни с чем не сравнимое место. У него своя магия, свое волшебство. Это истинная граница суши и воды. Стоя на берегу пляжа, границу эту почему-то совсем не замечаешь, даже не думаешь о ней. Только здесь, в порту, она проявляет себя зримо, осязаемо.

Толстыми канатами пришвартованы корабли к причальной стене, но они все равно не соединены с ней, с берегом. Между бетонным массивом причала и кораблями всегда остается полоска воды. Даже в порту не подчинены корабли земле. Они из другой стихии, они подданные моря! Только портовым кранам дано осуществлять связь корабля и земли. Истинное удовольствие — смотреть, как работают портовые краны. Тут, в Находке, их больше сотни. Они стоят в тесноте, плотно, и кажется просто чудом, как расходятся их стрелы, не задевая друг друга. Величественно качают краны своими металлическими шеями, важно, басовито гудят — посторонись! И чудится, что не стоят они, опершись о кромку земли, а ведут какой-то плавный хоровод, исполняют свой загадочный, неведомый нам танец. Танец труда.

Нельзя сравнить порт ни с чем, что есть на земле. Особое это место. Магическое!

— Итак, о чем мы с вами говорили? — Олег Григорьевич Крючков догнал меня у тоннельного склада и тут же начал обгонять, так что мне снова пришлось принять его темп.

— Да, вспомнил: мы говорили о новой технике в порту, которая решила многие проблемы. Кроме того, молодежь пришла в порт — это тоже очень важно. У молодых тяга к технике, к знаниям, высокая сознательность. Да вот вам самый, на мой взгляд, яркий факт: сегодня в порту почти у всех бригадиров-докеров среднее техническое образование. Таким «грузчикам» и девять миллионов тонн уже не страшны. Могут больше!

А как начиналась Находка? Должна ведь быть точка отсчета, чтобы яснее виделась крутизна пройденного пути.

...Были, естественно, те же сопки вокруг бухты, только спускались они к самой воде. И была крошечная деревенька — несколько бревенчатых изб да пыльная дорога в жару, непролазная в дождь.

А потом появились две большие брезентовые палатки с печами из металлических бочек. Деревянные шкафы поделили эти палатки на шесть комнат, на шесть семей. Они, эти семьи, приехали из Тамбовской области, из Чувашии, из Белоруссии, с Украины. Приехали строить порт.

К берегу пригнали старый пароход «Каяк». Его тоже кое-как переделали под жилье. И началась работа.

Из орудий труда строители порта располагали кирками, лопатами, носилками, тачками. Трудно представить сейчас эту картину: людей,

кирками отбивающих от горных глыб куски, везущих их на тачках к воде...

Так было в 1940 году. Палатки, затем первые три барака по 20 комнат в каждом, первые землечерпалки, углубляющие бухту, деревянные грузовые шаланды. Война помешала стройке. Но ее возобновили через год после победы. Когда к первому, сооруженному из земли, щебня и небольшой толики бетона причалу подошел первый пароход, на стройке устроили торжественный митинг. Трибуной служил кузов потрепанного грузовика.

А в 1947 году решено было организовать в бухте Находка самостоятельный морской торговый порт второго разряда.

К сожалению, не написана еще история Находкинского порта, а надо бы это сделать. Живы еще первые строители, они могут многое рассказать, вспомнить, ибо ничего из того, что было когда-то, уже не увидишь в порту: ни гусеничных кранов, ни деревянных баркасов, ни примитивных, под одной рубероидной крышей складов.

В документах порта разыскал я всего несколько старых фотографий да скупые «отчетные» строки: «Бригада В. Н. Коваля первая в Дальневосточном бассейне выполнила семилетнее задание»; «В 1959 году первой бригадой коммунистического труда в порту стала бригада докеров Г. А. Маякова»; «В 1966 году порт награжден орденом Трудового Красного Знамени».

Рассказывая о Находке, о ее знаменитом порте, я, естественно, не могу умолчать и о новом детище города — порте Восточный. Он только рождается — в 40 километрах от городского центра. Но эта гигантская стройка уже сейчас, даже не сбросив леса, превратилась в сооружение поистине уникальное. По многим параметрам молодой порт сравнялся со старым. А в близком будущем он перегонит «старика» в несколько раз. Впрочем, ему не окажется равных во всей стране!

Если бы более ста лет назад моряки корвета «Америка», войдя в неведомый залив, свернули не налево, а направо, они тоже попали бы в тихую, защищенную от ветров и волн бухту. Но поворот корабельного штурвала нередко определяет и судьбы: бухту Находка открыли первой, а бухту Врангеля лишь годы спустя. И осваивать их начали тоже в разное время. Да что говорить, всего десять лет назад бухта Врангеля была по сути дела лишь географическим понятием, не более.

Находкинский порт родился как новый причал на востоке России, когда стало ясно: Владивосток уже тесен для потока грузов за рубеж и из-за рубежа. И Находка оказалась находкой во второй раз. Но теперь и ее причалы тесны. На подмогу им и придет Восточный порт, который сооружается в бухте Врангеля. Он объявлен Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. Одними из первых сюда прибыли молодые одесситы, «одесский десант», как они сами себя назвали. Теперь здесь работают посланцы многих областей и краев страны.

Но и сами находкинцы, разумеется, не остались в стороне. Когда Восточный только начинался, буквально всем — от топоров до бетонного раствора — стройку снабжали они. Находкинцы отправля-

Контейнерный терминал Находкинского морского порта — царство техники. Буквально секунды требуются для того, чтобы из трюма судна контейнеры «перекочевали» на землю

ли туда свои лучшие кадры — монтажников, крановщиков, шоферов, докеров.

Первый праздник в Восточном порту состоялся в конце 1973 года. Под гром аплодисментов могучий кран поднял с причала «пакет» леса и опустил его в трюм теплохода «Шадринск». На «пакете» развевалось кумачовое полотнище, на котором было написано: «С днем рождения, Восточный!»

У тех, кто начинал сооружать Находкинский порт, и у тех, кто закладывал первый бетон Восточного, наверное, много общего — старенькие пароходы-общежития, костры на берегу, песни. И все же это стройки разные — из несравнимых технических эпох.

Я видел, как идет в бухте Врангеля сооружение комплекса по переработке технологической щепы. Вдоль причала на огромных металлических мачтах монтировали... телевизионные камеры. Весь процесс перегрузки щепы из железнодорожных вагонов в корабельные трюмы станет автоматизированным. За ходом работы операторы будут следить с помощью «голубых экранов».

Гигантский контейнерный терминал, уже действующий в Восточном, — это тоже царство автоматики. В конце семьдесят восьмого года вошел в эксплуатацию — на полгода раньше срока — комплекс по переработке угля. Его можно смело назвать заводом, а не причалом. Специальные механизмы переворачивают вверх дном

железнодорожные вагоны с углем. Длиной чуть ли не в километр ленты транспортеров переносят этот уголь в дробилки, а оттуда через весовые и пересыпные станции — к судам. Человеческие руки вообще не касаются угля. Да и не увидишь его в порту: бо́льшую часть пути от вагонов до трюмов он совершает только под землей.

Кстати, с вводом в строй комплекса по переработке угля завершилось сооружение первой очереди порта-гиганта. А когда войдут в строй все 64 причала, грузооборот Восточного достигнет совершенно фантастической цифры — 40 миллионов тонн в год. Это больше, чем нынешняя пропускная способность всех морских портов Дальнего Востока, вместе взятых.

В Восточный порт смогут заходить суда водоизмещением 100 тысяч тонн и больше. Степень автоматизации процессов погрузки и разгрузки кораблей будет настолько высокой, что уже назрела необходимость в новой портовой профессии — докера-оператора. Впервые она родится здесь, в Находке.

Строитель Восточного порта Сергей Никонов рассказал мне любопытную историю, которая произошла с ним в Москве. Сергей — страстный любитель театра и, попав в столицу, в первый же вечер отправился во МХАТ. Билетов в театральной кассе не оказалось, и Сергей протиснулся к окошку администратора: «Дайте билетик строителю с БАМа!» Администратор попросил у Сергея паспорт и, увидев, что тот прописан в Находке, обрушился на Сергея: «Как не стыдно обманывать! Мы тут, в Москве, люди грамотные, как-нибудь знаем, где БАМ, а где Находка».

А ведь Сергей Никонов и не думал обманывать администратора. С Байкало-Амурской магистрали можно будет добраться до Находки, точнее, до Восточного порта. Сюда будет поступать уголь из Южной Якутии. И многие строители Восточного потому и считают себя «бамовцами», а сам порт — морскими воротами БАМа.

И все же не только в восторженном тоне хочется мне вести речь о строителях Восточного порта. Есть, к сожалению, и то, за что стоит предъявить им серьезную претензию.

Три красивейшие сопки на берегу бухты Врангеля издавна радовали глаз и души находкинцев. Эти сопки видны из окон почти каждого городского дома. Ими любуются тысячи моряков, подплывая к Находке или покидая ее. У этих сопок нет официальных географических названий, но каждый местный житель скажет вам, что самую высокую зовут Братом, ту, что чуть ниже,— Сестрой, а третью, стоящую немного в стороне,— Племянником.

Названия эти не случайны. Существует легенда о трех смелых партизанах, которые героически дрались здесь в 20-х годах с интервентами. Морской десант пытался с моря прорваться в Находку и потерял очень много солдат, прежде чем врагу удалось справиться с героями. Вот в их честь и дали люди название трем сопкам.

Увы, попав сегодня в Находку, вы увидите только две сопки. Строителям Восточного порта понадобился песчаник — и на Брата пошли штурмом бульдозеры и экскаваторы. Красивейшая гора перестала существовать.

Сейчас, конечно, сделанного не исправить. И рассказываю я об этом лишь в надежде, что подобное не повторится.

Восточный порт — совершенное техническое сооружение наших дней — должен стать и образцовым по такому важному показателю, как бережное отношение к окружающей среде.

Эту женщину в Находке знает каждый. Да только ли в городе? Немало строк посвятила ей японская и французская пресса. Ее встречали цветами в ФРГ и Монголии. Рассказывая о Находке, нельзя не сказать и о ней, ибо в судьбе этой женщины отразилась судьба Находки — ее история и сегодняшний день.

...Японский корабль вошел в бухту Находка в полдень и, став на рейде, запросил лоцмана. Через несколько минут юркий катерок, со всех сторон обвешанный черными автомобильными шинами, ткнулся носом в ржавую обшивку судна. С «японца» спустили трап, но его обледенелые ступени буквально выскальзывали из-под ног. Матросы, свесившись с палубы, подхватили сначала лоцмана, затем меня и подняли на палубу на руках.

— Здра-сву-те! — сказал капитан, с трудом складывая русское слово. При этом он еще широко улыбался, и его глаза-щелочки совсем закрылись. — Вам привет из Джаппан! Япони!

На мостике было жарко. Лоцман распахнул свой меховой полушубок.

— Первый раз в Находке? — спросил он капитана по-английски.

— Да, да! Но я много слышал о На-ход-ка. Это очень красиво!

И капитан показал рукой на высокие сопки в снегу, краны порта, белые прямоугольники домов, рассыпанные по склонам.

— Край нашей земли,— сказал лоцман.— Ее конец.

— Для меня это не конец, а начало,— торжественно сказал капитан.— Начало России.

Лоцман молча кивнул. Ему не хотелось затевать «дипломатическую» беседу.

— Заводите машину,— сказал он.— Малый вперед!

В чреве корабля заурчало, волна резко плеснула внизу, ударившись о борта, и через минуту стали надвигаться на нас стрелы портовых кранов и громады кораблей, стоящих у причала.

Два буксира подстроились к нашему судну, и лоцман по радио начал командовать ими: «Нос на прижим! Корму на прижим! Самый малый ход!» Судно заносило, затягивало боком в свободное пространство у четвертого причала. На бетонной стенке, на самом ее краю, мы увидели одинокую женскую фигуру. Подставив ладонь к глазам, женщина смотрела, как швартуется корабль.

— Маша встречает,— сказал лоцман.— Наверное, она и разгружать будет.

Он открыл дверь рубки и, высунувшись, помахал женщине рукой. Она тоже помахала в ответ.

— Кто эта женщина? — спросил капитан.

— Маша Попова. Крановщица. Будет разгружать ваш корабль.

— Женщина управляет портовым краном? — капитан был более чем удивлен.— Это же сенсация!

— У нас много женщин работает на кранах,— сказал лоцман.— Обычное дело. Но Попова действительно, как вы говорите, сенсация. Самая знаменитая женщина в Находке.

— Почему?

Лоцман повернулся ко мне:

— Как ему объяснить? Ну что она член ЦК партии?

— Скажите, что Попова регулярно ездит в Москву, в Кремль, и там решает самые важные проблемы страны.

Лоцман повторил мои слова по-английски. Капитан недоверчиво посмотрел на нас, вероятно, подумал, что это шутка.

— Если я правильно понял, эта крановщица сидит за одним столом с руководителями России?

— Да,— сказал лоцман.

Капитан шагнул к двери рубки, распахнул ее и свесился с борта. Мария Григорьевна Попова уже шла к своему крану, на ходу вытаскивая из карманов куртки рабочие рукавицы. Вот надела их и, взявшись за металлические поручни лестницы, стала неторопливо подниматься наверх.

— А я могу сфотографироваться с госпожой Поповой?— вдруг спросил капитан.

— Вот уж не знаю,— лоцман не выдержал, хмыкнул.— Это надо не у нас — у нее спрашивать.

Крановщица из далекого порта Находка Мария Григорьевна Попова вот уже более десяти лет член Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, партийный деятель самых высоких полномочий и обязанностей.

Вся трудовая жизнь Марии Григорьевны прошла в Находкинском порту, а начала она ее уборщицей. От полуграмотной деревенской девчонки до члена ЦК — путь, пройденный ею. Вот характер, натура, судьба, которые интересно познать.

Характер она выработала в себе твердый. И первой это заметила соседка по бараку, в котором жили в сорок восьмом году портовики Находки, Мария Монголович, единственная тогда в порту женщина-крановщица. Встретились они как-то вечером на кухне.

— С таким горлом, как у тебя, Машка, надо не полы мыть, а кораблем командовать,— сказала Монголович.— Слышала я, как ты сегодня мужиков честила в конторе.

— А чего они в грязных сапогах лезут...

— И правильно сделала, молодец. Только хватит тебе тряпкой-то махать. Ты ведь в ремесленном на слесаря училась, с техникой знакома. Иди работать, как я, на кран.

— Нет, я высоты боюсь!

— А ты на высоте-то была? Хоть на один кран лазила?

— Не-а!

— Завтра вместе полезем!

И полезла Маша на кран. Вниз старалась не смотреть, судорожно, вслух считала железные перекладины: «Десять, одиннадцать... сорок четыре, сорок пять...»

— Ну как, страшно?— спросила Монголович, когда уже добралась до кабины.

— Ага, страшно! А как этими штуками управлять?

— Легко ими управлять — ты сможешь. Иди в контору и просись у Дмитриева в ученики крановщиков... Ну, живо!

Так 5 февраля 1948 года родилось крошечное, на половине листка, заявление, которое и сегодня хранится в отделе кадров порта: «Начальнику первого района Находкинского торгпорта тов. Дмитриеву. Прошу принять меня на работу учеником на подъемный кран

Крановщица Находкинского морского порта, Герой Социалистического Труда Мария Григорьевна Попова. Ее по праву называют хозяйкой порта. Она работает здесь более 30 лет

порта, так как я работала слесарем. Прошу не отказать в моей просьбе».

Вместе с одним парнем Машу направили учеником к опытному крановщику. Фамилию этого крановщика — своего первого учителя Мария Григорьевна до сих пор держит в секрете. «Ну мало ли что было. Да и столько лет прошло. Чего старое поминать...»

Но по-моему, не простила его Попова и по сей день. Угрюмый, ворчливый, он сразу же невзлюбил ее. Наверное, потому, что она, девчонка, захотела овладеть его профессией, сугубо мужской, самой почетной в порту. Парня он учил, а ее, Машу, просто не замечал, словно и не было ее в кабине крана. Спросит она: «Это что за рычаг?», он даже голову не повернет, словно не слышит. Так продолжалось три месяца. И Маша не выдержала, характер не позволил терпеть дольше. Однажды утром, когда крановщик поднялся в кабину крана, он увидел Машу, сидевшую на его месте, судорожно вцепившуюся руками в рычаги управления.

— Чего расселась? Ступай вон! — буркнул «учитель».

— Не слезу! — Пальцы Марии еще сильнее сжали рукоятку. — Вам велели учить меня — вот и учите!

— Я толковых учу, а из тебя не выйдет крановщицы. Вылезай, пока за волосы не выволок!

У Маши в ниточку сжались губы.

— Попробуйте! Троньте только...

Крановщик вытаращил глаза и выскочил из кабины. Через несколько минут вернулся вместе с начальником смены.

— Вот, полюбуйтесь сами. Вцепилась в рычаги и не уходит. Еще грозится, ругается.

— Раз ругается, значит, будет хорошей крановщицей,— сказал начальник смены.— Ты чего, девочка? Натерпелась?

Кто знает, может быть, именно поэтому, так сказать, от обратного, от желания, чтобы не повторилось подобное с другими, несколько лет спустя Мария Григорьевна Попова сама вызвалась обучать своей профессии молодых девчат, стала наставницей.

Я видел, какой материнской заботой освещается лицо Марии Григорьевны, когда она, идя вдоль причала, здоровается, взмахнув рукой, с девчатами, работающими на кранах. И они отвечают ей длинными протяжными гудками.

У самой Марии Григорьевны учителя по сути дела так и не было. После того конфликта через три месяца самостоятельной работы пошла сдавать экзамены и сдала их, став в порту второй женщиной, умеющей управлять тяжелым портальным краном.

Из личного дела Марии Григорьевны Поповой: «1956 год. За хорошую обработку парохода «Павлов» объявлена благодарность. 1958 год. За самоотверженную и высококачественную выгрузку парохода «Большевик»— благодарность. 1961 год. За добросовестную и безупречную работу— благодарность. 1966 год. За выполнение плана подготовки кадров— благодарность...»

Эти сухие записи довольно красноречиво говорят о том, как Мария Григорьевна умеет работать. Управлять краном с точки зрения физических усилий легко. Кабина крановщика не кабина летчика: контроллер перемещения груза вверх и вниз, контроллер поворота кабины, рычаг движения крана по рельсам, рычаг вылета стрелы. Вот и все.

Но поди попробуй совместить все эти движения да еще придать им плавность. Попробуй опустить многотонный груз в трюм судна на точно отведенное ему место, когда даже крышку трюма еле видишь. А что делается там, на дне парохода, об этом только можно догадываться.

Машет сигнальщик с палубы: «Майна! Вниз!» А на сколько вниз— на метр или на сантиметры? А на крюке станок с программным управлением. Он хоть из простого металла, но все равно как из золота сделан, ибо на валюту продан. Чуть рычаг ослабишь или вдруг дрогнут пальцы— и станок этот грохнется всей своей тяжестью на дно трюма, разлетится на куски...

Сколько за тридцать лет работы на кране Мария Григорьевна пережила тревожных мгновений, минут, часов, об этом только она знает. Мы можем лишь догадываться.

— Что самое трудное в работе портового крановщика?— спросил я ее однажды.

— Когда техника подводит,— ответила она.— Надо, к примеру, резко остановить груз, рычаг ставишь на «стоп», а груз не замер, продолжает ползти...

— И что тогда? Авария?

— Скажете тоже,— сердито отозвалась она.— Разве можно аварию допустить? Принимаешь меры. Рычаг резко вверх. Не помогает— стрелу кидаешь в сторону, чтобы от людей подальше. Это все в

одно мгновение нужно делать, автоматически. Потом и не расскажешь, как вышло.

— Много у вас было аварий за 30 лет?

— Да в общем-то ни одной.

— А почему «в общем-то»? Выходит, авария все же была?

— Ну, не авария...— она вдруг рассмеялась.— Ящики с вином я однажды грохнула. Вот звону было! А больше ни одного случая.

Человек высочайшего профессионального мастерства, да к тому же сильного, прямого характера, Попова тем не менее ни разу даже не попробовала установить рекорд погрузки или выгрузки судна. Слава рекордсменки ее совершенно не привлекает. Что такое тщеславие, она не знает, но за 30 лет работы в порту ни разу не опоздала с погрузкой или выгрузкой судов. Ни одно судно — а их под ее краном прошли тысячи — не нарушило графика выхода в море. Разве это не фантастический, не сенсационный рекорд?

Весной 1960 года сквозь распахнутое окно кабины услышала Мария Григорьевна отчаянный крик внизу: «Маша! Скорее, тебя к телефону!» Первое, что пришло в голову,— сын заболел, Павлик. Спускалась по лестнице, а руки дрожали. В трубке незнакомый голос: «Товарищ Попова? Из горкома партии говорят. Только что получили сообщение из Москвы — вам присвоено звание Героя Социалистического Труда...»

Она заплакала, забыв опустить на рычаг телефонную трубку. Так и стояла несколько минут, прижав ее к груди.

— Что-то случилось дома? — спросил начальник смены.

Она кивнула.

— Ну, бегите быстрей, я вас отпускаю.

Муж был дома. Они с сыном сидели за столом, играли в кубики,

— Мне Звезду дали. Звезду Героя,— спокойно сказала она и упала на кровать. И проплакала весь вечер и всю ночь.

Давно замечено: и у очень сильных людей бывают минуты полной, отчаянной слабости. Как правило, эти минуты наступают после одержанной ими очень трудной победы.

Из личного дела М. Г. Поповой: «С 1953 по 1966 год избиралась в местные Советы депутатов трудящихся. В 1961 году избрана делегатом на XXII съезд КПСС. В 1966 году на XXIII съезде КПСС избрана кандидатом в члены ЦК КПСС. В 1971 году на XXIV съезде КПСС избрана в члены ЦК КПСС...»

Таков уж закон нашей жизни: человек, ярко проявивший себя в труде, добившийся выдающихся успехов, непременно привлекается еще к одной деятельности — партийной, профсоюзной — словом, общественной.

В дела своего города Мария Григорьевна Попова включилась много лет назад. Когда ее в 1953 году выбрали в горсовет, она искренне удивилась: «Почему меня? За что?»

Поповой поручили для начала несложное дело — обойти все дома на своей улице, выяснить, в каких семьях женщины не работают и почему: не хотят, не могут, нет профессии, много детей или по какой иной причине? Ходила по домам, разговаривала с хозяйками. После такого опроса горсовет запланировал строительство детского сада. Она увидела, что старалась не зря. Она может помогать другим, а значит, должна помогать. Вот это стремление — помочь хотя бы одному человеку — осталось в ней по сей день, а уж при-

ходится ей решать проблемы далеко не частные — принимать участие в обсуждении важных государственных вопросов.

Шесть классов сельской школы да ремесленное училище — разве с таким багажом могла она работать в горсовете, быть членом крайкома партии, участвовать в работе партийных съездов? Попова пошла в вечернюю школу. Дети — их к тому времени было уже двое — не хотели ложиться спать, пока мама не придет с уроков. Она входила, тут же сын спрашивал:

— Сколько поставили за диктант?

— Тройку, сынок!

— А у меня четверка!

И, довольный, сын падал на кровать, тут же засыпал.

Через полгода она ушла из школы, не хватало времени посещать уроки. Но учебники не убрала, читала их по ночам. Ей ведь не отметки были нужны — знания. И она их приобрела.

Теперь ей часто приходится выступать перед людьми, рассказывать о работе съездов партии и пленумов ЦК, о том, что она увидела и узнала во Франции и ФРГ, побывав там в составе партийных делегаций. Говорить она умеет — слова находит яркие, точные.

Такова Мария Григорьевна Попова, славная труженица и видный общественный деятель.

Прощаюсь с Находкой! Стою опять на высоком Американском перевале, смотрю на синий полумесяц бухты, на корабли, что тянутся к ней с трех сторон света, на белые россыпи домов по сопкам. Верю, что когда-нибудь снова приеду сюда, лет через пять, десять. Находка будет совсем иной.

Порту уже сейчас тесно, хотя занял он практически весь берег бухты. И есть план построить новые причалы перпендикулярно берегу. Тогда бухта окажется разграфленной бетонными полосами, словно лист ученической тетради. Ну что ж, в этой прямизне и четкости линий тоже есть своя красота.

Исчезнут, наверное, в скором будущем и краны порта, не будут больше приветливо кивать своими ажурными стрелами кораблям, пристающим к берегу. Созданы уже суда типа «Ро-Ро», в гигантские трюмы которых въезжает прямо с причала грузовик. И уже трюмные краны, а не береговые будут снимать с машин и железнодорожных платформ грузы и укладывать в корабельные отсеки.

Восточный причал России шагает и будет шагать дальше в ногу с техническим веком.

ВАСИЛИЙ ПЕСКОВ

НОРВЕЖСКИЕ КАМУШКИ

Очерк

Художник Н. БИСТИ

В Норвегии на берегу океана я видел водой источенный камень, возле которого каждый из проходивших стоял в изумлении. Неутомимость воды, неподатливость скал и бездонную глубину времени видишь в естественном монументе. Вся Норвегия, когда ее вспоминаешь, представляется кружевным камнем, источенным водами, пресными и солеными. Вода и камень с накидкою леса, три цвета — сиреневый, синий, зеленый — господствуют перед глазами.

Я был в Норвегии только неделю и по делу, разговор о котором — особый, но, конечно, в блокноте остались заметки обо всем, что так же, как этот камень, источенный морем, задержало внимание.

Зонтик

— Зонтик будет нелишним,— сказал мой знакомый, бывавший в Норвегии, когда я в Москве укладывал чемодан.

При пересадке в Хельсинки чемодан мой отстал. Я оказался в Осло с единственной вещью, с зонтиком. Несомненно, я выглядел чудаком, потому что стояла сушь, от которой в Осло пожухли березы, сморщились кисти рябин, попахивало дымком: горели где-то сухие, как порох, леса. Спасаясь от зноя, норвежцы плескались в воде. В Москве в тот день было 17 градусов. Тут же столбик ртути держался у цифры «плюс 27».

Но это была аномалия, причуда памятного лета, когда в Подмосковье молили о солнце, а тут, на западе Европейского континента, служили молебны о дожде.

Зонтик встречавших меня позабавил, а у гостя был повод прояснить кое-что о местной погоде. И среди прочего я услышал знакомое с детства слово «Гольфстрим». Тут оно было своим, домашним, привычным, все равно как слово «тайга» в Сибири или «чернозем» под Воронежем.

Я записал множество благодатей, какие приносит здешней суровой земле Гольфстрим: незамерзающие порты, мягкую зиму (почти

отсутствие зимы на западном побережье), южные растения (на широте Магадана!), огромные косяки рыбы. Есть места в этой неюжной стране, где коровы зимой пасутся на подножном корму и где острова остаются всегда зелеными. Таков эффект действующего без аварий и перебоев «водяного отопления».

От берегов Мексики, где Гольфстрим зарождается, к берегам Норвегии иногда приплывают тропические плоды и растения. А что касается обогрева, то считают: морская река дает в минуту Норвегии столько тепла, сколько дало бы сжигание 100 тысяч тонн нефти. Мощность морского течения вчетверо превышает мощь всех рек Земли, если бы слить их в единое русло.

И все же Норвегия не курорт. Холодный Север, умываясь Гольфстримом, рождает тут множество любопытных явлений природы. Зонтик в этих местах в самом деле нелишний. Считают даже: нет на земле места дождливей, чем западный берег Норвегии. Кораблестроитель академик Крылов пошутил в своем дневнике: «Лучшая должность в мире — это поливальщик улиц в Бергене. Он занят лишь пять дней в году...» Другой посетитель Бергена записал: «Лошади тут в испуге шарахаются от людей без зонтика». Но я ни разу за все путешествие зонтика не открыл. Такое уж было лето.

Сенсация

Летчик-любитель Стен Лундквист над фиордом Хеллему повис на проводе высоковольтной линии. В газетах под заголовком «В рубашке родился» — подробности происшествия и огромные фотографии: самолет поплавками вверх висит над фиордом. Летчик чудом остался жив. Линию обесточили, вызвали вертолет. «Это были минуты ужасные,— рассказал потом потерпевший.— Я думал, сейчас-сейчас меня сдует, а это конец — до воды метров сто». Но самолет держался на проводе прочно, а летчик, висевший в кабине вниз головой, присутствия духа не потерял: уцепился за брошенную веревку...

Наткнуться на провод в Норвегии не мудрено. Проезжая, все время видишь опоры электролиний. Провода убегают куда-то в горы, висят над фиордами, соединяют в глуши поселки и домики. Промышленность тут развивается с учетом избытка энергии электричества. Первооснова всему — вода. Реки в этих местах не текут, а бегут. И едва ли не половина из них — в упряжке. За Норвегией — первое место в мире по количеству электрической энергии на душу населения.

Монументы

По числу скульптур-монументов норвежцы тоже едва ли не самые первые в мире. Возможно, сама природа, обтачивая камни водой и ветром, воспитала тут уважение к монументу. Но ни в каком другом месте Земли я не видел столько изваяний из камня и бронзы. Гуще всего заставлен скульптурами Осло. Всякими. И в самых разных местах. По ним можно читать историю государства, узнать людей, которыми тут гордятся, почувствовать стили ваятелей, понять, какие черты человека норвежец особенно ценит.

И есть в столице норвежцев нечто совсем особое — парк, где собрано несколько сот скульптур. Если бы все на Земле пошло прахом и уцелели бы только бронза и камень, по скульптурам этого парка можно было бы понять, какими радостями, страстями и муками жил человек. «Рождение», «Смерть», «Материнство», «Любовь», «Веселье», «Разлука», «Дружба», «Борьба», «Тревога»... Более сотни фигур. И все их исполнил один человек. Тридцать лет непрерывной работы! Поражает, однако, не одержимость творца (это явление частое), поражает вера в художника городской власти, субсидирование долголетней работы. Имя скульптора Вигеланн. Норвежцы любят и чтят его — «второй после Родена», что не мешает, однако, хождению шутки: «Хорошо, что вовремя умер, иначе весь Осло был бы заставлен скульптурами».

Среди монументов есть в Норвегии памятник нашему солдату — освободителю от фашизма. Это благодарность. Есть монумент англичанину Роберту Скотту, проигравшему драматическое соревнование за овладение Южным полюсом норвежцу Амундсену. Это благородство. И есть монумент, в связи с которым вспоминают любопытную шутку истории. В центральном парке перед дворцом короля, до удивления похожим на наш ленинградский Смольный, сидит на бронзовой лошади человек. Это король Карл Юхан, известный еще как француз Бернадот. Памятник похож на тысячи других конных памятников королям и царям. Но биография короля любопытна. Солдатом он делал французскую революцию. Наполеон произвел его в маршалы. Умер Бернадот владыкой Швеции и Норвегии. Обмывая тело усопшего, придворные пришли в ужас: на груди короля они прочли татуировку, сделанную в молодости: «Смерть королям!»

Королевское молоко

— Коровы в черте города?

— Да. Но это королевские коровы.

Мы вылезли из машины... Президентский самолет, королевская яхта, царский дворец — это понятно. Но королевские коровы... Стадо справных пегих коров, привыкшее к любопытным, лениво паслось на обтянутом проволокой чистом лужку. Приближалось время вечерней дойки, и я живо себе представил, как старичок король Улав V просит налить ему стаканчик парного перед отходом ко сну.

Король в Норвегии не правит, а только царствует. Правят парламент (стортинг), министры, чиновники. Король же для нации вроде живого памятника старины. Бережно сохраняют в музее под небом рубленые дома, сараи и мельницы, сохраняется старинная утварь, одежда, старинные лодки. Отчего же с теми же целями не сберечь королевскую должность? Власти у старика никакой, или почти никакой. Но есть у нации кто-то вроде отца. «Как все», король ходит на лыжах, участвует в парусных гонках, открывает государственные церемонии, вручает награды.

Конечно, полагается королю государственное довольствие. Трудно сказать, деньги ли эти невелики и король подрабатывает, или старик, «как все», хочет иметь причастность к земле, к простым делам, но есть у него вот стадо коров. Излишки молока король сдает

в кооператив. И очень возможно, что, завтракая в отеле, мы отведали «королевского молока».

И коль скоро о молоке разговор, уместно сказать: молоко норвежцы ценить умеют не только в смысле пищевых его качеств, но и в коммерческом смысле. В стране 44 тысячи коров. Прокормить их непросто. С парохода я видел: старик крестьянин делал что-то на высокой горе. Глянул в бинокль — косит сено. Как он оттуда его переправит? Мне объяснили: сложит в сетку и скатит вниз. Плодородной земли тут немного. Любая куртинка травы тщательно убирается. (На Севере, где трав совсем мало, коров приучили есть рыбу.)

Себестоимость молока высокая. Чтобы сделать его доступным для всех и в то же время поощрить фермеров, государство все молоко покупает «в общий бидон». Продается молоко в магазинах дешевле, чем уплачено за него фермерам. К такому приему сейчас прибегают, впрочем, не только в Норвегии.

За столом

Еда... В любой стране присматриваешься: что едят, как едят? Я был гостем и не думаю, чтобы лакс (лосось), шампиньоны и куропатка, которыми нас угощали,— обычная пища норвежцев. Расспросы и наблюдения позволяют сказать: хлеба норвежцы почти не едят и, кажется, даже и не испытывают в нем потребности — на столе для тебя в лучшем случае маленькая булочка. Вместо хлеба — картошка. Эта привычка складывалась веками. Хлеб привозной, и отношение к нему соответственное. Мясо тоже тут привозное и дорогое, конечно. На обычном столе его еще меньше, чем хлеба. «По воскресеньям для запаха в суп и котлеты»,— сказал мне норвежец в беседе на эту тему. Зато в достатке, я бы сказал, обилен сыр самых разных сортов. И конечно, в избытке рыба (одной селедки двадцать сортов). Из рыбы, особенно трески, норвежцы делают массу разнообразных блюд, опять же в сочетании с сыром и со сметаной.

Норвежцы — сластены. Но сахар тут тоже привозной. И возможно, поэтому спрессован в кубики раза в четыре меньше нашего рафинада. Зато в избытке разного рода варенья и джемы: из клюквы, малины, брусники, черники, смородины, голубики. Варенье ты можешь тут обнаружить приправой к любому блюду, даже к селедке, причем сама по себе селедка нередко тоже тут сладкая.

Заметно ни в коем случае не скаредное, но какое-то уважительное, аккуратное обращение с пищей. Тут ничего не ставят на стол навалом, чем нередко в других районах Земли похваляются. Принцип: «Едим, чтобы жить, а не живем, чтобы есть» — тут хорошо усвоен. В прошлом веке Энгельс писал: «Люди здесь... красивы, сильны, смелы...» К этому можно еще добавить — з д о р о в ы. Дело, конечно, не только в разумном питании, но и оно в человеческой жизни не последнее дело.

Не едят норвежцы грибов. Удивительно, но эти стоящие близко к природе люди грибов не знают и, пожалуй, даже боятся. Грибов же тут пропасть. Москвичи, живущие в Осло, ходят нередко «только за белыми». Норвежцы, читая в газетах статьи о грибах — «Это едят и это вкусно!», тоже пробуют собирать. Но без консультации специалиста грибы домой редко кто носит. То же самое я наблюдал в

ГДР. Там (в Лейпциге) мы видели эмалированные пластинки на дверях дома: «Консультант по грибам». В Норвегии «справочные пункты» в субботу и воскресенье организуются прямо в лесу. В одном месте мы видели, как идет консультация. Спортивного вида старушка в очках перебирала содержимое кузовка двух молодых супругов. Грибы она разглядывала, нюхала и даже пробовала на вкус. Итог: «Эти четыре возьмите, остальные следует выбросить».

Лыжи

В Осло нам показали фильм, чтобы мы знали, какой бывает Норвегия в зимнее время. Это был гимн лыжам и лыжникам. Нет, чемпионов по бегу мы не увидели (хотя родиной этих лыжников чаще всего бывает Норвегия), но мы увидели, как Осло пустеет в выходной день,— из четырехсот тысяч с лишним жителей города сто тысяч становились на лыжи. На снегу мы увидели молодежь, пап и мам с рюкзаками, семидесятилетних бабушек, дедушек и трехлетних внучат — все на лыжах! Одни — потихоньку, другие — бегом. (Дистанция 50—60 километров считается нормой дневного похода.) Для ночлега и убежища в непогоду по всей Норвегии разбросаны домики «хюгге», где лыжник найдет очаг, свечку, дрова и спички.

Нет в обиходе норвежцев предмета более распространенного, чем лыжи. Есть в Осло и лыжный музей. С изумлением стоишь у деревянных пластинок, которые кто-то в здешних местах надевал для хождения по снегу 2200 (!) лет назад. Лыжи, лодка и колесо — древнейшие изобретения. В этих гористых озерных местах лыжи и лодка были важнее, чем колесо. И каких только лыж не придумано! Охотничьи, беговые, для хождения по горам, лыжи-лапки из ремешков на раме, лыжи, подбитые мехом, лыжи из пластика с металлической оторочкой. Тут, в Норвегии, производят лучшие в мире лыжи. Сырье для них под боком, главным образом это береза. Но для самых хороших лыж покупают норвежцы в Америке дорогую упругую древесину гикори.

Далеко ли можно уйти на лыжах? Нансен девяносто лет назад на лыжах за 42 дня пересек Гренландию. Другой норвежец, Руал Амундсен, добрался на лыжах к Южному полюсу. Лыжи, реликвия этих походов, хранятся в музее. И конечно, норвежцы глядят на эти заостренные и загнутые дощечки, как на святыни.

Впечатляет, однако, и жизненная обыденность этой древнейшей оснастки ног для хождения по снегу. На работу — на лыжах, в гости — на лыжах, на охоту, в школу, за почтой, к больному на вызов, в одиночку, всей семьей, как только научился ходить и в годы, когда ноги служат уже еле-еле,— все время и всюду на лыжах! «Норвежец родится с лыжами на ногах» — из всех северных поговорок эта, пожалуй, самая точная.

У воды в лесах

Едем. Точнее, движемся: на автобусе, на паромах, на маленьком катерке. Наша команда — семь журналистов из европейских стран, которых норвежцы позвали в гости, позвали — пожаловаться на свои нужды, точнее, на южных своих соседей, откуда в Норвегию ветры приносят... Чего только не приносят южные ветры в Норвегию! Нам

дали пухлые папки с бумагами разных обследований. Сопровождающие нас ученые по ходу дела (на озерах, на реках, в лесах) объясняют, что происходит в природе Норвегии. Тревога эта серьезна и обоснованна. О ней разговор особый и обстоятельный. Теперь же представьте разноязычную группу газетчиков под опекой «сестры-хозяйки» (служащей министерства охраны среды) Ирины Сигиец. Перед каждой посадкой в автобус или на катер Ирина считает нас, как цыплят. Расстилает скатерти-самобранки в часы еды, заботится о ночлеге, о расписании паромов и самолетов. Ирине хочется, чтобы нам работалось хорошо и чтобы Норвегия нам понравилась.

Из окошка автобуса эта страна представляется лесом, в котором много озер и лишь кое-где лоскутком зеленеет или желтеет пашня. Дорога тут вьется то круто вверх, то несет тебя вниз, так, что ломит в ушах, будто ты в самолете. Этот пейзаж точно выражается в цифрах. Леса занимают четверть всей территории, два с половиной процента занято пашней, пятую часть занимают озера, остальное — горы, иначе говоря, камень, на котором ничего не растет.

Земля, конечно, не щедрая, но живописная. Озер тут, больших и малых, 200 тысяч. На карте они прозрачными слезками вытянуты с юга на север. На земле же это тихие синие воды, обрамленные елками и березами, лобастыми валунами, мягким желто-зеленым мхом,— наша Карелия, но гористей, куда гористей!

Леса сосновые и еловые поднимаются в горы до какой-то строго определенной природой отметки. А выше лишь дикий камень, местами сглаженный ледником, местами обрывистый, рваный. Проложить дорогу (точнее сказать, прорубить ее в камне) — дело и трудное и недешевое. Дорог тем не менее много. Их продолжают строить. Соединяют они иногда небольшие лесные поселки — очень важно, чтобы жизнь, сгущенная главным образом на побережье, не угасала и тут, в лесах.

Живут «полесовщики» главным образом тем, что дают им лес и озера. Ель идет на бумагу. Сосны пилят на доски и брусья. Вывозить за рубеж кругляком древесину запрещено — за распиленный лес выручается много больше, чем за сырье. К тому же химия поглощает отходы лесопильного производства.

Озера и реки искони тут были богаты рыбой. И любопытно, что воды нередко частная собственность. («Моя речка»,— сказал симпатичный норвежец, приглашая половить рыбу.) Нынешний вал туризма и страсть норвежцев к рыбалке частную рыбную речку или какое-нибудь озерцо могли бы сделать золотодонной водой, но приносимые южным ветром отбросы опустошают здешние воды. Мы видели много озер, в которых нет рыбы и нет вообще ничего,— пугающе тихая, неживая вода.

В таких местах исчезает, конечно, и след человека. Пустеют леса. Частенько мы видели на озерах лишь старый прикол для лодки и деревянный домишко, из которого ветром давно уже выдуло запах жилья.

Сам лес, нам сказали, тоже страдает от южного ветра. Но тут недуги по времени сильно растянуты, и заметить тревожные перемены сразу нельзя. Вот только очень сухие лето и осень наложили на все отпечаток. Повсюду висели предупреждения: «Туристам проход запрещен!» — сухие, как порох, леса берегли от пожаров. Выходя из

Когда природа
и искусство
соединяются вместе

автобуса поразмять ногн, мы чувствовали, как накален лес,— под ногамн ломко хрустели мхи н все, что опало с деревьев, на соснах блестелн янтарные капли смолы, брусника выглядела провяленной, казалось, от спички загорится сам воздух, пропитанный хвойным настоем...

Когда же с автобуса мы пересели на катер, открылась совсем нная Норвегия: светлая, ветреная, умытая соленой водой, нсточенная залнвами, бухтами, кишащая кораблями и лодкамн, заселенная густо, добротно, обращенная ликом к водяному простору.

Карта Норвегии в общедоступном атласе крадет подробности, упрощает очертання берегов. Зато на огромных листах, подаренных нам для работы, лицо Норвегнн нарисовано так, что видны малейшне родинки н морщины. Берег на этой карте выглядит очень затейливым кружевом: узкне бухты, залнвы, фиорды, лагуны, мелн, мыскн, острова — все это так многочнсленно, что вполне понимаешь Виктора Гюго, который сказал: «...они утомляют память путешественннка н терпенне топографа».

Наш катернишко (как, впрочем, н все, что двнгалось нам навстречу или нас обгоняло) шел не открытым морем, а в виду берега, между каменными островами, разнообразнымн конечно, но похожими все-такн друг на друга оттого, что было нх в самом деле до бесконечности много. Большинство — голые, другие — с домнком непонятного назначення, с маячной башней, колокольней, путевым знаком черно-белой окраскн. Этн прнбрежные острова с самолета выглядят, как котлеты на сннем блюде. Норвежцы называют нх «кальв», то есть телята.

Не в такие уж давнне времена женщнны местиых поселков, проводив мужей промышлять рыбу или в дальние плавания, велн тут

3-781

хозяйство. На островах запасался корм для скота. Рядом с весельными лодками от острова к острову вплавь добирались лошади.

Ветер тут всюду крепкий. Но острова унимают волну открытого моря, и потому любая посудина — весельная лодка из сосны или большой корабль — идет дорогой, проложенной в лабиринте торчащих из моря «телят». Эта дорога сейчас хорошо обозначена множеством огоньков, маяков, всякого рода знаками и упреждениями. Раньше же только лоцман, на память знавший водяную тропу, мог провести тут корабль.

Наш катеришко пришвартовался в местечке, особенно густо засеянном островками. И нас водили на гору, с которой несколько лоцманов, загородившись от ветра кладками из камней, наблюдали когда-то за горизонтом. Конкуренция заставляла быть зорким и скорым. Первым увидев корабль, лоцман бежал к своей лодке и на веслах (иногда скорость хода решала исход конкуренции) спешил встретить гостя. Вознаграждение за провод получал лоцман, первым поднявшийся на корабль.

В лоцманы шли обычно старые моряки, не сумевшие обзавестись семьей и списанные жизнью на берег по старости. Я живо представил себе стариков, стоявших на ветреной лоцманской горке в ожидании кораблей. На стертых ногами камнях высечен круг с перекрестками линий, помогавший, как видно, определять направления к кораблю. Рядом с кругом сохранилось на камне полустертое имя. Улав Лиен. Это след человека, проводившего тут корабли триста — четыреста лет назад.

Меньше всего меняется тут от времени камень. Островов наверняка столько же, сколько их видели самые первые люди. Следы же человеческой жизни время смывает. Но норвежцы кроме старинных построек, свезенных из разных мест в специальные поселки-музеи, тут, на берегу, умело сохранили поселения моряков тех времен, когда они ходили за рыбой или в дальние странствия только под парусом и на веслах. И не только гости-туристы, но и сами норвежцы с любопытством разглядывают, какой была пристань когда-то, как выглядели соляная лавка, чан для приема рыбы, старая церковь, ночлежка для моряков...

Современные городки, поселки и отдельно стоящие домики, проплывая вдоль берега, видишь все время. Жизнь пустила тут корни давно и прочно. И она продолжает тут утверждаться. Три миллиона норвежцев (из четырех) проживают на побережье. Естественно, что вода является главной дорогой, по которой общаются люди и перевозятся грузы. Дорога эта надежная и дешевая. По ней идут большие суда и многие тысячи маленьких — на моторе, под парусом, просто на веслах. «Вода — это наше шоссе»,— скажет норвежец. Особенность здешней водной дороги в том, что во многих местах она глубоко и ветвисто врезается в сушу. И тут уж некуда деться — придется сказать о фиордах.

Фиорды

Можно совсем забыть географию, но слово «ф и о р д» почему-то у каждого крепко сидит в голове. Можно мало что знать о Норвегии, но каждый скажет что-нибудь о фиордах. Что же это все-таки за явление — фиорд?

Когда глядишь с самолета, видишь, что это морской язык, глубоко лизнувший сушу. Когда плывешь по фиорду, видишь два берега, как будто плывешь по широкой и очень тихой реке. Глубина под килем очень надежная (бывает и глубже моря, из которого ты плывешь в эту узкую щель в скалах). Берега временами повторяют друг друга, как близнецы,— один повернул, и второй тоже. Обрывы скал высотой больше ста метров. Редкие деревца на обрывах. Речонка льется в фиорд водопадом. Но миновал водопад, и опять тишина. Вода отражает два берега. Удар колокола в церквушке, прилепившейся с горсткой домов под обрывом, звучит тут совсем иначе, чем на равнине или в горах. Мотор на катере намеренно выключен, и кажется, кожей чувствуешь необычную тишину. На море, оставшемся за кормой, в это время бушуют волны (возможна даже и буря), но в этом узком каньоне слышишь, как падают капли с весла.

Сказать о фиорде: морской залив — это не точно, пожалуй, даже неверно. Это скорее длинное озеро, породненное ледником с морем. Сами озера в здешних местах — прорези ледника. Глядя на карту, родство озер и фиордов замечаешь немедленно. Но в озерах вода всегда пресная, в фиордах же воды слоеные: снизу — морская, соленая и тяжелая, а над ней — толщиной примерно в метр — слой воды талой, сбежавшей сюда водопадами по весне. Моряки знают этот секрет и в устьях фиордов запасаются пресной водой.

Фиордов много, почти все они судоходные. Временами они так близко подходят друг к другу, что издавна люди наладили волоки («эйдеры» по-норвежски). Немного пути по суше — и лодка в другом фиорде. Самый большой из фиордов — Согне-фиорд. Длина от устья до «головы» — 204 километра.

О сороке и леммингах

Из окошка гостиницы утром наблюдал любопытную сцену: по перилу балкона осторожно кралась сорока. Улучив момент, она юркнула в форточку и полетела в кусты с серебристой бумажкой в клюве. Удивляла не дерзость известной воровки, безбоязненно жившей в самой середине приморского городка, в который раз удивила сама эта встреча с сорокой, вездесущность знакомой птицы. Я ее видел у нас повсюду — от Прибалтики до Камчатки, видел на прибрежном песке в Африке, во Вьетнаме на пальмах, на березах в северной части Америки. И она везде одинакова: любознательна, воровата, криклива. Нахальство в ней сочетается с осторожностью. И конечно, она красива, сорока, которую тут, в Норвегии, называют шэре.

Выясняя у норвежца-зоолога, какие звери и птицы здесь обитают, я обнаружил своих земляков: ласточки, воробьи, совы, кукушки, синицы, дрозды, зайцы, лисы, бобры, куницы, ласки, олени, на севере есть росомахи, песцы.

— И знаете,— встрепенулся зоолог,— волк появился! Недавно в газетах писали: обнаружено логово...

Волков, медведей, росомах и лисиц традиционно тут истребляли. Давали награду за каждую шкуру. Теперь охраняют, как драгоценность,— «волк появился», «медведей голов пятьдесят — шестьдесят еще есть».

Природу свою норвежцы умеют беречь, и все же диким животным тут остается места все меньше и меньше. Пожалуй, лишь лемминг — «норвежская мышь» (у нас называют ее пеструшкой) — продолжает дивить людей неукротимой плодовитостью, набегами с севера в южные земли, ритмичными, как прилив и отлив.

Пеструшки-лемминги в спячку зимой не впадают и даже в стужу плодятся. В каждом помете десяток очень быстро вырастающих малышей. И вскоре у этого «десятка» появляется свой «десяток». Простые правила математики позволяют прикинуть, по какому закону растет эта масса прожорливой мелкоты. И наступает момент, когда численность леммингов достигает критической точки (периодичность — четыре года) и они устремляются с мест обитания «куда глаза глядят». Поедая траву и корни травы, кору ивы, осины, березы, эта северная саранча движется плотным живым ковром. Лемминги гибнут, встречая преграды, но какая-то часть минует препятствия и продолжает переселение. В иные годы численность леммингов и напор их движения бывают так велики, что почти все районы Норвегии подвергаются их нашествию. Такие годы называются «лемминорами». Последний лемминор был в 1970 году.

Легко догадаться: на эти же годы приходится вспышка численности многих других животных, потому что лемминг являет собой начало пищевой цепи, тут, на севере, особо ясно заметной...

Приглядываясь к пробегающим мимо дороги деревьям, тоже видишь своих знакомых: ели, сосны, березы, липы, рябины, ивы, ольха, черемуха. Но любопытно, что тут рядом с черемухой и березой видишь южан: плющ, миндаль, абрикос.

На вопрос: «Какое дерево норвежцы особенно почитают?» — мне не назвали ель и сосну, которые видишь чаще всего и которые составляют богатство здешних лесов. Назвали березу. Березы на скалах не похожи на наших равнинных красавиц. Они узловаты, кряжисты, раскидисты. На самой круче, на юру, на ветру, на голых камнях, где ничто не растет, даже мох, береза стоит как вызов всем трудностям. «Это наше национальное дерево. Мы любим березу за красоту и за наш норвежский характер — неприхотливость, выносливость, жизнестойкость».

Урок

Норвегия первой в Европе ввела (1860 год) бесплатное и обязательное обучение детей с семи до четырнадцати лет. Воспитанию тут и теперь уделяют пристальное внимание. В маленькой деревеньке по дороге из Осло на юго-запад мы перекинулись словом с молоденькой учительницей, только что приехавшей сюда на работу.

— Сколько же будет учеников у вас в школе?

— Одиннадцать.

— Одиннадцать?

— Одиннадцать.

Школа в деревне была закрыта. Но в этом году опять открывается — учительница осматривала помещение, принимала разного рода утварь, привезенную на желтом грузовичке.

— Всюду, где есть минимум пять учеников, с этого года открываются школы...

Несколько лет назад правительство, подсчитав, во что обходится

обучение в таких вот разбросанных по стране поселках, нашло, что следует мелкие школы закрыть, а открыть в округах школы большие, хорошо оборудованные. Одних ребятишек привозить сюда на автобусах, других поселить в интернатах... И вот теперь это, казалось бы, разумное решение пересмотрено. Опять открываются, пусть хуже оборудованные, пусть с одним учителем, мелкие школы. Жизнь показала: обучение и воспитание в отрыве от родителей — неполноценное воспитание. Но это не все. Вырастая вдали от дома, от земли, деревенского уклада жизни, от всего, что в детстве привязывает человека к родному месту, молодые люди «теряют корни». Они равнодушны к тому, где им жить. Они становятся, как сказали бы у нас, травою перекати-поле.

Таков урок. Урок любопытный и поучительный. И не только для норвежцев, конечно.

Домик в горах

Норвежец, где бы ни жил — в столичном ли Осло (тут говорят «Ушлу»), в городках ли поменьше или в рыбацком поселке, будет стремиться построить еще и домик в горах. Эти домики видишь повсюду. Уединенные, без видимой связи с суетой жизни, отраженные в тихой воде, как гнезда, прилипшие к скалам, они такая же характерная часть Норвегии, как и фиорды. У богатых дома богатые (и в местах наиболее живописных), у бедняков домишки простые, но сделаны с поразительной аккуратностью, пожалуй даже изяществом. И везде одинаково чувствуешь заботу людей не подавить природу своим присутствием, а приютиться под крылом у нее.

Слово «дача» для домиков не подходит. Они похожи скорее на наши «садовые домики». Только «садом» человеку здесь служит дикий мир леса, камней, шумных речек и тихой озерной воды. Ни в какой другой стране я не почувствовал большей близости человека к природе, чем тут. Где-нибудь в Полинезии или в Африке люди еще не порвали пуповину естественных связей с природой. В Норвегии же эти связи умело культивируются. Домик в горах — это не место, где в выходные дни валяются на диване, играют в домино, читают или сидят за чаем. Лодка, лыжи, пеший поход по горам (для полной выкладки норвежец положит в рюкзак сверх обычной поклажи еще пару увесистых валунов) — вот зачем едут из города в горы.

Все норвежские горные домики, когда, проезжая, смотришь на них из окошка, роднит один примечательный знак: у каждого дома мачта, и на ней обязательно флаг. Его поднимают не только в дни государственных праздников, но и в дни семейных торжеств: день рождения, свадьба, приезд хорошего друга. Норвежцы, сдается, ищут любого повода для поднятия флага.

Наш приезд на озеро Ляуна этим и был отмечен. Хозяин домика поспешил к мачте, и наше знакомство проходило под хлопанье на ветру красного полотна с сине-белым крестом.

Хозяина звали Уляус.

— Уляус Онслон,— представился он всем нам по очереди и пригласил в домишко с оленьим рогом над дверью. Потом гостям были показаны «собственное озеро», банька, сарай для дров, плоскодонная лодка.

Живет Уляус бобылем. Когда-то в озере была рыба. Но в 1955

году (Уляус эту дату хорошо помнит) в последний раз он вынул из воды аборя (окуня).

То же самое происходит на многих озерах. Ученые ищут тому причину, и тут, на Ляуне, у них станция. Одинокий немолодой человек оказался при деле и был рад сейчас нашей компании, пришедшей с дороги по узкой, заросшей черемухой тропке. Мы пили кофе, говорили с учеными. В какой-то момент разговора хозяин поманил нас с Альмой (нашей переводчицей) к себе на скамейку.

— Ваше имя напомнило мне одного человека...

Наспех, боясь отстать от нашей компании, я записал рассказ — частицу жизни встречного человека.

В семье Олслонов было тринадцать детей. Семь сыновей — Аре, Осмунд, Онун, Адольф, Уляус, Уляв, Франц — и шесть дочерей — Кристине, Анна, Мария, Марта, Гюдрун, Сигне. У каждого брата было свое занятие. Двое рыбачили, двое охотились, пятый по возрасту Уляус был плотником — строил в горах такие вот домики.

Я спросил: «Много ли выстроил?» Уляус помолчал с минуту, прикидывая в уме.

— Восемнадцать. Все целы. Я работал на совесть.

Вместе братья собирались на этом «семейном озере», удили рыбу, косили сено, зимой ходили на лыжах. Тут, на озере, застало их известие о войне. Три младших брата сразу ушли в партизаны. Поручение у них было простое: относить в глухую избушку в горах телеграфисту сообщения в Лондон и приносить в деревню ответы. Немцы выследили братьев и всех троих отправили сначала в портовый Кристиансанн, потом в лагерь под Осло, а затем в Дахау.

— Из троих я остался один. Уляв и Франц погибли. Я видел черный дым крематория. С ума не сошел потому только, что думал об этом вот озере. Старался все время думать о нем. Об этих кувшинках, о кругах по воде от рыб. Я был скелетом и вернулся сюда калекой. Сил хватило только держать в руках удочку. Но рыбы в озере вот не стало... Да, забыл самое главное,— спохватился старик,— в лагере знал я вашего парня с Волги. Звали Василий. Хорошо помню имя. Он был такой же скелет, как и я, но держался бодрее всех. Однажды он споткнулся, когда вели на работу, и подняться уже не мог...

Мой собеседник помолчал, прислушиваясь к тревожному крику птицы за ольхами. День был ветреный. По воде бежала мелкая рябь. У домика на флагштоке хлопал нарядный флаг.

— И еще вы должны знать,— сказал Уляус, когда нам с Альмой уже надо было спешить к автобусу.— Вы должны знать: тут, в горах, немцы держали русских пленных. Расстрелы, голод, каторжная работа. Норвежцы, чем могли, помогали вашим людям. Немцы повсюду расклеили надписи: «За помощь русским — расстрел». Все равно помогали. И ни один норвежец не выдал русских, если им удавалось бежать.

Мы тепло попрощались с хозяином озера. С дороги домик и воду было уже не видно. Повыше елей краснела полоска флага, который Уляус Олслон поднял к приезду гостей.

Великие

Прощаясь с Осло, я забежал в лавку купить что-либо иа память, ио не купил. «Карманиые деньги» в пяти зелеиых бумажках показались мне ннтересиее безделушек, предназиачеиных для туристов. Они лежат сейчас на столе рядом с норвежскими картами, фотопленкой, фигуркой викинга в шлеме (подарок друга), записиыми книжками, газетными вырезками, н я с любопытством разглядываю в увеличительное стекло лица иа этих бумажках.

На одной — поэт Вергелани, иа другой — драматург Бьёрнсон, иа третьей — драматург Ибсеи, иа четвертой — самой ходовой бумажке в пять крои — путешественник Нансен. Эти люди — гордость Норвегии. Но для всех, кем гордятся в этой стране, в ходящей по рукам «галерее» места далеко ие хватило. Композитор Григ, живописец Мунк, скульптор Внгелани, путешественник Амундсеи, наш современник Тур Хейердал...

«Не бросили за борт» иорвежцы и Гамсуна. Книги его нздаются. И он остался, конечио, великим писателем. Но в галерею почета его не поставишь.

Нн один народ талантами ие обделен. Но то, что создано в Норвегии к концу XIX века, сразу было замечено и признано миром. Энгельс писал: «Норвегия пережила такой подъем в области литературы, каким не может похвалиться за этот период нн одна страна, кроме России».

У нас великих норвежцев знают достаточио хорошо. Но стоит напомнить: один из инх жил иедавио, был другом нашей страны, и, возможно, есть люди, обязанные жизиью этому иорвежцу. Имя его Фритьоф Нансен.

Это был подлниио великий человек. И если бы кто-ибудь из начинающнх жизненный путь попросил назвать образец человека для подражания, Фритьоф Нансен должеи быть изван одним из первых.

О Нансене много написано. (Нелишне было бы кое-что издать заново специально для молодежи.) Тут же уместно для привлечения внимания к книгам о Нансене упомяиуть лишь отдельные характерные черточки жизни, которой гордятся норвежцы и которой может гордиться все человечество.

Первым заметным шагом его биографии является иеобычный поход на лыжах. Молодой Нансен решил пересечь Гренландию. Норвежцы всегда отличались страстью к рискованным странствиям. Но тут все были единодушны: это невыполиимо. Даже газеты, обычно потакающне сенсациям, иа этот раз иаписали: «Было бы преступлением оказать поддержку самоубийце».

Нансен пересек Гренландию на лыжах. На это ему н его другу-спутнику Свердрупу понадобилось сорок два дня. Последующне его достижения в спорте показали, что этот успех не был счастливой случайностью. За свою жизнь Нансеи двенадцать раз завоевывал титул чемпиона Норвегии по лыжам, был чемпиоиом мнра по бегу иа коньках. Однако спорт сам по себе его прнвлекал постольку, поскольку «главное — иметь тренированиое, выносливое тело для жизни н для работы».

Он был бнологом. Докторскую степень защитил за четыре дня до гренландского перехода. Целеустремлениость и трудолюбие были у

Нансена поразительные. Получив золотую медаль за одну нз первых своих работ, он настоял, чтобы исполнили эту медаль нз бронзы, а разннцу в стоимости выдали ему деньгамн. На эти деньги он напряженно несколько месяцев проработал на биостанции Средиземного моря. Его перу принадлежит много блестящих работ о жизнн вод. Он был профессором-океанографом, был талантливым художником, был прекрасным органнзатором. И все это вместе объедннял еще и талант нсследователя-первопроходца.

Авторнтет его в этих делах был так велнк, что правнтельство немедленно отозвалось на его просьбу построить корабль для плавания в Северном океане. Он сам наблюдал за строительством корабля. Настоял, чтобы он был деревянным. Его желаннем было дать ему имя «Фрам», что по-норвежски значит «вперед».

Умелые морякн разных профессий считали за честь предложить себя в спутникн Нансену хотя бы в качестве кочегара или матроса.

Я видел «Фрам», стоящий сейчас на вечном приколе под музейной крышей, ходил по палубе, заглядывал в трюм, где все сохранилось в том виде, как было при знаменитых походах. Видел пожелтевшне фотографин торжествеиных проводов и ликующих встреч корабля. В первое плавание Нансен уходил уже нацнональным героем. После трех лет скитаний во льдах («Фрам» достиг тогда шнрот, где человек никогда еще не бывал) и после трех лет безвестиости (радно не было) слава его стала всемнрной.

Ромеи Роллан, понимавший толк в людях, назвал Нансена «европейским героем иашего времени». Чехов, столь же высоко ценивший Пржевальского, преклонявшийся перед мужеством путешественников-первопроходцев, глубоко снмпатизировал лнчностн благородного норвежца. Нансеи для Чехова был воплощеннем его ндеала: в человеке все должио быть прекрасно — лицо, одежда, поступки. Чехов решил даже иаписать пьесу «о людях во льдах». Для «вхождения в матернал» был разработан план поездкн в Норвегню. Найдены были спутники-переводчики, назначены срокн поездки (осень 1904 года). Но болезнь рассудила нначе. Лето унесло Чехова.

Нансену в это время было сорок три года. Он прожил еще двадцать семь лет. И это ие былн годы почивання на лаврах. Неустаниый труд, участие в подготовке новых экспедицнй «Фрама» (Нансен благородно уступил возможиость бороться за достиженне Южного полюса Амундсену), новый поход по Ледовитому океану в устье нашего Енисея...

Норвежцы предложили Нансену стать королем. Он отказался полушутя-полусерьезно: «Я атенст. А король по конституции должен быть человеком верующим».

В нашей стране Нансен был иесколько раз по делам путешествнй. «Я полюбил эту огромную страну... с ее обширнымн равнинами, горамн н долннами». Сибири он предсказал великое будущее и в 1914 году считал, что это будущее недалеко.

А в 1921 году, во время страшного голода после засухи н разрухн, Нансен прнехал в Поволжье, чтобы увидеть, как н чем помочь голодающим. Его нменем, энергией, его благородством н бескорыстием был освящен хлеб, купленный на жертвеиные деньги. Сам он, ни минуты не колеблясь, потратил на помощь голодающим волжанам

полученную в 1922 году Нобелевскую премию мира (122 тысячи крон золотом).

Любопытно, что соратником Нансена в благородной помощи России в трудное время был Отто Свердруп, тот самый, с которым Нансен пересек на лыжах Гренландию...

Таким был норвежец, воплотивший в себе все лучшее, что есть у народа его страны, считавший главным своим назначением в жизни сближать народы уважением друг к другу. На родине есть ему памятники. Я думаю, и на Волге памятник Нансену был бы очень уместен.

«Плавать по морю необходимо»

...После ужина он расстелил на столе карту, разгладил ее жилистыми руками и оглядел нас добрыми, слезящимися глазами:

— Плавать по морю необходимо...

Я попросил Альму перевести ему окончание знаменитого изречения: «Жить не так уже необходимо». Старик встрепенулся.

— А вы откуда это знаете?

Так началась беседа о море, о моряках-норвежцах, о том, что в этих местах море всегда было главным кормильцем и что плавать по морю было в самом деле необходимо. Мы расспрашивали, старик посасывал трубочку и отвечал спокойно, неторопливо, напомнив мне знакомого капитана, который говаривал: «Милый, я так много видел, что мне и врать не надо».

Но оказалось, Свейн Муляуг, которого мы посчитали за старого капитана, сам никогда не плавал. Мать почему-то не захотела, чтобы сын, как все в роду, сделался моряком. Возможно, другой кто-нибудь сбежал бы попросту на корабль. Но он не ослушался матери, однако и моря не разлюбил. Он взялся изучать море и жизнь моряков и так преуспел, что, когда освободилось очень почетное место директора Морского музея в Осло, все решили справедливо пригласить на это место Свейна Муляуга.

Нам шепнули: «Нет в Норвегии человека, который лучше бы знал историю мореплавания, жизнь моряков, все, что связано с кораблями и странствиями». Старик прилетел из Осло, чтобы встретиться с нами и показать древнюю часть морского пути, превращенную теперь в заповедиую зону.

Утром Свейн Муляуг повел нас на маленький катерок, и вместе с ним мы целый день плыли вдоль побережья южной части Норвегии среди островов, маяков, весельных, парусных и моторных судов — попутных и встречных. Было ветрено, но старик ничего не надел сверх синей полотняной рубашки и не покрыл голову. Он посасывал крючковатую трубку, махал узнававшим его матросам и хвалил капитана нашего катерка: «Хороший моряк — осторожный моряк».

И конечно, старик рассказывал обо всем, что медленно проплывало по сторонам,— о древних могилах норвежцев, грудой камней темневших на берегу («Им четыре тысячи лет!»), о самом старом в здешних местах путевом знаке под названием «солдат», о мастерстве лоцманов, проводивших суда по лабиринту скал, о местах, где чаще всего терпели бедствия корабли.

Старик знал, на каком острове лучше всего вырастают травы на сено, где держат пчел, из какого местечка вышло больше всего

капитанов, где издревле делают лодки, где шьют паруса, где лучше ловится рыба. Указав на один из поселков, старик сказал: «Отсюда во время блокады на обычной весельной лодке тайно ходили в Англию за зерном».

— Плавать по морю необходимо,— улыбнулся хранитель морской истории, когда мы прощались с ним на причале в Кристиансанне. На мой вопрос, в какую часть Морского музея надо прийти в первую очередь, старик сказал: «Идите сначала к «драконам»».

...Не знаю, есть ли изделия рук человеческих более совершенные, чем эти знаменитые лодки. Даже не на воде, а под музейной крышей, на металлическом основании, они выглядят сказочными птицами, и просто не верится, что все это было сработано топором, пролежало в земле тысячу лет и что на этой дубовой лодке длинным путем «из варяг в греки» плавали, возможно, и по Днепру. И именно на такой лодке (под парусом и на веслах) удачливый норманн Лайф Эриксон достиг с друзьями Винланда (Виноградной земли), названной позже Америкой.

В музее есть экспонаты, по которым можно проследить развитие мореходных средств от долбленок и лодок из шкур лося до легендарного деревянного «Фрама». Лодки «драконы» в этой истории—особая веха. Именно эти суда прославили норманнов, сделали доступными им дальние страны и утвердили как моряков-воинов.

Дело в том, что лодка типа «дракон» отличалась от всего, что делалось человеком для плавания раньше. У «дракона» был киль— днище лодки плавно переходило в высокий гребень, сообщая судну устойчивость, быстроходность, возможность ловко им управлять. Изобретение норманнов сразу дало им невиданные преимущества, понять которые можно сегодня, сравнив, например, самолет винтовой с реактивным. Лодка норманнов с тридцатью гребцами и бывалым умелым кормчим не знала пределов странствий, была надежна во всех делах: торговых, военных, первопроходских.

Появление «драконов» относится к XIII веку. И сразу на многие годы норвежцы сделались властелинами водных дорог. «Тридцать витязей прекрасных» были отважными, дерзкими и выносливыми воинами. Появление лодки с норманнами заставляло трепетать жителей прибрежных поселков и городков. В хрониках сохранилась молитва, утвержденная римским престолом: «Господи, сохрани нас от ярости норманнов!» Ярость, с какой нападали и дрались команды «драконов», всех устрашала. Сами воители говорили: «Даже собака не должна залаять нам вслед». Выносливые, дерзкие, способные на своих лодках догнать любого и уйти без помехи, если силы были неравными, они к тому же и не страшились смерти. Старость не почиталась, а смерть в постели считалась постыдной. Странствия с окончанием жизни в бою были идеалом людей, вошедших в историю под названием викингов (славяне их называли «витязями» и «варягами»).

Наши предки умели, как видно, ладить с варягами. Справедливости ради надо сказать, варяги-воины одновременно были и оборотистыми торговцами, умевшими, где надо, не грабить, а меняться товаром по справедливости. Слово «витязь» в нашем языке имеет ясный оттенок доблести, а «варяг» понимается как чужеземец, но терпимый и, если верить легенде, как будто даже желанный. В истории отношений Руси и норманнов есть любопытный факт

«породнения»: король Харальд III (до того как сесть на престол, ходил в странствия викингом), побывав на Руси, женился на дочери киевского князя Ярослава Мудрого...

Уже вернувшись из Осло, я пошел в Третьяковку с единственной целью — постоять у картины «Заморские гости», писанной Рерихом. Я и раньше любил этот холст, пронизанный синью. Море. Небо. Остров. И большая нарядная лодка, под парусом, со щитами по борту, приближается к берегу. Теперь я глядел с особенным интересом на «заморских гостей». Несомненно, это варяги-викинги («викинг» — человек из залива, «вик» — по-норвежски «залив») и так на воде выглядели легендарные лодки «драконы».

Форма и очертания этих лодок, надо думать, были известны всегда. Но сто с небольшим лет назад при раскопке кургана норвежцы обнаружили лодку, пролежавшую в земле тысячу лет. Потом еще одну откопали. А семьдесят лет назад обнаружен «дракон», сохранившийся полностью. Крепость дуба и удачная почва (торфяник) сберегли для нас мореходный снаряд тысячелетней давности.

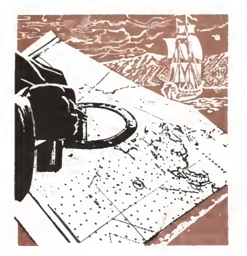
Вождей язычники-викинги погребали в знаменитых своих кораблях, положив туда все, что усопшему будет надо в новой жизни. (В сохранившемся корабле обнаружили сани, телегу, лыжи, домашнюю утварь, зерно. Все это видишь в музее.)

Могла ли беспалубная весельно-парусная, пусть и большая, лодка норвежцев одолеть Атлантический океан и добраться в Америку? На этот счет было много сомнений. В 1891 году норвежцы их рассеяли. К открытию в Чикаго всемирной выставки они построили точную копию лодки, найденной при раскопках. Смелые люди под парусом и на веслах решили повторить одиссею Лайфа Эриксона. И она полностью удалась — ладья дошла до Чикаго! Наглядно и убедительно доказаны были не только превосходные качества древних лодок, но и не растерянное с годами умение викингов-мореходов.

Само слово «викинг» стало символом смелого странствия. И не случайно ведь легендарный корабль российского флота назывался «Варягом», а в наши дни словом «викинг» (на американский лад «вайкинг») был назван космический аппарат — путешественник к Марсу. Для самих норвежцев в этом слове призыв: плавать по морю необходимо! Совершенно необходимо, потому что море подходит тут прямо к порогу дома.

1977 год

АРНОЛЬД ПУШКАРЬ

ПО СЛЕДАМ БЕРИНГА

Очерк

Художник В. ЗАХАРЧЕНКО

В 1978 году исполнилось 250 лет плавания бота «Св. архангел Гавриил» у самых дальних северо-восточных берегов России, закончившегося выдающимся географическим открытием. Этой морской экспедицией, обнаружившей пролив между Азией и Америкой, руководил Витус Беринг. Его имя кроме пролива носят мысы на Чукотке и в Охотском море, залив на Аляске и море, омывающее берега Камчатки, Чукотки, северо-западное побережье Америки. Его открытие, о котором написаны сотни трудов, и поныне вызывает споры. Снова и снова историки и моряки листают страницы летописи славного похода.

...24 января 1725 года обоз из 25 саней с необходимым для постройки кораблей снаряжением медленно двинулся из Санкт-Петербурга. Везли два десятипудовых якоря, толстые канаты, парусину, пищали и фальконеты, продовольствие. Так началась Первая Камчатская экспедиция, которую возглавил Беринг. Датчанин по рождению, он 38 лет, то есть всю сознательную жизнь, отдал русскому флоту. Храбрый, скромный и исполнительный офицер, он «делал свои кампании» на Азовском, Белом и Балтийском морях. Ему-то Петр I и предложил в последний год своего правления: «...на Камчатке или в другом тамож месте сделать один или два бота с палубами. На оных ботах возле земли, которая идет на Норд... искать, где оная сошлась с Америкой». К тому времени «отписка» Семена Дежнева, первым установившего, что между Чукоткой и Аляской есть пролив, затерялась в канцелярии Якутского воеводства. Потому-то в инструкции, написанной Петром Великим за три недели до смерти, перед Берингом и ставилась задача искать место соединения Азии с Америкой. Помимо этого экспедиция должна была нанести на карту дальневосточные окраины, установить возможность торговых отношений с соседними странами.

Помощником многоопытного Беринга был назначен 22-летний лейтенант Алексей Чириков. Он учился в навигационной школе в Москве, а потом был переведен в Морскую академию в Петербурге, созданную для подготовки офицеров флота. Окончил ее с отличием

По маршруту 1-й экспедиции Витуса Беринга (1725—1729 гг.)

и через год стал здесь же преподавателем. Сам Петр зиал и высоко цеиил способности Чирикова, потому-то произвел его в лейтеиаиты и назиачил в экспедицию. По оценке Адмиралтейств-коллегии, «показал себя тщательиым и исправиым, как иадлежит искусиому морскому офицеру», и, когда был издан указ об оргаиизации Второй Камчатской экспедиции, Чириков виовь был иазначеи помощииком Беринга. Имя Чирикова, как и имя Беринга, увековечено иа карте северо-восточиой части Тихого океаиа.

Лишь через три года, преодолев десять тысяч километров бездорожья и испытав всевозможиые лишеиия, отряд Беринга пришел в Охотск иа берег Тихого океана, а потом иа Камчатку. Как записано в «Юрнале бытиости в Камчатской экспедиции мичмана Петра Чаплина», 4 апреля 1728 года в Нижие-Камчатском остроге состоялось торжество. «В 9-м часу пополудни, собрав всех служителей и мастеровых людей, учиия молитву, заложили бот». Главиым строителем был «ученик ботового дела» Федор Козлов. Деревяииый набор судна скрепляли гвоздями. При длине 18 и ширине 6 метров бот имел осадку в 2,3 метра, осиащен был двумя девятипудовыми якорями, парусами, несколькими фалькоиетами. В июие бот, который иарекли имеием «Святой архангел Гавриил», был готов. 13 июля 1728 года «Св. Гавриил», на борту которого было 44 человека, в том числе Беринг, лейтенанты Чириков и Шпаиберг, мичман Чаплии, взяв курс иа север, двииулся вдоль берегов Камчатки.

Плавание продолжалось лишь полтора месяца, ио имело огромиое значеиие. Бериег и

его спутники, пройдя из Тихого океаиа в Ледовитый, открыли пролив, разделяющий два коитинента, и ианесли иа карту северо-восточиое побережье Азии от устья реки Камчатки до мыса Дежиева. К сожалению, когда «Св. Гавриил» вошел в пролив, как здесь часто бывает, стояла туманиая погода и американского берега ие было видно. Беринг спешил закоичить экспедицию до иаступлеиия зимы, поэтому, выйдя в Ледовитый океаи и убедившись, что азиатский берег круто поворачивает иа запад, посчитал свою задачу выполиеииой, иесмотря на возражеиия Чирикова и других участиков офицерского совета.

В 1730 году в газете «Санкт-Петербургские ведомости» было иапечатано со ссылкой на Беринга сообщеиие о том, что «подлииио северо-восточиый проезд имеется, таким образом... из Леиы, ежели бы в севериой страие лед не препятствовал, водяиым путем до Камчатки и тако далее до Япоиа, Хииы и Ост-Иидии доехать возможно б было». Это первое печатиое сообщение о существовании пролива между Азией и Америкой.

С той поры мииуло два с половиной столетия. И хотя изучением плавания Беринга занимались такие выдающиеся мореплаватели, как Сарычев, Кук, Крузеиштери, Головии, Литке, Макаров, и миогие исследователи-историки, до сих пор ие было едииого миеиия о том, что оно дало географической иауке. Споры вызывались имеиио тем, что Бериг и его штурманы из-за тумана не видели берегов Америки, а иекоторые историки утверждают, что ие видели и азиатского берега.

Как известио, Джеймс Кук, побывавший в этих водах полвека спустя, высоко оцеиил результаты экспедиции Бериига. Ои писал: «Отдавая должиое памяти Бериига, я могу сказать, что ои очеиь хорошо ианес иа карту берега, определив координаты с точиостью, которую при его возможиостях трудно было бы ожидать». Спутники Кука Форстер и Кинг в знак призиания трудов Бериига дали его имя проливу между Азией и Америкой.

Экспедиция Федора Литке, пользовавшаяся вахтеииым журиалом «Св. Гавриила», также подтвердила открытие Бериига. И все же иаходятся различного рода скептики. Оии ссылаются, в частиости, иа то, что «шханечиый журиал» «Св. Гавриила», выдержки из которого печатались в прошлом веке, в иаше время считается утерянным. Некоторые авторы сомневались, существал ли ои вообще.

Да, существовал! Это неопровержимо доказал владивостокский историк Аркадий Александрович Сопоцко. Штурман по образованию, ои увлекся историей морского флота, много лет изучал судовые документы экспедиций и отыскал в архивах подлиииый журнал плаваний «Св. Гавриила» в 1728 и 1729 годах.

Вахтеииый журиал, который раньше назывался «диевиой запиской», «шханечиым журналом»,— это осиовиой судовой документ. В иего пунктуально заиосится все достойиое упомииания. Естествеиио, в ием скрупулезио отмечается пройдеииый кораблем путь, приводятся сведеиия о побережье и островах, возле которых проходило судно, о морских животных и птицах, о местиом иаселении и т. д.

В Центральиом государственном архиве Воеиио-Морского Флота хранится более ста тысяч вахтеииых журиалов кораблей русского флота иачииая с 1719 года, есть оии и в архиве Академии иаук СССР.

Сотни старинных судовых документов побывали в руках Аркадия Сопоцко, прежде чем он обратил внимание иа дневник мичмана Чаплина. Лишь начало этого документа было личным дневником, а дальше он представлял собой шханечный журнал, который вели Чаплин и Чириков во время плаваний в 1728—1729 годах.

И российский сенат, и многие исследователи позднее упрекали Беринга в том, что, отправившись на поиски Америки, он так и не нашел ее. На самом деле экспедиция преследовала не только те цели, о которых говорилось в официальиой ииструкции. Восстановлеиный Сопоцко по записям в журнале и проложеиный на 25 современных морских картах маршрут «Св. Гавриила» показал, что экспедиция не только открыла Берингов пролив, но и описала побережье Камчатки, севериые острова Курильской гряды. Наконец был развеян миф о существовании легендарных земель Гамы и Компании и составлена первая иаучиая карта северо-восточиого побережья Азии.

Но почему же об этом ие знали исследователи прошлого? Дело в том, что судовые документы миогих экспедиций считались секретными и не были доступны для изучения. Шханечные журналы XVIII века лишь в известной мере использовались в качестве справочиого материала мореплавателями XIX века. Так, спустя много лет после плавания Беринга его журиалы попали в руки Литке, а позже Сарычева, Коцебу, Головнина. Потом журналы Беринга потеряли практическую цеиность и были забыты.

Стоит ли говорить, какой ущерб приоритету русских путешественников наносило то, что их журналы держались в тайие! Только по этой причине иа морских картах появились английские названия земель, которые первыми посетили наши моряки.

Изучая старинные вахтенные журналы, Сопоцко сумел отыскать редчайшие сведения, позволяющие установить иаш приоритет в открытии многих земель. В публикациях иашего времени обычио указывалось около десяти географических пунктов, открытых Берингом. В шханечиом журнале «Св. Гавриила» только на пути от устья реки Камчатки до мыса Дежиева указано 48 открытий.

Чтобы окончательио доказать открытия Беринга, иадо было, выражаясь современным языком, смоделировать его плавание, причем в условиях наиболее близких к условиям той поры. Эту идею поддержали руководители Приморского филиала Географического общества СССР Е. Краснов и Б. Сушков. Нашлись энтузиасты для организации такого плавания. Это преподаватели и курсанты Дальиевосточного высшего инженерного морского училища, которое недаром иосит имя одного из самых предприимчивых и отважных мореплавателей — Г. И. Невельского.

Еще в 1971 году начался цикл плаваний на яхтах «Родииа» и «Россия» по маршрутам Невельского. В училище установилась традиция — ежегодно устраивать чтения Невельского, на которых подводятся итоги летних плаваний.

Особенно оживился интерес к этим плаваниям, когда А. Сопоцко нашел журнал Беринга. Теперь помимо спортивного интереса появилась цель — подтвердить приоритет его открытий.

И вот через 250 лет после знаменитого плавания таким же июльским днем из Усть-Камчатска, где командор строил свой бот «Св. Гавриил», вышли два маленьких парусных суденышка — «Родина» и «Россия», казавшиеся хрупкими скорлупками по сравне-

Капитан яхты «Россия» В. Б. Манн

нию со стоявшими на рейде современными кораблями. А между тем им предстоял неблизкий и нелегкий даже для стальных гигантов путь — в холодный, туманный и мелководный Берингов пролив, к Полярному кругу, куда уже давно не наведывались суда под парусами.

Так началась экспедиция по моделированию плавания Беринга. Она располагала фотокопией шханечного журнала «Св. Гавриила» и картой Беринга. Задача состояла в том, чтобы пройти по маршруту экспедиции Беринга, подтвердить приоритет Первой Камчатской экспедиции в ряде географических открытий, изучить условия плавания парусного судна в северных широтах при сильной качке с навигационными приборами XVIII века, провести медико-биологические наблюдения.

При этом были использованы две морские яхты класса «Л-6» водоизмещением 6,5 тонны и длиной 12,5 метра (на 6 метров короче, чем «Св. Гавриил»). А по удобствам яхты даже уступали судну той поры, поскольку не имели кают и печей для обогревания и приготовления пищи. Зато участники экспедиции прошли хорошую морскую и штурманскую подготовку. В ее составе было четыре инженера-судоводителя и три яхтенных капитана. Капитаном «Родины» и начальником экспедиции был кандидат наук, доцент училища, опытный спортсмен-парусник Леонид Константинович Лысенко, капитаном «России» — старший преподаватель Владимир Борисович Манн. В плавании участвовали также сотрудник училища В. Колова-

нов, недавние выпускники бывалые яхтсмены А. Медведев, В. Бехтерев, курсанты М. Войтенко, Е. Панкратов, А. Винокуров, М. Узикаев, А. Желудков.

Вот что рассказывают организаторы и участники экспедиции:

Аркадий Сопоцко. Интересно отметить, что Алексей Чириков был преподавателем Морской академии, а Чаплин — гардемарином, который как бы проходил стажировку. Так формировались и другие экспедиции той поры. Таким образом, состав нынешней экспедиции из преподавателей и курсантов морского училища отражает давнюю традицию.

Из документов известно, что бот «Св. Гавриил» был построен в Нижне-Камчатском остроге. Река подмыла здесь берег, но все же удалось найти корабельные гвозди, монеты, нательный крест и другие предметы первой половины XVIII века.

В бухте Провидения установили мемориальную доску в память 250-летия Первой Камчатской экспедиции.

Карта тех мест сама рассказывает об истории этой суровой земли. Вот мыс Дежнева (Восточный). Он прошел здесь первым. Вот мыс Сердце-Камень, названный так еще казаками-землепроходцами за форму, напоминающую сердце. Залив Лаврентия окрестили спутники Кука. Вот Берингово море... Немного найдется путешественников, чьи имена носят моря.

Когда яхты вышли из Усть-Камчатска и взяли курс на северо-восток, погода была плохой, как и два с половиной столетия назад. Уже через два часа яхты потеряли друг друга из виду, лишь связывались по радио и встречались в заранее намеченных точках у побережья. На обеих яхтах были фотокопии шханечного журнала и современные карты, на которых заранее был проложен курс «Св. Гавриила», указаны пеленги географических пунктов и намечено около сорока точек, которые предстояло посетить. В каждой из них сопоставлялась наблюдаемая картина с записями в журнале.

Например, в журнале записано, что 17 июля 1728 года в 6 часов 30 минут вечера видна была «гора, белеющая от снега». Заняв положение «Св. Гавриила» по пеленгам Беринга, экипаж «Родины» также обнаружил гору, и на этот раз покрытую снегом. В журнале Беринга записано также, что он и его моряки видели между мысами Низкий и Озерный столовые горы. Так был обнаружен неизвестный ранее факт открытия Берингом полуострова Озерного. Помимо этого моряки «Родины» и «России» доказали, что именно он впервые описал горы Покнав и Многовершинную.

Есть свидетельство, что Чириков с матросами высаживался в бухте Преображения, чтобы наполнить 20 бочек водой. Он видел покинутое чукчами селение. И вот «Родина» и «Россия» стали в этой бухте на якорь. Высадившись на берег, моряки расспросили местных жителей. С горы по густым куртинам травы определили, где стояли когда-то яранги. Нашли под слоем мха очаги, выложенные камнем, изделия из китовых костей. А вот и ручей, из которого Чириков наполнял бочки. В нем и сейчас отличная на вкус прозрачная вода. И так много раз за время плавания: совпадали не только цифры, подтверждался и словесный портрет местности.

Участники экспедиции на каждом шагу убеждались в том, что люди, которые вели журнал, были настоящими моряками. Вот что позже писал о штурманских офицерах адмирал С. О. Макаров: «Им

«Родина» входит в бухту Провидения

преимущественно обязаны мы за хорошие журналы. Они несут на себе это тяжелое бремя, и им принадлежит заслуга ведения записей, на которые всегда будет опираться наука».

Моделирование плавания «Св. Гавриила» показало исключительную точность определения координат, которые делали штурманы бота, и еще раз подтвердило важность открытий Первой Камчатской экспедиции.

Алексей Медведев. Раньше мы знали о них лишь из книг. А пройдя по их следам, почувствовали настоящее уважение к ним. Терпели они и холод, и голод, и смертельную опасность.

Как и Беринг с его спутниками, мы видели множество птиц и морских зверей. Вблизи от устья реки в море бревнами лежали киты. Видимо, в струях пресной воды у них отпадали от тела ракушки. Однажды прямо под бортом — рукой можно было потрогать — всплыл серый кит, выбросил фонтан, обдав моряков...

Моделируя плавание далеких предков, современные моряки испытывали и тяготы, которые выпали на долю первопроходцев. Они были отлично экипированы и подготовлены к плаванию в высоких широтах, но стихия есть стихия. И Север есть Север. Он не стал ни теплее, ни покладистее за два с половиной века.

Прогноз, который дали на встретившемся в пути траулере «Математик», не сулил ничего плохого, но ветер вскоре посвежел, засвистел в снастях, море покрылось пеной, и в считанные часы разыгрался девятибалльный шторм. Море бушевало, температура воздуха упала до 4—6 градусов. Моряки были одеты в шерстяное водолазное белье, свитеры, меховые куртки, а поверх них штормовые робы. И все-таки сырость заползала внутрь. Те, кто находился наверху, здорово продрогли. Не лучше было и в кубрике,

Яхта «Россия»
в открытом море

расположенном ниже ватерлинии, ведь температура забортной воды была еще холоднее.

Аркадий Сопоцко. В такой шторм даже пароходы не выпускают в море, а они пошли.

Леонид Лысенко. У нас не было другого выхода. Лучше бы, конечно, зайти в бухту Лаврова и переждать шторм, и мы пытались это сделать, подошли мили на полторы. Но у берега ходили огромные волны с гребнями, и яхты с их двухметровой осадкой, без двигателей могло разбить о морское дно.

Алексей Медведев. Мы знали, что в бухте будет спокойно. Но идти туда значило рисковать судном и успехом экспедиции. Уходить в море тоже было рискованно, ведь мы не предполагали, какой силы достигнет шторм и сколько часов или дней продлится.

Леонид Лысенко. Да, была критическая ситуация. Но после того как яхту несколько раз накрыло волной, я все-таки решил уйти в море, ведь парусная яхта обручена с морем. Зарифили паруса, оставив самый минимум, чтобы только держаться против волны...

Алексей Медведев. Мы согласились с этим.

Леонид Лысенко. В критических ситуациях споров и не должно быть. Капитан может выслушать членов экипажа, но решение принимает только он. Он один. Это накладывает большую ответственность, ведь в критические минуты от этого решения часто зависит судьба корабля и команды, а его надо принимать в считанные минуты.

Аркадий Сопоцко. Кстати, когда Беринг принимал решение о том, чтобы покинуть воды Ледовитого океана, он пригласил всех офицеров, попросил их свое мнение изложить письменно и запечатать в конверт. Так что и это — в духе флотских традиций.

Венок Берингу и его спутникам. Берингов пролив

Итак, море было сплошь покрыто пеной. Ветер ревел. Лысенко и Медведев, бессменно находившиеся наверху, вымокли до нитки. Тридцать часов шло единоборство со стихией. О горячей пище и речи быть не могло. На «России» смыло спасательный плот, и, чтобы подобрать его, Владимир Борисович Манн начал лавировать среди волн.

Владимир Манн. Зато 18—19-летние курсанты, из которых состоял мой экипаж, поняли, что наша скорлупка выдерживает любой шторм и что можно плавать в тумане без локатора. До этого они верили в силу техники, теперь поверили во всемогущество человеческого духа.

Были штормы и туманы. И все-таки самым драматичным было время, когда шли проливом. День, второй, третий... а видимости нет и нет. Туман скрывал оба берега: и азиатский и американский. Лишь иногда в разрывах показывался левый берег, и моряки торопились сделать определения.

Так, в тумане, точно повторяя курс Беринга, который вел здесь «Св. Гавриил» зигзагами, упорно отыскивая берега, стараясь как можно точнее выполнить инструкцию, достигли 67 градусов 24 минуты северной широты. В этой точке, как записано в шханечном журнале, «господин капитан объявил, что надлежит ему во исполнение указа возвратиться, и, поворотив бот, приказал держать на юго-восток».

Старинные предметы, корабельные гвозди, найденные на дне бухты

А берегов Америки по-прежнему не было видно. И таким образом, главная цель экспедиции — своими глазами увидеть оба берега пролива — не была выполнена.

Из рассказов местных жителей члены экспедиции знали, что ненастный южный ветер с дождем и туманом дует несколько дней, потом наступает затишье, погода улучшается, и через некоторое время ветер заходит с севера. Надеясь на это, флагман дал радиограмму руководителям экспедиции — начальнику училища М. Гаврюку и председателю отдела Географического общества Е. Краснову, что наблюдения выполнить пока не удалось, и попросил разрешения задержаться в проливе.

Разрешение было получено. Не прошло и двух дней, как прогноз охотников-чукчей оправдался: ветер утих, открылась даль, и моряки, как когда-то русский мореплаватель Отто Коцебу, увидели все мысы и горы, которые значились в журнале. Теперь с точки, где находился когда-то «Св. Гавриил», отлично был виден поворот Азиатского материка на запад, вплоть до мыса Сердце-Камень, и, что особенно важно для экспедиции, показались вершины полуострова Сьюард в Америке. В 9 часов утра на фоне низких гор ясно различили приметную вершину Кейп.

Итак, главная задача была выполнена. Вместе с ясной погодой пришла ясность и в двухсотлетнем споре. Полностью опровергнуты аргументы тех историков, которые утверждали, что Беринг не открыл пролива, доказан бесспорный приоритет русских мореплавателей во многих свершениях.

Из глубины веков тянется цепочка путешествий на Дальний Восток, замечательных географических открытий наших землепроходцев, мореплавателей и ученых на Тихом океане. XVII век:

отважные казачьи походы Москвитина, Дежнева, Атласова, Пояркова, Хабарова. XVIII век: воспетые Державиным плавания русских колумбов — Беринга, Чирикова, Шелихова, Сарычева. XIX век: путешествия Крузенштерна, Головнина, Невельского. XX век: плавания Седова, Макарова и, наконец, океанографические открытия советских ученых, работавших на борту «Витязя», который ныне передал эстафету научного поиска целой флотилии кораблей науки.

Одни из русских путешественников прошлого вернулись позже в Петербург и продолжали службу уже в адмиральских чинах, другие, как Витус Беринг, навсегда остались на открытой ими земле. Прошли столетия. Казалось бы, сняты все белые пятна на карте, описаны берега, острова в океане и даже подводные хребты и впадины. Но не угас дух исканий, страсть к путешествиям, не перевелось отважное племя колумбов.

РАДИМ КАЛЬФУС

У ШВЕЙЦЕРА В ЛАМБАРЕНЕ

Художник К. АЛЕКСАНДРОВ

Великий доктор

Как представитель Чехословацкого Красного Креста я ехал передать ламбаренской больнице большой дар, приобретенный на средства отдельных организаций, взносов граждан и дотаций ЦК Красного Креста.

Это было драматическое путешествие. Уже в Париже я узнал, что в Габоне произошел переворот.

С парижского аэродрома Ле-Бурже в этот вечер вылетал самолет с французскими военными специалистами и журналистами. Друг Альберта Швейцера, посол Габона в Париже, зарезервировал для меня место. На следующий день самолет, не сделав промежуточных посадок, приземлился на аэродроме в Либревиле.

Мы вышли из самолета под звуки выстрелов, доносившихся из города, со стороны казарм. Аэродром заняли военные, и я не смог продолжить путешествия. Во время перестрелки оборудование в здании аэропорта было повреждено. Наиболее безопасным местом представлялось мне помещение канцелярии французской авиакомпании «Эр-Франс». Там никого не было, я расположился среди перевернутой мебели, разбросанных бумаг, обдумывая всю необычность моего положения.

Телефонная связь была нарушена. Я никуда не мог позвонить. Телефоны молчали весь день.

Время шло, приближался вечер. Я почувствовал голод. В город выходить пока еще было нельзя, и я стал искать, что бы поесть. К счастью, у служащих «Эр-Франс» в холодильнике было достаточно еды и напитков. Ночь прошла спокойно.

* Доктор Радим Кальфус переписывался с Альбертом Швейцером с конца второй мировой войны, посещал Ламбарене в 1960 и 1964 годах. Мы приводим отрывки из книги воспоминаний, относящиеся к его второй поездке в Габон.— *Примеч. пер.*

Только иа следующий деиь, когда была восстаиовлеиа телефоииая связь, я позвонил одному из своих друзей, и ои приехал за миой иа автомобиле.

— В Ламбареие? Исключеио. Только в Порт-Жантиль по реке иа пирогах. Если хотите, я достану их для вас,— сказал мой зиакомый, узиав, что я везу туда медикаменты.

Всякий, кто видел здешиие пироги, поймет, что плыть иа иих столь же иелегко, как иачииающему кататься иа водных лыжах. Это лодки, выдолблеииые из ствола дерева. Они иапомииают каноэ, ио в них сидит до восьми гребцов, которые поют, помогая сохранять ритм своей иапряжеииой работы. О приближеиии пироги задолго до того, как ее увидите, вы узиаете по этой монотоииой песие. Я хорошо представлял себе цеииость груза, который должеи доставить, ио выбора у меия не было. Пришлось согласиться.

Я ианял самую большую пирогу, погрузил в иее медикамеиты, свои вещи, кинокамеру и фотоаппарат. Как здесь принято, я отдал старшему гребцу половину платы за проезд, остальиое должеи был заплатить, когда прибуду на место.

Не я одии направлялся туда. В дельте Огове в лодку подсел симпатичиый пожилой африканец Бартоломей. На иогах у него были высокие ботинки, а в руке он держал неизмениый зоит — обязательный атрибут местного коммивояжера. Ои ие был урожеицем Габоиа, а приехал сюда с севера, зиал здешиие языки и прекрасио говорил по-фраицузски. От иего я узиал много интересиого об образе жизни и обычаях местиого иаселеиия.

Как только мы отплыли от берега, гребцы запели. Я заслушался, хотя ие поиимал ни слова. Каждый удар весла сопровождался ритмичиым восклицаиием. Мотив иапомииал американские спиричуэлс, оказавшие столь большое влияние иа джазовую музыку. Было ясио, что в Чериой Африке и правда каждый человек рождается музыкантом, певцом и танцором.

— Не будете ли вы добры перевести мне, о чем поется в этой песие? — попросил я своего спутника.

— О слоне,— ответил тот.

— Почему же о слоие? Мие ие попалось иа глаза ии одного слона, хотя здесь уже второй раз,— заметил я.

— Господии, это поется о вас. Слои — это вы,— сказал африкаиец и улыбиулся.

Я ие мог взять в толк, какая связь между мной и толстокожим животиым с хоботом, и потому с любопытством ждал, как это объясиит Бартоломей.

— О, ие следует обижаться. Для вас это честь. Ведь иа здешием иаречии слои — не только громадное животиое с бивнями, ио и большой мудрости существо,— объясиил коммивояжер. И я, обогащеииый этой информацией, спокойно продолжал слушать ритмичиые удары весел о воду и песию о слоие, которого гребцы везут иа своей пироге.

Из устья реки Огове мы попали в глубь первобытиого леса. Ничего ие зиает о красоте природы тот, кто ие имел возможиости постичь тайиы африканских дремучих лесов. Территория Габоиа иа девять десятых занята этими джунглями; в огромиом количестве произрастает здесь чериое эбеиовое дерево, привлекающее сюда стольких торговцев.

Рядом с красой первозданного леса меркнет очарование всех ботанических садов мира. Над нашими головами кружили бабочки, словно водили хоровод. Казалось, они хотят еще раз продемонстрировать великое волшебство тропической природы. Их крылья, величиной с ладонь взрослого человека, были пестрыми или однотонными: бирюзово-голубыми, золотистыми, розовыми. Если же бабочка садилась на цветок орхидеи, наступала совершенная гармония красок.

А между тем солнце достигло зенита. Гребцы свернули к небольшому песчаному участку берега, чтобы немного передохнуть. Я обрадовался этой полуденной сиесте и вместе с ними сошел на берег, намереваясь поближе рассмотреть лианы, обвивавшие деревья, среди которых я различал разные породы: эбеновые, эвкалиптовые, пальмовые, мелкие тропические лимоны.

Мы сели в тени, и мой спутник в высоких ботинках раскрыл над собой черный зонт. Я смотрел на реку, которая в верховьях образует большие заливы наподобие озер. В нескольких километрах выше по течению находятся городок Ламбарене и холм Адолинанонго, где сто лет назад господствовал «король солнца» Н'Кимбе из племени Галоа. Бывал здесь и легендарный Тройдер Горн, рассказавший о своих странствиях в многочисленных приключенческих книгах. Француз Пьер Савоя де Браза, моряк и исследователь, проследил течение реки Огове. Позже в Габон проникли служащие английской фирмы «Хэтон и Кукш» и начали заготовлять здесь драгоценные породы деревьев — красное и черное. Сколько рабов, прикованных на ночь к лавкам, проплыло на лодках местных рабовладельцев, сколько бутылок спиртного доставили сюда, чтобы затуманить разум африканских лесорубов!

Мне припомнилось несколько эпизодов из жизни Альберта Швейцера, который приехал в эту страну, чтобы искупить вину белых за совершенные ими преступления на этом континенте.

...К ректору Страсбургского университета приходит молодой человек, у него темные взъерошенные волосы и энергичный взгляд черных глаз. Входит он решительно. Столь же решительно говорит: «Я пришел сообщить вам, чтобы вы на меня не рассчитывали в будущем году».— «А что вы будете делать?» — «Уеду в Африку»,— был ответ.

Пароход «Эроп» пристает в Дакаре. Доктор Швейцер и его жена впервые ступают на африканскую землю. Молодой врач осматривается по сторонам: «Так, вокруг нас Африка. Что нас здесь ждет? Какие сюрпризы заготовила она для нас?»

Вот жена Швейцера видит погонщика, который бьет осла, запряженного в нагруженную доверху повозку. Супруги спешат на помощь ослу. На них обрушивается погонщик: «Если вы не можете видеть жестокого обращения с животными, не надо было приезжать сюда».

По реке Огове плывет речной пароход «Аламба» с высокими надстройками. Кругом только вода и лес. Рулевой должен провести судно между тысячами островков, поросших кустарником. Доктор

Швейцер подходит к нему и говорит: «Я уже давно наблюдаю за вами. Удивляюсь, как вы ориентируетесь в этом лабиринте?» — «Если проплавать на этом пароходе, как я, шестнадцать лет, то можно, пожалуй, узнать местность и с закрытыми глазами».— «Вы здесь уже так долго?» — «Да, когда много лет назад я приехал сюда, вокруг были цветущие деревни. А теперь, теперь все поглотил лес».— «Почему же пришли в запустение деревни?» — «Самогон, дорогой господин, самогон. Вы сами заметите это, когда мы будем пополнять запас дров. Все деньги, которые выручают за них местные жители, они пропивают. Водка — это самое страшное, что принесли сюда белые... А вообще люди здесь хорошие. Когда вы привыкнете к ним, вам, вероятно, не захочется возвращаться в Европу».

В небольшом домике при свете керосиновой лампы сидит доктор Швейцер и пишет письмо на родину: «Поселок миссионеров в Ламбарене разместился на трех холмах. На одном — школа, на другом — домик, где я пишу. В двадцати метрах от домика начинается лес, с которым мы должны постоянно вести борьбу, иначе он поглотит нас. Я высмотрел место на другом берегу и хотел бы построить там больницу. А пока лечу здесь многие разновидности кожных болезней, малярию, сонную болезнь, проказу, слоновую болезнь, сердечные заболевания, гангрену и тропическую дизентерию. Некоторым людям я уже помог, и потому меня называют Оганга, то есть человеком с «талисманами». Чтобы различать своих пациентов, я вешаю им на шею картонный кружок с номером, под которым у меня в книге записаны имя, диагноз болезни, лекарства, которые я давал. Вы хотели знать, чем кончилась история с пианино? Нужно было видеть, как мы везли его по бурной реке среди густых лесов. Будет время, и я сыграю Баха, а пока мы должны построить больницу».

На краю леса падает одно дерево за другим. Доктор Швейцер ходит по стройке и планирует: «Здесь будет хирургическое отделение, здесь здание стационара с койками для больных, склад, а здесь разместится медицинский персонал».

Прибегает африканец плотник Н'Циге и говорит доктору, что рабочие не в силах поднять бревно, не мог бы доктор помочь им? Доктор идет таскать бревна для строительства инфекционного отделения.

Посыльный-африканец Жозеф возвращается на лодке из Кар-Лопез, он везет лекарства. Еще издали он машет газетами. «Здесь пишут, что в Европе мобилизация. Вероятно, война»,— кричит он доктору взволнованно.

«Война, война! — ужасается доктор.— Мы здесь изо всех сил стараемся спасти несколько жизней, а в Европе снова будут убивать миллионы». «Сколько ваших людей гибнет во время войны? — спрашивает Жозеф.— Как же ваши начальники расплачиваются за всех погибших? Почему не могут собраться ваши племена и договориться?» «У некоторых наших людей, дорогой Жозеф, слишком велики аппетиты»,— грустно говорит доктор.

Жозеф качает головой, он не может понять, как это в Европе белый убивает белого. А называют себя братьями!

...Кончилась мировая война. За это время в Ламбарене построено много больничных зданий и оборудование обновилось. По больнице ходит седой доктор Швейцер.

Даже сюда долетают вести о новых приготовлениях к войне. Швейцер не может молчать. Он садится к столу и пишет воззвание к великим державам, призывая народы уничтожить ядерное оружие. Он предостерегает не только как ученый, но и как человек, всю жизнь помогавший самым обездоленным — людям джунглей.

Он предостерегает, пока еще не поздно!

В 1959 году почта доставила доктору Швейцеру в Ламбарене необычный конверт. На нем чехословацкие марки. Отправитель — чех.

Распечатав конверт, доктор Швейцер обнаружил в нем свой портрет и письмо, в котором сообщалось, что художник наряду с портретом врача изобразил лица многих гениев современности: Эйнштейна, Прокофьева, Томаса Манна. Среди них в живых сейчас только Швейцер.

Доктор вглядывается в портрет и видит свои проницательные глаза, взъерошенные белые волосы и слегка уставшее лицо; он берет ручку и пишет: «Господин Швабинский*, я пишу Вам после трудного дня, перед глазами у меня портрет Вашей работы. Меня удивляет, как удалось Вам сообщить портрету именно то выражение, которое возникает у меня часто, особенно в моменты, когда меня тревожат мысли о судьбах человечества, когда я задаюсь вопросом, куда идет мир».

Доктор Швейцер приезжает в Европу. Его окружают журналисты, спрашивают, что нового в Африке. Швейцер увлеченно рассказывает о новом здании больницы, о современном оборудовании и о том, что еще несколько врачей продолжают его работу.

Один из журналистов спрашивает: «Господин доктор, кем вы чувствуете себя сегодня: немцем, швейцарцем или французом?» «Человеком»,— ответил Швейцер. Врача, который уехал из Европы в африканские джунгли, именуют в Африке Оганга. Энциклопедический словарь называет его ученым, врачом, писателем, органистом-виртуозом.

К этому следовало бы добавить, что прежде всего он Человек.

От раздумий и воспоминаний меня отвлекает мой спутник:

— Там, за зарослями папируса, Ламбарене. Но попасть туда можно, лишь проплыв через Крокодилий залив.

Я представил себе животное с чешуйчатой кожей, острыми зубами, и мне стало не по себе.

— А там действительно есть крокодилы?

* Швабинский Макс (1873—1962) — чешский художник и график, профессор Пражской академии изобразительных искусств.— *Примеч. пер.*

— Увидите,— сказал коммивояжер и предложил гребцам продолжить путь.

Гребцы неохотно поднялись и снова взялись за весла. Сознание, что конечная цель путешествия близка, облегчало душу при посадке в столь неустойчивое средство передвижения. Опять коснулись воды весла, но на этот раз музыкального сопровождения не последовало. Окрестности меняли свой облик

В тот момент, когда я встал, чтобы сделать несколько снимков вблизи Крокодильего залива, пирога угрожающе наклонилась, и все ее пассажиры один за другим попадали в воду. Падение в реку стольких людей наделало немало шума. Крокодилий залив забурлил. Гребцы, вместо того чтобы спасать тюки, начали бить веслами по воде и громко кричать.

К счастью, здесь было неглубоко, и мы нащупали дно. Часть африканцев стала ловить уплывающие вещи. Их снова укладывали в пирогу, а в это время часть гребцов стояла с веслами наготове на случай внезапного нападения крокодилов.

Пирогу вновь заполнили вещами, сели все, сел и я. Ценный груз, который я вез, к счастью, не пострадал благодаря водонепроницаемой упаковке. Лишь затвор моего фотоаппарата испортился, и в течение всего пребывания в Ламбарене мне не удалось исправить его.

Крокодилы, очевидно, поняли, что лишились сытного обеда. Они лениво передвинулись чуть дальше, чтобы в трясине подстеречь добычу полегче.

Ламбарене было уже близко, и мы старались плыть быстрее. Сквозь пальмы я угадывал красные крыши и белые стены домов.

Отдав оставшуюся часть платы за проезд и распрощавшись с гребцами, я увидел невысокого японского врача Такахаски. Он жил здесь уже несколько лет, и мы были знакомы еще по первому моему посещению Ламбарене.

Заметив нашу пирогу, он поспешил к причалу, чтобы забрать часть багажа. Потом подошла сестра Коттманн, она предоставила в мое распоряжение лучшую комнату дома врачей.

— Я сообщу о вас доктору,— сказала она.

Приведя себя в порядок, я последовал за японским коллегой в кабинет Швейцера. Он писал письмо и не сразу обратил на нас внимание. Доктор Такахаски положил руку на его плечо. Альберт Швейцер привстал, в его глазах блеснула радость, он обнял меня и сказал:

— Так вы все-таки приехали. Возможно ли это? Просто чудо...

И он пошел принимать дар его больнице от людей доброй воли. Здесь рады были всему — подаркам большим и малым. А сколько всего собрали его друзья в Чехословакии!

Я видел по выражению лица доктора, что он доволен. Выше всего ценится помощь, оказываемая тому, кто больше всего в ней нуждается.

День в ламбаренской больнице

Все коллеги Швейцера вставали с рассветом. В семь утра в больнице было уже оживленно. В половине восьмого завтракали, потом приступали к работе.

Трудились до тех пор, пока удар молотка о кусок рельса не возвещал, что наступило время обеда. Это был сигнал для всех — для пациентов и обслуживающего персонала. Распорядок дня составлялся в соответствии со старыми, устоявшимися правилами.

В центре стола сидел основатель больницы, справа и слева — его ближайшие коллеги. Всегда присутствовала секретарь доктора и его «правая рука» Матильда Коттманн. Гости сидели против доктора.

Когда приходил Великий доктор, все, кроме тех, кто оставался возле больных, уже рассаживались. За обедом каждый вел себя непринужденно, брал себе еды столько, сколько хотелось и чего хотелось. Доктор не любил, когда пища оставалась недоеденной. Он во всем видел труд людей и считал, что, выбрасывая пищу, мы проявляем расточительность, не думаем о тех, кто голодает в других частях земного шара. Суп подавали редко. Чаще обед состоял из закуски и мясного второго блюда. На десерт подавали пудинг или сладкое. Овощей и фруктов на столе всегда было много. Больница располагала собственной плантацией, где выращивали ананасы, апельсины, лимоны, грейпфруты, корицу, бананы и манго. Мне больше всего нравились мангостаны, чья сердцевина напоминает яблоки. Из овощей здесь очень хорошо произрастают огурцы и фасоль.

За плантацией ухаживали здешние служащие, им помогали пациенты. За огородом тоже следили больные и их родственники, которые таким образом выражали свою благодарность за исцеление члена их семьи.

Огород находился прямо над рекой Огове. Кроны огромных пальм бросали на него свою тень, и потому там было прохладнее, чем в каком-либо другом месте.

Добрую славу заслужили напитки, приготовленные из плодов разных деревьев, которые росли на краю леса. Хорошо освежал напиток с соком диких лимонов.

Приготовление пищи было образцовым, блюда выглядели аппетитно. Естественно, что на первом месте были требования питательности и гигиены. Состав блюд все же значительно отличался от нашей кухни. Вспоминаю, как лакомился я однажды шницелем, приготовленным на имбири.

— Где вы достали телятину? — спросил я доктора Фридмана, сидевшего рядом со мной.

— Вы едите крокодила, дружище,— ответил мне соотечественник,— но ведь он вам нравится?

Мясо хвоста крокодила действительно напоминает телятину, тогда как мясо передней части животного красное и менее вкусное.

Больница в Ламбарене находится в постоянной зависимости от того, что привезут и предложат охотники. Швейцер в последние годы стал вегетарианцем, и потому в его меню чередовались яйца, чечевица и овощи.

Из-за сильной жары после обеда наступал отдых до трех часов. Потом снова трудились до шести. В семь вечера, уже при свете фонарей, ужинали, а потом было время развлечений. Одни оставались в столовой, другие собирались в комнатах. Великий доктор обычно шел в свой кабинет, приводил в порядок корреспонденцию, часто играл своего любимого Иоганна Себастьяна Баха на фисгармонии, переоборудованной для тропического климата.

Центром ламбареиской больницы была операциоииая. Используя современные инструменты и методы, здесь проводили и очеиь сложные операции; некоторые из них в разиых областях хирургии дали действительио интересиые результаты.

Прооперировать больного слоиовой болезиью, удалив огромиую опухоль,— это ие пустяк! Мой друг доктор медициических иаук Седлачек успешно делал здесь пластические операции, а одиажды оперировал лопиувшую селезенку. В тот деиь доктор Швейцер пригласил Седлачека к себе, поздравил с успехом и выпил за его здоровье. Вообще же в Ламбареие алкогольиые иапитки подавали только в торжественных случаях. И всегда это было виноградное вино с родины Швейцера — Эльзаса. Оно иапомииало Великому доктору о далеком доме.

На медпунктах и в амбулаториях обычио принимали три — пять врачей: в хирургическом, терапевтическом, гинекологическом отделениях. Были здесь акушер, детский врач и хирург. Несколько лет заведовала здешней лабораторией дочь Швейцера Реиа, заботившаяся о том, чтобы ее лаборатория была осиащена образцово.

Очеиь популярно было родильиое отделеиие. Долго пришлось привыкать африканским женщинам к тому, чтобы идти в больницу рожать. Но постепенио число рожениц росло. Послеродовой период здесь проходит совсем иначе, чем в Европе. У местной женщины иет времени отлеживаться. Как только родится ребенок, оиа встает с постели, чаще всего в деиь родов, будто и не страдала недавно от сильных болей, и уходит с младенцем на руках в родную деревню.

В детском отделении кроме матерей с детьми размещаются и сироты. Все медицинские сестры больницы — их «тети». Осиротевший ребенок обычно остается здесь до тех пор, пока его не примет одна из здешних миссионерских школ. Были случаи, когда дети не хотели уходить из больницы, оставались здесь сестрами и санитарами.

Дети, приехавшие со своими больными родителями или родственниками, посещают школу. Они ездят туда на лодках, гребут стоя и распевают при этом.

В ламбаренской больнице шумно и оживленно в любое время года. Вместе с больными сюда приезжают их родичи, и потому случается, что помимо шестисот пациентов в больнице питается такое же количество здоровых посетителей. Просто удивительно, как удается администрации разместить и накормить столько людей.

После десяти вечера в больнице наступает абсолютный покой. При больных остается лишь несколько санитаров, которые в случае надобности разбудят врача. В это время лампа светится обычно только в одном окне, за которым сидит человек, создавший в джунглях оазис гуманизма.

Однажды вечером доктор Швейцер пригласил меня к себе и рассказал, как он расстался с Европой.

«Решение уехать в Африку не было столь внезапным, как сказано в некоторых моих биографиях. И тогда был еще выбор: мне предлагали заняться философией, приглашали читать лекции... Была еще и музыка, с которой я не собирался расставаться и которую, кстати, не бросил даже здесь... Именно здесь получил я возможность снова заняться Бахом. И все же я решил подать заявление на медицинский факультет, чтобы, став врачом, уехать в Африку. Я

Памятная медаль, изготовленная в ознаменование юбилея Альберта Швейцера в 1965 году

был преподавателем университета. Мое решение очень удивило ректора, но все же он направил меня к декану медицинского факультета, профессору Феллингу. Тот тоже смотрел на меня сначала с изумлением, а потом растерянно. Он сел за стол и сказал: «Я напишу письмо одному своему коллеге, он позаботится о вас». С этим письмом в руках я и постучался к другу профессора. Тот, прочитав письмо, испытующе посмотрел на меня, усадил в кресло и сказал: «Коллега, разденьтесь, я осмотрю вас». Друг декана был психиатром».

Конец рассказа сопровождался плутовской улыбкой Швейцера.

— Так же относились ко мне и отцы церкви. Поселок миссионеров в Ламбарене, куда я намеревался отправиться, подчинялся парижскому миссионерскому обществу, и я мог там остановиться, только если бы выдержал экзамен по закону божьему.

И Швейцер — в то время уже автор нескольких книг по теологии — отказался сдавать экзамен и уехал. Он знал, чего хочет. Он видел перед собой задумчивый взгляд африканца, скульптурное изображение которого было на пьедестале памятника адмиралу Бруату, выполненному Бертольди. Это лицо словно вобрало в себя все страдания целого поколения африканцев. О помощи ближнему, которая обогащает жизнь человека, Швейцер писал: «Каждый, имеющий свободу выбора в вопросе службы, должен сознавать, что он переживает самые прекрасные минуты. Многие бы хотели оказаться на его месте, но мешают разные препятствия. А помощь и добро доставляют человеку изумительное счастье».

Дети в лесах Габона

Дети составляют половину обитателей ламбаренской больницы. Главным образом это дети африканцев. В одно из моих посещений

Ламбарене я обратил внимание на маленькую девочку, белое платьице которой резко контрастировало с темным цветом кожи. Ей было всего два года, но я встречал ее повсюду: в амбулатории и на ступеньках между домами. Быстрыми глазенками наблюдала она за всем, что происходило вокруг. Звали ее Сьюзи.

Ее любили все, и каждый чем-нибудь угощал. Я видел ее несколько раз на коленях у доктора Фридмана во время приема пациентов.

— Это дитя нашей больницы,— сказал он мне.— Отца убило упавшим деревом еще до ее рождения. А мать умерла здесь при родах. Зузанка живет у нас. Когда она подрастет, мы отправим ее учиться. Может, она станет еще одной медсестрой в здешней больнице...

Постоянно жил в больнице и двенадцатилетний Эли, интеллигентный и улыбчивый мальчик. Он появлялся там, где нужна была его помощь. Часто помогал в амбулатории. Но охотнее всего он проводил время на реке. Его лодка была привязана у берега, и управлял он ею мастерски. Он плыл стоя, как на водных лыжах. Его ноги пружинили в коленях, как у опытного мастера, он никогда не объезжал даже самые большие пороги. Ни разу не видел я, чтобы он упал в воду или его лодка перевернулась. Утром он всегда провожал своих товарищей, отплывавших в школу. Мне было интересно узнать, почему он не ездит вместе со всеми подростками. Однажды я дождался Эли у пристани:

— Эли, почему ты не ходишь в школу, не учишься чему-нибудь полезному?

Эли смотрел мне в рот, словно пытаясь понять, о чем я говорю, но не понял, о чем речь, и потому молчал.

Я еще раз задал тот же вопрос.

Только тогда мальчик выдавил из себя странный звук, какой издают люди, желающие произнести слово, но не способные это сделать. Эли был глухонемым.

Среди детей, с которыми я встречался в больнице, очень интересным был мальчик с рождественским именем Ноэль. Однажды он пришел в больницу со своими родителями. У его отца была тяжелая форма туберкулеза, мать не слишком заботилась о мальчике. В африканских семьях девочки более желанны, потому что за них родители могут получить приданое.

Очевидно, я чем-то приглянулся Ноэлю, и он часто появлялся возле меня. Беседуя с ним в очередной раз, я спросил:

— Чего бы ты хотел получить от меня?

— Хлеба,— ответил он.

Я дал ему ломоть местного кукурузного хлеба, который ценится здесь как дорогое лакомство, хотя быстро черствеет и сильно крошится. Ноэль подержал хлеб в руке, потом начал аккуратно есть, стараясь не уронить на землю ни крошки. Поев немного, мальчик положил оставшийся хлеб в карман.

— Почему ты не доедаешь?— спросил я.

— У меня еще два брата.

С тех пор я стал регулярно давать Ноэлю кусок хлеба или деньги, чтобы на них он мог купить хлеба. Стоило только высунуть голову из окна и позвать его, он тут же отзывался:

— Я здесь, господин.

Ноэль часто ходил со мною в больницу, в лес, перевозил меня на лодке, с увлечением посвящал в тайны африканской природы. Охотно показывал места, где видел бегемотов, крокодилов или змей.

Ноэль ко мне привязался и был верным и преданным спутником.

Когда однажды я сказал, что близится день моего отъезда, он почти заболел, не понимая, почему я должен уезжать. Он расспрашивал меня о моей стране, ее детях, об играх, в которые они играют, обо всем, что его волновало. Его очень заинтересовало, что у нас вдоволь хлеба и что каждый может есть его, сколько захочет. Он на минуту задумался, а потом попросил взять его с собой в ту страну, где хлеба вдоволь.

В мой последний вечер в Ламбарене я напрасно ждал Ноэля, чтобы с ним попрощаться. Лег около полуночи и, пока ворочался перед сном на своей деревянной кровати, услышал какой-то легкий шорох. Я встал посмотреть, что там происходит.

Под окном стоял старший брат Ноэля и говорил шепотом:

— Ноэль ждет вас, вы меня слышите?

— Где он?— спросил я.

— Внизу, у воды.

— Что он хочет?

— Он хочет уехать с вами, господин.

— Как это?

— Ну с вами, на вашу родину. У него припасена вода и бананы, чтобы дорогой вы не проголодались и не мучились от жажды. Я помог ему.

Много трудов стоило мне убедить брата Ноэля, что до берегов Европы мы не доплывем с мальчиком на небольшой лодке.

Утром я позвал Ноэля, чтобы объяснить ему, почему нельзя ему ехать со мной.

— Ноэль, ты бы мог бросить маму и папу?

— Да,— подтвердил он и простодушно добавил: — Вы же говорили, что хлеба у вас всем хватает.

Мне жаль было мальчика, и я обещал, что в следующий приезд привезу ему подарки. Среди прочего обещал и мяч, о котором он мечтал. Ноэль часто писал мне и, как я узнал от своих друзей, после моего отъезда подолгу сидел на берегу, словно ожидая пирогу, на которой я однажды вернусь.

И когда я действительно появился перед ним, его радость была безграничной. Он засыпал меня вопросами. А уж когда я вручил ему мяч, он прижал его к своей груди и побежал похвастаться подарком перед товарищами, а потом вернулся ко мне. После смерти отца Ноэль остался в больнице, стал незаменимым помощником врачей.

Порой в мою квартиру в Новом Паце приносят конверт с необычным, перековерканным адресом. В письме много напоминаний об Африке, и, прочитав его, мне тоже хочется вспомнить о ней.

Письмо подписано моим молодым африканским другом Ноэлем.

Животные в Ламбарене

Особую сторону жизни в ламбаренской больнице представляли животные, чаще всего раненые или больные. Их приносили дети, охотники или рыбаки, считавшие, что в больнице, где лечат людей, вылечат и животных. И вот по территории больницы расхаживал

4-781

однорукий шимпанзе, вторая конечность которого осталась в пасти какого-то хищника. Жили здесь попугаи и обезьянки, несколько лесных козочек, отдельные из них не крупнее наших фокстерьеров. Тут же обитали собаки на трех лапах, прижившиеся в больнице. Можно было встретить антилоп и пеликанов. Естественно, здесь же нашли приют и кошки: одна из них произвела потомство прямо на столе Великого доктора. В кармане у Швейцера для всех этих животных находилось немного сахару, печенье, горстка риса и другие лакомства, которые он извлекал из пакетиков и раздавал своим четвероногим друзьям.

Очень интересными в Ламбарене были шимпанзе и гориллы. За одним шимпанзе ухаживал мой ламбаренский друг, доктор Седлачек. Когда дети из соседней деревни принесли шимпанзе доктору, животному было около года, а ростом он едва достигал полуметра. Он страдал от самой распространенной в тропиках болезни: его брюшная полость была переполнена паразитами, он умирал.

В больнице ему давали лекарства, делали уколы. На пятый день придя в сознание, он открыл глаза и тихо, как ребенок, заплакал.

Шли дни, болезнь отступала, и шимпанзе начал интересоваться миром. Хотя он и знал всего одно восклицание — «ху», но умел произносить его на разные лады. Шимпанзе не хотел расставаться со своим спасителем. Доктор оборудовал ему бокс в своей комнате и дал имя Плум-Плум.

С той поры шимпанзе и человек зажили вместе. Шимпанзе больше всего ненавидел утренний звон больничного колокола, приглашавшего всех служащих на работу. Он знал, что с этой минуты останется один и что долго еще никто не будет с ним играть.

Если хозяин был свободен, они ходили в лес. Человекообразная обезьяна с интересом наблюдала за всем происходившим вокруг, иногда влезала на дерево манго в поисках спелых плодов. Справедливости ради следует признать, что и на дереве шимпанзе не забывал о своем спасителе и сбрасывал для доктора плод, но лучший все же обыкновенно съедал сам. Заслышав приближение какого-нибудь хищника, он с быстротой молнии съезжал по стволу вниз и прижимался к человеку, у которого всегда находил защиту.

Однажды Седлачек решил вернуть Плум-Плума в джунгли. Он завел его в лес далеко от больницы, спрятался и стал ждать, что будет делать обезьяна. Через минуту Плум-Плум исчез где-то среди бананов, казалось, что он вовсе забыл о хозяине. Доктор незаметно ретировался, а вернувшись домой, пошел отдохнуть в свою комнату.

В этот вечер над лесом разразилась гроза. Капли тропического ливня забарабанили по крышам больничных зданий, и люди радовались, что надежно укрыты от разбушевавшейся стихии.

Засыпая, доктор услышал за дверью какое-то царапанье.

— Кто там? — спросил он.

— Ху, — отозвалось за дверью. Возглас прозвучал с таким отчаянием, что доктор Седлачек тут же впустил насквозь промокшего Плум-Плума. Шимпанзе смотрел укоризненно: почему хозяин бросил его в лесу одного, без помощи?

Так Плум-Плум окончательно поселился в больнице. Он был озорником, любил шалости, шутки, а вот воспитанная ламбаренская горилла Пенелопа оказалась полной противоположностью. Судьба ее схожа с судьбой Плум-Плума. Брошенную малютку принесли из

лесу, и с тех пор она жила в боксе у своей новоявленной мамы Вирджинии Шнейдер.

Однажды вместе с другими коллегами я был приглашен к этой медицинской сестре на торжество по случаю дня ее рождения. Нас было много, и мы расселись как придется. Я устроился у стены и стал слушать рассказы гостей, собравшихся сюда со всего света.

Я пребывал в прекрасном расположении духа до тех пор, пока чья-то рука не принялась гладить меня сзади по голове. Я быстро сообразил, что здесь, в Африке, могут быть любые неожиданности. Взволнованный, я занес руку за спину и схватил что-то живое, вовсе не оказавшее мне сопротивления. Только тогда я понял, что бояться нечего. Обернувшись, увидел косматую руку Пенелопы, которую она, к общей радости, высунула из бокса за моим стулом.

Был еще шимпанзе Фрицли. Долгие годы за ним ухаживал санитар Квама, живший вблизи дома доктора. И еще шимпанзе Жулио с необычайно развитым чувством юмора. Однажды он схватил зонт у какой-то разодетой дамы и влез с ним на дерево. Напрасно призывали его к благоразумию пострадавшая и те, кто наблюдали за этой сценой. Но вот подошел доктор Швейцер и крикнул человекообразной обезьяне, сидевшей на верхушке дерева: «Жулио, немедленно верни зонт!»

После этих слов шимпанзе тут же спустился с высокой пальмы, держа в руках ничуть не поврежденный зонт. Очевидно, авторитет доктора признавали даже животные.

Когда-то в пятидесятых годах друзья подарили Швейцеру трех пеликанов. Он окрестил их по названиям опер Вагнера: Лоэнгрин, Парсифаль и Тристан. Пеликаны хорошо питались и потому быстро росли, но они не умели плавать. Доктор отвел их на реку и познакомил с водной стихией. После этого два пеликана улетели на озеро Лак-Зонанге, где гнездятся тысячи этих птиц, а Парсифаль остался с доктором.

Обезьян, с которыми я познакомился в Ламбарене, сегодня уже нет в больнице. Фрицли и Пенелопа попали в зоопарк Цюриха, Плум-Плум — в заповедник в Либревиле. Говорят, однажды он увидел своего спасителя и издал при этом крик, от которого бросились врассыпную посетители заповедника. Знаменитое «ху» Плума звучало тысячью оттенков. Жаловался ли он, выражал ли благодарность доктору, избавившему его от гельминтов, кто знает?..

Находясь в Ламбарене, я мог наблюдать, как любит Великий доктор все живое. Он ходил в сопровождении животных: антилопа впереди, дальше куры, овцы, обезьяны. Швейцер часто ласково наклонялся к ним, но беда, если он видел, что одно животное оттесняет другое.

— Уступи, ты уже взял свое,— говорил он петуху и сыпал кукурузу курице со сломанной ногой, которая сама не могла добывать себе корм, разгребая землю.

Я наблюдал эту сцену вместе с медсестрой Али, моей верной тамошней спутницей. Я спросил ее, хотя заранее знал, как ответить на вопрос: «Нужна ли такая любовь в наш век? Не кажется ли она сейчас парадоксальной?»

Перевод с чешского *Елены Жуковой*

ФЕЛИКС СВЕШНИКОВ

ИДУ НА ПЛАТО

Рассказ

Художник Т. САМИГУЛЛИН

Они шли через плато, выбирая путь по прочному фирну, обходя лавинные выносы. Четверку вел Пашков. Ему, «хозяину фирнового плато» со здешней биостанции, была знакома каждая трещина ледника. Оставалось всего два дневных перехода до вершины. Погода стояла вполне «ходовая», силы были еще свежие. Над хребтом Академии Наук в темно-фиолетовом небе красовался массивный скальный купол вершины. Прямо-таки магнитом тянуло их туда!

Следом за ведущим шагал Климов. Он был самый рослый в группе и, хотя опирался на лыжные палки, все же иногда продавливал своим весом фирновую корку. Как и все, Климов был в темных очках-консервах, его лицо защищала марлевая хирургическая масочка. Впрочем, она не спасала от жесткого, почти космического солнца, которое жгло с безоблачного неба. Даже сквозь темные стекла пробивалось ослепительное, как доменная плавка, сияние фирновых полей. Климову все время хотелось сбросить темные очки; казалось, они мешают дышать, снимешь их — станет легче.

«Вроде бы втягиваюсь в нагрузку. Хорошо ведет нас Пашков, спокойно, без рывков»,— думал Иван Владимирович, мерно выбрасывая вперед лыжные палки.

Фирновое плато было похоже на огромное, чуть всхолмленное футбольное поле. Вместо трибун вокруг громоздились скальные пики заснеженного хребта.

На пути часто встречались впадины-мульды. Их склоны со всех сторон отражали солнечные лучи, человек оказывался как бы в «котле света». С непривычки Климову и его товарищу по связке Алексею Кравцову казалось, будто они плывут по огненному морю. Слепящая белизна утомляла, тревожила, давила. Оба они — начальник научной экспедиции Климов и его сотрудник физик Кравцов — прилетели на Памир всего неделю назад. Три дня пробыли в верховьях ледника, в базовом лагере экспедиции, и потом сразу ушли наверх. Конечно, хорошо бы еще недельку пожить в базовом, акклиматизироваться как следует, полазить по окрестным склонам —

Алексей отличный скалолаз. Но время! Время, как всегда, поджимало, у экспедиции были большие планы, а вершины так тянули к себе...

Замыкал четверку начальник спасательного отряда — «начспас» Юрий Вороткин. Он цепко держал тропу, шел плавно, как всегда экономя силы. Единственный из четверки Вороткин был в теплых высокогорных сапогах-шеклтонах — тяжеловато, зато надежно. «Начспас» щеголял в красных штанах из каландрированного капрона с зелеными лампасами: в такой одежде легче найти человека в лавине. Из-под клапана его рюкзака виднелась бухточка промаркированного крепкого репшнура... Вороткин был человеком обстоятельным, запасливым. Несмотря на свой увесистый, килограммов под тридцать, рюкзак, «начспас» шел легко, свободно.

До ночевки оставалось совсем немного, солнце клонилось к закату. Его косые лучи причудливо высвечивали снежные карнизы, выпуклые увалы, острые гребни скал. Глубокие тени сделали волнистую поверхность плато рельефной. Слепящая белизна исчезла, небо стало зеленовато-голубым, ультрамариновым. Над горами пылал закат. Темно-фиолетовый скальный купол вершины погас последним...

Наконец-то можно было снять темные очки. Почти стемнело, когда они увидели среди скал большую палатку. Около нее стоял миниатюрный снегоход «Лайка». В скалах торчал длинный шест антенны, рядом лежало круглое ледовое озерко. На палатке красовалась вывеска: «Чайхана «Забудь печаль»».

— Станция «Восток»! С прибытием!

Пашков привычным движением сбросил рюкзак, расправил затекшие плечи. Потом по-хозяйски распахнул полог палатки. Это был прочный каркасный домик, обтянутый двойным слоем брезента. На полу лежали толстые листы поролона, под потолком горела электрическая лампочка. Тепло, просторно, даже уютно.

— Располагайтесь, знакомьтесь. Это хирург Александр Павлович Кузякин, в просторечии — «док»,— представил Пашков.— А это наши лаборанты Азрет и Виктор, они же «шерпы»-альпинисты. Ребята, сообразите-ка нам чайку с дороги.

— О, смотрите, здесь газовая плита! — удивился Алексей.— Вот здорово!

— Чайник долго кипит. У плиты гипоксия, кислороду ей мало,— серьезно заметил Азрет.

— А это? Центрифуга, термостат, микроскопы — целая лаборатория.— Климов даже погладил крышку центрифуги.— Ну, гиганты, удивили!

— Это еще не все, Иван Владимирович. Слышите, там, у озерка, стучит? Это движок! Для питания приборов. Шесть газовых баллонов вертолетчики нам сбросили,— в голосе Пашкова явно звучала гордость.

— А снегоход как сюда попал, Валентин Сергеевич? Его с вертолета не сбросишь.

— Э, не вспоминай, Алексей. Об этом лучше всех знает моя спина.

— Снегоход мы разобрали по частям, поднимали его в рюкзаках,— пояснил Вороткин.— Самое тяжелое — траки, Пашков сам их по скальному ребру тащил. Позеленел, а донес.

— Признайтесь, Валентин Сергеевич, вам, наверное, горные духи помогли? Говорят, вы их сгущенкой подкармливаете,— ехидно вставил доктор.

— Наши духи — это вертолетчики. На них молимся. С их помощью сюда можно даже целую ветровую электростанцию забросить.

— Значит, вертолетчики здесь освоились? — спросил Климов.

— Летают над плато уверенно, заброски делают просто мастерски. Есть тут такой Игорь Петров — ас! Но посадка на плато пока проблема.

— В чем же?

— Может, слышали от вертолетчиков про такую хитрую штуку — «зонтик винта»? Этот самый «зонтик» при взлете должен быть заполнен воздухом. А его здесь маловато.

— Сможет ваш кудесник Петров забросить сюда домик антарктического типа?

— По частям, думаю, сможет, Иван Владимирович.

— Вопрос не случайный. Без вертолетов нам плато не освоить. Климов умолк, потом неожиданно добавил: — А хорошо у вас здесь. Горы кругом. И вершины близко.

На газовой плите зафыркал чайник, Азрет вытащил пиалы, заварил зеленый чай. Они с Виктором разложили на ящике консервы, сублимированный творог, нечерствеющие батоны в полиэтилене. Доктор дал каждому поливитаминное драже, накапал в пиалы тонизирующий элеутерококк. Запасливый Вороткин выложил на стол соленые ржаные сухарики и воблу — альпинистский высотный деликатес.

— А теперь — вонзайтесь!

— Насколько я знаю, ваша биостанция, Валентин Сергеевич, самая высокогорная в стране.— Климов с удовольствием прихлебывал зеленый чай.— Ну, что ж, молодцы биологи, вы опередили нас, физиков. Не найдется ли у вас на плато, уважаемый хозяин, местечка и для нашей лаборатории?

— Сколько угодно, Иван Владимирович. А биологи что? Они реализовали вашу же идею. Помните, лет семь назад вы предлагали создать на плато научную станцию. Республиканская Академия наук идею поддержала, дала деньги, людей — и вот...

— Идеи живут своей жизнью, и довольно странной, это я давно понял. Да... в конце концов неважно, кто первый сказал «а». Главное, что научное освоение плато началось. Началось! — Климов задумался.

— Так вот, знаете ли вы, что второго такого места на всей планете нет? Нам просто повезло: наше фирновое плато — это королевский подарок науке.

Климов увлекся, говорил напористо, словно доказывая свою правоту отсутствующим оппонентам.

— Здесь целый узел проблем, загадка на загадке. Проблема номер один: откуда взялось это огромное футбольное поле в сердце гор? Может быть, перед нами остаток древнего равнинного Прапамира? Или результат деятельности ледников? А кто знает, что скрыто под стометровой толщей снега и льда? На высоте снег не тает. Поэтому на плато, как в гигантском холодильнике, хранятся снегопады нескольких тысячелетий. Подумайте: если здесь пробу-

рить шурф, то можно узнать, сколько осадков было на Памире, ну, скажем, во времена Древнего Египта.

Все притихли, забыли про ужин, слушая эту лекцию.

— Теперь проблема номер два, она мне ближе. У нас на кафедре давно зреет одна идея — создать здесь лазерную станцию. Плато расположено выше плотных слоев атмосферы, где интенсивно поглощается лазерный луч. Значит, отсюда можно зондировать верхние слои атмосферы. Но есть задачи и посложнее. Понимаете, наше плато — это место с космическим адресом. С помощью лазерного луча есть возможность измерить точное расстояние, ну, скажем, от Земли до Марса или произвести детальную локацию рельефа Луны. В принципе возможно измерить дрейф континентов Земли с помощью отраженного от Луны все того же луча. Но и это еще не все. Станция обеспечит надежную лазерную связь с космическими кораблями, с планетами солнечной системы.

...Чай в пиалах давно остыл, все внимательно слушали Климова, чувствовали: он говорит о сокровенном.

— Это лишь две проблемы из сотни, можно и продолжить. Ну а вывод — надо строить на Памирском фирновом плато научный центр для комплексных исследований высокогорья. Начало есть — вот эта биостанция. Следующий шаг — лазерная станция. Наша экспедиция здесь для того, чтобы все разведать на месте.

— Значит, первый симпозиум в академгородке «Памир» состоялся,— улыбнулся Вороткин.— Запомним для истории: сегодня 28 августа. А можно вопрос, Иван Владимирович? Вы так говорили, будто спорили, убеждали нас. Видимо, у вашей идеи есть не только сторонники?

— Мм-да... Сидя в кабинете, трудно представить себе, как создать научный центр в горах,— Климов поморщился, словно вспомнил что-то неприятное.— Противники? Есть противники. И аргументы у них вроде бы веские: осваивать плато, мол, преждевременно, технически сложно, дорого, район отдаленный, доступен только альпинистам, большая высота... Ну и так далее.

— Да, звучит убедительно,— произнес доктор.

— По равнинным меркам — пожалуй. Но вот итальянский альпинист Вальтер Бонатти заметил, что людей будоражит эпитет «невозможный». Я с ним согласен. Да, освоение высокогорья технически сложно, с этим не поспоришь. Парадокс в том, что именно трудности стимулируют развитие науки и техники. Возьмите хоть освоение космоса... Теперь насчет «дорого — дешево». Скажите, пожалуйста, доктор, сколько стоит синхрофазотрон? Затрудняетесь ответить?.. И я точно не знаю, но что-то около сотни миллионов. А вот установка на плато элементарных дешевых рентгеновских камер для изучения космических лучей может дать такую же научную информацию, как самый мощный и самый дорогой ускоритель, хотя на нем проводятся также и другие исследования.

— Можно дополнить, Иван Владимирович?— Пашков взял с полки журнал научных наблюдений.— На биостанции мы получили такие данные о воздействии высоты на живые организмы, которые в лабораторных условиях получить просто невозможно.

— Так и должно быть, ведь плато — это естественная барокамера,— подхватил Климов.

— И еще одна деталь,— продолжал Пашков.— Как только в

газетах появились статьи о биостаиции иа плато, иас завалили письмами: возьмите в экспедицию! Со всего Союза пишут. И зиаете кто? Альпинисты, и среди иих много иаучиых работников.

— Вот видите, доктор! А мие говорят — людей ие иайти. Неужели со всего Союза пишут? Ну, спасибо, Валеитии Сергеевич, обрадовал! Да, а чай-то совсем остыл. Налейте мие погорячее!

Выгляиув утром из палатки, Вороткии увидел, что иа солице наплывали легкие облачка — симпатичиые, кругленькие, пушистые. Они отражались в засиежеиных глазироваииых полях, как в зеркале. Шла веселая игра света и теии, казалось, иад плато кто-то сдвигает и раздвигает гигантский занавес света. Но эта игра ие понравилась «иачспасу». Особеиио тревожили его цирусы — редкие тоикие облака, похожие иа перья жар-птицы. Оии протяиулись иад самым куполом вершииы, и там, иаверху, гулял сильиый ветер. Зиачит, скоро могла испортиться погода и здесь, иа плато. «Начспас» чувствовал погоду, как коршуи чувствует ветер — всем существом. В горах про Вороткииа ходили легеиды, будто у иего, как у человека запасливого, две пары легких. И будто пульс у иего при любой нагрузке всегда выстукивает, как часы, ровио 60 ударов в мииуту, и будто ему нипочем переиочевать иа снегу в одной ковбойке. Альпинисты любят легеиды...

На всякий случай «иачспас» поручил лабораитам Азрету и Виктору понаблюдать в бинокль за их группой. Договорились, что дважды в сутки — в 7 утра и в 7 вечера — Вороткии будет сигиалить ракетами: зелеиая — все в порядке, красиая — бедствие.

Со станции вышли впятером: доктор упросил «иачспаса» взять его с собой иа вершину. Вороткин знал, что в прошлом сезоие Кузякии покорил пик ЛеииИа, ои был иадежиым, опытиым гориоспасателем. Всегда спокойнее идти, когда в группе врач.

Вороткии, как и накануне, был замыкающим. Перед иим маячила высокая фигура Климова, который эиергичио работал лыжными палками. «Начспас» зиал, что ои мастер спорта по альпииизму, хотя и заиятой человек, но все же регулярно тренируется. Да и 50 лет для восходителя — возраст далеко не пенсионный. Знал он и то, что Иван Владимирович прилетел на Памир прямо из своего рабочего кабинета.

...Часа через полтора после выхода ветер резко усилился. Следы Пашкова, который снова шел первым, был «топтуиом», быстро заметало. Лица, шапки, капюшоиы покрылись изморозью. Подиялась метель, словио оии попали в ледяиую, продутую всеми ветрами таймырскую тундру. Виизу под иими пылал азиатский июль, а здесь стылый ветер вымораживал живое тепло из-под пуховки, немели коичики пальцев, очки примерзали к глазиицам.

Выше биостанции пятерка попала на гряду огромиых снежных увалов высотой с пятиэтажиый дом. Здесь наст не держал, пришлось карабкаться по сыпучему, пухлому сиегу.

Неожиданно Климов остановился, взмахиул лыжиыми палками.

— Что случилось?

— Вои у той скальной гряды, смотрите,— Климов показал лыжиой палкой,— по-моему, там подходящая площадка для стаиции, а? Скалы от лавин прикроют, ледовое озерко есть, значит, питьевая

вода будет. Как, Валентин Сергеевич? — спросил он у подошедшего Пашкова.

— Если трещин нет, может, и подойдет. Запомним на всякий случай место: высота — 6300, напротив восточного контрфорса пика Кирова. А что это вы палками махали? Надо бы крикнуть.

— Хотел... Не могу, воздуха не хватает.

Они двинулись дальше. Где-то наверху, за увалами, за ледовыми трещинами, на высоте 6900 была небольшая площадка в скалах, ночлег. Это было далеко, почти недосягаемо — палатка, отдых, горячий чай... А пока они шли, прислушиваясь, как Пашков сигналит свистком, чтобы они не сбились с пути. Все пятеро двигались в связках, держа ледорубы наизготовку: на леднике попадались закрытые трещины.

Часто налетали снежные заряды. Рюкзак в такие минуты обретал чувствительную парусность — человека закручивало вокруг собственной оси. Лицо, брови, борода мгновенно покрывались ледяной коркой. Сгоряча Климов этого не почувствовал. Оборачиваясь, он удивлялся, глядя на Кравцова, почему тот не снимет ледяную корку с лица. А Кравцов то же самое думал про Ивана Владимировича.

Для короткого привала выбрали глубокую впадину-мульду, уселись на рюкзаки, выпили по чашке теплого кофе из термоса. Неожиданно Климов увидел в мульде... бабочек, ярких, пестрых, но замерзших. Они лежали на снегу. Зачем бабочки прилетели на плато? Каким ветром их занесло? Они сами тоже, наверное, похожи на этих бабочек — люди в ярких пуховках среди льда и снега. Каким ветром их сюда занесло?

Пашков вытянул штырь антенны, вышел на связь с базовым, сообщил местонахождение группы. Из базового передали прогноз: температура падает, ветер в районе плато усиливается. Старший тренер базового лагеря Кожевников посоветовал остановиться на ночлег не позже 16.00, а в случае сильной пурги — спуститься на 6200, переждать там непогоду в снежной пещере.

...Все-таки они дотянули до 6900. Пашков нашел в скалах площадку с подветренной стенкой. Вырубили ледорубами широкую лохань, для прочности заглубили туда палатку, надежно заякорили ее длинными ледовыми крючьями, чтобы высотный домик не сдуло. Потом через круглый лаз они втиснулись со своими рюкзаками внутрь палатки. Последним залез Вороткин с большим куском льда для чая. Он наглухо застегнул двойной полог. Началась обычная суета: доктор колдовал над примусом, держа его на коленях; Климов раскладывал на полу спальники, поролон; Пашков занялся ужином. Заработал примус — сразу стало теплее. Поставили на огонь широкую кастрюлю со льдом. Страшно хотелось пить, губы горели, во рту пересохло.

Они лежали в палатке, тесно прижавшись друг к другу: так было теплее. Палатка то и дело пугливо вздрагивала на ветру. Мысль была одна: переждать эту метельную ночь, а утром двинуть к вершине. До цели оставалось всего 600 метров...

Вдруг что-то сильно щелкнуло по крыше, правый угол палатки обвис: растяжки все-таки лопнули. Чертыхаясь, Вороткин вытащил из-под изголовья шеклтоны, стал обуваться. Зажгли свечку, увидели, что в углах появился снег. Под напором вьюги он фильтровался внутрь палатки даже сквозь двойные стенки. Юра вылез, закрепил

растяжки. Окоченевший, заснеженный ввалился обратно. Вскоре скаты палатки глубоко провисли под тяжестью снега, сморщились...

Так провели ночь — без сна, в полузабытьи. Климову почему-то вспомнилось, как перед отъездом на Памир ему позвонили из Президиума Академии наук, предлагали к отпуску различные варианты земного рая: Звенигород, Пицунду, Карловы Вары. Он выбрал Памир.

Впрочем, Климов выбрал горы еще лет тридцать назад, студентом четвертого курса. Ему нравилось чувствовать в руке надежную опору ледоруба, лазить по шершавым скалам. Тяжелый рюкзак никогда не тяготил, лямки надежно лежали на плечах, как рука друга.

Наверху было интересно... Почему-то именно в горах хорошо думалось. Главные мысли его работ пришли не в кабинете, а в палатке. Альпинизм был для него формой научной работы. В дни празднования 250-летия Академии наук по предложению Климова было решено наградить самую высокую вершину страны — пик Коммунизма медалью имени академика Курчатова за содействие в развитии науки.

В нарушение всех инструкций ученый любил бродить по горам в одиночку. Его грело острое, неповторимое чувство — быть наедине с горной природой. Горы всегда были полны неожиданностей. В экспедиции, как на фронте, один день стоил трех.

И еще: горный спорт был для него идеальной духовной конструкцией. Альпинисты никогда не вспоминали о его громких титулах и званиях. Ему по душе была горная система отсчета человеческих достоинств, в которую равнинные чины и должности не входили. Выше 3000 метров любой доктор наук, лауреат или академик становился обычной «рядовой спиной», на которую можно нагрузить положенные 20, а еще лучше 25 килограммов. Наверху всегда чего-нибудь не хватает.

Одним словом, в горах была его истина.

Двойные высотные ботинки, которые лежали у каждого под спальником, за ночь одеревенели от холода, пришлось отогревать их над примусом. Вороткин, как всегда, оказался самым предусмотрительным: он вытащил из своего спальника теплые шеклтоны и в две минуты был готов к выходу. Юра вскипятил чай. Выпили по кружке, пожевали на завтрак чернослива и галет из пеммикана. Зашнуровали друг другу ботинки. Вороткин помог Алексею и Климову так упаковать свои рюкзаки, чтобы они точно «вписались в спину». Собрались на выход, как космонавты в открытый космос.

Сразу от палатки начинался крутой заснеженный взлёт. Поднимались осторожно, нога за ногу, наискось траверсируя лавиноопасный склон. Одолев взлет, вышли на острый гребень. Теперь их вел Вороткин. Пашков уступил ему место ведущего: на сложном рельефе «начспас» был надежнее. Словно горный архар, он никогда не спотыкался на крутизне, чувствовал гребень, как смычок чувствует скрипку. Не торопясь выбирая место для каждого шага, он двигался, словно по лезвию... Иногда останавливался, вслушивался. Каждым нервом, мускулом, кожей ощущал опасный склон. Предательские скальные надувы могли рухнуть от неловкого шага, даже

от кашля. Шли «верхним чутьем», затаив дыхание... Только шуршала по снегу веревка.

Неожиданно Алексей неловко, боком сполз на снег. Климов резко выбрал веревку, страхуя товарища.

— Ты что? Вставай, Алеша!

— О-о-о, режет... живот...

Спустился доктор, ему и Климову сразу бросилось в глаза — Алексей резко побледнел. Это было заметно даже сквозь загар. На лбу выступил липкий, холодный пот. Он попробовал встать, не смог...

Климов снял с Алексея рюкзак, доктор расстегнул молнию пуховки, стал ощупывать живот — больно! Пульс частил, Алексей весь сразу обмяк. Доктор вытащил из походной аптечки шприц, промедол. Согрел ампулу дыханием, сделал укол.

— Похоже, перитонит,— отойдя в сторону, сообщил доктор.— Его надо немедленно вниз, чем скорее, тем лучше! Самому ему двигаться опасно.

Молча, ни о чем не спрашивая, Вороткин начал выкладывать на снег вещи из своего рюкзака. Вытащил нож, что-то буркнул про себя и решительно пропорол в рюкзаке две широкие боковые прорези для ног. Климов и доктор посадили Алексея в рюкзак, помогли Вороткину надеть лямки на плечи.

В разрыве снежной пелены высоко над ними мелькнул скальный купол вершины — как прощание...

Сначала спускались тем же путем, что и поднимались. Тропу быстро заметало, то и дело ее теряли. С первых шагов по целине Вороткин увяз в снегу. Его сменил Пашков, но и тот едва одолел сотню метров с Алексеем на плечах. Совсем сбились с тропы, попали на широкий лавинный вынос — рыхлый снег вперемешку с глыбами льда. Алексей то терял сознание, то, очнувшись, просил: «Пустите, пойду сам!»

Доктор вдруг заметил, что Климов иногда странно приседает под своим потяжелевшим рюкзаком, часто останавливается, судорожно глотая воздух. «Что-то с ним неладно, надо осмотреть его на ночевке»,— решил Кузякин. Скоро все выбились из сил, остановились. Доктор снова сделал Алексею инъекцию промедола, потом атропина. Но обезболивающие средства мало помогали. У Алексея не было сил даже стонать, он только облизывал сухие, побелевшие губы.

— Пить, дайте попить!

Климов поднес было к его губам фляжку.

— Пить нельзя, Алеша! — запретил доктор.— Только прополоскать рот. Пить — ни глотка, понял? — И негромко добавил: — У него неладно в брюшной полости. Нужна срочная операция.

— Сколько времени нам понадобится для спуска в базовый, Валентин Сергеевич? — спросил Климов.

— Отсюда обычно спускаются дня за два. Если здоровые...

— Два дня... долго! Так что же делать?

— Сейчас главное — добраться до «Востока», там решим. И не терять головы,— спокойно ответил Пашков.

До станции «Восток» оставалось три-четыре часа пути, но это был путь по крутым увалам. Нести Алексея в рюкзаке было опасно. Любое неосторожное движение на склоне и... Они завернули

больного в трехспальный пуховый мешок, проложили поролоном, обернули палаткой: получился большой кокон. Этот кокон стали осторожно спускать по склону на веревках, пропущенных через головки ледорубов.

Поднятые красной ракетой, подошли на помощь Азрет и Виктор. Все вместе они добрались наконец до знакомой большой палатки среди скал. Первый острый приступ боли у Алексея миновал, он даже присел к большому ящику, когда все собрались ужинать.

Климов от ужина отказался, выпил немного бульона и, не раздеваясь, лег. Его мучила тупая боль в затылке, в тепле заныли обмороженные пальцы рук.

— Разрешите-ка ваш пульс, Иван Владимирович,— доктор взял Климова за запястье: кончики пальцев почернели...

Только сейчас, в палатке, Кузякин разглядел: губы Климова запеклись, веки припухли от мороза. Пульс был неровным, дыхание хриплым.

«Глубокая гипотермия, горная болезнь. Вот-вот может вспыхнуть воспаление легких. А держится хорошо, духом не падает». Наметанным глазом горноспасателя доктор оценил все сразу. Много он повидал на своем веку людей, сломленных высотой. Нет, этот держался стойко.

— Иван Владимирович, оденьте-ка мои унтята, они теплые.— Доктор вынул из рюкзака меховые носки.

— Я потерплю, ничего. Как же нам быть с Алексеем? А что, если... операция, доктор, а?— Климов испытующе глянул на Кузякина.

— Понимаю, Иван Владимирович. Действительно, если оперировать Алексея здесь? Будь у меня инструментарий, наркотики для анестезии, рука бы не дрогнула. Я знаю, Алешка выдержит, он крепкий, мы с ним три года в горы ходим. Ах, черт возьми!— Доктор стал нервно разминать пальцы, словно готовясь к операции.

— Да, пожалуй, это идея!

— Если сюда с вертолета сбросят инструментарий и медикаменты, я буду оперировать Алексея в палатке. Валентин Сергеевич, вы же биолог. Будете моим ассистентом?

— Допустим, но... Как вы сделаете наркоз?

— В базовом есть опытный анестезиолог, он проконсультирует по радио... Другого выхода нет. Через сутки может быть поздно. Доставайте рацию, сеанс связи подходит.

...Радиограмму с плато принял старший тренер базового лагеря Кожевников. Пашков сообщал о серьезной болезни Кравцова и просил срочно сбросить с вертолета в районе станции «Восток» стерильно упакованный инструментарий и необходимые медикаменты для операции на брюшной полости. Кожевников тут же собрал всех медиков, которые были в лагере: двух хирургов, анестезиолога и медсестру из научной экспедиции. У всех нашлось только два скальпеля, один иглодержатель, кетгут...

Ответ экстренного консилиума был передан на плато:

«В условиях палатки на станции «Восток» невозможно обеспечить необходимую антисептику. Стерильного набора инструментов и аппарата для наркоза в лагере нет. Постарайтесь своими силами доставить больного к пику Парашютистов. Высылаем на

помощь спасательный отряд. Сообщите ваши потребности в медикаментах, спасательном снаряжении для выброски с вертолета».

...Подкрадывалось самое страшное — апатия, безразличие. Климов молча лежал в своем спальнике, ему не хотелось даже пить. Только память работала четко, обостренно. Сквозь сомкнутые веки он, как на экране, видел свой путь: слепящие фирновые поля... Вороткин на остром гребне... Алексей неловко сползает на снег...

Отчетливо, до галлюцинаций он слышал: шуршит по снегу веревка... свистит сквозь пургу Пашков... Весело зовет Вороткин: «А теперь — вонзайтесь!»

Застонал лежащий рядом Алексей. Это была уже явь. Климов приподнялся, смочил влажной салфеткой его пересохшие губы.

... С первой утренней связью в базовый ушла радиограмма:

«Начальнику Управления ГВФ Кашинцеву,
старшему тренеру Кожевникову.

На высоте 6000 в районе станции «Восток» находятся двое тяжелобольных, один из них — академик Климов. Для срочной эвакуации больных просим вас разрешить посадку вертолета на

Памирском фирновом плато. Считаем посадку возможной пилоту высшего класса.

Комендант станции «Восток» Пашков, «начспас» Вороткин, врач Кузякин».

В горах не на равнине. Там особенно трудно бороться за жизнь. И еще день, ночь и снова день. Доктор, Пашков, «начспас» выхаживали, лечили, согревали больных. Утром, не открывая глаз, доктор первым движением, еще в полусне нащупывал руку лежащего рядом Климова, считал его пульс, потом склонялся к Алексею.

«Станция «Восток», Пашкову, Вороткину, Кузякину.

По вашей просьбе разрешена посадка на плато вертолета МИ-4. Требования к посадочной площадке сообщим позже. Выложите в районе станции «Восток» знак «Т» для выброски аварийного запаса медикаментов, продовольствия, теплых вещей. Сообщайте каждые три часа о самочувствии больных. В базовом лагере у рации дежурит главный хирург республиканской санавиации.

Начальник Управления ГВФ Кашинцев, старший тренер Кожевников».

... Они уже не чувствовали себя маленькой беспомощной группой, затерянной в горах. Большая земля беспокоилась, требовала, помогала. Там, внизу, были подняты на ноги врачи, авиаторы, горноспасатели, связисты.

«Станция «Восток», Пашкову.

Посадочная площадка должна представлять собой плотно утрамбованный круг диаметром 30 метров с примыкающим к нему прямоугольником 15×100 метров. Найдите площадку с легким скатом к кромке плато. По периметру круга и по углам площадки расставьте красные флажки. С обеих сторон площадки должны быть протоптаны две тропинки длиной по одному километру для оценки рельефа с воздуха.

Командир вертолета Петров».

«Базовый, Кожевникову.

Выбрали посадочную площадку на 5800 согласно требованиям командира вертолета. Предполагаемый диагноз Кравцова — перитонит, ему необходима срочная операция. У Климова — обморожены пальцы, общая гипотермия, состояние тяжелое. Просим дополнить аварийный запас на выброску кислородом, транквилизаторами, антибиотиками, саперными лопатками, бухтой стального троса. Спускаем больных своими силами к посадочной площадке. Вышли на прямую связь со спасотрядом, встретимся с ним на 6100.

Пашков, Вороткин, Кузякин».

МИ-4 стоял на небольшой травянистой полянке, зажатой горными склонами, недалеко от палаток базового лагеря. Экипаж готовил машину к рейсу на плато. Командир экипажа Игорь Петров сам проверил все тяги, лопасти, хвостовую балку. О посадке на плато

давно мечтал не только пилот, но и его вертолет, шутил он. Надо было облегчить машину килограммов на двести. Второй пилот и механик сняли задние створки гондолы, убрали сиденья, рацию, приборы — все вплоть до собственных летных фуражек. Командир рискнул снять даже аккумуляторы, чтобы при взлете только завести мотор на поляне и тут же их отключить. Кое-что пришлось добавить сверх обычного: вертолетчикам выдали ледорубы, страховочные пояса, пуховые куртки. Второй пилот должен был остаться в лагере, идти на плато предстояло командиру и механику.

Вокруг «болели» альпинисты, готовые помочь. Вертолет — с виду неуклюжая пузатая конструкция с тонким хвостом и куцыми крылышками — был общим любимцем. Всем нравилось смотреть, как взлетает этот дюралевый «кузнечик», смешно приподняв хвост и словно бы бодая воздух своим широким лбом.

...Напутствуя Петрова, начальник Управления ГВФ Кашинцев сказал:

— Я звонил в Москву министру, доложил ему обо всем. Он желает вам успешной посадки. Если не сумеете взлететь, разрешаю оставить машину на плато. Альпинисты помогут вам спуститься.

В ночь перед посадкой вертолета на плато никто не спал. Люди готовили площадку — круг, прямоугольник, две тропинки — для оценки рельефа с воздуха.

Как в полусне, держась за плечи друг друга, падая от усталости, всю ночь они месили рыхлый чавкающий снег, уминая, перемешивая тяжелые волглые пласты — Пашков, доктор, горноспасатели — все, кто был на ногах... К счастью, ночь была лунной, светлой. Над плато, словно кованный из серебра, маячил пик Кирова, призрачно светились фирновые поля, а внизу голубел в лунном свете ледник Фортамбек. Но им было не до красот. Перед рассветом наст крепко прихватило, все смерзлось до плотности асфальта. К 8.00 площадка была готова.

На плато ждали вертолета, но все же МИ-4 появился неожиданно. Дробный стрекот мотора прозвучал как сладкая музыка.

— Ура! Летит, летит!

Первый заход, второй...

Пилот вел машину, как на параде. Вертолет сделал круг, затем мастерски, впритирочку спланировал по плавной глиссаде точно к центру круга, чуть пригасил скорость. Видно было птицу по полету! Колеса коснулись было снега, но опять приподнялись. Как человек, бредущий по болоту, пилот выбирал местечко покрепче, понадежнее.

Вдруг машину повело в сторону... Пилот все же выровнял ее, снова осторожно, по сантиметру стал осаживать... На бешеном форсаже вращались лопасти, ловя крохи разреженного воздуха... Из-под гондолы взметнулись комья снега...

Касание!

Касание!

Мелко дрожа корпусом, вертолет полузавис над площадкой. На снег, пригнувшись, выскочил бортмеханик, глянул под колеса.

— Посадка — во!

Мельком взглянув на механика, пилот впился взглядом в приборы.

— Гироскоп?
— Высотомер?
— Тангаж?
Удержать машнну! Удержать!!
Лопасти с визгом рвали поземку... Вертолет все же просел, колеса, кажется, вязнут. Эх, сядут — пропали! Петров чувствовал машину, как собственную руку, как сердце... Обоим не хватало кислорода. Краем глаза пилот заметил: люди быстро втащили в салон человека в красной пуховке (Климов?), бросились за вторым. Петров резко отбросил дверцу, высунулся из кабины по пояс, поднял руку с вытянутым кверху указательным пальцем.
— Один!
— Только один!
Не слыша голоса, его поняли по губам. Доктор умоляюще поднял вверх обе руки, показал на Алексея.
Тогда, на секунду чуть сбавив обороты, пилот выкрикнул:
— Иначе не взлетим! — И захлопнул дверцу кабины.
Машина рванулась было вверх, но странно клюнула носом: колеса все же увязли. Снова взревел мотор, дикий взвизг лопастей рванул по перепонкам... Люди бросились врассыпную...
Машина чуть приподнялась, с натугой пошла вперед, пропахивая колесами глубокую борозду.
Ну!
Оторвались...
Мотор все же пересилил, но набрать высоту уже не смог. Вертолет летел по прямой, площадка сама покато уходила из-под колес. Вот и кромка плато — машина камнем провалилась вниз...
Но Петров уже спокойно заложил левый вираж, а через 15 минут они благополучно сели в базовом лагере.
Когда Игорь вылез из кабины, руки у него дрожали...
Опираясь на плечи альпинистов, из вертолета выбрался высокий человек в продранной красной пуховке. На груди у него болтались разбитые очки.
Климова уложили в палатке-госпитале, напоили горячим бульоном. Врач лагеря хотел было осмотреть его, но Иван Владимирович попросил позвать командира экипажа.
— Спасибо, Игорь. Посадка была мастерской. Вы летаете, как Чкалов. Но... — охрипший голос Ивана Владимировича дрогнул, — но на плато остался тяжелобольной. Он может погибнуть. Прошу вас, слетайте еще раз. Вас очень ждут.
— У меня был один шанс из сотни. Я его использовал, — ответил Петров и вышел.
— Значит, последняя надежда...
— Доктор, выход один, — Климов вкладывал в свои слова остатки сил, воли. — Надо готовить операцию здесь, в базовом лагере.
— В базовом? Но...
— Посадку на плато тоже считали невозможной. Свяжитесь от моего имени с Советом Министров республики, вам доставят все необходимое. Мы должны спасти Алексея.
— Вам надо поспать, Иван Владимирович, хотя бы пару часов. Вас ждет санитарный вертолет.
— Я никуда не улечу, буду ждать Алексея здесь. Готовьте операционную в лагере. Да, между прочим, у меня кровь первой

группы. Если нужно, возьмите для Алеши.

Климов закрыл глаза, вздрогнул. Дикий свист лопастей резанул слух...

— Один!

— Только один!

— Внимание, внимание! Всех альпинистов просим немедленно собраться около штабной палатки! — усиленный мегафоном голос дежурного разнесся над базовым лагерем.

И люди поднялись по тревоге. Операционную решили разместить в единственном на поляне щитовом домике. Его продраили щелоком, задрапировали пол, стены, потолок чистыми простынями. Сложнее было с инструментарием. Нашлось всего два скальпеля, один иглодержатель. Пришлось проявить смекалку. Ранорасширители согнули сами из четырех нержавеющих столовых ложек. В операционной должен быть свет, а еще лучше — бестеневая лампа. Среди альпинистов оказались электрики, они сделали проводку от движка в домик, обтянули большой таз фольгой, укрепили в нем лампы — освещение было готово! Собрали все бинты, марлю, простыни, простерилизовали их вместо автоклава в большой кастрюле-скороварке.

...Спасотряд добрался до базового лагеря уже в темноте. На леднике их встречали, люди подхватили на руки Алексея.

— Прошу всех в столовую, вас ждет ужин,— пригласил старший тренер.

— Ужин потом. Где будем оперировать? — спросил доктор.

— В щитовом домике. Ассистировать вам будут врач лагеря, анестезиолог и медсестра из экспедиции. Донорская кровь первой группы готова.

— Хорошо, спасибо. Мне сейчас теплой воды, умыться, переодеться. Пусть ваш врач проверит Кравцова на лейкоцитоз. Через полчаса начнем.

... Всю ночь около щитового домика светились фонарики альпинистов. Трое врачей и медсестра в странных хитонах из простыней склонились над больным. Алексей держался, как Маресьев. Ни разу не вскрикнул, хотя операция шла без наркоза. Когда все кончилось, пациент спросил:

— Доктор, что у меня вырезали?

— Убрали лишнюю складочку, не волнуйся, Алеша,— весело ответил доктор.

Работал он четко, уверенно, рука не дрогнула, как будто и не было трех бессонных суток на плато. Да и операция была необычная, такого на леднике еще никто не делал.

Утром вертолет санавиации увез Климова и Алексея на равнину. Их провожал весь лагерь, и все видели: улетать им не хотелось. Просто надо было отправляться вниз, чтобы будущим летом снова вернуться сюда. Чтобы опять идти наверх, чтобы ковбойка снова выцвела от солнца, а горные ботинки стерлись в пыль, чтобы принимать вертолеты на плато и лазерные сигналы с Марса — чтобы жить!

Через день после их отлета в базовый пришла радиограмма:

«3 сентября в 7 утра в больнице от острой сердечной недостаточности скоропостижно скончался академик Иван Владимирович Климов».

... Люди уходят, горы остаются. Идеи тоже остаются, они живут дольше людей.

Каждый год осенью первокурсники заполняют аудиторию имени академика Климова. О нем первая лекция, похожая на легенду. А летом кто-то из них обязательно уходит на плато.

ВЛАДИМИР БАРДИН

В ГОРАХ ШЕКЛТОНА

Очерк

Художник В. ЗАХАРЧЕНКО

Новоселье

От базы Дружной до гор Шеклтона около 300 километров — на «Аннушке» меньше двух часов лета. На поверхность шельфового ледника, проплывающую под крылом, идеальную, без помарок, белоснежную скатерть, набегают трещины. Их темные, отливающие бездонной синевой линии образуют сложные геометрические фигуры и кажутся вычерченными на ватмане. Трещины все расширяются. Сверху это выглядит безобидно. Но вот в леднике, как рваные раны, зияют гигантские провалы, на дне которых кое-где проступает вода. Это разломы Гранд-Касм, простирающиеся на десятки километров. Чем вызвано их образование, пока неизвестно. Возможно, плавучий ледник натолкнулся здесь на подводное препятствие? Работы наших геофизиков должны прояснить многое, о чем сейчас приходится только гадать.

Остается лишь радоваться, что в горы Шеклтона нас доставят по воздуху. Наземное путешествие отняло бы куда больше сил и времени и было бы неизмеримо опаснее. Шельфовые ледники полны коварных ловушек, ведь многие трещины прикрыты снежными мостами и практически неразличимы с поверхности.

В самолете все с вниманием вглядываются в белую пустыню. Ледяная поверхность вновь успокоилась, на ней все меньше приметных ориентиров. Разломы Гранд-Касм остались позади, трещин поубавилось. Только оттенки снежной поверхности, смена блестящих серебряных тонов серыми говорят о легких перегибах ледяного рельефа, а узкие, бегущие параллельно друг другу светлые полосы с размытыми, словно отороченными пушистой бахромой контурами, указывают: внизу метет поземка.

Слева по курсу показались полосчатые уступы гор Терон, впереди же, прямо на юге, там, где равнина шельфового ледника постепенно сливается с материковым ледниковым покровом, вставали из-за горизонта горы Шеклтона. Эта довольно компактная группа горных массивов, вытянутая неширокой полосой почти на 200

У подножия горы Провендер вырос наш лагерь

километров, лежала словно в тисках между двумя мощными потоками материкового льда — ледниками Слессора и Рековери.

Летчики держали курс на северо-западный край хребта Шеклтона, к горе Провендер, где намечено создать наш полевой геологический лагерь. Самолет стал заходить на посадку. Перед глазами совсем близко пронеслись, будто опрокидываясь на нас, рыжеватые скалы, край ледника с приметным темным пятном, море каменных обломков у подножия. Но вот пилот выровнял машину, и через несколько секунд она заскользила по снегу, слегка подпрыгивая на застругах небольшого снежника, вытянутого вдоль пологого склона, сплошь заваленного валунами.

После Дружной, надоевшей однообразием плоской снежной равнины, горы производят прямо-таки ошеломляющее впечатление. К тому же не в пример береговой базе, где небо почти постоянно затянуто облаками (так было и во время нашего вылета), здесь все сверкает под солнцем. Валуны, к которым почти вплотную подрулила «Аннушка», зримо излучают тепло. Воздух над ними колеблется, словно это не обыкновенные камни, а раскаленные уголья. И такой захватывающий вид открывается во все стороны!

Летчики улетают: им предстоит сегодня еще не один рейс, а мы начинаем с главного — сооружения своего жилища. Процедура сборки небольших, похожих на юрты каркасных палаток отработана. Каждый, кто участвовал в полевых геологических работах в полярных районах, выполнял ее многократно. Но самая первая палатка в сезоне обычно и самая сложная. К тому же палатки старые, дюралевые дуги помятые, порой приходится попотеть, прежде чем соберешь каркас. Дополнительно с помощью капроново-

го фала укрепляем дуги, стягивая их между собой. Ведь случалось, даже такие прочные, обтекаемые конструкции не выдерживали напора антарктических ветров. Правда, в возможность этого сейчас трудно поверить: стоит абсолютный штиль, припекает солнце. Температура всего минус 4°.

Работаем все споро, в охотку. Да и разве можно иначе, ведь строим себе дом. За полночь две черные палатки, одна из них совсем небольшая, уютно стояли среди камней. Можно было перевести дух. В помещение внесли все, что боится мороза: картошку, репчатый лук, немного апельсинов и бутылку шампанского. Ее приберегли специально на Новый год, до которого оставались считанные часы, ведь сегодня уже 31 декабря.

Горят газовые горелки. Расставлены раскладушки, на них брошены матрасы и спальные мешки. На плите в большой палатке пофыркивает чайник, вкусно, по-домашнему пахнет крепкой заваркой.

Дима, наш радист, занялся рацией. Виктор, геофизик, наблюдатель баропоста, сооружает мачту для метеонаблюдений. Геологи Володя и Игорь сортируют продукты, часть из них надо поместить в снег. Наш американский коллега Эдвард, геолог из университета Лос-Анджелеса, раскладывает по углам палатки свои многочисленные баулы, подготавливая все для выхода в первый маршрут. Я укрепляю на доске у входа рукомойник, точь-в-точь такой же, каким обычно пользуются на дачах. Можно поздравить друг друга с новосельем.

Новогодняя ночь

Новогодняя ночь в Антарктиде, конечно, понятие условное. Ведь стоит середина полярного лета, солнце здесь вблизи полюса круглые сутки не заходит за горизонт. Но хотя вся обстановка в горном лагере отлична от той, что окружает дома, тем не менее и здесь под Новый год захватили нас радостное и немного тревожное волнение, предпраздничные хлопоты и суета. С утра мы иаводим порядок в лагере. Собираем в кучу мусор и сжигаем его. Подвозим поближе к палаткам запасные баллоны с газом. От места разгрузки самолета это несколько сот метров. Проверяем снегоход «Буран» — наше единственное транспортное средство, не считая небольших саночек.

Погода продолжает оставаться прекрасной, хотя нити перистых облаков, загнутых, как коготки, говорят о ее возможном ухудшении. Но нас непогода скорее всего минует. Основные пути циклонов проходят севернее, над шельфовым ледником. Мы же забрались на склон материкового ледникового покрова Антарктиды, хотя и не слишком высоко, всего метров на пятьсот, но зато совсем близко к полюсу. Если широта станции Восток — 78°20′ ю.ш., то наш лагерь на Провендере расположен почти на два градуса южнее (80°25′ ю.ш.). Так далеко иа юге бывать мне еще не приходилось.

И вот все основные дела сделаны. Ящики с мясом, мороженой птицей и рыбой аккуратно уложены в снежную яму. Подготовлен праздничный ужин. На двух сдвинутых раскладных столах расставлены банки с консервами, фрукты, напитки. В духовке тушится жаркое, на газовой плите поджаривается картошка. Рассаживаемся на вьючных геологических ящиках вокруг стола. Дверь в палатку

приподнята — оттуда вливается яркий свет. Виден участок ледника Блейклок и утопающий в снегах массив горы Ло. Разговор внезапно прерывается, все невольно оборачиваются к двери и завороженно смотрят туда. Кажется, вот-вот раздадутся шаги и кто-то непременно появится на пороге. Но вокруг ни звука — немая, мертвая тишина.

Минутное замешательство сменяется веселыми возгласами. Геолог Игорь, сделав страшное лицо, вдруг запевает речитативом арию Кончака. Небольшого роста, с крупной курчавой головой, Игорь, несомненно, самый импульсивный, подвижный из нас. В нем заключена прямо-таки дьявольская энергия. Распираемый ею, он не может и минуты усидеть на месте. Ему нужно обязательно по любому поводу высказаться, что он и делает с необыкновенным жаром. Но иногда, очевидно от избытка чувств, он начинает петь.

Рядом с Игорем сидит Эдвард. Он рослый, точнее выражаясь, долговязый. Даже когда сидит, голова его где-то вверху над нами. К тому же на макушке у Эда торчит зеленая вязаная шапочка, с которой он никогда не расстается. Шапочка лишь отчасти прикрывает пряди блестящих черных волос, которые делают его несколько похожим на индуса. На лице Эда раз и навсегда застывшее благожелательно-флегматичное выражение. И слова произносит он монотонно, не говорит, а цедит их с одной и той же интонацией:

— Можно я вместо водки налью шампанского? Мне нравится ваше шампанское.

— О чем разговор, Эд! Делай то, что тебе нравится. У нас тут без церемоний,— кивает ему сидящий напротив геолог Володя.

— Без церемоний? — повторяет Эдвард и лезет в карман за записной книжкой, куда заносит новые для себя русские выражения.

— Ну да, это значит «пей на здоровье».

Геолог Володя — круглолицый, широкоскулый. Свисающие кончики усов и длинные волосы делают его похожим на одного из солистов ансамбля «Песняры». Володя — начальник нашего лагеря. Он совсем еще молодой геолог. Порой бывает нарочито заносчив, грубоват, но эти качества неожиданно сочетаются у него с детской непосредственностью и чувствительностью, хотя он и хочет показать, что ему море по колено.

Рядом с Володей сидит геофизик Виктор. Ежечасно он должен снимать отсчеты атмосферного давления с двух барометров, лежащих у него под раскладушкой, а через каждые три часа — брать показания психрометра, прибора для определения влажности. Психрометр подвешен на самодельную мачту за палатками. Виктору же надлежит определять скорость ветра. Все эти данные понадобятся геофизикам, чтобы корректировать свои наблюдения в других точках.

Виктор хмур, выглядит недовольным, или, может быть, такой вид придают ему очки и взлохмаченные волосы. В отличие от красноречивого геолога Игоря он немногословен. Его словарный запас ограничивается, как правило, несколькими крепкими выражениями. Сейчас Виктор сидит как на иголках, часто поглядывает на часы, боится пропустить срок отсчета. Из-за этого он единственный так и не выспался как следует перед Новым годом. К тому же почти через каждые пять минут экспансивный Игорь кричит ему в ухо, что скоро

надо брать отсчет. Делает это он, очевидно, из желания помочь товарищу, но лицо его, как обычно в таких случаях, принимает свирепое выражение.

Виктор честно пытается делать все вовремя. Опрометью бросается к психрометру, висящему наподобие сиротливой сосульки на доске метрах в 50 от палатки, снимает отсчеты с двух сверхточных барометров — для этого нужно опуститься перед приборами на колени и смотреть в специальный глазок. Но, подгоняемый Игорем, он иной раз забывает записать результаты в журнал. Это его ужасно удручает, и он сидит потускневший, вздрагивая каждый раз, когда Игорь кричит ему: «Иди брать отсчеты!»

Напротив меня, на другом торце стола, у рации, наш радист Дима. Он самый старший среди нас. Щуплый, худощавый, он, возможно, благодаря этому выглядит довольно моложаво. Дима — ветеран во всякого рода полевых работах. Экспедиции для него привычное дело. Он легко ладит с ребятами. Да и свою работу на рации выполняет старательно. Есть в нем что-то крестьянское: хозяйственная сметка, расчетливость, некоторое лукавство и хитреца.

Володя, Игорь, Виктор и Дима — все из одного ленинградского института. Коллектив уже сложившийся, спаянный. И поселились ребята вчетвером в большой палатке, оставив нам с Эдом маленькую.

Я, шестой за столом, географ из Москвы. Для меня это шестая экспедиция в Антарктиду. Но во многом я ощущаю себя новичком. Ведь по сути все начинается сызнова, как в первый раз. Впервые я в горах Шеклтона. И впервые в такой компании. Из старых друзей в экспедиции никого не оказалось, а новые друзья, как известно, легко приобретаются только в молодости.

Вот какая разношерстная компания собралась в одной палатке в канун Нового года. А он уже на пороге. Игорь торопливо разлил по кружкам напитки. Дима следит за точным временем и наконец дает отмашку. Сомкнутые кружки глухо звякают.

Наступил 1977 год! С ним началась наша работа в горах Шеклтона на краю света, вдали от родного дома. Впрочем, так ли уж вдали? По себе знаю, чем больше расстояние, тем острее ощущаешь свою близость к Родине. И по взволнованным лицам ребят вижу, что сейчас мысли их тоже там, далеко-далеко, вместе со своими любимыми и близкими.

«Салют! — кричит Игорь. — Праздничный салют!»

Он достает ракетницы, и мы выскакиваем за ним из палатки. Какое море солнца, света! Горы, ледники купаются в нем. Какова новогодняя ночь!

Зеленые, красные ракеты шипя взмывают вверх. Потом Игорь устанавливает на валун бутылку из-под шампанского и предлагает палить в нее. «Лучше бы в твой прибор, — говорит он Виктору, — указывая на мачту с психрометром. — Все равно висит без дела. Ты же ровно в 12 должен был взять отсчет». Виктор охает и бежит за журналом.

Я захожу в свою палатку. Там в сумке пачка поздравительных радиограмм. Они пришли, когда мы были еще на Дружной. Вести из дома, от друзей. Я уже знаю тексты радиограмм почти наизусть. И все же вновь пересмотреть их сейчас просто необходимо.

Только в Антарктиде можно встретить Новый год под лучами незаходящего солнца

Нет, как же все-таки далек от нас родной, привычный мир, наши Москва и Ленинград, Лос-Анджелес! И как мы, находясь в горах Шеклтона, близки к нему!

Первые маршруты

Хребет Шеклтона был открыт гораздо позже других крупных географических объектов Антарктического континента. Это объяснялось во многом тем, что он расположен в самом труднодоступном районе, где долгое время вообще не было научных станций. Только в период Международного геофизического года в связи с запланированным англичанами трансантарктическим переходом началось изучение этого района. В 1955—1956 годах англичане создали на краю шельфового ледника, поблизости от теперешнего местоположения нашей Дружной, опорную базу Шеклтон, а 20 января 1957 года во время рекогносцировочного полета на юг впервые увидели горы, которым было дано название «хребет Шеклтона».

Столь частое обращение к имени известного английского полярного исследователя в данном случае не было случайным. Эрнсту Шеклтону принадлежала сама идея трансантарктического перехода по данному маршруту. В 1915 году он даже пытался ее осуществить, но ему не удалось высадиться на берег. Судно Шеклтона «Эндьюранс» было раздавлено льдами в море Уэдделла, и участники экспедиции лишь чудом избежали гибели.

И вот спустя сорок с лишним лет англичане приступили к выполнению замысла своего соотечественника. Горы Шеклтона, лежавшие вблизи маршрута трансантарктического перехода, естественно, привлекли внимание исследователей. В октябре 1957 года в

западной части гор, как раз там, где располагается и наш лагерь, десять дней работал английский геолог П. Стефенсен, а топографы К. Блейклок и Д. Страттон совершили двадцатидневный переход на собачьих упряжках вокруг ледяной возвышенности, названной в честь руководителя трансантарктической экспедиции Вивиана Фукса куполом Фукса. Так были получены первые сведения о новом горном районе.

В последующие десять лет безмолвие гор Шеклтона вновь никем не нарушалось. Начиная с 1968 года здесь возобновили исследования английские геологи и топографы, базирующиеся на новой английской станции Халли-Бей, созданной в восточной части побережья моря Уэдделла взамен оставленной базы Шеклтон. Англичане работали в горах в течение трех летних сезонов. Основным видом транспорта им служили собачьи упряжки и лишь изредка тракторы. В доставке полевых партий и снаряжения в горы англичанам оказывала помощь американская авиация. Американцами же было выполнено перспективное аэрофотографирование гор. Наземные наблюдения и аэрофотосъемка позволили составить первые географические карты, которые, хотя и не отличались большой точностью, давали общие представления о рельефе и оледенении района.

Планы нашей экспедиции более обширны: создать точную картографическую основу и, опираясь на нее, построить ряд специальных карт. Полевые лагеря уже начали работать одновременно с нами в различных точках горной страны. Дима установил связь с соседним геологическим лагерем на горе Рид, там на ключе его молодой коллега — радиотехник Гриша.

Наша гру́ппа участвует в составлении геологической и геоморфологической карт, на которых будут синтезированы сведения о горных породах, формах рельефа и их происхождении. Важно не только разобраться в современной ситуации, но и представить историю развития природных процессов — основные этапы формирования рельефа гор и развития оледенения — другими словами, познать палеогеографию района. Без этого немыслим достоверный географический прогноз.

Но для того чтобы проникнуть в тайны минувшего, нужно собрать большой фактический материал. Для географа и геолога это означает прежде всего наземные маршруты, наблюдения и отбор образцов. Потом это пополнится изучением аэрофотоснимков, результатами лабораторного исследования проб, наконец, теоретическими обобщениями. Но прежде всего нужно самому пройти, увидеть, собрать, записать. Вот почему сразу после Нового года мы уходим в маршруты. Геологи решили начать с южного, наиболее удаленного края горного массива. Они направляются в маршрут на снегоходе «Буран», своего рода мотоцикле на гусеничном ходу.

Я иду к северу. Еще с самолета, когда мы подлетали к горе Провендер, я заметил там на леднике, у подножия горы, темное пятно. Такие темные участки льда мне приходилось видеть прежде на Земле Королевы Мод. Они представляли собой подледные озера — уникальный, распространенный лишь в Антарктиде тип водоемов, круглый год покрытых льдом. Подобные озера почти не изучены. И уже сам факт существования их в горах Шеклтона, которые на добрую тысячу километров ближе к полюсу, чем озера Земли Королевы Мод, был интересен.

Вскоре я находился уже в нескольких километрах от лагеря. После малоподвижного пребывання на Дружной шагалось необыкновенно легко. Путь шел по склону, сплошь усыпанному обломкамн самых различных размеров, от валунов величиной с нашу палатку до небольших галек. Это был какой-то каменный хаос, словио волны иабежали на склоны горы Провендер, разбились у ее подножня н внезапно окаменели.

Большая часть валунов—различиые граниты и гнейсы—представляли собой обломки древнего кристаллического осиования антарктической платформы. Но среди них попадалнсь н более молодые породы—темные сланцы, на сколах которых иной раз можно было увидеть отпечатки створок мелких раковин—брахиопод. Эта древняя фауна—сущий клад для нашего Игоря, ведь палеонтология—его страсть.

Однообразие камеиной пустыни кое-где нарушалось пятнамн снега—иавеяннымн снежниками. Вблизи склона одного из сиежников я неожиданно попал в своеобразное болото. Грунт здесь настолько пропитан талой водой, что в иего погружались ботинки, а в оставленных следах проступала влага. Вдоль края самого снежника под тонкой корочкой льда слышалось журчанне ручейка. И это несмотря на отрицательную температуру воздуха! Талая вода образовала кое-где небольшие озерки. Эти водоемы небольшие, мелкне, некоторые нз них скорее можно назвать лужами. В теплые, солнечные днн, такие, как сегодня, вода в них прогревалась, онн полностью освобождалнсь ото льда. Ближе к осенн, когда солнце пойдет на убыль, онн снова промерзиут до дна. Но сейчас разгар антарктического лета, н термометр, который я опустил в одну нз небольшнх луж, показывает +4°. К тому же иа дне видны темно-пепельные стебельки какнх-то водорослей. Пусть на короткнй срок, но жнзиь и тут торжествует! Достаю нз рюкзака полнэтиленовые каннстры и заполняю нх водой. В специальные стерильные пробиркн беру пробы талого грунта с водорослями. Гидрохимия здешних озер, населяющие нх микроорганизмы почти ие изучены.

Спускаюсь вдоль склона все ииже н ниже, пока не оказываюсь в замкнутой котловине, расположившейся у северной, наиболее обогреваемой части горы Провендер. Один край этой котловнны—камениый, усеянный валунами склон самой горы, протнвоположиый—ледяной, борт ледника Блейклок. На дне котловниы то самое, замеченное еще с самолета темное пятно—ожидаемое подледное озеро. Оно не имеет ничего общего с миниатюрнымн лужамн у снежников, поперечные размеры тут несколько сот метров.

Я ступаю на этот темный лед. Ои неровный, пузырчатый, в отдельных местах на ием куполовидные вздутия, подобиые тем, что встречаются на озерах в Сибири, где вода в сильные морозы вздымает, а иной раз н взрывает сжимающий ее ледяной панцнрь. Нет никакого сомнения, что это озеро. Толщнна льда в его центральной части—несколько метров, но у одного берега, по граннце с темнымн, нагревшимися на солнце валунамн, лед тонок, н кое-где даже образовалнсь узкне закраины, нз которых можно взять пробу воды. Здесь тоже миого водорослей, только онн совсем другие—фиолетово-красные.

Встреча с растеннямн в ледяной антарктической пустыие всегда событие, ведь известно, что растительный мир южиополярного

**Ландшафты гор Шеклтона отличаются разнообразием и изяществом форм
Справа — навеянный ледник, слева — мерзлотные полигоны (ячеи)
на поверхности котловины**

континента исключительно беден по сравнению с другими материками. Лишь участки скал и в особенности озера — очаги жизни в ледяной пустыне. Довольно широко распространены здесь водоросли. И не только в озерах. В пробах грунта, с виду совершенно безжизненных, которые мне приходилось отбирать раньше в различных районах Антарктиды, почти всегда оказывались те или иные водоросли. Расселению их по территории континента, несомненно, способствуют птицы: они могут переносить на своих лапах самые различные микроорганизмы.

За первые дни пребывания в горах Шеклтона мы еще не видели птиц, но о том, что эти места ими освоены, красноречиво свидетельствовал скелет снежного буревестника на песке вблизи озера. Я нагнулся к нему. По тому, что косточка ноги с согнутым коготком лежала в стороне от основной части скелета, можно предположить, что буревестник был растерзан поморником — грозной прожорливой птицей, «антарктическим шакалом», как его называют полярники за то, что он разбойничает в колониях пингвинов.

Голая, безжизненная на первый взгляд гора Провендер оказалась на самом деле по антарктическим меркам богатой жизнью. Здесь в озерах растут пышные колонии водорослей, здесь обитают птицы. Правда, еще не удалось обнаружить ни единого экземпляра мха и лишайника. Но ведь это первый маршрут, и такие находки надо ожидать в дальнейшем. Район горы Провендер с полным основанием можно назвать оазисом. Только в отличие от большинства антарктических оазисов, расположенных на скалах у берега моря (в таких

условиях, к примеру, находится наша основная антарктическая станция Молодежная), оазис горы Провейдер горный и к тому же находится на подступах к самому полюсу. Это делало наблюдения здесь особенно интересными.

В первый день, увлеченный новизной, открывавшейся буквально на каждом шагу, я не заметил, как пролетели 12 часов отведенного на маршрут времени. На обратном пути к лагерю я шел вверх по склону, покачиваясь под тяжестью образцов. Кроме проб воды в рюкзаке была коллекция основных горных пород, мешочки с мелкоземом, ведь изучение мелкой, песчаной фракции позволит судить, какие минералы преобладают в составе местных пород. Иной раз именно таким образом удавалось обнаружить признаки месторождения полезных ископаемых. Я был доволен прошедшим днем. По сверкающим глазам моих товарищей, также только что вернувшихся в лагерь, было видно, что и они удовлетворены первым маршрутом.

...Обычно каждое утро начинается с того, что, умывшись, я разжигаю плиту и готовлю на всю нашу команду кашу «геркулес». Это моя инициатива и — льщу себя надеждой — скромный вклад в хозяйственные дела лагеря, ведь специалиста-повара у нас нет и его обязанности распределяются между всеми участниками. Но так как в хорошую погоду четверо из нас весь день в маршруте, хозяйничать на кухне приходится в основном Диме с Виктором, что, конечно, им порядком надоедает. Моя инициатива с геркулесом была воспринята основным коллективом поначалу настороженно и сдержанно. Володя хмуро высказался из спального мешка, что мужчина должен употреблять мясо. Его активно поддержал Игорь и, высунув из мешка свою курчавую голову, пропел по складам: «Мя-со...о!...» После чего, сделав страшное лицо, нырнул обратно в мешок.

Помешивая в кастрюле ложкой, я вкратце рассказал о пользе для организма, и прежде всего для желудка, овсяной каши. Выслушали меня скептически, но никому особенно не хотелось вылезать из мешка и готовить другую пищу, что и решило дело.

За завтраком все ели геркулес. Правда, хвалил кашу один Эдвард. Хронически невысыпающийся Виктор жевал с нескрываемым отвращением, пояснив, что еще с детства овсянка стоит ему поперек горла. Неожиданно меня поддержал радист Дима, он с аппетитом съел целую миску и даже попросил добавки. Это подействовало на Володю и Игоря, которые, хотя и не просили добавок, осилили свои порции. Володя, правда, не преминул добавить, что с такой еды в маршруте ноги протянешь. Я же, памятуя, что новое всегда пробивает себе дорогу с трудом, решил не сдаваться.

...Дни стоят погожие, один лучше другого, и мы ежедневно с утра уходим работать. Похоже, что в январе хорошая погода здесь устойчива. Обычно же Антарктида погодой не балует, и мы по прошлому опыту привыкли каждый погожий день использовать для походов. Накопилось много дел и в лагере: нужно вычертить карту, упаковать образцы, наконец, просто не торопясь обдумать увиденное, разобраться в своих поспешных маршрутных записях. Да к тому же и ноги потеряли легкость. Мышцы, как у плохо тренированного спортсмена, побаливают. У меня после двух первых маршрутов их даже сводило судорогой. Спасибо Эдварду, дал мне какую-то специальную мазь. Словом, самое бы время передохнуть, но... стоит

отлнчная погода, не терять же такой день! И снова уходишь в маршрут.

С утра трудно сразу втянуться в рабочий рнтм, ощущается какая-то вялость, медлительность. Первые километры, в общем-то наиболее легкне, без крутых подъемов, даются, однако, с трудом. Стоит чуть увеличить темп, н тело покрывается испарнной.

Горный хребет, выгнутый наподобне гигантской подковы, окаймляет засыпанную валунами котловину с трех сторон. Я держу путь на юго-восток, как раз к вершнне «подковы». Возможно, этот маршрут поможет разобраться, откуда прнзесено сюда такое огромное колнчество каменного матернала.

Сегодня задул легкий встречный ветер. Нас нзбаловала штилевая погода, н вот теперь даже такой ветерок кажется неприятным. Несколько часов я пробнраюсь средн нагроможденнй каменных глыб. Ощущаешь себя словно в море среди волн одиноким пловцом. И нелегко разобраться в этом каменном хаосе, понять, каким образом, в какой последовательности создано все это его велнчеством ледником.

Подкова котловины открыта на запад, с той нижней части, где стоит наш лагерь, основные же леднике движутся сейчас с противоположной, восточной стороны. Но с востока вершнну подковы замыкает седловина горного хребта. Правда, она не слишком высока, и, возможно, более мощный ледник в прошлом переползал через нее. Но чтобы решить, так ли это на самом деле, нужно пройти туда, осмотреть гребень этой седловнны.

Я отошел уже километров на восемь от лагеря и теперь постепенно поднимаюсь все выше н выше по склону. Вот уже открылся внд на соседнне боковые массивы. Один нз них имеет характерный двугорбый профиль. Где-то там, внизу, работают геологи. След их снегохода, пересекающнй подножия снежников, хорошо виден мне сверху.

Еще несколько десятков метров, и я выхожу на гребень седловины н заглядываю за край гигантской каменной чашн. Передо мной сверкает велнчественный купол Фукса. Рядом с ннм броская, похожая на пень гора Флет-топ — скальный останец с почти отвесными стенами. На его плоскую вершину наши топографы уже забросили с помощью вертолета сборный домик. Там намечено создать радиодальномерную станцню для аэрофотосъемки. Я перевожу взгляд вниз, ближе к подножню гребня, и на склоне узкой, торчащей, как крнвой турецкнй кннжал, темной горы вижу три маленькие фнгурки. Одна нз них в красной куртке. Это несомненно наш американец Эд. Две другие, в темных ватниках,— Володя н Игорь. Я крнчу туда, в пропасть, слова прнвета, издаю долгий возглас: «А-а-а!» — и взмахнваю рукой. Так хочется обменяться хотя бы знаком вннмания. После долгого одинокого маршрута это почти фнзиологическая необходимость. Но очевидно, легкнм моим не хватает той мощн, которая прнсуща нашему вокалисту Игорю, или просто ветер относит мой голос, ведь расстояние не меньше километра.

Гребень седловины, та самая вершнна подковы, попасть куда я так стремился,— выровненный, округленный, словно по скалам прошелся бульдозер. Опустнвшись на колени, я внимательно, пядь за пядью осматриваю поверхность. На ней кое-где видны мелкие

царапины, борозды. Скорее всего это ледниковая штрнховка, но в Антарктиде н ветер, несущий частицы песка, способен оставлять следы иа поверхности скал. Я прохожу еще несколько метров вдоль гребня. И вот наконец: «Эврнка!» На пластах мрамора лежат валуны гнейсов — неоспоримое свидетельство пребывання ледника. Никакие иные силы, за исключением льда, не могли занестн сюда эти большие, до полуметра в диаметре, обломки. Теперь ясно, что значительная часть валунов того каменного моря, которое я пересек по пути сюда, принесена с востока. Оледененне в прошлом было в горах Шеклтона более мощным, и лед поступал с востока в котловину. Однако другие потокн льда, огибавшие по глубоким долинам весь подковообразно выгнутый массив, должны были затекать внутрь межгорного понижения н с противоположной, западной открытой части. Таким образом, на определенном этапе своей истории зажатая внутри горной подковы котловина представляла собой как бы ловушку для ледникового матернала. Когда оледенение стало сокращаться, прнток льда с востока оборвался. Лед в котловине постепенно стал стаивать, н на поверхностн сгрудились содержавшиеся в нем обломки.

Когда происходили эти события? Ответ может дать только детальное изучение самой морены: ее рельефа, геохимнческих преобразований на поверхности валунов и в мелкоземе. Вот почему так необходимы многочнсленные пробы моренного матернала, которые отягощают рюкзак н обычно вызывают неудовольствне летчиков при погрузке в самолет.

В лагерь возвращаюсь с небольшнм опозданием, за что н получаю справедливое замечанне от Володи. Ребята уже отужннали и блаженно растянулись на раскладушках. Только радист Дима деловито выпиливает что-то из листа фанеры.

Виктор достает из духовки немного картошки и жаркое н накладывает мне в тарелку. Хмурый вид его ннкак не соответствует той внимательности, с которой он это делает. К тому же он приготовил чудесный кислый морс из клюквы. Поблагодарив Внктора, я выхожу нз командирской палатки и устало бреду к себе. Эд уже дремлет в своем красном американском мешке. Перед тем как последовать его прнмеру, выхожу умываться и, оглядевшнсь, застываю в изумлении.

Удивительная облачность легла прямо на поверхность леднñка Блейклок. Подобно пелене тумана в болотистых низинах средней полосы России, она залила понижения, а выше над ней, словно верхушки деревьев, вздымаются горные вершнны.

Сверкающее антарктическое безмолвие. Ннчто не шелохнется. Да и что может шелохнуться в этой пустыне нзо льда и камня? Алый флаг на нашей радиомачте и тот бессильно обвнс. Казалось, прнрода спит с открытымн глазамн.

Непогода

Сон был тяжелый, в полудреме я все порывался выскочить из мешка и задыхался. В палатке, несмотря на выключенную еще с вечера газовую горелку, казалось душно. То ли штиль и незаходящее солнце способствовали этому, то лн стало падать атмосферное

давление, а скорее всего просто накопилась усталость после ежедневных маршрутов, и от этого была тяжелой голова и поламывало суставы ног.

Утром я сел за записи на полчаса и не заметил, как клюнул носом и проспал часа полтора, опустив голову на стол. Ребята уже ушли в маршрут. Спохватившись, стал собираться и я. До контрольного срока возвращения оставалось часов семь, не больше, и я решил пройти вдоль западного, открытого к леднику Блейклок края котловины, не поднимаясь на горные склоны. Значительную часть подковообразного хребта, огибающего котловину, я уже обошел, но оставались детальные работы на самой морене и отбор проб.

Не спеша, глядя под ноги, в сдвинутых на лоб солнцезащитных очках я брел по каменистым кочкам, всматриваясь в бесконечные гряды валунов.

Валуны, валуны... От их обилия рябило в глазах. Вот пёстрые, формой похожие на гигантские тыквы древние конгломераты. Раньше в других районах Антарктиды мне почти не приходилось встречать эти породы, зато здесь они попадаются часто. Галька, из которой состоят эти валуны, хорошо окатанная, яркая: кирпично-красная, светло-серая, порой голубая. Образовалась она в быстрых водных потоках, которые текли здесь более 500 миллионов лет назад. А вот плоские, похожие на матрасы глыбы темных глинистых сланцев. Одну такую гигантскую глыбу, размером два на три метра, со свойственным ему рвением разрабатывает близ лагеря Игорь. В ней на сколах попадаются отпечатки трилобитов — редкая для этого района палеонтологическая находка. Обнаружил ее совершенно случайно наш радист Дима, облюбовавший приметный камень для собственных хозяйственных надобностей.

Попадаются в морене и обломки мрамора, чаще серого, но иногда светлого, даже с розовым изломом. Но вот что интересно: нигде на этих валунах нет поселений лишайников. И сама поверхность валунов не слишком выветрена. На ней почти нет форм ячеистого выветривания. Все говорит о том, что ледник отложил этот материал здесь, на западном краю котловины, сравнительно недавно, не более нескольких десятков тысячелетий назад, иначе валуны под действием антарктического солнца, мороза и ветра подверглись бы зримым изменениям.

Дойдя до края котловины, где она граничила с длинным навеянным ледником, я стал подниматься вдоль его края, фиксируя с помощью барометра высоту и отбирая пробы. Я увлекся наблюдениями, взгляд мой все время был устремлен вниз, как у грибника, и, когда наконец остановился передохнуть и, подняв голову, осмотрелся, то с удивлением увидел, что внизу, над ледником Блейклок, и у самой вершины горы Провендер клубятся, казалось, танцуют, то возникая, то рассеиваясь, клочья кучевых облаков. А с севера на котловину и наш лагерь наступала плотная полоса облачности. Края ее беспрестанно смещались, порой пульсировали фонтанчиками вверх или выбрасывались вперед длинными языками. Казалось, это была какая-то живая, одухотворенная масса. Приближение ее невольно вызывало беспокойство. Через час район лагеря был словно проглочен облаками, вскоре задернуло и вершину горы Провендер. Облачность неуклонно подбиралась ко мне. Тут я заметил на склоне навеянного ледника красную фигурку Эда — он

торопился, спешил вниз, к дому. Мне оставалось еще подняться на ближайший моренный уступ и отобрать там пробы, чтобы не идти сюда еще раз специально за этим.

Через полчаса я закончил работу. Облачность теперь была совсем рядом. Казалось, среди валунов резвилась тысяча выпущенных из бутылей джиннов. Сделав несколько снимков клубящихся облаков, я поудобнее поправил рюкзак и повернул к лагерю.

Спустя несколько минут темные облака окутали все вокруг, и видимость практически исчезла. Сквозь мглу проступали лишь камни на несколько метров вперед, но, когда я выходил на снежник, окунался как будто в молоко. Выручало солнце: бледное пятно его все же обозначалось на небе, и я шел, устойчиво держа его чуть слева—в этом направлении должен был находиться лагерь.

Порой, когда приходилось пересекать большие снежные поля, казалось, что я уже вышел за пределы морены, иду где-то далеко по леднику, вот-вот могут появиться трещины и надо скорее поворачивать назад, к спасительным валунам. Но я сдерживал себя и шел выбранным направлением. Был момент, когда видимость немного улучшилась, и я увидел в просвете облаков в стороне от курса две палатки. Они виднелись столь явственно, что я чуть было не свернул туда, так заманчиво рисовались их темные купола. Не иначе как снежная королева искушала меня, приглашая в свои чертоги. Я увеличил темп и, когда из мглы возникли бочки, где обычно заправлялись наши вертолеты, вздохнул с облегчением.

Пятью минутами раньше в лагерь пришел и Эд. Он сделал небольшой круг, но также нашел палатки. Ребята уже встречали нас. Володя с Игорем вернулись еще до того, как на лагерь наползли облака. Ребята были уверены, что мы вышли на их выстрелы,— время от времени Дима с Игорем палили из ракетниц, но мы ничего не слышали: плотный туман поглощал звуки, как губка.

После маршрута все с удовольствием пили чай. Эд сидел с поцарапанным носом (когда отбивал образец, от скалы отскочил острый осколок). Нос у Эда вообще примечательный: большой, длинный, нависающий над верхней губой и усами. Усы у Эда черные, щегольские, бороду же он не носит, каждое утро бреется. Лишь нос его вечно подводит. Очевидно, работа на холоде дала себя знать—у Эда хронический насморк. А теперь вот в довершение всего у него на носу царапина и запекшаяся кровь. Но Эд на эти мелочи абсолютно не реагирует. На лице его неизменное флегматичное выражение. Поев и пожелав всем доброй ночи, он устраивается в палатке за столом. Не торопясь, методично документирует свои образцы; весь пол у нас завален ими.

Ребята после ужина уселись играть в диковинную игру, все необходимое для которой смастерил Дима. По специальной, выпиленной им из фанеры доске с дырочками перемещаются фишки. Ходы определяются броском пары игральных костей, тоже мастерски изготовленных нашим умельцем. Игра, судя по поведению участников, весьма азартная; каждый ход сопровождается шумными комментариями и специфической терминологией, как-то: «Заряжай», «Скок», «Óпа»... Играть в нее могут четверо, как раз полный состав командирской палатки.

Снаружи клубится туманный сырой воздух, температура понизилась до −8°. Доска, к которой прикреплен наш умывальник,

Наш частый гость — антарктический поморник пользуется благами нашей кухни

обледенела. Собравшись умыться, я тщетно пытаюсь поднять носик умывальника. Резкое движение — умывальник вообще развалился.

...Просыпаюсь от гула, но это не самолет. Устойчивое завывание, хлопанье и подрагивание палатки производит сильный ветер, скатывающийся сверху, с горы Провендер. Сбоку по снежнику несется шлейф снежной пыли. Когда выходишь из палатки, от плотного воздушного потока спирает дыхание. Но ветер, хотя и резкий, неожиданно теплый. Действительно, температура прыгнула вверх до рекордной отметки плюс 5°! Это у нас первый случай такого резкого потепления. Пурга и повышение температуры грозят нанести ущерб разнообразному лагерному снаряжению и продуктам, сложенным у палаток. Поэтому в спешном порядке закрываем ящики брезентом, склад с продуктами изолируем от теплого воздуха фанерой и сверху присыпаем снегом.

Днем я готовлю обед. Диме и Виктору за эти дни кухня порядком осточертела. Варю суп из баранины, жарю морского окуня к отварной картошке. Хотя кулинарного техникума я не кончал, по опыту знаю, что все получается, если берешься за дело с желанием и хорошим настроением. Важно только суметь нейтрализовать Игоря: ему, как человеку темпераментному, не сидится на месте, он все время порывается помочь, беспрестанно советует и уже дважды пытался посолить посоленный мной суп. В конце концов я убеждаю его, что ветер ослабел, немного прояснилось, стала видна гора Провендер и он сможет наколоть из лежащей рядом с лагерем глыбы сланца еще несколько десятков прекрасных образцов с

5-781

отпечаткамн трилобитов. Я прошу однн из ннх обязательно презентовать мне, и он, вполне удовлетворенный таким интересом к его любимому делу, одевается и, вооружившись молотком и зубилом, уходит.

Тогда и Эд, хотя все пытаются отговорить его, собирается в маршрут на ближайший горный выход, откуда в случае ухудшения погоды можно легко вернуться. Ветер действительно почти прекратился, но тяжелый влажный туман снова заволакивает все вокруг. Эд не успевает отойти и на полкилометра, как видимость резко ухудшается. Дима выходит н дает красные ракеты. Нет, не удастся Эду сегодня поработать. Летят мокрые, липкие снежинки. На темном пологе палатки они моментально тают, ручеек по брезенту затекает к нам под раскладушки. Тоска зеленая!

Вдобавок на ракетные сигналы Димы прнбегает разъяренный Игорь с зубилом и орет на нас: «Чего палите, не даете человеку работать!» Утихнув, он дарит мне сланцевую плитку с отпечатком трилобита размером с трехкопеечную монету. Уверяет, что точно такие же «чудовища» обитали в начале палеозойской эры у нас в Снбири.

Пока еда готовится на плите, иду выбросить ведро с кухонньмн отходамн. Для помойки у нас отведено специальное место, дабы не загрязнять «окружающую среду». Там меня ужс ждут, покрякнвая, две большне бурые птицы. Это семья поморников, которые в последние днн стали регулярно наведываться в наш лагерь. Поморннкн — разновидность полярных чаек — совсем неплохо чувствуют себя рядом с человеком н порой совершают с экспедициямн далекне н опасные путешествия. Известно, напрнмер, что эти птицы сопровождалн первоисследователей Антарктиды в нх походе к Южному полюсу. Отмечен даже случай прилета поморннка на нашу внутриконтинентальную станцию Восток. Ну а на прибрежных станцнях поморники летом постоянные квартиранты. Свободную охоту, смелый понск и разбой в колониях пингвинов и буревестников онн променяли на пассивное ожидание у мусорных куч. Стоило появиться в горах Шеклтона нашему лагерю — н к нам встала на довольствие семья поморников. Вначале птицы были очень недоверчивы и улетали сразу же, стоило выйти из палатки, но теперь уже вполне освоились. Отъевшись на казенных харчах, они заметно отяжелелн и отлетелн немного в сторону, лишь когда я подошел к ним почти вплотную.

К вечеру непогода вновь разыгралась, ветер загудел, как иерихонская труба. Палатка захлопала, забилась, как птица с подбитым крылом, норовящая вот-вот подняться в воздух. Снег снова стал засыпать валуны. Внктор, измерив скорость ветра, сообщил: порывы до 25 метров в секунду. Вскоре все камни вокруг палаток покрылнсь белой пеленой. Видимость сократилась почти до нуля. От палаток не отойти — заблудишься. К тому же снег набнвается всюду под одежду, облепляет с ног до головы.

Мы сидим и слушаем, как гудит ветер. Он неровный, порывнстый. Сначала загрохочет в горах,— значит, прнближается очередная волна. Звук доходит первым, а через мгновенне обрушивается сам порыв, н палатка вздрагивает, напрягается. Аккомпанемент пурги нисколько не мешает ребятам играть в их фнрменную игру. До нас то н дело доносятся их бодрые возгласы: «Скок... заряжай!» — и

После пурги. На втором плане просматривается массив горы Провендер

наконец победный клич «Оп-па!», в котором неповторимо звучит зычный голос Игоря, перекрывает вой пурги и разносится далеко за пределы нашего лагеря.

На следующее утро вылезаем из палатки — вокруг все бело, местность преобразилась. Вся котловина занесена снегом. Под ним погребены и валуны, изучению которых я хотел уделить специальное внимание. Конечно, достаточно одного тихого солнечного дня, и снег на морене растает, но я возвращаюсь в палатку огорченный. Разжигаю газовую горелку и делюсь с Эдвардом своими соображениями о заносах снега. «На скальных обнажениях сейчас тоже не фонтан»,— поддерживает мою мысль Эдвард, высовываясь из мешка. Длительное общение с геологами не прошло для него даром и значительно обогатило его словарный запас.

У ребят в соседней палатке после вчерашней бурной игры гробовая тишина. Порывы ветра, хотя и ослабевшего, хорошо убаюкивают. Пожалуй, и сегодня не придется работать, тем более что в небе, в самом зените, раскинулось хитрое облако, словно нарисованный диковинный цветок с тремя лепестками. Этот трилистник в давние времена, несомненно, толковался бы как вещий знак. В наши же дни его с успехом можно принять за «летающую тарелку».

Эдвард, накинув куртку, вылезает за порог, смотрит в раздумье на странное облако. Потом прислушивается к тому, что происходит в соседней палатке. Там наша кухня — жизненно важный центр, а аппетит у Эдварда на редкость хорош.

— От них ни слуху ни духу! — грустно констатирует Эд.

— Ничего,— успокаиваю я его.— Сейчас пойду сварю овсяную кашу.

— Овсянка — это хорошо, ее лошади обожают,— веселеет Эдвард.

С утра от голода он в лингвистическом ударе.

Название нашей главной горы, на вершину которой я предполагаю подняться,— Провендер, что в переводе с английского означает «корм, фураж». Это, по нашему мнению, имеет прямое отношение к овсянке, каше «геркулес», которую мы с Эдом, заражая понемногу остальных, поглощаем по утрам.

Днем так и не распогодилось. Дул ветер. Небо было заложено облаками...

Эдвард уже запаковал все свои образцы в специальные двойные мешочки, сделал все необходимые записи и теперь на досуге читает рассказы Станюковича, совершенствуя свои языковые познания. Иногда он обращается ко мне с вопросами: «Скажи, Володя, что такое «хлыщ»? Как это — «облобызать»? Что значит «с жиру бесишься»?» Я в меру своих сил поясняю. Порой делаю попытки поговорить с ним по-английски, мне ведь тоже хочется попрактиковаться. Живу с американцем в одной палатке, стыдно не использовать такую возможность. Не тут-то было: Эд упорно отвечает мне по-русски.

За обедом Дима сообщает последние новости с Дружной. Туда вскоре должен прилететь со станции Мак-Мердо, с другого конца Антарктиды, «Геркулес». Так называется большой американский самолет, используемый нашими коллегами в Антарктиде. На «Геркулесе» к нам прибудет еще один американский геолог.

К вечеру небо очистилось, ветер стих, снова засверкало солнце. Снег начал стаивать, уже обнажились края валунов. Если такая погода удержится, завтра можно идти в маршрут.

Перед сном я вышел из палатки, за мной последовал Эд. Мы постояли, глядя на горы. Красота вокруг была какая-то неземная, холодная, аскетическая: царственно сверкали льды и снега, темнели вершины гор, но все это не согревало сердца. В цветовой гамме явно не хватало зелени, склоны были мертвые, голые.

И тишина стояла такая, что звенело в ушах. Раньше я не понимал этого выражения. Оно казалось мне явным преувеличением, просто красивым образом. Теперь я ощущал эту звенящую тишину собственными барабанными перепонками.

На вершине

Погода на сей раз не подвела. С утра наша четверка рьяно готовится к маршруту. Виктор с завистью наблюдает за нашими сборами, он истосковался по прогулкам, привязанный к своим приборам.

— Предлагал тебе стрелять в твой градусник,— весело кричит ему Игорь,— тогда бы сейчас пошел с нами!

Опытный и поднаторевший в полярном деле Дима успокаивает огорченного Виктора, напоминая ему известную «мудрость» о том, что «умный в гору не пойдет». А мой сегодняшний маршрут как раз и лежит вверх, на вершину горы Провендер, которая господствует над всей окружающей местностью. Часа через два остались позади волны каменного моря, и я вышел на крутой, местами покрытый

снежниками склон, который вел к вершине. Судя по карте, мне предстояло подняться еще метров на 400.

Чем выше, тем склон становился круче, и порой приходилось карабкаться по нему на четвереньках. В который раз меня выручают альпинистские ботинки — подарок старшего товарища по одной из моих первых антарктических экспедиций, геолога Льва Климова. Ботинки видали виды, носы в них сбиты, но трикони еще держат, на крутизне я чувствую себя устойчиво и поминаю добрым словом давнего антарктического друга.

Когда после очередного броска вверх по склону я останавливаюсь передохнуть, неожиданно слышу сверху резкие звуки, похожие на протяжный тягучий скрип, словно вращают колеса несмазанной телеги. Высоко в ясном небе, рядом с нависающими над головой скалами, скользят, плывут в хрустальном воздухе белые птицы — снежные буревестники. Их ровно пять. Очевидно, птиц встревожило мое появление. Ведь, несомненно, где-то там, близ вершины, находятся их гнездовья. Удивительные, героические птицы! Сколько труда стоит им осваивать эти суровые далекие горы! Ведь источник питания — море в 300 километрах отсюда. Можно представить, как не просто вырастить в таких условиях потомство.

Только благодаря своим ботинкам мне удается перебраться с крутого склона снежника на скалы. И тут на серых глыбах гнейсов вижу наконец долгожданные колонии лишайников. Их оранжевые узоры на камне словно диковинные, экзотические цветы. Лишайники забили трещины в породах, уютно устроились в углублениях, а чуть выше, в укрытых от ветра нишах, на мелкоземе зеленеют подушечки мхов.

Это было удивительно. Внизу, у подножия горы, на валунах исхоженной вдоль и поперек котловины ни мхов, ни лишайников не росло. Там попадались лишь водоросли по берегам озер. Зато здесь, близ вершины, обосновался своего рода ботанический сад. Недаром это место облюбовали снежные буревестники. Направляясь в маршрут, я был почти уверен, что обнаружу на горе лишайники, но увидеть здесь такую пышную флору, и в особенности мхи, не ожидал.

Лишайников в Антарктиде около 300 видов, и они весьма невзыскательны к условиям местообитания. Экземпляры этих растений отмечены и на самых ближних к Южному полюсу горных выходах, но вот мхи обычно встречаются лишь в прибрежных оазисах. Богатство растительной жизни на горе Провендер наводит на мысль, что и в максимум антарктического оледенения эта вершина не была покрыта льдом. Здесь существовало своего рода укрытие, убежище для антарктической флоры, а у подножия горы, где хозяйничал ледник, вся растительность была уничтожена. Процесс же восстановления ее, после того как льды несколько отступили, в полярных областях, как известно, идет очень медленно, особенно в Антарктиде.

Из-под глыб, мимо которых я проходил, раздавались встревоженные крики снежных буревестников. Очевидно, и здесь, так же как и на Земле Королевы Мод, вблизи гнездовий этих удивительных птиц можно было обнаружить мумиё — вещество, о целебных свойствах которого до сих пор не перестают спорить медики. Но у меня не было времени пускаться на его поиски, подъем и так занял слишком

С вершины горы Провендер открывался вид на весь район наших исследований

много времени. В лагерь я должен был вернуться строго к контрольному сроку.

А вершина все еще не достигнута. По узкому гребню, торопясь, преодолеваю оставшиеся метры. Вот еще несколько ступеней. Перелезаю через последний уступ. Перед глазами открылась небольшая площадка, а на ней (неожиданность!) аккуратно сложенный каменный гурий. Кто-то уже побывал здесь. Что ж, я не расстраиваюсь, что не мне достались лавры первовосходителя. Кто были мои предшественники — неизвестно. Записки среди камней гурия я не обнаружил. Возможно, сюда поднимались англичане — первоисследователи этих мест, но не исключено, что гурий сложили участники советской экспедиции, ведь год назад здесь, в районе Провендера, уже работали рекогносцировочные группы наших геологов.

Повинуясь внезапному порыву, я торопливо пишу записку. Всего несколько строк, где выражаю надежду, что мне еще придется побывать здесь. Да, я хочу вновь оказаться на этой вершине, хотя, признаюсь, не уверен, что мое желание осуществится. Кому обращено мое послание? Если бы я мог ответить! Но мне нужно написать эти слова. Они нечто вроде молитвы или языческого заклинания. Свернув листок, засовываю его под камень.

Вид, открывающийся отсюда, с вершины, на все четыре стороны, поистине великолепен. На север уходят бесконечные ледяные пространства. Гигантский ледник Слессор обозначается на первом плане полосами трещиноватых блестящих ледяных валов. За ним ледяная пустыня становится пепельно-голубоватой, расплывчатой,

сливаясь на горизонте с пеленой низкой серой облачности. Как обычно, там, у моря, на краю шельфового ледника, пасмурно. А к юго-востоку видна панорама гор.

В окаймлении сверкающих ледников скалистые массивы в солнечном блеске на редкость величественны. То ли от быстрого восхождения, то ли от этого головокружительного вида стучало сердце и перехватывало дыхание. Казалось, звучал орган. Я никогда не думал, что картины природы могут оказывать такое эмоциональное воздействие. Возможно, это усугублялось тем, что я был один на вершине, а в одиночестве все воспринимается особенно резко. И еще было некоторое сожаление, грусть, что невозможно сохранить, удержать в памяти не только всю эту чарующую картину, но и необычное, приподнятое состояние.

Я разглядывал раскинувшуюся панораму, сверяя ее с полевой картой. Отыскивал знакомые вершины: Флет-топ, купол Фукса. Горы, окаймленные ледяными потоками, выстроились в кильватер — как корабли. Их темные, словно бронированные, борта были оглажены, зализаны, приняли обтекаемую форму.

Коричневый хребетик убегал из-под моих ног к югу, то пропадал под снежниками, то горбился, вздымался острым гребнем. Потом он заворачивал к западу, понижался, образуя знакомую мне седловину, и снова шел вверх, принимая двугорбый профиль. Вся каменная подкова была теперь у меня перед глазами. А внутри ее от борта до борта все было усеяно валунами. Сверху котловина выглядела, однако, несколько по-иному. Казалось, внизу расстелена гигантская сеть с мелкими ячеями. Такой вид придавали ей многочисленные пересекающиеся трещины, образовавшиеся в результате растрескивания мерзлых грунтов. Снег, скопившийся в углублениях трещин, делал картину исключительно четкой.

Далеко внизу угадывались точки наших палаток. Там, наверное, уже готов ужин, у Димы свежие новости, может быть, он принял и для меня радиограмму из дома. Нужно торопиться в лагерь.

Послышался гул. Рядом с горой проплыла рукотворная птица, маленькая оранжевая «Аннушка». Это наши геофизики возвращались из маршрута на Дружную. Я помахал ей, как будто с самолета могли заметить на вершине мою крошечную фигурку, не больше муравья.

ВАЛЕНТИН ЗОРИН

ПЕРЕВАЛ

ПОВЕСТЬ О ЖИЗНИ ФЛОТА
РУССКОГО АДМИРАЛА
ЛАЗАРЯ МАРКОВИЧА СЕРЕБРЯКОВА

Художник К. АЛЕКСАНДРОВ

I

«...Может встать вопрос: почему такой человек остался в безвестности и не только забыт, но вспоминается лишь для осуждения?

Последнее — результат незнания и недостатка гражданского мужества, чтобы сознаться в своих ошибках. Но основная суть в том, что он был по национальности армянин (единственный в то время во флоте) и в довершение католик. Вся же дворцовая камарилья, как и все морские бароны из Прибалтики, были протестантами.

Вот почему такую «белую ворону» использовали, пока он им был нужен для войны на Кавказе, в Константинополе... а потом убрали в Адмиралтейств-Совет и после смерти забыли. Для тех времен это почти норма, тем более что сам Серебряков был скромен и саморекламой не занимался».

И. С. Исаков,
адмирал флота Советского Союза

II

«...Товарищи наши под неприятельскими ядрами и бомбами погибают тысячами; тяжело и грустно читать обо всех ужасах, претерпеваемых нашими с мужеством, и сидеть ничего не делая в настоящее время в Керчи ... какой бы ни был исход наших дел, все то же неприятное чувство, вроде угрызения совести, будет тяготить меня всю жизнь. Ежели бог поможет нашим одолеть врага, то совестно будет сознаться, что не участвовал в деле славном и общем всему флоту; ежели же по трупам наших молодцов неприятелю удастся овладеть Севастополем, то в таком случае я себе никогда не прощу, что в это время сидел в Керчи без всякого дела. Прошу Вас, добрейший батюшка, разрешить мне сдать пароход кому-нибудь, а самому отправиться в Севастополь».

Из письма капитан-лейтенанта Марка Серебрякова
отцу Л. М. Серебрякову 11 ноября 1854 года, Керчь

III

Начальник Черноморской береговой линии, вице-адмирал, кавалер орденов святых Георгия, Станислава, Владимира, Анны, Александра Невского, а также Белого Орла Лазарь Маркович Серебряков медленно сложил письмо вдвое и положил за обшлаг. Висок покалывало тягучей болью, и Серебряков подумал, что нынешний ноябрь не в пример прошлым годам удивительно тёпел и солнечен и что боль эта — от нестерпимого сверкания спокойной воды, от навязчивого густого запаха трав, раздавленных колесами и подошвами солдатских сапог. А может, от духоты и неподвижности воздуха, как будто обещавших близкую грозу, но лишь собравших синеватые редкие тучки над горами.

Подошел адъютант, поручик по флотскому ведомству, приложил пальцы к козырьку и отрапортовал, что погрузка артиллерии и фортового имущества на пароход «Таганрог» в основном завершена и на берегу остались лишь некоторые семьи служащих.

— Что значит «остались»? Не хотят ехать, что ли?

— Так точно, ваше высокопревосходительство, не желают. Хозяйство. Да и не верят, что земли эти отойдут от России... Прикажете применить силу?

— Желающим остаться не препятствовать. Полагаю, они правы в своих сомнениях.

— Слушаюсь, ваше высокопревосходительство.

— И положите, поручик, мокрый платок под фуражку... Верное средство от солнца.

Офицер благодарно и немного смущенно кивнул и, тут же, видимо, поняв, что такой кивок никак не соответствует уставным требованиям, вскинул руку к фуражке с потемневшим от пота краем околыша.

Силуэт «Таганрога», дымившего саженях в ста от берега, от мерцания бликов на воде казался зыбким и словно не касался поверхности моря грузными черными бортами. Оттуда слышались стрекотание паровой лебедки, командные выкрики. Отваливал от парохода опустевший баркас, и весла гребцов вскидывались и опадали двумя ровными линиями.

Форт Тенгинский — линия низкого вала, две сторожевые башенки над воротами и два десятка теснящихся друг к другу домишек с соломенными крышами — выглядел безжизненно. Тележное колесо и лопата с блестящим, сточенным острием, брошенные у ворот, усиливали это впечатление. И Серебряков с чувством горькой досады подумал, что, если бы удалось своевременно укрепить линию, не пришлось бы сейчас снимать форт за фортом в этом скорбном движении вдоль кавказского берега между Анапой и Новороссийском — от Бомбор до форта Раевского. Впрочем, сожалеть об этом поздно, а Санкт-Петербург упоминаний о своих промахах не любит. И не прощает. «Извольте выполнять приказ и не мудрствовать!» — начертал на последнем рапорте Серебрякова генерал-адмирал и великий князь Константин.

Но так или иначе, а Серебряков был уверен, что сложившаяся на Черном море обстановка не может оставаться такой сколько-нибудь длительное время. Не для того закладывались вдоль побережья форты и укрепления, чтобы легко отдать эти земли врагу. Не для

того здесь клубился пороховой дым, трещали от огня лесные завалы и множились ряды солдатских могил... Он прижал к глазнице обшитый кожей окуляр подзорной трубы — и в желтоватом окружье возникли едва заметные, плывущие по горизонту дымы. Несомненно, это шло к осажденному Севастополю очередное соединение вражеских транспортов.

За воротами строился отряд, с которым Серебрякову предстояло добираться до Вельяминовского редута, чтобы тоже подготовить его к эвакуации,— рота солдат, полусотня казаков. Сипловатым баском покрикивал фельдфебель, шагая вдоль рядов. Казаки перекликались звонкими, бесшабашными голосами; одни подтягивали подпруги, другие уже гарцевали на низкорослых, гривастых лошадках. Субалтерны курили, собравшись поодаль в кружок, и табачный дым висел над головами тонкими синеватыми нитями.

— Ротного писаря ко мне,— сказал Серебряков, щурясь от солнца и пытаясь вспомнить, что именно напоминают ему эти тонкие синеватые нити, медленно колеблющиеся и оседающие на ярко-зеленую траву.

— Непременно будет гроза,— пробормотал поручик и смахнул с бровей капли пота.

И Серебряков вспомнил: такими же легкими и слоистыми были облака над Кронштадтским рейдом в сентябре 1836 года, когда Балтийский флот салютовал ботику Петра Великого, направлявшемуся к месту своей последней почетной стоянки. Под парусом, с огромным развевающимся Андреевским полотнищем, эскортируемый яхтой с императорским штандартом на грот-мачте, легендарный ботик скользил вдоль строя линейных кораблей. Его встречали свистками «захождения», приспущенными до трети гафель-фала флагами и плотными клубками залповых дымов.

— Будет гроза,— сказал тогда старший помощник «Полтавы», долговязый рыжеволосый капитан третьего ранга Николаев-второй. На щеках его рдели пятна румянца. И командир «Полтавы» Серебряков отметил про себя, что людям, вероятно, свойственно в

минуты сильного волнения произносить слова, как будто не имеющие никакого отношения к происходящему. Впрочем, гроза в ту ночь все же разразилась — от частых разрядов молний голубой купол Кронштадтского собора словно взмывал в черноту неба. Потоки дождя вспенили море, сделали его грязно-серым и начисто лишили недавней торжественности и величия.

Подбежал ротный писарь, остроносый, еще довольно молодой, со щегольскими бачками и предупредительно-угодливым взглядом, присущим его сословию. Он ловко пристукнул задниками сапог, ловко вскинул руку к примятой белой бескозырке с номером полка.

— Дай-ка мне, братец, что для письма надобно,— кивнул Серебряков, испытывая нечто вроде раздражения от аккуратно подбритых бакенбард писаря, от внимательного взгляда, в котором сейчас читалась тревога. Строевым солдатам было не до щегольства.

Возможно, замешкайся писарь, раздражение Серебрякова нашло бы выход. Но, лихо сдвинув кожаную сумку на живот, писарь достал плотную пачечку бумаги, склянку, заткнутую тряпицей, и несколько перьев, перевязанных белой тесемкой.

— Небось рад, что уходим? — спросил вице-адмирал, пристраивая листок бумаги на шершавой и теплой коже барабана, принесенного по знаку поручика. Избыток чернил тяжелой фиолетовой каплей сорвался с кончика пера в траву, оставил на широком сочном листе разлапистую кляксу.

— Никак нет, ваше высокопревосходительство! — бойко ответил писарь и добавил, глухо кашлянув: — Нам радоваться нечему... Потому как баба тут остается, ваше высокопревосходительство. Назад-то скоро будем?

— Скоро, братец, скоро,— сказал Серебряков, подумав, что, видимо, был несправедлив к этому солдату, который в сущности мыслит и рассуждает так же, как и он сам. Но тут же отрешился ото всего окружающего, потому что строки, которые предстояло написать на желтоватой четвертушке бумаги, требовали полной сосредоточенности, хотя и звенели в сознании каждым продуманным за эти часы словом.

«Не могу препятствовать велению долга и совести и потому благословляю! — написал Серебряков торопливо, почти не отрывая пера, словно боялся, что может высказать иное.— Об одном лишь прошу и настаиваю, сын мой: береги себя, насколько это будет возможным».

— Вы, поручик, будете в Керчи теперь раньше меня,— протянул он письмо адъютанту и увидел, как мгновенной радостью зажглись глаза офицера. Но не осудил его: недолгое плавание на «Таганроге», конечно же, приятнее марша вдоль берега, от форта к форту. А поручик, хотя и страдал приступами местной изнурительной лихорадки, от выполнения своих обязанностей не уклонялся и на судьбу не жаловался.

— Вручите не мешкая,— продолжал Серебряков.— Зная вашу обязательность, поручик, полагаю это напоминание лишним. Да, у каждого в жизни есть свой перевал... Что?

— Так точно, ваше высокопревосходительство,— машинально пробормотал адъютант.

IV

«У каждого в жизни есть свой перевал...» Эта фраза сложилась в сознании Серебрякова три года назад, когда он решился на столь необычный поход. И он тогда подивился тому, что понадобилось прожить на свете шесть десятков лет и сорок два года прослужить на флоте, чтобы утвердиться в такой несложной в сущности мысли. Может быть, потому, что немало попадалось в этой длинной и нелегкой жизни разных перевалов и каждый из них казался главным. Это естественно, ведь человеку не дано заглянуть в свой завтрашний день.

Каким непреодолимым перевалом казался тот дождливый июньский день, когда восемнадцатилетним нескладным пареньком он остановился перед входом в Севастопольские классы навигации! Сбитые дождями с акаций кисти цветов лежали у обочин, слегка издавая сладкий запах. Какой-то босой малый в клеенчатой матросской накидке вынес из помещения классов ведро с грязной водой и выплеснул ее чуть ли не под ноги Казару Арцатогорцяну. Тот отпрыгнул, выругался по-армянски и тут же смутился. А малый захохотал, откинув стриженую голову, потом наморщил веснушчатый нос и неожиданно чихнул. И тогда засмеялся Казар.

— Чего скалишься? Табак есть?—спросил стриженый.—Нету? Ну, тогда шагай себе! Дядька увидит, он тебе даст—тут чужим делать нечего.

— А я не чужой,—как-то сразу решившись, сказал Арцатогорцян.—Я тут учиться буду.

— Не из черкесов?

— Армянин.

— Армя-ни-ин?—удивился стриженый и даже свистнул тихонько.—Не было еще такого, чтобы на флоте кто-то из вашего брата был!

— Теперь будет,—запинаясь, но старательно выговаривая русские слова, сказал Арцатогорцян и, заметив ухмылку, почувствовал, как кровь бросилась в лицо, как стало жарко глазам.

— Ну, ты, бешеный,—отступил парень и перебросил ведро в другую руку.—Я что, против сказал чего-нибудь?..

Позднее, когда Казар был уже зачислен волонтером в Черноморский флот, они подружились. Никодим Коршаков был здешним, сыном боцмана с одного из кораблей ушаковской эскадры, удостоенного за выслугу лет и отвагу при взятии Корфу личного дворянства. Рядом стояли их койки в казарме, общими были съестные припасы. Впрочем, все в классах старались обзаводиться друзьями: известно, что сообща прожить легче, а никакого пищевого довольствия или там обмундирования волонтерам не полагалось вплоть до окончания трехлетнего курса и зачисления в гардемарины.

Девятнадцать лет спустя в славном деле взятия морским десантом города и крепости Мидия капитан-лейтенант Коршаков был убит турецкой картечной пулей.

А не перевалом ли был февральский день 1820 года, когда на шканцах корвета «Або», стоявшего на Феодосийском рейде, огласили высочайший рескрипт о производстве Лазаря сына Маркова Серебрякова (так он был для удобства произношения переименован во всех документах) из мичманов в лейтенанты? Или в бою под Варной,

когда, командуя батареей второго дека правого борта линейного корабля «Париж», он заменил убитого наводчика и одновременно продолжал руководить огнем?.. Серебряков навсегда запомнил ту минуту, когда вице-адмирал Мессер вручал ему крест святого Владимира с бантом — первую его награду. Но эта радость была неизмеримо слабее той, что испытал он в бою, когда осознал, что хорошо выполняет свое дело. И еще врезалось в память, когда весь покрытый копотью, с окровавленной повязкой на голове старший канонир Савелий Перегудов первому протянул ему медную кружку с подкисленной водой.

— Пей же, ваше благородие... Ладно поработали! А мы грешным делом опасались малость...

— Чего ж опасались?

— А того, что не сдержите по младости... Однако ошиблись.

А не была ли перевалом та непроглядно темная ночь у Карабурну, когда перед бушпритом люгера «Глубокий» вспыхнули боевые огни и Серебряков увидел, что люгер окружен турецкими кочермами? Люгер шел с парламентерским сигналом, но разве можно было надеяться на благородство врага? Ведь было ясно: это засада.

Бой был коротким и головокружительным, как осенний шквал. Загораживавшая узкий выход из бухты Эрмендела кочерма запылала от двух удачно выпущенных брандскугелей, но навалилась на борт. Уже падали на палубу горящие обломки, уже цеплялись за вант-путенсы остервенело орущие турки с ножами в зубах, размахивая абордажными топорами. Но удалось оттолкнуться от кочермы, послать еще один продольный залп и затем развернуться под слабый ветер...

А лагерь русских войск под Стамбулом, когда пришло известие о появлении за турецкими линиями чумы? А высадка войск и строительство укреплений вдоль всего восточного берега Черного моря? А основание Новороссийска?..

Свеча потрескивала и оплывала — прозрачные капли накатывались одна на другую, почти мгновенно мутнели и становились желтыми, образовывая причудливый, бугристый узор. Тени метались по плохо выбеленным стенам, по иконе с темным, почти неразличимым ликом, по сухим цветам, засунутым за киот, по штабной карте, расстеленной на столе.

— Так вы говорите, что в это время года Марух труднодоступен?

— Я утверждаю это со слов туземцев, ваше высокопревосходительство, — наклонил лысеющую голову полковник Карлгоф, и золоченый аксельбант офицера Генерального штаба на его груди качнулся в такт этому движению. Взгляд водянистых глаз выражал полное понимание и готовность, но мерцала в них какая-то искорка, то ли недовольства, то ли осуждения.

— Сейчас конец августа. Не значит ли это, что в последующее время доступ на Марух станет еще более затрудненным?

— Разумеется, ваше высокопревосходительство. Но...

— Так не значит ли, что мы должны использовать имеющуюся возможность?

— Простите, ваше высокопревосходительство, но разве вы просите совета?

— Нет, полковник. Мне только хотелось узнать ваше мнение. Я его узнал. Спасибо.

Серебряков догадывался, что этот медлительный в движениях, осторожный в словах человек, умеющий слушать и быть предупредительным, выполняет не только обязанности начальника штаба и канцелярии при командующем Кавказской береговой линией. Иначе откуда бы в Санкт-Петербурге столь подробно знали обо всем, что касается не только распоряжений Серебрякова, но и его личной жизни, привычек?

В своем начальнике штаба Серебряков невольно видел всех тех, кто смотрел на него как на выскочку. Чопорные остзейские бароны, носившие флотские мундиры как нечто родовое, наследственное, бросали на него презрительно-надменные взгляды, отпускали за спиной реплики, которые заставляли его стискивать зубы до боли в каменеющих скулах. Разумеется, по мере продвижения Серебрякова по службе таких взглядов и реплик становилось все меньше. Затем он стал замечать на лицах курляндских и лифляндских баронов только подрагиванье тонких губ. Серебряков знал, что им хотелось бы сказать: «Не потому ли, уважаемый, вы столь милостивы к горцам, что в ваших жилах тоже течет восточная кровь? Не потому ли карательным экспедициям в горы вы предпочитаете длительные переговоры и даже развертывание меновой торговли с туземцами? Не потому ли вы организовали в Новороссийске школу для черкесских детей?..»

Нет, Серебряков не был мягок с врагами. Но он старался быть справедливым, полагая, что именно в справедливости залог не только скорейшего умиротворения этих мест, но и последующего их процветания. Он без жалости приказывал атаковать и сжигать суда, привозившие из Турции контрабандное оружие. Он брал заложников и, не колеблясь, приказывал преследовать всех, кто нападал на русские военные посты. Но лишь тогда, когда точно знал, что иного выхода нет. К этому его обязывала присяга. Но в то же время Серебряков лучше многих знал, как фанатичны еще здешние горские племена, послушные имамам и шейхам, сколь хитроумны и предприимчивы английские агенты, пробирающиеся в горы, скрывающиеся по дальним аулам и умело ведущие подрывную работу.

— Мы выходим утром, полковник.

— Предварительные распоряжения сделаны, ваше высокопревосходительство...

— В том числе и о том, кто будет временно выполнять ваши обязанности, полковник?

Серебряков с удовлетворением увидел, что в водянистых глазах начальника штаба скользнули удивление и растерянность, что капли пота выступили на высоком бледном лбу. Узкая кисть легла на карандаши, черневшие ровным рядком, раскатила их и замерла.

— Если я правильно понял вас...

— Совершенно правильно, полковник,— весело сказал Серебряков.— Ваши глубочайшие знания и умение оценивать обстановку... Тем более что экспедиция наша преследует цели скорее дипломатические и научные, нежели военные.

Последняя фраза вполне могла быть расценена как скрытый намек на чрезмерную осторожность Карлгофа, на недостаток в нем

воинского пыла. И Серебряков даже хотел, чтобы полковник обиделся, вспылил, потребовал объяснений. Тогда появился бы повод высказать ему многое. Но полковник был слишком растерян и лишь криво улыбнулся.

— Конечно, ваше высокопревосходительство. Ведь вы — член Русского Географического общества, а это не только здесь, на Кавказе, но и в столичных кругах немалая редкость.

— К сожалению, это так,— просто сказал Серебряков, сразу потеряв желание о чем-либо полемизировать с этим человеком. Пусть бы он скорее ушел. Ведь потом им придется тесно общаться изо дня в день. Что ж, зато полковник сможет представить Санкт-Петербургу пространный доклад. И может быть, там поймут наконец, что путь, которым следует вице-адмирал Серебряков, наиболее верный из всех в этой бесконечной кавказской войне.

Нет, наверное, не был жизненным перевалом этот предстоящий поход в горы. Скорее продолжением обычной службы, в которой каждый выполняет то, что обязан по должности или призванию. А может, и неразумным был этот поход. Небось полковник Карлгоф, забудь он на миг субординацию, сумел бы доказать всю несостоятельность задуманного плана: шестидесятилетний моряк вознамерился верхом проехать по тропам, где еще не появлялись люди в русской форме, через районы, где население настроено резко враждебно, без достаточной охраны, около двухсот верст только до Маруха... Конечно же, для любого мало-мальски здравомыслящего человека все это представлялось чистейшим безумием. Но только так можно было узнать театр, на котором России предстояло действовать в ближайшие годы. А во имя этой цели любой риск совсем не безумие...

V

Князь Батал-бей Маршани улыбался. Улыбалось его круглое, обрамленное рыжей бородкой лицо с пухлыми красными губами, улыбались по-птичьи круглые, но умеющие мгновенно щуриться глаза. Казалось, улыбалась каждая клеточка его плотного тела, обтянутого коричневой, с серебром черкеской,— солнечные блики вспыхивали на серебре рукояти кинжала, на газырях, канители штабс-капитанских эполет, один из которых был прикреплен несколько криво. И только руки с короткими пальцами, унизанными перстнями, выражали тревогу. Переводчик, похожий в профиль на нахохлившегося грача, сотник Давид-ду едва поспевал за ним.

— Князь говорит: зачем так мало людей? Князь говорит, что если сардар не хочет оставаться в Сухуми, то пусть поживет в Марамбе. Винограда здесь, правда, нет, но зато есть барашки, очень много молодых барашков. А вино доставят из долины...

— Скажи князю,— усмехнулся Серебряков и оглянулся на свой маленький отряд, вытянувшийся цепочкой у начала горной тропы. Сдвоенные вершины Чижоуша и Агыша, покрытые снегом, сияли в голубом небе, как чудовищные сахарные головы. Ниже отсвечивали доломитовые грани, а еще ниже зеленели леса, кудрявились по ветвистым отрогам.— Скажи князю, что сардар удивлен. Разве долг преданного белому царю князя не в том, чтобы дорога через

Цебельду была спокойной? Ведь это отданные его мудрости владения...

— В-вах!—выдохнул князь, выслушав перевод, и руки его хлопнули по полам черкески с такой силой, что те высоко взметнулись. И ноги в сыромятных поршнях и щегольски стянутых ноговицах переступали, словно князю не терпелось броситься танцевать.

— Это не вина князя, положившего свою преданность к ногам белого царя,—тараторил переводчик, клоня голову набок и словно напрягая обращенное к князю волосатое ухо.—Это вина его неразумного брата Эсшау, ныне скитающегося абреком по Цебельде. Неразумный Эсшау говорит, что на мне и на русских кровь его трех братьев! Но ведь сардару известно, что только так я и мог подтвердить свою верность белому царю! И не трех, а только двух братьев я убил по священным законам кровной мести, ведь третьего, Хамил-бея, расстреляли в Сухуме русские...

— Что и говорить, достойный человек,—негромко, но с едкой насмешливостью произнес капитан корпуса топографов Рябов, сидевший на смирной буланой кобыле, тянувшейся к редким травинкам на камнях осыпи. Лицо капитана, покрытое густым загаром, с голубыми глазами и чуть вздернутым носом, оставалось абсолютно спокойным, и не понять было, кого имел в виду штабс-капитан — Батал-бея или его мстительного брата-абрека. Казалось, Рябову совершенно безразличны перипетии княжеской междоусобицы.

Поручик корпуса горных инженеров Абрюцкий, юноша с усами и бакенбардами, которые он завел, чтобы выглядеть старше своих двадцати четырех лет, что-то насвистывал. Адъютант Серебрякова лейтенант Стеценко курил и с любопытством осматривался по сторонам. Похоже, его больше всех увлекала перспектива путешествия через Кавказский хребет, приключения в духе популярного среди молодежи Фенимора Купера.

Полковник Карлгоф держался позади, рядом с полусотней казаков, в седле сидел прямо, по сторонам не смотрел и только поминутно вытирал лоб большим платком.

— Спасибо за предупреждение,—сказал Серебряков и тронул поводьями своего низкорослого пятнистого жеребчика, на котором сделал не одну сотню верст вдоль Кавказского побережья.

Казаки завели донскую песню с подголосками и присвистом. Серебряков подумал, что, вероятно, придется не меньше половины их отправить назад: кованные только на передние ноги казачьи лошади не смогут одолеть здешней крутизны и ползущих осыпей. А может, и всех придется вернуть.

— Бойтесь урочищ Псху!—крикнул князь вслед по-русски и помахал рукой не то облегченно, не то с насмешкой.

Тропа взбиралась круто вверх, но многочисленные корни деревьев своими узловатыми жилами создавали нечто вроде ступенек и облегчали подъем. Внизу, все более отдаляясь, пенился среди валунов Кодор, наполнял ущелье гулом и грохотом. И казалось, что теперь уже никуда не деться от этого неумолчного шума воды, рвущейся сквозь скалы к морю. Пахло прогретыми солнцем травами и листвой. Сквозь вершины дальних деревьев прорисовывались сахарные пики, словно врезанные в голубой шелк неба.

VI

Солнечный луч пробил путаницу зарослей на краю ущелья и заплясал среди мохнатых, как лапы сказочных чудовищ, стволов самшита. Впрочем, луч не плясал — клубилась водяная пыль от близкого порога, кипящего бело-голубыми ключами; мелко дрожали глянцевые листочки, и казалось, вся роща ходит ходуном. Тяжело падали холодные капли, густой мох под ногами был скользким, и какие-то багрово-фиолетовые грибы, похожие на жадно раскрытые рты, теснились там, где было наиболее сумрачно и сыро.

Но уже осталась позади угрюмая самшитовая роща, под ногами качался сплетенный из лиан мост. И жутко было видеть, как в многочисленных просветах этого настила мчатся, искрясь и играя пенными кривыми гребнями, стремительные потоки. Но хотелось смотреть на них неотрывно и чувствовать, как медленно покачивается мост...

— Заметьте, Рябов,— услышал Серебряков свой собственный голос,— сколь часты здесь странные сближения растений совершенно различных климатов! Видите? На одной стороне Кодорского ущелья преспокойно растут фиговые деревья, грецкий орех и виноград... А здесь только ели и сосны. А чуть выше — даже березы и пихты...

Да, здесь встречались даже пихты, светло-зеленые, с пушистыми, прямо-таки веселыми ветвями. Но сразу же за ними стлались по каменистым откосам заросли рододендрона, подставляли солнцу кожистые широкие листья. А чуть дальше, на небольшой поляне, окруженной величественными соснами, белели поросшие мхом руины какого-то сооружения. Остатки каменной кладки можно было различить лишь по нескольким сохранившимся стыкам между блоками.

— Третий век до рождества Христова,— определил капитан Иохель, знаток археологии, черноволосый и глазастый.— Греческий храм, ваше высокопревосходительство. Видите, каким четким полукругом располагаются камни? Ну, может, не совсем храм, скорее святилище... Но каковы были греческие колонисты, а? Забраться в такую высь...

Как и предполагал Серебряков, пришлось отправить назад всех казаков. Когда разбили бивак на поляне, вдали, усиленные эхом, прокатились несколько выстрелов. Суматошно перекликались гортанные голоса стрелков местной милиции, сопровождавшей теперь экспедицию вместо казачьей полусотни. Еще один выстрел ударил совсем близко.

— Ваше высокопревосходительство! Лазарь Маркович!— послышался голос лейтенанта Стеценко.

Серебряков откинул полог палатки и вышел. В ослепительном сиянии утреннего солнца поляна казалась нарисованной неестественно яркими красками. Выше по склону простирались альпийские луга с неведомым жителям долин пестроцветьем, а еще выше тянулся широкий, играющий фиолетовыми искрами снежник.

С радостным гомоном по поляне двигалась толпа абхазских стрелков—усатые и бородатые лица, башлыки, черные и коричневые чухи, постолы, бляхи поясов, кинжалы и разнокалиберные ружья.

В центре вороной жеребец вытанцовывал стройными ногами с белоснежными бабками, вскидывал сухую маленькую голову, ронял клочья пены и косил испуганным глазом. Серебряков не сразу увидел, что в седле сидит человек, связанный арканом и от этого кажущийся безруким.

Пленника у самой палатки рывком сдернули с седла. Он был молод, почти мальчик; на безусом бледном лице с закрытыми глазами резко выделялись длинные ресницы. Чуха на пленнике была из тонкого сукна. Он открыл глаза, повел узкими плечами, словно преодолевая боль, презрительно и спокойно оглядел тех, кто держал его. Толпа заклокотала яростью.

— Развяжите его,— приказал Серебряков и тут же повторил приказание, потому что милиционеры только переглянулись и пощелкали языками.— Развязать!

Аркан упал к ногам юноши, он переступил через волосяную петлю и, глядя на Серебрякова, приложил на миг правую руку к груди, губам и лбу. Пленник держался с достоинством, без тени страха.

— Кто он?—спросил Серебряков подбежавшего переводчика. Гул голосов со вспышками гневных восклицаний был ответом. Кто-то ударил кинжалом плашмя по крупу жеребца, и тот вскинулся на дыбы, захрипел.

— Это же Арслан! — перевел Давид-ду смысл гневных восклицаний, развел руками в недоумении, но тут же закивал, поясняя подробнее: — Это, ваше высокопревосходительство, сын расстрелянного в Сухуме князя Хамил-бея Маршани, того самого, кровь которого на русских! Он племянник штабс-капитана Батал-бея, который много бы дал, чтобы мальчишка попал в его руки! Люди говорят, ваше высокопревосходительство, что теперь, хвала создателю, они смогут неплохо заработать.

Пленник проговорил что-то высоким гортанным голосом, в котором звучали ярость и презрение.

— Он угрожает?

— Нет, ваше высокопревосходительство. Он просит, чтобы не били его коня. Он говорит, что только последние негодяи могут истязать благородное животное.

— Зачем он здесь?

— Он говорит, что его прислал дядя, абрек, князь Эсшау Маршани, чтобы узнать, чего ищет в горах большой сардар, о котором говорят, что он всегда справедлив.

— Отличный случай, чтобы обеспечить нашу безопасность, — негромко сказал стоявший позади Серебрякова полковник Карлгоф. — С таким заложником мы пройдем где угодно. А потом и Батал-бей сможет получить замечательный подарок!

— У него было оружие? — спросил Серебряков. Из толпы вышел кряжистый человек с обильной сединой в рыжей бороде и багровым шрамом на щеке. Он положил к ногам вице-адмирала оправленные в серебро саблю и кинжал.

— Верните их ему...

— Ваше высокопревосходительство, не делайте этого, — прошептал в спину Серебрякову начальник штаба.

Серебряков наклонился, поднял оружие и, шагнув вперед, протянул его Арслану. Тот, благоговейно прикоснувшись губами к металлу, склонился в поклоне.

— Волчонок, — громко сказал капитан Рябов, и в его голосе прозвучало искреннее восхищение. — Приехать в стан врагов открыто... Нет, я, наверное, никогда не смогу понять Востока, черт меня побери!

— Если хочет, пусть остается в нашем отряде. — Серебряков пристально смотрел на недавнего пленника, чувствуя, что этот отважный и гордый юноша ему нравится. И как хорошо, что он совсем не похож на своего дядю, щеголяющего эполетами, пожалованными самим Воронцовым, а ночи проводящего в похожем на крепость блокгаузе. — И пусть знает, что может отъехать от нас, когда пожелает... Капитан Иохель, потрудитесь поподробнее записать в дневнике похода события нынешнего утра.

VII

Перебравшись по висячему мосту через бурную Чхалту, отряд вышел на каменистый откос ущелья и сразу углубился в лесистую долину, которую переводчик, поговорив с Арсланом, назвал Адзгарой. Название прозвучало гортанно и странно, но оно удивительно подходило к этим диким краям, где вечная зелень уживалась со

снегами, а реки бежали то среди хаотического нагромождения камней, то набухали так, что, казалось, вот-вот вырвутся из ущелий, и несли вырванные с корнями вековые деревья.

Арслан ехал немного поодаль от каравана, держался замкнуто; спрашивали — отвечал, но сам вопросов никому не задавал.

Серебряков, поглядывая на узкого в плечах всадника, дивился его самообладанию. Стрелки-горцы даже не старались скрыть свое недоверие к нему: то один, то другой вырывались из общего строя, рысью обгоняли Арслана Маршани, некоторое время гарцевали впереди и затем, описав полукруг, возвращались на свое место. Но юноша словно и не замечал эти маневры, даже не поворачивал головы. И только губы его презрительно вздрагивали.

— Я не удивлюсь, если у перевала нас встретят люди этого проклятого абрека,— покосившись на молодого горца, сказал полковник Карлгоф.— У него, по донесениям, не меньше полутысячи сабель...

— Очень может быть,— кивнул капитан Рябов. На передней луке седла он пристроил деревянную планшетку с бумагой и делал пометки.— Очень может быть... Конечно же, в Санкт-Петербурге, скажем в Александровском саду, намного безопаснее.

— Вам не кажется, что вы забываетесь, капитан?— процедил Карлгоф и, дав шенкеля своему маштаку с длинной гривой, обошел капитана, который даже не поднял головы.

Внезапно, как это часто бывает в горах, сгустились тучи, начался дождь. Он был недолгим, но почва под ногами, и так сырая от многочисленных ключей, совсем раскисла. Почерневший от влаги лес обступал отряд со всех сторон. То и дело попадались завалы из обрушенных грозой деревьев, нагромождения стволов с торчащими во все стороны сучьями. Их приходилось объезжать, делая порой немалый крюк, а затем снова выходить на линию намеченного по карте маршрута. Серебряков невольно думал о том, что будущих строителей дороги в этих местах ждут чудовищные трудности; в необходимости же ее строительства он не сомневался: это был бы кратчайший путь от Черноморского побережья на Кубань.

Лес редел, становился все ниже, чаще тянуло холодным, почти зимним ветром. И на исходе четвертого дня пути за пологими склонами, поросшими стелющимся рододендроном, за каменными гребнями показалось подножие горы Марухи. Вдоль длинного ее массива ползли клочья облаков. Прокатился тяжелый и низкий гул, отдавшийся эхом.

— Гроза, что ли?— спросил поручик Абрюцкий, вертя головой в надвинутом на самый нос мятом офицерском картузе.

— Снежная лавина,— сказал переводчик, понизив голос.

И этот тяжелый гул, и чувство тревоги, скользнувшее, как дуновение ветра, по всему каравану, напомнили Серебрякову летние дни 1838 года, когда Черноморская эскадра высаживала первые десанты на кавказский берег. Пушечная пальба вот так же тяжело отдавалась среди скалистых отрогов в устьях рек Соча, Туапсе, Шапсухо...

Среди тех, кто стоял на палубе, готовясь спуститься в шлюпки, капитан первого ранга Серебряков отметил высокого, еще молодого, но с заметной сединой на курчавых висках человека, в солдатской шинели, с ружьем в руках. Солдат пристально смотрел на лесистый

таинственный берег, и в глазах его стоял не страх, не любопытство, а нечто вроде тихой грусти. Другие солдаты жадно курили, переступая с ноги на ногу, ругались или просто болтали о всякой всячине, явно томясь в ожидании дела. Этот же был неподвижен. И как-то не вязалась с его обликом грубая шинель.

— Ты, братец, нездоров никак?—спросил, подходя, Серебряков. Он хорошо знал, как важно ободрить солдата перед боем, когда душа просит участливого слова.

Но солдат, обернувшись и вытянувшись, смотрел прямо и даже, как на миг показалось Серебрякову, чуть свысока. Похоже, он и не нуждался в участии.

— Никак нет, здоров, ваше высокоблагородие.

— Так отчего ж так хмур, братец? Или перед делом сердце замирает? Так это не беда—еще немного, и все думы забудутся...

Медный рожок запел хрипло и напористо.

— В чем, в чем, а в замирании сердца Россия нас не упрекнет, ваше высокоблагородие,—ответил солдат.

Серебряков вспомнил, что генерал-лейтенант Вельяминов, командующий войсками на Кавказской линии, говорил недавно о нескольких участниках мятежа на Сенатской площади, отбывших каторжные сроки и направленных в действующую армию для дальнейшего искупления своей вины перед государем. Конечно же, это был один из них—иначе откуда такая речь, такой гордый вид? Капитан первого ранга почувствовал нечто вроде смущения перед этим солдатом. Кто знает, как сложилась бы его собственная судьба, если бы он, будучи в 1825 году лейтенантом, служил не в Феодосии, а в Санкт-Петербурге? Ведь, как известно, флотский экипаж одним из первых вышел на Сенатскую площадь...

— Ваше имя?—спросил Серебряков.

— Тенгинского полка рядовой Александр Одоевский.

— Мы будем в одной шлюпке,—сказал Серебряков, понимая, что эта фраза будет приятна разжалованному. Перед лицом смертельной опасности они равны.

Было ли что-либо общее между тем днем и днем четырнадцать лет спустя, когда он принял решение перейти с отрядом через Кавказский хребет? Дело даже не в несомненной пользе такого похода. Есть еще нечто, чего не упомянешь ни в каких докладных записках,—это сознание собственной сопричастности солдатскому делу, а значит, и необходимости идти на личный риск.

Перед подъемом на Марух остановились на ночлег. Ветер налетал порывами на полотняные палаточные стены, вдавливал их внутрь, посвистывал в веревочных растяжках. Костры дымили, не хотели разгораться. От близких снежников ощутимо тянуло морозцем. Трудно было поверить, что всего в ста верстах отсюда плещется теплое море и зной висит над галечными отмелями и плоскими крышами построек, по стенам которых вьются виноград и глицинии.

Поужинали вяленой бараниной, пахнувшей дымом, кукурузными лепешками, которые слежались во вьюках и крошились в пальцах. Серебряков кутался в войлочную бурку; ему нездоровилось, и он поймал себя на мысли, что думает о своем возрасте как о чем-то привычном. Это огорчило, ибо он всегда был уверен: человек молод и полон сил до тех пор, пока мысленно видит себя таким.

Проснулся вице-адмирал как от толчка. Он откинул бурку,

привстал, всмотрелся во тьму. Вокруг было тихо, прекратился и ветер. Но в палатке ощущалось присутствие кого-то постороннего.

— Кто здесь?—спросил Серебряков. Спросил негромко, потому что сознавал нелепость такого вопроса. Он не ожидал ответа и вздрогнул, услышав голос.

— Не надо бояться, сардар,— раздались во тьме гортанные звуки, похожие на клекот большой хищной птицы.— Один маленький разговор, сардар, и я уйду...

— Кто ты и что тебе нужно?—Серебряков говорил все так же негромко, испытывая не страх, а скорее любопытство.— Как тебе удалось попасть сюда?

— Твоя охрана—ишаки, сардар. А зовут меня Эсшау-бей Маршани. Слышал?

Гортанный голос звучал спокойно и почти дружелюбно. Серебряков подивился отчаянной смелости, звериной ловкости, приведшим Эсшау Маршани в его палатку.

Несколько точных ударов стального кресала о кремень высекли сноп искр. На миг Серебряков увидел худое, с глубокими оспинами на щеках лицо—орлиный нос, зеленоватые огоньки глаз.

— Слышал. Значит, это ты прислал ко мне Арслана? Зачем?

— Он должен был сказать тебе *это*.

— Он сказал. Но что тебе от того, справедлив я или нет?

— Неправильно говоришь, сардар! Если человек справедлив, это самое главное! Может, я пришел сдаться.

— Твою судьбу будет решать суд, Эсшау-бей.

— Который расстрелял моего брата Хамил-бея? Ха! А если бы мою судьбу решал ты, сардар?

— На твоей совести много крови, Эсшау-бей, и ты это знаешь.

— Кровь кяфыров...

— Не только, Эсшау-бей. И кровь тех, кого ты вел во время восстания в Цебельде, и раньше... Они погибли за чуждое дело.

— За дело ислама.

— Разве англичане, которых вы прячете в горах, мусульмане? Белл, Уркварт, Лонгворт... Тебе знакомы эти имена?

— Я понимаю так, сардар,— раздался недобрый смешок,— что ты расстрелял бы меня... Да?

— Да,— сказал Серебряков, вслушиваясь в наступившую долгую паузу и ожидая выстрела. Конечно, было глупо затевать этот разговор. Глупо откровенничать с человеком, промышлявшим разбоем и оказавшимся вне закона.

— Ты и вправду справедливый человек, сардар,— хрипло сказал Эсшау.— Ты мог сейчас обмануть меня... Даже должен был сделать это. Когда я узнал, что ты уберег Арслана от этих шакалов и даже вернул ему оружие, я не поверил сначала...

— Россия не воюет с детьми.

— Так может сказать тот, кто уверен в победе. Но если я скажу об этом Кази Мулле, Хаджи Мухаммеду или даже самому шейху Шамилю, имаму Уль-Аззаму, разве они станут слушать меня?

— Имеющий уши да слышит.

— Ты можешь идти своим путем без боязни, сардар.

— А я и не боюсь, Эсшау-бей.

— Смелость—хорошая защита, сардар,— раздалось во тьме,— но лишний десяток сабель и ружей—лучше...

Пахнуло холодком наружного воздуха. Не раздалось ни единого шороха, но Серебряков сразу почувствовал, что теперь в палатке он один. Эсшау-бей исчез

Вице-адмирал встал, накинул на плечи бурку и вышел из палатки. В бездонной глубине неба, цепляясь за клочья рваных туч, неслась ущербная луна. Смутные тени ветвей лежали на казавшейся серебристой парусине палаток. Поблескивал снежник.

— Стой! Кто идет?— заполошно выкрикнул часовой, и тут же послышался тонкий скрип пружины ружейного замка.

Серебряков назвал себя, подошел к часовому — милиционер-горец смотрел на вице-адмирала из-под лохм папахи.

— Спишь?

— Зачем спишь? Туда-сюда ходим, смотрим!

— И что видишь?

— Ничего не видим, тихо все. Вот тебя сейчас видим...

Утром Серебрякову доложили, что Арслан исчез, но в лагере появились двое горцев, которые хотят говорить с сардаром.

— Тысяча и одна ночь!— говорил, посмеиваясь и разводя руками, капитан Рябов.— Но каков волчонок, а? Утек, никто и не слышал!

— Я говорил, что мы постоянно подвергаемся смертельной опасности,— цедил полковник Карлгоф, почти не разжимая тонких губ и глядя на Серебрякова так, словно только что уличил его в чем-то преступном.

— На войне естественно подвергаться опасности,— холодно заметил Серебряков.— А что касается вашего предложения оставить храброго юношу заложником, то в этом, на мой взгляд, надобности не было. Неразумно, полковник.

— А теперь я хотел бы видеть появившихся в лагере горцев.

Их тотчас привели — двух бородатых, дочерна загоревших цебельдинцев, одетых в домотканые чухи, но с тем тщательно продуманным щегольством, которое всегда отличало истинного горца от жителя равнины. Они поклонились, приложив ладони к груди, губам, лбу.

— Они говорят, ваше высокопревосходительство,— сообщил переводчик,— что их прислал князь Эсшау-бей Маршани! Они говорят, что твои проводники ненадежны, а дорога на перевал трудна. Они говорят, что проведут твоих людей по самым хорошим тропам...

— Ладно,— сказал Серебряков, думая о том, что лучше было бы иметь своим союзником абрека Эсшау, чем его брата Батал-бея, пьяницу и труса.

VIII

«... Перейдя вброд реку Маруху и переправив на лошадях пеших, мы скоро вошли в ущелье, в котором протекает верховье этой реки,— писал позднее князю Меньшикову в обзоре для Русского Географического общества вице-адмирал Серебряков.— Ущелье это прорезывает гору того же наименования. Края его высоки, круты и утесисты. Во многих местах нам пришлось идти пешком и пробираться по скалам, а лошади, наконец, были спущены вниз и проведены по руслу Марухи. Постепенно возвышаясь, мы дошли

прежде полудня до Марухского перевала... Тут перед нашими глазами возник процесс образования реки Марухи. Несколько водопадов низвергаются с утесов из-под снега и льда, а другие — из отверстий скал и, продолжая течение в долине, сливаются вместе и бегут к общему руслу всех вод. Растительность исчезла по мере нашего возвышения на Маруху. В полдень было довольно жарко (24° по Реомюру на солнце), а вода имела только 2° тепла...»

Но все это произошло позднее, а пока отряд медленно поднимался все выше и выше. Шли длинной цепочкой, таща на себе вьюки. Первыми, ощупывая тропу палками с коваными железными наконечниками, легко шагали горцы. Они не оглядывались, только изредка перебрасывались короткими фразами. Вслед за проводниками двигался Серебряков. На сапоги налипала вязкая глина, которую затем слизывал фирн — зернистые, плотно спаянные крохотные льдинки. Щеки обжигал морозный ветер, навертывались слезы — мир вокруг расплывался, искажал свои очертания. Но Серебряков не менял ритма движения, зная, что даже маленькая остановка может изменить весь настрой этого последнего перед перевалом броска.

Конечно же, у каждого в жизни не один-единственный перевал. Их много, хотя тот, что предстоит преодолеть, кажется самым главным и трудным. Но все надо пройти... Эта снежная белизна, в которую врезаются подошвы, оставляя позади подобия ступеней, чтобы по ним могли пройти другие, чем-то напоминала песчаный откос у александрийской мечети Абу-Дауда — может, сиянием песка, словно раскаленного до точки плавления африканским солнцем. К этому откосу отступил капитан-лейтенант Серебряков ноябрьским днем 1832 года, когда вывернулась из-за поворота вопящая, беснующаяся толпа дервишей.

После успешной войны и заключения мира в Адрианополе русское правительство вело длительные переговоры с султаном, уже искавшим союзников в Европе и надеявшимся на реванш. В качестве офицера для особых поручений при царском посланнике генерал-лейтенанте Муравьеве Серебряков побывал в Стамбуле и теперь попал в Александрию. Египетский паша, вассал Порты, вел себя уклончиво, рассыпался в мирных заверениях, но было известно, что египетские суда под турецким флагом накапливаются в гаванях западного побережья Черного моря.

Под завывание дудок, глухое уханье барабанов процессия дервишей-калантаров медленно двигалась по узкой улочке, на которую выходили гладкие, лишенные окон, выбеленные стены домов. Качались высокие шапки, развевались лохмотья плащей-хирок, босые задубевшие ноги казались высеченными из старого дерева. Раздавалось заунывное пение. Иные дервиши шли, закрыв глаза, изредка протягивая растопыренные пальцы с отросшими, как когти зверя, ногтями, чтобы коснуться плеча или спины двигавшегося впереди калантара. Иные кружились, монотонно вскидывая руки и вскрикивая тонкими голосами...

Серебряков знал, какую опасность для чужеземца, неверного, представляет такая встреча. Об этом говорили офицеры на фрегате

«Штандарт», об этом предупреждали русских сладкоречивые чиновники египетского паши. И кто знает, какими тайными пружинами приводится в действие фанатизм! Дервиш есть дервиш, он не подвластен суду, он отвечает только перед своим старейшиной — пиром.

Злые, острые, как два шила, глаза дервиша, возглавлявшего процессию, остановились на русском офицере. И процессия остановилась, словно споткнувшись. Еще кружился кто-то, но кружение все замедлялось и вот замерло. Угас и чей-то отчаянный тонкий вскрик. Несмотря на давящий зной, Серебряков ощутил страшный холод, обдавший его с головы до ног.

Всем своим существом он чувствовал, что одна секунда может решить все, стоит только этому обросшему волосами страшилищу протянуть покрытую струпьями руку, ткнуть ею в сторону кяфыра, осмелившегося осквернить своим присутствием святое место... Было мучительное желание коснуться эфеса шпаги, чтобы не сознавать себя безоружным, беззащитным. Хотя какое это оружие — шпага? Здесь, увы, не поможет и пушка...

Серебряков не шевельнулся, не отвел взгляда от прищуренных глаз дервиша.

И все тут же кончилось: дервиш усмехнулся, сплюнул и отвернулся. Процессия двинулась дальше под завывание дудок и выкрики, буханье барабанов, Опять закачались и закружились высокие шапки. Серебряков перевел дыхание, он не мог сообразить, сколько прошло времени: секунда или час?

— Счастлив твой бог,— сказал, поведя лысой головой, командир «Штандарта» капитан первого ранга Лукин, когда услышал об этом случае. Но Серебряков знал, что отнюдь не слепое везение спасло его, а собственная выдержка. И хищный зверь не бросается на человека, когда чувствует, что тот не боится его. Впрочем, раз на раз, как говорится, не приходится.

Было ли это тоже перевалом? Пожалуй, было...

Серебряков прикрыл лицо перчаткой от усилившегося ветра, протер слезящиеся глаза и вдруг понял, что подъем кончился, что последний шаг сделан и он стоит на вершине Марухского перевала.

— Мы не пойдем дальше,— перевел Давид-ду несколько невнятную речь одного из проводников. Концы башлыка закрывали его подбородок.— Там, внизу, в половине одного конского перехода стоят русские... Пусть сардар позволит нам уйти.

— Это отряд генерал-майора Эристави! — сиплым голосом вскричал полковник Карлгоф.— Славу богу, мы спасены! Ваше высокопревосходительство, прикажите задержать этих двух разбойников! Они слишком много теперь знают...

Серебряков сделал несколько шагов к проводникам.

— Русское командование благодарит вас за важную услугу, которую вы оказали. У меня сейчас нет ничего, чем я мог бы вознаградить вас,— твердо выговаривая слова, произнес вице-адмирал на ногайском наречии, которое, как он знал, цебельдинцы понимали.— Но если вы спуститесь в долину и придете ко мне, я прикажу снабдить вас всем необходимым — солью, мукой... Можете передать это всем жителям Псху. А теперь ступайте!

Проводники молча поклонились, приложив ладони к груди, губам н лбу, повернулись и неторопливо начали спускаться с перевала.

А Серебряков уже смотрел на Север, куда сползали гребнистые отроги Марухи и где за снегами, за лесными чащобами, которые еще предстояло пройти, лежала Кубань.

IX

«Милостивый государь Лазарь Маркович!

Доблестная военная жизнь Ваша дает мне право говорить с Вами откровенно, несмотря на чувствительность предмета. Согласившись на просьбу сына, Вы послали его в Севастополь не для наград и отдыха; движимые чувством святого долга, лежащим на каждом русском, и в особенности моряке, Вы благословили его на подвиг, к которому призывал его пример и внушение, полученные им с детства от отца своего; Вы свято довершили свою обязанность, он с честью выполнил свою. Почетное назначение — наблюдать за войсками, расположенными в ложементах перед Камчатским люнетом,— было возложено на него как на офицера, каких не легко найти в Севастополе, и только вследствие его желания. Каждую ночь, осыпаемый градом пуль, он ни на минуту не забывал важности своего поста и к утру с гордостью мог указать, что бдительность его была недаром; с минуты его назначения неприятель, принимаясь вести работы, не подвинулся ни на вершок.

Несмотря на высокое самоотвержение свое, ни одна пуля его не задела, а всемогущему богу угодно было, чтобы случайная граната была причиной его смерти — в час ночи с 22 на 23 число он убит!!

В Севастополе, где весть о смерти почти уже не производит впечатления, сын Ваш был одним из немногих, на долю которых досталось искреннее соболезнование всех моряков и всех знавших его; он был погребен в Ушаковой балке. Провожая его в могилу, я был свидетелем непритворных слез и горести окружающих.

Сообщая эту горестную весть, я прошу верить, что вместе с Вами и мы, товарищи его, разделяем Ваши чувства.

Павел Нахимов
24 марта 1855 года, Севастополь»

X

«...Товарищи наши под неприятельскими ядрами и бомбами погибают тысячами; тяжело и грустно читать обо всех ужасах, претерпеваемых нашими с мужеством, и сидеть, ничего не делая, в настоящее время в Керчи...»

«...Прекрасный офицер, редких душевных качеств человек, он был украшением и гордостью нашего общества, а смерть его мы будем вспоминать как горькую жертву необходимости для искупления Севастополя».

Флота адмирал и член Адмиралтейств-Совета, кавалер орденов святых Георгия, Станислава, Владимира, Анны, Александра Невского, а также Белого Орла всех степеней и с мечами Лазарь Маркович Серебряков еще раз перечитал эти строки — в одном письме тороплив-

вые и чуть ползущие книзу, а в другом — твердые и четкие, хотя давно знал их наизусть, и подумал с горечью, что судьба не подарила ему счастья остаться на том же перевале, который стал последним для его сына, для тех, кого он знал, любил и с кем был дружен многие годы,— для Нахимова, Корнилова, Истомина... Потому что никак уж не назовешь перевалом нынешнее его нахождение в списках Адмиралтейств-Совета: не то почетный пенсион, не то снисходительное благодеяние. Серебряков усмехнулся: три тысячи рублей на двенадцать лет — пожалуй, финансы империи Российской недолго будут нести этот убыток. Лекарь, ставший последнее время частым гостем в его доме, на днях смотрел на старого адмирала как-то уж очень соболезнующе.

За окном свинцово отсвечивала Нева, величественно катила свои воды к морю, и в ее ряби ломались и дрожали отражения мачт, корабельных обводов. Серебряков попытался представить себя таким, каким он был в 1834 году,— командиром фрегата «Полтава», не раз заходившим в Неву и даже раз стоявшим напротив самого Адмиралтейства. Но вспомнилось неожиданно совсем-совсем давнее — лето 1814 года, когда волонтер Серебряков был пожалован в гардемарины. Он стоял в строю таким же пареньком в зеленовато-синем мундире, скупо обшитом галуном, с якорями на воротнике, в черной, немного неуклюжей шляпе-двууголке, слушал голос экипажного священника и не слышал его, потому что с моря тянуло солоноватым ветром и белели за Павловским мысом паруса эскадры. И все перевалы были еще впереди.

XI

«По распоряжению командования Советского Военно-Морского Флота состоялось перезахоронение останков адмирала Л. М. Серебрякова. Его гроб был перевезен из Белогорска (б. Карасубазар) в Севастополь и 21 мая 1955 года захоронен на Братском кладбище, рядом с могилой сына».

Из газет

В повести использованы материалы Государственного Архива Армянской ССР.

ЛЕВ ЛЕБЕДЕВ

В ТЕНИ НЕБОСКРЕБОВ ГОНКОНГА

Очерк

Художник В. ЗАХАРЧЕНКО

Какой он, Гонконг?!

По-восточному шумный и по-английски чопорный. Овеваемый свежими океанскими ветрами и пропитанный запахами трущоб. Поражающий модернистской архитектурой и ужасающий гнилыми лачугами. Город, где современный лимузин обгоняет изможденного рикшу. Порт, заходя в который вылощенный капитан новейшего трансокеанского контейнеровоза нервно переводит ручку машинного телеграфа на отметку «самый малый», чтобы не разнести в щепы хрупкую джонку с рваным парусом...

Подобного рода контрастные впечатления можно перечислять бесконечно, говоря о Гонконге. Но если не нырять в него с неба на самолете, а подходить с моря на судне, город открывается далеко не сразу. Он предпочитает постепенно преподносить свои сомнительные и подлинные достопримечательности.

По штурманским расчетам, до прихода в Гонконг оставалось часа три, а глаз не улавливал никаких признаков большого порта и многомиллионного города. Унылой чередой тянулись вдоль берега рыжие, выгоревшие невысокие горы без следа присутствия человека. Море было пустынным.

— Куда это джонки подевались?—удивляется старпом Кирюшенко.— Обычно их здесь сотни.

Несколько этих скорлупок видели минувшей ночью, вернее, их огоньки, мерцающие далеко в темноте. Лишь одна оказалась на нашем пути. Перепончатым крылом дракона вдруг вырвался из темноты неопределенного цвета латаный парус, натянутый на бамбуковые реи; суденышко метров десяти в длину чуть ли не вертикально встало на волне, так что в свете фонаря на его корме удалось разглядеть дощатое днище с кучей то ли сетей, то ли выловленных водорослей. Через мгновение джонка скрылась позади, словно штормившее море тут же поглотило ее.

А сейчас, утром, глазу не за что было зацепиться на водном просторе. Но вот старпом молча протянул мне бинокль, указывая на седловину между горами справа по курсу. Там что-то белеет. Это

На гонконгском рейде

чаша локатора, словно притаившийся за горами одноглазый циклоп, сторожит подходы к порту.

Огибая небольшой остров Ламма, входим в Западный пролив и сразу оказываемся на большой морской дороге. Навстречу деловито режет волны крупный сухогруз, следом спешит контейнеровоз американской линии, новенький, сверкающий свежей краской, упоенный своей молодой силой, не растраченной на ухабистых океанских трассах. Кажется, многотонные цветные кубики контейнеров, которые возвышаются чуть ли не до верхнего мостика, и не груз для него вовсе. А впереди на рейде множество других судов. В бинокль видны на мачтах флаги многих стран, в едином ритме бьющиеся на ветру. Между судами снует множество барж (грузовые операции ведутся главным образом на рейде), катеров, паромов, элегантных судов на подводных крыльях и воздушной подушке. На первый взгляд движение представляется хаотичным, но постепенно улавливаешь в нем строгий порядок.

Не успели осмотреться на якорной стоянке, как к нам поспешил лоцманский катер. Аккуратный немолодой лоцман-китаец, в сером костюме и ярком галстуке, полноватый, с бесстрастным выражением лица, походил больше на преуспевающего делового человека, чем на моряка. Однако он лихо поднялся по трапу, с достоинством поздоровался, пробормотал что-то в вынутый из кармана пиджака портативный радиопередатчик и уверенно скомандовал: «Средний вперед!»

Признаться, такого «слалома» в бухте, забитой судами, мне видеть не приходилось. Решительно обогнули старый углевоз, за ним «японца» с раскрытыми трюмами, откуда извлекали увесистые тюки, в опасной близости проскочили между двумя другими сухогрузами, и вот тут показалось, что сейчас врежемся в один из зеленых буев ограждения вокруг затонувшего лайнера «Куин Элизабет». Проданный английскими владельцами из-за неблагоприятной конъюнктуры на пассажирских линиях, он так и не успел послужить одному из местных дельцов — загорелся на рейде и был затоплен. От знаменитого лайнера, некогда владевшего «Голубой лентой Атлантики», оставалось немного: над бухтой поднималась лишь часть надстройки, а из-под воды плавучие краны извлекали срезанные водолазами листы бортовой обшивки и грузили их на плашкоуты.

Однако и зеленые буи миновали успешно и, не снижая хода, пошли к причалу. В какой-то момент с тревогой подумалось, что вот сейчас раздавим две ярко раскрашенные баржи, пришвартованные рядом с предназначенным для нас местом, сомнем их со скрежетом, треском под крики гибнущих грузчиков. Видимо, так казалось не только мне, но и нашему капитану, потому что он резко обернулся и выразительно посмотрел на лоцмана: уверен ли тот, что все делает правильно? Но лоцман, как выяснилось, был мастером своего дела: в нужный момент скомандовал: «Машина, стоп!», через секунду — «Средний назад!», а потом опять «Стоп!». Одновременно нам в борт уперся подоспевший буксир, и наш контейнеровоз мягко привалил к стенке.

Ну, теперь можно спокойно оглядеться. Мы стояли у контейнерного терминала полуострова Коулун. На огромном бетонном поле громоздились контейнеры. Отсюда они идут в Японию и на Филиппины, во многие другие страны Азии, в Америку и Европу. А часть — через Находку по Транссибирской железнодорожной магистрали в ФРГ, Данию, Швейцарию, другие государства, которые пользуются услугами советских судов. Одно из них — «Гродеково», на котором мы прибыли сюда из порта Восточный. У нас на борту контейнеры с бумагой и мебелью из Финляндии, коровьими шкурами из Роттердама, коробками для телевизоров из Франкфурта-на-Майне, химикатами, хлопковой пряжей, резиновыми изделиями, картоном, полиэтиленом, даже печеньем из Копенгагена. Короче говоря, как в детской считалке: «Что угодно для души...» Для многих из этих грузов Гонконг — третий в мире после Нью-Йорка и Амстердама порт по обработке контейнеров — окажется только перевалочным пунктом.

За кормой нашего судна виднелись серебристые газгольдеры топливной базы. Прямо по носу высились бетонные стены огромного унылого здания, у подножия которого по автостраде мчалась нескончаемая вереница машин. Но зато справа по борту открывался редкостный вид. Голубая бухта под голубым небом играла тысячами солнечных бликов. Ласковый декабрьский ветерок смирял жар тропического солнца, правда, не настолько, чтобы нам, северянам, пришло в голову надеть пиджак,— в рубашке с короткими рукавами было в самый раз.

Рейд жил напряженной жизнью, встречал и провожал суда, их грузили и разгружали. Катера спешили с моряками на берег и доставляли их обратно, в тесные каютки, хмельных,

Вид на Гонконг с пика Виктория

успевших пресытиться за короткий день немудреными портовыми радостями.

А сквозь лес мачт и судовых кранов проглядывал зеленый островок Стоун-Каттерс и далее — частокол небоскребов вдоль обращенного к нам и к бухте Виктория северного берега острова Гонконг.

Так все-таки что же такое Гонконг? В административном смысле это прежде всего остров того же названия и полуостров Коулун, захваченные англичанами в ходе опиумной войны 1840—1842 годов. Затем к ним прибавилась так называемая Новая территория, которую Китай сдал в конце прошлого века колонизаторам в аренду на 99 лет — до 1997 года.

Выходит, близок день, когда англичане будут вынуждены уйти? Не будем предугадывать событий. Сингапурская газета «Нью нейши» писала: «Правительство Китая словами и действиями дает понять, что нынешнее положение Гонконга будет сохранено еще довольно долго».

Ларчик открывается просто: Гонконг — один из главных рынков Китая, на долю этой колонии падает треть экспорта Китая в капиталистические страны. А поскольку Пекин сейчас зарится еще и на иностранное оружие, его потребность в долларах, фунтах, франках, западногерманских марках неизмеримо возрастает.

Справочники сообщают: Китай имеет в английской колонии 120 банков и банковских отделений, три крупных универсальных магази-

на, 90 других торговых учреждений, четыре страховые компании, туристские и судоходные фирмы, склады и т. д.

В гонконгских газетах прочитал сообщение, что местные фирмы от имени Китая взяли на себя осуществление трех крупных проектов: возведение станкостроительного завода, крупного нефтехранилища и судоверфи. Доход пойдет в карман Пекину. Так он наравне с капиталистическими предпринимателями все активнее включается в эксплуатацию миллионов обездоленных Гонконга, который славится среди дельцов дешевой рабочей силой и низкими налогами с оборота.

Гонконг снабжается водой с материка, своих водных источников на острове и Новой территории нет. В те дни, когда мы были в Гонконге, с водой дело обстояло плохо. Во время поездки на Новую территорию я разглядел какой-то котлован.

— Водохранилище,— объяснили спутники.— Как видите, пустое. Ждем, может, тайфун принесет осадки.

Но тайфуны в ту пору упорно обходили колонию стороной. И тогда Китай, откуда идет водопровод в Гонконг, на 25 процентов увеличил подачу воды.

Китай, заинтересованный в сохранении нынешней роли Гонконга, как крупнейшего источника иностранной валюты, важной сферы приложения собственных капиталов, не только поит, но и кормит его.

«Продукты из Китая»,— гласили иероглифы на огромном здании торгового центра. Более двухсот тысяч голов крупного рогатого скота, свыше трех миллионов свиней, почти пятьдесят тысяч тонн птицы, пресноводная рыба, рис, овощи — все это ежегодно поставляется в английскую колонию из Китая. Причем Гонконг получает эти продукты по значительно более низким ценам, чем при закупке в других странах, скажем в Японии или на Филиппинах.

Но отправимся в город. Вот наш катерок подваливает к причалу, и мы вливаемся в шумный, пестрый людской поток. Только что, одновременно с нами, подошел один из паромов, которые каждые пять минут следуют с острова на Коулун и обратно. Вместе с пассажирами выходим на городские улицы, попадаем в самый центр. Выдержанное в колониальном стиле здание Верховного суда, аристократический «Жокей-клуб» соседствуют с современными из стекла и бетона коробками банков и фирм, страховых компаний, богатых контор.

Улицы шумны, деловиты. Юркие малолитражки здесь, в тесноте, предпочтительнее, чем огромные американские лимузины, которые выглядят неповоротливыми, но марка машины — это престиж владельца. От морского вокзала один за другим отправляются в разные концы микроавтобусы.

В скверике напротив громады «Гонконг энд Шанхай бэнк» конторские барышни коротают обеденный перерыв, хихикают, искоса поглядывая на американских туристов, которые ловят в объектив местных красавиц. Но вот появился более экзотичный объект для съемки: уныло бредет с легкой коляской рикша. За монетку он готов позировать сколько угодно. Зима для него «мертвый» сезон: туристов мало, а местные жители предпочитают современный транспорт. Американцы в поисках выгодного ракурса просят рикшу встать и так и эдак. Невозмутимо взирает на эту суету английский

В колонии, как и в Англии, движение левостороннее

клерк, шагающий по жаре в темном костюме и классическом котелке, как по лондонской Пикадилли.

Идем в сторону Норт-Пойнт. Постепенно шикарные магазины сменяются лавчонками, где продается все: от костюма до «тысячи мелочей». Вперемежку с ними — крохотные мастерские. В одной что-то шьют, в другой стучат молотками сапожники, рядом делают мебель, а образцы — готовые диваны и кресла — выставлены на тротуар. В следующей мастерской, которая, как и предыдущие, не больше обычной жилой комнаты, ремонтируют мотоцикл...

Куда живописнее продуктовые лавки. Дверей нет, вернее, нет целой стены, и все внутреннее пространство заведения открыто взорам клиента. Капуста на прилавках соседствует с плодами дынного дерева, апельсины — с картофелем и бананами. По соседству разделывают кур: лапки отдельно, потроха отдельно, все рассортировано и разложено на кучки в соответствии с вкусами клиентов и их финансовыми возможностями. Возможности явно невелики — хозяйки долго думают, прежде чем взять крохотную порцию того или иного продукта.

Нельзя не задержаться у тех лавчонок, где торгуют дарами моря. Раковины большие, с кулак, и крохотные, с ноготь, креветки, крабы разного калибра, какие-то прозрачные червячки, водоросли. Пожилой китаец покупает нескольких жуков типа наших плавунцов, только покрупнее, и бережно заворачивает в листья. Неужели и эту живность едят?

6-781

Реклама, реклама, реклама... На фасадах, брандмауэрах, крышах домов. Написанная по-аиглийски и китайскими иероглифами. Зовущая купить, выпить, зайти в ресторан, посетить ночной клуб, обратиться к гадалке. Среди этой пестроты обращают на себя внимание огромные многокрасочиые «полотна». Вот хрупкая девица повергает иа землю страшиого вида громилу. А вот иа соседнем панио одии «герой» расправляется с другим ударом под ребро. Это реклама гонконгских фильмов «куифу».

Выработанный в старом Китае свод упражнений для духа и тела (куифу) положеи в осиову сюжетов иезатейливых, ио иасыщенных бескоиечными драками фильмов, которых в Гонконге «выпекают» до полусотни в год. Фильмы «кунфу» проиикли теперь и иа европейский, и на американский экран.

Но никакой яркой рекламой нельзя скрыть запущенности фасадов. Облупленные дома, пыльиые окиа, хилые цветочки в горшках иа подоконниках. Тропическое солнце ие может добраться до них в тесных улицах. По стеиам тянутся трубы водопровода и канализации — так прокладывать магистрали проще, дешевле, а мороз здесь ие грозит.

Равнинная полоска вдоль моря тесно застроена. Дальше иачииаются склоиы. Город карабкается иа иих. Чем выше, тем больше света, свежего воздуха, зелени и тем, естествеино, дороже квартиры. Отличные дороги серпантииом вьются меж парками, аккуратно подстриженными газонами, подбегают к подъездам респектабельных высотиых домов — чистых, ухожеиных, с темными стеклами светофильтров в окнах и кондициоиерами.

— Сколько стоит квартира в таком доме? — спрашиваем Томаса Ю, служащего контейнерного термиизла, который взял на себя роль нашего гида.

— Это зависит от площади. Квадратный фут...

— У иас принято считать на квадратные метры.

— Минуточку...

Томас достает из кармана мини-калькулятор, быстро нажимает клавиши.

— Примерно две с половииой — три тысячи гонконгских долларов за метр. Есть, разумеется, подешевле там, виизу, а есть и дороже. В общем,— улыбается он,— если вы располагаете миллионом, здесь, близ вершины, можете подыскать неплохую квартиру.

— А ну-ка, Томас, прикиньте, за какое время житель Гонконга накопит миллион, если он имеет среднний для колонии заработок — 400 гонконгских долларов?

— Не стоит терять времени, не накопит. Он будет жить вон там,— Томас показывает вниз, где на глади залива, как прибитые друг к другу течением щепки, стоят борт к борту тысячи джонок.— Или там,— жест в сторону, где лепятся хижины из листов фанеры, жести, ящиков и коробок.

Сейчас население колонии, территория которой составляет немногим более тысячи квадратных километров, приблизилось к пяти миллионам. Подавляющее большиинство — беженцы из Китая. Как утверждают, часть прибыла официально, но в основном они перебираются через границу нелегальио. Если беглеца на границе поймает полиция, вериет обратно в Китай. И не вернет, если удастся доказать, что в Гонконге у новоприбывшего есть родственники.

Восточная архитектура соседствует с модернистской

Даже если они и в самом деле существуют, вряд ли беженцу стоит рассчитывать на их помощь: богатые и щедрые дяди существуют лишь в сказках. Выходит, остается надеяться лишь на собственную предприимчивость. Из особенно «предприимчивых» сколачиваются многочисленные банды, которые занимаются рэкетом, торговлей наркотиками, содержат заведения для азартных игр... У этих заводятся деньжонки. Большинство же вновь прибывших влачит полуголодное существование в «бидонвилях» или на джонках.

Население Гонконга растет в стремительном темпе. Главным образом благодаря притоку беженцев с материка оно увеличилось за последние 20 лет примерно в 8 раз. Поселки переселенцев — приюты нищеты — множатся, разрастаются. В одном из них на квадратном километре живет 160 тысяч человек.

Джонки для многих и многих гонконгских китайцев — и «орудие труда», и транспорт, и дом родной. Например, в проливе между островом и Коулуном, а также в Абердине на воде образовались настоящие поселки. На корме джонок в ящиках с землей зеленеют овощи. Ребятня скачет с борта на борт, занятая своими играми. Самые маленькие привязаны за пояс веревкой — как бы кто невзначай не свалился в воду. В погожие дни часть джонок выходит в море на лов...

С вершины горы Виктории, куда мы наконец добрались, скопление джонок в проливе как на ладони. Будто специально для контраста с этим первобытным миром с противоположной стороны

пролива далеко выдается в водную гладь взлетно-посадочная полоса аэропорта Кай-Так. Совершая замысловатые развороты у кромки гор, снижаясь над самыми крышами домов, идут на посадку могучие лайнеры и спешат освободить полосу для своих воздушных собратьев, берущих курс на Токио, Манилу, Бангкок, Дели, идущих по другим международным линиям, которые пересекаются в Гонконге.

Примечательная деталь: аэропорт Кай-Так — важный источник дохода Англии в Гонконге. Прибыль составляет 170 миллионов долларов в год и покрывает пассивное сальдо торгового баланса, ведь Англия покупает здесь больше, чем продает.

Да и сам Гонконг — один из последних осколков некогда могущественной Британской империи — принадлежит теперь ей, пожалуй, лишь номинально. Между тем по-прежнему губернатор, назначаемый за тысячи километров от колонии — в Лондоне, возглавляет исполнительный и законодательный советы, членов которых он подбирает и утверждает сам. Единственные выборные лица в Гонконге — члены муниципального совета, да и то в основном они занимаются вопросами дорожного строительства.

Цифры наглядно показывают, кто истинный хозяин в этом важном стратегическом пункте Азии. Американские вклады в экономику Гонконга составляют свыше половины всех иностранных капиталовложений. Английский же капитал лишь на третьем месте (8 процентов), уступая еще и японскому. Деньги вложены главным образом в электронную, текстильную и химическую промышленность и приносят неплохой доход.

В тесном контакте с представителями международного монополистического капитала действует местная китайская буржуазия. Именно в ее руках в конечном счете находятся рычаги гонконгской экономики. Многие ее представители имеют деловые связи с Китаем. В миланской «Эпоке» появилась статья под красноречивым заголовком: «Гонконг — британская колония под контролем Пекина». В ней, в частности, говорится: «Здесь можно встретить богатых бизнесменов, заправляющих делами в крупных торговых фирмах, ресторанах, компаниях морских перевозок и носящих в кармане мандат члена Всекитайского собрания народных представителей. Короче говоря, в Гонконге представители Китая не только приспособились к существующим порядкам, но и научились весьма ловко и цинично использовать противоречия капитализма, которые здесь выступают особенно ярко и многообразно».

В общем номинальные владельцы колонии оказались оттесненными даже не на вторые, а на третьи роли. Как слабая попытка англичан поправить свои финансовые позиции расценивается их план строительства нового аэропорта на острове Ланьдао. Это самый крупный из тридцати трех островов, прилегающих к Коулуну. Пока он выглядит пустынным. Оно и понятно: это не Гонконг, который соединен с материковой частью кроме паромной переправы еще и туннелем под проливом.

Залитый огнями туннель как-то незаметно переходит в улицы Коулуна. Понимаешь, что кончилась подземная трасса, лишь по морю реклам, ярко горящим в темноте тропической ночи витринам. Одна из них задержала наше внимание изделиями из слоновой кости, яшмы, кораллов. Здесь же модель средневекового китайского судна метра два в длину с многочисленными фигурками на палубах,

Пагода в Шатине

тончайшей резьбы башенками, надстройками. Все из слоновой кости. Заметив, что мы заинтересовались витринным экспонатом, из магазина вышел молодой продавец, пояснил:

— Старинная работа. Настоящая слоновая кость. 400 тысяч долларов. Конечно, не дешево, но ни в Европе, ни в Америке за такие деньги ничего подобного не купите. Не подходит? Зайдите посмотреть кое-что другое...

Магазинчик выглядит восточным музеем. Ювелирной работы фигуры, вырезанные из целого бивня, затейливые костяные пагоды, композиции из красного коралла, неизменные толстопузые будды...

— Завтра увидите десять тысяч будд,— сказал Томас на прощание, когда мы глубокой ночью добрались до нашего судна.

Утром у трапа нас уже ждала его машина. Он резко взял с места, и мы помчались на Новую территорию. Остановки на дороге, петляющей среди вечнозеленого леса, запрещены, но вдруг показалось несколько машин, притулившихся к обочине, и группа людей, окруживших каких-то животных. Показалось — собак.

— Обезьяны,— пояснил Томас.— Сейчас им мало достается: не туристский сезон...

Наш путь пролегает по живописным местам. С автострады открываются зеленые гористые дали. Одна вершина справа напоминает спящего льва. На макушке другой, отмеченной на всех туристских картах, высится каменный столб причудливой формы, похожий на фигуру женщины с привязанным за спиной ребенком. Долина у подножия гор разделена на крохотные участки — здесь крестьяне выращивают овощи. Но лоскуток земли может обеспечить лишь полуголодное существование для многодетных, как правило, семей.

А вот и Шатин — крохотный поселок с большим торговым кварталом в центре. Минуем узенькие улочки и... упираемся в стройку. Идет сооружение шоссейной дороги в Китай. Неподалеку туда же тянут вторую железнодорожную колею. Как видно, связи Пекина с английской колонией предполагается еще более расширить.

Цель нашей поездки — храм десяти тысяч будд — находится неподалеку от Шатина, на вершине горы. Из-за деревьев видна макушка пагоды. Но как туда добраться? После долгих поисков нашли скрытую среди зелени, выложенную бетонными плитами дорожку. Она петляет в лабиринте крохотных лавочек, харчевен. Сейчас здесь затишье, но, как сказал Томас, в дни религиозных праздников к храму устремляется множество людей. Тогда у торговцев горячая пора.

Идем через бамбуковые заросли, где нет никакого движения воздуха. Жара и духота мгновенно дают себя знать. Подъем кажется бесконечным.

Запыхавшись, добираемся наконец до плоской вершины горы. Перед нами большое квадратное здание с тремя широкими проемами по фасаду. Внутри, у дальней стены, три золоченые фигуры выше человеческого роста. Это, так сказать, главные будды. А вдоль стен от пола до потолка на полочках множество маленьких, сантиметров по 30 высотой, фигурок. На первый взгляд все одинаковы, однако, присмотревшись, находишь разницу. То палец на руке иначе отставлен, то глаза полуприкрыты или, наоборот, пристально смотрят на посетителей, то еще какая-нибудь мелочь отличает одно божество от другого. Двух совершенно одинаковых фигурок не сыщешь.

Перед храмом и у самого порога тлеют ароматические палочки, голубой дымок вьется в неподвижном воздухе. Под навесом, словно прячась от жгучего солнца, выстроились тоже фигуры будд. Весь ансамбль заканчивается еще двумя буддами, восседающими на слонах и как бы сопровождающими третьего, выточенного из белоснежного камня. Над ними высится многоэтажная пагода — та самая, которую мы видели снизу, из Шатина.

Не обошлось без пузатеньких божков и в Парке тигрового бальзама — еще одной достопримечательности колонии. Его соорудил на склонах горы Виктория на острове Гонконг некий предприимчивый торговец, разбогатевший на продаже тигрового бальзама, который можно отыскать в городских лавчонках.

Посмотреть в парке было на что. С улицы через ворота, выполненные в китайском стиле, попадаешь на площадку, ограниченную высокой декоративной стеной с раскрашенными фигурами птиц, зверей, драконов. Вверх тянется переплетение узких лестниц. То они

ведут на крохотную смотровую башенку, то заставляют столкнуться нос к носу с очередным буддой, то приводят к барельефу, изображающему средневековые казни в Китае. Одному несчастному отпиливают голову, другого зажали между жерновов, третьего казнят на каком-то сложном сооружении.

Рядом с жутковатым барельефом высятся три фигуры в человеческий рост — не то грозные божества, не то сказочные страшилища. А чуть поодаль еще один будда взирает на мир бесстрастным взором.

Одновременно с нами Парк тигрового бальзама осматривают трое говорящих между собой по-английски высоких мужчин в штатском, но явно с военной выправкой в сопровождении китаянок. Они добросовестно пытаются прокомментировать изображенные на барельефах сцены. Нетрудно догадаться, что девушки — те самые эскорт-гёрлз, которых настойчиво рекомендуют приезжим путеводители в качестве лучших гидов да и вообще спутниц, знающих, как помочь приезжему скоротать время. На некоторых рекламах под портретами таких девушек не указывают даже их имен, а просто ставят порядковый номер или обозначают так: Ева-1, Ева-2 и т. д. Звоните по телефону и вызывайте к себе эскорт-гёрл, скажем, номер 18.

В телефонном справочнике помещены рекламы «Эскорт сервис», «Эскорт лимитед», «Ройял эскорт», «Утопиан эскорт» и прочих «фирм», конкурирующих с ночными клубами, стриптизными и прочими подобными заведениями.

Под конец нашей поездки Томас предложил «гвоздь программы» — ресторанчик с китайской кухней. Без сопровождающего разобраться в меню было бы невозможно: названия блюд, даже написанные латинским шрифтом, новичку ничего не говорят. Томас взял на себя обязанность сделать заказ.

Приветливо улыбающийся хозяин ресторанчика ловко выхватил из поднесенного чана горячие влажные махровые полотенца, чтобы гости могли освежить лицо, протереть руки. Официант подал нам в крохотных чашечках крепко заваренный чай, а рядом поставил еще по стакану того же традиционного восточного напитка без сахара, дабы запивать блюда. Для аппетита были предложены кусочки капусты, необычно приготовленной, напоминающей по вкусу мандарин. Тут же появились блюдечки с соусами для печеных шариков из рыбного фарша и крабов, кусочков вареной свинины. Затем последовала курица с листьями перца, обжаренными в кипящем масле и хрустящими на зубах. «Первое действие» увенчал рисовый суп.

«Второе действие» началось с того, что официант водрузил на стол газовую плитку, присоединил ее шланг к баллону, скрытому под скатертью, чиркнул спичкой и поставил на голубое пламя довольно солидную кастрюлю. Пар из-под крышки дразнил аппетит. Чего только не оказалось в кастрюльке! Мы извлекали из нее палочками на тарелки говядину и свиную кожу, в разваренном виде похожую на обрывки резиновой губки, вылавливали трепангов, кусочки кальмаров, овощи, грибы. Грибы же подали и отдельно, в грубой глиняной миске. Оставшийся бульон — крепкий, пахучий — разлили в чашки. А завершилась трапеза опять-таки крохотными чашечками крепкого чая.

После обеда пришлось распрощаться с любезным Томасом Ю, он

и так потратил на нас бóльшую часть дня. В порт решили доехать на двухэтажном трамвае, но сошли не на той остановке и оказались в районе знаменитых гонконгских «щелей». Название этих улочек как нельзя более точное. Бесчисленные прилавки, вешалки, ящики с вынесенными из лавчонок товарами обступают прохожих, так что разминуться со встречным трудно. А товары тут на любой вкус. Джинсы и транзисторы, парфюмерия и посуда, жевательная резинка и порнографические издания. Для любителей сувениров найдутся маски из раскрашенной глины и красного дерева, забавные резные фигурки рыболовов и прекрасные морские раковины...

Рядом все время вертелись какие-то молодчики с настороженными и хитрыми глазками. Наши скромные покупки — две декоративные маски,— видимо, навели их на мысль, что не торговые интересы привели нас сюда, и один из этих щуплых юношей, хитро подмигнув, показал из-под куртки раскрытую коробочку с сигаретами. Намек был достаточно ясен: могут продать наркотик.

Гонконг прочно удерживает незавидную славу одного из крупнейших (если не самого крупного) центров торговли этим зельем. Британская колония считается важным пунктом транспортировки опиума из так называемого золотого треугольника на границе Лаоса, Кампучии и Таиланда. А главное, пожалуй, то, что Гонконг не знает соперников по количеству перерабатываемого в героин опиумного сырья.

Как раз в те дни, когда мы были в Гонконге, в здешней газете «Саут-Чайна морнинг пост» появилась статья, в которой говорилось об усилиях таможенников и полицейских инспекторов перекрыть морские каналы поступления сырья для подпольных лабораторий. В один из дней «таможенная команда» захватила три фунта опиума стоимостью примерно в 47 тысяч долларов. Операция по захвату оказалась успешной потому, что за судном, где обнаружился этот груз, следили долгое время. Но сколько подобных суденышек курсирует между Гонконгом и другими портами Юго-Восточной Азии! Разве за всеми уследишь!

А кто же потребители наркотиков? Главным образом обездоленные, стремящиеся отрешиться от ежедневных забот о чашке риса, о крыше над головой, о том, как заработать хоть какие-нибудь гроши, чтобы прокормить семью. Неуверенность в будущем, беспросветность жизни — чем скрасить ее?

От 60 до 100 тысяч наркоманов насчитывается в британской колонии. Нельзя сказать, что здесь вовсе не пытаются помочь несчастным. Но клиники для их лечения переполнены и всех, конечно, принять не могут. Вряд ли стоит возлагать большие надежды на открывшийся в колонии центр иглоукалывания, где с применением электростимуляции намерены лечить тех, кто уже не представляет себе день без порции героина. Ради нее иные готовы идти на все. Не случайно же 60 процентов правонарушений в Гонконге совершается людьми, постоянно употребляющими наркотики. Что касается лечения, то в нем нуждается само общество — уродливый плод колониализма и монополистического капитализма.

...Катер везет нас на судно. За спиной по черной воде скачут цветные зайчики реклам, залив отражает огни небоскребов, выстроившихся вдоль набережной. Они стеной прикрывают одноэтажный Гонконг, но ничем не скрыть его подлинное лицо, как бы ни

старался этот двуликий Янус белозубо улыбнуться.

Гонконг по-китайски называется Сянган. В этих словах слышатся удары восточного гонга, зовущие в экзотическое путешествие. Экзотики на одной из оконечностей огромного Азиатского материка предостаточно. И такой, какую рекламируют глянцевые проспекты бюро путешествий, и такой, от которой, как откровенно говорится в туристском справочнике, «мороз по коже». Все это уживается на крохотном, плотно населенном пятачке, который, словно в насмешку над здравым смыслом, сохраняется в современном мире как некий «заповедник» колониальных джунглей, где старые хищники со стертыми зубами уступили место новым, еще более жадным и свирепым.

РУСЛАН СКРЫННИКОВ

СИБИРСКАЯ ОДИССЕЯ

Художник К. АЛЕКСАНДРОВ

Сибирская одиссея Ермака была своего рода прелюдией к миогочислеииым экспедициям XVII века, позволившим обследовать громадиые простраиства иа северо-востоке Азиатского материка. Казаки Ермака проложили путь в Западную Сибирь. По их следам иа восток двииулись землепроходцы. На их долю выпала честь блестящих географических открытий в Сибири и иа Дальием Востоке. Их походы обогатили географические позиаиия человечества, раздвииули кругозор современников.

Интерес к экспедиции Ермака иикогда ие иссякал. Ее история обросла множеством легенд. Предводитель казаков стал одним из самых излюблеиных героев народных песеи и сказаиий. Каковы же были подлиииые обстоятельства сибирского похода Ермака? Где пролегали его маршруты? Ответить иа эти вопросы помогают казачьи «сказы», сохранениые раиииими сибирскими летописями. «Сказы» заключают в себе некоторые этнографические сведеиия, заслуживающие особого вниманиия.

Волжские казаки созвали войсковой круг в своем лагере иа реке Яик и прииялн решение о выступлении в Зауралье в тот момеит, когда Русское государство только что завершило кровопролитиую войну с королем Стефаном Баторием. Большая часть участников круга во главе с атамаиом Ермаком иезадолго до того вернулась в Поволжье с театра воениых действий на западиых граиицах. Прочие казаки, окружавшие атамаиа Иваиа Кольцо, ие покидали родиых мест в последний год Ливоиской войиы. Но и оии ие выпускали из рук оружия.

На Нижней Волге и Яике кочевали татары из состава Большой Ногайской орды. Незадолго до нападеиия Батория иа Псков 15 тысяч ногайских всадииков вероломно вторглись в русские пределы. Давиий вассал царя иогайский киязь Урус замышлял большую войиу. Москва, имевшая против себя Польшу и Литву, Швецию, Ливоиию, Даиию, крымских татар, пыталась иейтрализовать еще одиого возможиого противиика. Ее дипломаты пригрозили Урусу тем, что казаки разорят иогайскую столицу. Угроза оказалась ие

пустой. Волжские казаки дотла разорили Сарайчик. Набег отрезвил властителей орды. Урус направил в Москву посланника с мирной миссией. Но в истинных намерениях орды разобраться было весьма трудно: в то время как посол двигался в Москву в сопровождении 300 всадников, другой отряд, из 600 всадников, стал грабить русские села. Атаман Иван Кольцо разбил сначала один, а затем и другой татарский отряд. Во втором случае он действовал по приказу из Москвы. Захваченных языков он прислал в столицу, рассчитывая на поощрение. Но царь Иван не простил вольным атаманам разгрома посольского каравана. В критический момент Ливонской войны он старался любой ценой удержать Ногайскую орду от враждебных действий. И вот татарин, захваченный при грабительском нападении на Русь, был освобожден, а доставивший его в Москву казак обезглавлен. Князя Уруса уведомили, что атаман Иван Кольцо и другие «воровские» казаки, разгромившие его посольский караван, будут изловлены и казнены. Но и это не испугало вольных казаков. Они продолжали военные действия против орды на свой страх и риск, и их смелые рейды производили куда большее впечатление, нежели увещевания царских дипломатов. Ногайские мурзы обратились в Москву с просьбой «свести» казаков с Волги, чтобы им (мурзам) «от казаков жити безстрашно», сообщив при этом, что князь Урус откочевал в устье Яика «блиско моря», а Бек-мурза ушел к границам с Юргенчем.

Соединив свои силы на Яике, Ермак и Иван Кольцо получили возможность окончательно разгромить Ногайскую орду. Но казачий круг отверг такую возможность и принял решение о походе в неведомый Сибирский край. Руководителем экспедиции казаки выбрали атамана Ермака Тимофеевича, а в помощники ему определили атаманов Ивана Кольцо, Богдана Брязгу и четырех есаулов. Установить имена есаулов помогают подлинные книги Чудова монастыря с записями о пожертвованиях сибирских казаков, только что вернувшихся из экспедиции. Самый крупный вклад дал «сибирской отоман Иван Олександров сын, а прозвище Черкас». Ермак был очень расположен к Ивану Александрову и именно его послал в Москву с донесением о «сибирском взятии». Близким соратником Ермака был Матвей Мещеряк, принявший на себя командование после гибели прославленного предводителя.

Других командиров войсковой круг избрал из числа сподвижников Ивана Кольцо, вместе с ним громивших ногайцев на Волге. Документы Чудова монастыря называют имя сибирского атамана Савы Сазонова сына, по прозвищу Болдыря. Летописи упоминают также атамана Никиту Пана.

Вольные казаки придерживались демократических порядков. Самые ответственные решения Ермак и выборные атаманы принимали по совету и приговору всего «товарищества». Войсковой круг поддерживал в отряде строжайшую дисциплину.

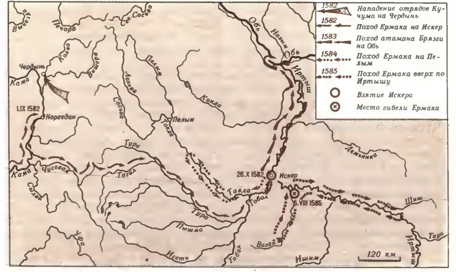
Собравшись на Яике и Иргизе, «товарищество» решило направиться в Пермский край. Казаки двинулись туда по призыву Максима Строганова. Богатые приуральские солепромышленники давно замыслили поход в Сибирь. В конце Ливонской войны им, однако, не хватало сил для осуществления своих давних планов. Пришлось закрыть половину камских варниц, от которых они получали наибольшие доходы. Наконец, во владения Строгановых

вторглись из Зауралья вассалы сибирского хана Кучума, и одновременно восстали местные племена вогуличей-манси, жившие подле строгановских «городков». Работы на уцелевших соляных варницах прекратились, что грозило промышленникам подлинным разорением.

Пермские именитые люди легко усмирили бы малочисленных аборигенов Прикамья, если бы те не пользовались поддержкой Кучума. Образовавшееся после распада Золотой орды Сибирское ханство занимало обширные пространства по течению рек Туры и Тобола, Иртыша и Оби. На юге его границы проходили в Барабинских степях. Помимо татарских улусов хану Кучуму подчинялись соседние племена хантов и манси, обитавшие на Оби, Иртыше, Тавде, Пелыме и в некоторых местах на западном склоне Уральских гор. С падением Казани сибирский хан признал себя данником Москвы. Кучум, завладев сибирским троном, продолжал платить дань царю, но затем порвал даннические отношения и задумал вытеснить русских из Приуралья, пользуясь их поражением на Западе.

Пригласив казаков на Урал, Строгановы не могли рассчитывать на то, что силами нескольких казачьих сотен им удастся сокрушить Кучумово царство. Планируя сибирскую экспедицию, они надеялись ослабить военное давление со стороны Сибирского ханства, восстановить свою власть над восставшими манси Прикамья и вновь пустить в ход промыслы. Придет время, и Строгановы начнут доказывать, будто Сибирь взята их промыслом и радением, будто они послали за Камень наиболее боеспособные силы — 300 немецких, литовских и прочих «воинских людей», якобы ставших ядром экспедиции, будто они обильно снабдили отряд артиллерией, боеприпасами и продовольствием. Ранние источники начисто опровергают эту басню. На Чусовой Ермак набрал «тутошних людей 50 человек». Только часть из них были строгановскими людьми. Пермские вотчинники могли извлечь немалые выгоды из освоения Сибири, но отказались от мысли послать с Ермаком крупные воинские силы и собственных эмиссаров и ограничились главным образом проводниками. Это объясняется, по-видимому, тем, что они не верили в благополучный исход экспедиции.

Путями сообщения в Зауралье издавна служили реки и ручьи, соединявшиеся в верховьях горными волоками. Но чтобы пользоваться волоками, нужно было хорошо знать особенности уральских рек. После сильных дождей (нередко выпадавших в конце лета) уровень воды в горных речушках поднимался на два метра и более. Пока стояла большая вода, горные перевалы были доступны для речной экспедиции, но паводок держался недолго. После спада воды пользоваться волоком было уже нельзя. Экспедиции Ермака следовало либо сразу вернуться, либо зимовать за Уральским хребтом. Отправившись в поход 1 сентября, казаки могли добраться до Кучумовой столицы на Иртыше не ранее конца октября — начала ноября. Именно в это время сибирские реки покрывались ледяным панцирем. Иртыш неизбежно должен был стать западней для Ермака. Его людям оставалось бы вытащить свои струги на «дикий брег» Иртыша и ждать весны там, где их застали морозы. Экспедиция теряла возможность вернуться на тагильские перевалы или использовать другой путь на родину — через Обь и Печору.

Поход Ермака в Сибирь (по новым исследованиям Р. Г. Скрынникова)

Утратив подвижность, отряд неизбежно становился легкой добычей для татар.

Строгановы прекрасно разбирались в особенностях Приуральского края, чего нельзя было сказать о пришлых волжских казаках. Местные старожилы не могли не знать, что уральские перевалы будут открыты для экспедиции очень недолгое время, а затем Уральские горы захлопнут свои тяжкие врата за спиной смельчаков.

Внезапным набегом казаки могли захватить столицу Сибирского царства, что и надо было Строгановым. Выдержать же длительную войну с Кучумом казакам было не под силу. Без подвоза пороха из Пермского края они очень скоро утратили бы преимущество в вооружении, и тут немедленно сказалось бы громадное численное превосходство войск Кучума. По данным Посольского приказа, сибирский хан мог вывести в поле до 10 тысяч человек. Эта цифра преувеличена, но несколько тысяч воинов у Кучума, бесспорно, было. Что касается Ермака, то он привел с собой 540 казаков.

Эта горстка имела немного шансов удержаться в захваченной столице Кучума, но будущее Ермака и его сподвижников не слишком беспокоило Строгановых. Ради спасения своих соляных доходов они готовы были послать казаков на верную гибель.

Приглашая Ермака, Строгановы обещали снабдить его всеми необходимыми припасами. Когда же настало время выполнить обещание, они проявили обычную скупость и прижимистость. Максим Строганов потребовал, чтобы казаки выдали ему кабальные расписки и после похода вернули припасы «с лихвой». Возмущенные казаки окружили жадного промышленника и едва не пристрелили его. Перепуганный Строганов велел приказчикам открыть амбары и отпустить казакам хлеб по запросу.

Роль Строгановых в организации сибирской экспедиции не следу-

ет преувеличивать. Напомним, что решение о походе было принято войсковым кругом на Яике и Иргизе. В вотчиие же Максима Строганова казаки задержались ровио столько времеии, сколько иадо было, чтобы запастись продовольствием и пополнить свой арсеиал.

Историки расходятся в определеиии маршрута первой сибирской экспедиции. В иовейшем исследоваиии о Ермаке можио прочесть о том, что казаки отправились в путь из Орла-городка вниз по Каме и Чусовой, свериули иа Сылву, там зазимовали, затем вернулись в Чусовской городок и вторичио иаправились к Уральскому хребту, достигли перевала, где и провели вторую зиму. С наступлеиием весны казачья флотилия стала «иеспешно» спускаться по Тагилу, Туре и Тоболу. Добравшись до того места, где Тавда впадает в Тобол, казаки заколебались и решили вериуться по Тавде иа Русь. Однако подступила осеиь, и казаки, продвинувшись почти до Пелыма, отказались от своего плана и возвратились иа Тобол, где перезимовали и провели в бездеятельиости еще год. Лишь осенью оии иакоиец решились атаковать Искер, иаходившийся иедалеко от их зимовья иа Карачине-озере, близ устья Тобола.

Приведеииая схема опирается ие иа самые раииие и достовериые источиики, а иа поздиюю «Историю сибирскую», составлеииую первым сибирским картографом и географом Семеиом Ремезовым в петровские времена. Собрав миожество сведеиий о Ермаке, Ремезов объедииил их путаной, сбивчивой и противоречивой хроиологией. Найдя в Куигуре «Краткий летописец», ои доверчиво заимствовал из иего рассказ о том, как казаки «обмишеиились» и по пути к горным перевалам свериули ие иа реку Серебряиую, а на Сылву. Слишком поздно обнаружив ошибку, оии устроили иа Сылве городище и даже осиовали часовию. Нетрудно догадаться, откуда исходит это куигурское предаиие. После каноиизации Ермака местиое духовеиство объявило, что древнейшую куигурскую часовию основал имеиио ои. Но то был явиый вымысел. Сылвенские земли входили в состав вотчины Максима Строгаиова. Можио ли допустить, что Ермак заблудился в самом иачале своей одиссеи, еще до того, как покииул пределы строгановской вотчины? Такое предположеиие абсурдио. Казаки шли в сопровождении проводииков, или «вожей», хорошо зиавших край. Даже если бы оии по ошибке свериули к Сылве, то ие мииовали бы городка, деревеиь и мельиицы, выстроеииых здесь Максимом Строгановым, и быстро обиаружили бы свою ошибку.

Собствениый летописец дома Строгаиовых полагал, что отряд Ермака отправился с Чусовой в сибирский поход 1 сеитября 1581 года. Из летописи эта дата попала иа страиицы исторических сочинеиий. Ныне ее можио иайти в любом учебнике, в любой моиографии по истории Сибири. Ставшая своего рода хрестоматийиой, эта дата, одиако, не выдерживает проверки самых раииих и иадежных свидетельств.

В коице июия 1581 года комеидаит Могилевской крепости доиосил Баторию о появлении русских и поименно перечислял царских воевод, участвовавших в иападении. Последиими в его списке зиачились «Василий Яиов — воевода казаков донских и Ермак Тимофеев — атамаи казацкий». Василий Яиов служил головой «з доискими и вольскими казаками» до начала 90-х годов. В могилевском походе атаман Ермак был его помощииком. Если в июие 1581 года Ермак

участвовал в литовском походе, то, очевидно, он не мог через месяц или два выступить в сибирский поход из Перми, отстоявшей от Могилева на тысячи верст.

Некоторые историки высказали догадку о существовании двух атаманов по имени Ермак, один из которых находился на правительственной службе, а другой попал в строгановские вотчины. Если принять такое предположение, тогда нужно прийти к выводу, что двойники были не только у Ермака, но и у его сподвижников по сибирскому походу — атаманов Ивана Кольцо, Никиты Пана и Савы Болдыри.

В подлинных книгах Посольского приказа говорится, что 28 августа 1581 года в Москву «прибежали» татары из свиты ногайских послов, ехавших к царю, и сообщили, что «на Волге казаки Иван Кольцо, да Богдан Борбоша, да Микита Пан, да Сава Болдыря с товарищами» погромили ногайское посольство на перевозах под Сосиовым островом. Государев гонец И. Пелепелицын, сопровождавший ногайское посольство, прибыл в Москву 1 сентября 1581 года и подтвердил сведения о волжском разгроме. Посольский приказ описал деяния атаманов с протокольной точностью. Будущие сподвижники Ермака Иван Кольцо и Никита Пан громили ногайцев на Нижней Волге, за сотни верст от Перми, а следовательно, не они, а разве что их двойники могли отправиться в поход в начале сентября 1581 года.

Пути Ивана Кольцо и государева гонца Пелепелицына сошлись еще раз. Случилось так, что Пелепелицын в 1582 году был воеводой в Чердыни. В последние летние дни на Чердынь напали воины Кучума. Незадолго до этого Пелепелицын узнал, что в вотчине Строгановых появились те самые волжские атаманы, которые нанесли непоправимый ущерб его дипломатической карьере годом ранее. Атаманы не оказали чердынскому воеводе никакой помощи: в день штурма Чердыни они выступили в зауральский поход.

Пелепелицын не упустил случая отомстить своим давним недругам. Он послал донос царю Ивану. 16 ноября 1582 года царь приказал Строгановым немедленно вернуть Ермака из сибирского похода и впредь не затевать войны с Кучумом.

Царская грамота, сохранившаяся до наших дней в оригинале, замечательна в двух отношениях. В ней указана точная дата начала сибирской экспедиции, а кроме того, она развеивает миф о «воровстве» Ермака. Поздние летописцы утверждали, будто Ермак грабил на Волге торговые караваны с государевой казной и даже персидских послов. В действительности же суда персидских послов подверглись нападению волжских казаков спустя три года после гибели Ермака. Если бы Ермак был повинен в разбое, власти распорядились бы изловить его и повесить. В подлинной царской грамоте об этом нет и речи. Более того, Иван Грозный повелел вернуть отряд Ермака из сибирского похода и поручить ему оборону крепостей Чердыни и Соли-Камской. В Москве хорошо знали имя атамана и ценили его боевые заслуги. Однако царский гонец запоздал, и Ермак так и не узнал о приказе из Москвы.

Не ведая о нападении сибирских татар на Чердынь, казаки отплыли из владений Строгановых вверх по Чусовой. Западные отроги Уральских гор весьма протяженны и заполняют междуречье Чусовой и Камы. Оттого у Чусовой обрывистые, скалистые берега,

поднимающиеся иногда на 100—200 метров. Кое-где посреди быстрины из воды выступают огромные камни. Вместе с многочисленными подводными камнями и мелями эти скалы таили большую опасность для казачьих стругов. Чем дальше поднимались казаки вверх по Чусовой, тем больше сил приходилось тратить гребцам, чтобы преодолевать течение. Во многих местах суда приходилось тянуть бечевой. Но многие казаки бурлачили на Волге, так что дело это было им не в новинку.

С Чусовой экспедиция повернула на Серебрянку. Свое название эта река получила за чистую, прозрачную воду, отливавшую серебром. Но берега ее сузились до 10—12 метров, а течение было еще более стремительным, чем на Чусовой. Чтобы дать отдых людям, Ермак сделал остановку на длинном, в полверсты, лесистом острове. В память об этом он получил впоследствии название Ермаков остров.

Все дальше и дальше на восток продвигался казачий отряд. Сырые ущелья, дикие и угрюмые скалы остались позади. Впереди лежали перевалы Среднего Урала. Горы в тех местах подверглись сильному разрушению. Самыми заметными вершинами, постоянно маячившими перед путниками, были горы Высокая (444 метра над уровнем моря) и Благодать (382 метра). Ермаку предстояло решить весьма трудную задачу — переправить через горы целую флотилию, насчитывавшую несколько десятков тяжело груженных судов.

В каком пункте экспедиция Ермака переправилась через Уральские горы? На этот счет источники сообщают разноречивые сведения. В «Описании Сибири» говорится, будто Ермак двинулся с Камы вверх по Утке-реке, дождался зимнего пути и на лыжах и нартах перевалил Камень в Верхотурье до верховьев реки Ницы. Эти сведения записаны через сто лет после завершения экспедиции и потому недостоверны. Согласно строгановскому летописцу, экспедиция шла четыре дня по Чусовой до устья Серебрянки, два дня по Серебрянке, откуда волоком «перевезлася» на реку Журавлик, по

которой спустилась иа Туру и попала в Сибирь. Нетрудно заметить, что представления летописца об уральском отрезке пути Ермака не отличались четкостью и определеиностью. Попасть с Журавлика (приток Баранчука) прямо на Туру было попросту иевозможио.

Наиболее точно маршрут экспедиции описаи в летописи, автор которой имел доступ к материалам Посольского приказа. Чииовники приказа, ведавшего сиошеииями с Сибирью, подробио расспросили посланцев Ермака и в итоге составили следующую роспись дороги за Камень: «А приход Ермаков с товарыщи в Сибирскую землю с Еика на Иргизские вершииы... а Волгою шел Ермак вверх... а из Камы-реки поворотил направо в Чюсовую реку... а из Чюсовой реки в Серебреиую реку, а Серебреиая река пришла от Сибирской страны в Чюсовую реку с правой стороиы, и Серебреною рекою вверх же, а с Серебреиой реки шел до реки до Бороичюка волоком и суды иа себе волочили, а рекою Борончюком вниз в реку Тагил, а Тагилом рекою плыли на ииз же, в Туру-реку». Казаки дали редкое по точиости описание своего маршрута, и если оии ие упомянули о притоке Баранчука Журавлике, то лишь потому, что это русское название, очевидно, появилось миого позже. Более крупные речки носили древние имеиа, даииые им автохтоиами.

Маршрут Ермака ие был забыт последующими поколеииями. Этому способствовало и то, что иа уральских перевалах остались явствеииые следы экспедиции. Уральские старожилы еще в XVIII веке могли указать места, где экспедиция вынуждеиа была оставить тяжелые суда. Одии из строгановских историографов писал в конце XVIII века: «Струги Ермаковы... и поиыне есть миогим лесиикам известны, ибо где оиые на берегах оставлены, вырос иа них кустариик немалой». Коиечно, брошеииые иа Серебряике суда могли принадлежать ие только Ермаку, а в гораздо большем числе — царским «судовым ратям», следовавшим по его пути. Но в любом случае оии служили ориеитиром для тех, кто позже искал маршрут первой сибирской экспедиции. К числу их принадлежали замечательиый сибирский картограф Семен Ремезов и его сыновья. В «Служебиой чертежиой книге» оии поместили карту Урала с пометой «волок Ермаков» и обозиачили пуиктиром путь отряда по реке Серебрянке, ее притоку реке Чуй и за волоком по рекам Журавлик, Бараичук и Тагил. Карта Ремезова, которая храиится в рукописиом отделе Публичиой библиотеки в Леиииграде, дополияет летописиый материал.

Послаицы Ермака, описывая путь от Чусовой до Иртыша, ии словом не обмолвились о каких бы то ии было длительных остановках или зимовьях своего отряда. Ермак поиимал, что только стремительное и внезапиое иападение может привести его к победе, и потому спешил изо всех сил. Волжские казаки ие раз преодолевали миоговерстиую переволоку между Волгой и Доном. Но путь по горным перевалам был сопряжеи с несравнеиио большими трудностями. Традициоииые русские волоки представляли собой накатанную дорогу, приспособлеиную для катков, по которым перетаскивали довольио крупиые речиые суда. Но иа уральских перевалах никакой торной дороги экспедиция, естествеиио, ие иашла. С топором в руках казаки расчищали завалы, валили деревья, рубили просеку. У них не было возможиости выровиять камеиистый путь, волочить суда по земле, используя катки. По словам участников

похода, они тащили суда в гору «на себе», иначе говоря, на руках.

По перевалу проходила граница между Европой и Азией. Дав передышку людям, Ермак отдал приказ начать спуск судов по азиатскому склону Уральского хребта. На спуск казаки затратили немало сил. Но уже не потребовалось такого напряжения, как при подъеме.

Переход казаков за Камень нашел отражение в народных преданиях и песнях.

Где Ермаку путя искать?
Путя ему искать по Серебренной реке.
... По Серебренной пошли, до Жаравля дошли.
Оставили оне тут лодки-коломенки,
На той Баранченской переволоке,
Одну тащили, да надселися,
Там ее и покинули.
И в то время увидели Баранчу-реку
Обрадовались, поделали баты сосновые и лодки-набойницы...

Река Баранчук образуется из слияния двух ручьев и имеет протяженность 65 километров. У этой горной речки очень крутые берега и в истоках небольшая глубина. Следуя вниз по течению Баранчука,экспедиция достигла реки Тагил. Берега расширились тут до 60—80 метров, а глубина увеличилась до полутора метров. На Тагиле можно было найти удобное место для «плотбища», или верфи. По берегам много леса. В исторических песнях так говорится об этом этапе пути:

И скоро они выплыли на Тагил-реку.
У того Медведя-камня,
У Магницкой горы становилися.
А на другой стороне у них было плотбище:
Делали большие коломенки,
Чтобы можно совсем убратися.

Местом стоянки Ермака впоследствии пользовались другие «судовые рати». Не удивительно, что со временем тут возникло городище. Академик П. С. Паллас видел его остатки в XVIII веке. В дальнейшем городище разрушилось, и его местонахождение было забыто. Лишь после долгих разысканий археологу профессору О. П. Бадеру удалось вторично найти его против Медведь-камня на правом берегу Тагила.

За Уралом казакам не пришлось уже идти против течения, выбиваясь из сил. В предгорьях сибирские реки быстро несли их суда вниз. Восточные отроги Уральских гор в отличие от западных имеют малую протяженность. С быстрого Тагила флотилия Ермака попала на медленные воды Туры. По этой реке казакам предстояло проплыть наибольшее расстояние—несколько сот верст. Ширина ее—от 80 до 200 метров, глубина—до 6 метров, дно песчаное, без порогов, река петляет посреди открытых и ровных берегов. С Туры экспедиция попала на Тобол, протекавший по болотистой и лесистой равнине. Пройдя примерно 150 верст по Тоболу, отряд достиг Иртыша.

Флотилия Ермака стремительно двигалась на восток, используя течение и попутные ветры. Судовым кормчим пришлось впервые

прокладывать путь по совершенно незнакомым местам, что требовало особой осмотрительности и хороших навигационных навыков. Казачьи струги, приспособленные для плавания на море, шли под парусами, лавируя на многочисленных речных поворотах. Гребцы, сменяя друг друга, налегали на весла. Отплыв из Чусовских городков 1 сентября 1582 года, флотилия бросила якоря на Иртыше, близ устья Тобола, 26 октября.

В начале XVII века в Тобольске еще жили казаки, участвовавшие в сибирской экспедиции Ермака. Первый сибирский архиепископ, задумав учредить поминание «убиенным» соратникам прославленного атамана, велел расспросить ветеранов, и те принесли к нему «списки (записи речей.— *Р. С.*), како они прийдоша в Сибирь и где у них с погаными агаряни были бои и кои из них именем атаманов и казаков побиша». Запись воспоминаний очевидцев была воспроизведена в следующих строках синодика Ермаковым казакам: «... у реки Иртыша на брегу под Чювашею бысть с ними (татарами.— *Р.С.*) первой бой охтебря в 26 день... и на том деле убиенным... вечная память».

Воспоминания очевидцев неопровержимо доказывают, что свой первый за время стремительного двухмесячного перехода бой с татарами казаки провели и выиграли на берегах Иртыша. Как же отнестись к многословным рассказам поздних летописцев и писателей XVII—XVIII веков, согласно которым Ермак продвигался по сибирским рекам «неспешно», «с искусом» в течение двух лет, и за это время выдержал два трехдневных сражения с татарами и одно пятидневное, когда казачьи кони «по чрево бродили в крови»? Все эти впечатляющие детали имели, как видно, чисто художественное значение.

В сочинении С. Ремезова можно обнаружить фрагменты ранних кунгурских «сказов», которые разительно противоречат всем остальным его рассказам. Казаки, как повествуют «сказы», «видевше и разумевше, что Сибирская страна богата и всем изобилна и живущие люди в ней невоисты». Плывя по диким местам с крайне редким и невоинственным населением, казаки совсем забыли об осторожности, о чем свидетельствует эпизод, происшедший на Тоболе, менее чем в 90 верстах от Искера. «...Ту Ермаков ертаульный струг похитиша бусурманы пред ними (перед казачьей флотилией.— *Р.С.*) с версту: казацы же велми гряпуша... и ту своих выручиша вскоре невредимых». Искусные охотники и звероловы, вогуличи выследили и захватили сторожевой казачий струг, но потом они проявили такую же беспечность, как и казаки, что позволило Ермаку выручить своих товарищей.

Одна из первых стычек с татарами произошла у Епанчина, на реке Туре. В литературной повести С. Ремезова эта стычка описана как бой «по многи дни с князем Епанчей», после которого казаки взяли «град Тюмень» и «царя Чингызы убиша и ту зимоваша». Во времена Кучума никакого «царя Чингиза» в Сибири, разумеется, не было. Что же говорили о первой стычке ее непосредственные участники? Посланец Ермака атаман Иван Александров, прибыв в Москву, описал первое столкновение с татарами кратко и без прикрас. Посольский приказ записал его «сказку» следующим образом: «Погребли до деревни до Епанчины... И тут у Ермака с татары с кучюмовыми бой был, а языка татарского не изымаша».

Как человек военный, атаман подчеркнул, что Ермак потерпел в первой стычке неудачу, ибо ему не удалось добыть «языка», столь необходимого в начале похода. Более того, бежавшие из-под Епанчина татары добрались до Искера раньше Ермака, и «царю Кучюму то стало ведомо». Иначе говоря, сибирский хан своевременно получил известие о появлении русских и мог хорошо подготовиться к их встрече. Элемент внезапности был безвозвратно утрачен. Однако это не помешало успеху всей экспедиции.

Атаман Александров полагал, что Кучума подвела беспечность. Когда казаки подошли к Искеру, это было для него совершенной неожиданностью, ибо он, по словам атамана, «приходу на себя Ермакова не чаял, а чаял, что он воротитца назад, на Чюсовую».

В действительности эти события объясняются не беспечностью Кучума, а трезвой оценкой им ситуации. Получив точную информацию о малочисленности отряда Ермака, Кучум не мог предположить, что казаки решатся вступить в единоборство с его многочисленными воинами. Кучум знал также, что казаки в случае малейшей задержки в Зауралье окажутся в западне, поскольку перевалы станут недоступны для судов после короткого периода дождей. Вот почему престарелый хан ни минуты не сомневался в том, что с Туры Ермак без промедления повернет вспять.

Появление русских ратных людей в Зауралье отвечало планам самого Кучума. Годом ранее вассалы хана разорили вотчины Строгановых. Безнаказанное нападение убедило татар в том, что русское командование, занятое тяжелой борьбой на ливонских фронтах, вывело из пермских крепостей бóльшую часть гарнизонов. Кучум решил использовать это обстоятельство и изгнать русских из Приуралья. Посланные им отряды вместе с мансийскими князьками в сентябре 1582 года напали на главный опорный пункт русских в Приуралье — крепость Чердынь.

После занятия Искера казаки узнали, что для нападения на Пермский край «царь Кучюм послал сына своего Алея с ратью». Алей был старшим сыном и наследником хана. Отец послал с ним, видимо, лучшие и самые боеспособные силы. Если чердынский воевода, рассуждал Кучум, послал своих ратников за Камень, то русские крепости и вовсе обезлюдели и Алей сможет без труда захватить их. Как только Чердынь окажется в опасности, русские тотчас отзовут своих людей, чтобы оборониться от Алея. Следовательно, появление казаков на Туре не таит никакой угрозы Искеру. Умудренный житейским опытом, правитель татарской орды был трезвым политиком. Но в его расчеты вкралась ошибка.

Когда казачья флотилия появилась на Тоболе и Кучум убедился в своем просчете, он поспешил собрать в столицу татар из близких улусов, а также отряды мансийских и хантских князьков. Татары наскоро устроили засеку на Иртыше, подле Чувашева мыса, и расставили множество пеших и конных воинов вдоль всего берега. Казаки испытали чувство неуверенности при виде бесчисленной вражеской рати, и накануне решающего сражения некоторые из них «восхотеша тоя нощи бежати». Отступление неизбежно привело бы к гибели всего отряда. Но Ермак не для того преодолел все преграды, чтобы отступить, будучи у самой цели. Он приказал своим сотням атаковать врага.

Нет ничего ошибочнее представления, будто сибирские татары не

знали огнестрельного оружия и гром казачьих пушек поверг их в ужас. На самом деле у них давно были свои орудия. Два из них они установили у Чувашева под Искером, два других казаки видели в городище князя Бегиша на Иртыше. По преданию, пушки привезли в Сибирь из Казани. За несколько лет до похода Ермака Кучум обратился в Крым с просьбой прислать ему пушки для войны с московским царем. Но от Крыма до Сибири было слишком далеко.

У Ермака пушек едва ли было больше, чем в городках у Кучума. Но все казаки имели пищали, и в их руках это было грозное оружие. Казаки наивно полагали, будто им удалось заговорить («умолвить») татарские орудия. Кучум не смог успешно применить артиллерию скорее всего потому, что самые опытные татарские воины ушли с царевичем Алеем в поход на Русь.

В бою под Чувашевым мысом казаки в пешем строю стремительно атаковали конное и пешее воинство Кучума и опрокинули его. Хантские князьки, напуганные громом выстрелов, первыми покинули поле боя. Их примеру последовали мансийские воины, укрывшиеся после отступления в непроходимых Ясколбинских болотах. Преследуя бегущего врага, казаки ранили главного татарского военачальника Маметкула. Татары с трудом спасли его от плена и на лодке переправили за Иртыш. Кучум, наблюдавший за боем с вершины Чувашевой горы, отступил на юг, так и не приняв участия в баталии. Победители в тот же день беспрепятственно вступили в покинутую татарами столицу царства.

Местные ханты-мансийские племена, тяготившиеся властью Кучума, проявили миролюбие к русским. Через четыре дня после битвы князек Бояр с сородичами явился в Искер и привез с собой многие припасы. Татары, бежавшие из окрестностей Искера, стали вместе с семьями возвращаться в свои юрты.

Торжествовать победу, однако, было преждевременно. Лихой набег удался. В руки казаков попала богатая добыча. Но на исходе осени они не могли выступить в обратный путь. Пришла суровая сибирская зима. Лед сковал реки, служившие единственными путями сообщения. Казакам пришлось вытащить струги на берег. Началось их первое трудное зимовье.

Кучум тщательно готовился к тому, чтобы нанести русским смертельный удар и освободить свою столицу. Однако ему волей-неволей пришлось дать казакам более чем месячную передышку: надо было дождаться возвращения отрядов Алея из-за Уральского хребта. Во все концы обширного «царства» поскакали гонцы с приказом о сборе воинских сил. Под ханские знамена были призваны все, кто был способен носить оружие. Кучум вновь вручил командование своему племяннику Маметкулу, не раз имевшему дело с русскими. Согласно данным Посольского приказа, Маметкул отправился освобождать Искер, имея в своем распоряжении более десяти тысяч воинов.

Казаки могли обороняться, засев в Искере. Но они предпочли наступление. Ермак атаковал татарское войско в 15 верстах к югу от Искера, в районе Абалака. Сражение было тяжелым и кровопролитным. Много татар полегло на поле брани, но и казаки понесли тяжелые потери. С наступлением ночной темноты бой прекратился сам собой. Несметное татарское войско отступило. В отличие от

первого сражения под Искером на этот раз не было панического бегства противника. Не был пленен их командующий. Тем не менее Ермак одержал самую славную нз своих побед над объединенными силами всего Кучумова царства. Снбнрские рекн покрылнсь льдом, выпали глубокне снега. Казачьи струги давно были вытащены на берег. Все пути к отступлению оказалнсь отрезаннымн. Казакн яростно дрались с врагом, сознавая, что их ждет либо победа, либо смерть.

Экспедиции Ермака пришлось провести в Зауралье две зимы, прежде чем на помощь прнбыли первые подкрепления из Москвы. Богатства края производили нензгладимое впечатление на тех, кто впервые попадал туда. Привыкшие к однообразному равнинному ландшафту, онн дивились «превысочайшим» каменным горам Урала, поднимавшнмся «до облак небесных». Свон впечатления от прнроды Зауралья очевидцы описывали в таких восторженных выражениях: «Из сего же Камени реки многие изтекоша... пространные н прекрасные зело, в них же воды сладчайшия и рыбы разлнчныя множество; на нсходящех же снх рек дебрь плодовитая на жатву, и скотопитательныя места пространны зело». Снбирские реки кишели рыбой. Тут водились стерлядь, нельма, язь, окунь, елец, чебак, ерш. В таежных лесах, тянувшихся на тысячи верст, обитало множество медведей, лосей, водились рысь, соболь, выдра. Севернее в лесотундре паслись оленьи стада.

Однако казаки вскоре на своем опыте убедились, что условия жизни в Сибирн трудные. Средняя температура зимой составляла −17°, летом +17°. Долгой зиме, казалось, не будет конца. Таежные леса с их завалами и буреломами труднодоступны. Даже местные охотники рнсковали углубляться в их дебрн на несколько десятков верст, но не далее. Значительные пространства покрывали бескрайние болота. В дни короткого лета докучали тучи комаров и мошек, и нигде от них не было спасения. В лесной полосе н в степях бродили стаи волков.

Сибирское ханство представляло сложное н непрочное государственное образование. К Искеру со всех сторон прилегали татарские улусы. На юге кочевья сибнрских татар занимали Ишнмскую н отчасти Барабннскую степи, разграниченные теченнем Иртыша. Татары оказали казакам упорное сопротивление. Сломить его Ермак поручил своему «сверстнику» атаману Богдану Брязге, возглавившему отряд в 50 человек с пищалями. Отряд двинулся на север вниз по Иртышу еще до того, как весеннее солнце растопило льды и снега. Ермак не случайно послал своих людей в северном направлении. Ему во что бы то нн стало надо было разведать пути на Обь, откуда шла давно известная русским дорога на Печору и Пермь. Отряд Брязгн должен был отыскать возможные пути отступления н закрепиться на них.

Выйдя нз Искера, Брязга направился вдоль берега Иртыша до реки Аремзянкн и взял с бою стоявший там «крепкнй татарский городок». Чтобы навести страх на прочие татарские улусы, окружавшие Искер, Брязга учинил жестокую расправу над «лучшими» татарскими «мергенями». Весть об этом распространилась по всей округе, прекратив дальнейшее сопротивление. Богдан Брязга, как видно, недаром провел многие годы на службе у грозного и вспыльчивого царя, безжалостно казнившего изменников, но эпизод

на Аремзянке был первым и последним случаем такого рода за все время экспедиции.

Овладев столицей «царства», казаки столкнулись с проблемой управления краем. Государевы служилые казаки решили ее, исходя из своего опыта. Они привели население к присяге на верность Ивану IV и обложили царской данью — ясаком. Казаки из отряда Брязги вспоминали, что их атаман «ясак собрал за саблею и положил на стол кровавую (саблю.— *Р.С.*) и велел верно целовати за государя царя, чтоб им (татарам.— *Р.С.*) служити и ясак платити по вся годы, а не изменити». Описание присяги обнаруживает любопытную этнографическую подробность. Задолго до Ермака ханты, имевшие дело с русскими, совершали особый магический обряд, основным атрибутом которого были сабли. Они клали под ель на медвежью шкуру две сабли острием вверх «супротивно», к елке под «жабой берестяной» привязывали две другие сабли острием вниз. Люди, приносившие присягу, обходили ель под саблями, приговаривая: «По их (русских) праву бог казни».

В землях хантов перед казаками раскрылся неведомый мир, переносивший их в иную историческую эпоху. Здесь люди не обрабатывали земли и кормились рыбной ловлей и охотой. Оружием служил лук. Приземистые, со скуластыми лицами, длинными и жесткими черными волосами, рассыпанными по плечам, ханты носили одежду из шкур и жили либо в землянках, покрытых дерном, либо в конусообразных шалашах, составленных из жердей и покрытых берестой, а кое-где оленьими шкурами. Рыбу и мясо они ели сырыми. У хантов сохранялся родо-племенной строй, во главе племен стояли племенные старейшины — «князьцы».

С Аремзянки отряд Брязги попал на реку Демьянку во владения «большого зборного князьца» хантов Нимньюяна. «Зборным» князька назвали потому, что тот, узнав о появлении Брязги, собрал воинов со всей округи. На неприступной горе в «великом и крепком городке» засело множество воинов. Три дня кучка казаков безуспешно штурмовала городище. Брязга уже стал подумывать об отступлении, но весенняя распутица приковала его к месту, побуждала биться до конца.

Последний штурм принес казакам победу. Защитники неприступного городища не устояли против отчаянного натиска. Часть князьков с «роды своими» разбежалась по домам. Захваченных на месте казаки привели к присяге. Никто при этом не был наказан.

На Демьянке отряд Брязги оставался до тех пор, пока Иртыш не очистился ото льда. Построив несколько стругов, казаки отправились в плавание вниз по реке. Племена, обитавшие там, знали о появлении чужеземцев, но ждали их к себе много позже. На берегах реки Рачи, притока Иртыша, они собрались для жертвоприношений, чтобы умилостивить своих богов. Шаманы обошли окрестные юрты, собрали многочисленные дары и успели завершить приготовления к пиршеству. Казаки нагрянули как снег на голову. Но и для них встреча была довольно неожиданной: пока они разворачивали струги и высаживались, берег опустел. Ханты попрятались в частый ельник. Подле священной рощи остались только жертвенные животные. Казаки оставались на Раче целые сутки, рассчитывая, что ханты вернутся на берег, но беглецы словно растворились в лесу.

Весть о появлении в святилище чужеземцев распространилась по

всей округе. Шаманы призывали богов покарать дерзких пришельцев. Старейшины племени решили устроить засаду в теснинах ниже устья Рачи. Там, где Иртыш подходил к обрыву Цыигальской горы, хантские воины сделали завал, сбросив в реку несколько высоких деревьев. Когда течение стремительно вынесло казачьи струги из-за поворота и почти вплотную прибило их к обрыву, ханты показались из укрытия и стали «хапать» лодки крюками. Неожиданное нападение вызвало минутное замешательство среди казаков. Но затем они, бросив весла, взялись за пищали и дали залп с обоих бортов. «Крючники» тотчас бросились наутек. За поворотом реки казаки увидели Нарымский городок, покинутый воинами. Женщины и дети в страхе ждали появления невиданных людей, повелевавших молниями. Они бегали по опустевшему урочищу, крича и плача. Когда наступил вечер, мужчины племени стали собираться в городке «един по единому, оглядываясь». Тут они убедились, что казаки «не бьют жен их и детей, точию ласкают». Брязга оставил в покое «вымышлеников», участвовавших в нападении на казачью флотилию, не причинив им ни малейшего вреда.

Отряд продолжал путь. Неподалеку от устья Иртыша он одержал победу над «князьцом» Самиром и восемью другими «князьцами». У казаков нашлись союзники. К ним в стан явились кодские ханты с Оби. Брязга объявил о передаче управления всей округой кодскому князю Алачею. Подобная мера оказалась удачной. Княжество Алачея просуществовало до середины XVII века.

Плывя вниз по Иртышу, флотилия Брязги подошла к Белогорию на великой сибирской реке Оби. Это был самый северный пункт, достигнутый отрядом.

Русские рати ходили на Обь еще в конце XV века. Поморы-промышленники освоили морской путь в устье Оби и пользовались им в XVI веке. Английские и голландские купцы делали настойчивые попытки достичь Сибири, следуя на восток по северным морям. Племянник Кучума Маметкул позже рассказывал о появлении в устье Оби корабля, по всей видимости принадлежавшего западноевропейским купцам. Корабль был сожжен татарами.

Казаки Ермака смогли утвердиться на Оби благодаря тому, что им удалось разгромить Кучума. Большим достижением первой сибирской экспедиции было открытие нового пути на Обь и Иртыш с запада через Средний Урал.

После возвращения воевод с Оби в конце XV века на Руси распространились слухи о «золотой бабе» — великой богине хантских племен Приобья. Из Московии эти слухи проникли в Западную Европу. Казаки Ермака были первыми европейцами, которые узнали об этом чуде из первых рук.

На реке Демьянке в стан к Брязге пришел чуваш, попавший в татарский плен. Он немного говорил по-русски. Чуваш поведал казакам, что в осажденном ими урочище татары и ханты молятся идолу — «богу литому золотому, в чаше сидит», а идол, «де, поставлен на стол и кругом горит жар и курится сера, аки в ковше». Но чуваш не мог вразумительно ответить на вопрос, откуда взялся золотой идол, и рассказывал, будто его привезли из-за Урала, «от владимирова крещения», называли Христом. Как видно, он не имел понятия ни о языческом культе хантов, ни о христианстве. Когда казаки овладели урочищем, им не удалось разыскать идола. Его

надежно укрыли в потаенном месте.

Второй раз казаки услышали о «золотой бабе» на Оби, где было самое почитаемое среди хантов капище. Но и на этот раз казакам не довелось увидеть хантского бога. При их приближении жители спрятали «болвана», как и всю прочую сокровищницу — «многое собрание кумирное». Однако казаки расспросили хантов и составили такое описание идола: «На Белогорье у них молбище болшое богине древней — нага с сыном на стуле седящая». Примерно так же изображали обскую богиню те, кто побывал здесь до Ермака.

Через 200 лет после Ермака миссионеры не отказались от надежды разыскать идолов, изваянных из золота, серебра и меди «в подобие человеческое». Им даже удалось установить имя самого известного из этих кумиров — богини Аюш. Идол, как писал один миссионер, «зело великою хитростию в подобие некия жены создан и сего нарицают Аюш». Миссионеру не удалось увидеть искусно изваянной «золотой старухи», но он побывал в великих мольбищах хантов на Иртыше и Оби и повидал другого «золотого бога» — «старика обского». «Бог рыб» имел вид доски с носом трубой, малыми рогами на главе и золотой грудью. Ханты тщательно закутывали его в «червленую одежду». Отправляясь на промысел, они ели священную уху, предварительно помазав ею «бога рыб». Если им не везло и они возвращались с моря без рыбы, то принимались колотить идола и плевали на него. Когда промысел налаживался, они как ни в чем не бывало вновь оказывали ему почести. В крайней нужде ханты не только били своих золотых «стариков» и «старух», но и «отнимали» у них кусочки золота. Потерпев неудачу в столкновении с Брязгой, «князьцы» устроили, надо полагать, основательную порку своим кумирам.

Три дня отряд Брязги провел в Белогорском мольбище, тщетно ожидая, не появятся ли разбежавшиеся ханты и не объявится ли где «золотая старуха». Но ожидание было напрасным. Тогда казаки повернули вспять и после многодневного плавания вернулись в Искер.

Благодаря ясачному походу Брязги казаки проложили себе путь в низовья Оби. По этому пути через Обь и Печору в Москву отправлялся атаман Александров с известием о покорении Сибири. Царь немедленно отдал приказ о подготовке «зимнего похода» в Сибирь. Но прошло несколько месяцев, и Иван IV отменил свое распоряжение. «Ныне,— писал он Строгановым 7 января 1584 года,— до нас слух дошел, что в Сибирь зимним путем на конех пройтить не мочно». Царь велел выстроить на Каме струги к весне 1584 года. Но с наступлением весны в Москве произошли большие перемены. Иван IV умер, и в столице начались волнения. В общей сумятице о сибирской экспедиции на время забыли.

Прошло почти два года, прежде чем Ермак получил помощь из Москвы. Трудно поверить, что казаки в течение столь длительного времени держали в своих руках столицу обширного татарского «царства», опираясь исключительно на свои поистине ничтожные силы и ресурсы. Тем не менее их успех вполне объясним.

В течение веков татарские феодалы угнетали и грабили Русь. Наконец русский народ сбросил ненавистное иго. Прекратили свое существование Большая орда, Казанское и Астраханское ханства. Последним осколком Золотой орды на востоке осталось Сибирское

ханство. Как золотоордынские феодалы угнетали народы Поволжья, так и их наследники в Сибири поработили местные ханты-мансийские племена. Не удивительно, что Сибирское ханство не обладало внутренней прочностью.

С тех пор как Кучум убил хана Эдигара и завладел его троном, многие годы не прекращались кровавые войны. То силой, то хитростью и коварством Кучум смирял непокорных мурз и утверждал власть над ханты-мансийскими князьками. Окружив себя ногайской гвардией, хан упрочил свой трон. Но военные неудачи немедленно привели к возобновлению междоусобной борьбы среди татарской знати. Племянник убитого Эдигара Сеид-хан, скрывавшийся в Бухаре, вернулся в Сибирь и стал угрожать Кучуму местью.

Ближайшим помощником Кучума был его племянник Маметкул. Ненавидевший его мурза Сейдбахта Тагин тайно указал Ермаку место зимовки Маметкула. Казаки захватили главного татарского военачальника. Пленение Маметкула лишило Кучума надежного сподвижника. Знать, боявшаяся его, стала теперь покидать ханский двор. Карача — главный сановник Кучума, принадлежавший к могущественному татарскому роду,— перестал повиноваться хану и откочевал со своими воинами в верховья Иртыша. Сибирское царство развалилось.

Власть Кучума перестали признавать немало мансийских и хантских старейшин. Некоторые из них помогали казакам продовольствием. Прямыми союзниками Ермака стали Алачей, правитель крупнейшего хантского княжества в Приобье, хантский князек Бояр, мансийские князьки Ишбердей и Суклем. Их помощь имела для казаков неоценимое значение.

За два года пребывания в Сибири отряд Ермака понес большие потери. Казаки гибли в непрерывных стычках, умирали от болезней и холода. Отряд одолевал татар, пока было достаточно пороху и свинца. Но за полтора года боеприпасы были израсходованы почти целиком, и тем самым казаки утратили свое важное преимущество перед отрядами Кучума.

Не дождавшись обещанных подкреплений ни зимой 1583 года, ни летом следующего, казачий круг принял решение вернуться на Русь следуя по течению рек Тавды и Лозьвы. Предполагал ли Ермак отказаться от своих целей и навсегда покинуть Сибирь? Если бы дело обстояло именно так, его отряд отправился бы хорошо известным путем через Обь и Печору. Ермак же выступил на Пелым, Лозьву и Вишеру. Если бы поход был успешным, он разрешил бы сразу две важнейшие задачи: во-первых, казаки привели бы к покорности один из самых густонаселенных районов Сибирского царства — Пелымское княжество; во-вторых, они овладели бы наиболее удобным путем из Пермского края в Сибирь.

В походе на Пелым казаки натолкнулись на сильнейшее сопротивление со стороны татар и мансийских князьков. Уже в начале похода казаки выдержали «великий бой» с татарами в улусе на Поганом озере, близ устья Тавды, затем «боем и добровольно» Ермак занял Кашуцкие волости и городок Чандыр «со старейшинами их» и учинил «великий бой» с пелымским князьком Патликом. Дружине Ермака приходилось биться почти исключительно врукопашную. В итоге она несла более тяжелые потери, чем в сражениях с Кучумом. В числе других здесь погиб атаман Никита Пан.

Экспедиция Ермака все ближе продвигалась к столице Пелымского княжества — городку Пелыму. Городок стоял на горе, и в нем сидел князек Аплыгерим, имевший в своем распоряжении до 700 воинов. Недалеко от городка находилось главное святилище пелымских манси. Они собирались тут вокруг исполинской лиственницы для жертвоприношений. К подножию дерева приводили лошадь и связывали ей передние ноги, после чего со всех сторон ее окружали воины с копьями, луками и секирами. Шаман начинал произносить заклинание и по окончании магического обряда первым наносил удар жертвенному животному. Забитую лошадь трижды обносили вокруг дерева, а ее кровью мазали уста кумира. Мясо варили в котлах. Участвовали в пире все собравшиеся. Кости лошади относили в избушку, где гора побелевших костей напоминала о прежних жертвоприношениях. Лошадиную шкуру вешали на ветви священной лиственницы.

Посредине мансийского святилища высились идолы с плоскими лицами, «в подобие человеческое иссеченные». В обычное время их удовлетворяла лошадиная кровь, но в дни смертельной опасности они требовали человеческих жертв. И тогда на землю, пропитанную кровью животных, лилась кровь людская. Убивали чаще всего либо мальчика («малого»), либо «женку».

Ермак побывал совсем близко от знаменитого пелымского святилища, но штурмовать укрепленное урочище не стал, чтобы уберечь и без того малочисленную дружину от новых потерь.

С самого начала похода казаков тревожили вести, поступавшие к ним со всех сторон. И мирные жители, и пленные воины в один голос твердили, что из их мест пути на Русь нет. Обеспокоенный Ермак решил разузнать, в чем тут дело, и с этой целью посетил мансийское капище в Чандыре.

К святыням племени могли приближаться только жрецы. Тем, кто нарушал запрет, грозила смерть. Но казакам не было до того дела. На «великом болванском молении» они присутствовали при «камлании» шамана, общавшегося с духами. Иначе невозможно было истолковать то, что происходило на глазах у бывалых воинов. Они своими глазами видели, как по знаку «колдуна» его подручные крепко связали ему руки и воткнули длинный нож «в брюхо сквозь». Через некоторое время шаман велел развязать себя, выдернул нож и, набрав полную пригоршню крови, стал пить ее и мазать себе лицо. Чтобы усилить эффект, «шейтанщик» подозвал казаков и, откинув шкуру, показал им живот без каких бы то ни было следов кровавой раны.

При посещении чендырского шамана Ермак задал ему вопрос, удастся ли пройти за Камень на Русь. Ответ заставил атамана призадуматься. «Про возврат (на Русь.— *Р. С.*) Ермаку тот же шейтанщик сказал, что воротится на Карачино озеро (под Искер.— *Р. С.*) зимовать... а через Камень, де, хотя и думаешь, не пойдешь, и дороги нет» — так вспоминали этот эпизод казаки. Пленные, захваченные неподалеку от Пелыма, сказали то же самое, что и шаман. «И по допросам,— заметил автор «сказа»,— пути нет за Камень в Русь».

Местные жители, конечно же, знали о существовании лозвинско-

го пути в Пермь. Что же заставляло их давать неверные сведения? Можно подумать, что пелымских жрецов и старейшин вполне устраивало присутствие казаков в Искере, препятствовавшее восстановлению власти Кучума над «пелымским государством». Чендырский жрец с уверенностью предсказал победу Ермака над Кучумом, «и в том,— наивно замечает автор «сказа»,— идольское пророчество сбылося, а о смерти его (Ермака.— *Р. С.*) не сказал».

В конце концов Ермак не стал штурмовать Пелым и повернул назад, к Искеру. Без пороха и свинца пищали стали бесполезным грузом. А ведь именно огнестрельное оружие помогало казакам побеждать противника, располагавшего громадным численным перевесом. Весть о неудаче дотоле непобедимых русских мгновенно распространилась повсюду и вызвала ликование в стане Кучума. Положение Ермака казалось безвыходным.

Именно в этот критический момент к Искеру подошли подкрепления, которых казаки давно перестали ждать. Воевода Болховский вел с собой «судовую рать». При нем было 300 стрельцов. После долгой задержки на Урале ему удалось преодолеть горные перевалы, но при этом его отряд растерял почти все суда и грузы. Когда стрельцы добрались до Искера, «запасу у них не было никакого». А между тем казаки Ермака, приняв вынужденное решение о новой зимовке в Сибири, успели заготовить лишь столько продовольствия, сколько им надо было для своего пропитания.

Татарские городища мало напоминали русские посады с их теплыми рублеными избами. Искер, собственно, и не был городом. На вершине крутого яра располагались мечеть и несколько построек, служивших резиденцией Кучуму и его ближайшему окружению. Казаки зимовали не в Искере, а на Карачине-острове, имевшем большую площадь и естественные укрепления. Сюда «проводили» они запасы, собранные в пелымском походе. Здесь построили срубы и отрыли теплые землянки. Разместить в тесных помещениях дополнительно несколько сот человек оказалось невозможным.

Плавание по горным рекам и попытки перетащить суда и грузы через перевалы изнурили стрельцов до крайности. В Искере их ждали еще худшие испытания. Грянули жестокие сибирские морозы, температура падала ниже −40°, дули ледяные ветры. Глубокие снега сделали невозможной охоту в таежных лесах. Возле человеческих жилищ бродили многочисленные волчьи стаи.

Имевшиеся запасы быстро подошли к концу, начался великий голод. Стрельцы вымерли поголовно. Их воевода князь Болховский должен был взять управление Сибирью в свои руки, а Ермака отправить в Москву. Но он не выдержал невзгод и лишений и скончался, не успев выполнить царский наказ.

После голодной зимы численность отряда Ермака катастрофически сократилась. Чтобы сберечь уцелевших людей, атаман старался избегать столкновений с татарами. Он с готовностью откликнулся на мирные предложения, поступившие из стана врага: Ермаку надо было выиграть время и дождаться новых подкреплений.

Пленение Маметкула, первого военачальника Сибири, выдвинуло на авансцену главного визиря Карачу, который перестал признавать власть Кучума и два года спустя посадил на сибирский престол его соперника. Карача перенес свои кочевья на Тару. Там у него произошли стычки с Казахской ордой. Карача прислал в Искер

гонцов и просил Ермака оборонить его от недругов. Казаки созвали круг и после клятвы гонца на коране постановили «по приговору всего товарства» оказать помощь вчерашним врагам. Отправка союзного отряда к татарам была сопряжена со смертельным риском. Руководить операцией мог человек, обладавший исключительной отвагой и хладнокровием. Богдан Брязга, возглавлявший «ясачий поход», к тому времени погиб. Татары подстерегли и убили его на зимней рыбалке, видимо, в дни голода. Выбор пал на атамана Ивана Кольцо.

Неискушенные в дипломатии, казаки допустили роковую ошибку. Они не взяли у Карачи заложников. Их доверчивость обернулась катастрофой. Едва Кольцо появился в качестве союзника в татарских кочевьях, его предательски захватили и убили вместе с 40 казаками. Татары не сомневались более в том, что обескровленный отряд Ермака станет для них легкой добычей. С начала весны и до «пролетия» многочисленные отряды Карачи держали Искер в осаде, рассчитывая уморить уцелевших казаков голодом.

Ермак терпеливо выждал момент для нанесения удара. Под покровом ночи посланные им казаки скрытно пробрались к ставке Карачи и разгромили ее. Караче удалось избежать гибели, но его армия в тот же день бежала прочь от Искера. Ермак одержал еще одну внушительную победу над многочисленными врагами.

С наступлением лета казаки предприняли поход в южные пределы ханства, куда отступили отряды Карачи. Поводом к походу послужили вести о том, что татары задержали на верхнем Иртыше торговый караван из Бухары. Бухарские купцы играли особую роль в экономической жизни Сибирского «царства». В их руках находилась самая важная торговая артерия края, соединявшая его со среднеазиатскими рынками. Бухарские караваны доставляли в Сибирь ткани, сушеные фрукты и другие товары. Казаки не жалели усилий, чтобы выручить бухарский караван.

Последний поход Ермака может показаться безрассудной затеей. Казакам надо было дождаться подкреплений. Увы, они не располагали точной информацией на этот счет и принуждены были рассчитывать исключительно на свои силы. В такой ситуации риск, связанный с походом на юг, представляется вполне оправданным.

Отразив натиск Карачи, Ермак не мог надеяться на то, что татары откажутся от новых попыток разделаться с ним. Оставаясь в Искере, казаки могли в любой момент вновь оказаться в кольце блокады. Вот почему они предпочли обороне наступление. Неудача побудила Карачу искать примирения с Кучумом. Ермак появился на верхнем Иртыше еще до того, как татары успели собраться с силами для нового похода на Искер. Исходным пунктом наступления должно было стать Бегишево городище. Туда татары привезли две оставшиеся у них пушки. Там находились отряды Карачи и «сборные силы» — подкрепления, присланные Кучумом. Стремительным ударом Ермак разгромил татар и занял Бегишево городище. После нескольких новых стычек его отряд достиг степных рубежей ханства, где располагалась самая сильная татарская крепость Кулары. На всем верхнем Иртыше, как отметил автор казачьего «сказа», «крепче Кулар нет». Казаки вскоре сами убедились в этом. Пять дней они безуспешно штурмовали крепость, после чего Ермак отдал приказ двигаться дальше.

Оставив позади Кулары, отряд двинулся к Ташатканскому городку. Казаки задержались там ненадолго и узнали о необычных обстоятельствах возникновения городища. В переводе с татарского «Ташаткан» означает «камень, который бросили». По преданию, городище возникло на месте, где с неба «спал камень», величиною превосходивший воз, на вид багровый. Жители считали небесный камень священным и рассказали казакам, что «от него по временам восходит стужа, дождь и снег».

Со временем этнографы выяснили, что поверья о камнях, определяющих погоду, имели в Сибири самое широкое распространение. Шаманы искали волшебные камни в горах, во внутренностях лосей и рыб, наконец, в деревьях, куда они будто бы попадали прямо с неба. С их помощью шаманы «напускали» дождь, стужу или снег.

Из Ташаткана Ермак ушел на Шиш-реку. Тут проходили последние рубежи Сибирского царства, на которых скопилось множество «карачинских» воинов и прочих татар. После поражения Карачи его воины искали здесь спасения. Найдя беженцев в бедственном положении, Ермак приказал не обижать их: «Видеша всех, яко зело скудные, и ничем не вредиша им».

Потом казаки повернули назад и, пройдя мимо Кулар, стали возвращаться к Искеру. Но им не суждено было благополучно завершить поход. Кучум, до того кочевавший на степных просторах и державшийся подальше от Иртыша, присоединился к Карачe, и они сообща решили завлечь казаков в западню. Чтобы задержать Ермака, татары распустили слух, будто бухарский караван задержан ими на реке Вагае. Хитрость удалась. Отряд Ермака повернул с Иртыша на Вагай и «в трудности» стал подниматься против течения к его истоку. Не найдя каравана, казаки вернулись к устью Вагая и остановились там на ночлег.

Здешние богатые пастбища постоянно привлекали кочевников, и они позаботились об устройстве там укрепленных стоянок. Одна из них находилась в излучине реки, неподалеку от места впадения Вагая в Иртыш. В основании излучины была вырыта «перекопь», и образовался искусственный остров. На этом острове отряд Ермака и разбил свой лагерь, не подозревая, что Кучум и Карача со множеством воинов расположились в засаде в нескольких верстах от острова.

Конец сибирской экспедиции окутан плотной пеленой легенд. Поздние летописцы утверждали, будто Ку́чум, внезапно напав на спящий лагерь, истребил казаков всех до единого. Но верить им не следует. Казаки, участвовавшие в экспедиции, вспоминали, как, разбуженные среди ночи, они «ужаснулись» и пустились бежать, а некоторые («иные») остались лежать, побитые «на станах». О том же говорили татарские предания, в которых запечатлелись воспоминания воинов Кучума. «Храбрый ваш воин Ермак,— говорили татары,— видя дружину свою, от нас побиваемую, побежал к стругу» и не мог добраться до своих, «понеже бо в дали расстоянии». Ермак оказался на берегу, когда отступавшие казаки уже отплыли и их струги исчезли в непроглядной тьме.

Татарское предание не удовлетворило летописца XVII века, и он заменил прямую речь косвенной. Фраза об избиении дружины «от нас» (татар) уступила место повествованию об избиении «от поганых». Летописец «исправил» предание и в другом, более важном

пункте. Он утверждал, будто добежать до струга Ермаку помешала тяжелая кольчуга — «понеже одеян железом». В «Истории» Ремезова кольчуга превратилась в панцирь: Ермак «бежа в струг и не може скочити, бо одеян двемя царскими панцыри». Рассказ о том, что Ермака увлекли на дно реки пожалованные царем панцири, еще один миф, связанный с его именем. В действительности Иван IV пожаловал Ермаку за службу золотой и сукно и приказал выехать в Россию, как только в Сибирь прибудет его воевода. Ни панциря, ни шубы с царского плеча прославленный атаман не получал.

Сколь бы неправдоподобными ни казались рассказы очевидцев, верить приходится только им. Быстрое отступление казаков вполне объяснимо. Татары понимали, что горстка смельчаков окажется в их руках, если им удастся захватить струги. Для казаков же единственная возможность избежать гибели состояла в том, чтобы отбить струги и как можно скорее отчалить от берега. Ермак бился с врагами до последней минуты, прикрывая отступление отряда.

В поздних летописях можно прочесть, будто прославленному предводителю казаков удалось пробиться к своим, но он неудачно прыгнул на край струга, который тут же перевернулся. Ермак упал в воду и утонул. Но этот рассказ не заслуживает доверия. Его автор не имел ни малейшего представления о казачьих судах, вмещавших до 20 воинов с оружием и всеми припасами. На своих стругах казаки отважно бороздили бурные моря и быстрые реки. Под тяжестью воина могла перевернуться разве что утлая ладья, но никак не струг.

Сибирские летописи сохранили еще одно предание о Ермаке, до сих пор не известное. Схватка на Вагае, согласно этому преданию, завершилась поединком. Ермаку будто бы удалось добраться до своего струга, но сзади наседал, размахивая копьем, мурза Кучугай. Ермак яростно отбивался саблей и начал было одолевать мурзу, но вдруг у него развязался ремень шлема, и Кучугай, воспользовавшись заминкой, поразил атамана копьем...

Три года длилась первая сибирская экспедиция. Голод и лишения, суровые морозы, сражения и опасности — ничто не могло остановить вольных казаков, сломить их волю к победе. Три года малочисленная дружина не знала поражений перед лицом многочисленных неприятелей. В последней ночной стычке поредевший отряд отступил, понеся небольшие потери, но он лишился испытанного вождя. Без него экспедиция продолжаться не могла.

Добравшись до Искера, казаки собрали войсковой круг и решили немедленно возвращаться на родину. Ермак привел в Сибирь 540 бойцов. С атаманом Александровым в Москву отправилось 25 человек. Из всего отряда уцелело только 90 казаков. С атаманом Матвеем Мещеряком они на стругах спустились на Обь и оттуда прошли печорским путем на Русь.

Маршрутом, проложенным экспедицией Ермака, воспользовались после него отряды И. Мансурова, Б. Сукина и Д. Чулкова. Мансуров привел в Сибирь 700 человек. Его люди были снабжены всем необходимым и прибыли в район Искера почти сразу же после гибели Ермака. Но знатный воевода сделан был совсем из другого теста, нежели атаман вольных казаков. При виде многочисленной конной и пешей рати татар, запрудившей берег Иртыша у Чувашева мыса, он дрогнул и отменил приказ о высадке со стругов. Мансуров пытался догнать Ермаковых казаков, но на Оби был задержан наступившими холодами. Экспедиция основала Обский городок на реке Оби, близ устья Иртыша, и зазимовала там.

Экспедиция Сукина отправилась в Сибирь по следам Ермака год спустя. Ее маршрут был коротким. Воевода остановился на Туре, где основал городок Тюмень. Еще через год отряд Чулкова вышел в окрестности Искера и «срубил» там крепость Тобольск. Последний властитель Сибирского «царства» Сеид-хан и предоставивший ему трон Карача были захвачены на пиру в доме тобольского воеводы и пленниками отправлены в Москву.

Прошло еще несколько лет, прежде чем Москва снарядила экспедицию на Пелым. И тогда были освоены маршруты с Вишеры на Лозьву, более удобные и легкие, нежели тагильский. Уральский хребет окончательно был покорен. За перевалы двинулись отряды казаков, ратных людей, русские крестьяне-переселенцы.

Беспримерная трехлетняя одиссея Ермака внесла весомый вклад в великое дело освоения Сибири.

**К очерку
Василия Пескова
«НОРВЕЖСКИЕ
КАМУШКИ»**

Картинки Норвегии... На этих трех снимках — уголки Осло. Вид на город со стороны порта, гвардеец у резиденции короля и улочка на окраине в первый день сентября

Вид на город у фиорда

Этот музей известен всему миру. Под крышей специально сооруженного павильона хранится прославленный «Фрам» Фритьофа Нансена. Хранятся в музее также знаменитые лодки викингов и плот, на котором путешествовал Тур Хейердал

Характерный пейзаж Норвегии — это скалы и море. Море причудливыми языками вдается в каменистую землю, а скалы уходят далеко в море островами и полуостровами. Норвежский берег на карте — сплошное кружево. Бесчисленные сигнальные знаки указывают моряку путь в этом лабиринте воды и камня. Домики на берегу моря

К очерку
Юрия Аракчеева
«СОЛНЦЕ НА КРЫЛЬЯХ»

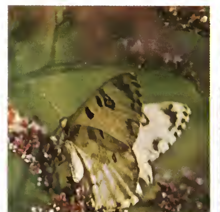
Эта прекрасная бабочка — парусник Подалирий — встречалась во множестве в средней полосе. Сейчас почти полностью истреблена

Крылья перламутровки Латоны сверкают на солнце

Парусник демолеус — житель тропиков

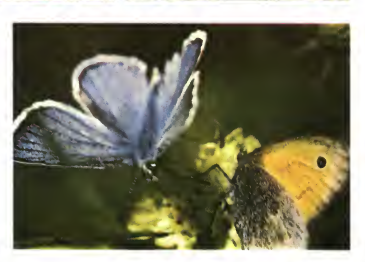
Солнце на крыльях Гипермнестры гелиос

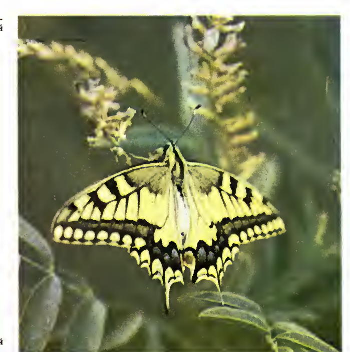

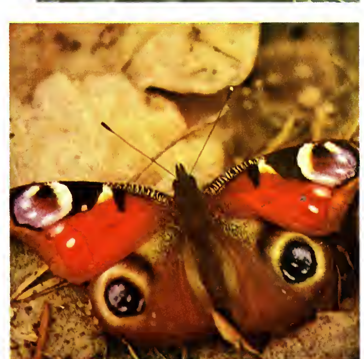
Ванесса аталанта — бабочка Адмирал

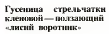
Совместная трапеза голубянки и бархатницы

Одна из самых крупных бабочек нашей страны — парусник Махаон

Ванесса Ио — дневной Павлиний глаз

Гусеница стрельчатки кленовой — ползающий «лисий воротник»

Пяденица «землемер»

Ложногусеницу пилильщика можно отличить от гусеницы бабочки по количеству ног

Гусеница стрельчатки «пси» с мясистым выростом на спине, назначение которого не совсем ясно...

К очерку Елизаветы Сумлёновой
«ОБЛАСКАННЫЕ СОЛНЦЕМ ОСТРОВА»

На берегах реки Пасиг

«Если есть рай на земле, то он здесь»,— сказал об этих местах великий Магеллан

Чайна-таун — оживленный торговый перекресток в Маниле

Испанская церковь — живое свидетельство истории Филиппин

Девушки с острова Минданао предпочитают джинсам национальную одежду

Кесонский национальный парк объявлен заповедником

Как и сто лет назад, идет крестьянин за буйволом и плугом

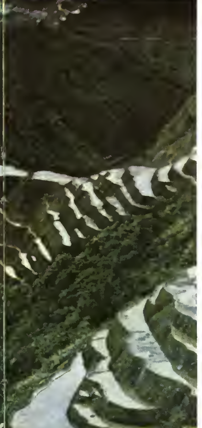

Чудом света называют эти рисовые террасы, возделаные тысячу лет назад

Поросенок, жаренный на вертеле,— традиционное праздничное блюдо

Веерную пальму называют еще «деревом путешественников»

Крестьянская хижина на острове Минданао

Так сушат абаку — сырье для заменителей манильской пеньки

Вулкан Майон по красоте мог бы поспорить с Фудзиямой

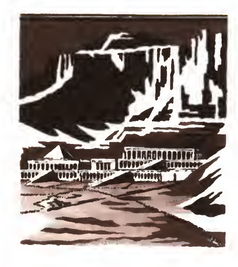

Слушая музыку. Во время концерта в парке имени Хосе Рисаля

Ворота в храм близ города Себу

Фрагмент буддийского храма на острове Себу

САМУЭЛЛА ФИНГАРЕТ

КОРАБЛИ НА СТЕНАХ ХРАМА

Художник И. ШАХОВСКОЙ

Скалы вздымались отвесной стеной — желтые, плосковерхие, источенные ветрами. Выступы чередовались с провалами. В ущельях мелкие камушки были пересыпаны бурым песком. Ни куста, ни травинки. А где ничего не растет, там ничего не вянет, где не рождается — нет места и смерти. Где нет перемен — там начинается вечность.

Может ли вечное быть делом человеческих рук? Способен ли человек, хотя бы отдаленно, повторить деяния Ра? Бог сотворил человека. Человек сотворил подобие бога в камне, бронзе и глине. Бог приказал вздыбиться скалам. Человек выстроил храмы.

Разве не приравняли к богам Имхотепа, поднявшего к небу первую пирамиду? И разве устали люди славословить великого зодчего, несмотря на четырнадцать сотен лет, прошедших с той давней поры?

Сененмут отвернулся от скал и подошел к краю площадки третьего двора. Слух, временно отключенный глубокими размышлениями, сразу вобрал грохот, крики и скрежет — звуки настолько привычные, что, руководствуясь только ими, Сененмут мог бы сказать, чем заняты отряды его строителей, разбитые, как армия, на полки по восемьсот человек.

Он слышал, как диоритовыми шарами дробят известняк для раствора, как кувалдами бьют по камням. Он слышал натужный скрежет канатов и скрип ползущих салазок. Ему казалось, что можно различить в этом грохоте и плеск воды, которую лили из кувшинов бегущие перед салазками мальчики,— старый способ уменьшить трение полозьев о землю.

С криками, словно на врага, каменщики набрасывались на волокуши-качалки. Подпрыгивали и, уцепившись за брус, повисали, пригибая к земле тяжестью собственных тел порожний край волокуши. Край, загруженный камнем, оказывался наверху. Массивную плиту перемещали на стену и укладывали поверх других, доставленных из той же каменоломни, о чем свидетельствовали пометки на обтесанных шершавых боках.

8-781

Землекопов и каменщиков Сененмут воспринимал только во множественном числе, держа в уме количество рук и сделанную работу.

С высоты третьего двора строительная площадка казалась огромным полем, прорезанным каналами. Вереницы землекопов, ссыпавших землю в отвалы, двигались подобно току воды. Люди шли размеренным, ровным шагом, корзину с землей держали на голове, пустую прижимали к бедру. Цепочки двигались безостановочно, не сталкиваясь и не меняя дороги,— осмысленный людской поток, приведенный в движение ради великого замысла.

В стране Та-Кемет не было дела важнее, чем возведение Амон Джесер джесеру. Храм сделался жизнью страны, ее мукой и радостью, непосильным бременем и горделивой похвальбой. Храму суждено было стать воплощением силы страны Та-Кемет.

Сообразуясь с проектом Сененмута, зодчие рисовали на досках рабочие планы: черные линии, помеченные красными цифрами. Скульпторы высекали статуи: Хатшепсут в образе бога Осириса с мужской накладной бородой, Хатшепсут в образе сфинкса — с телом льва и человеческим лицом, обрамленным львиной гривой, Хатшепсут в собственном обольстительном облике. В отстроенных портиках нижней террасы художники приступили к изображению важнейших событий царствования. А храм продолжал расти. Заполнив все полукружие, оставленное скалами, и не довольствуясь этим, он вползал на каменистые уступы и проникал в толщу породы, вгрызаясь в нее молельнями и коридорами.

Сененмуту виделись три террасы, вздымавшиеся одна над другой лесом колонн. Он видел, как по перилам лестниц сползают алебастровые кобры и коршуны из такого же алебастра раскрывают крылья над их головами. Он видел каменных львов, встающих навстречу входящим, и радостное многоцветье стен, покрытых раскрашенными рельефами.

«Я сделаю двери из черной меди и другие — из крепкого кедра, изукрашенного бронзой. Я выложу пол золотыми и серебряными плитами. Амон Джесер джесеру будет сиять, подобно небу в лучах светозарного Солнца» — так обещал Сененмут царице. Но чтобы строить, необходим мир. Партия, ратовавшая за войну, была в силе и оказывала на царицу злое влияние. Ее вождь — казначей и знатный придворный князь Нехси — занимал постоянное место по левую сторону трона. Настало время убрать Нехси со своего пути.

Наблюдая с площадки верхней террасы за вереницей землекопов, двигавшихся, как ток воды по каналам, Сененмут сказал тихо и зло: «Я сделаю так, и не случится иначе, потому что сила моя называется «мысль», а сила Нехси всего лишь золото». Он произнес это вслух, раздельно выговаривая каждое слово.

Девятидневному очищению подвергла себя царица. Девять дней не вкушала она ни мяса, ни рыбы, чашу с вином не подносила к устам. В ночь полной луны, одетая в два новых облачения, в деревянных сандалиях, с душистыми палочками за ушами, она стояла перед воротами Северного дома Амона, называемого также Престолом Обеих Земель.

Шестнадцать пар бритоголовых жрецов, одетых в белое, встрети-

ли царицу у храма. Восемь пар бритоголовых жрецов в леопардовых шкурах через плечо провели ее по длинным дворам. Четыре пары бритоголовых жрецов прошли с нею в святилище и исчезли, унеся горевшие плошки. Царица осталась одна.

В мерцающем свете луны зал показался ей бесконечным. В темных углах притаилось неведомое, жуткое. Косые лучи голубого света падали на фараонов, стоявших у стен. Руки каменных предков царицы были неподвижно прижаты к бедрам, тела пребывали в покое, но каждый выставил левую ногу вперед. Каменные фараоны приказывали восприемнице их власти: «Иди!»

Хатшепсут двинулась в черную глубину, обозначенную тусклым свечением четырех красноватых огней. Сверху обрушились звуки. Гортанный крик, удар барабана, плач оборванных струн — все это бросилось ей под ноги и стихло, уйдя в каменные плиты пола. Снова обрушилось и снова исчезло. Так продолжалось, пока она не добралась до жертвенника. Потом все затихло.

Четыре хлеба, четыре куска бычьей туши, четыре пучка зеленого лука лежали на алебастровой плите. По бокам горели четыре светильника по числу сторон света, озаряемых великим богом Амоном. Короткие красные языки потянулись вверх, раздвинув тьму в глубине. Стали видны огромные черные ноги, ладони с распластанными пальцами, лежавшие на коленях. Красное пламя взвилось еще выше. Открылись могучая грудь, широкие плечи. Красные отсветы лизнули нахмуренное чело. Искры вспыхнули в черных глазах, красным сверкнули белки, зажегся румянец на скулах.

Царица упала.

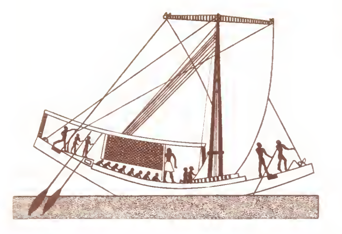
— О, Амон! — взмолилась она, распростершись на плитах пола.— Приди на голос, зовущий тебя, оживи плоть от плоти твоей! Я на троне, как ты того пожелал, и страна в ликовании. Обе Земли покоятся в мире. Хочешь ты мира или войны? Должна я встать во главе пехоты и колесниц? Я — фараон, сын от плоти твоей, но мое естество — естество женщины. Владыка богов, отец мой, даруй мне дыхание жизни, увлажни мне уста, дай силу!

По залу пронесся гул, подобный реву воды, прорвавшей дамбу. Голос бога звучал раскатисто, низко. Слова тяжело выходили из каменного чрева.

— Сын мой, дитя мое, образ, сотворенный моей силой. Поставил я тебя владыкой страны Та-Кемет, и сердце мое довольно. Обращаю я лик на четыре стороны — приходят к тебе народы с дарами. Смотрю я на Обе Земли — построен мой дом из камня, чтобы стоять вечно. Вот, отправь корабли в Землю Пунт, и пусть темнокожий поведет их по Великой Зелени. Вожди чужих земель упадут на живот свой. Их дары у них на ладонях. Привезут корабли деревья для моего дома, чтобы вдыхал я запах Пунта во все дни и сердце мое ликовало.

Голос умолк. Вода перестала рвать дамбу. Ушли в темноту суровый лик и могучее тело. Скрылись столбообразные ноги.

Во время утреннего приема лик царицы был светел. Коршун Юга и кобра Севера свисали с золотой царской тиары над безмятежным лбом. Цапля Бену, охватившая золотом распахнутых крыльев плечи и грудь царицы, вздымалась под ровным дыханием. Складки белого

Изображение египетского корабля XVI века до н. э.

платья лежали отвесно, не колыхались и чуть поблескивали шитьем золотых бляшек.

Царица сидела на троне из белого золота под балдахином на четырех золотых столбах. Правой рукой, согласно обычаю, сжимала золотую плеть с подвесками-молотилами из драгоценных камней, в левой руке держала синий с золотом скипетр. Сущностью Сына Солнца было золото.

Справа от трона стоял Хапусенеб, главный сановник двора, служивший еще при земном отце Хатшепсут. Слева от трона высилась фигура курчавого великана, похожего на жителей Нубии, отчего его именем сделалось прозвище Нехси, означавшее «смуглокожий». Нехси был хмур. С мучительным прозрением временщика предчувствовал он скорую опалу.

Перед троном стояли сановники, штандартоносцы и опахалоносцы, знатные из знатных страны Та-Кемет, носившие наследственные титулы «единственный друг», «облеченный доверием», «первый рядом с царем». Их было немало — первых, единственных, облеченных доверием. Они пришли окунуться в золотое сияние Хатшепсут.

Царица пожелала держать речь, и писцы «с быстрыми пальцами» записали сказанное от слова до слова.

— Я сияю во веки веков перед вашими лицами,— сказала царица, и ее маленький крепкий подбородок вздернулся.— Я сияю во веки веков по воле отца моего Амона. Я должна свершить то, чего не свершили мои предшественники. Я сделаю то, что прославят потомки. «Как прекрасна свершившая это!» — скажут они. Услышала я приказ отца моего Амона. Приказал он посадить деревья по обе стороны Амон Джесер джесеру, чтобы вдыхать запах Пунта. Так приказал своему сыну великий Амон. Так я поступлю.

По знаку царицы сановник Хапусенеб развернул папирус и прочитал: «Год девятый, первый месяц Половодья, день двадцать второй. Царский указ Нехси, казнохранителю, начальнику Юга, «другу единственному», носителю опахала, которого ценит и хвалит Сын Солнца. Доставляющий своему владыке надобное из всех дальних земель, начальник чужеземных стран, внушающий им ужас, доставь своему владыке дары для отца его Амона и будешь

восхвален за это. Сделай то, что отрадно владыке. Отправляйся во главе кораблей в Землю Пунт, чтобы привезти деревья и благовония всякие. Отправляйся незамедлительно. Полагается на тебя Сын Солнца, как полагался всегда, посылая с поручением. Не мешкай!

Да будет исполнено согласно приказу, во благо его величества, живущего вечно!»

Хапусенеб навесил печать и, поцеловав ее, вручил свиток Нехси. Великан бросился прочь. В соседнем зале раздался его устрашающий рев.

Губы царицы раздвинулись в улыбке, на щеках обозначились ямочки. Она посмотрела туда, где стоял строитель Сененмут. Не сомневаясь в значении лучистого взгляда светлых продолговатых глаз, «начальник работ» приблизился к трону. Спокойный, надменный, он подошел к ступеням, ведущим на возвышение, и встал по левую руку царицы, как если бы это место всегда принадлежало ему.

Пять водорезов рассекали воды Великой Зелени. Сто пятьдесят гребцов, по тридцать на каждом корабле, по пятнадцать на каждом борту, поднимали и опускали весла. Десять рулевых, по два на каждой корме, приводили в движение большие кормила, установленные на высокой подставке.

Легки и надежны корабли фараона. Построенные из лучшего привозного леса, они могут выдержать любой натиск моря. На палубе мачта в сорок локтей, ее держат четыре подпорки. Парус в тридцать локтей натянут на две реи. Четыре матроса едва управляются с огромным квадратным полотнищем.

Прочны корабли фараона. Их округлые низкие кили суживаются к носу и корме. Корма длиннее и выше носа. Изгибаясь внутрь, она повисает над палубой деревянным раскрашенным лотосом. Борта кораблей всего на локоть приподняты над палубой, но в случае битвы их можно поднять с помощью длинной обшивки, чтобы обезопасить гребцов. В трюмах лежат подарки жителям Пунта и оружие. Оружия много.

По устойчивости и изяществу очертаний корабли фараона могли поспорить с любыми другими, зато уступали флоту соседних стран в опыте плавания по морям. Корабли фараона в основном бороздили великую реку Хапи: на север, к дельте,— на веслах, на юг, к порогам,— под парусом. Корабельщикам страны Та-Кемет не нравилось отрываться от земли. И сейчас, плывя по Великой Зелени, они не упускали берег из виду. Днем двигались вдоль побережья, а стоило стемнеть, вставали на якорь, чтобы не разбиться о рифы.

Пять кораблей плыли по морю, держа курс на юг. На борту флагмана, где находился Нехси, красовались большие, широко раскрытые глаза, наведенные зеленой краской. Нехси сидел в золоченом кресле под тростниковым навесом плетеной каюты. Бездействие мучило великана. Бронзовый лоб собирался в складки. Взгляд лениво следил за разбегавшимися от бортов тяжелыми плотными волнами, окрашенными синевой неба в цвет драгоценного лазурита.

— Море неверно назвали Зеленым, его надо назвать Великой Синью,— сказал он художнику.

Художник сидел на циновке под тем же навесом, поджав под себя скрещенные ноги, как сидят писцы. Тонкой тростинкой он зарисовывал все, что летало и плавало вокруг корабля. Дельфины, бакланы, нырки, юркие сардины, черепахи, плывшие в своих роговых панцирях, как маленькие острова. Художник вглядывался, определяя форму, отбирал главное, острая тростинка запечатлевала увиденное и осознанное на скалах белого известняка. Иначе как удержать в памяти причудливых обитателей Великой Зелени? А им предстояло найти свое место на стенах Амон Джесер джесеру.

В ответ на ленивое замечание, брошенное Нехси о море, художник, не отрывая глаз от пластинки, махнул тростниковым пером в сторону берега и сказал:

— Великое Красное — вот настоящее имя этого моря.

Нехси повел глазами вслед за жестом художника. В прибрежной полосе вздымались постройки коралловых рифов. Волны бились и пенились, вскипая красными гребешками. Красные брызги летели в стороны, словно драгоценные сердолики из лопнувшего ожерелья. Между рифами расплывались зыбкие темно-красные, менявшие очертания пятна.

— Красные водоросли,— произнес Нехси со вздохом.

Зеленое, синее или красное — в любом своем виде море ему надоело. Он устал от жары, от непрестанного ветра. Густая соленая вода, такая теплая, что в нее не хотелось окунуться, вызывала в нем отвращение.

— Дай посмотрю,— Нехси протянул руку, слегка раздвинув огромные пальцы. Художник вложил между ними пластинку с незавершенным рисунком меч-рыбы. В огромной руке чудище выглядело хрупкой сардинкой. Нехси долго держал известняк на раскрытой ладони. Его мысли были далеко.

— Возьми,— вернул он пластинку художнику.— Твои рисунки прославят великое. Я сделаю то, что никому не под силу. Я проведу корабли в Землю Пунт и обратно, в Обе Земли. Я пройду через пески и войду с кораблями прямо в Висе. Что сможет тогда сказать безродный Сененмут, выскочка, зодчий, сын простого судьи? Я же, наследник знатного титула и хранитель сокровищ, сложу к ногам Сына Солнца все, что доставлю из Пунта, и скажу: «Вот я, совершивший это». Я сделаю так, и не будет иначе.

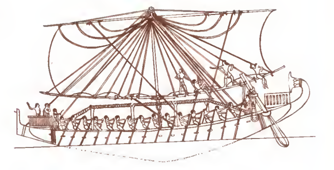
«Ты сделаешь так,— подумал художник.— Но все, что ты сделаешь, послужит для большей славы Амон Джесер джесеру и того, кого ты назвал безродным выскочкой».

— А ну, торопись, пошевеливайся! — в воздухе просвистел хлесткий щелчок, прервавший мысли художника. Это надсмотрщик Набири напомнил уставшим гребцам о существовании своей четыреххвостой плети. Гребцы, словно огромное тридцатирукое существо, опустили весла в воду и налегли на них что было силы.

Через день корабли вошли в гавань с пологими берегами. Долгожданная и таинственная земля по имени Пунт! Не о ней ли рассказывали слепые сказочники, нараспев повествуя о погибших в волнах и Золотом Змие, хозяине благовоний?! Где он, страшный и добрый Змий, наделивший богатством спасшегося морехода?

На берегу возвышался зеленый холм. На его склонах паслись коровы и овцы с рогами, растущими вбок. Даже с кораблей было видно, как обильно порос холм кунжутом и душистой акацией,

Прорисовка рельефа из храма Дейр-эль-Бахри: «Корабль плывет в Пунт»

пригодными для получения смолы и благовонных масел. А разве не ради запаха для дыхания бога приплыли в Пунт корабли?

Селение раскинулось за холмом, служившим надежной защитой от постоянного влажного ветра. Плетеные круглые хижины выстроились рядами. Остроконечные крыши почти касались листвы раскидистых пальм с двумя и тремя стволами. Из-за страха перед дикими зверями хижины были подняты высоко над землей столбами-подпорками. Наверх взбирались по приставным лестницам.

В тот день, когда посланцы Обеих Земель вышли на берег и разбили свои шатры, в хижинах не остался ни стар, ни млад. Все столпились вокруг прибывших, дивясь и разглядывая людей в белых складчатых набедренных повязках и в черных накладных волосах, словно те спустились к ним прямо с неба.

Нехси, большой, веселый, улыбающийся во весь рот, доверительно хватал пунтийцев за плечи, похлопывал по спине. В знак мира он бросил на землю оружие: ни палицы в руке, ни кинжала за поясом. Но рядом встали воины. У этих оружие при себе. Плечистые, рослые, они представляли собой внушительный отряд. За плечами копья и стрелы с бронзовыми наконечниками, в руках длинные луки из роговых пластин, за опояской пращи и изогнутые кинжалы.

Трудно ли уразуметь смысл взятого на изготовку оружия? Знатные люди Пунта вышли вперед и склонились до самой земли.

Художник едва успевал зарисовывать. Известняковые пластинки кончились. Пришлось разбить несколько тонких кувшинов. Лощеные черепки не худший материал для набросков. Уголь и цветные камушки заменят краску. Хижины, прирученные обезьяны, прыгающие с ветки на ветку думпальм и бананов, собаки, свернувшиеся в тени,— все это надо было запечатлеть. Облик пунтийцев не одинаков: у одних кожа темная, как древесина черного дерева или смола, у других лишь смуглая, мало чем отличающаяся от цвета кожи людей Та-Кемет. У чернокожих крупные губы, большие глаза навыкате и курчавые волосы. У светлокожих волосы заплетены в косицы. Глаза у них продолговатые, узкие, нос с горбинкой, на подбородке острая, клином черная борода. Художник хватал то уголь, то желтый мелок.

Вот все пунтийцы рухнули на колени. Появился их правитель. Он важно шествовал, опираясь на посох. Его ноги были украшены множеством золотых колец.

— Пареху!— закричали пунтийцы. Нехси закивал головой, дога-

давшись, что это имя правителя.

Пареху приблизился. Губы его улыбались. Глаза зло перебегали от столика с разложенными подарками к отряду, поигрывающему оружием.

— Ити!— закричали пунтийцы и замахали руками, приветствуя женщину такую толстую, каких не встретишь в Та-Кемет.

При виде пунтийской правительницы Нехси восторженно хлопнул себя по бедрам и схватил со стола самое крупное ожерелье, намереваясь надеть его на ее толстую шею.

Жена Пареху ехала на осле. Пешком ей вряд ли удалось бы сделать более десяти шагов. Как только осел нес эту тушу, раскормленную так, чтобы служить символом богатства!

С помощью слуг Ити сползла на землю и заковыляла к гостям. Складки толстого живота колыхались при каждом шаге. За Ити следовали два сына и дочь. Мальчики шли, девочка ехала на осле. Она была уже так толста, что обещала скоро повторить облик матери.

Нехси понравились пунтийцы. Он угощал всех без разбора пивом и винами Обеих Земель. Фаянсовые бусы и кольца швырял в толпу пригоршнями. Пареху деланно улыбался и зло кивал головой. Он знал, что за этим последует. Взамен цветных безделушек ему придется поднести так много бесценных вещей, что подарок станет похожим на дань.

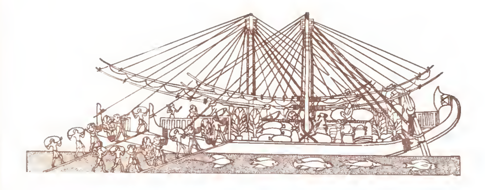
В течение нескольких дней по сходням сновали грузчики. «Чудеса Пунта» грудами лежали на песчаной отмели. Светились бруски необработанного золота, благородным блеском мерцала слоновая кость, пушистые выделанные шкуры играли переливчатым ворсом. Одних благовоний насчитывалось четырнадцать названий.

— А ну, торопись! А ну, торопись! Пошевеливайся!— Четыреххвостая плеть Набири то и дело опускалась на плечи грузчиков, подгоняя уставших.

Нехси сам наблюдал за погрузкой. Широко раздвинув огромные, как колонны, ноги, он сидел в золоченом кресле, вынесенном на берег. Два чернокожих раба склоняли над ним опахала из радужных перьев, ограждая от пыли, поднятой людьми и животными. Мимо Нехси вели длинноногих собак, приученных догонять ланей, кротких жирафов с глазами томных красавиц, вертлявых кефу-мартышек. Сгибаясь под тяжестью, носильщики волокли на шестах кадки с деревьями Пунта.

Великан похохатывал удовлетворенно. Он предвкушал, как сложит дары перед Сыном Солнца и поведет рассказ о земле, известной до этого лишь по сказкам. Ему не терпелось снова занять утраченное место по левую сторону трона. Он окончательно решил, что обратный путь будет им сокращен и корабли он приведет прямо в Город.

Если не считать некоторых деталей, необходимых для связного повествования, нет ничего вымышленного в рассказе об экспедиции, посетившей восточное побережье Африканского Рога на три тысячелетия раньше, чем корабли Васко да Гамы обогнули Африканский материк. Даже четыреххвостая плеть Набири, и та существовала на самом деле. Ее нашли американские археологи в развалинах Амон

Прорисовка рельефа из храма Дейр-эль-Бахри: «Погрузка пунтийских даров»

Джесер джесеру. На рукоятке, отполированной длительным пользованием, ясно читается имя владельца. Четкий столбец иероглифов нетрудно разглядеть на фотографии плетки, напечатанной в одном из бюллетеней Метрополитен-музея, снарядившего в тридцатых годах экспедицию в Дейр-эль-Бахри — местность на западном берегу Нила, в семистах сорока километрах южнее Каира, где расположен прославленный храм.

Амон Джесер джесеру не раз привлекал к себе внимание археологов. С середины девятнадцатого века, сменяя друг друга, в Дейр-эль-Бахри вели раскопки французы, англичане, немцы. Потом пришла очередь американцев. С 1961 года Амон Джесер джесеру стал объектом работ археологов Варшавского университета.

Собственно говоря, египетское название храма из употребления вышло. Оно осталось в глубине ушедших веков вместе с рядом других древних названий. Египтяне свою страну называли Та-Кемет — Черная Земля. Еще они говорили «Обе Земли», имея в виду юг и север, объединенные в одну державу. Свою столицу египтяне называли Висе (или Город), единственную водную артерию, принесшую жизнь в сухие пески,— Хапи (или Река).

Греки переделали Та-Кемет в Египет, Висе — в Фивы. Нилом стала называться река. Греки не только составили описание Египта, присвоив местностям те названия, которыми мы пользуемся по сей день, но и передали потомкам ряд ценных сведений, собранных египетскими путешественниками. Исследования египтянами верхнего Нила, Ливийской пустыни, Красного моря с его побережьями — все это стало достоянием греческих авторов, вошло в «Географию» Страбона, в труды Птолемея. И хотя имена египетских ученых при этом остались неизвестными, все же именно Древний Египет стал родиной географии Африки. Сведения, собранные египтянами, любопытны и полны красочными подробностями, о чем свидетельствует храм Хатшепсут в Дейр-эль-Бахри.

Идя то правым, то левым галсом, фелюга, в которой разместилась наша группа, пересекала Нил, держа курс на западный берег. Рослый нубиец в просторной галабее до пят управлял треугольным парусом. Он делал это небрежно, словно играл снастями. Откидывались назад широкие рукава галабеи, по локоть обнажая темные

руки, вздрагивали завитки черных волос над бронзовым лбом, и фелюга меняла галс.

Всю первую половину дня мы провели в Карнаке, который в древности называли Северным домом Амона. Высокие стройные пальмы рядом с колоннами храма казались тростинками. Ширина колонн была такова, что мы и впятером не обхватили бы любую из них. Здесь все измерялось большими величинами, особенно время. Казалось, храм существовал вечно. Геродот и Диодор, сами принадлежавшие к векам мифически далеким, бродили среди дворов и святилищ Карнака, когда Фивы давно пережили свое могущество и лежали уже ниспровергнутыми.

Свежий ветер, дававший знать, что на дворе февраль с его прохладной для Египта температурой +18 градусов, гнал по воде быстрые невысокие волны. Они бились о борт и, обогнув фелюгу, убегали прочь.

Западный берег надвинулся ливийскими скалами. На фоне оранжево-желтых кряжей виднелись розоватые ярусы залитых послеполуденным солнцем колоннад храма.

Древние египтяне превратили берег заката в гигантский, ни с чем не сравнимый некрополь. Ливийские скалы они изрезали коридорами, склепами и молельнями. В течение тысячелетий скалы служили надежным укрытием мумиям, их каменным панцирем. В храмах, выстроившихся вдоль Нила, справлялись поминальные службы.

Дейр-эль-бахрский храм Хатшепсут спускается в долину тремя террасами, разбитыми на отлогих уступах. Их чистые и гармоничные линии повторяют горизонтальные срезы вершин. Вертикали колонн поднимаются упорядоченным подобием отвесных выступов скал. Протянувшийся на четверть километра, трехъярусный храм все же открывается взору не постепенно, а сразу. Деяние человеческих рук настолько искусно соотнесено с природными формами, что может служить символом вечности. На какой-то момент время сместилось, настоящее вдвинулось в прошлое, и мне почудилось, что сам Сененмут, хорошо запомнившийся по статуям Каирского музея, стоя на третьей террасе, руководит ходом работ. Вызвать в воображении это зрелище помогли сновавшие наверху рабочие и сотрудники экспедиции Варшавского университета.

Поляки взяли на себя благородную миссию вернуть великому детищу великого зодчего его изначальный вид. Они до конца расчистили террасы и портики двух нижних дворов, поставили на место рухнувшие колонны, открыли проходы к рельефам. Восстановление третьей террасы — дело ближайшего будущего. А там, возможно, наступит время заполнить водой искусственные водоемы, остатки которых угадываются в каменистом грунте, и высадить тропические деревья, чтобы зашумела нагорная роща по обе стороны храма, как рассказывают об этом рельефы.

Рельефы — одна из главных достопримечательностей дейр-эль-бахрского храма. Они невысокие, плоские, раскрашенные, размещены поясами на свободном пространстве стен. Каждый представляет собой законченную композицию, но, чтобы понять общий смысл, их надо смотреть последовательно, один за другим, переводя взгляд с пояса на пояс, как переводишь глаза со строки на строку при чтении книги. Тогда отдельные «фразы» складываются в связный рассказ и раскрывается общий смысл повествования. Сходство «каменной

Погребальная ладья древних египтян

книги» с обычной усугубляется обилием надписей, сопровождающих каждый рельеф. Дополняя друг друга, слово и образ передают события с убедительной достоверностью. Далекое становится понятным. Дела давно минувшие делаются достоянием современности.

Я стою на средней террасе в ее южной части. Мимо меня, не сходя со стены и все же устремляясь на юг, проплывают пять кораблей. Четырехугольные полотнища парусов ловят ветер. По пятнадцать гребцов на каждом борту единым взмахом подняли весла. Постепенно мой взгляд отстает от движения кораблей. Я боюсь пропустить подробности. Их много, и все они интересны. Ни одну деталь корабельной оснастки не забыл художник. Морские существа — рыбы, черепахи, моллюски — изображены с такой выразительностью, что ихтиологам не пришлось ломать голову, изучая по рельефам виды древних обитателей Красного моря, или Великой Зелени, как называли его египтяне.

А селение в Пунте — круглые хижины на столбах, пасущиеся стада, многоствольные пальмы, обезьяны, собаки. Египтяне с большим интересом отнеслись к открытой земле. В полном смысле слова, не пожалев красок, они составили детальное описание этнического типа местного населения, быта, одежды, украшений, причесок. Особенно красноречивым становится художник, когда он рассказывает о приеме, что устроил Нехси для пунтийской знати: вооруженный отряд, столик с дарами, склонившиеся в поклоне пунтийцы, Пареху, двигающийся не торопясь, непомерно толстая Ити. Не отстает от художника и писец. А может, правильнее назвать писателем того, кто снабдил изображения текстами? Теперь он не ограничивается короткими сообщениями вроде: «Вошли суда в порт». Текст становится пространным: «Знатные люди Пунта говорят, прося мира: «Вы прибыли сюда, в эту страну, неведомую вам раньше. Прошли ли вы путем неба или прибыли по воде? Для фараона нет закрытых дорог. Мы живем дыханием, которое он дает нам» ».

В тех случаях, когда надписи остаются короткими, они приобре-

тают эмоциональную окраску. Египтян поразила выносливость животного, способного нести на себе раскормленную Ити. Текст гласит: «Вот осел! Он возит жену правителя!» Грузчик изнемогает под тяжестью кадки с ветвистым деревом, в его уста вложен возглас: «Ох, и непосильная же ноша!» Стоном подневольного труда звучит этот крик со стен дейр-эль-бахрского храма.

В один из самых увлекательных моментов повествования мои глаза не находят очередной «страницы». Она «вырвана»! Чьи-то преступные руки выломали рельеф, а ведь «каменная книга» была «издана» в одном экземпляре, и любая потеря невосполнима.

Пропустив это место, зияющее как рана, я приступаю к «чтению» последней, заключительной части «Путешествия в Пунт». Она озаглавлена «Причаливание на радость». (Тексты рельефов дейр-эль-бахрского храма давно изданы и переведены на русский язык.) Корабли прибыли в Фивы. Все, что привезли они в пяти трюмах, сложено к ногам Амона. Получив дары, бог обращается к царице: «Земля — вот не была она раньше известна, гавань благовоний — не видели ее раньше люди Обеих Земель. О ней только рассказывали, передавая из рода в род со времен предков. Никто не достиг ее, кроме твоих посланцев. Я вел твоих моряков сам, своим сердцем».

Царица довольна. Веселая и торжественная, она восседает на троне. Перед ней Хапусенеб, Сененмут и Нехси. «Красота царицы сверкает, подобно звездам, на виду у всей земли».

Восхваляя красоту Хатшепсут, тексты не грешат чрезмерным преувеличением. Облик ее был действительно привлекателен. Многочисленные статуи, украшавшие некогда храм, передают миловидное, округлой формы лицо с маленьким крепким подбородком, с миндалевидными большими глазами под дугами высоких бровей. Уголки губ постоянно приподняты в легкой улыбке, отчего на щеках возникают ямочки. Но по-женски мягкая Хатшепсут отличалась истинно мужским властолюбием. Не случайно красавица царица приказывала изображать себя с мужской накладной бородкой и титуловалась не царицей, а фараоном, не дочерью, а сыном Солнца. Для доказательства законности своих претензий на трон Хатшепсут, царствовавшая с 1525 по 1503 г. до н. э., вынуждена была пустить в ход легенду о своем чудесном рождении. Ряд рельефов дейр-эль-бахрского храма повествует о браке матери царицы с верховным богом Амоном. Но если не считать тех измышлений, на которые приходилось опираться самодержице, узурпировавшей престол у малолетнего пасынка, рельефы и тексты храма повествуют о реальных делах. Описания отличаются такой полнотой и конкретностью, что, рассказывая о событиях тех давних лет, не приходится фантазировать. Экспедиция в Пунт, начиная от решения отправить корабли и кончая «причаливанием на радость», воссоздается в мельчайших деталях. Вот, например, как описывается тот знаменательный день, когда был отдан приказ отправить корабли в далекий Пунт: «В год девятый было заседание в приемном зале. Появление фараона в короне Обеих Земель на троне из белого золота посреди красот его двора. Собрались сановники»... и так далее вплоть до повеления царицы немедленно двинуться в путь за деревьями Пунта, чтобы высадить их по обе стороны храма, «согласно воле божественного Амона, совет которого был услышан». Даже год, когда был услышан оракул, и тот обозначен в «каменной летописи».

«Как? — вправе воскликнуть тот, кто не знаком с особенностями изваяний древних египтян,— уж не относится ли мистический «совет бога» к числу реальных событий царствования Хатшепсут?»

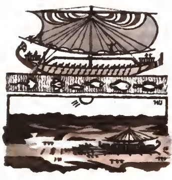
Скорее всего, да. Во всяком случае в том, что «совет» был дан и услышан, нет ничего мистического.

В Каирском музее египетских древностей нам показали известковую статую Ра-Гормахиса. Над правым ухом каменного божества начинается узкий сквозной канал, завершающийся на спине. То, что можно увидеть в музее, в древнем святилище тщательно скрывалось. К тому же Ра-Гормахис стоял вплотную к стене. Об этом свидетельствует гладко стесанная тыльная сторона. Стена, очевидно, также имела канал в смежное помещение. И оттуда жрец, взявший на себя роль «уст бога», мог изрекать сакраментальные слова.

Каирская статуя не единственная в своем роде. Коллекция египетских памятников Лувра располагает деревянной головой бога-шакала Анубиса. В пустотелой пасти клыкастого бога укреплен механизм, с помощью которого нижняя челюсть могла двигаться.

Для чего понадобилось такое устройство? Чтобы правдоподобнее звучали слова этого оракула. Стоит ли удивляться, что один из «говорящих богов» оказался в Северном доме Амона — самом большом святилище верховного божества — и Сененмут воспользовался особым устройством, чтобы убрать с пути мешавшего ему Нехси? Заставить статую «говорить» для Сененмута труда не составляло. Помимо должностей «руководителя работ царя», «великого домоправителя фараона» и многих других великий зодчий, ставший невенчанным супругом царицы, располагал еще одним немаловажным званием: он был «начальником таинств в доме Амона».

Невероятным представляется другое. В тексте рельефов есть указания на то, что обратный путь кораблей лежал через пустыню в Фивы. Выходит, их тянули волоком по Вади-Хаммамату, высохшему в незапамятные времена нильскому рукаву, протянувшемуся от Красного моря до Коптоса, соседнего с Фивами города. Проделать с судами через пустыню стопятидесятикилометровый путь — вот истинное чудо! Даже в том случае, если обильные дожди или какие-либо другие причины вызвали временное обводнение Вади-Хаммамата, облегчившее путешественникам возвращение на родину, задача, с которой справились египетские мореходы, настолько сложна, что успех экспедиции трудно переоценить. Не случайно путешествие пяти кораблей вошло в историю мирового мореплавания, а сведения, запечатленные на стене дейр-эль-бахрского храма, составили одну из достовернейших глав в географии древней Африки.

ЮРИЙ АРАКЧЕЕВ

СОЛНЦЕ НА КРЫЛЬЯХ

Очерк

Художник Н. БИСТИ

Таинственные и прекрасные

Траурная мантия, Царский плащ.
Ахилл, Гектор, Менелай, Улисс.
Аполлои, Феб, Артемида, Геба.
Селена, Аглая, Галатея, Ио, Мегера, Поликсена, Миемозина.
Гипермнестра, Пандора, Икар.
Цыганка, Монашенка, Стрельчатка-зайчик, Улитка, Ослик.
Медведица бурая, Медведица-нищенка, Медведица-хозяйка, Медведица-госпожа.
Огненный червонец, Мертвая голова, Зорька-Аврора.
Пядеиица великолепиая, Пядеиица толстобедрая, Совка-старушка.
Орденская лента, Крашеная дама, Ледяная птица.
Красавица, Моиарх, Адмирал, Тамара.
Лесной сатир, Зелеио-желтое облако, Лунка серебрнстая, Орион, Махаои, Подалирий...

Все это — названия бабочек. Создавая животный мир и распределяя краски, природа в какой-то счастливый миг не сдержалась. Может быть, особенно хорошее настроение у нее было? Всеми цветами и оттенками радуги пестрят эти удивительные создания! Каких прекрасных, а то и загадочных рисунков на их крыльях только нет! И вот что поразительно: зачем? Для чего бабочкам такой необычайно красивый наряд?

В древнегреческой мифологии олицетворением бессмертной человеческой души была Психея — девушка с крыльями бабочки. Превращение гусеницы в неподвижную, «мертвую» куколку, а затем выход из куколки прекрасной порхающей бабочки сравнивались со смертью человека, а затем вылетом из тела бессмертной души. Бог сна Гипнос также изображался с крыльями бабочки на голове, так как сон считался периодическим освобождением души от земных уз...

Были, да и сейчас есть, люди, всю свою жизнь посвятившие

коллекционированию этих прекрасных созданий. Одно время, когда хорошие коллекции были редкостью, они стоили огромные деньги, считались национальным достоянием. Короли с удовольствием принимали в подарок бабочек редких расцветок. Экземпляр южноамериканской бабочки Морфо ценился особенно высоко, ювелиры украшали ее небесно-синими, отливающими перламутром крыльями дорогие изделия — колье, медальоны, пепельницы, чаши, подносы, шкатулки... Естественно, что женщины тоже не упускали счастливой возможности: они пристраивали крылья бабочек в своих прическах, прикалывали их к платьям.

Целые южноамериканские деревни жили тем, что ловили и продавали европейским собирателям и ювелирам особенно красивые экземпляры. Ради поимки какого-нибудь редкого вида бабочек организовывались экспедиции. По свидетельству русского писателя Н. Ф. Золотницкого, огромная бабочка Антимах, скорее похожая на летучую мышь, чем на насекомое, обошлась Кенсингтонскому музею в Англии в 5 тысяч рублей в переводе на тогдашние русские деньги.

В наше время, в самом начале 70-х годов, газета «Комсомольская правда» опубликовала заметку о том, что на Дальнем Востоке, в районе Партизанска, среди скал, отважный советский энтомолог А. И. Куренцов с риском для жизни поймал два экземпляра — самца и самку — редчайшей серебристо-зеленой Перламутровки, за что удостоился поздравления своих бразильских коллег, хотя Бразилия, как известно, обладает самой богатой фауной бабочек в мире. Центральная газета не пожалела места для такой заметки, и это, по-моему, великолепно. Я даже подумал: а не возрождение ли это законного интереса к крылатым созданиям? Ведь хороших книг о насекомых у нас очень мало, а полного атласа бабочек и гусениц вообще нет...

Правда, есть Зоомузей и его выставленная для всеобщего обозрения коллекция насекомых. Тропические бабочки так красивы, так огромны, что кажутся ненастоящими. Невозможно поверить, что столь экзотические, столь изысканно и ярко окрашенные существа могут быть живы, могут где-то летать, садиться на цветы... Ведь самая крупная в мире бабочка — бразильская Совка Агриппа — в несколько раз больше, чем самая маленькая птица колибри, в размахе крыльев она больше даже, чем воробей, синица, скворец. Свыше 30 сантиметров — вот каким бывает размах ее крыльев! А роскошные, отливающие перламутром Морфиды? Неужели в результате прозаического естественного отбора могла родиться такая небесная красота? Именно небесная, потому что у Менелая или Киприды, например, крылья цвета полуденного чистого неба с солнечным каким-то отливом, а у очаровательной Евгении, названной так по имени французской императрицы, страстной любительницы бабочек, — опалового, жемчужного, с ускользающими легкими переливами розового и голубого — утренняя туманная дымка при восходе солнца.

О Евгении интересно пишет известный французский энтомолог-коллекционер Ле Мульт. Эта бабочка, представительница семейства Морфид, считалась настолько редкой, что некоторые энтомологи вообще сомневались в ее существовании. И вот однажды ранним утром, на заре, Ле Мульт отправился в джунгли Гвинеи, где он тогда

жил, и в сумеречном свете утра увидел промелькнувшую тень какой-то Морфиды. Он удивился потому, что ослепительные бабочки Морфо летали обычно в разгаре дня. Ему удалось поймать загадочную утреннюю красавицу. Ею оказалась редчайшая Евгения. Так выяснилось, что бабочки эти летают только на утренних зорях, когда другие, дневные, еще спят, потому и не попадалась она энтомологам. Вот почему крылья у нее такого необычайного, ускользающего розовато-голубовато-опалового цвета...

Но тропики есть тропики. А войдите-ка вы в наш, подмосковный, спокойный, приветливый лес, выйдите на солнечную поляну... Посмотрите, как весело пляшут над цветами белые крупные хлопья капустниц и брюквенниц, мелькают канареечные лимонницы, пестро-коричневые, рябящие на лету крапивницы...

Многие из моих юношеских воспоминаний связаны с бабочками. Помню, как в поселке Никольское, под Москвой, я впервые принялся собирать коллекцию, расправлял бабочек по правилам, вычитанным в книжке Аксакова, а однажды на окраине поселка увидел красивого редкого Махаона («Кавалер Махаон» — так назывался он у Аксакова). Поймать не сумел, но на всю жизнь запомнил, приняв это за добрый знак, махаоны ведь редки в наших краях, мне с тех пор он ни разу под Москвой не встречался... Помню, как однажды мой полуторагодовалый брат вдруг стал делать мне какие-то многозначительные, непонятные знаки, указывая пальчиком в сторону сада. Мы с бабушкой заинтересовались поведением малыша, пошли вместе с ним туда, куда он показывал, и что же вы думаете? На уровне его росточка в темном месте под карнизом веранды сидела ночная бабочка. И какая! Свежий, ничуть не потертый экземпляр Медведицы Кайя в совершенно невероятном наряде: бархатные, шоколадно-бурые, с белыми жилками верхние крылья и ярко-оранжевые, с небесно-голубыми пятнами нижние. Я смотрел и глазам не верил: откуда взялась в наших скромных широтах такая экзотика?

Уезжая из Никольского, я нашел на садовой дорожке полосатую темную гусеницу, взял ее с собой. В Москве она тотчас окуклилась, и однажды утром, заглянув в банку, я так и застыл пораженный. Темная, неподвижная, кажущаяся мертвой куколка лопнула, и из нее вылезло нечто пока еще не совсем понятное, но уже прекрасное. Это была одна из самых красивых наших бабочек — Адмирал, или Ванесса Аталанта по-латыни! Поначалу еще маленькие, младенчески сморщенные крылышки ее стали расправляться, расти, через полчаса в банке сидела уже Ванесса в своем полном великолепии — широко распахнутые черные крылья с ярко-красными перевязями и несколькими снежно-белыми пятнами. Внизу же валялась маленькая и такая никчемная шкурка куколки... Да, можно понять древних греков!

Зачем, зачем бабочки именно с нашей, человеческой точки зрения так красивы? Зачем так ошеломляюще прекрасны Морфиды и моли? Зачем парушнику Махаону или Подалирию эти длинные косицы-шпоры на концах задних крыльев (у Подалирия они еще и изящно перевитые)? У дальневосточной павлиноглазки Артемиды шпоры достигают настолько непропорциональной длины, что наверняка мешают в полете. Я уж не говорю о некоторых тропических бабочках, чьи шпоры в два раза длиннее самих крыльев! Правда, и

здесь нашлись ученые-энтомологи. Считается, что «шпоры» отвлекают птиц-охотников от жизненно важных органов бабочки и схватившая за шпоры птица, отрывая эту шпору, остается ни с чем. Что ж, возможно... Приблизительно ту же роль приписывают иногда и ярким глазкам и пятнам на крыльях, например, у Аполлона. Они якобы отвлекают птиц на себя, и птица промахивается, увлекшись пятном и не обращая должного внимания на брюшко. Может быть, может быть...

Но вот у многих бабочек как раз брюшко-то и выделяется четко, а у огромного ночного бражника Мертвая голова на спинке, на самом что ни на есть жизненно важном месте, изображен известный знак — череп с костями. Остается только предположить, что для птиц этот знак столь же выразителен, как и для нас, людей...

Крыло знаменитой бабочки Каллимы воспроизводит увядший лист с такой точностью, что фитопатологи смогли даже установить вид плесени, который на этом «листе» изображен! Самое поразительное здесь то, что для обмана хищников такой виртуозности вовсе не нужно. Недалеко ушедшие в своем эстетическом развитии хищники обманываются гораздо более примитивными способами: вспомните хотя бы далекие от совершенства искусственные наживки для рыб, прекрасно, впрочем, исполняющие свою роль. Та же самая неразборчивость установлена учеными и у птиц. «Лучшие имитации,— пишет современный французский ученый Реми Шовен,— представляют собой, собственно говоря, сверхуподобления, бесполезные и абсурдные с точки зрения естественного отбора». Для кого же и для чего в таком случае стараются Каллима и другие?..

С апреля по октябрь летает в средней полосе бабочка из рода углокрыльниц, которая называется «С-белое». Называется она так потому, что на оборотной стороне ее крыльев, на почти черном фоне, совершенно четко, будто белилами, выведена аккуратная латинская буква «С». А есть бабочка из рода ванесс «Эль-белое». Именно эта буква, тоже латинская, нарисована на ее крыльях. Есть волнянка «В-белое», металловидка «золотое В», «серебряное В», «золотое С»...

Видный ученый Курт Ламперт, составитель Атласа бабочек и гусениц Европы и отчасти среднеазиатских районов, переведенного на русский язык профессором Холодковским и изданного у нас в 1913 году, утверждал: «Вопрос о законах окраски бабочек принадлежит к числу самых спорных вопросов в энтомологии». В этом вопросе нет полной ясности до сих пор, как, впрочем, и во многих других.

Ну вот, например, миграции. Курт Ламперт пишет: «... Рудов наблюдал во время поездки на остров Борнхольм перелет капустниц, летевших густым облаком из Швеции через Балтийское море; пароход употребил более двадцати минут, чтобы миновать эту вереницу».

Отрывок из книги русского писателя В. Набокова, ученого-энтомолога: «... Движется по синеве длинное облако, состоящее из миллионов белянок, равнодушное к направлению ветра, всегда на одном и том же уровне над землей, мягко и плавно поднимаясь через холмы и опять погружаясь в долины, случайно встречаясь, быть может, с облаком других бабочек, желтых, просачиваясь через него без задержки, не замарав белизны, и дальше плывя, а к ночи садясь

на деревья, которые до утра стоят как осыпанные снегом, и снова снимаясь, чтобы продолжить путь,— куда? Зачем? Природой еще не доказано или уже забыто...

Наша репейница — Крашеная дама англичан, Красавица французов — в отличие от родственных ей видов не зимует в Европе, а рождается в африканской степи; там на заре удачливый путник может услышать, как вся степь, блистая в первых лучах, трещит и хрустит от несчетного количества лопающихся хризалид. Оттуда без промедления она пускается в северный путь ранней весной, достигая берегов Европы, вдруг на день, на два оживляя крымские сады и террасы Ривьеры; не задерживаясь, но всюду оставляя особей на летний развод, поднимается дальше на север и к концу мая, уже одиночками, достигает Шотландии, Гельголанда, наших мест, а там и крайнего севера земли: ее ловили в Исландии! Странным, ни на что не похожим полетом, бледная, едва узнаваемая, обезумелая бабочка, избрав сухую прогалину, «колесит» между лешинских елок, а к концу лета на чертополохе, на астрах уже наслаждается жизнью ее прелестное розоватое потомство. Самое трогательное... это то, что в первые холодные дни наблюдается обратное явление, отлив: бабочка стремится на юг, на зимовку, но, разумеется, гибнет, не долетев до тепла».

Известно также, что Мертвая голова, а равно некоторые другие бражники — например, олеандровый — путешествуют с юга на север, пролетая сотни километров без посадки. Описаны случаи залета олеандрового бражника, распространенного в средиземноморских странах, в Ленинград и Эстонию.

Странствуют не только бабочки, но и гусеницы. Самое же удивительное здесь то, что странствия гусениц, а особенно перелеты бабочек (как и известные всем миграции громадных стай саранчи) трудно объяснимы. Далеко не всегда они оправданы поисками корма...

Всем известно, что ночные бабочки ночью летят на свет. Сколько стихотворений написано по этому поводу, сколько рассказов и сказок! Нежное, эфемерное создание, стремящееся издалека к источнику света, летящее напрямик, не разбирая дороги, спешащее, колотящееся в стекло, если оно на пути,— и лишь для того, чтобы опалить свои прекрасные крылышки, а то и сгореть совсем... А днем, когда кругом такое богатство света, когда светит солнце — ярчайший источник, скромные ночные бабочки прячутся в какую-нибудь темную щель. Если они так любят свет и летят к его источнику ночью, забыв обо всем, то почему же прячутся от него днем?

Существуют разные версии по этому поводу. Одна из них, наиболее общепринятая, следующая: бабочки летят на свет потому, что ночные цветы, с которых они обычно собирают нектар,— белые. Источник света, таким образом, напоминает им цветок... Но почему в таком случае они не летят на Луну? Потому что она слишком высоко? Но ведь когда Луна встает, ее пятно светится очень низко...

Нет, по-моему, тут что-то более сложное и, наверное, поэтичное. Обратите внимание на крылья любой ночной бабочки. Какой изысканный, какой утонченный рисунок! Не чета приторно ярким краскам денниц... Самое же поразительное, что если дневных бабочек видят все и нам очень легко пристегнуть тут учение о видах

окрасок, то, простите пожалуйста, я хочу спросить, почему ночные бабочки так красивы? Ну, хорошо, некоторые из них, такие, как, например, пяденицы, окрашены так, чтобы замаскироваться на коре березы или другого какого-нибудь дерева. Глядишь, и птица не заметит, когда бабочка на коре весь день неподвижно сидит. Верно. Есть и здесь своя отпугивающая окраска, как, например, «глаза» у ночного Павлиньего глаза или гигантской, самой большой в Европе бабочки Атлас. Есть яркие красные или голубые полосы Орденской ленты, причем обычно нижние полосатые крылья ее прикрыты верхними серенькими, маскировочными, а стоит птице или кому-то еще дотронуться до сидящей на коре дерева, почти незаметной бабочки, как она тотчас приоткрывает верхние крылья, внезапно «пугая» яркими нижними. Все так. Но вы попробуйте рассмотреть как следует верхние маскировочные. Рассмотрите внимательно пядениц, стрельчаток, некоторых огневок, хохлаток, волнянок, совок. Они ведь очень красивы, хотя и скромны. Есть совка, которая так и называется: Божественная. А моли, разряженные как будто бы в цветные меха? Они тоже сумеречные или ночные! Если рисунок крыльев нужен только для маскировки или только для отпугивания, то почему же он так совершенен? Многие же ночные бабочки вообще прячутся очень далеко, например в дупла, где днем их никто не может увидеть. И все же узор их крыльев — образец совершенства. Почему?

И почему они так неудержимо летят на свет? Простите за самонадеянность, но я придумал свою версию на этот счет. Мне кажется, что ночные бабочки вообще натуры гораздо более тонкие, чем дневные. Они, разумеется, обожают свет — разве можно свет не любить? Поэтому источник света в ночи манит их, притягивает. Слишком тонкие ценители, истинные знатоки, они, однако, не выдерживают ослепляющей щедрости дня. Солнечное дневное великолепие — слишком сильное наслаждение для этих светолюбивых натур, ведь все чрезмерное несет с собой гибель...

Английский ученый доктор Вильямс настолько заинтересовался ночными полетами бабочек, что принялся во множестве вылавливать этих гурманов света в светоловушки, а затем тщательно исследовать их. За четыре года отчаянный исследователь выловил около 450 тысяч бабочек. Ценой такого огромного количества загубленных жизней он установил, например, что самки многих видов летают гораздо выше над землей, чем самцы. Разница уровней полета настолько велика, что можно поставить ловушки таким образом, чтобы ловить одних самок (16 метров над землей). Как же самцы встречаются с самками, зачем вообще нужна эта разница уровней полета?

Так родилась еще одна загадка энтомологии.

Но может быть, самое интригующее в жизни таинственных крылатых созданий — это чрезвычайная, ни с чем не сравнимая чувствительность самца в поисках самки. Поразительным явлением горячо заинтересовался еще Жан-Анри Фабр, один из отцов энтомологии... Посмотрим, что говорит об этом французский ученый Реми Шовен в своей книге «Жизнь и нравы насекомых»:

«Подобно тому как самца бабочки привлекает пламя, его привлекает и самка. Он устремляется к ней за несколько километров, находя путь по издаваемому ею запаху. Я несколько раз был этому

свидетелем в то время, как искал куколок бабочек. Вспоминаю об одной из них, вылупившейся на следующий же день под колпачком из металлической сетки. Это была самка Сфинкс оцеллата великолепных серых и фиолетовых тонов, превосходная бабочка, застывшая на стенке колпачка. В тот же вечер мое внимание привлек какой-то шорох: об оконное стекло бился только что прилетевший самец серо-коричневой бабочки, крупный, с большими фиолетовыми пятнами. Я в задумчивости смотрел на него перед лицом всех проблем, поднимаемых с виду таким простым фактом.

Мелль высчитал, что самка может привлечь самца с расстояния 11 километров. Эта цифра кажется преувеличенной или по меньшей мере исключительной. Но совершенно точно установлено, что крупные самцы могут, и при этом очень легко, находить своих самок на расстоянии пяти-шести километров. Ведь известна нам привлекающая пахучая железа, крошечная и притом выделяющая запах, не воспринимаемый человеком. Если предположить, что вся она полностью состоит из одного только сильно пахнущего вещества, то расчет показывает, что раствор этого вещества в зоне радиусом около десяти километров поразителен; получается примерно одна молекула на кубический метр!..»

Как видите, загадок не счесть.

Кое-что, однако, известно. Известно, что количество видов бабочек, или — по-научному — чешуекрылых, достигает 140 тысяч. И почти каждый год ученые открывают все новые виды. По разнообразию форм бабочки уступают только жукам. Чтобы вы могли оценить эту цифру — 140 тысяч, вспомним, что количество видов всех позвоночных животных, обитающих на нашей планете,— млекопитающих, птиц, рыб, амфибий, пресмыкающихся — насчитывает лишь немногим более 40 тысяч. Чешуекрылыми они называются потому, что крылья их в отличие от крыльев других насекомых покрыты своеобразными мелкими чешуйками, различными по форме и по окраске. Чешуйки — это видоизмененные волоски. Именно им бабочки обязаны яркостью и красотой своих крыльев.

Они относятся к отделу насекомых с полным превращением. Это значит: сначала яйцо, потом гусеница (которая питается, растет и линяет несколько раз), затем куколка и только после этих сложных и трудно объяснимых метаморфоз — взрослая бабочка. Растет бабочка только в стадии гусеницы. Взрослые бабочки не растут.

Много едят бабочки тоже только в стадии гусеницы. Вообще пища гусениц очень разнообразна. Они едят все без исключения части растений: корень, ствол, стебли, листья, цветы, плоды, семена, а также многое другое, о чем речь впереди. Гусеницы одного какого-нибудь вида бабочек, как правило, едят что-то одно. Лишь некоторые из них многоядны. Так, например, серьезный садовый вредитель — американская белая бабочка может употреблять в пищу более двухсот различных пород растений.

Некоторые же гурманы, наоборот, не довольствуются естественной тканью растения, а, поселяясь на стебле или внутри стебля, пускают в сосуды растения свою слюну, после чего на стебле вырастает мясистый «орешек» — галл. Сочная ткань галла — это как раз то, что гусенице нужно. Гусеницы некоторых видов бабочек совершенно игнорируют растения, предпочитая им шерсть животных

н перья птиц. Таковы главным образом моли, в частности платяная моль. Гусеница мелкой африканской бабочки селится в рогах антилопы, а так называемая Восковая пиралида всем яствам предпочитает воск.

Есть среди гусениц бабочек даже хищники. Так,совка Талпохарес сцитула питается червецом, живущим на оливковом дереве, а злая хищница Калимния трапезина живет обычно в домике из листьев и, выходя на охоту, ест не только червячков и личинок, попадающихся ей на пути, но и себе подобных. Весьма агрессивны и гусеницы небесно-синей голубянки Икар—они безжалостно нападают друг на друга.

Но пожалуй, наиболее любопытен образ жизни гусениц голубянок еще одной породы. Эти небольшие червячки забираются в самые недра муравейника и там с удовольствием едят муравьиные яйца. Поразительно то, что хозяева не только не прогоняют кровожадную гостью, но и... кормят ее своим бесценным потомством. В чем же дело? Оказывается, рыжие труженики обожают слизывать липкие выделения гусеницы и как будто бы даже пьянеют от удовольствия.

Сменив шкурку несколько раз и набрав соответствующий вес, гусеница окукливается, т. е. последний раз сбрасывает гусеничное одеяние, и повисает где-нибудь в укромном месте в виде невзрачной сигарки. Многие, прежде чем сбросить одежды, навивают вокруг себя кокон, а то и зарываются в землю. Под хитиновой скорлупой сигарки происходит таинственное превращение ползающего червя в легкокрылое эфемерное создание—бабочку...

Едят эти прекрасные создания, конечно же, гораздо меньше, чем гусеницы, а пища их—пища богов, нектар. Нежный, тонкий, изящный, свивающийся в спиральку хоботок их прекрасно приспособлен для этой цели: он проникает в самые недра цветка.

Бабочки бывают разные. Хотя большинство из них ведут себя, как и положено красавицам,—перепархивают с цветка на цветок, однако есть и такие, которые цветочному нектару предпочитают сок, вытекающий из порезов и трещин на стволах деревьев, сок фруктов и овощей или даже... навоз. Углокрыльница «С-белое» и Переливница любят еще пот животных и человека. Некоторые же тропические бабочки дошли до того, что научились высасывать кровь. Их нежный хоботок постепенно огрубел, стал прочным и острым, проникающим сквозь кожу.

Итак, в массе этих красавиц есть алкоголички, фекалофилы, некрофилы, вампиры... А есть и воровки. Такова, например, печально известная пчеловодам бабочка Мертвая голова. Вечером, а то и ночью, когда уставшие пчелы угомонятся, она внезапно прилетает прямо в леток, гудит мощными крыльями, пищит (Мертвая голова—единственная наша бабочка, умеющая издавать звуки, хотя в тропиках есть и не такие крикуньи)—пищит то ли от страха, то ли, чтобы пчел испугать,—а сама бессовестно высасывает сотовый мед, собранный пчелами с таким трудом. За один прием она высасывает чуть ли не чайную ложку душистого меда, за что пчеловоды, конечно, смертельно ненавидят ее.

Куда приятнее узнать, что в отличие от этих, невоспитанных и прожорливых, некоторые бабочки вообще ничего не едят, а живут за счет накоплений, сделанных в стадии гусеницы. Вы только представьте себе, сколь многих хлопот лишаются эти аскеты! Летай

себе, порхай в свое удовольствие, встречайся с партнерами, води хороводы при солнце или при луне!

Живут взрослые бабочки несколько месяцев (Крушинница — до десяти месяцев), некоторые выводятся из куколок в конце лета, зимуют где-нибудь в куче сухих листьев или в щели, а с первым теплом вылетают и порхают над проталинами и вдоль дорог, хотя во многих местах лежит еще снег. Таковы наши траурницы, павлиньи глаза, крапивницы, лимонницы, многоцветницы, ванессы «Эль-белое», углокрыльницы «С». Другие бабочки зимуют в стадии куколок. Гусеницы некоторых видов живут до двух лет — таковы Древоточец пахучий и Древесница въедливая, оба они путешествуют в древесине деревьев. Личинки некоторых молей могут при особых (неблагоприятных!) условиях прожить целых семь лет!

Золушки и принцессы

Итак, бабочки любопытны, прекрасны, таинственны. Однако, увлекшись фотографией несекомых, я поначалу должного внимания им, надо признаться, не уделял. Почему? Может быть, потому, что они слишком уж пестры, привычно красивы, известны всем? Может быть. Когда впервые заглядываешь в микромир, то привлекает в первую очередь, конечно, то, о чем мы имеем смутное представление и обычно с высоты своего человеческого роста не замечаем или замечаем, но игнорируем, а еще хуже — относимся предвзято и с недоверием. Позже я понял, правда, что дело не только в этом. Хорошо сфотографировать известное и привычное гораздо труднее, чем то, к чему мы еще не успели привыкнуть. К тому же бабочки чутки, подобраться к ним на близкое расстояние не просто. И я с удовольствием фотографировал спокойно позирующих пауков, клопов, наездников, тлей, слизняков, улиток. И еще гусениц. Гусениц — особенно. Они были у меня на втором месте после обладающих индивидуальностью пауков...

Гусеницы исключительно фотогеничны. Они, можно сказать, просто созданы для фотографии. Дело тут не только в том, что они ползают достаточно медленно и позволяют приближаться к ним на любое расстояние, хотя это, конечно, немаловажно. Но гусеницы к тому же чрезвычайно пластичны. Позы, которые они принимают, удивительно грациозны, разнообразны, и здесь, пожалуй, никто из насекомых не может с ними сравниться. Кроме того, гусениц обычно достаточно много, и наибольшие усилия тратятся не на поиски их, а на художественные искания — позы, ракурса, фона. Но пожалуй, главное достоинство этих всем известных мохнатых или голых «противных червяков» — их разнообразие и расцветка.

Щедрая к бабочкам природа осталась верной себе и здесь. Честно говоря, я до сих пор так и не знаю, кто же красивее — бабочки или гусеницы? Здесь тоже можно сказать: нет такой краски, нет такого оттенка, которого мы не встретили бы на коже или на волосках гусениц. А сами волоски имеют всевозможную частоту и форму — от редких щетинок или колючек до густой длинноворсовой шубы, кисточек, плюмажей, фестонов, «страусовых перьев», завитых «усов». Есть гусеницы, похожие на шкуру рыжей лисицы или чернобурку; есть просто мохнатые, а есть аккуратно причесанные,

есть «бархатные», «кожаные», «дерматиновые», «замшевые», есть угольно-черные, а есть виноградно-прозрачные, даже медовые. Есть одноцветные, а есть поперечнополосатые, продольнополосатые, пегие, усыпанные аккуратными мелкими точками, бородавками, глазками, звездочками, крестиками и даже... «египетскими иероглифами» (Клеофона блаттериэ). Есть гусеницы-актеры, которые при встрече с предполагаемым врагом изображают вопросительный знак, сухой древесный сучок, змею, собачку, дракона, ни на что не похожее чудовище... Здесь, как и в отношении бабочек, можно говорить не только о покровительственной, отпугивающей, предупреждающей, мимикрирующей окраске, но и о соответствующем поведении. Все это имеет еще большее значение, потому что крыльев они не имеют, быстрых ног тоже, врагов же у них, пожалуй, больше, чем у любых других насекомых. Не случайно помимо всего прочего природа снабдила бабочек необычайной плодовитостью.

Я не хочу распространяться сейчас о вреде и пользе бабочек и их гусениц в народном хозяйстве. Скажу только, что есть несколько видов, которые, сильно размножаясь в отдельные годы, приносят огромный вред садам, огородам, лесам. Таковы сибирский, походный и непарный шелкопряды, кольчатый коконопряд, американская белая бабочка, монашенка, озимая совка, боярышница, капустная белянка и капустная совка, яблоневая плодожорка, некоторые бражники, медведицы, моли. Но в защиту бабочек должен обязательно добавить, что, во-первых, не всегда перечисленные виды приносят ощутимый вред, а лишь в годы необычайно массового размножения, а, во-вторых, среди всего громадного количества видов бабочек вредных всего-навсего около полутора процентов. Большинство же просто полезны как опылители растений, производители шелка и... как украшение лесов, полей, музеев и коллекций, не говоря уже о той огромной роли, которую бабочки, как, впрочем, и все другие насекомые и вообще животные, играют в сложившихся за тысячелетия природных процессах.

Помните рассказ Брэдбери «Сафари во времени»? Ведь путешественник в прошлое случайно загубил всего-навсего одну небольшую бабочку... А что из этого вышло? (Тем, кто не помнит, напомню: вышло очень плохо; мир из-за гибели этой бабочки стал гораздо хуже, чем мог бы быть, жизнь людей стала тусклой и безрадостной...)

Итак, гусеницы великолепны. Самые красивые из них — это, на мой взгляд, волнянки, стрельчатки, некоторые капюшонницы, совки. И тут мы опять сталкиваемся с таинственным.

Бабочки, которые выводятся из совершенно потрясающих по красоте гусениц, невзрачны. И наоборот. Из толстого голого зелено-пятнистого червяка выводится изящнейший, благороднейший Махаон или еще более эффектный Подалирий. Здесь есть, конечно, свои отступления от правил, тем не менее странная закономерность поражает.

Бывает и такое: из двух похожих друг на друга толстых зеленых червяков могут вывестись совершенно разные яркие феи. Ну так и кажется, что, понаделав огромное количество бабочек разных пород, природа вдруг спохватилась, все ли получились достаточно красивыми, и гусеницам тех бабочек, которые выглядят довольно скромно, дала самый прекрасный наряд.

А может быть, в назидание нам, людям, природа еще раз на примере бабочек продемонстрировала, что Золушкам есть на что надеяться, а принцессам лучше бы не гордиться чрезмерно — неизвестно еще, что там, впереди?

Если же еще подумать по этому поводу и вспомнить, как все же прекрасны ночные, невзрачные на первый взгляд, «серенькие» бабочки, то приходишь к мысли: Золушек, как таковых, вообще нет, и принцесс тоже. Все зависит от того, как смотреть.

Солнце на крыльях

Почему-то бывает так, что из множества событий, о которых мы мечтаем, какое-то одно вдруг становится самым желанным. И не всегда можно понять почему.

Ну, например, когда в юности я просто так, развлекаясь, занимался рыбной ловлей, мне больше всего на свете хотелось поймать леща.

Не сома, который жил в Круглом омуте и о котором ходили легенды (он будто бы глотает не только утят, но и взрослых уток), не голавля (рассказывали, что они бывают до пяти килограммов весом), не шереспера (исключительно сильную, бойкую и красивую рыбу), не старую щуку,— леща! Золотистого, как поднос, широкого. Килограмма на два, не больше. Чтоб ранним утром, в тумане, когда солнце просвечивает красным пятном, а на реке загадочные плески. И чтобы поплавок сначала качнулся несколько раз, а потом лег бы плашмя и поплыл медленно. А я бы подсек и осторожно вывел бы эту громадину, эту бронзовую печную заслонку на поверхность воды. И лещ, глотнув воздуха, стал бы вялым. А я подтянул бы его к берегу, а потом шагнул бы в воду и вытащил красавца за жабры. И на руках была бы липкая, остро пахнущая слизь, и прилипло бы несколько крупных золотых чешуй. И с силой изгибалось бы в руках мощное плоское тело рыбины. И хозяйка моя, тетя Нюша, узнала бы, что я наконец поймал леща... В тишине, ранним утром...

Что касается бабочек, то, когда я начал фотографировать их, похожее чувство было у меня к Аполлону и Подалирию. Может быть, потому к Аполлону, что стал он исключительно редок и поиски его связаны с путешествиями. Красив он к тому же, большой... А название какое? Аполлон — бог света, покровитель искусств... К Подалирию же потому, наверное, что выглядит эта бабочка очень своеобразно — нездешняя какая-то, непохожая на других. А потом у С. Т. Аксакова в «Детских годах Багрова-внука» была глава «Собирание бабочек», которая в юности очень нравилась мне, а там как раз и говорилось с почтением о бабочке, которая называлась Кавалер Подалирий. Раньше она встречалась довольно часто в средней полосе, но сейчас, увы...

Однажды меня пригласили принять участие в биологической экспедиции Ташкентского музея природы. Она отправлялась в район Сырдарьинских тугаев. Когда я приехал в Ташкент, выяснилось, что экспедиция отправляется через неделю... В мучительно долгом ожидании я рассматривал богатейшую коллекцию музейных бабочек и узнал от начальника экспедиции, что гусениц Махаона они обычно насаживают на крючки (сазан на них хорошо берет), что в тугаях бывает и Подалирий, правда не часто, но что летают там во

миожестве другие бабочки, а некоторые даже похожи иа Поликсеиу. Хотя, может быть, это и ие поликсеиы. Но они очеиь, очеиь красивы.

Вот тут-то я и почувствовал, что в груди у меня вдруг что-то заиыло — ие иначе как вздумало прорасти зериышко еще одиой страстной мечты. Накоиец мы выехали, добрались до Сырдарьи и поселились на ее берегу, поросшем буйными зарослями тугаев.

В первый же деиь, иесмотря на легкую обалделость от множества иовых впечатлеиий, я вдруг поймал себя иа том, что с особеииым внимаиием разглядываю иесколько белых бабочек, порхающих иевдалеке от иашей стояики... Вериее, они были ие белые, а желтоватые, ио ие приторно-желтые, как лимоииицы, а цвета слоиовой кости. Бабочки близко ие подпускали, к тому же дул ветер, и если одиа из летуиий садилась, то и тогда трудно было ее разглядеть, потому что сильио качалась трава. Начальник экспедиции заметил мой интерес и сказал:

— Вот это оии и есть. Те, о которых я тебе говорил.

Уже иа расстояиии я понял, что это ие поликсеиы. Но тогда какие же?.. Прошло иесколько дией. Я уже наснимал и жуков-нарывииков, и фалангу, и пчеложуков на кермеке, и бабочку Пандору, и туркестанских жемчужных хвостаток, и серебристых жуков-слоников, а загадочные желтоватые летуньи все еще ие подпускали к себе. Вообще-то бабочки очеиь общительиые и любознательиые создаиия, но пугливы, им иужно какое-то время, чтобы привыкнуть.

Я же ие торопился пока гоияться за ними, считая, что оии иикуда ие деиутся, вполие поиимая их первоиачальную осторожиость.

Но вот прошла первая иеделя. Прежде чем, по обычаю, идти в тугаи, я решил иакоиец заняться бабочками цвета слоиовой кости.

Только с одной стороиы от иашей палатки — со стороиы Сырдарьи — были заросли гребеищика, лоха, чиигила и других тугайиых растеиий, с противоположной же стороиы и вокруг открывалась бескрайняя гладь пустыии. На площадке рядом с палаткой ие осталось ни одного кустика верблюжьей колючки, и можно было даже ходить босиком, ио вокруг колючка росла во миожестве, и ие только оиа, ио и похожий на нее париолистник, цветущий мелкими розовеиькими цветами, и полыиь, и соляика, и каперсы, и еще какие-то иеизвестные мие растеиия с белыми цветочками, и вездесущая солодка. Загадочиые желтоватые бабочки (их было две-три, самое большее — четыре) уже подлетали к нам довольио близко и садились иа белые цветочки, на каперсы, иа качающиеся под ветром кустики париолистника или просто иа высохшую до твердости глииу. Как правило, крылья их были сложеиы вместе или полураскрыты, и это вполие поиятно, потому что, если раскрыть крылья иастежь и целиком подставить свою иежиую спинку солнцу, можно изжариться момеитальио.

Итак, решив, что для близкого зиакомства время уже наступило, я взял иа изготовку фотоаппарат и начал приближаться к одной из бабочек. Сначала оиа не подпускала меня ближе чем иа иесколько метров, ио потом, видно, поверила. Накоиец я смог ее разглядеть.

Оиа была прекрасиа: иежиые, ие гладкие, а как будто бы слегка гофрироваииые крылья были разрисоваиы с иеобычайной тоикостью и изяществом. Чувствовалось, что великий художиик иаиосил свои краски без спешки, без суеты, и особеииая сдержаииость, воздуш-

ность рисунка объясняется не скупостью его на краски, а гениальным чувством меры, удивительным вкусом. Все четыре крыла были оторочены с наружной стороны рядом аккуратных черных колец, но не сплошных, а состоящих из микроскопических точек. Они как бы были выполнены углем в стиле пуантилизма, и это не казалось выспренним, потому что сплошные черные кольца были бы слишком грубы для этого воздушного существа. С внешней стороны каждого колечка черный цвет сходил на нет постепенно, внутри же оставался незапятнанный белый круг. Вообще с парадной стороны фон крыльев был белоснежный, а общий оттенок слоновой кости создавался за счет окраски испода, представлявшего собой желтоватую, блеклую, как бы слегка слинявшую или выгоревшую на солнце копию наружного рисунка. Понятно, почему бабочка, садясь, бережно складывала вместе крылья,— она берегла свой рисунок! Но я не до конца описал его. Главная красота создавалась полуразмытыми кольцами. На переднем, фронтальном крае верхних крыльев четко и ярко выступали по три удлиненных пятна: два угольно-черных и одно, самое крупное,— кроваво-красное, отороченное черной каймой. Это последнее пятно, конечно же, было самой яркой частью рисунка, исключительно смелым мазком, но он был нанесен с такой осторожностью, с таким чувством меры, что не только не нарушал общего утонченно изящного ансамбля, а, наоборот, придавал ему законченность. По нескольку черных и по четыре маленьких алых пятнышка, тоже отороченных черным, было на нижних крыльях... Общее впечатление от бабочки было удивительно светлое, оптимистичное, радостное — никакой трагичности от этого черного с красным! Больше того, казалось совершенно естественным, что это создание родилось именно здесь, в Средней Азии, стране солнца, сухих степей и пустынь, выжженного солнцем камня...

Некоторые энтомологи, в частности Тейер, считают, что «окраска каждого животного выражает собой общее впечатление от окружающей обстановки». К его мнению присоединяются многие ученые и художники. Я с этим согласен! Белизна крыльев той бабочки, легкая размытость, пуантилизм черного рисунка, желтоватая, выцветшая оборотная сторона как бы передавали впечатление от света, жары и открытости этих мест. А умеренная яркость красных пятен, не кричащих, а как бы растворяющихся на общем фоне, дополняющих и оживляющих весь рисунок,— это, конечно же, яркость горячего солнца! Я вообще заметил, что рисунок многих среднеазиатских гусениц удивительно напоминает элементы национальных узбекских, казахских или туркменских орнаментов. То же можно сказать о раскраске ящериц, змей, пауков. Определенно все это неспроста! Если в случае с животными природа действует сама, то через художников она опять же проводит свою генеральную линию на их рисунках.

Фотографировать бабочку было трудно. Даже когда она привыкла ко мне и начала подпускать, то все равно сидела со сложенными крыльями, не считая, как видно, меня настолько своим, чтобы показать свою красоту, или опасаясь слишком яркого солнца. И все же в конце концов она настолько ко мне привыкла, что позволила присаживаться рядом с ней и, держа сфокусированную камеру в одной руке, я пальцем другой осторожненько раздвигал ей крылья: надеялся, что она хоть ненадолго оставит их открытыми. Но почти

тотчас же она сводила их вместе, не понимая, видно, чего я от нее хочу. Так и не удалось снять ее как следует в первый день.

Лишь через некоторое время мне повезло: я фотографировал ее не только на голой травинке, но и на бурно цветущем кермеке — растении с мелкими сиреневыми цветами и тонким малиновым ароматом.

Но как она называется, я не знал.

Возвратившись в Москву после экспедиции и листая в Ленинской библиотеке атлас Курта Ламперта, я не нашел очаровательной бабочки в основных таблицах. Наконец, уже потеряв надежду, заглянул в приложение. Знакомый рисунок тотчас бросился мне в глаза. Как всегда, на картинке она, конечно, была не так эффектна, как в жизни, к тому же в атласе была изображена только половина бабочки — два крыла. И все же я узнал ее. Оказалось, что она принадлежит к аристократическому семейству Кавалеров, или Парусников, и находится в близком родстве с Аполлоном, Подалирием, Махаоном и другими, еще более эффектными красавцами, обитающими главным образом в тропиках. И как же, вы думаете, она называлась? Чуткий классификатор дал ей великолепное, очень подходящее название — Гипермнестра гелиос.

Гелиос — бог солнца. А вот что значит «гипермнестра»?

Обратимся к книге Н. А. Куна «Легенды и мифы Древней Греции».

«У сына Зевса и Ио, Эпафа, был сын Бел, а у него было два сына — Египт и Данай. Всей страной, которую орошает благодатный Нил, владел Египт, от него страна получила и свое имя. Данай же правил в Ливии. Боги дали Египту пятьдесят сыновей, Данаю же — пятьдесят прекрасных дочерей. Пленили своей красотой Данаиды сыновей Египта, и захотели они вступить в брак с прекрасными девушками, но отказали им Данай и Данаиды. Собрали сыновья Египта большое войско и пошли войной на Даная. Данай был побежден своими племянниками, и пришлось ему лишиться своего царства и бежать. С помощью богини Афины-Паллады построил Данай первый пятидесятивесельный корабль и пустился на нем со своими дочерьми в безбрежное, вечно шумящее море».

Далее легенда повествует о том, как долго плавал корабль Даная, как пытался отец спасти своих дочерей от настойчивых сыновей Египта, как хотел помочь ему Пеласг, царь Арголиды. Но ничего не вышло. Чтобы купить мир у сыновей Египта, он должен был все же отдать им в жены своих прекрасных дочерей.

«Пышно справили свадьбу свою с Данаидами сыновья Египта. Они не ведали, какую участь несет им с собой этот брак. Кончился шумный свадебный пир; замолкли свадебные гимны; потухли брачные факелы; тьма ночи окутала Аргос. Глубокая тишина царила в объятом сном городе. Вдруг в тиши раздался предсмертный тяжкий стон, вот еще один, еще и еще. Ужасное злодеяние под покровом ночи совершили Данаиды. Кинжалами, данными им отцом их Данаем, пронзили они своих мужей, лишь только сон сомкнул их очи. Так погибли ужасной смертью сыновья Египта. Спасся только один из них, прекрасный Линкей. Юная дочь Даная, Гипермнестра, сжалилась над ним. Она не в силах была пронзить грудь своего мужа кинжалом. Разбудила она его и тайно вывела из дворца.

В неистовый гнев пришел Данай, когда узнал, что Гипермнестра

ослушалась его повеления. Данай заковал свою дочь в тяжелые цепи и бросил в темницу. Собрался суд старцев Аргоса, чтобы судить Гипермнестру за ослушание отцу. Данай хотел предать свою дочь смерти. Но на суд явилась сама богиня любви, златая Афродита. Она защитила Гипермнестру и спасла ее от жестокой казни. Сострадательная, любящая дочь Даная стала женой Линкея. Боги благословили этот брак многочисленным потомством великих героев. Сам Геракл, бессмертный герой Греции, принадлежал к роду Линкея».

А через несколько веков, добавим мы от себя, знающий историю и чуткий к красоте энтомолог Никерль назвал именем Гипермнестры прекрасную солнечную бабочку.

Гипермнестра гелиос — солнечная Гипермнестра...

ЕЛИЗАВЕТА СУМЛЕНОВА

ОБЛАСКАННЫЕ СОЛНЦЕМ ОСТРОВА

Очерк

Художник В. ЗАХАРЧЕНКО

«Приезжайте в Манилу с моря! Вас встретит блещущее фосфором море и залив, один из самых красивых в мире»,— прочитала я в туристском проспекте. И хотя мы прибыли в Манилу не как туристы и не с моря, а воздушным путем, первым ярким впечатлением был залив. Из окна моего номера в отеле «Холидей-Инн» хорошо видны на его солнечной голубизне сотни океанских лайнеров, барж, парусников, баркасов. Вечером, когда суда зажигают огни, кажется, что там, на воде, фантастический город.

Под окном — шелестящая бахрома пальм, в шесть рядов бегут автомобили по бульвару президента Рохаса. В сумасшедшем потоке машин снуют мальчишки с лотками, на разные голоса предлагая газеты, жвачку, сигареты, отварные бананы, ожерелья из цветков сампагиты с терпким запахом жасмина. Стоит машине на секунду остановиться у светофора, юркие «коробейники» мгновенно подскакивают к пассажирам, успевают что-то продать, получить деньги, отсчитать сдачу и поблагодарить.

По соседству с отелем строится жилой 25-этажный кооперативный дом. По нашим понятиям, строительная площадка для такой махины мала: материалы подвозят только на день работы. Современная конструкция из стекла и бетона возводится дедовским способом — рабочие носят цемент на голове, в плетеных корзинах. С верхних этажей спускают бадью, внизу лопатами в нее грузят сухой цемент и вновь поднимают.

Напротив отеля — светло-серое гранитное здание в стиле модерн. Это Культурный центр — детище первой леди страны, жены президента, Имельды Маркос. В центре принимают высоких гостей, здесь выступают известные музыканты, устраиваются художественные выставки. За домом тщательно следят, даже траву на поляне перед входом подкрашивают зеленой краской. Когда солнце выжигает и эту «подновленную» травку, на грузовиках привозят цветы в керамических горшках и закапывают в землю. Получается цветущая поляна. Странно, но в Маниле мало цветов и зелени. По декрету

президента, каждый житель столицы должен посадить несколько деревьев.

Смуглокожие стройные филиппинцы похожи на малайцев, только носят испанские имена и говорят по-английски. Правда, этот язык иронически называют «иглиш карабао» (тагальское слово «карабао» означает «буйвол»). Но филиппинцы не обижаются, отшучиваясь, что, как и американцы, имеют право на собственный английский.

Три века испанского владычества и почти сто лет зависимости от США наложили свою печать на лицо страны. Вряд ли отыщешь еще землю, где так тесно переплетаются Восток и Запад, где звуки тамтама перебивают синкопы джаза, а ритуальные костры соседствуют с неоновыми рекламами.

Этнически страна как лоскутное одеяло. Население говорит на ста сорока языках. Что ни остров, то другая народность, и каждая имеет свою историю, обычаи, характеры. Считают, что жители острова Лусон, тагалы, гостеприимны, щедры, музыкальны; илоканцы расчетливы, предприимчивы, склонны к миграции; жители южных островов консервативны, вспыльчивы; биколы скромны, горды, сдержанны.

Филиппины — страна семи тысяч островов; восемьсот из них заселены. Магеллан, открыв миру эту землю, назвал ее островами святого Лазаря. В день этого святого — 7 апреля 1521 года — испанские каравеллы подошли к острову Себу. К судам бежали люди в набедренных повязках, татуированные с головы до ног. «Пинтадос» — разрисованные — назвали их испанцы. Поначалу островитяне встретили пришельцев дружелюбно. Но вскоре Магеллан неосмотрительно вмешался в ссору двух местных вождей и был убит в стычке. Только через сорок лет после гибели великого мореплавателя сюда прибыла новая экспедиция во главе с Лопесом де Легаспи и монахом Андресом Урданетой.

Вот тогда-то страна и получила свое теперешнее название — Филиппины: испанцы пожелали увековечить имя инфанта Филиппа.

Четыреста солдат и монахов сошли на берег, положив начало испанской колонизации, длившейся больше трех веков. Началась христианизация страны «во славу бога и короля». Независимость сохранили только султанаты на юге и жители гор: первые остались мусульманами, вторые — язычниками. Сейчас Филиппины — единственная в Юго-Восточной Азии страна, большинство жителей которой — католики и лишь десять процентов исповедуют ислам. У горных народов сохранилась языческая вера в духов. Есть и буддисты, но их сравнительно мало.

История Филиппин до XVI века мало изучена. Еще и в наши дни в горах открывают первобытные племена. Но бесспорно, острова обживались людьми с незапамятных времен. Древние хроники поведали, что уже в III—V веках острова посещали китайские и индийские купцы, арабские и сиамские торговцы.

Филиппинцы — народ малайского происхождения. Малайские племена — предки современных тагалов, илоков, висайцев и моро — мигрировали сюда в начале нашей эры с Зондских островов. Они приплывали родовыми общинами на парусных лодках-барангаях. Однако острова к тому времени уже были заселены племенами негрито и ифугао. Пришельцы превосходили их по уровню развития: они умели выращивать рис, строить плотины, обрабатывать металл.

Постепенно они оттеснили коренных жителей в горы, а сами расселились на плодородных равнинах.

Все в общине беспрекословно подчинялись вождю — дато и его приближенным — махарлика. Вожди и махарлика, отражая набеги соседей, давали возможность земледельцам мирно трудиться, а те отдавали им за это половину своего урожая.

Очень велика была роль семьи. Считалось, что человек в одиночку не в силах противостоять жестокому и яростному миру. Только в родстве, только сообща он может обрести место под солнцем. Семья на Филиппинах и сегодня основа основ. Семейные узы во многом определяют общественные отношения. Простой человек, тао, не мыслит себя без семьи. Семья — его опора, место, где он может позволить себе расслабиться. Вот уж поистине «мой дом — моя крепость».

В филиппинцах необычайно обострены самолюбие и боязнь быть осужденным обществом. Спросите любого, что такое «хийя», и вам ответят, что это очень емкое слово, включающее много значений — честь, скромность, стыд, достоинство. Человек, имеющий хийя,— достойный человек. Потерявший его будет осужден обществом, и хуже наказания не придумать.

В людях ценятся деликатность, такт, умение ладить с другими. «Удар ножа не так ранит, как слово»,— говорят здесь. Еще испанцы отмечали вежливость туземцев в общении друг с другом. Любопытно, что в тагальском языке нет ругательств, их заимствовали из испанского и английского.

На Филиппинах дорожат родственными связями и любят большие семьи. То, что у нас в шутку называют «вашему забору двоюродный плетень», здесь близкое родство.

Как-то нас пригласил в свой загородный дом молодой предприниматель. «Вы увидите настоящую филиппинскую семью,— сказал он.— Сейчас пасхальные каникулы, и у меня гостят сорок девять кузенов и кузин».

Но мы насчитали гораздо больше. Просторный двухэтажный дом на берегу океана был полон молодежи. Мелькали джинсы, шорты, вышитые национальные платья. Гремел магнитофон. Пели, танцевали, играли в шахматы и нарды, плескались под душем, лежали на ковре... Словом, каждый отдыхал, как хотел. Взрослые кормили детей.

Прежде всего мы были представлены родителям. Отец — моложавый, спортивного вида мужчина, с золотым крестом на груди; мать — тоненькая женщина, вырастившая десять детей и сохранившая еще гибкость и легкую походку. Приняли нас радушно.

Пока мы плавали, в доме хлопотали, готовили застолье. На деревянном вертеле жарили поросенка, непрерывно вращая его, пока он не покрылся хрупкой, золотистой корочкой. Самые деликатесные части — хвост и корочку — подали родителям и нам, гостям.

Авторитет старших в семье непререкаем. В детях сызмала воспитывается уважение к родителям. Но мир есть мир, и семейный панцирь не всегда от него спасает.

Колониализм на Филиппинах расшатал традиционные нравственные ценности, а новые в условиях капитализма еще не выработались.

Общество в стране делится на сильных и маленьких людей, прослойка которых неоднородна.

В городах маленьких людей делят на две группы: старожилы (мелкие служащие, продавцы, шоферы) и низший слой — «провинсиано» (это те, кто недавно из деревни,— дворники, грузчики, разнорабочие).

В среде сильных тоже различают несколько категорий. Во-первых, все белые — американцы (их около 20 тысяч), испанцы (10 тысяч), европейцы (5 тысяч). Обычно они банкиры, представители фирм, бизнесмены. Вторая категория — испанские метисы. Это местная элита. По традиции они занимаются перевозками, вкладывают капитал в промышленность, сельское хозяйство. Затем собственно филиппинская верхушка. В их руках торговля, банки, страховые компании, из их среды нередко выдвигаются политические лидеры. И наконец, немногочисленный средний слой — чиновники, интеллигенция.

Большая сила в стране — церковь. Ей принадлежат земли, школы, колледжи и университеты. Формально церковь отделена от государства, но она вмешивается во все дела, вплоть до выборов президента. Католицизм пустил здесь глубокие корни.

Испанцы обосновались сначала на Висайских островах, потом перебрались на Лусон. Отбив у мусульманского раджи Солимана поселение Мэйнила, они стали строить новый город — Манилу (в переводе название означает «там, где растет трава нила»).

Откроем «Фрегат «Паллада»» Гончарова. «...Я увидел, как велик город,— пишет он о Маниле,— какая сеть кварталов и улиц бежит по берегам Пасига. После этого не удивишься, что здесь до ста пятидесяти тысяч жителей... Город большой, город сонный и город очень приятный».

Это написано в прошлом веке. А сегодня здесь живет свыше семи миллионов человек. По плотности населения Манила приближается к Токио. Город весьма неоднороден. Практически это семнадцать разных, непохожих друг на друга городов.

Среди них деловой центр Макати, где на широком проспекте выстроились, подобно неприступным крепостям, банки, страховые агентства, представительства иностранных фирм, где соперничают друг с другом фешенебельные отели и светятся рекламы кинотеатров. В районе китайских кварталов — «чайна таун» — бесчисленные магазинчики, мастерские с жильем наверху. Как и во времена Гончарова, здесь «неистребим запах мыла, ваксы, чеснока, растительного масла, пряностей». Снуют велорикши, на улицах там и сям фруктовые базарчики, лавки денежных менял. Здесь всегда можно купить цветочный китайский чай и женьшень.

Административный и политический центр Кесон-сити застроен зданиями из стекла и бетона. А в самом многолюдном районе — Тондо в кое-как сколоченных из фанеры лачугах без окон, водопровода и канализации ютится беднота. У въезда в аристократические «деревни» Форбс-парк и Дас-Маринмас стоит вооруженная охрана, проверяющая пропуска. Это «деревни» для богатых. На тенистых улицах прячутся в зелени изысканные особняки с бассейнами, ароматизированными телефонами, с кортами для игры в теннис и пелоту.

В один такой особняк нас привели поиски дома для аренды.

Хозяин — молодой, похожий на спортсмена бизнесмен — пригласил нас войти.

В доме царила невероятная мешанина: богемский хрусталь и китайский фарфор, старинные гобелены и современная мебель, японская миниатюра и авангардистская живопись. Из всех углов смотрели на нас закованные в латы бронзовые рыцари. Чистый лик мадонны уживался с портретами голливудских суперзвезд. Распятие Христово соседствовало с позолоченными статуями Будды... Трудно было судить о вкусах хозяина. Только потом, в баре, куда он пригласил нас отведать редкого вина из своей коллекции, нам удалось определить его пристрастие — он собирал холодное оружие всех времен и стран. В обширном собрании впечатляли три вещи: длинный, изогнутый серпом нож самураев для священного ритуала — харакири; мусульманский крис — обоюдоострый, как лезвие, нож и, наконец, нож астронавта, побывавшего на Луне. Он висел на стене под стеклом, стерильным блеском и зазубренностью форм напоминая хирургический инструмент. Но эта коллекция, как выяснилось, не столько предмет увлечения, сколько выгодный способ вкладывания капитала.

В Маниле почти нет среднего слоя населения. Есть богатые и бедные, нищета и безудержная роскошь. Простой пример: цена билета на концерт заезжей знаменитости превышает месячное жалованье служанки. Да и такую работу найти нелегко. На улицах часто можно увидеть спящего под пальмой бездомного человека. А в нескольких шагах от него в роскошных магазинах продается деликатесная еда... для кошек и собак. Четвероногие баловни судьбы получают витаминизированную пищу, а в районе трущоб Тондо тысячи детей ложатся спать голодными.

«Харисон плаза» — большой торговый комплекс с двумя кинотеатрами, ресторанами, аттракционами, фонтанами, игральными автоматами, супермаркетом и даже церковью.

Сюда приходят целыми семьями не обязательно покупать, но просто развлечься, погулять, подышать прохладным, кондиционированным воздухом, попытать счастья в лотерее. Однажды я наблюдала, как проходила такая лотерея. За столиками сидели играющие, их было, наверное, с полтысячи. Взгляды всех были прикованы к возвышению, где вращался барабан, выдававший слепое счастье. Главный приз и приманка — автомобиль «Тойота», перевязанный красной лентой,— стоял тут же. Через час картина переменилась: столики опустели, на полу валялись обрывки невыигравших билетов и пустые стаканчики из-под кока-колы. А рядом совершалось богослужение — святой отец утешал проигравшихся. Автомобиль «Тойота» по-прежнему стоял на своем месте.

Почти во всех тропических городах жизнь замирает, когда наступает «полдневный жар». Закрываются магазины, пустеют улицы, люди спешат укрыться в тени. Манила — современный огромный город — давно отступила от этого правила. Городской пульс бьется напряженно весь день. И все же вечерние улицы не похожи на дневные: стихает деловая сутолока, ослабевает поток машин, появляется больше гуляющих, спешащих в парк Хосе Рисаля.

Это имя свято на Филиппинах. Рисаль — просветитель, врач, художник, писатель, он знал двадцать два языка, включая русский.

9-781

Книги, которые писал Хосе, бичевали алчность монахов, грубость чиновников, угодничество местной элиты перед колонизаторами. Рисаля обвинили в революционной деятельности и утром 30 декабря 1896 года казнили. Ему было всего тридцать пять лет. В испанском застенке в ночь перед казнью Рисаль написал стихи «Прощание с родиной». «Прекрасная жемчужина, край, обласканный солнцем, ты станешь свободным!» — это были его последние слова. Каждый филиппинец их помнит наизусть. На площади Лунета, где казнили Хосе Рисаля, сейчас высится монумент. Днем и ночью несут почетный караул часовые, у подножия памятника всегда живые цветы.

А рядом раскинулся парк его имени — любимое место отдыха манильцев. Обойдя светящийся стеклянный глобус, вокруг которого под музыку катаются на роликах посетители, можно полюбоваться каскадом подсвеченных фонтанов. На зеленых лужайках сидят, спят люди — в одиночку, парами. Толпы гуляющих текут мимо торговых рядов с их веселой толчеей, мимо кафе и буфетов к открытой эстраде, где по воскресеньям дает бесплатные концерты симфонический оркестр. Кстати, выступление уже началось. Прислушайтесь — Первый концерт Чайковского. Необычно и взволнованно звучит под звездным манильским небом «Песнь о России».

Несколько лет назад губернатором Большой Манилы, или, как принято говорить, Метроманилы, стала жена президента — Имельда Маркос.

Ей приходится решать проблемы, связанные со сложным городским хозяйством, с последствиями наводнений, пожаров, движением городского транспорта. Ежедневно в воздух Манилы выбрасывается две тысячи тонн выхлопных газов.

Город растет, и центр его планируется переместить в глубь острова. По мнению губернатора, Манила должна расти к югу и востоку. В северной части столицы развернулись работы по искусственной намывке земли. Уже отвоевано у моря 500 гектаров. Имельда Маркос считает, что в первую очередь надо благоустроить самый населенный район столицы — Тондо.

В последние годы в Маниле выстроено немало новых гостиниц. Несколько лет назад здесь было всего четыре тысячи номеров, сейчас их около двадцати тысяч. В стране развивается индустрия туризма. Ожидается, что в 1980 году Филиппины посетит миллион туристов.

Четыре месяца мы жили в отеле «Манила Хилтон». Здание из стекла и бетона в двадцать два этажа, но без тринадцатого («На всякий случай,— сказал мне лифтер,— хотя мы не суеверны»). Чтобы обойти весь отель, понадобится не один день. Начнем с цоколя, здесь салоны красоты и прачечные. На первом этаже — ресторан, бары, оранжерея. Второй этаж отдан торговым рядам. На третьем — международная почта, телеграф, агентства авиакомпаний.

Больше всего времени туристы проводят на пятом этаже. Здесь сауна, массажные, бассейн с голубой водой и солярий. В лежаках, крытых синими матрасами и желтыми махровыми полотенцами, часами лежат, подставив солнцу бледные тела, туристы из Америки и Европы. Рядом с бассейном к услугам постояльцев... католическая церковь, где проходят венчания с органной музыкой, пением, цветами.

Теперь поднимемся на шестой этаж. Тут залы для приемов, рестораны, бары. Выше начинаются номера...

Однажды в отеле нарушился обычный ритм жизни — забастовал обслуживающий персонал.

Утром под дверью номера мы нашли отпечатанную на ксероксе «гастограмму»:

«Дорогой гость! — читали мы. — В эту ночь многие из наших служащих покинули свои рабочие места, не дав объяснения. Это похоже на общий уход. Службы и номера отеля сегодня будут обслуживаться сотрудниками менеджера. Это, конечно, может сказаться на сервисе. Если служащие отеля не вернутся в течение дня, часы работы ресторана будут сокращены. Наша прачечная, к сожалению, закрыта, однако мы сможем использовать для вас другие пункты. Телефонная станция будет функционировать, но, поскольку операторы неопытны, пожалуйста, набирайте номер медленно. Благодарим вас за терпение и понимание. Менеджер».

Итак, утром не принесли газет. Не пришел «рум-бой» — приветливый, худощавый парень в форменном жилете, убиравший наш номер. Закрылся бар у бассейна. Исчез повар в высоком белом колпаке, который ежеутренне жарил здесь на гриле сатэ. Не было официантов, снующих между столиками с чашкой кофе или стаканом сока. Пустовал бассейн. Ушел дежурный, заперев в кладовке матрасы. Не появился молчаливый маленький садовник в резиновых, явно не по ноге сапогах, с лицом доброго гнома. Длинный шланг, который он каждое утро волочил за собой, поливая траву, лежал нетронутым, свернувшись, как удав. Ушли куда-то девушки в синей форме, обычно дежурившие у лифтов. Не было швейцара — услужливого парня в светло-кремовой форме отеля, никто не помогал туристам выйти из машины.

В номерах стояли неубранные постели, лежали у дверей никем не взятые пакеты с грязным бельем для прачечной. И только под дверью лежала «гастограмма», призывающая гостей отеля к терпению и пониманию.

До полудня бассейн и солярий пустовали. Потом какая-то бойкая девица проникла туда через... церковь. Ее примеру последовали другие. Кто-то уже нырял, наслаждаясь прохладой воды. Какое дело туристам до забастовки? Они выложили свои доллары и хотят получить все сполна. На следующий день вернулись служащие отеля. Нормальная гостиничная жизнь вроде бы продолжалась, но дух неуверенности оставался: а дальше? А дальше менеджеру пришлось пойти на некоторые уступки и повысить заработную плату служащим отеля.

Когда-то, сойдя на землю Филиппин, колонизаторы надеялись найти золото и пряности, но были разочарованы. Жаждавшие скорой наживы на островах не задерживались. Здесь остались в основном монахи и чиновники. Вот что писал Гончаров:

«— Много монахов здесь?

— Только их и видно, сударь, — ответила она (владелица магазина)».

Монашеских орденов было великое множество — августинцы, францисканцы, иезуиты, доминиканцы. Они присваивали себе земли,

сгоияли крестьяи на строительство монастырей. Фаиатики, они запретили все прежние культы, уиичтожали идолов, отбирали детей у вождей-дато, воспитывая их в иовом духе. Языческие сборища сменились христианскими празднествами — фиестой. Фиеста длится иесколько дией. Начииается она с торжественной мессы. Потом иакрывают столы, устраивают красочиые шествия, таицуют под оркестр, выбирают короля и королеву фиесты. В эти дни пляшут, веселятся, запускают фейерверки и мало кто думает о боге.

В великий пост в Маниле не едят мяса. С экрана телевизоров исчезают легкомысленные передачи, их сменяют беседы о Библии. А по телевидению, как всегда, идет репортаж из Америки — воскресная проповедь священиика Эрнста Энджли.

Впрочем, слово «священник» мало подходит к облику этого бравого, холеиого мужчины лет сорока с иебольшим, с хризаитемой в петличке. Да и проповедью его выступлеиия иельзя назвать, скорее это театр одиого актера. Причем актера талантливого, умеющего подчииить себе аудиторию, заставить ее плакать, смеяться, подпевать. Кстати, иа сцене всегда под рукой есть джаз, воздающий хвалу богу. Всякий раз Энджли появляется в новом элегаитиом костюме. Похоже, что ои дружит не только с Христом, ио и с Диором.

В пасхальиые праздники везде — в учреждениях, ресторанах, школах — у входа красуются вылеплеиные из масла цыплята и кролики. Люди в эти дни дарят друг другу крашеные яйца, конфеты, шлют поздравительиые открытки.

В рождество прииято дарить жареных поросят, цветы и торты. В магазииах людно, идет рождественская распродажа. На улицах — карнавальиые шествия, в отелях — благотворительиые балы и вечера. Забавио смотреть в тропическом городе иа иеоновые сиежиики, синтетических Санта-Клаусов.

...Расстояиие от Маиилы до Легаспи — 560 километров — мы покрыли за день. Дорога шла через живописный Кесонский иациоиальиый парк, через базальтовые горы и сииие лагуиы. Равиины отдаиы рисовым полям, горы — плаитациям кокосовых пальм. Помещики сдают пальмы в ареиду крестьяиам, которые ухаживают за иими, подрезают высохшие или сломаиные ветром ветви, собирают орехи, разделывают их, коптят копру, сушат волокио. Расплачиваются за ареиду деревьев долей урожая. Тут и там разбросаиы малеиькие кокосовые фабрики: примитивиые прессы отжимают масло, отделяя жмых иа корм скоту.

Вдоль дороги — посадки какао и кофейиого дерева с невзрачиыми синеватыми цветами. Коричневые плоды какао, чуть толще баианов, растут торчком прямо из ствола. Если плод расщепить, внутри можио иайти семядоли со зиакомым всем «коидитерским» запахом. Их вылущивают, дробят, сушат, заваривают кипятком — и иапиток готов.

Выше раскииулись смешанные леса. Растет здесь даже иаша севериая сосна — экзотика здешних мест.

Лусои — обычиый тропический остров. Только особый колорит ему придают старииные испаиские церкви и современиые американские рекламы. Придорожные щиты советуют покупать япоиские машииы и мотоциклы. Но ратовать за это иет иужды: иа дорогах каждая третья машина — япоиская.

Мы пересекли весь остров до его южной оконечности. Тихий океан соответствовал своему названию. Лежали на боку катамараны, сушились сети, по колено в воде, что-то собирая, ходили смуглые ребятишки. Вода была ласковой, теплой, а берег неуютным — покрытым черным вулканическим песком.

По дороге к океану мы проехали много городов — Люцену, Гумаку, Лопес. И все они похожи, как близнецы. На центральной площади непременно высится церковь, сооружено распятие и изваяние мадонны с младенцем. Здесь же стоят городская ратуша и несколько красивых домов с испанскими названиями «Кармен», «Санта-Елена»...

А дальше, вдоль дороги, тянутся безыменные хижины под соломенными или черепичными крышами с выстиранным бельем, развешанным на деревьях, чтобы быстрее просохло, с босыми ребятишками, бесчисленными лавками, в скудном ассортименте которых, однако, всегда есть «кока» и «пепси». Хижины собраны из бамбуковых щитов-савали. Стекол, как правило, в окнах нет. Их заменяет каписа — тонкий срез перламутровых раковин — или просто газета. В домах чисто, опрятно, убранство более чем скромное, зато в каждом доме вы найдете раскрашенное изображение Христа или девы Марии... Во дворах лениво переланваются собаки, бродят небольшие черные свиньи, кудахчут куры. В придорожных лужах лежат буйволы-карабао с мощными, закинутыми на спину рогами.

Хижины тянутся бесконечно, и порой трудно понять, где кончается одно селение и начинается другое.

Филиппины — страна контрастов. Живут и уживаются рядом два мира. В Маниле, в роскошном дворце «Конвеншн-центр», проходят международные форумы. В колледжах студенты овладевают современными науками. В парках симфонический оркестр дает бесплатные концерты классической музыки. А всего в сотне километров от дворцов, парков и колледжей, в горах, живут по законам предков первобытные племена. Язычники, они верят в духов — анито. Злых духов изгоняют ритуальными танцами, добрым приносят жертвы.

В городе Легаспи нас поразил вулкан Майон. Он был классической формы, будто кто-то сверху высыпал песок. Внизу вулкан зеленый, склоны у него серые, прорезаны потоками застывшей лавы, над вершиной курилось легкое облачко. Мы взобрались на машине на высоту 900 метров, потрогали черный базальтовый бок вулкана, ощутили его обманное спокойствие. Дальше дорога обрывалась, а до кратера еще 2400 метров. Чувствовалось, что внутри идет дьявольская работа. Майон просыпается каждые десять лет, и близилось время, когда он мог снова «заговорить».

Филиппины — сейсмически активный район. Землетрясения причиняют стране большой ущерб. Красив вулкан, но неуютно чувствуешь себя рядом с ним. Места здесь живописны, и столичная знать приезжает сюда на уик-энд. Недалеко от Майона недавно выстроили прекрасный кэмпинг Кагайонан.

Но нас больше интересовал быт простых людей. Заехали на фабрику прикладного искусства, где делают мебель из ротанга, плетут циновки, сумки, обои из манильской пеньки. Работают в основном девушки и дети, трудятся по пятнадцати часов.

Филиппины иногда называют «страной вышивки». Расшитые вручную национальные платья, блузки, мужские рубашки-баронг не

нмеют себе равных по красоте. В статистическом сборннке сообщалось: «Традицнонными кустарнымн ремесламн — вышнваннем, плетеннем, изготовленнем поделок нз дерева и перламутра — занято более миллиона человек», но ннчего не говорнлось о том, почему рабочнм, ремесленникам платят мало, а цены на вещн, которые онн делают, в магазинах очень высокн. Впрочем, догадаться нетрудно: между прозводителями н потребителямн много посреднннков — перекупщиков н торговцев.

«Хотите посмотреть петушиные бон?» — спросил нас шофер и притормозил у круглого деревяиного сооружння, похожего на цирк-шапито. Оно было забито зрителямн. На скамьях, амфнтеатром спускавшнхся к арене, волновалнсь болельщнкн, а на арене лнцом к лицу сиделн на корточках два владельца петухов. Каждый держал своего питомца, поглаживая его н что-то шепча. Перед началом боя ндут торгн. Страсти разгораются, ставкн растут. Когда названа последняя сумма, крнкн перерастают в рев и так же внезапно обрываются — в воздухе повнсает гнетущая тишнна. Тогда настает черед «гладиаторов». К ноге петуха прнкреплены стальные, отточенные шпоры в кожаных ножнах. Сначала «бойцов« раззадорнвают — стравливают, держа на руках. Когда онн разъярятся н гребнн у них побагровеют, ножны со шпор снимают н бойцов выпускают на арену.

Нагнув головы, нахохлившись, онн медленно сближаются, готовясь к бою, н вдруг вцепляются друг в друга. Каждый старается нанести сопернику удар в шею стальным ножом. Бой длнтся две-трн минуты. Вот один нз петухов повалнлся на бок, н публнка днко завыла. Пронгравшне отдают деньги тем, кто выиграл парн.

...Каждый, кто прнезжает на Филиппины, стремнтся попасть на остров Себу, увидеть нсторнческую бухту, где некогда высаднлся Магеллан. «Если есть рай на земле, то он здесь»,— любят повторять филиппинцы слова велнкого мореплавателя. Место н впрямь удивнтельное: синяя лагуна в кольце зеленых гор, в тихую воду смотрятся гибкие кокосовые пальмы. Увы, здесь же великий первопроходец н погиб. Теперь об этом напомннает строгий белый монумент, а рядом панно, изображающее битву аборнгенов с иноземцамн. Магеллан причислен к лику святых, на Филиппннах чтут его как человека, принесшего крест. А Лапу-Лапу, от рукн которого он погнб, почитают как первого борца за незавнснмость. Портреты Лапу-Лапу отчеканены на монетах, почтовых марках, имя его носит город.

Когда мы прнбылн в город Толедо, нас прнгласилн на фабрнку минеральных удобрений «Атлас».

Мннуем виноградные плантации, вннодельческне заводы, где в высокнх чанах бродит молодое вино. Рядом небольшая фабрнка, продукцию которой — сушеное манго — любят все. Позадн остаются соляные копн, пивоварня «Сан-Мигель». Дорога в Толедо бежит по крутым н опасным горным перевалам. Вдалн вндны поселкн, угольные шахты, медные рудники. Вот наконец прнгород Толедо — Лутубаи, н сразу начинаются владення фабрнкн. Расположенная у моря, она имеет свой прнчал, чтобы грузнть удобрення на корабли. Стоят гигантскне черные резервуары. Под навесамн насыпаны горы белого песка — это полуфабрнкат. В цехе конечной продукцнн в аккуратных мешках — готовые к отправке удобрення.

Был час обеденного перерыва. Рабочие, сняв защитные каски и устроившись в тени, разворачивали свертки с бутербродами, пили чай из термосов. Те, кто уже кончил трапезу, дремали в тени деревьев, некоторые играли в шахматы. Мы тоже отобедали с менеджером фабрики — мистером Бонифацием.

В небольшом светлом коттедже нас встретила милая, приветливая женщина. Она протянула руку и сказала: «Бонифация». Заметив, что мы удивились созвучию имен, добавила:

— Как в русском языке... У вас ведь тоже есть похожие имена: Василий и Васи-ли-са. Недавно у нас в гостях был капитан советского судна, он сказал мне об этом.

Бонифация провела нас в гостиную и посетовала, что нет четверых старших детей, они — студенты, учатся в Маниле. В доме оставалась только младшая — Делия, быстрая, большеглазая девушка. Стараясь занять гостей, Делия достала семейный альбом, охотно и подробно рассказала о своих братьях и сестрах. Потом она оставила альбом и подошла к пианино.

— Советский капитан, о котором говорила мама, сыграл нам красивую песню, но я не могу вспомнить мелодию. Там было что-то про вечер в Москве.

Я напела «Подмосковные вечера», Делия радостно подхватила и сразу взяла верные аккорды.

— Жаль, нет моего брата,— вздохнула она,— он бы подыграл на гитаре.

Филиппинцы — очень музыкальный народ. Пришедшая из Испании гитара давно стала национальным инструментом. В любом селе есть свой оркестр — рондалья. Часто можно увидеть такую картину: у хижины на скамье сидят парни с гитарой и ладно поют, разложив на многоголосье тагальскую или андалузскую песню. Здесь, на острове Себу, в местечке Гуноб, делают самые звонкие гитары.

Радушие филиппинцев отмечал еще Гончаров: «Все гостеприимны, и всякий дом к вашим услугам».

Действительно, народ очень доброжелательный. Рикша, увидев меня с фотокамерой, притормозил посреди дороги, чтобы было удобнее его снять. Крестьянин с буйволом специально вернулся на поле, чтобы я сделала кадр.

Возвращаемся в город Себу через пригород Талисай, чтобы оттуда отправиться на коралловый остров Санта-Роса. Агент фирмы, организующей поездку, уже ждал нас. Им оказалась миловидная девушка с необычным именем Лусвиминда. Имя составлено из названий трех крупных островов — Лусон, Минданао и Висайских. Люси, так коротко она представилась, уже забронировала на острове номер в отеле и арендовала моторную лодку. Провожая нас к причалу, она успела рассказать о себе: родителей у нее нет, не замужем. «Некогда,— говорит Люси,— много работы». Но это не мешает ей иметь веселый нрав и хорошее расположение духа. В машине она спела нам несколько мелодичных висайских песен и попросила взамен «песен, которые поют в Москве».

Нельзя не сказать несколько слов о филиппинских женщинах. Они очень грациозны и привлекательны. В семьях женщины ведут все дела, в их руках бюджет. С детства в девочках воспитывают бережливость, мягкость, умение вести домашнее хозяйство, преданность.

Правда, есть и другой сорт женщин. Те служат в ночных клубах, подвизаются в дорогих отелях. Напротив нашего дома по вечерам зажигались огни клуба «Казанова», где у входа рискованно одетые девушки встречали гостей. Часто можно увидеть в городе объявления: «Требуются молодые, гостеприимные девушки». Требуются в кафе, в сауны, в массажные. Эти девушки должны обладать одним качеством — быть привлекательными и сговорчивыми.

Однако вернемся к нашему путешествию. До острова Санта-Роса час езды на моторной лодке. Море спокойно. Вдали оно поблескивает, как расплавленное олово. А у борта вода прозрачна. Много медуз. Огромные, яркие, они напоминают цветные парашюты. Наш проводник предупреждает, что на воде легко получить солнечные ожоги, и натягивает тент над лодкой. Вот и остров. И сразу к нам устремились девочки, увешанные коралловыми бусами, связками браслетов, подвесок и амулетов.

Как ни отмахивалась я от юных продавщиц, все же стала обладательницей нескольких нитей бус и одного зуба акулы.

Островок оказался тихим, первозданным — ни машин, ни радио, ни телефона, ни газет. Стоят пять-шесть бунгало, обставленных легкой ротанговой мебелью, в номерах гудят спасительные кондиционеры, до блеска натерт кафель в ванной.

Кругом ни души. Разомлевшие от жары собаки понуро бродили поодаль. Сидела на цепи обезьяна. Вид у нее был затравленный. Я протянула ей банан. Неожиданно обезьяна оскалила пасть и в отчаянном рывке бросилась на меня. К счастью, не достала.

Вечером в большой хижине-ресторане под круглой соломенной крышей босые длинноволосые островитянки в розовых платьях подавали нам свежую рыбу и только что выловленных креветок. Негромко и слаженно пели гитаристы. Зыбкий свет керосиновых ламп освещал крытые рогожей стены.

В полночь начался прилив. Мы вышли из бунгало и не узнали острова. Стояла высокая вода. Она тихо плескалась у берега острова. Опаловым светом изнутри светилось море. Чертили фантастические траектории светлячки. И была тишина, та особенная тишина, которую можно почувствовать всем существом и запомнить навсегда.

А утром море снова обмелело, и, чтобы добраться до лодки, пришлось с километр идти пешком. Специальной обуви у нас не было, и мы отважились идти босиком по... шевелящемуся дну. Все живое в море выползло погреться на солнце. Прибрежный мелкий слой обнажил кусочек жизни, который так тщательно скрывает океан в толще воды.

Сплошным ковром выстлали дно морские звезды — синие, голубые, зеленые. Колючей стеной встали колонии морских ежей. Их острые иглы веером топорщились на крошечных телах. Свернувшись, лежали лиловые голотурии. Из песка то и дело возникало юркое войско маленьких крабиков и так же стремительно, как по команде, скрывалось. Мельтешили бесчисленные мальки. Черные мурены грелись, зарыв головы в норы и распластав длинные устрашающие тела.

Конечно, я наступила на морского ежа. Наш проводник Роберто вытащил половину иголок, остальные, обломившись, остались под кожей, вызвав мучительное жжение. Кое-как добрела до лодки.

Хождение по морским звездам осталось позади, как и первозданный остров.

Час полета, и мы снова в мире выхлопных газов, радио и телевидения, пляшущей на американский манер рекламы. Влияние США в стране очень велико. Здесь много американского: в порту — корабли, в отелях — туристы, в кинотеатрах — вестерны. По городу разгуливают американские солдаты, полки книжных магазинов забиты американской литературой. Английский язык проник во все сферы жизни, им владеет сорок процентов населения, в городах — практически все. На английском языке говорят в учреждениях, пишут документы, обучают студентов. В стране два официальных языка — английский и филиппино, в основе которого лежит тагалог. Включите телевизор, и вы услышите, как диктор легко «соскакивает» с английского на тагалог и обратно.

С того времени, как президентом Филиппин стал Фердинанд Маркос, был взят курс на пересмотр неравноправных экономических и военных соглашений с США, на развитие отношений с социалистическими странами и Советским Союзом. Раньше Филиппины безоговорочно следовали в фарватере политики США. Теперь страна отстаивает свою независимость, стремясь встать в ряды неприсоединившихся государств. Манила все чаще становится местом проведения международных симпозиумов, спортивных состязаний, фестивалей. Голос Филиппин все увереннее звучит в мире.

ВАЛЕРИЙ ГУЛЯЕВ

ЗАГАДКИ ДРЕВНЕЙ АМЕРИКИ

Очерк

Художник В. ЗАХАРЧЕНКО

И все в себе былую жизнь таило,
Иных столетий пламенную дрожь...

В. Брюсов

От автора

Племена и народы индейской Америки, отделенные громадными водными пространствами от остального мира, прошли через исторические эпохи по своему особому пути. Античная и средневековая Европа и гордящийся тысячелетней мудростью Восток не оставили в богатом литературном наследии ни одного упоминания о таинственных землях на западе и их краснокожих обитателях. Сами же аборигены Нового Света зачастую не вели летописей и хроник, по которым можно было бы восстановить их прошлое. А бесценные культурные достижения индейских цивилизаций ацтеков, майя и инков были насильственно уничтожены в XVI веке европейскими завоевателями. «Культура метафор и чисел (имеется в виду культура ацтеков.— В.Г.),— писал известный мексиканский историк М. Леон-Портилья,— была разрушена железом и огнем. Она исчезла как сон... От нее осталось лишь одно воспоминание... Ученые были уничтожены, рукописи сожжены, а скульптуры и дворцы превращены в бесформенные груды камня».

Таким образом, немые руины и черепки едва ли не единственный источник по истории доколумбовой Америки. Отсюда необычайно важная роль американской археологии в изучении древностей индейцев. Она еще сравнительно молода. Ей нет и ста лет, но уже сейчас, поставив на службу достижения многих других научных дисциплин, она успешно решает многие крупные проблемы древней истории Нового Света. Однако в целом прошлое континента известно нам еще далеко не полностью. Бесчисленные загадки и вопросы ждут своего решения. Прошлое ревностно хранит свои тайны, и нужно приложить немало усилий, чтобы найти ключ к овладению ими. Одна из таких загадок — гигантские «рисунки» в

перуанской пустыне Наска. Немало споров вызывают и двенадцатитонные каменные шары, спрятанные в глубине лесных дебрей Коста-Рики. Антропологи ломают голову по поводу обилия трепанированных в древности черепов в Перу. Почему испанцы с такой легкостью сломили сопротивление воинственных ацтеков? Какова судьба не доставшегося Писарро золота инков? Что вызвало к жизни блестящую цивилизацию майя в самом сердце тропических джунглей? Достигали ли древние мореплаватели Старого Света берегов Америки до викингов и Колумба? Вопросы, вопросы. Их число возрастает. Предлагаемый вниманию читателей очерк посвящен двум таким загадкам древнеамериканской истории.

Загадка погибших городов

Так явственно из глубины веков
Пытливый ум готовит к возрожденью
Забытый гул погибших городов
И бытия возвратное движенье.

А. Блок

Индейский народ майя по праву считается создателем одной из наиболее развитых и ярких цивилизаций доколумбовой Америки. Майя и сегодня насчитывается в общей сложности свыше двух миллионов человек.

К моменту прихода испанских завоевателей они, как и в древности (1-е тясячелетие нашей эры), населяли обширную территорию, которая включала в себя полуостров Юкатан, Кинтана-Роо, Кампече, часть Табаско, Чьяпас в Мексике, всю Гватемалу, Белиз, западные районы Сальвадора и Гондураса. Величественна и разнообразна здесь природа. «Полные удушающих испарений джунгли, выжженные солнцем каменистые плоскогорья, где днем палит зной, а ночью замерзает вода, грозные вулканы, покрытые снегами, время от времени заливающие долины раскаленной лавой, частые разрушительные землетрясения, хищные звери и ядовитые змеи — такова та среда,— пишет В. М. Полевой,— в которой обосновались с незапамятных времен местные индейцы».

Их происхождение окутано пеленой таинственности. Мы знаем только, что рождение «классической» цивилизации майя относится к первым векам нашей эры. И затем в течение многих столетий здесь процветали многолюдные царства и города, развивались наука и искусство.

VII — VIII века — время наивысшего расцвета, «золотой век» этой цивилизации. Правители страны ведут успешные боевые действия на западных и южных границах. Караваны вездесущих торговцев проникают в самые глухие и отдаленные уголки Мексики и Центральной Америки, вывозя оттуда драгоценный зеленый минерал — нефрит, яркие перья тропических птиц, ткани, бобы какао, изящную парадную керамику, соль и обсидиан (для изготовления орудий труда и оружия). Архитекторы, скульпторы и художники создают по заказам могущественных правителей и жрецов свои бессмертные творения: многоцветные фрески Бонампака, башнеобразные храмы Тикаля, суровые образы царей и богов на стелах

Пьедрас-Неграс, Гватемала. Каменная стела майя с изображением победоносного правителя на троне (вверху) и связанных пленников, часть из которых — чужеземцы (внизу), VIII в. н. э.

Йашчилана и Пьедрас-Неграс. Казалось, ничто не могло угрожать благополучию страны.

Но происходит непонятное. К концу IX века на большей части территории лесных низменных районов майя (Северная Гватемала, Белиз, восток Чьяпаса, Юкатан) жизнь в городах прекращается вовсе или же сводится к минимуму. Не стали строить новые храмы и дворцы, исчезли стелы и алтари с календарными датами.

Прекратились научные изыскания. Замерли рынки. Опустели ремесленные мастерские. Пришли в запустение пышные дворцы. «На священных алтарях,— пишет американский археолог Ч. Галленкамп,— не воскуривался больше душистый копал. На широких площадях умолкло эхо человеческих голосов. Города остались нетронутыми — без следов разрушений или перестроек, как будто их обитатели собирались вскоре вернуться. Но они не вернулись. Города окутало безмолвие... Дворы заросли травой. Лианы и корни деревьев проникли в дверные проемы, разрушая каменные стены пирамид и храмов. За одно лишь столетие заброшенные города майя вновь оказались поглощенными джунглями».

На протяжении каких-нибудь 100—150 лет наиболее густонаселенная и развитая в культурном отношении область Америки приходит в запустение и упадок, от которых она никогда уже не оправилась.

Для объяснения этой грандиозной катастрофы предлагалось множество самых разнообразных гипотез. По одной из них города «Древнего царства» * майя были разрушены сильными землетрясениями. Она основана на том, что многие позднеклассические архитектурные постройки в городах майя представляют собой сплошную груду развалин, словно разбитые одним исполинской силы ударом. Кроме того, известна необычайно активная вулканическая деятельность в горных районах Чьяпаса и Гватемалы. Но дело в том, что департамент Петен (Северная Гватемала), где находились крупнейшие города майя, расположен вне пояса активной вулканической деятельности. Плачевное же состояние большинства каменных построек позднеклассического времени связано с разрушительным воздействием ливней и буйной тропической растительности. Конструкция каменных зданий майя с «ложным» сводом такова, что разрушение нижней части опорных стен приводит к обвалу огромной массы камня, образующей этот высокий ступенчатый свод.

Существует и предположение, что причиной гибели цивилизации майя могли быть катастрофическое уменьшение дождевых осадков и вызванный этим «водный голод». Но последние геохимические и ботанические изыскания в джунглях Петена показали, что незначительное сокращение количества осадков, действительно наблюдавшееся к концу классического периода, никак не могло отразиться на развитии культуры майя, а тем более вызвать ее крах.

Версия о повальных эпидемиях малярии и желтой лихорадки, якобы вызвавших запустение всей этой огромной территории, тоже несостоятельна. Обе упомянутые болезни не были известны в Новом Свете до прихода европейцев.

* «Древнее царство» — устаревший термин, хронологически соответствует «классическому» периоду в истории майя (300—900 годы нашей эры).

Одной из наиболее распространенных была до последнего времени гипотеза Сильвануса Морли, объяснявшая упадок «классических» городов кризисом системы майяского подсечно-огневого земледелия. В своей книге «Древние майя» он пишет: «Непрерывное уничтожение леса для использования расчищенной площади под посевы кукурузы постепенно превратило девственные джунгли в искусственные саванны, покрытые высокой травой. Когда этот процесс закончился и вековой тропический лес был почти целиком сведен и заменен искусственно созданными лугами, то земледелие в том виде, как оно до сих пор практиковалось у древних майя, пришло в упадок, поскольку у них не было никаких земледельческих орудий (мотыг, кирок, борон, заступов, лопат и плугов). Замена девственного леса саваннами, созданными руками человека, осуществлялась очень медленно, вызывая в конце концов упадок тех городов, в которых она достигла критического состояния. Этот процесс протекал не одновременно, а в разных местах по-разному, в зависимости от таких причин, как размеры населения, длительность пользования землей и общее плодородие прилегающих областей. В этом крахе, бесспорно, сыграли свою роль и другие неблагоприятные факторы, следующие обычно по пятам голода,— народные восстания, кризис власти и религиозные ереси. Однако весьма вероятно, что именно это экономическое банкротство и послужило главной причиной гибели Древнего царства майя».

Это предположение долгое время пользовалось всеобщим признанием среди специалистов, и лишь последние исследования заставили пересмотреть основные положения гипотезы С. Морли. Прежде всего был поднят вопрос: действительно ли майя исчерпали свои обширные резервы невозделанных земель? Американский археолог А. В. Киддер установил, что почва долины реки Мотагуа в Гватемале ежегодно обновляется в ходе паводков и, следовательно, эти земли можно было возделывать постоянно (то же в долинах других крупных рек — Усумасинты, Улуа и т. д.). Другой специалист по культуре майя, Эрик Томпсон, во время обследования археологических памятников Петена заметил, что пустующие поля (мильпы) сразу же зарастают высоким тропическим лесом, а не травами. Таким образом, едва ли истощение земли во всей огромной и разнообразной по природным условиям области майя могло вызвать быструю гибель их городов. По гипотезе С. Морли, истощение земель должно было произойти в первую очередь в самых древних центрах. Однако, к примеру, такой город, как Тикаль, который существовал не менее десяти веков, пришел в упадок гораздо позже (после 869 года), чем более молодые центры в бассейне реки Усумасинты. А исследования ботаников и специалистов в области земледелия в районе озера Петен-Ица (Северная Гватемала) показали, что здесь до сих пор господствует подсечно-огневое земледелие, почти не изменившее своего характера со времен древних майя. Причем ему свойственны довольно высокая продуктивность и стабильность, что позволяет обеспечить продовольствием сравнительно густо населенные районы (примерно 100—200 человек на одну квадратную милю). Никакой угрозы нашествия травянистых саванн (как и в древности) здесь не наблюдается.

За последние годы все бо́льшую популярность приобретает гипотеза, выдвинутая известным американским археологом Эриком

Сейбаль, Гватемала. Каменная стела майя, сочетающая в себе черты местного и центральномексиканского искусства, IX в. н. э.

Томпсоном. По его мнению, упадок «классических» центров культуры майя связан с внутренними социальными потрясениями. Отправной точкой для выводов ученого послужил один на первый взгляд малопримечательный факт. В ходе раскопок древнего города Тикаль археологи обнаружили, что почти все найденные там каменные скульптуры, изображающие правителей и богов, либо повреждены, либо совершенно разбиты. Кто сделал это? С какой целью? В материальной культуре Тикаля нет никаких следов нашествия чужеземных армий: сожженных и рухнувших зданий, сломанного оружия и беспорядочно наваленных друг на друга скелетов с

пробитыми черепами. Очевидно, чужеземцы не имели никакого отношения к тем драматическим событиям, которые разыгрались на последнем этапе существования города, примерно в конце IX века. Как полагает Томпсон, здесь может идти речь только о восстании угнетенных масс, и в воображении ученого возникает яркая картина этих далеких, но бурных событий.

Итак, чаша народного терпения переполнилась. В десятках городов и селений, разбросанных у подножия горных хребтов Чьяпаса и на лесных болотистых равнинах Северной Гватемалы, в том числе и в самом Тикале, жизнь внешне текла по-прежнему. Но надо представить себе всю сложную и противоречивую структуру майяского общества, чтобы понять, какой ураган народного гнева готов был со дня на день обрушиться на головы правящей касты. Небольшое ядро светских аристократов и жрецов, усилиями которых поддерживался внешний блеск цивилизации майя, сознательно обрекало своих многочисленных подданных на нищету и бесправие. На долю простых земледельцев оставались лишь непосильные налоги, бесконечные поборы и тяжкий труд на строительстве дворцов и храмов. Пышные ритуальные центры росли среди лесов и болот, словно грибы после дождя, а земледельцы все туже затягивали пояса.

Неизвестно, кто первым бросил клич к восстанию, но за оружие взялись все, дружно и яростно, с надеждой на лучшие времена. И против этого всесокрушающего вала крестьянской войны не мог устоять никто.

Были рассеяны и перебиты отборные отряды царских воинов. В панике бежали за пределы страны властители. И когда успех восстания стал очевиден, священная ярость людей обрушилась на каменных кумиров, имевших самое прямое отношение к только что свергнутым правителям и жрецам.

Нечто похожее происходило и во многих других городах майя. Разбитые монументы с ликами царей и богов встречаются не только в Тикале, но и в Пьедрас-Неграс, Йашчилане, Алтар-де-Сакрифисьос. Огромная и цветущая страна внезапно испытала на себе все разрушительные последствия жесточайшего социального кризиса. Через некоторое время победившие земледельцы разошлись по своим деревушкам, рассеянным по окрестным лесам, и величественные города майя окутало безмолвие. Таково в общих чертах содержание гипотезы Э. Томпсона.

Как отнестись к ней? Крупные социальные потрясения (восстания, мятежи и т. д.) — неизбежные спутники любого классового общества — действительно могли послужить причиной (или одной из причин) гибели некоторых городов-государств майя в 1-м тысячелетии нашей эры. Но таких городов-государств было тогда несколько десятков, и вряд ли все они почти одновременно подверглись нападению восставших народных масс. Кроме того, как показали последние исследования, нет никаких реальных доказательств в пользу подобного развития событий. В Тикале и других городах «классического» периода стелы и алтари с изображениями правителей и богов подвергались порче и разрушению на протяжении всей многовековой истории местной цивилизации.

Это был какой-то важный ритуал или обряд: по прошествии определенного времени монумент портили или разбивали, совершая

тем самым его ритуальное «убийство». Но и после этого он продолжал оставаться объектом ревностного почитания: ему приносили жертвы и дары, воскуряли благовония.

На наш взгляд, естественнее всего упадок «классических» городов майя объясняется нашествием чужеземных племен. Гипотеза эта существует много лет. Большинство исследователей считает виновниками гибели «Древнего царства» различные центральномексиканские народности — либо армии тольтеков, ворвавшихся на Юкатан в конце X века, либо теотихуаканцев в еще более ранний период (VII век).

Но и здесь еще много неясного. Теотихуаканское вторжение в области майя могло произойти, по-видимому, не позднее конца VII века. Тольтеки появились на Юкатане лишь в конце X века. Кто же тогда сокрушил важнейшие города майя, пришедшие в запустение как раз между концом VIII и началом X века?

Противники гипотезы об иноземном нашествии выдвигают обычно два серьезных аргумента: в городах майя нет никаких следов разрушений и битв — неизбежных спутников завоеваний; вторжение тольтеков на Юкатан не привело там к исчезновению жителей майяских селений, как это случилось в более южных районах.

Известный историк и писатель К. Керам пишет, например, так: «Самым простым представляется объяснение, что майя были изгнаны иноземными захватчиками. Но какими, откуда они взялись? Государство майя находилось в расцвете сил, и никто из соседей не мог даже отдаленно сравниться с ним в военной мощи. Впрочем, эта гипотеза несостоятельна в корне: в оставленных городах не обнаружено никаких следов завоевания».

Однако через три года после того, как были написаны эти строки, археологи нашли в глубине гватемальских джунглей столь яркие следы «чужеземного вторжения», что они заставили замолчать самых закоренелых скептиков. Правда, это были не величественные руины крепостных стен и башен и не следы кровавых битв в виде груды человеческих костей и сломанного оружия, а всего лишь скромные черепки глиняной посуды, в изобилии валявшиеся в пыли заброшенных улиц и площадей майяских городов.

При раскопках Алтар-де-Сакрифисьос — древнего центра майя, расположенного у слияния рек Салинас и Пасьон, ученые со всей очевидностью установили, что последний этап в жизни города был насыщен поистине драматическими событиями. В конце IX века на смену исчезнувшим «классическим» традициям майя приходит совершенно иной культурный комплекс, лишенный каких-либо местных корней. Он получил название «Химба» и состоял только из изящной керамики с оранжевой поверхностью и терракотовых статуэток, напоминающих некоторые центральномексиканские образцы скульптуры. Физический тип людей, изображенных на этих статуэтках, их одежда, украшения и оружие совершенно не похожи на майяские. Все это свидетельствует о полной смене культуры и населения в городе в пределах 869—909 годов (хронологические рамки комплекса «Химба»). Спустя некоторое время завоеватели ушли из Алтар-де-Сакрифисьос, и город был в считанные годы целиком поглощен джунглями.

В 75 милях восточнее Алтар-де-Сакрифисьос находятся руины еще одного крупного центра «Древнего царства» майя — Сейбаля. По

расчетам археологов, город этот существовал с 800 года до нашей эры до середины X века нашего времени. Причем последний этап — «Байяль Бока» — длился (судя по календарным датам на стелах и специфическим типам керамики) с 830 по 950 год нашей эры. Именно тогда в Сейбале появляется множество черт, чуждых «классической» культуре майя. Во-первых, встречается масса уже знакомой нам изящной оранжевой керамики и терракотовых статуэток. Во-вторых, вся группа каменных стел с календарными датами от 850 до 890 года нашей эры имеет скульптурные изображения, совершенно чуждые «классическому» искусству майя и близкие по стилю искусству Центральной Мексики.

Наконец, весьма необычно для майяской архитектуры круглое в плане здание храма, обнаруженного недавно в Сейбале. Но круглые постройки довольно распространены в Центральной Мексике и на тольтекских памятниках Юкатана. Все это дополняет плоская каменная голова, так называемая «ача» (по-испански «топор»). Подобные изделия очень характерны для культуры племен Южного Веракруса и Западного Табаско конца 1-го — начала 2-го тысячелетия нашей эры.

Таким образом, все полученные в ходе раскопок данные свидетельствуют, что в IX веке Сейбаль был захвачен какой-то группой чужеземцев, связанных по своей культуре с побережьем Мексиканского залива и с Центральной Мексикой. Однако в отличие от Алтар-де-Сакрифисьос события в Сейбале развивались по-иному: завоеватели обосновались в городе на довольно длительный срок, частично слившись при этом с местным майяским населением. В результате возникла своеобразная синкретическая культура (об этом говорят, например, поздние стелы, изображающие персонажей в центральномексиканских костюмах, но с календарными датами, записанными по эре майя).

В огромном городе Паленке, расположенном далеко на западе майяской территории и, безусловно, одним из первых принявшем на себя удар завоевателей, вскоре после внезапного появления там большого числа оранжевой глиняной посуды (в конце VIII — начале IX века) происходит быстрый упадок местной культуры. Следует подчеркнуть, что и здесь при раскопках неоднократно встречались вычурные каменные предметы, получившие условные названия «ярма» и «топоры». Эти изделия служат одним из наиболее специфических признаков цивилизации тотонаков и других племен, живших на территории штатов Веракрус и Табаско.

Аналогичные находки известны теперь и во многих других городах майя — Йашчилане, Пьедрас-Неграсе, Тикале, Копане.

Такова чисто археологическая подоплека тех драматических событий, которые привели к гибели основных центров «классической» культуры майя. Можно сделать два важных вывода: во-первых, теперь известно время чужеземного нашествия на земли майя (начало IX — середина X века); во-вторых, удалось установить и тот исходный район, откуда двинулись в поход завоеватели (прибрежные районы мексиканских штатов Веракрус, Табаско, Кампече).

Остается решить наиболее важный вопрос об этнической принадлежности людей, сокрушивших устои крупнейшей цивилизации доколумбовой Америки. И здесь на помощь археологии необходимо привлечь те скудные и противоречивые данные исторического

Тикаль, Гватемала. Изображение центральномексиканского бога воды и дождя Тлалока на стеле майя, VI в. н. э.

характера, донесенные до нас старинными индейскими хрониками, которые удалось уберечь от преследований католических инквизиторов. Изучение этих хроник показало, что земли майя последовательно подвергались крупным нашествиям по меньшей мере три раза. Первая волна завоевателей пришла из Центральной Мексики, а точнее, из Теотихуакана (долина Мехико) — столицы крупного и могущественного государства, созданного на рубеже нашей эры предками нахуа. В VII веке Теотихуакан стал добычей северных варварских племен, получивших впоследствии собирательное название чичимеков. Блестящая столица была полностью разграблена и сожжена.

Уцелевшие жители Теотихуакана и ряда близлежащих селений вынуждены были переселиться в другие края, вероятнее всего на восток и юго-восток. В старинных ацтекских преданиях об этом важном историческом событии сохранились смутные воспоминания в виде легенды о переселении «тламатиниме» (по-ацтекски «мудрых, знающих людей»).

Теотихуаканское влияние особенно заметно сказалось в горных районах майя. В Каминальгуйю (Центральная Гватемала) теотихуаканские элементы культуры в керамике, архитектуре и искусстве настолько многочисленны и специфичны, что речь идет, видимо, о вторжении значительной группы чужеземцев и прямом завоевании города. Это нашествие относится примерно к 300—600-м годам.

На южном берегу озера Аматитлан (Гватемала), близ местечка Мехиканос, был найден теотихуаканский глиняный сосуд цилин-

дрической формы. Радиоуглеродный анализ раковины, находившейся внутри сосуда, показал, что изделие относится к 650 (±130) году.

В Копане (Западный Гондурас) археологи обнаружили стелу, на лицевой стороне которой высечен персонаж с лицом теотихуаканского бога воды и дождя Тла́лока. На его сандалиях отчетливо видны типично теотихуаканские религиозные символы и знаки. Календарная надпись на стеле соответствует 682 году.

Все эти факты говорят о вторжении теотихуаканов на территорию майя (преимущественно в горные районы) между 600 и 700 годами. Видимо, на этот раз города-государства сумели устоять и, быстро преодолев разрушительные последствия вражеского нашествия, вступили в наиболее блестящую и яркую полосу своей истории.

Гибель Теотихуакана имела для народов Центральной Америки весьма серьезные последствия. Была потрясена до основания вся система политических союзов, объединений и государств, складывавшаяся на протяжении веков. Началась своеобразная цепная реакция — непрерывная полоса походов, войн, переселений, нашествий неведомых племен, сдвинувшая многие народы с насиженных мест. Вскоре весь этот клубок различных по культуре и языку этнических групп покатился, словно гигантская волна, на юг, к западным границам майя.

Именно к этому времени (VII — VIII века) относится большинство победных рельефов и стел, воздвигнутых правителями майяских городов-государств в бассейне реки Усумасинты — Паленке, Пьедрас-Неграса, Йашчилана и других.

На стеле из Пьедрас-Неграса, относящейся к 795 году, такая триумфальная сцена запечатлена особенно ярко. В верхней части монумента изображен сидящий на троне правитель города — «халач виник» в пышном головном уборе и богатом костюме. Правой рукой он опирается на копье. У подножия трона стоят военачальники и придворные, а еще ниже — большая группа обнаженных пленников со связанными за спиной руками.

«Обращает на себя внимание,— пишет советский этнограф Р. В. Кинжалов,— подчеркнутая индивидуальность в передаче образов пленных; отчетливо показаны различные этнические типы: у одного — характерное украшение в носу, напоминающее тольтекские (лучше сказать «центральномексиканские».— *В. Г.*), другой имеет густую бороду (весьма редкая черта у майя.— *В. Г.*)».

Но вскоре силы сопротивления врагу иссякли. И когда с запада двинулась новая волна завоевателей, дни майяских городов были сочтены. Эта вторая волна чужеземного нашествия связывается с племенами пипиль, этническая и культурная принадлежность которых до конца не установлена. Мексиканский ученый Вигберто Хименес Морено выдвигает весьма вероятную гипотезу. Он напоминает, что, по сообщениям древних хроник, примерно в конце VIII века нашей эры так называемые исторические ольмеки захватили город Чолулу (Мексика), где долгое время после гибели Теотихуакана сохранялось прежнее (теотихуаканское) население и продолжали развиваться традиции данной культуры. Жители Чолулы вынуждены были бежать на побережье Мексиканского залива и обосновались на некоторое время в южной части теперешних штатов Веракрус,

Тикаль, Гватемала. Центральномексиканская терракотовая статуэтка. Середина I тыс. н. э.

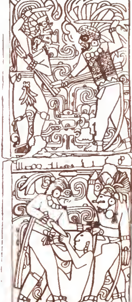
Табаско и Кампече. Здесь они подверглись, видимо, сильному воздействию со стороны культуры тотонаков (именно от них восприняли переселенцы комплекс «топор» — «ярмо»). В результате наследники теотихуаканских традиций, восприняв ряд черт инородных культур и частично слившись с местным (в том числе и майяским, жившим в Табаско) населением, превратились в тех самых «пипиль», которые известны нам по письменным источникам.

Теснимые своими врагами — ольмеками, «пипиль» двинулись на юго-восток, в области майя. Это и есть та самая волна завоевателей, которая принесла с собой новую культуру в майяские города.

Нашествие «пипиль» на земли майя происходило с 800 по 950 год по двум основным направлениям: 1) вдоль реки Усумасинты и по ее притокам на юго-восток (Паленке, Алтар-де-Сакрифисьос, Сейбаль); 2) по побережью Мексиканского залива к городам Юкатана.

Продвижение вражеских полчищ по территории майя прослеживается довольно хорошо благодаря одному интересному обстоятельству. Дело в том, что у майя в «классическую» эпоху был широко распространен обычай воздвигать во всех крупных городах стелы и алтари с календарными датами, точно фиксирующими время торжественного открытия монумента. После того как на территории «Древнего царства» появилась оранжевая керамика и другие центральномексиканские черты культуры, возведение стел прекратилось. Таким образом, самая поздняя дата, высеченная на том или ином монументе города, отражает (конечно, приблизительно) и начало его упадка.

Судя по уцелевшим датированным стелам, первыми были разгромлены майяские города в бассейне реки Усумасинты. Затем почти одновременно погибли наиболее могущественные города-государства Петена и Юкатана. Самая поздняя календарная дата по эре майя, известная сейчас, относится к 909 году.

Чичен-Ица, Мексика. Каменный рельеф с картинами сражений воинов майя и тольтеков. Причем последние всегда одерживают победу над противником. X—XII вв. н. э.

Третью волну завоевателей составили центральномексиканские племена тольтеков, вторгшиеся на территорию майя в конце X века и на несколько веков установившие свое господство над Юкатаном (Чичен-Ица). Однако связанные с этим события выходят за рамки нашей темы, поскольку к моменту появления тольтеков все основные центры «Древнего царства» майя были уже разгромлены.

В заключение вернемся к вопросу о том, действительно ли после всех описываемых событий низменные районы майя оказались совершенно безлюдными, как считают некоторые авторы.

По свидетельству испанских хроник, в XVI—XVII веках в лесах Петена и Белиза проживало довольно много людей, хотя и, безусловно, меньше, чем в «классическую» эпоху. Кортес во время похода в Гондурас против мятежников идальго Кристобаля де Олида встретил в этих местах многочисленные селения и городки, тщательно возделанные поля маиса, разветвленную сеть дорог. Часть населения Петена была пришлой. Но другую (и, видимо, бóльшую) его часть составляли прямые потомки жителей городов «классической» эпохи. В самом центре бывшего «Древнего царства», на острове посреди озера Петен-Ица. находился огромный город Тайясаль—столица независимого государства майя, просуществовавшего вплоть до конца XVII века. Это как нельзя лучше соответствует гипотезе о чужеземном вторжении.

Следует подчеркнуть также, что прекращение монументального строительства и сооружения каменных датированных стел отнюдь не означает, будто жизнь в городах майя полностью замерла в конце 1-го тысячелетия нашей эры. Есть доказательства, что даже в таких

крупнейших центрах «Древнего царства», как Тикаль н Вашактун, майяское население сохранялось н в X—XVI веках.

Продвнгаясь наиболее удобными путямн, орды захватчнков постепенно опустошалн земли майя. И тот факт, что дольше всех сохранялась группа городов во главе с Тнкалем, расположенных в самом сердце «Древнего царства», в глубнне непроходнмых джунглей, лишннй раз доказывает, что нменно вражеское нашествне послужило прнчиной гнбелн культуры в столь большой н цветущей областн, какой была террнторня майя в конце 1-го тысячелетня нашей эры.

Не нсключено, что нзвестиую роль в гнбелн этой культуры сыгралн н внутреннне соцнальные потрясення (восстання, мятежи, междоусобнцы), ослабнвшне силы сопротнвления врагу.

Римляне в Мексике?

Путем назначенным дерзанья н возмездья
Стремит мою ладью глухая дрожь морей,
И в небе теплятся лампады Семнзвездья.

М. Волошин

Со времен открытий Колумба не утихают споры о пронсхожденнн амернканскнх нндейцев н высокнх цивилизаций, созданных нмн в Мекснке н Перу. Однн нсследователн (н нх большннство) стремятся доказать полную самостоятельность развития местной культуры со временн первоначального заселення Нового Света. Другне настойчнво проводят мысль о том, что Амернка была уже с глубокой древности постоянно связана трансокеанскнмн маршрутами с важнейшнмн очагамн цивилизацнй Старого Света. Особая роль в осуществленин подобных контактов отводится разлнчным мореходным народам Средиземноморья: фнникийцам, грекам, рнмлянам н другим.

Нет основаннй оспарнвать тот несомненный факт, что греческне мыслнтелн н моряки внеслн большой вклад в развитие науки об окружающем мнре — географнн. Пытлнвый ум античных мудрецов, тщательно взвеснвших все крупицы достоверных сведений о далекнх н таинственных землях, проникает на западе за «столбы Геркулеса», на севере — до прнполярных районов современной Скандинавнн, а на востоке — до самых потаенных глубнн Азин (Индин, Алтая). Тогда же появились в античной литературе и смутиые упомннания о сказочных островах, затерянных в голубых водах океана. Геснод, жнвшнй в VIII веке до нашей эры, окрестил эти острова Блаженными. Рассуждая о «божественной расе людей-героев», которые жили когда-то на земле, он сообщает, что часть нз ннх погнбла в ходе сражений, но другим «отец Зевс предоставил на краю землн место для жнзнн, вдалн от людей н бессмертных богов. На этих островах Блаженных, окруженных кипящим водоворотами Океаном, онн живут без забот н печалн. И плодородная земля трнжды в год прнносит нм урожай плодов, сладкнх как мед».

Этн острова, нзвестные также под нменем Счастливых, Гесперид н Елисейскнх полей, упоминаются в эпоху классншеской древности н средневековья почти во всех трудах по географнн.

Много сведений о землях, лежащих к западу от Гибралтара, почерпнули греки от финикийских мореплавателей. В IV веке до нашей эры анонимный греческий автор, известный как Псевдо-Аристотель, писал в своем сочинении «О чудесных слухах» следующее: «Говорят, будто по ту сторону Столбов Геракла карфагеняне обнаружили в океане необитаемый остров, богатый лесами и судоходными реками и изобилующий плодами. Он находится на расстоянии *нескольких дней пути от материка* (курсив наш.— *В. Г.*). Но когда карфагеняне стали часто посещать его и некоторые из них из-за плодородия почвы поселились там, то правители Карфагена запретили под страхом смерти ездить к этому острову». Это было сделано и для того, чтобы воспрепятствовать оттоку населения из Карфагена и держать открытие новых земель в тайне.

Какой же это материк? Может быть, Америка? Историк Диодор Сицилийский, живший в I веке до нашей эры, говорит на этот счет вполне определенно: «В середине океана лежит остров, выделяющийся своей величиной. Он находится от Африки лишь на расстоянии *нескольких дней пути* ... (курсив наш.— *В. Г.*).

...Финикийцы, обследовавшие побережье по ту сторону Столбов и плывшие на парусных судах вдоль побережья Африки, были сильными ветрами отнесены далеко в океан. После многих дней блуждания они достигли наконец названного острова».

Таким образом, в обоих случаях речь идет о землях, расположенных в самой непосредственной близости от африканских берегов. Что это? Мадейра? Острова Канарской группы? Азорские? Для нас в данном случае важно другое: острова, лежащие всего «в нескольких днях пути» от Африки, никак нельзя отождествить с какими-либо землями по ту сторону Атлантики, будь то Антильские, Багамские или Бермудские архипелаги.

Правда, некоторые современные исследователи, ссылаясь на то, что найденные финикийцами в океане острова имели «горы» и «судоходные реки», пытаются доказать, будто в этих сообщениях речь идет о крупнейших островах Вест-Индии — Кубе, Гаити, Ямайке. Но есть все основания считать, что в данном случае имелась в виду Мадейра. «Лесистость, плодородие, реки,— подчеркивает немецкий географ Р. Хенниг,— все это описание прекрасно подходит теперь, как подходило и в древности, к вновь открытому в XIV веке итальянцами, а в 1419 году — португальцами острову Мадейре, и только к нему одному».

Таким образом, посещение финикийскими мореходами восточных и центральных Канарских островов, группы островов Мадейра и, видимо, Азорских (остров Корву) представляется вполне достоверным. Примечателен и такой факт. До сих пор не раскрыты секреты приготовления знаменитой пурпурной краски финикийцев, торговля которой приносила им баснословные прибыли. А именно на Канарских островах растет лишайник орсель, содержащий высококачественный краситель. Древние народы Средиземноморья, видимо, хорошо знали о богатствах затерянных в океане островов и совершали туда время от времени рискованные экспедиции. Незадолго до нашей эры мавританский царь Юба II, находившийся в вассальной зависимости от Рима, побывал на Канарских островах и построил там собственную пурпурокрасильню. Он не нашел там местных жителей, но видел руины древних каменных построек,

скорее всего финикийских (карфагенских).

Мы знаем также, что и сами греки совершали иногда далекие океанские плавания. В VII веке до нашей эры уроженец Самоса Колей, пройдя через Гибралтарский пролив, побывал на западном побережье Испании, в богатом городе Тартес. Веком позже Эвтимен из Массилии исследовал атлантическое побережье Северной Африки. Однако ни о каких плаваниях к берегам Нового Света в античных текстах нет ни единого слова. Здесь уместно привести слова крупнейшего специалиста в области древних морских контактов между Америкой и Старым Светом С. Э. Морисона (США): «Ни одно из сообщений не подтверждает высказывания о том, что древние были связаны с Америкой».

Уцелевшие до наших дней античные рукописи действительно не дают никаких оснований считать, что финикийцы, греки или римляне сумели хоть раз добраться до берегов Нового Света и благополучно вернуться назад.

Правда, современные знания об античной культуре имеют серьезные пробелы. Многие выдающиеся достижения древних философов, путешественников и ученых были безвозвратно утрачены. Бесценные рукописи — хранители информации — безжалостно сжигались религиозными фанатиками, втаптывались в грязь копытами варварской конницы, гибли от наводнений и пожаров, разрушались от ветхости. Кто знает, может, там содержались сведения о далеких морских походах в западную часть Атлантики?

Множество сложных и запутанных проблем встает перед учеными, когда они обращают свой взгляд в прошлое. Наука не может строить свои выводы лишь на беспочвенных догадках. Для создания любой достоверной гипотезы нужны твердые, обоснованные факты. Есть ли они у нас, когда речь идет о плаваниях античных мореходов в Америку? В конце 1933 года мексиканский археолог Хосе Гарсиа Пайон производил раскопки древнего индейского поселения Калиштлахуака в долине Мехико. Под тремя непотревоженными слоями глинобитных полов одного из зданий ему удалось обнаружить несколько погребений ацтекского времени (XIII—XV века нашей эры). Находки были богатые: глиняные расписные кувшины и чаши, украшения из раковин и горного хрусталя, золотые пластины, фигурка оцелота и тому подобное. Среди всей этой роскоши внимание археолога привлек один необычный предмет: из угла гробницы на него глядели широко раскрытые глаза какого-то бородатого существа в шутовской конической шапочке. Это была голова небольшой терракотовой статуэтки диаметром два с половиной сантиметра. Весь ее облик резко отличался от древних скульптур индейцев. «В течение многих лет,— вспоминает Пайон,— головка хранилась у меня, и я иногда показывал ее знакомым как некий курьез». И только в 1959 году о находке случайно узнали европейские ученые. Они и помогли установить, что терракота из Калиштлахуаки относится к хорошо известному типу римских статуэток II века нашей эры. Но как мог столь древний предмет оказаться в ацтекском погребении? Видимо, еще в далекие времена индейцы обратили внимание на столь необычную вещь. Не исключено, что первые ее владельцы знали кое-что и относительно обстоятельств появления статуэтки на берегах Мексики. Во всяком случае ясно одно: римскую находку как особо почитаемую реликвию

Римская терракотовая статуэтка из Калиштлахуаки, Мексика, II в. н. э.

бережно передавали из поколеиия в поколение, пока оиа не очутилась в гробиице грозиого ацтекского вождя.

Открытие в Калиштлахуаке зиаменательио тем, что перед иами первое бесспориое привозиое изделие доколумбовой эпохи, иайденное в Цеитральиой Америке во время иаучных раскопок, что исключает всякую возможиость подлога. Оно придает бо́льшую достовериость и другим сообщеииям о случайиых находках аитичных вещей в различных райоиах Мексики; среди иих головка эллииистической статуэтки из Керетаро, поздиеримская терракота (торс Веиеры) из области Хуастека и римская же фигурка из Северной Мексики (хранится сейчас в музее Чикаго, США). Заслуживает вниманиия и такой любопытиый факт: на одной из фресок аитичиого города Помпеи было изображеио чисто американское растеиие — ананас, о котором, как считалось прежде, Европа узиала только после плаваний Колумба, то есть ие раиее XV века.

Итак, скупые, ио вполие достовериые данные позволяют утверждать, что по крайией мере один раз предмет римского производства II века иашей эры пересек (разумеется, вместе с человеком) Атлантику и очутился иа берегах Нового Света, в Мексике.

Как это случилось? При каких обстоятельствах?

Во II веке после гибели Карфагена Рим стал единственным и абсолютным властелином всего Средиземноморья, превратившегося на целые столетия во внутреннее «римское море». Море в буквальном смысле слова кормило Рим. Гигантские потоки грузов вливались на Апеннинский полуостров из Северной Африки, Передней Азии и Причерноморья. Легионы Цезаря с помощью флота захватили Галлию и высадились в Британии. Римские суда бороздили просторы Атлантики в районе западноафриканского побережья и к северу от Гибралтара.

Именно к этому времени и появляются в трудах римских историков туманные сообщения о затерянных в океане островах западнее «Столбов Геркулеса». Правда, римляне могли узнать о них из греческих или финикийских источников. Поэтому для нас важно знать, ходили ли римские корабли хотя бы до ближайших к Африке островов — Мадейры, Канарских и так далее?

В 1964 году на прибрежном мелководье, близ островка Грасьоса (группа Канарских островов), была обнаружена хорошо сохранившаяся античная амфора так называемого финикийского типа, которыми пользовались только на римских судах во II—III веках нашей эры. Известно также, что подобных амфор на торговых кораблях не было и, стало быть, речь идет скорее всего о визите на остров Грасьосу военного корабля.

Сопоставив все эти факты, можно предполагать, что Канарские острова были известны римским мореплавателям и иногда посещались ими, но, видимо, чаще всего это происходило при случайных или вынужденных обстоятельствах. То, что на острове Грасьоса побывал когда-то не торговый, а военный корабль, который гораздо хуже был приспособлен к далеким морским путешествиям, указывает как раз именно на такого рода возможность.

Отсюда становятся более понятными и отдельные находки римских вещей в Мексике. От западного побережья Африки к берегам Мексиканского залива идут мощные Канарское и Северное пассатное течения и дуют попутные ветры (северо-восточные пассаты). И если римляне выходили за «Столбы Геракла» в океан и бывали на Канарских островах, то нет ничего удивительного в том, что отдельные их корабли во время бурь относило далеко на запад, вплоть до американского побережья. Но пока нет ни малейшего намека на то, что эти «путешественники поневоле» когда-либо возвращались назад.

БОРИС ДАЛМАТОВ

БУДНИ ГЕОЛОГОВ

Новеллы

Художник Е. РАТМИРОВА

Дзюба

Случилось это в один из полевых сезонов много лет назад.

Вечерело, когда я возвращался из маршрута верхом. Собаки громким лаем встретили меня у околицы хутора Ёда. Поводя ушами, лошадь устало шагала к ближайшему дому. Здесь жил промысловик Гурич. Я увидел через низкий забор, что он торопливо перебежал двор, отогнал собак. Я слез с седла, привязал лошадь.

Мы вошли в горницу, где был накрыт стол. Аппетитно пахло щами, жареным мясом и свежими огурцами.

— Вот это да!—восхитился я.—Подоспел вовремя.

— Так ждали,—сделал радушный жест Гурич.

Когда мы сели за стол, в дверь, пригнув голову, вошел человек в ватнике, перехваченном широким ремнем, в огромных броднях, старой шапке. Это был тот самый Дзюба, о котором мне рассказывали всякий раз, когда я приезжал в здешние места.

— Хлеб да соль!—приветствовал он нас.

— Прошу к столу, Иван Дементьевич!—предложил Гурич.

Этого кряжистого мужика с огненно-рыжей бородой и маленькими угрюмыми глазками, глубоко запрятавшимися под мохнатыми бровями, побаивались в округе.

Дзюба дважды сходился врукопашную с медведем и побеждал зверя. И странно: глубокие шрамы на лице и руках не уродовали его. Внешность Дзюбы, пожалуй, проиграла бы, не будь на его лице этих боевых рубцов. Фиолетово-розовый шрам, пересекавший лицо охотника от правого уха до брови, был получен им на колхозной пасеке. Однажды медведь решил полакомиться медком, а жена пасечника помешала зверю. Плохо бы ей пришлось, но случилось так, что Дзюба как раз шел мимо. Выдернув из забора кол, он кинулся на зверя...

О подвигах Дзюбы знали все, но любить его не любили. Да и за что любить, если он мало с кем считался. «Дзюба отнял ... Дзюба взял ... Дзюба выгнал ... Дзюба спрятал ...»—говорили многие.

Бывало, и в драку с ним вступали. Он принимал вызов. И изрядно поколачивал соперников. Старики укоряли Дзюбу, стыдили, что он не уважает законов, но охотник неизменно отвечал: «Закон — тайга. Прокурор — медведь...» Понятно, что спорить с ним мало кто отваживался.

Гурич налил гостю стопку водки, тот осторожно взял.

— Ваше здоровье! — кивнул лобастой головой Дзюба.— Я по делу,— сказал он, вытирая усы.— Слышал, нужен проводник геологам.

— Проводник?.. Нужен,— оживился я,— знающий тайгу...

— Может, поладим,— с усмешкой сказал Дзюба (секундное мое замешательство не ускользнуло от него),— а тайга-то для меня — дом родной.

Так он стал нашим проводником.

...Наш маленький отряд двигался в глубь Восточного Саяна, к Большому Шитою. Дзюба оказался исключительным проводником. Знанием тайги он поражал меня. Каждый день я неожиданно открывал в этом угрюмом, немногословном человеке все новые и новые удивительные качества.

Каменистая тропа шла через кедрач. Наш молодой конюх Санька, ехавший рядом с Дзюбой, увидел вдруг белку, сорвал с плеча ружье и пристрелил зверька. Дзюба молча подъехал к нему и дал такую затрещину, что незадачливый охотник кубарем слетел с лошади...

Санька долго шмыгал носом. И, вытирая слезы, бросал в спину Дзюбы:

— Куркуль! Еще дерется... Хозяин нашелся...

Дзюба ехал с непроницаемым лицом. Можно было подумать, что он не слышит оскорбительных слов, которые трусливо, но достаточно громко посылал по его адресу конюх.

Вечером я сказал Дзюбе, что драться нельзя: трудно будет вместе работать...

— Нет, начальник, за сорок белок — мало я его... Пожалел...

— Как за сорок? — удивился я.

— К осени одна белка сорока обернется,— ко́ротко пояснил Дзюба.

Я думал, что Дзюба навсегда стал для Саньки врагом, но ошибся. Очень скоро конюх расспрашивал:

— А как, Иван Дементьевич, хариус нонче есть на Черной речке?..

Дзюба не подчеркивал своего превосходства, но каким-то образом давал почувствовать, что многие в отряде мало что знают о таежных условиях.

Однажды мы долго сидели с ним у костра. Лагерь спал. Пламя освещало стенки палаток, отражалось кровавыми бликами в струях ручья, выхватывало из темноты бронзовые спины лошадей. Дзюба, помешивая палочкой угли, сидел на обрубке бревна.

— О чем задумался, Иван Дементьевич? — спросил я.

Дзюба вздрогнул. Он не ожидал вопроса. Подняв на меня глаза, усмехнулся:

— Да так... Думаю: орехи скоро бить...

— Слышал,— начал я,— ты большую делянку себе отвоевал? Мужики обижаются.

— Обижаются? — как мне показалось, с удивленнем спросил он и заговорил тоном человека, убежденного в своей правоте: — Не понимают онн ничего... Участок охотнику нужен хорошнй ... Вас, геологов, камень кормит, а охотника гектар тайги...

— Гектар?

— Ну да. Не на каждом дереве белка, не в каждой таежке орех...

— Хорошо, но зачем ты отбираешь уже набитый орех, оставленный в избушке? Это же беззаконне.

— Беззаконне? В тайге, брат, закон — тайга ...

— Не согласен — это закон волчий, а не людской.

— Волчий, говорншь? А скажи, какой закон предписывает зря зверя бить, орех портить? Какой? Тут к осенн (сам увидишь), как мошка, понабьются разные людишки ... — Он слегка повысил голос. — И зверя поразгоняют, н пожаров наделают ...

Мой собеседник помолчал, потом тяжело вздохнул:

— Для себя-то много мне не надо. Душа не терпнт беспорядка. В тайге, так думаю, надо жить по-хозяйски ...

Дзюба провел нас на Большой Шитой, а сам ушел в таежку, на Шаблык. Много воды утекло в Большом Шитое до осенн ... Не с пустыми сумами возвращались мы по снежному пути назад в Еду.

Вот и переправа. Река не замерзла. Катит свою холодную черную воду. На противоположном берегу Ин виден игрушечный костернк. Мы начали стрелять из ракетницы. С тихнм шипеннем над рекой взвивалнсь красные и зеленые шары. Полянка возле избушки ожила, появились фигурки людей. Вскоре на той стороне уже усаживались в лодку. Еще издали я увидел в ней средн охотннков Гурнча н удивился: «Почему здесь Гурнч? Где Дзюба? Он обещал встретить нас...»

Лодка ткнулась в каменистый берег. Гурич выскочил н поспешно направился к нам.

— Где Дзюба? — забыв поздороваться, спросил я.

— Погиб ... — мрачно выдавил Гурич.

— Что? Как?

— Погиб, говорю ...— недовольно повторил Гурич.— Тайга тут на Аршанском леспромхозе горела. Дзюба с людьми просеку рубил ... Парнишка один в беду попал ... Кричит ... Полез Дзюба спасать, а тут на него дерево и рухнуло...

Мы молча постояли, опустив головы. Гурич вздохнул и, надевая шапку, добавил:

— А парнишка-то жив остался ... Так-то вот.

Однообразную песнь вызванивали подковы по каменистой тропе. Мы подходили к избушке Дзюбы. Гудели могучие кедры. В просвете между деревьями заблестела первая вечерняя звезда.

Повариха

Болотистая долина. С гор срывается ветер. Прошлогодние былинки качают сухими султанами, горбятся и падают ниц, как богомольцы.

Три тяжелых грузовика ломают хрупкие, пересохшие стебли трав, вминают ерник в болотистую ржавую почву. На задних машинах красные флажки. Там взрывчатка. На головном грузовике под брезентовым верхом примостились люди. На болотных кочках машину швыряет, по бортам кузова хлещут ветки. Надсадный гул моторов мешает даже думать. В кузове тесновато. Геологи, что солдаты, разместились вповалку, без различий рангов и званий.

Старший геолог партии Миров, чернобородый, горбоносый, прикрыл тяжелые веки. Блестящий лакированный козырек фуражки надвинул до бровей. Ни дать ни взять какой-то восточный военачальник ...

Рядом с ним на матрасах и шубах, подтянув острые коленки к самому подбородку, устроилась повариха Любка. Она лежит с закрытыми глазами в неудобной позе.

Весельчак и балагур Костя Цыренов страдальчески морщит лицо при каждом толчке и, рискуя собственными ребрами, оберегает ненаглядную свою спутницу — гитару ...

Горный мастер Сорокапуд невозмутим. Кубическое тело его не боится качки, он фундаментально покоится на подушках вьючных седел.

Шурфовщики братья Демины — Дмитрий и Павел — втиснулись между бортом машины и мешками с овсом.

Студент Московского университета Федоров трясется в самом тесном углу рядом с бочкой горючего. Глаза его по-кошачьи горят. Он смотрит на Любку и улыбается. Сорокапуд грубовато, но довольно верно определил его поведение: «Втрескался! Право слово, втрескался...»

Федоров, конечно, делает вид, что не слышит, но Сорокапуд не из тех, кого можно поймать на столь примитивный прием.

— Посмотри, паря,— продолжал он,— она-то, она-то какова?! И где только научилась отшивать таких ухажеров? Молодец, девка! А ведь только школу окончила. Такая не пропадет! Нет.

Все три машины выбрались в широченную долину, образованную двумя небольшими речушками. Показался старый карьер. Время, ветер и вода соорудили здесь причудливые скульптуры в известняковых скалах.

— Подгони машину вон к тем елочкам, что на бугре,— сказал старший геолог Павел Алексеевич.— Там посуше, да и дрова для костра найдутся.

Едва наметился лагерь, повариху с Павлом Деминым откомандировали на кухню.

— Ты, Люба, сначала яму вырой,— поучал Павел,— потом костер разводи. А я таганки вырублю.

Он нырнул в березовую рощицу, а Любка взялась за лопату. Ковырнула раз, другой. Упругий дерн никак не поддавался.

— Да ну его,— решила Любка,— и так сойдет.

К шуму ветвей, голосам кедровок и непоседливых поползней примешались людской говор, рокот моторов. Пониже «табора» на сухом ковре прошлогодней травы стоят две машины. Рядом суетятся шоферы, о чем-то горячо спорят, вытирая руки ветошью.

Любка слышит где-то рядом тюканье топора.

— Это Пашка. Надо скорей разжечь костер,— подгоняет она себя.— А то ругать будет.

Ветер гасит спички одну за другой. Любка взяла сразу штук десять, сложила их и чиркнула. Огонь набросился на сухую траву и ветви. Жадное пламя, подбодренное ветром с гор, разметало рыжую лохматую гриву, скакануло в сторону и ринулось валом к машинам.

Любка, отчаянно закричав, бросилась топтать пламя.

— Пожар!— раздался крик у палаток.

Любка еще злее начала сбивать огонь.

— Назад! Сгоришь, чертовка!— рявкнул кто-то за спиной и с силой отшвырнул ее.

Любка, падая, больно ударилась о старый корень огромной лиственницы, но тут же вскочила, оглянулась. Пламя бушевало. Белесые клубы удушливого дыма распластались над долиной. Большими скачками с деревцем в руках мимо нее промчался Федоров, подскочил к огню и начал хлестать что есть силы. К нему подоспели Павел Алексеевич, Дмитрий Демин и Сорокапуд.

Из рощи вынырнул растерянный и бледный Павел, погрозил Любке кулаком и тоже принялся молотить огонь молодой березкой.

— Так его! Так его!— крякал Сорокапуд, швыряя лопатой землю.

Павел усердно работал, отчаянно ругаясь.

— Ух ты, сучий огонь! Ух ты!..

Любка понимала, что ругает он не огонь, а ее. Она отрешенно опустилась на землю. Ей казалось, что все это кошмарный сон, что вот сейчас она проснется, и исчезнут без следа все страхи.

В одном месте пламя удалось сбить. В окне, образовавшемся в клубах молочно-белого дыма, мелькнули машины, шоферы, тоже орудующие лопатами.

Там детонаторы. Три тонны аммонита! Подберется огонь— жди взрыва...

А люди все хлопали, хлопали, хлопали дымящимися деревцами, хлестали до тех пор, пока огонь не сдался. Он трусливо юркнул под кочки и затаился. Туда подходили и заливали водой из ведер коварный жар.

Любка безутешно рыдала.

— Ты чего это, девка?— услышала она голос Сорокапуда.— В тайге выть нечего, если сплоховала.

Любка ожидала совсем не того. Ей казалось, что вот сейчас, сию минуту, ее будут судить за оплошность. Она готова была отвечать за все. А тут это нелепое утешение.. И она, сама не зная как, зло выпалила:

— Никакая я вам не девка! Не девка!

— Тю-тю-тю-тю! — протянул Сорокапуд.— Посиди, посиди. Поостынь малось. Говорят, это полезно иногда бывает. А я пойду кашу варить.

Последние слова Любка не слышала: уткнувшись лицом в колени, она горько рыдала...

Уже стемнело, когда повариха заметила, что осталась на берегу одна. Над серовато-черным горным хребтом мерцали вечерние звезды, и долину стал заполнять зыбкий туман.

И вдруг Любка почувствовала: из тумана на нее уставились блестящие немигающие глаза. Она испугалась: сожрет таежный зверь.

Зверь и вправду направился к ней.

— Гранат! Это ты! — она обняла собаку, прижалась щекой к ее жесткой шерсти. Гранат поднял морду и теплым шершавым языком лизнул ей нос. И тут Любку охватила неимоверная усталость.

Холодный зубчатый лес, монотонная серая говорунья-речушка вплотную придвинулись и смотрели в упор на маленькую Любку.

Гранат встал, потянулся, зевнул, уставился на нее, будто хотел сказать: «Пойдем! Чего тут зря сидеть?»

— Люба! — услышала она взволнованный голос Федорова.— Ты здесь? Я тебе куртку принес. Чувствуешь — очень похолодало.

Он подошел и накрыл ее плечи меховой курткой.

— Да сядь ты рядом ... — вырвалось у Любки.

Со стороны лагеря долетела прозрачная мелодия нестареющей песни. Это Костя взял гитару:

«Вьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза ...»

Федоров наклонился к заплаканному лицу поварихи и доверительно сказал:

— Знаешь, что Миров говорит про тебя: раз переживает, значит, будет настоящей таежницей.

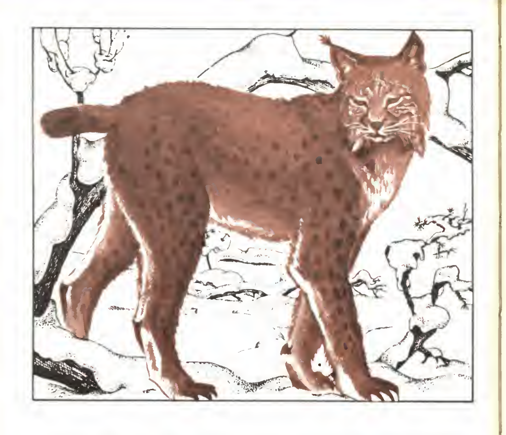
Оморочо

Из темной глубины, лопаясь, вырывается цепочка крупных серебристых пузырьков. Жемчужный бисер сливается, и вот уже ажурная пена подрагивает на мелких беспокойных волнах. Если наклониться к воде, можно различить тихое шипение. Сердце мое застучало тревожно и радостно: «Наконец-то! Наконец-то нефть в наших руках. Теперь ...»

За спиной раздался выстрел. Я вздрогнул и обернулся. На меня смотрели черные улыбающиеся глаза на смуглом скуластом лице.

— Что ты все палишь, Юш? — досадую я.— Пока доберемся до участка, в сумах будет пусто ...

— Не бойся, паря, Юш запасливый. Постреливаю старенькими. Новых не трачу.

Собствеино, мие ие жаль патроиов. Досадно, что Юшу безразличны нашн находкн, иашн геологические радости.

— Патроичики не растут на кедрах.

— Так-то так,— говорит Юш, перезаряжая винтовку,— да глаз «отращивать» надо ... Всякое случиться в тайге может ...

— Давай пробу брать.

Из вьючной сумы Юш достал иесложиый ииструмеит. Погрузил в воду пустую бутылку — забулькало. Посуда иаполиилась. Юш повериул ее вверх дном, вставил в горлышко большую вороику и подвел к газовому фонтанчику ... В иесколько мииут газ вытеснил воду нз бутылки. Юш под водой заткнул бутылку, сел на камень, обтер горлышко тряпкой, зажег свечу и залил сургучом пробку.

Я записал свои иаблюдеиия.

— Все! Можио ехать.

Размашисто идут лошади. Еще бы, впереди отдых. Я устал.

Подремать бы. Но частые повороты мешают: можио вылететь нз седла. Тропа мечется по долине: левый скат горы камеиистый, крутой. Узкая ленточка тропы пробивается среди россыпей н усыпана острыми осколками. Коии ступают осторожио н все равио спотыкаются: подковы поизиосились, скользят.

«Открыта первая иефть в этих краях. Недалеко н до того времеии, когда построят поселок нефтяннков»,— размечтался я и ие

заметил, как добрался до поворота. Виизу уже видны десятиместные палатки. Оии выстроились в два ряда, образуя улицу.

Из крайией палатки выбрался мой друг, иижеиер Дзотов.

— Привет, старина! — ои протяиул мие мясистую широкую ладоиь. — Ого! Бородищу вырастил, брат... Ого! — покачивает ои головой и всем корпусом вздрагивает от густого добродушиого смеха.

Мое сообщеиие, что найдены признаки нефти и газа, обрадовало.

— Это отличио! — потирая руки, загудел Дзотов. Широкое лицо его расплылось в улыбке, коротеиькие щеточки усов зашевелились. — Я так и думал: весь бассейи Шубе иефтеиосеи!

... Все лето звеиели топоры и визжали пилы, а когда подкралась зима, у иас уже были квартиры и контора, столовая и баия.

... Я влез в меховую куртку, иапялил унты, а шапкой из ондатр скрыл редеющую шевелюру. Теперь мы с Юшем иет-нет да и выходили в тайгу. Какой охотник утерпит, ие попробует своих сил в зимиее время?

Километрах в пяти мы обиаружили богатейший осииник. Зайцев там — пруд пруди. Вот туда и повадились каждое воскресеиье. Сегодня тоже иа коротких широчеиных лыжах пробираемся с Юшем к заячьим тропам ставить петли.

Морозио. С тихим шелестом падает искрящаяся кухта. Легкий ветерок перебирает мою бороду. Связка отожжеииой проволоки в рюкзаке. Дробовик все время сползает из-за нее с плеча, падает. «Да ну его к чертям!» — сержусь я, забрасывая ружье за спииу.

— Алексеич, — трогая меия за плечо, говорит Юш, — а зайчиков-то иаших кто-то прибрал.

Ои тычет в стороиу тропы. Возле петли иа снегу я вижу заячью голову. Свиицовые глаза ее устремлеиы к иебесам. Пока я думаю, что это озиачает, Юш уже прииял решеиие:

— Ну, ладио, Алексеич, проверяй здесь, а я пойду иа соседиюю тропку.

Я иемиого обеспокоеи. Чутко прислушиваясь, иду осторожио. Искрится сиег. Шуршит кухта. Скрипят лыжи. Тайга словио вымерла.

Выхожу иа поляиу. И опять в петле обглодаииый заяц. «Видимо, лиса», — гадаю я.

Рядом гулко прокатился выстрел. Я повериулся, и в тот же миг что-то рычащее, пятнистое мелькнуло в воздухе, ударило в грудь... Падая, я почувствовал, как острые когти рвут куртку, больио воизаются в тело. Большая шапка закрыла глаза. Я отбиваюсь, силюсь подиять, сбросить зверя. Но перед глазами плывут красиые, зелеиые круги. Становится жарко, я задыхаюсь ...

Я очиулся, увидел склоиившегося иадо миой Юша.

— Ну вот и ладио: ожил, — говорит ои, разжигая костер. — Испугался за тебя. Чертов оморочо!*

Я удивлеиио таращу иа Юша глаза, ие поиимаю, кого ои ругает. Мой взгляд Юш истолковывает по-своему.

— Идти-то, Алексеич, сможешь?

Я сажусь и тут же хватаюсь за горло: от боли в глазах помутилось.

* Оморочо — (вост.-сиб.) — самец рыси.

— Ничего. Ранка не глубокая,— успокаивает Юш, подхватывая меня за плечи.

Минут через десять стало легче. Осматриваю себя. Куртка разорвана в клочья. Руки в крови, искусаны, исцарапаны. Тело саднит. Знобит, зубы стучат.

Юш подходит к костру, подкладывает в котелок снег, с беспокойством поглядывает в мою сторону, а я удивленно смотрю на этого самого «оморочо».

«Черт возьми!— соображаю я наконец.— Да ведь это же рысь!»

— Как этот «оморочо» меня не сожрал?

Юш видит, что я прихожу в себя, и шутит:

— Зажрал бы, Алексеич, да я его долбанул в башку из карабина.

— Долбанул?!— ужаснулся я.

— А что?

— Так ты меня мог ухлопать!..

— Юш востроглазый,— смеется парень, снимая с костра котелок.

— Ты, Алексеич, выпей крепкого чаю, лучше будет.

Из моих лыж Юш соорудил «нарты» и приволок в поселок и рысь, и меня.

В жарко натопленной столовой я рассказываю, как «долбанул» Юш «оморочо» и спас мне жизнь. Слушатели смеются. А Дзотов, похлопывая Юша по плечу, шутит:

— Борода тебя спасла, Алексеич. Видишь, вся пасть у «оморочо» волосами забита ...

РОМАН БЕЛОУСОВ

СТРАНСТВИЯ КАМОЭНСА

Очерк

Художник М. АЛЕКСАНДРОВА

Что без страданий жизнь поэта...

М. Ю. Лермонтов

В Старом Гоа — бывшей столице португальской колонии в Индии — воздвигнут памятник Луису Камоэнсу. Стоит он на том месте, где стояла до этого статуя Салазара, которую сбросили в реку Мандави, когда Гоа обрел независимость. Монумент великому португальскому поэту сооружен на гоанской земле не случайно: Камоэнс провел здесь не один год, воспев ее в знаменитой поэме «Лузиады».

Четыреста лет Камоэнс и его поэма служат знаменем национальной гордости и свободы. Вот почему Фридрих Шлегель с полным правом мог сказать, что «ни один поэт со времен Гомера не был так почитаем и любим своим народом, как Камоэнс». К этим словам следует добавить, что он издавна пользуется всемирной славой. Камоэнсом восхищались Тассо и Вольтер, Монтескье и Голдсмит, Вордсворт и Бальзак, Мелвилл и Мейер, Гейне и Сент-Бёв.

В России с творчеством португальского поэта познакомились в конце XVIII века, когда появился прозаический пересказ поэмы «Лузиады». А в 1805 году «Журнал российской словесности» опубликовал краткую биографию поэта. С тех пор имя автора «Лузиад», его творчество и печальная судьба привлекали внимание многих русских писателей.

Глубоко проник в суть творчества Камоэнса Пушкин, писавший о том, что его поэзия окрашена в скорбные тона. И хотя в конце XIX века был издан новый перевод «Лузиад» (также пересказ), творчество Камоэнса широкому читателю было известно мало. Только сравнительно недавно, в 1964 году, вышел сборник сонетов Камоэнса.

Жизнь поэта богата драматическими событиями. Как Сервантес и Эрсилья, он прожил трудную жизнь, изведал опасно-

сти дальних дорог, был участником многих экспедиций и сражений.

Его жизненный богатый опыт находил отражение в творчестве, насыщенном живыми отголосками эпохи, яркими картинами странствий.

В наши дни творчество Камоэнса созвучно моменту, переживаемому Португалией, избравшей новый путь развития. Поэт славил борьбу португальцев за свою свободу, поэтому и сегодня он дорог соотечественникам.

Растет интерес к жизни и творчеству Камоэнса и в нашей стране, отмечающей в этом году вместе со всем прогрессивным человечеством 400-летие со дня смерти великого певца Лузитании.

Рассказать о перипетиях судьбы поэта далеко не просто. Жизненный путь Камоэнса с трудом, по крупицам восстанавливали на протяжении четырехсот лет, минувших после смерти поэта. Большая часть того, что известно о нем сегодня,— результат неустанных поисков исследователей, постепенно рассеявших туман, окутывавший эту мощную фигуру эпохи Возрождения, по праву занимающую место в одном ряду с такими великими гуманистами, как Рабле, Сервантес, Шекспир.

И все же до сих пор в его биографии немало белых пятен. Кое-что следует отнести к области вымысла, иное остается спорным, мнения биографов нередко расходятся, поскольку немало фактов искажено не слишком щепетильными исследователями. Нелегко, скажем, разобраться в обстоятельствах, принудивших поэта покинуть родину. А скитания на Востоке! Не так уж много об этом достоверных данных. Однако хорошо известно, что Камоэнс вторым после своего земляка Фернана Мендеша Пинту, автора знаменитых «Странствий», описал многие неизведанные моря и земли в Азии. Но Камоэнс рассказал об этом в звучных октавах ставшей всемирно известной поэмы. И прав был А. Гумбольдт, назвавший Камоэнса «первым певцом моря и экзотических стран».

Глава первая. **О некоторых обстоятельствах отплытия поэта в Индию**

Армада состояла из пяти кораблей. Правда, в последний момент перед отплытием на одном из них вспыхнул пожар, и судно сгорело. На рейде остались четыре каравеллы. Их очертания смутно вырисовывались сквозь сумрачный свет зимнего утра на гладкой поверхности лиссабонской гавани Рештелу.

Среди покидавших родные берега выделялась фигура солдата с черной повязкой на правом глазе. Он стоял чуть в стороне и, казалось, безучастно наблюдал сцены прощания. Как и на других солдатах, на нем была простая куртка, поверх нее кожаный жилет, на боку — короткая шпага. Такое обмундирование выдавалось простым воинам, тем, кто добровольно завербовывался на пять лет на королевскую службу в заморскую колонию Гоа. Помимо обмундирования каждый получал более двух тысяч рейс, а также надежду при

случае разбогатеть. Вот почему в желающих принять участие в авантюрах недостатка не было.

Одна за другой шлюпки с моряками и солдатами покидали причал и уходили к стоявшим на рейде судам. А человек с повязкой на глазе продолжал стоять в стороне. И только когда последняя шлюпка готовилась отчалить, он, словно очнувшись, направился к ней с решимостью обреченного.

— Кто этот несчастный одноглазый — по одежде простолюдин, а по осанке вельможа? — послышалось у него за спиной.

— Луис Ваз де Камоэнс, еще недавно придворный поэт, а теперь изгнанник,— был ответ.

Почему же он покинул Лиссабон? Что заставило его отправиться в далекое и опасное плавание?

Некоторый свет на это проливает «Книга сведений о людях, посетивших Индию», представляющая собой своеобразные регистрационные списки. В разделе «Военные» мы читаем: «Фернанду Казаду, сын Мануэла Казаду и Бланки Киймада, жителей Лиссабона. Оруженосец. Отправился вместо него Луис де Камоэнс, сын Симона Ваза и Аны де Са. Оруженосец, получил 2400 рейс, как и все остальные».

Иначе говоря, поэт завербовался вместо кого-то другого по фамилии Казаду. Тогда это случалось: не желавшие подвергать себя риску за определенную мзду находили себе замену.

Как бы там ни было, Камоэнс отправился рядовым солдатом искать счастья в неведомой Индии, где по условиям контракта должен был прослужить пять лет.

О причинах, вынудивших поэта оставить родину, будет сказано ниже, пока же последуем за Камоэнсом на корабль.

Итак, армада состояла уже из четырех судов. Во главе экспедиции стоял капитан Фернанду Алвареш Кабрал. Он плыл на флагмане «Сан Бенту» — «лучшем из всех». На борт этого корабля поднялся и Камоэнс.

Суда поставили паруса и медленно один за другим потянулись по реке туда, где светлые воды Тежу смешиваются с волнами Атлантики.

Хронист записал в своем отчете: «Они отбыли из города Лиссабона в вербное воскресенье 24 марта 1553 года...» Впрочем, как установили позже, вербное воскресенье в тот год приходилось на 26 марта. Эту дату н следует считать днем отплытия Камоэнса в Индию.

Расставание с родиной вызвало у него смешанное чувство избавления и печали. У поэта-изгнанника были основания задуматься над своей судьбой. В двадцать восемь лет ему приходилось начинать новую жизнь.

«После того как я покинул эту землю,— напишет он своему другу дону Антониу де Нороньи,— словно удаляясь в иной мир, я похоронил столько надежд, питавших меня до тех пор ... Все мне представилось во мраке, и вот те слова, которые я произнес на корабле вслед за Сципионом Африканским: «Неблагодарная отчизна, не обретешь костей моих». Не совершив греха, заставившего бы меня томиться три дня в чистилище, я все же подвергся нападению трех тысяч злых языков, гнусных наветов, подлых сплетен, порожденных завистью... Итак, я не знаю, что мне готовит господь

впереди. Ведь я решился порвать столько уз, привязывавших меня к родной земле, которую пришлось покинуть из-за сложившихся обстоятельств».

Какие же обстоятельства имел в виду поэт?

Глава вторая. **О том, кто была возлюбленной поэта и какие события предшествовали его изгнанию**

Рассказ придется предварить одним замечанием. Скудость фактического материала о жизни поэта, отсутствие подлинных, не вызывающих сомнений документов привели к тому, что биографы расцветили жизненный путь Камоэнса множеством романтических историй, для которых имеется достаточно оснований.

Одна из загадок жизни Камоэнса — несчастная любовь поэта. Кто была та, которую так пылко любил поэт? Кто вдохновлял его лиру? Имя незнакомки долгое время оставалось неизвестным. Знали лишь, что Камоэнс любил девушку, которую называет в стихах Натерсией. Но это явная анаграмма имени Катерина, как тогда писалась Катарина. Начались поиски девушки с таким именем. При дворе Жоана III, где поэт встретил свою возлюбленную, обнаружили четыре Катарины. Кандидатуры трех из них отпали. Осталась одна — дона Катарина де Атаиде.

Их любовь была несчастливой и быстротечной. Девушка по воле родителей отвергла юношу, у которого за душой не было ни гроша. Ее судьба оказалась печальной: она умерла молодой, возможно, горько раскаиваясь в своем поступке. Камоэнс же был удален от двора «из-за любви к знатной особе».

Тут много неясного. Однако современные исследователи, в частности Жозе Мария Родригеш, выдвинули предположение, что поэт был страстно влюблен в инфанту дону Марию, младшую сестру правящего монарха. И что она столь же пылко отвечала ему взаимностью. Многочисленные любовные гимны поэта обращены именно к ней, придворной даме высокого происхождения, чье имя, однако, никогда не упоминалось. Если это так, тогда понятной становится причина удаления Камоэнса от двора.

А как же Катарина? Любил ли ее поэт? Почитатели Камоэнса в течение долгих лет видели в ней предмет романтической любви, вдохновлявшей поэта.

Что ж, позиции Натерсии непоколебимы. Катарину вполне правомерно поставить в один ряд с Лаурой, Беатриче и другими, чьи имена навсегда связаны с бессмертными поэтическими строками.

Но дело в том, что, встретив в страстную пятницу в церкви дас Шагас (ран Христовых) юную Катарину, поэт, видимо, принял вспыхнувшее в нем чувство за более глубокое. Между сонетами, которые поэт адресует очаровательной девушке, и теми стихами, что он посвящает молодой знатной синьоре, огромная разница. Двадцатидвухлетняя инфанта поразила его обаянием, тонким умом и изысканным вкусом, умением собирать вокруг себя поэтов и артистов.

Я до безумия дошел такого,
что и в жару трясет озноб меня,

что хохочу, судьбу свою кляня,
что жизнь пуста, хоть мир обнять готова ...
Чем болен я, не разберусь пока.
Но знаю: эту муку стал терпеть я
с тех пор, как повстречал, сеньора, вас*.

Чувство к доне Марии поэт пронес через всю свою многострадальную жизнь. Увы, эта любовь не сделала его счастливее, хотя избранница и не осталась к нему равнодушной. Но на что можно было рассчитывать двум людям, находившимся на столь различных ступенях социальной лестницы? Рано или поздно их ждала разлука. И она наступила, быть может, даже скорее, чем они ожидали ...

Поэта принудили покинуть столицу, и он очутился в селении Белвер, на берегу Тежу, там, где река течет среди высоких гор. Свое несчастье он сравнивает с изгнанием Овидия, который, согласно легенде, влюбившись в дочь императора Августа, оказался в ссылке на берегу Понта Эвксинского.

Распоряжение удалиться от двора прозвучало для Камоэнса громом среди ясного неба. Поэт успел лишь тайно проститься с инфантой: ему дали всего несколько часов на сборы.

В Белвере, вдали от предмета своей запретной любви, поэт пробыл с 1546 по 1549 год. Но вот срок ссылки кончился. Однако поэта по-прежнему не допускали ко двору. Значит, фактически он не мог видеться с инфантой. Тут, кстати, вспомнили и о давней традиции, согласно которой молодые дворяне не могли находиться при дворе без доказательств своей воинской доблести, проявленной в Африке. В отношении Камоэнса это звучало явной издевкой. Да, ему не довелось побывать на севере Африки, где португальцы еще со времен Генриха Мореплавателя, захватившего Сеуту, вели нескончаемые войны с маврами. Но это прежде не мешало поэту бывать при дворе. Теперь, словно спохватившись, вспомнили обветшавшую традицию. Камоэнсу предстояло ехать в Африку и вернуться в ореоле воинской славы. Когда судно покидало устье Тежу, родился сонет о расставании влюбленных, которые, видимо, нашли все же способ увидеться.

... Был час прощанья, и томилась грудь
от тысяч уз, разорванных жестоко ...

Пребывание в Сеуте, как и следовало ожидать, не оставило ярких воспоминаний. Однообразие гарнизонной службы, отдельные вылазки и экспедиции, зависть, интриги, мелкое честолюбие — такова была жизнь португальских военных в Северной Африке.

Забыл ли он свою возлюбленную? Если судить по дошедшему до нас письму, дона Мария продолжала властвовать в его сердце.

Самозабвенно отдается он творчеству, продолжая работать над задуманной поэмой, пока еще без названия. Только она и принесет Камоэнсу лавры победителя, а не ратные подвиги.

Во время одной из стычек с маврами он был ранен в лицо осколком ядра и лишился глаза. Впрочем, до сих пор не выяснено, было ли это увечье следствием полученной в бою раны или несчастного случая.

* Здесь и далее стихи Камоэнса в переводе В. Резниченко.

Лиссабонская пристань в XVI веке

Однако Камоэнс получил нежданное освобождение. Поэт вернулся в Лиссабон, не пробыв в Африке обусловленных двух лет.

И первое, что он предпринял в столице,— это попытался увидеться с «королевской орлицей», как он называет в стихах инфанту. Ему разрешили посетить ее салон. Одно тревожило поэта: как отнесется дона Мария к его черной повязке, прикрывающей пустую глазницу?..

— Добро пожаловать, Луис Ваз, в этот дом, где о вас никогда не забывали,— произнесла она и протянула ему руку.

Камоэнс склонился в почтительном поклоне, стараясь говорить спокойно:

— Синьора, возможно ли, чтобы вы признали во мне прежнего человека?—осмелился он намекнуть на свое несчастье.

— Разве одноокий пуниец, прославленный Ганнибал, перестал быть великим полководцем из-за своего недостатка? Теперь,— продолжала дона Мария,—этот знак славы прибавил еще одно достоинство к вашему таланту.

Теплота, которую вложила в эти слова дона Мария, успокоила Камоэнса. Они стали беседовать совсем как в прежние времена. Возможно, поэт рассказал о задуманной им грандиозной поэме,

обещал создать произведение, достойное ее, доны Марии.

Несомненно, ей было приятно услышать о том, что она — вдохновительница первого поэта Португалии. Он же доверительно сообщил, что помочь довести до конца задуманное творение может только большая любовь.

Часто ли они виделись? Видимо, Камоэнсу пришлось ограничить число своих посещений дворца инфанты, приходилось соблюдать осторожность: вокруг поэта и доны Марии уже плели целый клубок сплетен.

На Камоэнса сыпался град жестоких эпиграмм, авторы которых потешались над его одноглазием. Особенно изощрялся довольно известный в то время поэт Педру де Андраде Каминья. Его злословие, несомненно, было порождено завистью. Он не мог спокойно слышать, когда при нем превозносили талант Камоэнса. Он буквально бесновался, когда заходила речь об эпической поэме, которую сочинял первый поэт страны. Каминья начал распространять разные лживые слухи. Впрочем, что можно было ожидать от человека, который донес в святую инквизицию на Дамьяна де Гоиша, пользующегося европейской известностью португальского историка и гуманиста, друга Эразма Роттердамского.

На клевету и наветы Камоэнс иногда отвечал ответной эпиграммой, но чаще, всецело захваченный работой над поэмой, старался не замечать происки врагов. Беда, однако, пришла не с этой стороны.

В четверг, 16 июня 1552 года, по улицам Лиссабона двигалась религиозная процессия. Посмотреть на манифестацию собрались чуть не все жители города. В одной из узких улочек, ведущей к городским воротам святого Антония, стоял и Луис де Камоэнс. Когда процессия проходила мимо поэта, случилось непредвиденное. Два незнакомца в плащах и масках внезапно напали на всадника, ехавшего впереди шествия. На беду, Камоэнс оказался в самом центре схватки. Как ему показалось, он узнал в напавших своих друзей и, не раздумывая, бросился им на подмогу. В пылу борьбы он ранил всадника. Люди в масках затерялись в толпе. Его же арестовали и заключили в тюрьму Тронку.

Оказалось, что Камоэнс поднял руку на самого королевского конюшего Гонсалу Боржеса. Уже одно это грозило суровым наказанием. Нападение же произошло в присутствии короля в городе, и его сочли преступлением против королевской власти. Этого было достаточно, чтобы отправить поэта на плаху. Невольно возникает мысль: а не была ли эта уличная стычка предательской ловушкой, специально кем-то подстроенной. Вполне возможно.

Положение Камоэнса было не из лучших. Оставалось ждать, как развернутся события. Поэт надеялся, что друзья не оставят его в беде.

Однако прошло долгих восемь месяцев, прежде чем в его деле что-либо прояснилось. И все это время поэт томился в темнице.

В феврале 1553 года власти получили документ, подписанный Гонсалу Боржесом, где говорилось, что королевский конюший отказывается от судебного преследования Луиса Ваза де Камоэнса.

Оставалось обратиться с петицией к королю. Жоан III решил простить поэта, но при определенных условиях. Камоэнсу следовало внести четыре тысячи рейс на сооружение Арки Сострадания, а после этого отплыть в Индию с первой же армадой, которая отойдет

**Васко да Гама.
Старинная гравюра**

от берегов Тежу, то есть через шестнадцать дней. Дата отплытия армады была назначена.

Можно только догадываться, кто помог Камоэнсу уплатить штраф, а главное, кто вызволил его из тюрьмы, уговорив Гонсалу Боржеса отказаться от судебного иска. Видимо, главную роль сыграла здесь дона Мария.

Итак, поэта отправляли в изгнание. Ему предстоит проделать путь великого Васко да Гамы, первым проложившего морскую дорогу из Европы в Индию. Подвигу этого мореплавателя, собственно, и посвятит Камоэнс свою поэму. «Хочу воспеть знаменитых героев, которые с португальских берегов отправились в неведомые моря»,— напишет он в первых строфах. Камоэнс собирался расска-

зать о прошлом Португалии, нарисовать историческую картину ее развития, поведать о мифическом Лузе, от которого пошло племя лузитанцев, о герое древности Вириате, сражавшемся с римскими легионами, о борьбе с завоевателями-маврами и об отважных мореходах — героях эпохи Великих географических открытий.

Грандиозный замысел, ставший смыслом жизни поэта, требовал огромных усилий и был рассчитан на долгие годы. Нужно было изучить многие источники, познакомиться с различными материалами. Но необходимы и непосредственные впечатления. Вот почему решение короля Камоэнс воспринял со смешанным чувством радости и огорчения.

Разлука с доной Марией тяжела, но он считал ее неизбежной. Находясь во власти горестных дум, поэт набрасывает строки знаменитого сонета:

Печали полный радостный рассвет,
смешавший краски нежности и боли,
пусть будет людям памятен, доколе
есть в мире скорбь, а состраданья нет.
Чертившее на небе ясный след,
лишь солнце соболезновало доле
двух душ, разъединенных против воли,
чтобы погибнуть от невзгод и бед ...

Поэт клянется никогда не забывать своей возлюбленной, лелея надежду, что и его тоже будут помнить. Печальная его судьба послужит ему лучшим оправданием. «Если и был ты виновен,— скажет он позже в своей поэме,— то одна любовь была тому причиной».

Глава третья. **О путешествии на корабле «Сан Бенту» по пути, проложенному Васко да Гамой**

Вернемся на борт «Сан Бенту», где находился поэт, и последуем за этим судном сквозь волны и ветер. Вот уже и скрылись из виду синие вершины Синтры, и мореплаватели остались среди зеленой воды под голубым небом.

Плавание Камоэнса к берегам Индии — важнейший момент биографии поэта — во многом совпадает с путешествием Васко да Гамы и было с поразительным мастерством запечатлено в «Лузиадах».

Из поэмы мы узнаем, что «Сан Бенту» вначале взял курс на юго-запад. Затем корабль повернул на юг и углубился в просторы безбрежного океана.

Миновали Мадейру — «прекраснейший из островов». Далее шли вдоль негостеприимных африканских берегов, где португальцы уже зарекомендовали себя не лучшим образом. Прошли знаменитый мыс, который тогда называли Зеленым, и проплыли «среди Счастливых островов, куда удалились некогда любезные дочери Геспериды», как пишет Камоэнс, имея в виду Канарские острова, хотя «Сан Бенту» туда не заходил. Но поэту понадобилось указать эту историческую подробность путешествия Васко да Гамы.

Маршрут в общем был известен португальским морякам издавна. Его осваивали со времен Генриха Мореплавателя. Поэтому нас не должно удивлять, что Камоэнс так подробно и со знанием дела пишет в своей поэме о пути «Сан Бенту».

Он возблагодарил судьбу за то, что получил возможность обогатить свое сочинение непосредственными впечатлениями. В Лиссабоне ему пришлось бы довольствоваться только собственным воображением и сведениями из исторических хроник.

К основательному знанию географии, мифологии, античной истории и классической литературы Камоэнс добавляет и космографию того времени. «Лузиады» — красноречивое доказательство его обширных познаний в этой области. Мореходная наука была ему так же знакома, как и опытным навигаторам. Сюда входит ориентирование по звездам, причем в южном полушарии, где «небо менее богато светилами, менее блистательно, чем наше»; умение пользоваться астролябией — «новым инструментом, услуги которого обеспечили неувядаемую славу его изобретателям»; определение местонахождения судна и измерения по карте, «которая представляет в миниатюре верное изображение вселенной».

Описывая то или иное явление, встретившееся на пути мореходов, поэт часто прибегает к языку мифологических символов. Наиболее впечатляющий в этом смысле эпизод у мыса Бурь (мыса Доброй Надежды).

В этом знаменитом отрывке из «Лузиад» все реально, так как указано место действия. Однако поэт, воспроизводя действительность, создает красочную поэтическую картину. Ночью густое облако, поднявшись над головами мореходов, скрыло от них звезды. «Это была какая-то тень, страшный и мрачный призрак, один вид которого способен привести в трепет неустрашимых». Моряков поразил шум, напоминавший грохот волн, разбивающихся о скалы. Между тем небо и море были спокойны, и ничто не предвещало близости урагана. Пораженные моряки вопрошают: не тайна ли это природы, скрытая в необъятных морских просторах, которая недоступна простым смертным? Как бы в ответ на этот вопрос в воздухе вытянулся призрак громадной величины, необыкновенно отталкивающей наружности, оглушительный рев исходит из морских бездн; волосы вставали дыбом и кровь стыла в жилах, ужасный великан крикнул лузитанцам, самому дерзкому в мире народу: «Если вы осмеливаетесь переступить пределы, обусловленные человеческой слабостью, если вас не страшит ярость вод, которые мне принадлежат и которые я в течение многих веков охранял ото всех... наконец, если вы стремитесь проникнуть своими нескромными взорами даже в святая святых природы, чего не осмеливались даже древние герои,— если так, то узнайте же из уст моих о приуготовленных вам бедствиях на суше и на море за столь неумеренное честолюбие».

И великан продолжал: «Корабли, которые последуют за вами тем же путем, встретят неумолимых врагов — утесы и скалы. Я отомщу за то, что с моего убежища сорван покров тайны».

«Кто же ты?» — вопрошает поэт устами капитана Васко да Гамы. И чудовище отвечает: «Я — тот большой мыс, который вы, португальцы, зовете мысом Бурь; ни Птолемей, ни Плиний, ни Страбон, ни Помпоний не знали обо мне. Я стою здесь на грани Африканского материка и южных стран. Я был братом титанов, которых родила

Генрих Мореплаватель. Фрагмент памятника португальским мореходам в Лиссабоне

земля; имя мое — Адамастор». Как и его братья, сыновья Геи — богини земли, он сражался с Зевсом и другими богами за власть над миром и был побежден. Правда, в отличие от братьев, низвергнутых в мрачный Тартар, Адамастора наказали иначе: его тело превратилось в громадный ком земли, кости — в утесы, образовавшие страшный мыс, мимо которого и предстояло проплыть каравеллам португальцев.

Когда-то, еще при Генрихе Мореплавателе, наитруднейшим препятствием для португальцев в Атлантике был овеянный мрачными легендами мыс Бохадор — самая южная точка на западном африканском побережье, известная тогдашней географической науке. Когда каравелла Жиля Эанеса, посланного Генрихом Мореплавателем в

1434 году, миновала страшный Бохадор, оказалось, что море за ним, вопреки мрачным предсказаниям, нисколько не отличается от обычного, а на земле растут те же растения, что и в Португалии.

Преодолев этот рубеж, португальские каравеллы отважно устремились на юг, преодолевая страх, так долго удерживавший европейцев на пути в Индию.

А через полвека Бартоломеу Диаш осуществил заветную мечту Генриха Мореплавателя — обогнул южную оконечность Африки, назвав ее мысом Бурь. Еще через тринадцать лет Васко да Гама первым успешно дошел до берегов сказочной Индии.

Камоэнс увидел мыс, о котором говорил великан, в лучах утреннего солнца. Шторм, разразившийся ночью, стих, наступил погожий день. «Сан Бенту» благополучно обогнул южную точку Африканского материка и «вошел в Левантское море», то есть в Индийский океан.

Продвигаясь вдоль восточного побережья Африки на север, португальцы достигли острова с арабским поселением Мозамбик. А еще через несколько дней, посетив по пути Момбасу, бросили якорь в порту мавританского городка Малинди.

Известно, как доброжелательно встретил здешний шейх армаду Васко да Гамы. Камоэнсу же не довелось увидеть ничего подобного. «Сан Бенту» бросил якорь в этих водах более чем через пятьдесят лет после Васко да Гамы. И тем не менее поэт описал визит его армады с такой красочностью и правдоподобием, будто присутствовал при тех давних событиях.

Посещение Малинди сыграло решающую роль в успехе плавания Васко да Гамы. Здесь он заполучил знаменитого лоцмана, истинного корифея морской науки того времени, Ахмада ибн Маджида. Правда, настоящее имя кормчего было тогда неизвестно, его называли просто «мавром из Гузерата» или Малемо Кана, что на суахили означает «знаток морского дела и астроном».

Камоэнс ясно представлял, что искусство этого «мавра» и помогло преодолеть европейцам просторы Индийского океана.

В кормчем, суда стремящем, нет ни лжеца, ни труса,
Верным путем ведет он в море потомков Луза.
Стало дышаться легче, место нашлось надежде,
Стал безопасным путь наш, полный тревоги прежде.

Пользуясь тем, что в это время года дул попутный юго-западный муссон, кормчий уверенно вел каравеллы, и португальцы, доверившись своему проводнику, с готовностью выполняли его приказания. Благодаря умению «мавра» суда выстояли в жестокой трехдневной буре и после более чем двадцатидневного плавания, 18 мая 1498 года, моряки увидели берег. Это была Индия.

Так заканчивается путешествие Васко да Гамы, воспетое поэтом. Что касается плавания Камоэнса, то «Сан Бенту», видимо, бросил якорь в Гоа 25 сентября 1553 года, спустя шесть месяцев после выхода из Лиссабона.

Глава четвертая. **О приключениях на индийской земле и в Аравийском море**

Итак, о плавании Камоэнса на «Сан Бенту», о тех местах, где он побывал, что видел и пережил, мы узнаем из его «поэтического отчета» — «Лузиад».

Но вот плавание окончилось. В тексте произведения появляются новые подробности, относящиеся к историческому прошлому. Поэт повествует о пребывании Васко да Гамы в Каликуте, о взаимоотношениях с местными султанами и царьками, наконец, о возвращении знаменитого мореплавателя на родину.

Обращаясь к соотечественникам, он призывает их стремиться к истинному величию, достигнутому Васко да Гамой. Не тот герой, говорит Камоэнс, кто сладко почивает под сенью благородства своих предков, проводя жизнь в праздности. Истинный герой борется с бурями, довольствуется простой пищей, избегает чванства, а главное — подчиняет свои желания велениям разума. «Дерзните идти по следам героя, пусть пробудит вас отзвук былых подвигов»,— говорит поэт.

Последняя песнь поэмы посвящена событиям, последовавшим вслед за отплытием Васко да Гамы из Индии. Речь идет о новых завоеваниях португальцев, в частности о захвате Гоа Афонсу д'Албукерки, по прозвищу Ужасный.

Затем последовала очередь Малакки — главного рынка пряностей и одновременно цитадели, охраняющей вход в Индийский океан с востока, а также Ормуза — крайне важного опорного пункта на северо-западе, в Персидском заливе.

Португальцы обосновались в Шауле и Диу, в Каликуте, создали фактории в Кочине, Коилуне, Кояануре и многих других местах, большей частью на Малабарском берегу. Эти опорные базы в Индии и на восточном побережье Африки, кольцом охватившие бассейн Индийского океана, мощный флот, постоянно находившийся здесь, сделали португальцев хозяевами всего этого региона.

Так завершается поэма Камоэнса, но отнюдь не странствия самого поэта.

Итак, «шесть месяцев ужасной жизни в море», как пишет Камоэнс другу, миновали, под ногами была твердая земля. Что ожидало его в неведомой стране?

К счастью, в Гоа у Камоэнса нашлось много добрых друзей и почитателей и даже некоторые родственники, тепло встретившие поэта. «Я живу,— пишет он на родину,— окруженный бóльшим почетом, чем быки в Мерсеане, и более спокойно, чем в келье отца-проповедника».

Немного отдохнув, Камоэнс начал знакомиться с жизнью колонии. К этому времени Гоа называли не иначе как «золотым Гоа». Это был один из богатейших городов мира, центр заморской восточной португальской империи. Власть вице-короля, управлявшего ею и сменявшегося каждые три года, была по существу безграничной. Она простирается от Индии до Восточной Африки и Молуккских островов. Дадим слово голландскому путешественнику Линсхотту, побывавшему в Гоа почти в одно время с Камоэнсом: «В Гоа расположены резиденция вице-короля, дворец архиепископа и

королевского совета. Город застроен такими же красивыми зданиями, как в Лиссабоне, но не такими высокими. А храмы и монастыри всех орденов также красивые, что кажется, будто ты и впрямь оказался в Лиссабоне».

Характеризуя далее экономическое положение колонии, автор продолжает: «На острове не выращивают почти никаких сельскохозяйственных культур». Там разводят только скот, кур, коз и голубей, почва пустынна, бесплодна и камениста... так что многие продукты питания доставляют из Салсете, Бардеса и прежде всего с материка».

Гоа был местом оживленной торговли. Ежедневно, кроме праздников, перед началом мессы на главной улице — Прямой открывался рынок, именовавшийся аукционом. Там же торговали рабами. Говорили, что сама земля от слез этих несчастных стала здесь соленой. По масштабам работорговли Гоа уступал лишь Лиссабону, где распродавали невольников, привезенных со всех концов колониальной империи, и Алжиру, где пираты издавна сбывали захваченный ими живой товар.

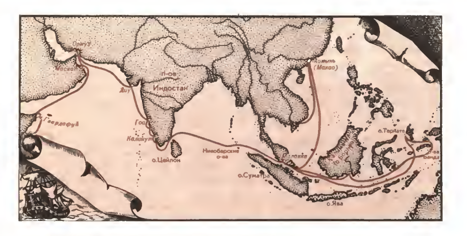
Очень скоро Камоэнс постиг социальные контрасты колонии, о чем свидетельствуют его слова: «Об этой земле могу вам сказать, что она — мать для подлых и презренных и мачеха для честных людей. Потому что те, кто устремляются сюда в поисках денег, ухитряются держаться на поверхности, как мыльные пузыри; но те, кто приезжает сражаться с оружием в руках, часто погибают, и море выбрасывает на берег их тела».

Камоэнс приехал сражаться — таково, напомним, было условие его контракта. В это время в Гоа готовилась к отплытию большая армада. Цель похода заключалась в том, чтобы наказать одного маленького властителя — короля Шембе, более известного под прозвищем Король Перца. Он давно мешал португальцам в их торговле пряностями, перехватывая корабли, доставлявшие в Кочин перец и другие специи.

Торговые суда приходилось сопровождать вооруженным армадам, конвоировавшим все перевозки.

Собранная против короля Шамбе армада состояла из ста судов: огромных галер, более легких галеонов и галеотов, каравелл и других парусников. Армадой руководил сам вице-король дон Афонсу де Норонья.

На судах «Южной армады», как ее стали называть, было немало солдат, и среди них Камоэнс. Два месяца спустя после прибытия в Гоа, в ноябре 1553 года, поэт вновь отправился в опасное плавание. Суда взяли курс на юг, и когда достигли места назначения, капитаны собрались на совет, как лучше атаковать Короля Перца. На рассвете войска достигли берега на небольших галерах. О том, что произошло дальше, свидетельствует автор «Солдата-практика» Диогу ду Коуту: «Начали обстреливать и разрушать огнем и мечом все эти острова, убивая и беря в плен многих людей». В этой вылазке участвовал и Камоэнс, «неизвестный среди неизвестных». Хотя его имя отсутствовало в списке особо отличившихся, о храбрости поэта, проявленной во время сражения, говорили многие. Это дало основание сыну вице-короля дону Фернанду де Менезешу пригласить поэта в новую экспедицию. Молодой капитан (он был на два года моложе Камоэнса) собрался возглавить «Северную армаду», выступающую

Предполагаемый маршрут странствий Луиса Камоэнса (1553—1570 гг.)

против пиратов Аравийского моря и тех, кто хозяйничал в районе Персидского залива. Словом, в феврале 1554 года поэту надлежало вновь подняться на палубу корабля, чтобы охотиться на арабских пиратов. Впрочем, арабы были в состоянии войны с португальцами с тех пор, как последние сюда пожаловали. И хотя арабы считали пиратами португальцев, преследовавших их корабли, португальцы платили им той же монетой, обвиняя в пиратских набегах.

Взяв курс к берегам Аравии, армада направилась в Ормуз. Затем встала на якорь в бухте Маскате, торговом центре при входе в Персидский залив. Здесь португальцам сообщили, что знаменитого пирата Али-Шелоби видели в двенадцати лигах от Маскате. Началось преследование. Корсар был отлично вооружен, но все же его разбили наголову. Португальцы захватили шесть судов с богатейшим грузом. Что касается пленников, то их, по давнему жестокому обычаю, сбросили в море.

Камоэнс, который храбро сражался, вернулся в Гоа еще более опустошенным и подавленным. Не столько сама охота на пиратов, сколько жестокость, проявленная к пленникам, подействовали на поэта удручающе.

В Гоа Камоэнс узнал, что Лиссабон прислал нового вице-короля дона Педру Машкареньяша. В его свите оказался друг поэта Лопеш Лейтан. Можно вообразить, с какой жадностью расспрашивал его Камоэнс о жизни в столице, о старых знакомых. Прежде всего, конечно, он спросил, не прислала ли ему привет дона Мария. Увы, нет. Осторожная и благоразумная инфанта предпочла молчание. Зато о прекрасной Натерсии, юной Катарине, друг смог кое-что рассказать: она всегда была печальной и молчаливой, задумчивой, одного за другим отвергала выгодных женихов и будто бы даже собиралась в монастырь...

Новый вице-король, несмотря на преклонный возраст, оказался чрезвычайно деятельным. Он решил раз и навсегда покончить с пиратами и организовал новую «Северную армаду». В ее задачу входило обезвредить знаменитого пирата Сафара, чьи дерзкие набеги

наносили огромный ущерб торговому флоту португальцев.

Во главе армады был поставлен опытный и смелый командир Мануэл де Вашконселуш. Новый крестовый поход (так было принято называть любую акцию против мусульман) начался в феврале 1555 года и проходил почти в тех же краях, что и предыдущий, но, пожалуй, был более трудным из-за крайне неблагоприятных климатических условий. Португальцам пришлось переносить адскую жару на африканском берегу к северу от мыса Гвардафуй.

Камоэнс, оказавшийся в числе солдат экспедиции, и на сей раз счастливо избежал смерти. Даже в той тяжелой обстановке он продолжал работу над поэмой. Как говорит один из его биографов, «опыт, приобретенный на Востоке, достался ему дорогой ценой — кровоточила его душа, кровоточило тело, моральные и физические страдания были неописуемы, но зато во время кратких досугов в затянувшемся плавании по бурному морю он превращал этот опыт в поэму, воплощал то, что он видел и чувствовал, в грандиозную эпопею, которая, будучи написана кровью и страданиями, обрела право на бессмертие».

Когда в сентябре Камоэнс вернулся в Гоа, он застал там уже другого вице-короля — Франсишку Баррету, назначенного вместо умершего предшественника.

Новый вице-король сыграл особую роль в судьбе поэта. Кажется, это был единственный из всех правителей Гоа, который не обогащался нагло у всех на глазах, не злоупотреблял своим положением. Тем не менее одно время считали, что именно этот «гуманный» правитель отправил Камоэнса в новое изгнание. Но сегодня такую точку зрения разделяют немногие биографы поэта. Наоборот, они полагают, что Франсишку Баррету, человек просвещенный и довольно молодой, стал чуть ли не лучшим другом Камоэнса. Так ли это? Весьма сомнительно. Правда, Камоэнс сочинил в его честь пьесу «Ауто о Филодемо», которая была поставлена 25 ноября, в день святой Катарины, покровительницы города. А вице-король? Он знал, что Камоэнс работает над грандиозной эпопеей. И возможно, желая, чтобы поэт обогатился новыми впечатлениями, предложил ему «путешествие в сторону Китая». При этом вице-король полагал, что плавание поможет пополнить и тощий кошелек поэта.

Как отнесся к этой затее сам поэт? Полагают, что без особого энтузиазма. Но мог ли он ослушаться своего могущественного покровителя? По контракту ему надлежало еще три года служить в Индии.

Глава пятая. **О том, что случилось во время плавания к «Островам пряностей»**

Весной 1556 года Камоэнс пустился в новое странствие — в сторону Молуккских островов. Теперь как будто все сходятся на том, что он находился на паруснике купца Франсишку Мартинша, того самого купца, о котором рассказывает в своих «Странствиях» Мендеш Пинту, называя его «ставленником Франсишку Баррету». Мендеш Пинту упоминает, что купец имел специальную лицензию короля на

торговлю с Китаем и всем Дальним Востоком. А это значит, что Франсишку Мартинш был не только торговцем, но и одновременно, по существовавшему положению, правителем или губернатором Малакки — важного ключевого пункта.

Плавание с таким капитаном-купцом могло обогатить всех, кто находился на борту судна. На это-то, надо полагать, и рассчитывал вице-король, посылая Камоэнса в море. Расчет, видимо, оказался верным, о чем свидетельствует комментарий к изданию «Лузиад» 1585 года. О плавании Камоэнса к Молуккским островам, называемым в старину «Островами пряностей», там сказано: «Судьба начала ему благоприятствовать, и у него появилось кое-что...» Современные биографы считают, что Камоэнс мог «скопить некое состояние», так как свою долю от торговых сделок обычно получали и участники плавания.

Каков же на этот раз был маршрут Камоэнса? Ответ находим у Теофилу Браги в его монографии о поэте. По расчетам этого автора, корабль Мартинша вышел из Гоа с началом апрельских муссонов, сделал остановку в Кочине, затем направился к Цейлону. Избегая южных ветров, миновали Никобарские острова, держа курс на восток, к Малаккскому проливу. Починив в Малакке судно и отдохнув, со свежими запасами воды и провианта, участники экспедиции взяли курс к «Островам пряностей».

Камоэнс описывает их в последней песне «Лузиад». Мы узнаем, что поэт побывал на острове Тернате, «на котором возвышается гора, извергающая потоки огня», и где собирают «обильную жатву гвоздики», высоко ценившейся на европейских рынках. На этом острове Камоэнсу пришлось участвовать в подавлении мятежа португальского гарнизона. Поэт был при этом ранен. Он пробыл на Тернате в общей сложности довольно долго — с сентября 1556 по февраль 1557 года.

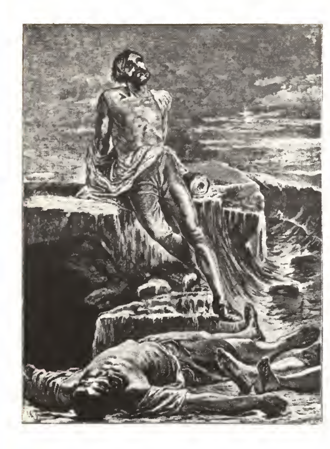
Затем корабль посетил острова Банда с их рощами мускатного ореха, возможно, зашел на Борнео (Калимантан), видимо, бросил якорь и у Тимора, «откуда получают драгоценное сандаловое дерево». Наконец возвратились в Малакку.

Куда же Камоэнс направился отсюда? Ему предстояло новое плавание, еще дальше на северо-восток, — в Китай.

Глава шестая. **О пребывании в Макао, кораблекрушении в дельте Меконга и возвращении в Гоа**

Биографы Камоэнса не берутся объяснить причину, вынудившую поэта отправиться на край света. Возможно, в Малакке его ожидало новое предписание вице-короля, решившего и дальше выступать в роли «благодетеля». Камоэнсу надлежало плыть в Макао, чтобы исправлять там должность «прокурора умерших и отсутствующих», то есть быть чем-то вроде опекуна по наследственным делам. Так гласит легенда.

Что же представлял собой Макао в то время? Может быть, Камоэнса послали в богатый и шумный город, один из тех, что

Камоэнс после кораблекрушения. Художник Эрнесто Слингенейер

когда-то посетил Марко Поло и где побывает соотечественник поэта Мендешу Пинту? В ту пору Макао был пустынным островком, соединенным с территорией Китая узкой полосой суши, даже не принадлежавшим Португалии. Здесь и нашли себе пристанище китайские пираты. Прибрежные города Южного Китая, в том числе и Кантон, постоянно подвергались их набегам. Особенно славился среди морских разбойников Шансилау. Сами китайцы не были в состоянии совладать с ним. Тогда они обратились к португальцам, которые обосновались рядом, на острове Саншан. Как раз в это время Шансилау осадил Кантон. Вот как рассказывает об этих событиях современник и, возможно, их свидетель: «Некий пират по имени Шансилау, грабивший торговые суда, завладел маленьким островом Макао, откуда он угрожал Кантону. Тогда мандарины обратились к португальцам, у которых в Саншане имелись корабли; те пришли на помощь Кантону и заставили пирата снять осаду; они одержали полную победу над корсаром, преследуя его до Макао, где тот покончил самоубийством. Китайский император, узнав о помощи португальцев Кантону, был очень признателен и подарил им Макао».

Значит, с 1557 года португальцы начали базироваться на Макао—

растущая торговля требовала новых опорных пунктов. Есть основание полагать, что в борьбе с пиратом принимал участие капитан-торговец Франсишку Мартинш, на судне которого Камоэнс плавал к «Островам пряностей». Если это так, то, видимо, Франсишку Мартинш, вернувшись в Малакку, получил пять или шесть кораблей для выступления против Шансилау. Камоэнс, несомненно, должен был участвовать в походе: по контракту он еще находился на военной службе у короля.

Но почему поэт оставался в Макао почти десять месяцев? Ответ следует искать в особенностях навигации эпохи. Послушаем цитировавшегося уже здесь Линсхотта. «В апреле отплывают из Гоа в Малакку,— пишет он,— где мореплавателям приходится пробыть некоторое время, ожидая наступления муссонов. Из Малакки они плывут в Макао, и там в течение девяти месяцев или немногим больше ожидают попутных ветров, которые отнесли бы корабли к берегам Японии; там они проводят несколько месяцев, ожидая попутного ветра, чтобы вернуться в Макао, где им приходится ждать новой возможности. Таким образом, на путешествие туда и обратно они тратят три года».

Судно, совершавшее рейс из Малакки в Японию и обратно (туда везли шелк, оттуда — серебро), так и называли — «корабль серебра и шелка».

Португальцы жили в Макао на берегу бухты, в жалких хижинах, подле складов с товарами.

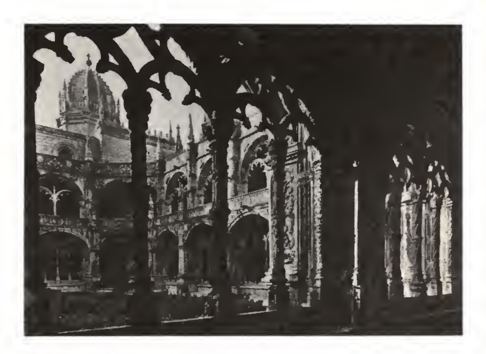
Камоэнс, склонный к уединению, предпочел поселиться в гроте на вершине горы, у китайской деревушки Патане, севернее бухты. Легенда, рисующая жизнь Камоэнса в этом гроте, слишком красива, чтобы от нее отказаться. Это место и сегодня одна из достопримечательностей Макао. Впрочем, топография места, называемого теперь Гротом Камоэнса, соответствует описанному самим поэтом в сочиненном здесь сонете. Речь идет о двух скалах, почти перпендикулярно возвышающихся над землей и поддерживающих третью скалу, как бы служащую крышей.

В этом гроте, как гласит легенда, отрешенный от мирских забот, Камоэнс продолжал плодотворно трудиться над поэмой. Возможно, здесь он пережил счастливые минуты творческого горения и душевного покоя, всегда недостававшего ему. Впрочем, злоязычие и зависть настигли поэта и в этом райском уголке.

В 1558 году кончился срок постылого контракта. Камоэнс наконец был свободен. Но чтобы выбраться из захолустного Макао, надо было дождаться из Японии «корабля серебра и шелка», с которым он мог вернуться в Малакку, а оттуда в Гоа.

И Камоэнс дождался желанного судна, поднялся на борт, но, увы, в качестве арестанта. Португальские поселенцы стремились вытолкнуть из своей среды гордого пришельца как инородное тело. Поэта оклеветали. Губернатор не счел необходимым вникать в дело, он просто приказал взять поэта под стражу и отправить в Гоа.

Из бухты Макао вышли сразу же по окончании сентябрьских штормов. Что было делать Камоэнсу — радоваться ли, что наконец-то оставил эти места, сокрушаться ли по поводу несправедливого ареста? Скорее всего поэт рассудил так: главное — он на пути в Гоа, что будет дальше, время покажет...

Монастырь Жеронимуш, где ныне находится саркофаг поэта

Почти через месяц плавания недалеко от дельты Меконга корабль попал в жестокий шторм. Судно попыталось укрыться в устье реки, но затонуло. Камоэнсу удалось доплыть до берега. Случай этот породил красивую легенду, будто поэт плыл, рассекая волны одной рукой, а другой держал над водой рукопись своей знаменитой поэмы. Возможно, легенда родилась из текста «Лузиад», где говорится о «певце Португалии, который будет искать пристанища на берегах Меконга со своими стихами, весь измокший в пенящихся волнах». Легенда эта вдохновила многих поэтов и художников: Камоэнса изображали в стихах и на картинах на берегу моря, с рукописью в руках.

Несколько месяцев Камоэнс провел на земле Камбоджи, куда его вынесли волны. Но ничто не радовало его: ни гостеприимный народ, ни плодородные поля и красивые города. Все сильнее одолевала его тоска по родине, куда, освободившись от контракта, он стремился всей душой.

О жизни Камоэнса в Камбодже почти ничего не известно. Неясно и то, как удалось ему добраться до Малакки.

Ненадолго задержавшись здесь, Камоэнс в мае или июне 1561 года возвратился в Гоа. Не так, как ему хотелось бы, а под охраной, в качестве арестанта. Его тут же упрятали в тюрьму, напоминающую лиссабонскую Тронку, но еще более мрачную.

Вице-король Гоа дон Конштантину де Браганша, человек грубый и жестокий, не удосужился разобраться в обвинениях, выдвинутых

против Камоэнса. В тюрьме поэт получил известие о том, что в далеком Лиссабоне умерла дона Катарина, прекрасная Натерсия, первая юношеская любовь, которую его заставила забыть страсть к инфанте доне Марии. Поэт создает сонет, самый знаменитый и, может быть, как считает современный писатель и исследователь Мариу Домингаш, самый прекрасный из его обширного поэтического наследия:

О, непорочная душа, столь рано
ушедшая от суеты мирской,
Там, в небесах, ты обрела покой,
здесь, на земле, не заживает рана.
Но если в горных сферах невозбранна
живая память о любви былой,
ты вспомнишь взгляд воспламененный мой,
в котором и поныне страсть сохранна.
И если ты услышишь боль мою,
и если ты поймешь, как безутешно
я по тебе тоскую, слезы лью,
всевышнего моли столь же поспешно
соединить нас в благостном раю,
сколь рано мы расстались в жизни грешной.

К счастью, правление Конштантину де Браганши оказалось недолгим. Когда в сентябре 1561 года власть перешла к дону Франсишку Коутаньу, друзьям Камоэнса удалось добиться его освобождения, доказав, что поэт — жертва подлого доноса.

... Прошли годы. Камоэнс вернулся на родину, и величественные горы Синтры приветствовали его шапками своих синих вершин. Мало кого из прежних друзей застал он в Лиссабоне. Иные так изменились, что их трудно было узнать: годы брали свое. А сам он разве остался прежним? Вот что сказал о нем современник: «Что за странный человек! Со своими растрепанными седыми волосами и резко выделяющейся пустой глазницей он напоминает фигуру, сошедшую со страниц Дантова «Ада». А его беспокойный и раздражительный нрав лишь подчеркивает гротескные черты наружности, недаром его прозвали дьяволом».

Вернувшись на родину, Камоэнс прожил еще десять лет. Кончились скитания, наступила пора сбора урожая. За эти годы он издаст свою поэму, она увидит свет в 1572 году. На обложке книги будут написаны слова: «Лузиады» Луиса де Камоэнса. Королевская привилегия. Напечатано в Лиссабоне с дозволения святой инквизиции, в доме Антониу Гонсалвеша, печатника».

После этого последовало королевское повеление о предоставлении пансиона в 15 милрейс на срок в три года Луису де Камоэнсу, «пробывшему долгие годы в различных частях Индии» и рассказавшему об этом «в книге, написанной об индийских делах».

Суммы, назначенной поэту, едва хватало на пропитание, к тому же выплачивали ее далеко не регулярно.

Издать эту поэму удалось не без помощи инфанты доны Марии. Так полагают исследователи. Однако они умалчивают о том, увиделись ли поэт и инфанта после стольких лет разлуки. Некоторые считают, что дона Мария сохранила к Камоэнсу чувство глубокого уважения,

восхищалась его талантом. Что касается их общения после двадцатилетнего перерыва, то, видимо, они поддерживали переписку через близкую подругу инфанты Франсишку де Араган. Встречи с инфантой грозили поэту новыми неприятностями. Вскоре, в 1577 году, дона Мария умерла.

Принесли ли «Лузиады» славу своему автору? Увы, при его жизни великое творение оценили лишь немногие. И поэт, как и раньше, влачил полную лишений жизнь, «к столбу позорной бедности прикован». Когда Камоэнс в 1580 году умер, на его гробнице выбили надпись: «Жил в бедности и нищете, так и умер».

АЛЕКСЕЙ РЫЖОВ

БЕСПАЛЫЙ

Рассказ

Художник А. ПАВЛОВ

Волк — типичный хищник.
Брэм. Жизнь животных

I

Крутым осоковым ложком, заросшим редкими кустами ивняка, Беспалый со своим выводком подобрался к стаду незамеченным. Пастушки, две пожилые женщины, беспечно о чем-то беседовали. В руках у них было по батогу.

Мягко светило предзакатное солнце. Звенели в небе полевые жаворонки. Стрекотали кузнечики. Было тепло и тихо. Но вот стадо беспокойно оживилось. Испуганно шарахнулось в сторону. Тревожно замычало. Беспалый из-за рыхлого куста ивы стремглав кинулся на отбившегося бычка. Резко рванул головой. Острыми клыками легко разорвал сухожилия задних ног животного. Теленок сделал два-три неверных шага и упал. Протяжно, жалобно замычал. Судорожно забился всем телом. Стая жадно накинулась на него. Началось пиршество.

Ошеломленные пастушки онемело молчали, все еще не осознавая, что произошло. А когда пришли в себя от неожиданности, разом громко испуганно закричали, бестолково размахивая палками. Но волки не обращали на них ни малейшего внимания. Торопливо рвали парное мясо, глотали, давясь крупными кусками.

Завершив свою разбойничью трапезу, звери, умиротворенно жмурясь, спокойно удалились и на опушке леса устроились на отдых. Только беспорядочные выстрелы прибежавшего из деревни на крик женщин подростка с ружьем заставили волков удалиться в лес...

Беспалый появился на свет в урочище Боровом семь лет назад. Здесь, в просторном сухом логове, под выворотнем старой сосны, прошли первые месяцы его жизни. В помете было пятеро щенят. Над головами волчат неумолчно шумели высокие сосны, темнохвойные ели, в задумчивом величии стояли древовидные можжевельники.

Густой подлесок из липы, жимолости и бересклета, непроходимые болота, раскинувшиеся окрест, надежно укрывали зверей от постороннего глаза.

Рос Беспалый крепким щенком. От выделялся среди других волчат широкой костью, сильными ногами и крупной головой. Всегда был весел и подвижен. Любил озорную беготню, веселые игры и забавы. То трепал за хвост строгую мамашу, то ловил за ухо сестренку, то, отчаянно кувыркаясь, неуклюже барахтался с лохматым братцем.

Отца Беспалый лишился рано. Его пристрелили голодной зимой. Изнемогая от бескормицы и пренебрегая потому опасностью, погнался он за шумливой дворнягой и в азарте преследования заскочил во двор охотника...

Много на долю Беспалого выпало всяческих невзгод, пока он не повзрослел. Однажды чуть не погиб, перебираясь на другой берег по только еще замерзающей реке. Провалился в ледяную воду и едва выбрался на берег. В другой раз, когда с собратьями охотился на матерого сохача, удар копытом пришелся по ребрам Беспалого. Хорошо, что раненый лось уже обессилел в поединке и удар получился слабым, вскользь по боку.

К исходу второго года, когда Беспалый постиг законы волчьей жизни, научился добывать пищу, ему приглянулась молодая волчица. С ней чаще всего по зорям устраивал он песенные концерты — выл. Стройная, гибкая, игривая, с чистым голосом, она принимала его ухаживания охотно. После традиционных «волчьих свадеб», в конце февраля, Беспалый со своей подругой, назовем ее Певицей, устроился в глухом, заросшем лесом овраге, расширив для логова барсучью нору.

Беспалый постоянно находился рядом с подругой, готов был прийти ей на помощь в трудную минуту. Лишь одно его беспокоило. Певица по своей доверчивости отзывалась всякому, мало-мальски похожему на волчий голосу. Иногда она отзывалась даже на паровозные гудки. Сам же Беспалый своим звериным чутьем распознавал охотничью вабу — имитацию волчьего воя. Он никогда не отзывался на нее. А Певица — ох уж эта Певица! — с первых звуков вабы начинала волноваться, подвывать, выдавая себя с головой. Однажды, если бы не подоспел Беспалый и, ухватив ее грубо за загривок, не заставил замолчать, Певице не миновать бы гибели: охотник находился совсем рядом.

Беспалый был необычным волком. Миллионы лет назад природа генетически запрограммировала быть волкам серыми. Такими они и рождаются до сих пор. И лишь изредка встречаются индивидуальные отклонения в окраске волков: черные, желто-ржавые, белые. Но этот не подходил ни под какую мерку: родился пестрым, точнее, пегим. Среди волков такая окраска исключительно редка, и поэтому Беспалого долго считали одичавшей собакой.

Но не в масти зверя было дело. Вот уже два года Беспалый со своим выводком держал в постоянном страхе всю лесную округу. И что он только не проделывал! Изобретательности его не было конца. Нападения его были всегда дерзки и неожиданны. В Сосновке, лесной деревеньке, задушил двух овец прямо в хлеву, у дверей

которого хозяин ремонтировал сани. Услышав подозрительную возню овец, он открыл дверь хлева и тут же был сбит с ног Беспалым, метеором метнувшимся в дверной проем. С ходу он перемахнул высокий забор и скрылся в овраге за деревенскими банями. Житель деревни Сухоречье Опарин поехал утром на мельницу. Стая Беспалого загнала собачонку в сани, на глазах у хозяина вытащила оттуда и разорвала в клочья. В селе Кокшага глухой сентябрьской ночью волки зарезали тридцать восемь овец. Не удержал ни двухметровый забор временного загона, не испугал горевший в центре загона слабый костер, возле которого сидел сторож.

Матерого пегого хищника люди видели то в одном, то в другом конце района. В течение ночи волки делали стремительные броски на десятки километров. Опытные охотники терялись в догадках, следя за маршами Беспалого. Ожидают его у привады в одном месте, а он устраивает очередной переполох совершенно в другом.

По Беспалому стреляли сторожа. Охотники не раз обкладывали волков на лежке. Подбирались летом к логову. Но Беспалый был просто неуловим. Умело уходил из всех обкладов и от преследований. Численность его семьи росла. Вначале она насчитывала семь волков, через год — девять, а через два — одиннадцать. Звери наносили такой урон животноводству, что на осенней сессии райсовета был поставлен вопрос о борьбе с этими хищниками.

II

Разбойничьи дела Беспалого заставили взяться за всех волков в округе. Прежде всего надо было позаботиться о безопасности ферм. В деревнях усилили охрану животноводческих построек, укрепили запоры, в окнах поставили кованые металлические решетки...

Собрались на совет охотники. По правде сказать, настоящих волчатников в деревнях осталось не так уж и много. Да и кому хочется даром время терять и попусту ноги бить! Дело это нелегкое. За иным хитрецом, вроде Беспалого, можно месяц ходить без толку. Но создавшаяся обстановка заставила объединить все охотничьи силы. Старики зарядили свои поржавевшие дробовики крупной картечью. Молодежь сняла со стен новенькие «тулки» и «ижевки». Запаслись боеприпасами.

Умельцы-звероловы на волчьих тропах, просеках, лесных заброшенных дорогах, у ферм и скотомогильников, где чаще всего появлялись волки, поставили капканы. Целыми группами охотники отправлялись на поиски и преследование зверей по их набродам.

С начала зимы вели эту кропотливую работу. Около десятка волков удалось уничтожить, но Беспалый с «дружками» в руки никак не давался. Правда, и он насторожился. Ушел на время куда-то в лесные крепи. Реже стал появляться у жилья. Но все же и тут несколько раз проявил свое волчье коварство! В разных концах района задрал трех собак прямо на деревенских улицах.

Но если грабежи ферм поутихли, то все чаще стали приходить сведения от лесников и лесорубов о разбойных делах Беспалого в лесу. На старой вырубке возле Горелого болота волки задрали двух кабанов. В урочище Глухая рамень преследуемый оголтелым зверь-

ем старый сохач заскочил в будку лесорубов. В яростной схватке лось размозжил копытом черепа двух хищников: погибла Певица и переярок. Но как бы в отместку за гибель подруги Беспалый совсем освирепел. В конце зимы в лесах за Сухим оврагом стая Беспалого подняла из берлоги спящего медведя и чуть не задрала косолапого.

Такого не помнили даже старики.

Как ни опытен был зверь, как ни осторожен, несколько лет назад он все же промахнулся. Угодил правой передней лапой в настороженный капкан. Километров восемь протащился с ним по лесу. Несколько раз пытался сбросить, но безуспешно. Наконец капкан зацепился за коряжистый корень вывороченной ветром ели. И тогда хищник остервенело рванулся. Раз, еще раз. Освободился, изуродовав лапу. На ней теперь не хватало двух пальцев.

Вот эта-то беспалая лапа пуще, чем его непривычная окраска, выдавала теперь зверя с головой. Где бы ни прошел хищник, как бы ни маскировался, везде оставались уродливые следы. Они были очень похожи на раскрытую рачью клешню. С этой-то самой поры охотники и стали называть вожака Беспалым. Следы его невозможно было спутать ни с чьими другими.

Спасало хищника лишь то, что был он хитер и опытен, как бы заранее знал о грозившей ему опасности. Никогда не ходил дважды своими тропами, как это обычно делают другие звери. Почему Беспалый поступал именно так, сказать трудно. Ведь до сих пор многое в поведении этих лесных хищников не изучено.

Хорошо зная «почерк» Беспалого, Павел Федорович Ходыкин, ветврач и опытнейший охотник округи, лучшие свои капканы тщательно проварил в хвойном растворе. Уничтожил все подозрительные запахи. Принес в лес в только что выстиранном и выполосканном в речной проруби холщовом мешке. Устанавливал капканы в шерстяных перчатках, выдержанных в пахучем пихтовом отваре. Искусно замаскировал их на возможном пути зверей в непролазной чапыге близ лесной речки Пантанерки, где недавно была выложена привада.

И вдруг неожиданное сообщение. Ряды сообщников Беспалого поредели. Сам вожак изуродован. Скачет на трех ногах. Левая задняя волочится за зверем, оставляя на снегу борозду-потаск. Тут-то и поняли охотники, что жестокая схватка с медведем не прошла для Беспалого даром. Разъяренный Топтыгин тяжелым ударом лохматой пятерни успел-таки переломить ногу вожака.

III

Школьники возвращались после уроков домой. В Ольховом логу они увидели, что какая-то большая пестрая собака, волоча заднюю ногу, пересекла тропу. Собака, по словам ребят, все время тревожно озиралась по сторонам и, завидев их, крупными, неуклюжими прыжками ушла в сторону леса. Весть эта быстро разнеслась по деревне.

— Наконец-то объявился, голубчик!— с облегчением вздохнули

колхозники, догадываясь, что никакая это не собака, а наверняка разбойник Беспалый.

— Достукался! Переломили пакшу супостату!

— И поделом! — пристукнув прикладом дробовика, сказал колхозный сторож.

Павел Федорович, занятый неотложными ветеринарными делами, узнал об этом после полудня. Не мешкая, наскоро просмотрев лыжные крепления и привычно проверив ружье, пустился преследовать зверя. За околицей повстречались Иван и Надежда Задворных, муж и жена, оба заядлые охотники. После недолгого разговора они охотно согласились принять участие в преследовании зверя.

Шли долго. Сначала полями, затем лесом. След зверя петлял, делал большие круги, наконец вывел на опушку.

С утра день был тихим, серым. К вечеру небо очистилось. Мороз усилился. Подул не сильный, но резкий ветер.

— Ишь к ночи-то как закручивает! — прикрывая рукавицей щеку от ветра, сказал Иван.

— Февраль лютый спрашивает, как обутый! — улыбнулся Ивану вспотевший от быстрого бега Павел.

Вечерний мороз начал забираться под шубы. Охотники торопились: зимний день короток. Если засветло не настигнуть зверя, в темноте в глухих лесных крепях, куда он может забиться, его не отыскать. А если ночью пойдет снег, то и вовсе дело пропащее.

— Уйдет ведь, вражина! — останавливаясь на крутом берегу

Пантанерки, устало сказал Павел и вытер меховой рукавицей пот со лба. Поправил отяжелевшее вдруг ружье.

— Куда он уйдет со своей культяпкой? Отбегал! — не согласился Иван. — Смотри, как плугом снег пропахал!

— Э-э, брат! Ты не знаешь Беспалого! Это тебе не простой волк, а чистый волчий профессор! Хитер серый разбойник. Ох, хитер!

— Пегий! — уточнил Иван. — А не серый.

— Действительно, черт-те что за оборотень. Все волки как волки, а этот и пегий еще! — пожал плечами Павел.

— Ловит волк, да ловят и волка,— напомнила Надежда мудрую пословицу.

— Ловят, конечно...— задумчиво сказал Павел,— однако и нам мешкать не следует. — И он снова устремился по следу Беспалого. За ним двинулся Иван.

— А я направо стрельну! — вслед уходящим сказала Надежда.— Может, зверь снова по очередному кругу пошел, там я его на полпути и срежу.

Беспалый старался идти по твердому насту. Но таких мест было мало. Отвердевшие снега лежали только на открытой местности, там, где их прибило тугими февральскими ветрами. Открытых мест зверь из осторожности избегал и потому шел по рыхлому, необлежавшемуся снегу, среди жиденьких кустарников и чахлых перелесков.

Но по рыхлому снегу идти было трудно и охотникам. Лыжи тонули, быстрого хода не получалось. А у Ивана и того хуже: переступая высокую валежину, он надломил лыжу.

Пошли медленнее. День мерк. Синие сумерки поглотили прибрежные кусты. Повисли на косматых елях старого леса. Заполнили густой голубизной сумрачный распадок. Преследовать зверя глядя на ночь было бесполезным и даже небезопасным делом. Притаившись в засаде, он мог неожиданно напасть на людей. А нападение такого зверя, решившегося в крайности на все, не сулило ничего хорошего.

Остановились передохнуть.

— Ночь на носу,— сказал Иван.— Почувствует, вражина, что преследование прекратилось, успокоится и ляжет где-нибудь в глухомани.

— Может быть, может быть...— задумчиво сказал Павел.

— Пойдемте-ка отдохнем по-человечески. А то куда я на этой уродине!? — Иван приподнял надломленную лыжу.

— Пожалуй,— согласился Павел.— А где Надежда-то? — озабоченно спросил он.

— Она вон туда пошла,— показал вправо Иван.— Ау-у! Надежда-а!.. Надя-я!..— зычно позвал он.

Удивительной женщиной была она. Невелика росточком, но сильная, выносливая, пригожая да ладная. Выйдя замуж за Ивана, охотника и зверолова, она раза два-три сходила с ним весной на глухариные тока да так и пристрастилась к нелегкому мужскому промыслу. Она оказалась не менее добычливой, чем муж. Глаз у нее был зорок, походка легкая, бесшумная. Хаживала с мужем и на медведя, когда тот овсами по осени на полях лакомился. На лабазах

сидела тихо, неподвижно. Комары поедом ели, но охотница ни единым звуком себя не выдавала. Ну а ходить на волков Надежда и вовсе обычным делом считала. Не раз участвовала в преследовании зверей, брала на мушку в окладе. Да и капканы ставить давно научилась...

— Ау-у-у-у!—послышалось ответное эхо ее звонкого голоса. Эхо прилетело с противоположной стороны распадка, из-за Пантанерки. И минут через десять охотница подкатила к ожидавшим ее мужчинам. Те даже вздрогнули от неожиданности—так незаметно и бесшумно скользила она на своих кленовых лыжах.

— Как снег на голову!—засмеялся Павел, глядя на подъехавшую женщину.

— А я—на крыльях!—откликнулась она.—Не навострить ли нам лыжи на ночлег?

Мороз еще усилился. Охотники бежали споро. Только Иван на гребнистых снежных застругах сбавлял ход, оберегая надломленную лыжу. Перевалили невысокий косогор, заросший густой полынью. Лыжи сами понесли охотников в распадок, к деревне. Слабые огоньки тускло мерцали в окнах приземистых, занесенных сугробами домиков.

Постучались в крайнюю избу, возле которой стоял гусеничный трактор, еще отдающий теплом не успевшего остыть мотора. На крыльцо вышел хозяин. Высокий, молодой. Вихрастая голова без шапки. Слегка заикаясь, густым басом спросил:

— Ч-чем могу служить?

— Да вот, припозднились малость,—смущенно начал Павел.— Нельзя ли приютиться до утра?

— П-переночевать? С удовольствием. Зах-ходите!—добродушно прогремел в сгущавшуюся темноту голос хозяина.

Все шагнули в дом.

— З-замерзли?—спросил хозяин, сбрасывая полушубок.

— Не жарко!—признался Павел.

— К утру м-морозец опять за тридцать перевалит!

— Февраль, месяц лицедей, он и лютень, и бокогрей!— скороговоркой произнес Павел.

— Ск-корее лютень!—заметил хозяин и, подойдя к Павлу, представился:—Крестьянинов Виктор Леонидович.

Он внимательно оглядел гостей:

— Волчишек, что ли, пугаете?

— Да. Поди, слышал, как они разбаловались нынче?—ответил Павел.

— Разбаловались?—взметнув густые брови, сказал Виктор.— Скорее об-бнаглели, окаянные! Того и гляди на людей кидаться начнут. Ученики утром в школу идти боятся. Провожать приходится!

— Ну, а на людей-то, наверное, не посмеют напасть,—вступила в разговор Надежда.

— Не п-посмеют?!—как-то по-особому значительно переспросил Виктор и обернулся к охотникам:—Побыстрее раздевайтесь. Сейчас чайком погреемся. Я тоже только что с работы. Корма на фермы возил.

11-781

Охотники шумно разделись. Осторожно составили в угол около двери разряженные ружья.

— Р-располагайтесь, как дома! — широким жестом руки пригласил Виктор гостей в переднюю часть горницы.

— Но и не забывайте, что в гостях! — пошутил Иван.

— Не скромничайте. Места всем хватит, — сказал Виктор.

Охотники сели на широкую лавку. Виктор подбросил в железную печку три нетолстых полена. Они быстро занялись от еще не остывших угольков. В печке зашумело шустрое пламя. По комнате разлилось тепло. Виктор вышел во двор за дровами.

Почти тут же раскрылась дверь, и в клубах густого холодного пара вошла хозяйка. В руках у нее был подойник. В комнате запахло парным молоком. Поздоровавшись с гостями, прошла на кухню. С большой охапкой сухих дров следом зашел Виктор. Положил их возле русской печи. Попросил жену:

— Валя, сооруди-ка чаек, да медку хорошего к нему подай!

А сам уже большим кухонным ножом щепал лучину. Валя хлопотала возле самовара. Потом принесла узорчатую вазу с медом, издававшим тонкий аромат лугового разнотравья.

— Цветочный? — спросил Павел. Он держал пасеку и в сортах меда понимал толк.

— Да, — кивнул Виктор. — Летом у нас тут травы в рост человека. Зацветут — красота!

— Что и говорить! — согласился Павел.

— Хорошо у нас! — продолжал Виктор. — Жаль только, что некоторые ценить все это перестали. Бросают свои дома — и в город.

— Это верно, — согнал с лица улыбку Павел. — Уходят люди, вот волкам тут и раздолье. Свирепствуют, ироды. Пугнуть их некому!

— Вот вы утверждали, — обратился к Надежде Виктор, — что волки на человека напасть не посмеют.

— Бешеные разве, — отозвалась охотница.

— Нет. Нападают и не бешеные, — покачал головой Виктор. — Я вот отчего, думаете, заикаться стал? — он посмотрел вопросительно на охотников. Те насторожились, а Виктор взволнованно продолжал: — От них, от проклятых. От волков этих самых!

— Да ну-у? — вырвалось у Ивана.

— А в-вы как д-думали! — Виктор стал заметно сильнее заикаться. — Б-было это в сорок ш-шестом г-году. Мать моя за ж-жаткой рожь вязала. Р-работали у опушки леса. Мы с Левой Епифановым гоношились тут же, около матерей. Собирали оброненные колоски. Сносили в кучи снопы.

Виктор наклонился. Открыл дверку железной печи. Напряженное, побледневшее вдруг лицо его озарилось красноватыми отблесками пламени, и охотники увидели, что и руки хозяина слегка дрожат, когда он подкидывал в печь поленца. Виктор закрыл дверку печи, распрямившись, продолжал:

— Дети есть дети. Мне шесть лет, Лева г-годочком постарше. Скоро это однообразное занятие на жарком августовском солнце нам наскучило. Добрели мы до опушки леса. Ромашки, колокольчики собирали. А тут Лева возле сломанной березы белый гриб нашел. Крепкий такой, тугой, коричневый. Заглядение!

Виктор вздохнул, полез в карман за сигаретами. Достал с кожуха

русской печи спички. Закурил. Взахлеб три раза затянулся и лишь тогда продолжил свой рассказ.

— Гриб за грибом, кустик за кустиком, отошли мы от женщин метров на двести. По лесной дорожке в лес углубились. Дорожка прямая, широкая. Поле хорошо видно, женщин, что снопы вяжут.

Самовар давно кипел, издавая глухие горячие всплески. Но ни рассказчик, ни слушатели этого не замечали.

— По п-полной фуражке набрали мы грибов. Возбужденные, радостные п-повернули к полю. И в-вот т-тут он и показался. Огромный. Матерый. Хвост п-поленом по земле т-тащится.

Наступила пауза. Охотники ярко представили себе эту картину. Все молчали. Было слышно, как звонко потрескивают в печке дрова.

— Исп-пугавшись, заб-быв о грибах, не чувствуя ног под собой, мы побежали на поле. От с-страха не могли даже кричать. Лева был п-пошустрее, бежал впереди. Он перемахнул через придорожную канаву и кинулся в непролазный молодой ельник. И тут я почувствовал сильный толчок и упал. Рядом увидел лобастую волчью башку. Схватил меня зверь клыкастой пастью за голень, взвалил себе на спину и трусцой понес в лес.

— Вот так да!— вырвалось у Павла.

— Неужели?— в тон ему произнес Иван, покачивая от удивления головой.

— Т-тащит, значит, он меня за ногу, а я ору что есть м-мочи. Откуда и г-голос взялся!

Надежда сидела не шевелясь, не проронив ни слова. Только расширенные глаза выдавали ее волнение.

— А мать и другие женщины с криком, с плачем побежали вслед, в-видно, Лева тоже г-голосил что есть силы, и в-все догадались, в чем д-дело. В-все же отбили м-меня. А шрамы н-на ноге и с-сейчас видны...

Виктор замолчал. Отбросил окурок и задумался.

— Да-а!..— протянул Павел.— Страшный, конечно, случай, но далеко не единичный!

Про себя он подумал, что волк вряд ли нес его на спине. Наверное, страх был слишком велик, и в детском сознании запечатлелся такой необычный эпизод. Но ведь случаи нападения серого разбойника на детей действительно были. И он рассказал о том, что в Кировской области в 1947 году было двадцать семь нападений волков на детей.

— Надо же, какие бесчинства творят,— возмутилась Валя.— Почему же не бьют их, проклятых?

— Бьют, да все еще мало,— ответил Павел.— А вот некоторые ученые даже призывают охранять этих злыдней!

— Охранять!?— присвистнул Виктор.— А зачем?

— Считают, что волки — санитары леса. Что если их не будет в природе, то среди животных распространятся эпидемии.

— Я как ветеринарный врач этой теорией заинтересовался. Литературы о волках у меня предостаточно. Да и охотой на них занимаюсь всю жизнь. Хитрый, сильный, выносливый, смелый хищник. Знать его биологию надо.

— Да что же это все мы о страстях одних речь ведем, гости дорогие!— спохватилась вдруг Валя.— Садитесь-ка чай пить.— Она

поставила на стол самовар, крынку парного молока. Нарезала вкусного подового хлеба.

Все сели к столу. Пили чай с удовольствием, чувствуя, как благодатное тепло разливается по всем клеточкам. Куда девались многие километры погони за Беспалым... И все же мысли были только о волках. И потому никто не удивлялся, когда Павел опять перешел к этой теме.

— Горячо ратуя за сохранение волка,— начал Павел,— некоторые ученые мужи сообщают, что в Англии и Франции уже не осталось ни одного серого разбойника. И чтобы этого не произошло у нас, призывают объявить его неприкосновенным. Не берусь судить, может быть, это и необходимо, но в нашей Кировской области и посейчас рыщет около полутора тысяч этих зверей! Допустимая же плотность волков, рекомендуемая учеными, не превышает одной головы на тысячу квадратных километров. Это значит, что в нашей области должно быть не более ста двадцати хищников. А сейчас их раз в двенадцать больше!

Павел неспешно достал из кармана залоснившуюся, видавшую виды записную книжку.

— Вот послушайте-ка, что сказал писатель Соколов-Микитов в рассказе «Волки»: «Вред, приносимый волками, неисчислим. Много миллионов голов скота и домашней птицы погибает в лесных и степных просторах нашей страны. Мясом, которое волки сжирают ежегодно, наверное, можно прокормить город с многомиллионным населением...»

— Целый город!— удивился Виктор.— Не слишком ли дорогое это удовольствие — волки?!

— Как видишь, не дешевое!— отставил стакан Павел.

IV

Заснули поздно, а поднялись чуть свет. Виктор, узнав, что у Ивана сломана лыжа, предложил ему свои:

— Далеко не убежишь на сломанных-то.

— Спасибо!— с чувством поблагодарил Иван хозяина.

Ночью выпал снег.

— Мда-а... везет Беспалому!— глядя на свежую порошу, озабоченно сказал Павел.— Сейчас зверя не вдруг найдешь.

— Отыщем. Куда он денется,— успокаивал Иван.

Снежок звонко поскрипывал. Когда вышли за околицу, стайка снегирей поднялась с рябины, что стояла возле бани. Взору охотников предстали широкие поля, уходившие мягкими белыми волнами к розовеющему узкой зарей горизонту. Из-за косогора огромным раскаленным шаром выкатилось зимнее солнце. Бескрайние снега загорелись опаловым пламенем празднично, радостно.

Вчерашнюю лыжню запорошило. Охотникам долго пришлось петлять по жиденьким рощицам. Внимательно вглядываясь в каждую лесную пазуху, в куртинки густого заснеженного ельничка, искали следы Беспалого. Но их нигде не было. Зверь будто сквозь землю провалился. Охотники остановились, обсудили дело, решили рассыпаться поодиночке, чтоб быстрее на след напасть.

Долго бежала Надежда по лесным буеракам, чапыжистым зарослям, зыбким непромерзшим болотинам. Раза два падала в сугробы. Спешила. Но конца пути не было видно. Да и где он, конец этот? Кому он ведом? Где зверя добыть удастся?

Устала. Стрелки часов перевалили за полдень. Верно говорят: охота пуще неволи. «Мое ли это дело за зверьем по тайге шастать?» — уже теперь думала Надежда. И тут же осудила себя за минутную слабость: «Мое! Чем я хуже мужчин?» Это заставило ее побежать быстрее, прибавило сил.

С вершины ели с шумом взлетела сорока. Громко затараторила. «Ишь, сплетница! Меня заметила или зверь где-то рядом? Без причины она стрекотать не будет!» — рассудила Надежда.

А это что? Примят снег. Следы. Откуда они? Внимательно рассматривает их охотница. Ага! Вот она, «рачья клешня» Беспалого. Да это же ночная лежка зверя!

Ночевал Беспалый под густой елью. Но отдыхал недолго. Прочерки и бороздки, следы изуродованной ноги на снегу, уже чуть-чуть припорошены синеватым пушком. «Значит, зверь ушел с лежки еще до рассвета!» — отметила охотница и ускорила шаг. Быстро пробежала километра три. Но, как ни быстро бежала, из виду не упускала ни малейшей вмятины на снегу, ни одной осыпавшейся хвоинки на волчьем пути.

И вдруг след зверя обозначился четче: он петлял под пологом леса, где предутренняя пороша оказалась меньше всего. Зверь начал часто останавливаться. В таких местах снег был беспорядочно примят. Беспалый явно нервничал. Шаг его все укорачивался. Больная нога все глубже буравила снег...

Дорога побежала под гору. Угрюмые ельники сменились березничком. Сумрак и хмарь рассеялись...

Зверь промелькнул за деревьями неожиданно. Серо-белый с пестринами, на фоне ряби берез он был почти неразличим. Хищник устало брел к крутояру, намереваясь скатиться под откос. До него уже рукой подать. Было слышно, как с шуршанием вспахивает снежную целину изуродованная нога. Надежда бежала что есть сил, стараясь его догнать. В азарте преследования с руки спала перчатка. Платок сбился на затылок. Но ничего этого Надежда не замечала, она вся была во власти погони.

Беспалый еще раза два мелькнул в ближайших рединах и исчез в заснеженном молодом ельнике. Сердце охотницы замерло. И сразу тяжелая усталость навалилась на плечи. Но тут же она их вновь распрямила. «Нет, этого не будет!» Надежда опять рванулась за зверем.

...На полянку на краю обрыва выползло что-то пестрое. Еле двигаясь, припадая на сломанную, волочащуюся ногу, усталый, измученный погоней, Беспалый медленно полз к обрыву, загребая передними лапами осыпающийся снег. Надежде вдруг стало жаль зверя. Еще недавно сильный, смелый, красивый, он сейчас был слаб и жалок. Шерсть взлохматилась, свалялась клочьями, взмокла. Гордая осанка исчезла. Будто и не был он вожаком. Будто не атаманил, не разбойничал с такой смелостью и дерзостью неделю назад. Силы иссякали.

«Может, пощадить зверя?!» — с чисто женской мягкостью размышляла Надежда, глядя на изможденное животное.— Ведь он тоже

хочет жить! Хочет по-своему, по-звериному радоваться солнцу, лесу, шуму ветра, потешным играм волчат у глухого логова!»

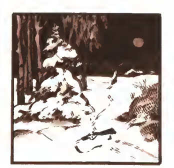
Волк не двигался. В бессилии он замер, будто ожидая исполнения приговора за свои многочисленные злодеяния. Надежда сделала еще несколько осторожных шагов в сторону зверя. Он медленно повернул к ней голову. Взгляды человека и зверя встретились. В этом колючем, безжалостном взгляде вожака не было ни просьбы о пощаде, ни страха. И тут перед мысленным взором Надежды опять ярко вспыхнула картина — волк тащит мальчишку... Она подняла ружье и навела его на волка...

Через полчаса на звук выстрела подошли Павел и Иван. Глядя на распластавшегося зверя, ветврач удивленно протянул:

— У-у-у, какой волчина! Не зря столько времени атаманил! С трофеем тебя, Надежда!

Но та думала уже о другом. Опять вспомнила взгляд Беспалого.

И вдруг ей сделалось нестерпимо больно от этого воспоминания. Она резко распрямилась. Нахмурилась. С досадой швырнула ружье к ногам Ивана и неожиданно громко зарыдала...

ДИМИТР КЛИСУРОВ

ОСТРОВ БЕЗ ИМЕНИ

Очерк

Художник И. ШАХОВСКОЙ

Три года назад мне посчастливилось принять участие в советской комплексной научно-исследовательской экспедиции на корабле «Дмитрий Менделеев». Мы прошли десять морей, побывали и на десятках обитаемых и необитаемых островов и островков Океании. Как ни странно, даже сейчас, в конце двадцатого века, на карте все еще есть белые пятна. Во время плавания среди архипелагов Новой Гвинеи в лоции часто можно было встретить предупреждение: «Ввиду недостаточной изученности района следует быть особенно внимательными». Поэтому нашему капитану А. С. Свитайло приходилось постоянно корректировать неточно нанесенные координаты маленьких островов и рифов, а иногда даже наносить их на карту.

И вот мы у острова, который местные жители называют Нуслик. Его координаты 02°25′ южной широты и 150°20′ восточной долготы. О нем не упоминается в самых скрупулезных английских лоциях, не указан он и на картах.

Все произошло неожиданно. Меня спросили, хочу ли я провести ночь на этом острове.

Солнце к тому времени уже закатилось, а луна еще не взошла. Было самое темное время суток.

Шел январь 1977 года.

Я спустился по штормовому трапу с брезентовой сумкой в зубах, с водолазным ножом, фонарем и двумя фотоаппаратами. Это был весь багаж, который я успел собрать за пять минут, отпущенных мне на сборы.

Я очутился в узкой длинной лодке, выдолбленной из ствола дерева. Передо мной на корточках, стараясь не ступить в воду, которая плескалась на дне лодки, сидел Николай Парин, доктор биологических наук из Москвы, специалист по глубоководной ихтиологии, а за мной — полуголый папуас. За ним — Володя Басилов, кандидат исторических наук, тоже москвич, Евгений Калщиков, научный работник из Ленинграда, еще один папуас и женщина-папуаска. Над нами, на палубах корабля, собрался почти весь экипаж и научный состав экспедиции.

Один из папуасов перешагнул через наши головы и завел на корме мотор «Джонсон». Женщина перебралась на нос. Мы оттолкнулись от борта корабля и поплыли. Я увидел, что из темноты показались две маленькие лодки с двумя гребцами в каждой. Некоторое время нас освещал корабельный прожектор, но вскоре его выключили, чтобы не мешать проводникам.

Была душная туманная ночь в разгаре тропического лета. За нами, как сказочный замок, сиял огнями корабль, а впереди было черно, как в преисподней.

Некоторое время все три лодки шли вместе, потом наша, с мотором, начала описывать широкую дугу, а маленькие каноэ отошли в сторону и сразу исчезли в ночи. Теперь женщина выгнулась, как лук, на носу лодки и время от времени выкрикивала что-то на своем языке. Проводник внимательно ее слушал. Я догадался, что мы проходим рифы перед островом.

Его очертания показались во тьме внезапно. Потом появились огоньки и тени высоких пальм, лодка врезалась в песок. Папуасы быстро выскочили из нее и потащили лодку к берегу. Мы тоже вошли по колено в теплую воду и стали помогать.

У самого берега раскинулась деревушка. Хижины на сваях ютились среди деревьев и кустов. Перед каждой пылал костер под котлом, около него сновали женщины и дети. Как только мы вышли на берег, нас обступили со всех сторон, и мы оказались в центре молчаливого круга. Володя Басилов, этнограф, взял инициативу в свои руки.

— Где вождь?—спросил он на пиджин инглиш (языке, на котором разговаривают миссионеры с жителями Океании).

— На Большом острове,—ответил Палиау—проводник нашей лодки.

Палиау отличался внешним видом от островитян: он был выше, темнее, с более крупными чертами лица. Впоследствии выяснилось, что он уроженец острова Манус, обосновался здесь, женившись на местной жительнице. Только у него была пирога с мотором, и, вероятно, он исполнял роль посредника в торговле копрой. Местного языка он не знал и с трудом объяснялся с односельчанами на пиджин, так как те едва им владели. Палиау носил брюки, в то время как на других мужчинах были лишь набедренные повязки. Он пригласил нас в свою хижину, стоявшую у самого моря. Она, как почти повсюду в Океании, стояла на сваях, стены представляли собой переплетенные ветви, окон и дверей не было, кровля из листьев кокосовой пальмы низко нависала. Хозяин вынес новую циновку и расстелил ее на полу, который подозрительно прогибался под нашими ногами. В этот момент появилась его жена, та самая женщина, что была с нами в лодке, и подала ему начищенный до блеска металлический поднос с пятью чашками чая. Чашки были из китайского фарфора, а чай великолепный.

Сопровождавшая нас группа любопытных поредела, но некоторые мужчины и мальчишки остались. Немного поодаль в темноте стояли женщины.

После чая Володя Басилов объяснил, что мы привезли для жителей селения кое-какие продукты. Тогда вперед вышел улыбающийся старик с пером в волосах и сказал, что это по его части. Мы вытащили из ранцев хлеб, консервы и сигареты. Басилов и

Берег моря — это любимое место для отдыха и бесед

старик разделили все это на шестнадцать частей — по количеству семейств, живущих на острове. По-прежнему молчаливо подходили к нам мужчины (вероятно, главы семейств), брали свою долю и уходили в темноту к своим хижинам.

Не прошло и десяти минут, как в кустах, словно светлячки, заплясали десятки огоньков. Вокруг все закурили. Лед тронулся. Этнографы Басилов и Калщиков вели оживленные разговоры на пиджин, помогая себе знаками. Папуасы тоже энергично жестикулировали. Николай Парин, страстный коллекционер, расспрашивал о морских раковинах. Я сидел на нижней ступеньке хижины Палиау, очарованный тихой ночью на маленьком острове в новогвинейском море, смотрел сквозь пальмы на берег, где мирно плескалась вода, иногда выскакивала рыба. Когда луч луны пробивал облака, все блестело, море оживало, тени пальм шевелились, лодки на песке как бы куда-то плыли.

Вдруг я почувствовал легкое прикосновение. Я обернулся и увидел, что рядом со мной сидит малыш лет семи-восьми. Большие темные глаза с любопытством, которое оказалось сильнее боязни незнакомца, изучали меня. Он показал два ряда блестящих белых зубов в улыбке, готовой в любой момент превратиться в крик о помощи. Рука, которой он дотрагивался до меня, наверное, бессознательно сжала мою руку. И тогда мне открылся истинный смысл происходящего. Я преодолел десятки тысяч миль, стремясь узнать

побольше о разных землях и народах, достичь «края света», прикоснуться к тайнам бытия.

Этот малыш, родившийся на клочке суши, преодолел десяток шагов в темноте за своей хижиной, которые показались ему не меньшим расстоянием, чем весь мой путь. И мы встретились.

Я погладил его по кудрявой головке, и мы познакомились. Его звали Васинын, но, вероятно, я неправильно произнес его имя, потому что он рассмеялся.

Подошедшие Палиау и Басилов сообщили, что надо нанести визит местному пастору. Оказалось, что этой ночью в деревушке никто не заснет — жители будут встречать Новый год песнями и танцами.

Мы прошли по узкой и темной тропинке между хижинами. За мной неотступно следовал Васинын. И вдруг за плотной стеной зелени блеснул сильный свет посреди поляны: на дереве висела керосиновая лампа, внизу горел костер. Из котла над ним распространялся аппетитный запах. Под навесом стоял длинный стол и скамейки. Несколько мужчин, женщин и детей (вероятно, семья) ели рис и рыбу.

К нам подошел папуас средних лет.

— Это пастор. Его зовут Анас, — сообщил Палиау.

Басилов мобилизовал все свое знание пиджин инглиш и попытался объяснить пастору, кто мы такие и что очень хотим присутствовать на местном празднестве, так как очень интересуемся их песнями и танцами.

Пастор слушал молча и бесстрастно. Когда Басилов закончил, пастор повернулся к нашему проводнику и начал ему что-то говорить. Палиау слушал, опустив голову. Он был явно огорчен тем, что привел нас. Видимо, была допущена какая-то неловкость. Мы снова стояли в центре круга молчаливых мужчин, чувствуя себя провинившимися.

Палиау о чем-то поговорил с одним из мужчин, тот объяснился с пастором, и тогда пастор вдруг улыбнулся, сделал широкий жест и сказал:

— О'кей.

Наконец-то обстановка прояснилась. Оказывается, пастор ровно ничего не понял из того, что говорил Басилов, а Палиау ничего не понял, что сказал ему пастор. К счастью, нашелся посредник-переводчик (как при всякой международной встрече), и переговоры успешно завершились.

Этой ночью неожиданности следовали одна за другой. Под деревом с фонарем собралась группа из пятнадцати мужчин и женщин. Перед ними стоял пастор Анас и что-то тихо им говорил. Потом он сделал шаг назад, поднял, как дирижер, обе руки и запел: «До-соль-ми-до...» Повторил еще раз в другой тональности. И — о, небо! — под высоким куполом пальмовых крон, в тишине островка, посреди огромного океана зазвучали псалмы на четыре голоса. Эта чистота и полифоничность до того нас изумили, что Калщиков не сразу догадался включить магнитофон, который висел у него на плече. Текст был на пиджин, пели серьезно, сосредоточенно. В паузах из ближайших кустов слышался нескончаемый концерт цикад. Море тихо плескалось о песчаный берег, листья тридцатиметровых пальм озаряла луна, плывшая в прояснившемся небе.

Мы попали на религиозный праздник, и, пока рассуждали о том,

«Маликуп» — называют голос инструмента, а сам он называется «Рангамут».

сожалеть нам об этом или нет (ведь мы мечтали о тамтамах и танцах папуасов в ритуальных масках), за деревьями послышались глухие и ритмичные удары. Лица папуасов вдруг оживились, появились улыбки, послышался смех.

Сила ударов нарастала, ритмы становились все настойчивее, призывнее. Пока Басилов и другие разговаривали с пастором, я направился на эти звуки. Вышел на площадку, хорошо утоптанную и расчищенную, в диаметре около тридцати метров. Посредине находился короткий и толстый пень, выдолбленный изнутри. С двух сторон два мускулистых мужчины били по нему концами палок. На тамтаме было написано кривыми латинскими буквами слово «маликуп». Я подумал, что оно означает название инструмента, но позже узнал, что его называют «рангамут», а «маликуп» — его голос. С помощью тамтама можно сообщать новости жителям острова, подавать сигналы рыбакам в море и даже, при попутном ветре, связываться с соседними островами.

Традиционные танцы начались внезапно, без какой-либо подготовки. Сначала начали танцевать женщины, их лица были покрыты чем-то белым. Они выстроились по четыре в ряд и стали ходить вокруг тамтама. Пели неслаженно, протяжно, через каждые три такта поднимали ногу. Позади одиноко двигалась старуха в белой длинной робе, сгорбленная, впавшая в состояние транса, с незажженной сигаретой в зубах.

Танцоры сменялись, играющие на рангамуте покрылись потом.

Появились мужчины. Юноши и девушки заигрывали друг с другом. Удары рангамута становились все чаще и мощнее. Все вокруг сотрясалось, страсти распалялись. Зрители и танцоры беспрерывно курили сигарету за сигаретой. Только старуха, по-прежнему отрешенная от мира, не останавливаясь, продолжала свой странный танец. Она танцевала всю ночь. Во время одной из пауз, когда музыканты вытирали потные тела, несколько ребятишек подбежали к инструменту и начали стучать по нему ладошками. Старуха не выдержала такого святотатства и отогнала их. Потом взяла палку и ударила: «там!» Подняла голову к небу и прислушалась: «там-м-м». Снова прислушалась: «там-там!» Кого-то звала? Кому-то хотела выплакать свое горе? Предкам? Или детям, которых пережила? «Там... там-там!»

После полуночи танцы продолжались. Звучал рангамут, старуха все быстрее передвигала ноги. Она уже была в исступлении.

Часа в два ночи хор снова запел псалмы, потом опять зазвучал выдолбленный ствол. Язычество — и религия, деревянные стрелы — и тонкий фарфор, короткое весло каноэ — и подвесной высокооборотный мотор, каменная эпоха — и наш двадцатый век... Все это встретилось здесь, на затерянном в океане островке.

Утро я встретил на берегу моря с фотоаппаратом. Возле меня, как и всю ночь, вертелся Васиньш. Мужчины разжигали угасшие костры, женщины мыли посуду и выметали сотни окурков и пустых пачек из-под сигарет, которыми был усыпан маленький остров. Как будто и не было минувшей ночи, как будто и не встречали Новый год. Пастор читал утреннюю проповедь перед десятком людей. Звенели мелкие монеты, первые каноэ выходили на рыбную ловлю.

Нас угостили рыбой, запеченной в листьях папоротника, и маниокой, мы опять пили чай. Жизнь продолжалась. Прошла только ночь, когда звучал мощный голос маликупа, от которого пропадают злые духи и с помощью которого можно «общаться» с мудрыми праотцами. Нас провожала вся деревня. Я махал маленькому Васиньшу, а он махал мне. Нас разделяли тысячи миль и лет...

Жители называют свой остров Нуслик. Но так же они называют и свою деревню.

Что в действительности означает это слово? Сушу, море? Бога или предка? Мне это неизвестно. Поэтому остается лишь еще раз привести координаты острова: 02°25′ южной широты и 150°20′ восточной долготы.

Перевод с болгарского *Ольги Котовой*

ВЛАДИМИР КРУТИКОВ

ОТ „ПОТЕШНОГО" ДО ВЕЛИКОГО

Очерк

Художник Н. БИСТИ

Прошлое и настоящее настолько тесно переплетены между собой, что порой и не различить, что день сегодняшний вышел из вчерашнего. Мы часто не улавливаем такой связи. Пораженные гигантскими достижениями научно-технического прогресса последних лет, свято верим в исключительную новизну идей и насущных проблем современности. Это касается и природопользования. Почему-то считается, что наши предки относились к природным богатствам лишь потребительски. А ведь это далеко не так.

Чтобы выбрать рациональные пути охраны природы, ее разумного использования и преобразования, нельзя пренебрегать ничем из драгоценной кладовой опыта, дел и знаний многих поколений.

Путешествие в прошлое охраны природы должно быть длительной, хорошо организованной и по-настоящему комплексной экспедицией. Мы же совершим лишь небольшую экскурсию, бегло познакомимся с некоторыми страницами истории заповедного дела в нашей стране. Это не заповедные территории в привычном нам смысле. Но их опыт, во многом утраченный и позабытый, может послужить наглядным уроком в наши дни. Объекты нашей экскурсии разделены сотнями километров. Один из них располагался в центре русского государства, другой — на ее окраине.

Царская вотчина в подмосковном Измайлове была поистине уникальным явлением в XVII веке. Здесь проявился новый подход к ведению хозяйства — стремление максимально использовать каждый клочок земли, получать как можно больше самой разнообразной продукции. Разнообразие хозяйственной деятельности — первая отличительная черта тогдашней измайловской вотчины.

На сравнительно небольшой площади здесь размещались заповедные леса, охотничьи угодья, пашни и пастбища, сады и огороды, жилые и хозяйственные постройки. По царскому указу завели здесь мельницы, скотные дворы и даже такие промыслы, как соляной, поташный и рудный. Был в Измайлове и богатый зверинец. В нем содержали оленей, кабанов, львов, тигров, барсов, белых медведей,

рысей, соболей, лис, дикобразов и ослов. Основная задача зверинца — попытка акклиматизировать всех этих животных в подмосковных лесах.

В многочисленных прудах в Измайлове разводили ценнейшие породы рыб. Отлов велся в строго определенном количестве и в точно указанные сроки. Здесь водились полуручные щуки, приплывавшие за кормом по условному сигналу.

Вероятно, преследовалась цель создать питомник, где были бы собраны особо ценившиеся на Руси богатства растительного и животного мира. Факты оскудения природы отмечались уже тогда и в Подмосковье, и в более отдаленных местах.

Царское хозяйство имело пять полей по 400 десятин в каждом. Удобрение пашни считалось обязательным. По этому поводу в одном из тогдашних документов можно прочесть: «А буде на Пехорской мельнице скотного двора не построить, то на тех вышеписанных полях впредь хлеба сеять будет не для чево, потому что земля худа гораздо».

Рачительные управители Измайлова вообще очень осмотрительно относились к выбору места под посевы зерновых и других культур. Семена озимой пшеницы закупали в хлебородных краях.

Помимо земледелия и скотоводства здесь имелось еще пчеловодство. Большое внимание уделялось садам и огородам. Полученные результаты впечатляют и сегодня. Тысячи ведер яблок, сотни и десятки ведер смородины, малины, крыжовника, клубники и вишни собирали в измайловских садах в 70-х годах XVII столетия. Выращивали лечебные травы и цветы. Интересно, что плодовые деревья и овощи, главным образом капуста и огурцы, поливались с помощью водопровода, устроенного для этой цели царским часовником (часовых дел мастером).

Все эти хозяйственные заведения, хотя и имели заметные для того времени достижения, как правило, не выходили за рамки обычной практики. Но не в них была суть заповедного хозяйства. Здесь на «худой гораздо» земле пытались выращивать совершенно необычные для средней полосы растения: виноград, «бухарские и трухменские» дыни, арбузы «шемаханские», финиковое дерево и миндаль, кизил и тутовое дерево. Даже хлопок не был обойден вниманием русских земледельцев. Для всех этих нежных и теплолюбивых культур пытались создать подходящие условия на новом месте. Доходило до того, что землю для «виноградных и арбузных садов» (ни много ни мало двести пудов) привезли по царскому указу из Астрахани.

Особое усердие в целях развития ткацкого дела и его сырьевой базы проявлялось в попытках вырастить хлопок и тутовое дерево.

В наши дни подобные деяния кажутся нам порой потешной забавой, никчемной царской прихотью. Но не в них ли проявилось исконное для русского человека стремление изменять природу в лучшую сторону, не отсюда ли вышло, например, степное лесоразведение, принесшее позднее мировую славу русским ученым.

В измайловских экспериментах с заморскими растениями было много неудач. И все же упорство, терпение и труд сделали, казалось бы, невозможное. В подмосковных садах с успехом выращивали

«Неприступные стены, могучие башни величаво стоят, как Россия сама» (А. Левушкин). Успенская башня и стены Соловецкого монастыря

дыни, собирали урожаи винограда. Опыт Измайлова передавался и другим русским садоводам и огородникам. Царская вотчина послужила настоящей школой сельского хозяйства, звероводства и рыболовства.

Измайлово имело довольно обширные и тесные контакты со многими районами России и даже с некоторыми зарубежными странами.

Не была ли такая постановка дела в тогдашней царской вотчине следствием тяги русских людей к созданию своеобразных хозяйственных моделей, по образу и подобию которых подразумевалось затем направить развитие всей страны или некоторых сфер ее жизни? В нашей истории предостаточно таких «потешных» начинаний, которые оборачивались потом великими делами.

Таково Измайлово, послужившее богатым источником для размышлений во времена петровских реформ, таков потешный флот самого Петра I, флот, открывший счет блестящим победам России на морях и кругосветным плаваниям русских кораблей. Была и потешная железная дорога (Царское Село — Петербург), от которой нити стальных магистралей протянулись до Тихого океана.

Какое же отношение имела Измайловская вотчина к охране

природы, к заповедному делу? Почему мы склонны видеть в ней черты своеобразного заповедного хозяйства?

Здесь все было направлено на разработку наиболее рациональных приемов природопользования. При заботливом сохранении естественных ресурсов проводились работы по их улучшению и обогащению. Мы привыкли видеть в заповедниках образцы девственной природы, эталоны для наблюдения за состоянием окружающей среды. Но, очевидно, нужны и своеобразные образцы живой природы, разумно используемой и улучшаемой человеком.

Продолжим нашу экскурсию в прошлое. Даже на самой мелкой карте напротив Онежского полуострова в Белом море можно найти архипелаг небольших островов, который по имени главного называется Соловецким. Путешественник и писатель Г. П. Гунн замечает: «Есть такой остров среди Белого моря, всем русским людям он известен. Большая у него история и печальная слава. Был он землей священной и местом проклятым, куда прежде люди ехали с надеждой и с отчаянием и который стал теперь тем, чем он и должен быть,— прекрасным уголком нашей земли».

И еще одним отличается этот остров. Здесь на протяжении пяти столетий русские люди расчетливо и бережно приспосабливали природу для жизни и нужд человека и почти не нарушили ее гармонии и красоты. Это впечатляет не меньше, а может, и больше, чем величественные стены Соловецкого кремля. Здешнее хозяйство вместе с его природной основой оказалось весьма устойчивым на протяжении столетий, чего нельзя сказать о многих других островах нашей планеты, которые претерпели подчас катастрофические и необратимые изменения своих экосистем.

Соловки послужили своеобразным полигоном освоения северного края с его суровыми условиями и огромными природными богатствами. Именно здесь родились некоторые рациональные приемы хозяйствования на Севере. Монастырское островное хозяйство стало примером своего рода целого комплекса определенных отраслей. И пусть с оговоркой, со скидкой на эпоху, в нем явственно видится хотя и далекий, но все же несомненный прообраз современных территориально-производственных комплексов.

Почему же и в этом случае мы склонны увязывать деятельность русских людей на Соловецких островах с развитием заповедного дела?

Использование природных богатств находилось здесь в руках одного владельца — монастыря и было «заповедано» для всех прочих. В этих островах уже тогда видели не только источник доходов, не только землю, богатую лесом, водой, рыбой, зверем и птицей, но и прежде всего место постоянного жительства. Остров стал настоящим домом для многих людей. И как дом, как понятный и обычный уголок родной земли, он требовал неустанных трудов и забот о природе и условиях жизни.

В силу религиозных представлений и мотивов здесь сразу же были заповеданы некоторые виды зверей и птиц. Позднее охоту на островах вообще запретили. Своеобразными охраняемыми памятниками природы стали «святые места» у часовен, скитов и тому подобное. Все это сочеталось с мерами по преобразованию и улучшению природного окружения. Посадки леса, строительство каналов, осушение болот и расчистка земель под луга и пашню

проводились весьма основательно и не нарушали, как правило, исконного природного комплекса.

До начала XV века Соловецкие острова были необитаемы. Но уже тогда поморы знали, что есть в Белом море в двух поприщах (в двух днях пути) от Кеми острова со многими озерами, богатыми рыбой. Рассказывали, что Соловки лесисты, а леса изобильны ягодой и грибами. И вообще остров этот «добр и благодарен к сожитию человечества по всему».

В 1450 году игумен Соловецкого монастыря Иона получил от Великого Новгорода «заповедную грамоту», согласно которой «в тех островах пожаловал Новгород игумена и братию землею и ловищами, и тонями, пожнями и лешими озерами». А еще в той грамоте говорилось, что «боярам ноугороцким, ни корельским детям, ни иному никому ж в те острова не вступатися в страдомную землю ни в пожне, ни в тоне, ни в ловища, ни чренов не наряжати, лесов не полесовати никому через сию жалованную великого Новагорода грамоту».

На полученных «в веки» островах монахи, как свидетельствуют монастырские летописи, «землю копали и деревья на постройки готовили, такии множество дров рубили, и воду из моря черпали, и соль варили... И в других работах трудились и рыбиую ловлю творили, и так от своих трудов и потов кормились». Это о них скажет впоследствии историк В. О. Ключевский: «...не стремление к созерцательной жизни, а практические соображения направляли колонизационную деятельность».

Но одни монахи вряд ли смогли бы сотворить все «соловецкие чудеса». Достижения монастырского хозяйства во многом обязаны тысячам «трудников». Так называли крестьян, которые по обету ли, по воле родителей, а то и просто за долги отправлялись на Соловки. Вот этими-то крестьянскими руками веками расчищались земли под луга и пашни, осушались болота, прокладывались каналы и дороги, соединялись дамбой острова, возводились монастырские стены и церкви. Да и монахи в большинстве своем были те же крестьяне-поморы, привыкшие к тяжелому труду.

При освоении природных богатств на Соловецких островах далеко не все шло гладко и благополучно. Но природа сама учила предусматривать последствия хозяйственной деятельности. Отрицательный результат — тоже результат. Так получилось, например, с главным промыслом здешних мест — солеварением. Технология соляного промысла была проста — соль выпаривали из морской воды, и потому в огромном количестве требовались дрова.

Соль по тем временам представляла собой на Руси весьма дорогой товар, и соловецкие монахи усердно принялись за ее добычу. Однако их старание привело к быстрому сведению леса у солеварниц. Не спасли и новые лесные владения на материке, дарованные богатыми прихожанами, а также приобретаемые самим монастырем. Все чаще в монашеских челобитных звучали слова «леса удалели» (отступили).

Первые лесоохранные меры в соляном промысле были приняты на самих Соловецких островах. Вместо деревянных строений здесь стали возводить каменные, сократили размеры соляного промысла. И все же его пришлось регулировать повсеместно. Произошло это при Филиппе Колычеве, который стал, пожалуй, самым известным игуменом на Соловках за всю их историю. Он был, как сказано в

Соловецкие острова — памятник гармонии природы и труда человека. Вид на гору Секирную (Б. Соловецкий о-в)

летописях монастырских, не только «добрый пастырь словесных овец, но и мудрый эконом и механик обители своей».

В его Уставной грамоте от 1564 года топливная проблема соляного промысла решалась так: «Во всех наших деревнях иреном варите зиме и лете, сто ночей да шестьдесят ночей». Этим устанавливался определенный лимит. Запрещалось рубить лес впрок на несколько лет вперед, ограничивались размеры лесозаготовок: «...а дров есте к црену секли, к зимней и летней варе, на год шесть сот сажен, а запасали бы есте дров на год, а вперед бы есте к иным годам дров не секли».

Прошло время, и монастырский опыт в соляном промысле был узаконен по всей Руси. В царском указе от 1623 года от этого дела требовалась большая организованность и благоразумие: «А сечь дрова по промыслам, чем варничные соляные промыслы на год поднять, а лишка дров года на два и на три никому к своим промыслам не сечь, а класти им сеченные дрова на пожнях и в наволоке, кому где годно, на чьих пожнях ни буди, а пожен никому ничьих не засаривати и к лету очищать...» Вот так пригодился монастырский опыт регулирования природопользования.

В житии Колычева среди прочего записано: «Горы великие перекопа и удолия избразди, и воду текуще от езера в езеро

сотвори... и два источника сотвори и под монастырь во езеро проведе, в толчею же и мельницу ко успокоению братскому сотвори». Легендарными стали механические устройства и приспособления, сделанные по замыслу священника-инженера. По его задумке, здесь использовали энергию не только воды, но и ветра, развели оленей и другой рабочий скот. На острове Муксалма в десяти верстах от монастыря был построен скотный двор для коров.

Но главным деянием незаурядного механика и зодчего стало устройство каналов, соединивших с полсотни островных озер. Это гидротехническое сооружение исправно действует и по сей день. И, как знать, не соловецкие ли каналы утвердили Петра I, дважды побывавшего здесь, в мысли о грандиозном гидротехническом строительстве на Руси. Опять невольно возвращаешься к идее об экспериментах и моделях в природопользовании.

Соловецкая гидросистема оказалась вовсе не потешной забавой. Значительных естественных водотоков на здешних островах нет. И, не вмешайся человек, судьба озер, этих настоящих жемчужин соловецкого края, была бы печальной. Подобно многим малым и непроточным озерам области древнего оледенения, они бы заилились и заросли, превратились в низинные болота. По существу здесь был проведен чуть ли не первый в истории страны удачный экологический эксперимент. До сих пор озера на Соловках сохранили свою чистоту и прозрачность. И сегодня не устарела более чем столетней давности оценка знаменитого Святого озера у монастырских стен, которое, по словам архимандрита Досифея, «содержит воду отменно чистую, на вкус легкую и здоровую».

Рукотворная гидросистема использовалась и тогда не менее комплексно, чем лучшие гидротехнические сооружения нашего времени: безотказно действующий водопровод, надежное хранилище рыбных богатств, разветвленная транспортная магистраль и, наконец, неистощимый источник энергии. Все эти блага природа дала человеку в награду за его упорный и умелый труд.

Хорошо поставленным по тем временам оставалось монастырское хозяйство и в начале нашего века. Промышленные предприятия сочетались здесь с развитым сельским хозяйством, основу которого составляло животноводство. На островах содержалось продуктивное молочное стадо и конный завод. Луга, занимавшие примерно двадцать тысяч десятин, давали пятьдесят тысяч пудов сена. Известный религиозный консерватизм не помешал монахам обзавестись электростанцией. Были продолжены и гидротехнические работы. В дополнение к уже созданной системе построили несколько судоходных каналов, соединивших по всем правилам гидротехники шесть озер. В результате образовался надежный и глубокий двенадцатикилометровый водный путь. Грузы перевозили по нему на лодках и даже на паровых катерах.

По-прежнему оставался в силе и строго соблюдался режим заповедности по отношению к животному миру. Особенно охраняли чаек и гаг. Излюбленные ими места были даже огорожены, дабы богомольцы не проявляли излишнего любопытства. А в те времена монастырь ежегодно посещало до двенадцати тысяч человек.

И не только «святые мощи» и «чудотворные иконы» привлекали сюда людей. Изумительная природа, живительные источники, открытые монахами, впечатляющие памятники древнерусского север-

О-в Анзерский, вид на гору Голгофу. Человек и природа — уникальная летопись, открытая нам на Соловецких островах

ного зодчества обладали немалой притягательной силой. На Соловках побывали и описали природу, быт и нравы местных жителей и приезжих богомольцев известные писатели. Места «дивие» и суровый лиризм острова отразил в своих картинах М. В. Нестеров.

В конце XIX века наметился еще один аспект использования Соловецких островов. В 1881 году здесь открылась научно-биологическая станция, основанная по инициативе Петербургского общества естествоиспытателей. Под руководством профессора Н. П. Вагнера станция внесла существенный вклад в изучение флоры и фауны Белого моря и самих островов. Здесь работали такие известные ученые, как Н. М. Книпович, Ф. К. Арнольд, К. М. Дерюгин, П. Ю. Шмидт.

Естествоиспытатели по достоинству оценили хорошо сохранившуюся уникальную природу Соловков и исключительные возможности ее разумного использования. В начале XX века они предложили организовать на Соловецких островах звероводческое хозяйство и создать заповедник.

В ином плане виделось будущее здешних мест писателю М. М. Пришвину. Он заметил: «Мне бы очень хотелось, чтобы в будущем... здесь, в Соловках, устроился бы грандиозный санаторий для всего Севера ... В будущем доктора не станут всех посылать на южные воды и виноград, а в ту природу, в ту среду, где человеку все понятно, близко и мило. Вот тогда-то Соловки и сделаются любимейшим островом здоровья для всего Севера».

Все эти предложения рождались не случайно. Подобные замыслы отчасти были так или иначе воплощены в монастырской вотчине. Звероводство? Здесь и столетия назад разводили диких животных. Заповедник? Вспомним «святые», неприкосновенные места и запрет охоты. Санатории и дома отдыха? И здесь можно найти «прецеденты»: лет полтораста назад один из настоятелей монастыря в четырех верстах от его стен построил летнюю дачу, развел при ней сад, высадил кедры.

После революции было продолжено всестороннее изучение природы Соловецкого архипелага. Местное общество краеведения, биосад и музей проводили исследования лесов, озер, почв и болот, птиц и лекарственных растений. Тогда же были поставлены опыты по акклиматизации деревьев, кустарников, цветов и зерновых культур. Известны попытки одомашнивания гаги. Разведение оленей положило начало ставшему известным на всю страну зверопитомнику. В нем разводили серебристо-черных лис, соболей, песцов, ондатр и шиншилл. Наконец, в 1926 году с расширением работ биосада и зверопитомника на четырех островах архипелага в губе Долгой организовали заповедник. Все это, вместе взятое, получило название «Соловецкое звероводное хозяйство». Среди пушных ферм страны оно занимало видное место.

Великая Отечественная война прервала опытные и научно-исследовательские работы на Соловках. В последние годы здесь создан историко-архитектурный музей-заповедник. Около двух тысяч туристов принимает здешняя турбаза только за одну смену. С 1965 года заповедником местного значения объявлен второй по величине остров архипелага — Анзерский. При соловецкой школе создан биосад, где учащиеся проводят опытническую работу, выращивают кедры, плодовые деревья, цветы и овощи. В целях охраны природы острова для туристов организованы специальные пешеходные и лодочные маршруты, подготовлены стоянки для ночлега и отдыха. Ведется реставрация исторических памятников.

Думается все же, что этого недостаточно для полного и разумного использования всех природных возможностей островов. Что же предлагают ученые, краеведы, местные активисты охраны природы?

Вот что пишет научный сотрудник Архангельского института леса и лесохимии В. Кашин в сборнике, посвященном местной природе: «Нынешний режим на Соловках близок к заповедному, однако это все-таки не заповедный в полном смысле слова режим. На Соловецких островах должен быть организован историко-биологический заповедник широкого профиля».

Эта идея заслуживает всяческой поддержки, если бы не одно «но». Как же быть в таком случае с массовым туризмом, с отдыхом северян и жителей других уголков страны, о котором мечтал М. М. Пришвин? Ведь нельзя же в заповеднике разместить дом

отдыха или санаторий. Опять получится «заповедный режим не в полном смысле слова».

Но выход все-таки есть. Его подсказывают уроки прошлого и опыт охраны природы в нашей стране и во всем мире.

Пять столетий назад человек взял в свои руки судьбы здешней природы. Ее богатства раскрывались лишь в результате упорного труда. Вековая эстафета тружеников должна быть подхвачена. Прежде всего стоит воссоздать заповедное научно-опытническое хозяйство для окультуривания и одомашнивания, разведения и акклиматизации ценных видов животных и растений. Подобное хозяйство может войти в состав Беломорского национального парка, который включил бы помимо Соловецких другие острова и часть побережья Онежской губы с прилегающей акваторией Белого моря. Большой охраняемый комплекс, счастливо сочетающий природу суши и моря с историческими памятниками хозяйства и культуры Русского Севера, даст богатейшие возможности для развития научно-опытнических работ и полноценного отдыха людей.

Вот на какие размышления наводит наше недолгое путешествие в прошлое. Думается, мы все же успели извлечь из него любопытные и поучительные факты.

БОРИС ВАРЛАМОВ

ТЕНЬ СИНЕГО УТЕСА

Повесть

Художник Т. САМИГУЛЛИН

Глава I. **Возвращение**

Упругий ветер доносил запахи сухой травы и теплой хвои с примесью гари паровозного дымка, а мимо проносился темно-зеленый массив тайги. Но вот в его однообразии глаз начал подмечать знакомые места. На той прогалине я как-то отдыхал, не раз пил воду из колодца возле дома путевого обходчика. Купался в жаркий день в озерце, что проблеснуло за поворотом. А в последнюю мирную весну несколько раз ездил сюда на велосипеде с Верой. Заливались птицы и цвела черемуха. Прошлое, милое прошлое вставало предо мной. Скоро Томск. Но как же нескончаемо длинны эти последние километры!

Обуреваемый нетерпением, я подгонял поезд, а мысли вдруг раздвоились и потекли двумя отдельными потоками. Один — о предстоящей встрече с родителями и Верой. Другой — о трех военных годах.

Три года назад ехал я этим же путем, но в противоположном направлении — на курсы младших лейтенантов. Все в моей юной жизни тогда круто изменилось. Казалось, будто вчера только сдал последний экзамен за второй курс Томского индустриального института и перешел на третий. На душе было легко, настроение приподнятое. Родители подарили часы марки «Мозер»; о таких шикарных я и не мечтал. Да еще мать дала двадцатку. Это было совсем здорово. Первым делом купил новую переднюю вилку для велосипеда взамен сломанной. Это означало, что Вере опять можно будет занять место на раме и перед нами все дороги открыты. Захотим — махнем в Лагерный сад, а то на Басандайку или даже в Заварзино. Заварзино, правда, далековато, но зато живописнее места не найти. Речка Ушайка петляет лугами меж лесистых холмов; то шумит на перекатах, то разливается тихими плесами с песчаными пляжами, то темнеет под обрывами таинственными заводями. Есть там Дусин обрыв и Остров любви. С обрыва некогда кинулась в омут девушка Дуся, которой изменил жених, а Остров любви обладает

колдовскими чарами: стоит на нем побывать парню с девушкой, и возвращаются они уже влюбленными. Одним словом, Заварзино — сплошная романтика.

Но все это мы оставили на потом. А двадцать второго июня сорок первого года собрались с Верой на рыбалку, дня на три. Намеревались выехать под вечер, переночевать на берегу Томи у костра, а утром плыть дальше, на наше любимое Медведкино озеро. Но в шестнадцать часов по местному времени Москва передала по радио роковую весть — война.

На курсах нас гоняли и в хвост и в гриву, зато выпустили досрочно. Шли ожесточенные бои под Ростовом. В первый же день тяжелое ранение в грудь. Три месяца провалялся в госпитале...

И какого черта поезд ползет черепахой! Уже разъезд Предтеченск миновали, а города и признаков нет. От Предтеченска сколько же до Томска? Не то четыре, не то пять километров...

Встретят или нет? Телеграмму дал заранее, но, может, не дошла? А если встретят, придет ли Вера? Госпиталь — тоже воинская часть, и дисциплина там соответствующая. Если дежурит, могут и не отпустить. Загадаю: если на следующем столбе четное число изоляторов — встретит, нечетное — не придет... Ура! Четное...

В боях за освобождение Одессы «клюнул» меня в правое бедро горячий осколок крупповской стали, и узнал я почем фунт лиха, когда после операции положили с ногой «на вытяжку». Комиссовали ограниченно годным к нестроевой службе и направили в распоряжение горвоенкомата по месту жительства. Интересно, куда они меня определят, к чему приставят?

Наконец-то вокзал Томск-1. Он все такой же, как и три года назад. Белый, массивный, незыблемый. А я хожу слегка прихрамывая. Но уже без палки. И то достижение!

Заскрипели тормоза. Взяв рюкзак, поспешил к выходу, стараясь не хромать.

Напрасно я волновался. Меня встречали родители и Вера, а из друзей Коля Мишаков. Как всегда, он застенчиво топтался немного поодаль. Когда улеглись первые радости, я с болью в сердце увидел, как сдали мои старики: мать поблекла и стала вроде бы пониже ростом, отец ссутулился и поседел. А у Коли пустой рукав был засунут под ремень. Зато Вера расцвела и похорошела.

Пока отцовская служебная «эмка» тряслась и подскакивала на булыжниках томских мостовых, я расспрашивал Колю о друзьях-товарищах. Война, разумеется, всех разбросала.

Приехали домой. Рыча, подошла огромная овчарка, а в следующий миг с радостным визгом встала на задние лапы, норовя лизнуть в лицо. Джек меня узнал. Пустяк, а все же приятно...

Под вечер собрались гости. Отец пригласил за парадно накрытый стол, блиставший не столько обилием блюд и напитков, сколько наследственным материнским сервизом. Консервы и колбаса из моего армейского доппайка оказались совсем не лишними.

Потом мы с Верой пошли прогуляться по городу. Но ходок я был еще так себе, и вскоре мы «приземлились» в университетской роще, на той заветной скамье, где провели столько незабываемых часов предвоенной весной, счастливые и беспечные, под белым шатром цветущей черемухи. Сейчас над нами тихо покачивались на ветру

кисти темных, глянцевитых ягод, предвестников недалекой осени.

Мы говорили и не могли наговориться, перебивая друг друга, перескакивая с одного на другое. Но постепенно наша беседа вошла в ровное русло, и я спросил:

— Как ты стала медсестрой? Вот уж не представлял тебя в этой роли.

— Так уж получилось...— начала она, положив голову на мое плечо.— Сначала тебя, а потом и отца взяли на фронт. Как же мне было оставаться в стороне? Думала пойти работать на завод, но техника не по мне. А тут объявили набор санитарок в эвакогоспиталь, я и пошла. С год поработала санитаркой, потом закончила курсы при госпитале и стала медсестрой.— Вера помолчала и сказала проникновенно: — Гошенька, милый! Если бы ты знал, как я волновалась, встречая каждую партию раненых. Вдруг да тебя увижу на носилках? Сердце замирало. Хорошо, что это уже позади. Помнишь, как я тебя провожала? Старалась держаться молодцом, а дома все глаза выплакала...

— Помнишь, как мы собирались на рыбалку?— отозвался я.— Так и не удалось...

— Послушай, Гоша! А что если нам теперь отправиться?

— В самом деле — почему бы и нет? Уж на этот раз нам не помешают. Заметано!..

Мы поцеловались.

Беседа с помощником горвоенкома оказалась непродолжительной.

— На фронте вы, товарищ капитан, свое уже отвоевали...— начал подполковник, просмотрев мои документы.— Теперь повоюете в тылу. Где? А в органах внутренних дел. Почему это не справитесь? Вы же бывалый армейский разведчик. Служба, можно сказать, родственная. Было бы желание — освоите. Все! Вопрос исчерпан.

Я откозырял и отправился на Воскресенскую гору в горотдел милиции. И тут встретил Милу — «княжну Шихматову», как звали ее на танцах за гордую осанку. Мила была сестрой моего друга Димки по прозвищу Барон. Мила была постарше нас, недурна собой, училась на последнем курсе стоматологического института, но снисходила до нашего общества и даже иногда танцевала со мной, чем я, зеленый первокурсник, весьма гордился.

Барон был полной противоположностью своей деловитой сестре. Умный и начитанный, любитель старинных изданий, он учился спустя рукава. Кое-как закончив десятилетку, целыми днями валялся на диване с книгой в руках, для разминки жонглируя двухпудовыми гирями. Подрабатывал он на пристани, таская, на удивление бывалым грузчикам, двойную и тройную ношу. Силы Барон был редкостной, но не задирист и всяких потасовок избегал. На танцы ходил лишь наблюдать за танцующими, туманно поясняя, что делает это для постижения человеческой натуры, которая бесхитростно раскрывается в танце. За полгода до войны Барон вдруг стал готовиться к поступлению на юридический факультет и вскоре укатил в Ленинград. С тех пор я о нем ничего не слышал.

По старой памяти я представлял Милу с пышной прической, в нарядном платье, а сейчас она была коротко подстрижена, в военной

форме с погонами майора медслужбы. Когда Мила увидела меня,ее миндалевидные глаза широко раскрылись, а тонкие дуги бровей изумленно выгнулись.

— Гоша! Ты ли это? Глазам не верю! Вырос, возмужал...

Она рассказала, что была замужем и овдовела — муж погиб на фронте. Теперь служит в одном из эвакогоспиталей начальником стоматологического отделения. Мать ее недавно умерла. Она очень одинока и будет рада видеть меня в любой вечер.

— А как Димка? Где он, что с ним?

На ее лицо набежала тень, она потупилась и негромко сказал:

— Лучше не спрашивай. Не надо...

Я понял так, что Димки уже нет в живых, подавил тяжелый вздох и переменил тему разговора.

...Начальник горотдела, деловитый, немногословный подполковник милиции, наложил на мое направление резолюцию: «Начальнику угрозыска майору В. Безденежных. Направляется в Ваше распоряжение капитан Г. Гуляев».

Майор Безденежных — кряжистый, маленький, круглолицый — выглядел этаким благодушным колобком, но глаза смотрели зорко и остро. Прощупав меня очередью коротких вопросов, он сказал:

— Лады! Послужим вместе. Не скрою, службишка — не сахар. «Клиентура» — не барашки. Бывает, и постреливают. Зевать не приходится. Одним словом, ждут вас горячие пирожки с перчиком.

— Ясно, товарищ майор! Буду стараться не обжечься.

Он окинул меня цепким, оценивающим взглядом, улыбнулся и сказал:

— Было намерение попросить вас через недельку на службу. Да не хватило духу замахнуться на отпуск фронтовика. Он кровью заработан. Отдыхайте сколько положено.

Он что-то быстро написал на уголке направления и протянул мне.

— Идите в отдел кадров, оформляйтесь, и это пока все.

Он привстал, протягивая руку, но тут в глазах его что-то блеснуло, и он воскликнул:

— Послушайте! Вы же томич, бывший студент, да?

— Так точно.

— Наверное, увлекались всякими там вечеринками, танцами, гулянками?

— Был такой грех.

— Имели знакомых, друзей?

— Были да сплыли. Сегодня полгорода обошел, и хоть бы одного знакомого парня увидел.

— Ничего удивительного, время рабочее, а пойдете вечерком в горсад или в кино, глядишь, кого-нибудь и повстречаете. Я к чему завел разговор? Вчера ограбили сберкассу на улице Маркса. «Взял» кассу грабитель-одиночка, зарегистрированный у нас под условной кличкой Горилла.

— Оригинально! — не удержался я от реплики.— А почему именно Горилла?

— Видите ли, он орудует хитро, появляется каждый раз в новом обличье, поэтому и не удается создать его «словесный портрет». Но разок он все же малость «засветился». Однажды во время грабежа ему рубашку порвали и увидели на груди татуировку — синюю обезьяну. Кроме того, известны общие приметы. Ему за двадцать

лет, высокий, широкоплечий, сутуловатый, очень силен. Был такой случай. Одна женщина не растерялась и закрыла его в кладовой с зарешеченным окном. Двери на засов — и в милицию. Приехали наши, а птичка упорхнула. Решетку голыми руками выворотил. Силач, ничего не скажешь. Имя и фамилия пока не установлены, но сдается, он из местных, хотя появился сравнительно недавно. Не попадался вам такой субъект в студенческие времена?

— Что-то не припомню,— поразмыслив, ответил я.— Да и трудно вот так, с ходу...

— Конечно, но все же имейте в виду. Дома едва ли все время будете сидеть, дело молодое. И девушка, наверное, имеется. Вот вам небольшое заданьице. На танцах, в кино, в горсаде — везде присматривайтесь. Бывает, что на ловца и зверь бежит. Если приметите кого-нибудь схожего, задержать не пытайтесь. Ваше дело позвонить на́м, встретить и навести опергруппу. Горилла смекалист, вооружен и очень опасен...

Выполняя «заданьице», я смотрел в оба, но ничего похожего на Гориллу так и не заприметил.

Глава II. **Медведкино озеро**

Мы плыли на обласке вверх по Томи. Миновали Лагерный сад, и город скрылся за возвышенным правым берегом, чтобы вновь открыться за излучиной, но уже далеким, подернутым дымкой. К полудню в знойном мареве за кормой истаяли купола и шпили Томска, а впереди протянулась широкая водная лента, сверкающая под солнцем, как стекло. Правый берег сбегал к реке лесистыми холмами, падал обрывами, вставал крутыми откосами, чаруя взор суровой диковатой красотой, а отлогость левобережья манила зеленым луговым привольем, отороченным вдали темной каймой тайги. Пустынно и тихо было вокруг, лишь, попискивая, вились земляные стрижи над береговыми откосами да чайки плавно и беззвучно парили над отмелями, подстерегая мелкую рыбешку. Я засмотрелся на их вольный полет...

Толчок, шорох и хруст гальки под днищем обласка вернули меня к действительности. Мы сели на мель. Я упрекнул Веру, свою кормщицу, за невнимательность. Но, наверное, был неправ. Стояла засуха. Томь изрядно обмелела и местами отступила далеко от берега, обнажив целые поля гальки. И без того быстрые, воды Томи неслись здесь, по перекату, бешеным потоком цвета зеленого бутылочного стекла.

Я шагнул за борт, не без труда протащил обласок через перекат. Но и на глубине течение было стремительным. Как ни налегал я на весла, мы почти не продвигались вперед. Вскоре я выдохся и заявил:

— Баста! Передаю эстафету Джеку. Пойдем на бичеве.

В правую уключину вставили предусмотрительно захваченный нами метровый стальной штырь, к нему прикрепили длинную тонкую бичеву, другой конец которой привязали к ошейнику пса. Я взял кормовое весло, оттолкнулся от берега и крикнул:

— Джек, вперед!

И дело пошло. Сильный пес тащил обласок ровно, без рывков. Так мы и плыли весь день неспеша, с долгими остановками для купания и отдыха. Под вечер показался Басандайский остров,

напоминающий подводную лодку: бока его покато сбегали к воде, а горбатая середина щетинилась тальником, из гущи которого перископом торчал ствол засохшего дерева.

Палатку мы поставили с правой стороны острова, у протоки, за которой высился Синий утес, угрюмый и величавый в своей дикой красе на фоне крутого склона и лохматых вековых елей. Оттуда доносилось неумолчное журчание родников, струившихся по склону.

Синий утес был мне старым другом. Сколько раз взбирался я на его вершину в дни беззаботной юности.

— Гоша!—окликнула меня Вера.—Съездил бы по ключевую воду. Заодно и соснового лапника прихвати на дымокур, не то комары заедят, когда стемнеет.

Я не заставил себя упрашивать и столкнул обласок в воду. Да, ключевая вода не шла ни в какое сравнение с речной. Еле оторвался я от ледяной родниковой струи. Вырезав палку, взобрался наверх, в обход отвесного склона Синего утеса. Наверху пахло разогретой смолой и грибами, а верхушки елей темнели на ясном небе. Отсюда, с двадцатиметровой высоты, открывался вольный простор заречья. Меж лугов и колков поблескивали ленты проток, стариц и зеркала озер, а вдалеке смутно угадывался Томск.

Солнце садилось, и река стала казаться потоком расплавленного металла. Очень хотелось подняться на вершину Синего утеса, но, увы, нога не позволяла. Нарубив побольше лапника, чтобы хватило не только на костер-дымокур, но и постелить под бок, я поплыл к нашему стану.

Я проснулся незадолго до рассвета. В палатке царила полутьма. Вера спала. Приподнявшись, я посмотрел на нее: маленький, красиво очерченный нос, вьющиеся темно-русые волосы (сейчас они казались черными), тонкие брови, длинные ресницы, гладкая матовая кожа лица.

И я подумал, что эта ночь соединила нас отныне и до конца наших дней. До конца дней? Да, рано или поздно, он наступит. Таков неизбежный удел всего живого на земле.

Но тут что-то заставило меня насторожиться. Во мне пробудился разведчик, привыкший доверять своему собственному чутью. Тишину нарушало лишь мерное журчание родников, но вспомнилось предупреждение майора Безденежных, что на реке, случается, пошаливают беглые уголовники. Для них «надыбать и пришить охотничка» означало раздобыть оружие и боеприпасы, спички и соль, а с этим в летней тайге все дороги открыты. Уж не подкарауливает ли нас такая шайка, выжидая подходящий момент для нападения?

Но почему тогда помалкивает Джек? Да мало ли почему! Заснул, утомившись после тяжелой вчерашней работы, или утратил кое-какие сторожевые качества. Нет, надо выйти и оценить обстановку.

Первым делом обследовал ближний конец острова, куда можно было подплыть на лодке вниз по течению почти бесшумно. Ничего подозрительного не обнаружив, перенес внимание на протоку. Она лежала в тени Синего утеса и терялась во тьме уже в каких-нибудь тридцати шагах. У меня возникло интуитивное убеждение, что неведомая угроза затаилась именно там, за протокой. Сзади и слева нашу палатку окружало ровное и светлое галечное поле, по его

сыпучей и звонкой поверхности бесшумно не сумела бы подобраться и кошка.

Иное дело — тьма за протокой. Но что предпринять до наступления утра? Только бодрствовать и держаться настороже. Куда же все-таки запропастился Джек? Неужели сманили? После жиденькой похлебки из отрубей с картофельной шелухой мог и прельститься жирным куском. Я тихонько свистнул, но безрезультатно. Повторил с тем же успехом. Не удержавшись, вполголоса позвал:

— Джек, Джек, сюда!.. Джек, ко мне!

В ответ где-то за палаткой зашуршала галька и, виновато повиливая хвостом, появился Джек. Сладко потянулся и зевнул во всю пасть. Все ясно: беспробудно спал. Раньше с ним такого конфуза не случалось. Караулил добросовестно. Но что с него взять? За три года утерял навыки сторожа. Он прилег рядом, и я показал ему на протоку:

— Нюхай, нюхай! Слушай, слушай, липовый ты караульщик!

Пес как будто понял, что от него требуется, насторожил уши, всматриваясь во тьму. Но уже через минуту-другую утратил всякий интерес к этому занятию и принялся чесаться да щелкать зубами, ловя докучливых комаров.

Напряженность спала. Уж если Джек ничего не учуял, то, видимо, ничего там и нет. Так, попритчилось. Но какая-то подспудная настороженность не покидала, и я решил покараулить до утра.

...Заалел, разгораясь багрянцем, восток. Прошелестел в тальниках порыв утреннего ветерка. В вышине с криком пролетела стая чаек, и вдруг их крылья полыхнули красным. А через некоторое время зарделись и вершины елей за протокой, потом макушка Синего утеса; рассеялись тени у его подножия, и край солнечного диска поднялся над горизонтом, расцветив реку малиновыми бликами.

При свете солнца недавние тревоги рассеялись, как утренний туман. С легким сердцем пошел будить Веру, не подозревая, что роковое уже свершилось, и мое легкомыслие проторило ему путь...

Мы опять плыли вверх по Томи, как и вчера, придерживаясь левобережья. Когда Басандайский остров затерялся на фоне реки и берегов, справа открылось устье Желтой протоки. Километра два вверх по ней — и плавание завершилось. Дальше лежал путь по суше.

Сибирский обласок универсален. Поставленный на колесики, он превращается в подобие тележки, пригодной для перевозки центнера груза даже по бездорожью. Мы катили обласок лугами. Часто встречались колки, сибирские луговые джунгли, представляющие собой заросли ольхи, боярышника, черемухи, шиповника и еще каких-то цепких кустарников. С обласком на буксире через них не продерешься, поэтому приходилось лавировать меж ними. Запутаться, потерять ориентировку ничего не стоило, тем более что я не бывал здесь три года. Но мы не заплутались, Верина память не подвела.

Но нас ожидало разочарование. Там, где мы привыкли устраивать свой лагерь, уже стояли три большие палатки, а четвертая — маленькая — чуть поодаль. Возле палаток был сооружен стол со скамейками из отесанных жердей. В стороне, у вместительной телеги, паслась сивая лошадь, а невдалеке высились стога сена. Под

навесом у озера что-то варила на костре чернявая девушка. Завидя нас, она вытерла руки, подошла и певуче поздоровалась:

— Здра-асте! — и, сунув ладошку, представилась: — Дина! — при этом ее блестящие, как маслины, карие глаза так и обстреливали нас любопытными взорами.— Вы заводские, к нам?

— А вы разве заводская? — задал я встречный вопрос.

— Ага, мы сенокосная бригада от авторемонтного завода. А вы откуда будете?

— Ниоткуда, сами по себе. Я недавно из госпиталя, после ранения, а у моей спутницы небольшой отгул. Вот и прибыли сюда порыбачить да поохотиться.

— Очень даже приятно, будем соседями. И мне веселее станет, а то у нас народ подобрался су-урьезный, пожилой. Слова веселого не услышишь.

Мы обосновались шагах в пятистах от лагеря косарей, на тенистой полянке, прилегающей к Медведкину озеру. Формой оно слегка походило на медвежью шкуру, распростертую на земле мордой на восток, хвостом на запад. Отсюда, возможно, и название озера. Впрочем, я слышал и другую версию: в прежние времена по берегам озера росло множество малины, и ею лакомились медведи. Сейчас этих зверей здесь не встретишь, ушли подальше в тайгу.

Длина основного водоема — километра полтора, ширина колеблется от ста до двухсот метров. Берега заросли камышом, осокой, мелководье густо укрыто плавающими водорослями. Озерная вода чиста и прозрачна, но кажется почти черной из-за илистого дна. Глубины довольно велики, редко где длинный шест нащупает дно. Берега поросли ольхой, болотной березой, черемухой и смородиной, а с северной стороны еще и темными болотными елями, придающими озеру мрачноватый вид.

Медведкино — озеро коварное. Перевернешься здесь весной или осенью — можно погибнуть, зато оно щедро одаривает умелого и опытного рыбака. В двух- и трехперстные сети набивается рыбешка весом от ста до трехсот граммов. Компания пестрая: караси, лини, подъязки, сорога, щурята.

Четырехперстные сети многочисленным уловом не балуют, зато добыча куда весомее, вплоть до килограммовых налимов и двухфунтовых карасей. Крупные щуки и сеть порвать могут, оставив на память здоровенную дыру.

...Вечерело. В тишине все чаще и чаще раздавался посвист утиных крыльев, гоготанье и плеск птицы, садящейся на воду. На середине водоема появились россыпи утиных стаек, оттуда доносилось дразнящее покрякивание, но подобраться к ним на обласе не приходилось и думать. Было еще светло, птица не подпустит, снимется и улетит, только зря распугаешь. А стрелять с берега слишком далеко. Но нетерпение одолевало, и мы решили попытать счастья в отногах (как здесь называют озерные заливчики), затененных береговыми зарослями. Вера взяла кормовое весло, а я с ружьем устроился на носу. Давно не держал я своей старенькой, но испытанной «тулки», и как же было приятно снова ощутить в руках ее тяжесть!

Нам повезло. Не проплыли по ближайшей отноге и полсотни метров, как впереди, громко хлопая крыльями, сорвался здоровенный крякаш. Я ударил вдогон, взяв чуть выше птицы, с учетом ее

подъема в полете. Судя по тому, как посыпались перья и подбросило крякаша, в него попал самый центр дробового конуса. Выстрел получился метким и хлестким, но я предпочел бы менее кучное попадание: утка, нашпигованная дробью,— кушанье не из приятных.

— С почином, Гоша! — поздравила меня Вера.— Может, поменяемся местами?

Дочь заядлого охотника, она кажется, выучилась стрелять раньше, чем писать, и била влет почти без промаха.

Солнце зашло, на озеро пали густые тени. Теперь можно было подаваться и на основной водоем: мы поплыли на закат, так утка видна как на ладони, а она охотника не видит.

Впереди, на багряной глади озера, четко обозначились два утиных силуэта. Птицы беспечно плавали и плескались. Я греб осторожно, стараясь не задеть веслом о борт, ненароком не плеснуть, и мне удалось подплыть к уткам метров на пятьдесят. Для выстрела при таком слабом освещении было далековато, но Вера уже подняла к плечу отцовский «зауэр»*, изготовившись на всякий случай. Расстояние помаленьку сокращалось, и одна из птиц встревоженно закрутила головой. «Сейчас сорвется»,— с досадой подумал я. Но в следующий момент из дула Вериного ружья вырвался сноп огня, и утка осталась на воде. Вторая пошла было на взлет, но Вера повела стволами — выстрел, и утка распростерлась на воде.

— Прекрасно, моя Диана! — шутливо поздравил я Веру и уже серьезно добавил: — Второй выстрел был не из легких. Молодчина!

— Просто немного повезло,— скромно ответила она, но в голосе звенело горделивое торжество.— Пожалуй, хватит на сегодня?

— Да, вполне достаточно. Три утки, куда нам больше?

— Положим, две,— возразила она,— если считать чирят за уток. Давай оставим их себе, а крякаша преподнесем Дине, а?..

Поутру Дина получила упитанного крохаля** и десятка два карасей: садок был полон рыбы.

Девушка широко улыбнулась:

— Тут у нас один дядечка на баяне душевно играет. Соберемся вечерком, споем, спляшем. Приходите, а?

— Постараемся! — пообещал я.

Глава III. «**Апокалипсис**»

Высоко над озером потянулась в сторону Колтайского болота чета матерых журавлей. Провожая их глазами, я размышлял о том, что где-то там, средн зарослей и топей, у них, наверное, гнездовье, и, хотя журавлята давно уже на крыле и кормятся сами, родители все же держатся неподалеку, присматривая за молодыми, и этим огромные умные птицы чем-то сродни людям.

Из-за мыска показался обласок. Одинокий гребец сидел на корме, полускрытый зелеными ветками, наваленными на утлое суденышко. Когда оно поравнялось с палаткой, гребец окликнул:

* «Зауэр» — двустволка немецкой фирмы «Зауэр н сын», очень распространенная в довоенной Снбнри.

** Крохаль — порода уток, питающнхся рыбой.

— Эй, хозяин! Не найдется ли закурить?

Голос показался мне знакомым, но лицо прикрывали обвисшие поля старой шляпы.

— Найдется, причаливайте.

И вот он уже на берегу: маленький, сухонький, быстрый.

— Здоровы будем! Ну и жарища седни!..— сдернув шляпу, он принялся ею обмахиваться.

Теперь я его узнал. Это был охотник-промышленник Лакиндрей Гаврилович Безотечества, по прозвищу Лакиндрушка.

— Здорово, Лакиндрей! Откуда плавишься?

Он уставился на меня, побуравил острыми выцветшими глазками, хлопнул руками по бедрам и воскликнул:

— Никак Гошка Гуляев? Ах, язви тя! Точно — он самый. Вона каким гренадером вымахал. С фронта, поди? А чин, чин твой каков?.. Капитан... Глядико-ся, молодца! Пардончик-с, мамзель! Сразу вас и не приметил. Очень даже приятно увидать таку красу в лесу. Хи-хи! Одначе присяду. Притомился малость. Да и во рту еще седни крохи не держал...

Намек был прозрачным, и я сказал:

— Верушка, дай-ка закусить и чаю вскипяти. Да завари покрепче. Помнится, Лакиндрей такой уважал.

Он лукаво подмигнул:

— Это точно. Обожаю покрепше. Токмо не чай. Водочки ба?

Вера поморщилась, но налила полный стакан.

Лакиндрушка быстро охмелел и понес чепуху, уснащая свою речь исковерканными галлицизмами, понахватанными еще в те далекие годы, когда он в качестве коммивояжера разъезжал по городам и весям Российской империи. Он бахвалился, что настрелял кучу уток (это их и прикрывали от солнца зеленые ветки), а теперь везет в Томск на вечерний базар.

— ...Мешок уток привезу — полкуля денег унесу! — твердил он.— Ты знаешь, почем теперича утка? От сотняги и выше. Вальяжно, ась?

Мне надоела вся эта околесица, и я сухо заметил:

— Если на вечерний базар, то поспешайте. Уже за полдень перевалило.

Лакиндрушка всполошился.

— Ах, язви тя! И верно, надоть подаваться. Ну, бывай, Гоша! Спасибочко за угощеньице, мамзель...

Он угонисто погреб вверх по озеру. Потом обласок повернул к лагерю косарей, и я подумал, что едва ли Лакиндрушка сегодня попадет на вечерний базар.

В тот вечер сетей не ставили, садок был полнешенек. Мы уже собирались на вечернюю зорю, как вдруг с лаем подкатился Джек. Из зарослей появилась Дина, за ней, хромая, шел какой-то мужчина.

— Здра-асте! Знакомьтесь — Афанасий Палыч, наш бригадир.

Бригадир вскинул ладонь к потрепанной военной фуражке.

— Гвардии старшина Непомнящих! Бывший...— добавил он огорчительно.— Уволен по чистой. Просим к нашему шалашу, товарищ капитан. Отведать хлеба-соли, ну и по сто граммов. В общем... это самое... по фронтовому товариществу...— он смешался и умолк.

Мы невесело переглянулись с Верой. Не хотелось участвовать в бригадной пирушке, но и обижать фронтовика отказом не годилось.

— Спасибо за приглашение,— сказала Вера.— Но дайте хоть причесаться,— она юркнула в палатку.

— Прихвачу рыбы,— сказал я, беря корзину.— Пригодится.

Обнаружив Лакиндрушку за лагерным столом, я ничуть не удивился. Когда бригадир обратился ко мне со словами «товарищ капитан», я сразу заподозрил, что Лакиндрушка побывал в лагере и дал волю языку. Несравненно больше поразился я, узнав Димку в одном из загорелых косарей, и с радостным возгласом кинулся к нему. Но он сделал предостерегающий жест, повел рукой, и я остановился, недоумевая. По каким-то причинам он не хотел признавать наше давнее знакомство. В чем дело?..

Но я недолго терялся в догадках. Выразительно глянув на меня, Димка кивнул, указывая куда-то в сторону. Мы отошли.

— Здравствуй, Дима!— воскликнул я, протягивая обе руки.

Он молча и как-то неуверенно протянул руку. Но куда девалось его прежнее рукопожатие, энергичное и крепкое? Оно сменилось слабым, настороженным прикосновением, словно он боялся, что руку оттолкнут или захватят приемом самбо.

— Дима, в чем дело? Ты какой-то скованный, угрюмый. Будто и не рад встрече. Ну, чего молчишь?

— А чего я могу сказать?..— мрачно обронил он.— Все у меня, Гоша, поломалось. От хорошей жизни в косари не подаются такие, как я...

И все же он постепенно оттаял и поведал свою невеселую историю. Оказывается, пробиваясь из окружения поздней осенью сорок первого года, он жестоко простудился. Кончилось это хронической пневмонией, перешедшей в туберкулез. Сейчас он инвалид второй группы и живет случайными заработками. В Томск приехал сравнительно недавно, устроился было гребцом на перевозе через Томь, да не смог махать пудовым веслом с утра до вечера. Вот и нанялся в косари. А дальше видно будет...

Мы помолчали, мне вспомнилась Мила, и я удивился, почему она не помогает брату в беде.

— Послушай, Барон! Что у тебя вышло с Милой? Когда я спросил о тебе, она попросила оставить эту тему.

— Этого не касайся!— отрезал он жестко.— Дело сугубо семейное. По-своему она права, но получилось так, что сестры у меня как бы и нет. Вот и все. На этом точка.

— Извини, не знал. Вернемся за стол?

— Пошли. Только уговор: знакомство наше случайное, мимолетное. Скажем, по армии. Поэтому я не сразу узнал тебя.

— Будь по-твоему. Но к чему этот камуфляж?

Его лицо исказила гримаса:

— Думаешь, мне приятно будет, если узнают, что сын профессора Шихматова машет косой? Ради бога, уволь! И школьную кличку Барон позабудь. Кстати, я назвался тут не Шихматовым, а Бритиковым. Это тоже учти.

Мне эти доводы показались натянутыми, но, вспомнив Димкины чудачества, я подумал, что теперь с него — тяжелобольного человека — и вовсе спрос невелик. Надо принимать его таким, какой он есть.

...Застолье было в самом разгаре, загорелые лица косарей оживились, голоса звучали громко и весело, а Лакиндрушка заливал-

ся соловьем, перемежая быль с иебылицами. Но вот Диа подала две огромиые сковороды жареиой утятииы.

Начала сказываться обильиая еда и дневиая усталость, говорили уже леииво, иегромко, а кое-кто и поклевывал иосом; косари привыкли ложиться спать с заходом солнца.

— Да больше и делать-то иечего,— пожаловался юиый косарь, париишка лет семиадцати.— Все байки пересказаиы-переслушаиы. Андреича сыграть иа баяие ие допросишься, а читать иечего. Была книжка, так мужики иа самокрутки изорвали.

— Тебе, паря, книжки ие хватат, да?— вмешался Лакиндрушка, уже красиый, как помидор.— Так оиа имеется поблизости. Где? А иа Колтайском болоте. Ты ие смейся, ие шутю, сурьезио говорю. Вот послухай лучше, чем зубы скалить.

Еще при царе поселился там отшельиик, иа островке, что посередь озера. Хаживали к иему богомольиые охотиики с рыбаками и прииос делали. Тем и жил. Потом ермаиская войиа, революция, колчаковщииа, всяка така заваруха — стало ие до отшельиика. Говорили, кое-то время рыбкой кормился, кедровым орехом да грибом с ягодой, а там и иоги протяиул.

Годы прошли. Даже и ход позабыли иа то озеро. А Колтайское болото — ие шутка. Не зиая пути, ие суйся, загииешь бесследно. Оио и зимой местами ие замерзает. Но жил в деревие Колтай одии охотиичек, бобыль, стареиький уже, ио дошлый. Так он, баяли, ход на Отшельиичье озеро сыскал и иаваристо там промышлял.

Годов пять тому мы с иим спозиались. Ветхий ои уже был совсем и одии, как перст, иа свете. Беспризорио жил и плохо. Ну, думаю, гляди, Лакиндрей, вот оиа, твоя доля. Пожалел старика и стал иаведывать с прииосом: то пару утчеиок, то зайчатииы или гуся подкииу. Старик шибко благодариый был и перед тем, как преставиться, ход иа Отшельиичье озеро указал. Вот я сейчас оттелева и правлюсь.

Побывал я и иа острову и в отшельииково избеику заходил. Там и лежат его косточки в кедровой домовиие. А у изголовья киига, большая да толстая. Жуки ее поисточили, ио, видать, святая киига. Старинными буквами писаиа, а чего иаписаио — ие скажу, врать ие буду — той грамоты ие ведаю.

— Чем болтать, лучше показать!— прервал старика Димка.— Где она у вас, эта книга? Покажите.

— Сказаиул! Где лежала, там и лежит.

— Тогда хотя бы опишите толком. Какого цвета и толщииы бумага, из чего переплет, какой краской выделеиы заглавиые буквы, есть ли рисуики? Ну и так далее. По всему этому можио судить, что это за киига, когда, примерио, отпечатаиа. Поиимаете?

В голосе его прозвучали прежние иитоиации зиатока и любителя стариииой и редкой кииги, виука известного томского библиофила доктора Шихматова.

— Поиимаю, как ие поиимать...— поскреб подбородок Лакиидрушка.— Только во всякие разиости ие входил. Какой мие от иих прок?

— Лакиндрей!— вмешался я.— Созиайтесь, что все это придумали.

— Гошка, да ты што!?— взвился Лакиидрушка.— Ах, язви тя в бок! Како тако враиье, когда святая правда. Вот те крест! Да чтоб у

меня стволы разорвало, если вру! А ты давай, давай, сам удостоверься. Паняй, паняй, погляди…

— Легко сказать — «паняй, погляди», — усмехнулся я. — Надо же еще знать, как туда «панять».

Лакиндрушка пренебрежительно отмахнулся:

— За энтим остановки не будет! Все разобъясню и плантик накидаю, токмо знай паняй. И не дрейфь! Там чертей не водится и труд не шибко велик. Всего-то в одном месте обласок проволочить с полверсты, а дальше плыви вольно, греби шибче да не зевай — и обернешься в той же день. А уж как ту книгу своими глазами узришь, перед дядей Лакиндреем на сем месте, — он постучал костяшками пальцев по столу, — за обнос во вранье при народе повинись и бутылку поставь. Идет такой уговор?

Я медлил с ответом, прикидывая, что экспедиция заманчива, но не из тех, чтобы отправляться с Верой, а одному придется туговато.

— Гоша! — негромко окликнул меня Димка. — Возьми в компанию.

— Охотно. (Лучшего товарища было и не придумать.)

— Ну дак чё? — насмешливо осведомился Лакиндрушка.

— Принято!

— По рукам!

Ударили по рукам, и Лакиндрушка чудодейственно преобразился. Ни многословия, ни витиеватости. Все его указания были коротки, точны, деловиты. А маршрут он набросал не хуже иного топографа. Решили выехать завтра на рассвете.

Плывя на запад, мы быстро достигли устья таежной речушки, впадающей в Медведкино озеро. Узкая и глубокая, с илистым дном, она уползала под своды леса темной гигантской змеей. Проплыли по ней с километр и уткнулись в непреодолимые завалы топляка. Это не было неожиданностью. Лакиндрушка предупредил, что надо вернуться немного назад и поискать расколотую ветром ель, под ней начинается таска. И правда, за елью шла свежая колея от недавно протащенного обласка. Она привела к заросшему болотному озерку. Следуя указанному маршруту, взяли на юго-восток. У берега пришлось отталкиваться шестами в густейших зарослях вира и осоки. Потом открылась глубокая и чистая протока. Плыть по ней было бы одно удовольствие, если бы не назойливость гнуса.

Протока вливалась в болотное озеро, длинное, извилистое, поросшее кувшинками и подернутое ряской. Тут и там из воды торчали кочки, увенчанные камышевыми султанами. Из-под них срывались чирки, над озером, тоскливо попискивая, носились кулики, попадались и крупные — авдотки. Но я не стрелял, полагая, что успею поохотиться и на обратном пути.

Далее пошел лабиринт сильно заболоченных и заросших озер и озерушек, соединенных протоками. Здесь от компаса уже толку не было, ориентировались по затесам на деревьях и пометкам на «плантике». В болотном царстве с его топями, поросшими камышом и лабдой, с переплетением проток и отног какой-то зачарованный и затерянный мир, где в случае беды можно было полагаться только на собственные силы. А лишиться обласка означало погибнуть в безнадежных скитаниях по болотным урманам, зыбунам и трясинам. И мне вспомнилось нечто схожее, виденное за год до войны…

Тогда на летние каникулы я нанялся рабочим в изыскательскую

партию. Хотелось пожить без родительской опеки, подзаработать немного и на свет поглядеть. Мы обследовали Васюганье. Это огромный равнинно-таежный край, прорезанный множеством речушек и рек, таких, как Шегарка, Парабель, Большой Юган. С запада и юго-запада Васюганье прилегает к бассейну Иртыша, а на севере и северо-востоке соприкасается с великой Обью.

Примерно девять десятых Васюганья занимают болота, поросшие камышом, тростником, осокой, вахтой и прочими болотными растениями. Болота разделяются увалистыми гривами, покрытыми пихтово-еловой тайгой, по-местному урманами. Они отменно богаты ягодами, грибами и дичью. Там рай для охотника. Много белки, колонка, полно рябчиков, есть огромные матерые косачи, не редкость и медведь. И птицы и звери почти непуганые. Редкие деревни жмутся к берегам крупных таежных рек, притоков Иртыша и Оби. Мало кто из промысловиков рискует заходить далеко в Васюганье. Нет в этом особой надобности, рыбы и дичи хватает и поблизости от деревень.

Нашей задачей было уточнение карт приобского Васюганья. Но я помню, как старший топограф Митрич клялся и божился, что здесь должна залегать нефть.

— Во-во, глядите!—тыкал он коричневым от курева пальцем в радужные разводья на болотной воде.—Это она весть подает. Нефть! Она, матушка, рвется на простор...

— А может, того?.. Кучный рыбий замор или, скажем, интенсивное разложение торфа. А?—подначивал старика озорной геодезист.

— Поди ты знаешь куда!—ощетинивался Митрич.—Ты под столом пешком гулял, когда я нефти уже навидался и нанюхался вдосталь. Почитай, пол-Башкирии облазил и на болотные выходы нефти насмотрелся. Помяни мое слово, найдут нефть в Васюганье...

Солнце стояло в зените и жарило нещадно, и я разделся до трусов, благо гнус поотстал. Димка же не снял ни брюк, ни рубашки, хотя спина потемнела от пота. Я решил, что туберкулезному человеку не хочется подставлять свое тело под солнечные лучи.

Было уже за полдень, когда нам открылось зеркало Отшельничьего озера. Оно напоминало огромное, до краев налитое блюдце. Бугристый остров походил на дикого кабана, залегшего в луже. По гриве он ощетинился кедрачом, ниже белели березы, темнели ели, а над водой повисли ветви ольхи.

Избушка отшельника примостилась на высоком берегу небольшого залива и являла собой грустную картину запустения. Два крохотных оконца с грязными, истрескавшимися стеклами, камышовая крыша, просевшая и поросшая травой, бревенчатые стены, покрытые мхом, покосившиеся двери...

Внутри было сумрачно, пахло плесенью. С потолка свисала паутина. Грубый стол на козлах, лавка возле него. У стены широкий топчан, на нем домовина—гроб, выдолбленный из кедрового ствола. Димка заглянул в него, покачал головой и пробормотал:

— Все так. Старик не соврал... А книга где?

Мы огляделись. Книга лежала за домовиной, у изголовья. Димка взял ее бережно.

— Темновато здесь...—рассеянно обронил он и вышел, я—следом.

Димка углубился в осмотр книги, я не мешал ему, понимая, что

он весь поглощен находкой. Но вот он оторвался от книги, поднял голову, и меня поразил контраст просветленного лица с угрюмым блеском темных глаз.

— Это, Гоша, Апокалипсис...— начал он, нежно поглаживая темно-бурую кожу переплета.— Самая загадочная из книг Библии, насыщенная кошмарно-фантастическими описаниями грядущих катаклизмов, мрачными видениями и предсказаниями мировых и вселенских бедствий. Пишется здесь и о конце света.

— Это и все содержание Апокалипсиса?

— Ну что ты! Тут полно всякой разности...— он бережно полистал ветхие, источенные временем страницы и сказал:— Вот, например, довольно-таки яркое описание сражения дьявольской рати антихриста с ангельским воинством господним. Но стоит ли читать? Мы с тобой насмотрелись такого на фронте, что...

Конец фразы заглушил громовой раскат. Подняв голову, я увидел, что небо клубится зловещими иссиня-черными тучами. Стремительно надвигалась гроза. Опять тяжко грохнуло в вышине, налетел предгрозовой шквал. Димка, прикрывая книгу, кинулся в избушку, а я вытащил обласок повыше на берег, перевернул кверху днищем и тоже поспешил под крышу.

Это был не дождь, а форменный потоп. Лило как из ведра, а крыша избушки протекала. Относительно сухо было лишь у изголовья домовины, где пристроился Димка с Апокалипсисом, да в углу напротив, который занял я. Гром грохотал неумолчно, не давая вымолвить ни слова. Наконец небесная канонада приутихла, дождь заметно ослабел, мои часы — трофейный «Шаффаузен» — показывали третий час дня, пора было и в обратный путь.

— Дима, надо отчаливать!

Он равнодушно пожал плечами.

— Надо так надо. Я готов.

— Не боишься подмочить книгу?

— Она останется здесь.

— Да ты что? Такая редкостная книга. Ты сам говорил... Не понимаю.

Он задумчиво приподнял Апокалипсис, подержал и положил на место.

— Да, книга редкая. Отпечатана во Львове почти четыреста лет назад. Пострадала изрядно, но умелый реставратор мог бы привести ее в порядок.

— Так за чем же дело стало? Возьми.

Он отрицательно покачал головой.

— К чему она мне, бездомному варнаку? И потом, я не настолько низко пал, чтобы обирать покойника!..— последняя фраза прозвучала с вызовом.

Старинный Апокалипсис так и остался лежать у изголовья домовины.

Глава IV. **Тень Синего утеса**

На Медведкино озеро мы приплыли вечером. Было темно. Вдалеке тускло светилось какое-то пятно, и я подумал, что это Вера читает в палатке при свече.

Когда мы приблизились, я убедился, что палатка освещена изнутри.

— Эгей, встречай! Приехали!.. — крикнул я, причаливая к берегу..

Из палатки вышла женская фигура в светлом платье. Я узнал Дину. Нехорошее предчувствие сжало сердце.

— Вера очень больна,— встревоженно начала Дина.— С ней совсем плохо.

Не дослушав, я кинулся в палатку. Вера разметалась на сеннике. Она хрипло и тяжело дышала, щеки пылали, пульс лихорадочно частил.

— Вера, Вера! Что с тобой? Очнись! Открой глаза!..

Никакого ответа. Я понял, что она без сознания, и совсем растерялся. Потом вспомнил, что Димка докторский сын, а это уже кое-что.

Димка молча пощупал пульс и нахмурился.

— Температура под сорок, не меньше,— обронил он.— Возможно, отравилась рыбой. Уж очень все это внезапно. Эге! А это что такое?

У левой подмышки багровел небольшой шарик. Димка озабоченно покачал головой, потрогал шарик пальцем, резко выпрямился.

— Это насосавшийся древесный клещ. На что она жаловалась? — обратился он к Дине.

— На ужасную головную боль, тошноту. И еще, что шею сводит.

— Кажется, дрянь дело...— пробормотал Димка и спросил: — Гоша, где она могла подцепить клеща?

— Например, здесь. В любой день, когда рвала смородину в кустах.

— Здесь — исключается. На заливных лугах и в колках клещи не водятся. Клещ — житель тайги. В лес вы не ходили?

— Нет, хотя погоди...— у меня забрезжила догадка.— С неделю назад по дороге сюда мы ночевали на Басандайском острове, и я привез лапника с правого берега, из леса. Мы и сидели, и спали на нем. Наверное, тогда она и подцепила клеща. Но что тут опасного? Вытащим, продезинфицируем — и все.

Димка сочувственно посмотрел на меня.

— Это очень опасно. Таежный клещ — носитель энцефалита.

— Нечто вроде малярии?

— Гораздо хуже. Вирус энцефалита поражает головной мозг и центральную нервную систему. Последствия тяжелые. Помнишь, как у Борьки Гусева подергивалась рука и тик сводил лицо? Это после энцефалита. По словам отца, Борька еще легко отделался. Вовремя спохватились. У Веры характерные симптомы заболевания энцефалитом. Инкубационный период — от нескольких дней до двух недель. Нужна срочная медицинская помощь. Дина, беги к бригадиру и скажи, чтобы немедленно запрягал лошадь.

Дина горестно всплеснула руками.

— Афанасий Палыч после обеда уехал на ней в город.

...Далеко не все подробности той роковой ночи удержала память, все заслонила острая тревога за Веру. Мы решили доставить ее в город сами — иного выхода не было. В обласок настелили сена, уложили больную, прикрыли палаткой и отправились в трудную дорогу.

Вдоль берега озера шли уверенно. Но вот тропа запетляла между колками, где потерять ее во тьме было проще простого. Я пошел впереди, посвечивая электрическим фонариком, а Димка вез обласок за мной. Колесики вязли в земле, раскисшей от ливня. Я слышал тяжелое, учащенное дыхание Димки, но ничем не мог помочь: тропа требовала неотрывного внимания.

Мы вышли к Желтой протоке в двенадцатом часу ночи. Было свежо, ветрено, моросил дождь. Димка в спешке забыл плащ и теперь мерз. Я отдал ему свою плащ-палатку, зная, как опасна для него простуда, а сам накинул на плечи Верину куртку.

Веру уложили на носу, а все остальное пришлось размещать в кормовой части. Садок с рыбой, сети, одеяла и прочее были оставлены на попечение Дины. При нас было только немного еды да ружья с боеприпасами и топор, то есть самое необходимое. Перегруз создавали Димкины девяносто килограммов веса, но с этим ничего нельзя было поделать.

Я надеялся поспеть в Томск к рассвету, ведь теперь течение будет нам помогать. Но не учел ветра. Если на протоке нас прикрывал от него трехметровый береговой откос, то на речном просторе свирепый низовик ударил прямо в лоб. Под его яростным напором лодка замедлила движение.

...Штормило все сильнее. Крутые встречные волны хлестали под днище, подбрасывая обласок, как скорлупу, или разбивались о нос,

окатывая дождем брызг. Чтобы хоть как-то облегчить суденышко, я высадил Джека на берег, но и это мало помогло. Мы подвигались вперед черепашьим ходом. Вера лежала недвижимо и молча, лишь изредка издавала невнятный стон. Прислушиваясь, я мрачно думал, что на наше будущее пала зловещая тень Синего утеса, и проклинал свое легкомыслие. И почему я не доверился своей интуиции разведчика, которая предупреждала меня об опасности? Надо было внимательно осмотреть и отряхнуть лапник.

В отчаянной борьбе с ветром и волнами протекло часа три. Вера бредила, а мы, насколько я мог судить, не добрались еще и до Басандайского острова. Когда я сказал это Димке, он решительно заявил:

— Баста! Дальше так не пойдет. Вымотаемся зря, и все. Думай, ищи выход из положения.

Думать было нечего, я и так прекрасно знал, что предпринять, да не решался.

— Выход есть, и очень простой, но рискованный.

— А именно?

— На той стороне гораздо тише, прикрывает от ветра высокий берег, а течение сильнее...

— Стоп! Ясно,— прервал меня Димка.— За чем же остановка?

— Переправляться через Томь в шторм, да еще ночью и с больным человеком на борту... Представляешь, чем это может кончиться?

Посоветовавшись, мы решили дождаться рассвета. При свете дня риск будет меньше.

Сквозь низкие густые тучи медленно и нехотя пробился хмурый рассвет. Ветер не только не стих, а еще посвежел. Он гнал вверх по реке пелену тумана, которая сильно ограничивала видимость. К тому же пошел дождь, судя по всему, зарядивший надолго. Улучшения обстановки ждать не приходилось. Вера все бредила, не приходя в сознание. И я решился на переправу.

— Ну, двинем,— сказал я Димке.— Греби сильно, но ровно. Не рви. Что скажу, делай тотчас. Не рассуждая. Ясно?

Он молча кивнул. Уловив подходящий момент, я повернул обласок под острым углом навстречу течению. Теперь ветер дул наискось, в левый борт, и это должно было компенсировать снос, а волны били в корму, вдогон, и потому слабее. Главное было удержать курс и не терять хода.

— Джек, Джек! За мной!..

Пес пометался по берегу, поскулил и бросился в воду. За него я не волновался: уж если он полугодовалым щенком переплыл Томь в пору весеннего разлива, то сейчас и подавно справится. Но сносило его здорово, и вскоре голова собаки с торчащими ушами затерялась далеко за кормой.

Мощный порыв ветра на несколько секунд раздвинул завесу тумана, и справа проглянул нижний конец Басандайского острова. Я обмер. Худшего места для переправы невозможно было сыскать. Здесь река отличалась не только шириной, но еще и неспокойным характером. Тут смешивались воды протоки Синего утеса и основного русла. Здесь и в ясный тихий день ходила крупная зыбь, покручивали водовороты. Но о возвращении к левому берегу не приходилось и думать, он был уже далеко, да и подставлять борт

волнам и ветру при развороте было бы самоубийством.

Волны бесновались. Мы плыли между яростными белопенными гребнями, и любой из них мог захлестнуть нас. Но пока что везло. Мне уже казалось, что сквозь туман проглядывают кручи правобережья, когда налетел шквал и началась беспорядочная толчея. Теперь волны набрасывались на обласок со всех сторон, как волчья стая на затравленную лань, и я еле успевал увертываться от их наскоков. Но в обласе накапливалась вода, борта оседали все ниже. Вдруг Димка с исказившимся лицом бешено рванул весла. Краем глаза я успел заметить, что наискось по корме стремительно накатывается огромный вал. Отчаянным усилием я попытался отвернуть в сторону, но было уже поздно. В следующий миг на корму обрушилась водяная гора и смыла меня за борт. Я вынырнул и не увидел обласа. Я метался в водной стихии в отчаянной надежде спасти Веру, но вокруг сталкивались, крутились и плясали только белопенные волны. Выскакивая из воды, я звал Веру, кричал, срывая голос, как вдруг раненое бедро пронзило острой болью. Ногу свела судорога, и я погрузился в воду с головой. А когда вынырнул, понял, что плыть уже не в состоянии, скрюченная нога мешала, и я лишь беспомощно барахтался на месте. Наглотавшись воды, я еле держался на поверхности и быстро терял остатки сил. Когда перед глазами завертелись радужные круги, я в отчаянии закричал, призывая помощь, хотя ждать ее было неоткуда. Мой призыв захлестнуло волной. Вода хлынула в рот, я захлебнулся. При последних проблесках меркнущего сознания мне показалось, что кто-то схватил меня за ворот...

Открыв глаза, я увидел над собой косматую обезьянью грудь. Могучие обезьяньи лапы с силой мерно сдвигали и раздвигали мои руки. Это было так нелепо, что походило на бред. Но тут я невольно закашлялся, приподнял голову и увидел Димку. Лицо его выражало отчаяние и упрямство, он энергично делал мне искусственное дыхание, и, наверное, давно. По лбу его стекали капли пота. На нем была рваная майка, открывавшая грудь, густо поросшую темными волосами.

Димка всегда славился волосатым телом, но чтобы этак обрасти? Как из тумана вынырнуло воспоминание о грабителе по кличке Горилла, и я с трудом пробормотал:

— Ну и оброс... как горилла.

— Наконец-то! — обрадованно вскрикнул Димка. — Очнулся, заговорил. А то одни хрипы да кашель.

У меня не было сил ответить.

— Ты был такой холодный, закоченелый, — возбужденно частил Димка. Откачиваю, откачиваю, а толку чуть. Думал уж все, готов! Эге, да ты дрожишь. Сейчас обряжу тебя в свою рубашку. Мокра, а все лучше, чем ничего...

— Потом, после! — запротестовал я, вяло отталкивая его руки и мучительно пытаясь припомнить нечто очень важное, важнее всего на свете. Но это нечто расплывалось, ускользало.

Досадно махнув рукой, я попытался встать на ноги, но лишь бессильно ткнулся носом в мокрую траву, и меня начало рвать.

Изможденный рвотой, я повернулся на спину, немного отдышался и тут вдруг все вспомнил.

— Вера!! — отчаянно вскричал я, вскакивая.— Где Вера? Где она?..— неистово тряс я Димку.

Он молча и безнадежно развел руками. Я все понял, снопом повалился в траву. И горько зарыдал.

Потом я долго сидел недвижно и молча, тупо глядя на реку, чьи воды поглотили любимую. В голове не было мыслей, одна лишь безысходность и тоска. Все сделалось безразличным, ненужным, и я, наверное, просидел бы так до вечера, если бы не Димка.

— Гоша, давай отсюда выбираться. Здесь ты никого уже не дождешься. Всплыло только кормовое весло да ты...— он выдержал паузу и мягко сказал: — Наверное, она погибла, не приходя в сознание. Без страданий. Горько тебе! Очень горько, я понимаю. Но что случилось, то случилось. И ничего с этим не поделать.

Я промолчал, не хотелось говорить. Да и какое значение имели теперь слова, пусть самые мудрые и правильные? Они ничего не могли изменить.

— Гоша, пойдем, пойдем! — настаивал Димка.— Пошли, иначе простынем. И потом... Потом надо сообщить ее родителям. Уведомить обо всем милицию. Это твоя обязанность.

Я нехотя поднялся, но не сделал и трех шагов, как острая боль в бедре сковала ногу.

— Не могу идти. Раненая нога отказала. Палку бы.

Пока Димка вырезал палку, я старался ни о чем не думать. Так было легче.

— Держи! — Димка протянул крепкую длинную палку с рогулей на конце.— При необходимости заменит костыль.

Он взял меня за левый локоть, и мы тронулись в тяжкий и скорбный путь. Не буду описывать, каких трудов и мучений стоило мне взобраться на взгорье и как долго добирались мы до Басандайской дороги.

— Все!..— измученно выдохнул я, опускаясь на придорожную траву.— Дальше не ходок.

— Подождем попутную машину,— сказал Димка, присаживаясь рядом.

— Забирай свою рубашку, меня и без того в жар бросает.

Он повернулся, протягивая руку, и тут мне бросился в глаза его правый бок, весь испещренный сине-багровыми шрамами. Шрамов я всяких нагляделся за войну, но такие страшные видел впервые.

— Где это тебя?

— Известно где. На фронте.

— Чем?

— Огнеметом зацепило. С полгода назад.

— Представляю, каково тебе пришлось.

— Ничего ты не представляешь. Через этот кошмар надобно пройти, чтобы представлять! — с неожиданной запальчивостью возразил он и с горечью заключил: — Побывал бы иной форсун в моей шкуре, тогда бы и судил...

Это прозвучало как-то странно и напомнило разговор об «Апокалипсисе». И тогда и сейчас я, сам не желая, задел его какое-то больное место. Но в чем тут суть? Возможно, он видит в этих шрамах уродство, стесняется их, потому и на озере парился в рубашке? Не исключено. Но только ли это?..

Если Димка сказал правду, то для него война закончилась

поздней осенью сорок первого года, а тут «зацепило полгода назад». Путаница? Едва ли, в таком не путаются. Да и шрамы выглядят недавними, свежими. Что-то он «темнит»...

Я решил безотлагательно выяснить все, чтобы не лежала меж нами тень недоверия и подозрений, и заявил напрямик:

— Дима, а ведь у тебя концы с концами не сходятся.

Некоторое время он молча смотрел на меня, смущенно и нерешительно, потом криво улыбнулся, безнадежно махнул рукой и сказал:

— Чего уж тут! На Медведкином озере я тебе наврал. На самом деле все проще и гораздо хуже, как в дурном сне. Нет и не было у меня никакого туберкулеза. Из окружения вышел здоровым. И вообще мне везло. За два с половиной фронтовых года хоть бы царапина. Зато когда не повезло, то уж фатально.

Это было на Украине, под каким-то местечком. Не помню названия, но немцы там огрызались остервенело. С отчаяния пустили в ход огнемет. Меня задело краешком, но одежда вспыхнула. Гоша, ты представить не можешь, что такое заживо гореть! Это немыслимый кошмар. Человек теряет голову и бежит куда глаза глядят! Так было и со мной. Меня спасли. Четыре месяца провалялся в госпитале. Выходили, поставили на ноги и дали двухмесячный отпуск. Приехал домой, к Миле. Ходил на перевязки в госпиталь. Потом комиссия. Признали годным к строевой. Отпуск истекает, надо ехать, а я никак не могу себя заставить. Не могу — и точка! Вспомню, как горел заживо, как мучился, дрожу, как заяц.

В общем, пропустил все сроки явки. Что делать? Открылся сестре. Взмолился: помоги, выручи, ты военный врач, у тебя связи и знакомства!.. Куда там — ни в какую. Или отправляйся, или вон из дома! Ты мне тогда не брат... Вот так.

А дальше? Да вот то, что видишь. Не смог я себя переломить. От сестры ушел и уже больше месяца скитаюсь, пробавляюсь случайными заработками — лишь бы подальше от комендантских патрулей,— он горестно развел руками.— Это все. И весь я перед тобой во всей своей душевной наготе и низости.

Мне было плохо. Тяжело ныло распухшее бедро, сохло во рту и резало глаза. Собираясь с мыслями, я думал, что нет предела жестокости судьбы: отняла любимую и вот теряю друга.

— Дима, будем откровенны,— начал я,— это называется дезертирством.

— Знаю, знаю...—подавленно пробормотал он.— Но что делать, как быть?

— Явиться с повинной. Иного выхода нет. Рано или поздно тебя арестуют. Тебя, Шихматова! Дед с отцом от такого позора в гробу перевернутся. Об этом ты подумал? Димка, опомнись! Возьми себя в руки и явись добровольно. Кстати, это смягчит вину.

— Десять раз уже намеревался! — вздохнул он.— Но как подумаю, что посадят в тюрьму... Неволи не вынесу. Сойду с ума!

В этом был весь Димка: избалованный, болезненно своевольный и утративший чувство реальности.

— Какая еще тюрьма? — усмехнулся я.— Неделю или полторы отсидишь на гарнизонной губе, потом трибунал и на фронт. В штрафной батальон. А там проявил себя в бою или ранили, и перевод в обычную строевую часть. И воюй, как все.

— Это правда?

— Правда! Чистая правда. Мне ли не знать? Всякого насмотрелся. Вот, к примеру...

Но ничего не приходило в голову. Мысли путались, разбегались. Стало совсем скверно, и я не мог себя заставить вымолвить и слова, отяжелевший язык не ворочался во рту.

Вскоре нас подобрала попутная машина.

Домой я добрался почти без сознания. Вернее, не добрался, а был дотащен Димкой. Помню, как он укладывал меня на диван в пустой квартире — родители ушли на работу — и по телефону вызывал «скорую». А дальше — черный провал...

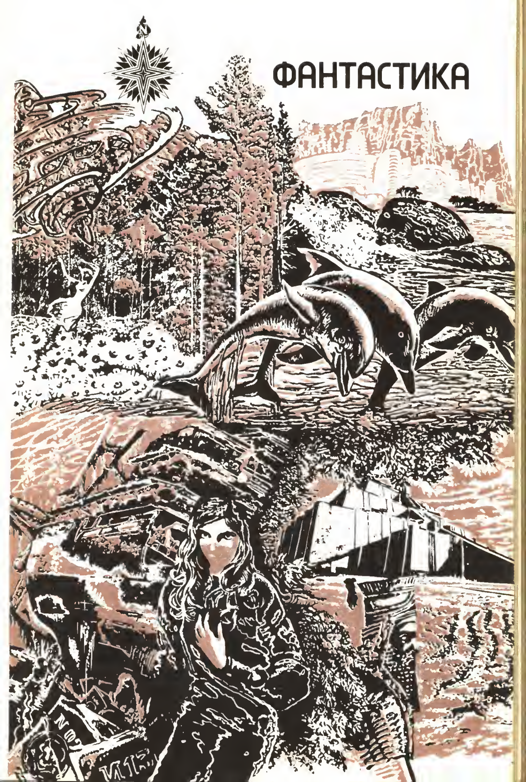
Я пролежал в больнице месяца два, вышел с палкой и не расстаюсь с ней по сей день. Охромел. Моя служба в уголовном розыске так и не состоялась. Грабителя Гориллу они задержали без моей помощи.

Долго и горько переживал я трагическую гибель Веры, но время — могучий исцелитель. Сначала изредка, потом все чаще стал я встречаться с Милой Шихматовой. Кончилось тем, что мы поженились.

Димка в штрафном батальоне воевал честно. Был награжден двумя медалями и орденом. Погиб на Одере. Он искупил свое малодушие кровью, отдал жизнь за Родину.

Моя голова давно уже поседела, но раз в году я отдаю дань юношеской романтике. В середине августа беру пса, сажусь в обласок и плыву на Басандайский остров. И там коротаю ночь под журчание родников, вспоминаю свою далекую юность и первую любовь.

ФАНТАСТИКА

ФАНТАСТИКА

Геннадий Тищенко	НАСЛЕДИЕ
Виктор Мамкин	СТРЕЛА АМУРА
Александр Колпаков	ЭТЕМЕНИГУРА
Любен Дилов	БЕСЕДА В ЛУННУЮ НОЧЬ
Эрманно Либенци	ТУРИСТЫ АСТРОКЛУБА

ГЕННАДИЙ ТИЩЕНКО

НАСЛЕДИЕ

Фантастический рассказ

Художник А. ПАВЛОВ

Летит над искрящейся в лучах солнца гладью океана скутер. Солоноватые брызги щекочут лицо. На душе легко и радостно. Предвкушение скорой встречи с Анной переполняет меня, я никак не могу надышаться вольным воздухом, и все происходившее со мной на дне кажется теперь кошмарным сном.

Что еще человеку надо для счастья? Я молод и здоров, у меня интересная работа, которую не променяю ни на какую другую... И у меня есть Анна.

Небольшая стая дельфинов догоняет скутер и мчится рядом. Некоторые из них порой приближаются совсем близко, рискуя попасть под струю водомета. На сердце вдруг становится тревожно. Мне начинает казаться, что дельфины хотят предупредить меня о какой-то опасности...

Набережная Розы Ветров непривычно пустынна. Аквамариновые волны лениво плещутся о полупрозрачные пластиковые плиты, покрытые кое-где ракушками и красноватыми водорослями. Обычно роботы каждую неделю чистят береговые плиты, и потому водоросли сразу бросаются в глаза.

Причальные гроты и шлюзы вроде бы не изменились за время моего двухнедельного отсутствия, но что-то в облике понтонного острова вселяет неясную тревогу...

Пришвартовавшись к центральному шлюзу, я убедился, что меня никто не встречает. Все автоматические трапы на причале почему-то подняты. На всякий случай вплотную подхожу к ближайшему автомату и останавливаюсь перед его фотоэлементами. Автомат некоторое время моргает огоньками. Значит, работает. Просто заблокирован...

Меня явно не желают пускать в родную обитель... Пнув с досады ни в чем не повинную машину, прикидываю высоту основного борта. Около трех метров. Разбежавшись, вскакиваю на панцирь кибера и, ухватившись за прутья, подтягиваюсь к верхней палубе. Через несколько секунд уже бегу по мокрому силиконовому покрытию понтонного острова к центральной диспетчерской.

— Остановитесь!!! — грохочет вдруг сверху хриплый мужской голос. — Не входите в помещение! Это приказ!

Поднимаю голову и вижу раструбы громкоговорителей, установленные вдоль набережной через каждые тридцать — сорок метров. Раньше их здесь не было.

— Возвращайтесь на материк! Не дотрагивайтесь ни до чего руками! Это опасно...

Голос умолкает, но еще некоторое время громкоговорители издают странные клокочущие звуки.

Возможно, в других обстоятельствах я послушался бы совета неведомого доброжелателя. Но не сейчас. Как я мог покинуть остров, не выяснив, что происходит здесь. Ведь на острове более двух тысяч человек, много женщин и детей. А сейчас не видно ни души.

Не слушая больше предупреждений, вбегаю в диспетчерскую. Коридор, освещенный тусклым светом аварийных ламп, пуст. Ближайшая дверь заперта изнутри. С минуту барабаню по ее толстой обшивке, но безуспешно. Мертвая тишина. Вторая дверь... Третья... Не помню, в какой по счету комнате в ответ на мой стук раздались звуки шагов. Кто-то медленно шел по пластиковому полу, тяжело ступая босыми ногами. Вдруг раздался хриплый женский голос:

— Это ты, Карл?

— Нет, я только что прибыл со станции ГТСЗ...

— Значит, вы не из биологического отряда? — в голосе женщины послышалось разочарование. Дыхание было тяжелое, с присвистом. Ей нелегко было говорить.

— Нет, я не из биологического отряда, но, может, вы мне объясните, что произошло?

— На вас нет гидрокостюма? — спросила женщина.

— Я достану, если надо...

— У нас все заражены, — раздался едва слышный шепот. — Ходить могу только я. Но и мне осталось недолго...

— Да что же здесь случилось?!

— Никто ничего толком не знает, но, кажется, мы все обречены... Зачем вы пришли сюда? Ведь Карл останавливал вас!..

Что же здесь творится? Люди погибают от неведомой болезни, но находят еще силы, чтобы предупреждать об опасности других.

— Чем я могу помочь вам?

— Уже поздно... Идите в радиорубку. Карл, наверное, там. Он даст вам гидрокостюм... — Некоторое время из-за двери раздавалось лишь тяжелое дыхание. — Обязательно найдите гидрокостюм... Он предохранит от заражения... Извините, я очень устала... — вновь послышалось шлепанье босых ног.

— К черту костюм! Что с Анной? Неужели она тоже больна?! Где она?..

...Радиорубка заперта, как и все остальные отсеки. Изо всех сил барабаню в дверь. Наконец раздался хриплый голос, тот самый, что предупреждал меня по радио об опасности. Неразборчивый хрип перешел вскоре в кашель.

— Почему вы не послушались меня? — спросил Карл, откашлявшись.

— Я не уеду, пока не узнаю, в чем дело...

— Вы все равно никому не сможете помочь. Биологи уже целую неделю не в состоянии ни до чего докопаться.

— Мне сказали, что вы можете дать мне гидрокостюм.

— Значит, Сима еще жива?

Я молчу, ошеломленно глядя на дверь.

— Ладно,— раздается из-за нее.— Это напрасная жертва, но я вижу: вас не переубедишь... Гидрокостюмы не гарантируют полной безопасности, но все-таки уменьшают вероятность заражения. Они в последнем отсеке... Прямо и налево...

Через несколько минут, бренча кислородными баллонами, я ввалился в радиорубку. Она оказалась пуста. Внимательно осматривая полутемное помещение, я обнаружил вдруг, что в кресле, повернутом спинкой к двери, кто-то сидит. Хотел подойти поближе, но справа на экране портативного компьютера вспыхнула надпись: «Не подходите ко мне: не хочу, чтобы вы видели мое лицо».

«Почему?» — хотел спросить я и тут только понял, что в своем гидрокостюме, лишенном акустических преобразователей, не смогу разговаривать с Карлом.

«Пишите вопросы»,— вспыхнула на экране новая надпись, и рука в белой синтериловой перчатке подвинула к краю стола пачку бумаги с лежащим сверху толстым карандашом.

«Когда это началось?» — написал я и вложил записку в вытянутую руку Карла. «Одиннадцать дней назад»,— вспыхнул на экране ответ.

«Много жертв?»

«Несколько сотен человек».

Сердце болезненно сжалось. Неужели среди них Анна?

«Почему вы на острове?» — вспыхнул на экране вопрос.

Я написал, что был на глубинной станции и что не было связи с сушей. Передавая записку, я слегка приблизился к креслу и заглянул в лицо Карла.

Лучше бы я не делал этого. Увидев его лицо, невольно отшатнулся, пытаясь подавить чувство ужаса и отвращения. Это была какая-то гноящаяся кровавая маска с выпученными, почти выкатывающимися из орбит глазами. Только тогда я по-настоящему осознал весь ужас происходящего. Опять пронзила мучительная мысль об Анне.

«Скоро приду»,— написал я и выскочил из рубки.

Скорее... Бегу мимо знакомых и таких пустынных сейчас скверов, бассейнов, спортплощадок. Вот наконец ее коттедж! Кто эти люди в гидрокостюмах? Впрочем, потом... Все потом... Сейчас главное — найти Анну. На ходу срываю с себя маску. Она должна видеть мое лицо, знать, что я рядом и готов спасти ее или разделить с ней ее участь...

— Что вы делаете?! — приглушенный женский голос заставляет меня обернуться.

У входа в спортзал вижу стройную высокую женщину в белом комбинезоне. Рядом двое мужчин. Один из них, полный и невысокий, тоже облачен в белоснежный комбинезон. Лицо его скрывает маска. Но вот второй. Это Джимми. Я узнал его сразу, несмотря на то что лицо его забинтовано и видна лишь узкая щель для глаз. Джимми я узнал бы среди тысячи по его долговязой сутулой фигуре и манере стоять, отставив левую ногу в сторону.

— Андрей!—Джимми тоже узнал меня.— Разве ты не на материке?

— Как видишь...— я заглядываю в глаза Джимми. Они красные, словно после многих бессонных ночей, и чем-то напоминают глаза Карла из радиорубки...

— Объясни мне, что здесь творится? Уже битый час я пытаюсь понять, что здесь произошло, но все безуспешно...

— Прежде всего наденьте маску,— тоном приказа говорит женщина.— По всей видимости, вы еще не заразились.

Голос раздается из акустического транслятора, прикрепленного на груди женщины, поэтому он и кажется таким глухим.

— Только два слова!— я умоляюще смотрю на женщину и вновь поворачиваюсь к Джимми.— Что с Анной? Она здорова?!

— Я видел ее два дня назад, тогда она была здорова, но...— Джимми не успевает закончить, как-то странно закашлявшись. Кашель становился все более хриплым, глубоким и сопровождался зловещим свистом.

— Сейчас же надевайте маску!— приказывает женщина.— Через несколько минут вы сможете поговорить в антисептической камере...

— Извините, но я не могу... Я должен найти одного человека... Девушку... Это рядом...

Я решительно поворачиваюсь, чтобы уйти.

— Андрей!—Это ее голос. Я не верю своим ушам. Растерянно оглядываюсь и вижу, как от группы людей в гидрокостюмах отделяется Анна.

— Андрей!—Она останавливается в нескольких шагах от меня и срывает маску. Золотистые волосы рассыпаются по плечам.— Зачем ты здесь?—шепчут ее губы, но я читаю в ее глазах радость и... надежду.

— Не подходи!—Анна пытается натянуть маску, но я ее опережаю. Она вырывается из моих объятий, закрывает лицо руками...

Потом я слышу тихий вздох облегчения и чувствую, как Анна крепко прижимается ко мне...

В комнате Анны ничего не изменилось. Словно не было этих кошмарных одиннадцати дней.

— Почему ты не выходил на связь?— Анна снимает гидрокостюм и собирается надеть свой зеленый халат.

— Взрывами сорвало буй с антенной.

— Выходит, ты мог вернуться и неделю назад?

— Сдвиг пластов привел к извержению газов. Никто еще не наблюдал этого. К тому же меня слегка завалило...

— Значит, это было извержение,— говорит Анна, думая о чем-то своем.— Понимаешь, Андрей...— Она как-то странно смотрит на меня.— Эпидемия началась через день после взрыва...

Я молча смотрю в ее глаза, и смысл сказанного постепенно доходит до меня.

— Первое время мы ничего особенного не замечали,— продолжает Анна.— Просто у некоторых появилось легкое недомогание. На третий день многие стали жаловаться на озноб и головные боли. Врачи объявили карантин, но было уже поздно: сейчас трудно

даже ориентировочно подсчитать число зараженных. Медики обнаружили вибрион-возбудитель лишь два дня назад... Анна встала и медленно подошла к иллюминатору.— На седьмой день тело покрывается язвами, появляются боли в горле, хрипота. На девятый день нарушается работа вестибулярного аппарата, становится трудно дышать, двигаться, а к вечеру...— Анна резко повернулась ко мне.— Андрей...— тихо сказала она,— у меня уже третий день...

Мы сидим вчетвером в антисептической камере и напряженно вглядываемся в экран стереовизора. На Анну мне даже страшно взглянуть. Но я стараюсь держаться бодро. Слева от меня Эва и Джимми. Эва — та самая женщина, что пыталась заставить меня надеть маску. Она руководит одним из биоотрядов, прибывших с материка.

... Диктор даже не пытается скрыть тревоги, ибо все уже давно поняли крайнюю серьезность положения. Речь идет далеко не о простой эпидемии, одной из тех, что уносили миллионы человеческих жизней в прошлые века. Возбудители дизентерии, тифа, холеры и подобных заболеваний не были созданы специально для уничтожения людей. Поэтому прошлые эпидемии выглядят безобидно рядом с этой, вызванной вирусом явно искусственного происхождения. Сейчас до минимума сведены личные контакты людей, ибо речь может идти о судьбе всего человечества.

— Надо уметь прямо смотреть в глаза опасности и трезво оценивать обстановку,— говорит Эва.— Положение действительно критическое, но о гибели человечества не может быть и речи. Биоотряды ведут напряженную борьбу за жизнь каждого человека...

— Прекрати, Эва,— Джимми говорит, не отнимая руки от глаз.— Мы же не дети... Пусть лучше Андрей расскажет об извержении... Мне кажется, что между ним и эпидемией есть прямая связь...

— Неужели вы думаете, что эти вирусы извержены из земных недр? — спрашивает Эва.

Я смотрю на нее и вдруг ловлю себя на мысли, что она без маски. Словно Джимми, Анна и я не больны вовсе... Неужели она тоже?

— Знаешь что,— Джимми, не отрывая руки от глаз, поворачивает голову ко мне. Я отчетливо вижу, что он внимательно смотрит на меня в щель между пальцами.— По-моему, это бактериологическое оружие... Здесь неподалеку целое кладбище затонувших кораблей. Среди них есть и из двадцатого века... Сдвиг пластов во время извержения мог окончательно разрушить какую-нибудь посудину... Короче, я собираюсь проверить эту идею. Оставшегося в моем распоряжении времени для этого хватит.

Джимми уже более десяти лет занимается подводной археологией. Он интересуется в основном античными кораблями, но во время своих подводных странствий наносит на карту все когда-либо затонувшие суда. Так что ему виднее...

— Не будем откладывать эту экскурсию,— говорит Джимми.— Завтра у меня предпоследний день...

...«Скат» медленно проплывает над небольшим судном, покоящимся на дне подводной расщелины.

— Если и в этот раз не найдем, вернемся,— в который раз уже уверяет меня Джимми.

Я киваю и направляю аппарат в глубину...

Ослепленные светом прожекторов, полупрозрачные глубоководные рыбы то застывают на месте, то гибкими молниями устремляются прочь.

— Не смотри в мою сторону,— просит Джимми.— Чтобы надеть маску, придется разбинтовать лицо...

— Собираешься выйти?

— Да... По-моему, это здесь...

— Но чем эта скорлупа отличается от остальных?

— Сам не знаю... Интуиция...

Я молча пожимаю плечами и, повиснув над расщелиной, включаю донное освещение.

— Транслируй на всякий случай на сушу,— говорит на прощание Джимми.— Мало ли что может случиться... Эва уверена, что если на корабле есть яд, то рядом должно быть и противоядие...

Я молча включаю ретранслятор и обнимаю Джимми, стараясь не смотреть на его обезображенное лицо...

На крохотном экране ретранслятора я вижу пока то же, что и за прозрачной полусферой «ската».

Вскоре Джимми включает свой фонарь. Ошалевшие от света рыбы то и дело закрывают поле зрения перед объективом передатчика, укрепленного над маской Джимми.

Наконец луч фонаря выхватывает из полумрака покрытый толстым слоем ила борт корабля. Судя по всему, судно затонуло не менее сотни лет назад, еще в конце двадцатого века.

— Эта посудина явно из прошлого тысячелетия,— подтверждает мою догадку голос Джимми.— Во всяком случае, это не атомоход; ядерные реакторы тогда ставили только на ледоколах и подводных лодках...

Джимми уже плывет над палубой, заглядывая изредка в иллюминаторы. Палуба занесена илом, и пытаться сейчас найти вход в трюм бессмысленно.

— Все равно я плохо разбираюсь в системах судовых двигателей того времени,— говорит Джимми.— Попытаюсь проникнуть в грузовой отсек... Похоже, что судно пострадало от взрыва...

На экране появляется огромная пробоина, еще не успевшая затянуться донными наносами.

— Видишь?— спрашивает Джимми.— Это ведь результат извержения?

— Да...— тихо говорю я.— Этот разрыв образовался не более двух недель назад... Сдвиг пластов мог привести и к вертикальной деформации корабля...

Зияющее отверстие стремительно приближается, и вот уже луч фонаря освещает десятки контейнеров, заполняющих трюм...

— Это они...— хриплый голос Джимми едва слышен.

— Но они целы!— я почему-то перехожу на шепот.

Джимми ничего не отвечает, но я вижу, как луч фонаря судорожно мечется по стенам грузового отсека. Внезапно он замирает, и я понимаю, что вижу куски металла. Видимо, обломок скального основания во время извержения проврал металлические ребра проржавевшего судна и раздавил часть контейнеров...

Луч фонаря освещает осколки стекла, затем рука Джимми в синтериловой перчатке поднимает одну из лопнувших ампул и подносит ее совсем близко к объективу передатчика, чтобы мы все могли ее получше рассмотреть.

Дно ампулы покрыто темным маслянистым налетом...

— Они все полопались,— говорит Джимми.— От давления. Контейнеры были крепки и герметичны, а вот ампулы... Если бы не извержение, эти ампулы могли бы пролежать невредимыми еще сотни лет... И тогда не мы, а может, наши правнуки...

— Ладно, Джимми,— говорю я.— По-моему, этого достаточно для анализа. Ты свое дело сделал...

Джимми умер на следующий день в полдень.

До самой последней минуты он надеялся, что спасительная сыворотка будет найдена, но...

...Стоял прекрасный летний день. Пушистые кучевые облака плыли по лазурному небосводу, а на моих руках умирал в муках мой лучший друг.

Кто ответит за его гибель?! Кости создателей этого страшного оружия давно уже истлели в забытых всеми могилах, а вырвавшийся

на свободу призрак прошлого уносит жизни людей, уже забывших страшное слово — «война»...

Над телом Джимми мы не произносили речей и не проливали слез. Мы сжимали кулаки, полные ожесточенной решимости биться до конца. На дне, в трюме судна, которое он обнаружил, уже работали десятки людей, поднимая на поверхность контейнеры со смертоносными ампулами.

После прощания с Джимми я тоже присоединился к исследователям страшного груза. Мы работали почти до утра, пока не убедились, что все контейнеры и ампулы, и даже осколки ампул, подняты на поверхность. Но «противоядия» не было...

Вечером к нам пришла Эва. От ее уверенности не осталось и следа. Она говорила о чем-то с Анной, но я вышел в соседнюю комнату и включил стереовизор... Смотрел на экран и думал.

Шел третий день, как я вернулся на остров. Третий день, как я заразился этой страшной болезнью. А у Анны — шестой... Значит, завтра у нее появятся язвы, а еще через два дня... Нет, об этом нельзя думать! Неужели современная наука не может победить вирус, созданный более чем сотню лет назад?! Но весь этот кошмар, возражал я себе, длится всего неделю! До этого никто не подозревал о том, что смертоносный вирус притаился в трюме затонувшего много лет назад корабля. Всего лишь пять дней прошло, как биологи поняли, с чем имеют дело... Это, конечно же, слишком малый срок...

Внезапно я почувствовал, что мне холодно. Раньше, занятый важным делом, я не чувствовал ни головной боли, ни озноба... Но время-то шло...

— Эва принесла хорошую весть, — сказала Анна, подойдя ко мне. — Биологи нащупали верный подход... Во всяком случае, они уже сейчас могут настолько повысить сопротивляемость организма, что новых жертв больше не будет. Эпидемия остановлена. Эва на себе испытала сыворотку. Теперь вирус ей не страшен... Правда тому, кто уже заболел, сыворотка не помогает... Эва уверяет, что через день-другой будет синтезирована новая сыворотка, — Анна с надеждой заглянула мне в глаза.

— Неужели ты сомневалась в этом?! — я постарался бодро улыбнуться...

Я не спал всю ночь, хотя предыдущие сутки провел на дне океана — помогал поднимать зловещие контейнеры. Вспомнились прожитые годы, и мне стало больно и досадно, что я не успел сделать многого. Если бы я знал, что мне отведен такой короткий срок!.. Что я могу сделать за оставшиеся шесть дней? К чему мучиться?

Алая полоска рассвета зажгла створки иллюминатора и осветила лицо Анны. Я вглядывался в родные черты, пока не увидел на левой щеке, ближе к уху, небольшое темное пятнышко. Приглядевшись, я вдруг понял, что это такое... Потом я разглядел еще одно пятнышко на шее. Оно уже гноилось и кровоточило...

...Проснулся я от шума дождя. Некоторое время бездумно

смотрел в потолок, потом вдруг вспомнил все и вскочил с постели.

Меня слегка знобило, но я старался не обращать на это внимания. Анна сидела в соседней комнате перед иллюминатором и задумчиво смотрела на косые струи дождя. Заслышав звук моих шагов, она поспешно поправила не знакомую мне прическу. Обычно в домашней обстановке Анна затягивала свои роскошные густые волосы тугим узлом на затылке. Теперь же волосы были распущены вдоль плеч и прикрывали шею... К тому же подбородок закрывал высокий воротник свитера. Когда я вернулся с дежурства в биоотряде, нижнюю часть ее лица прикрывала марлевая повязка.

— Если так дальше пойдет, то завтра карантин снимут,— сообщил я, словно Анна, весь день проведшая у экрана информатора, могла не знать об этом.— Почти всем здоровым ввели сыворотку, и теперь эпидемия им не страшна...

Анна печально улыбнулась. «Я знаю, что ты еще хочешь сказать,— говорили ее глаза,— но лучше не надо».

И все-таки я продолжал сообщать ей новости оживленно и громко, словно не видел эту улыбку и эти глаза.

В конце концов Анна печально вздохнула и все с той же грустной улыбкой предложила ложиться спать...

...Всю эту кошмарную ночь мне снились изуродованные взрывами остовы жилых домов и окровавленные тела. Меня оглушали завывания сирен и разрывы бомб. Жертвы концлагерей и мутанты Хиросимы проходили передо мной, словно запечатленные в кадрах музейной кинохроники...

В горле пересохло, словно я два дня пробыл в пустыне без капли воды. Дышать было неимоверно трудно, я с трудом сдерживал кашель. На губах — соленый привкус крови. Лоб покрылся испариной. Несмотря на сильный жар, меня знобило. Я чувствовал бешеное пульсирование крови в висках. Каждый удар сердца сопровождался острой болью в затылке.

Сдавив дрожащими руками виски, превозмогая адскую боль, я открыл глаза. Анны не было. Встал с постели и с трудом включил свет. В глазах стоял красный туман. Голова кружилась, но боль в висках немного стихла, кровь отлила от воспаленного мозга...

На зеленом пластике стола четко выделялось белое пятно записки. Буквы прыгали перед глазами, но я заставил себя прочитать все до конца.

«Андрей, любимый. Прости меня. Я не могу больше. Я не хочу, чтобы ты видел меня такой. Я не могу больше терпеть все эти муки, когда конец предрешен. Прости меня, любимый! И не ищи... Ты все равно уже не успеешь помешать мне. Прощай! Крепко целую. Твоя Анна!»

Некоторое время я тупо смотрел в черный провал иллюминатора. Потом перечитал записку... Потом еще раз... И еще...

Я не мог, не хотел верить этому. Не знаю, откуда во мне вдруг появились силы. Расшвыривая стулья, натыкаясь на что-то, я помчался к причалу...

— Нет!— кричал я неведомо кому.— Этого не может быть! Ведь есть еще время!.. Может быть, еще успеем!.. Где скутер? Я должен найти ее. Ведь еще не поздно! Не поздно!

Во мгле одиноко мелькали маяки периферийных понтонов. Огромная багряная луна висела над самыми волнами, и от ее зловещего света океан казался кровавым.

Только теперь я понял всю тщетность своих поисков.

Куда плыть?! Где искать?!

...Вновь и вновь я огибал остров, выкрикивая родное имя... Но зов мой безответно тонул во мгле...

Прошло много лет, но воспоминания о тех страшных днях до сих пор мучают меня. Лишь через два дня после исчезновения Анны меня нашли на Большом причале дежурные из биоотряда. В бессознательном состоянии я был доставлен в биоцентр, где мне одному из первых ввели новую, только что синтезированную вакцину. Человечество было спасено... Но какой ценой! За две недели смертоносный вирус поразил несколько тысяч людей. Многие медики и биологи погибли в поисках спасительной сыворотки. ...Часто я вспоминаю слова Джимми о том, что если бы не извержение, то не мы, а наши отдаленные потомки столкнулись бы с этим страшным наследием прошлого.

Кто может гарантировать, что в будущем жертв было бы меньше? Скорее наоборот: очаг эпидемии возник на плавбазе, и потому его смогли относительно быстро ликвидировать. Но в последнее время меня постоянно мучает мысль о том, что возможно и сегодня где-то в недрах земли или в глубинах океана покоится до поры до времени подобное смертоносное наследие...

Кто будет виноват, если случится непоправимое?!

ВИКТОР МАМКИН

СТРЕЛА АМУРА

Фантастический рассказ

Художник А. ГРАШИН

— Вы меня вызывали, капитан?

— Да, Олд Дор, садитесь. Не догадываетесь, зачем я вас вызвал?

— Ну, об этом, положим, догадаться нетрудно...— Олд Дор чуть заметно улыбнулся.— Судя по тому, что торможение закончено, мы выходим на орбиту спутника Голубой планеты. И вы, Имюр Тэс, как капитан корабля и глава экспедиции обязаны побеседовать с каждым ее членом. Последние, так сказать, наставления...

— Все правильно, Олд Дор, так оно и есть,— капитан тоже улыбнулся,— но дело не столько в наставлениях, сколько в вас самих, в вашем чувстве ответственности и долга перед историей и родной планетой.— Имюр Тэс говорил уже без улыбки, лицо его было задумчивым и серьезным.— Я ценю ваш талант писателя, и все же я обязан вам сказать: да, мы уже у цели, мы вышли на круговую орбиту спутника Голубой планеты, Земли шести континентов, как называют ее теперь у нас благодаря вашим нашумевшим романам. Поэтому прошу вас — будьте благоразумны.

— Что вы имеете в виду, капитан?

— Да в первую очередь то, что вы должны сейчас вести себя не так, как в прошлый раз. Пожалуйста, наблюдайте, изучайте, снимайте на кинопленку и записывайте что хотите, но не вмешивайтесь в жизнь аборигенов. И уж, конечно, ни в коем случае не ведите себя так, как тогда, по-мальчишески глупо. Простите меня за это слово, но ведь иначе не назовешь эту вашу тренировку в стрельбе по трупу выброшенного рекой на берег аборигена с последующей сценой его захоронения. Не понимаю, зачем вам это потребовалось?

— Тут нечему удивляться, ведь я был тогда так молод... Удивления достойно другое: откуда вам все это известно? Ведь вы тогда были совсем в другой части Галактики.

— Да уж известно, поверьте, во всех деталях, как и ваше появление перед жителями планеты в образе сошедшего с небес божества. Разве это не так, Олд Дор?

— Так, Имюр Тэс, так. Досье на меня, с которым вас ознакоми-

ли, безупречно... Но только я вовсе и не думал вступать в контакт с жителями, я изучал их, и вам, надеюсь, понятно, для чего. Что же касается обожествления ими моей персоны, то это скорее следствие их уровня умственного развития. Ах, да,— Олд Дор усмехнулся,— вас, как и многих других, смущает, по-видимому, мой роман «Кецалькоатль». Да, там мой литературный герой действительно хочет выглядеть богом, ведь он влюблен в аборигенку Тиутаку. Но это беллетристика, литературное произведение, в котором я как писатель вовсе не обязан строго придерживаться одних лишь фактов. Скажите, чем вам не нравится эта красивая сказка о боге, явившемся с неба?

— Я не сказал, что она мне не нравится,— ответил капитан,— наоборот, я считаю, что она очень поэтична, но только для нас, жителей планеты Тау, а не для здешних аборигенов. Для них она просто вредна, как всякая ложь. Представьте себе, что эта сказка о сошествии с небес бога пустила корни на этой планете,— капитан указал на иллюминатор, половину которого закрывал огромный бело-голубой диск.— Что тогда может произойти, уважаемый романист?

— Я буду только рад этому,— воскликнул Олд Дор.— Во всяком случае как писатель. Вернувшись домой, я напишу продолжение «Кецалькоатля». Что же касается вреда для здешних жителей, то я его не вижу. Обитатели Земли шести континентов, как, впрочем, и наши далекие предки, на такой стадии развития, когда для объяснения непонятных явлений природы нужно ссылаться на бога. А что это будет за объект: пришелец ли из других звездных миров, окрещенный здесь Кецалькоатлем, или метеорит, упавший с неба, или еще что-то — безразлично. Конечно, строго говоря, они обошлись бы и без моего Кецалькоатля, выдумав своего бога, но он нужен был и нам, жителям Тау...

— Я не понимаю вас.

— Сейчас поймете. Помните свое возвращение домой, капитан? Вы, кажется, вернулись всего двумя годами позже меня, прилетевшего с этой планеты? Что мы нашли с вами на родной Тау? Всеобщее увлечение радостями жизни, желание забыть обо всем, кроме своего мизерного существования, и полное отсутствие интереса не только к нам, побывавшим у далеких звезд, но и вообще к науке, знаниям, прогрессу.

— Да, так было, Олд Дор,— капитан вздохнул.

— Ну так вот, роман «Кецалькоатль» помог освободить таутян от депрессии, заставить их вновь заняться общественными делами, наукой. И это говорю не только я, его автор, таково мнение официальной критики Тау. Впрочем, что критика: вспомните лучше, как нас провожали в этот полет. Какой всеобщий подъем патриотизма и гордости за наши дела, дела таутян! Будто и не было периода упадка!

— Да, Олд, помню, очень хорошо помню... Наверное, вы все-таки правы, и роман ваш действительно эпохальное произведение. Но только еще раз напоминаю вам об осторожности и благоразумии.

— Ну что вы, капитан, я давно уже не тот юнец, каким был когда-то. Ведь прошло как-никак более двадцати лет по биологическому счету, а это срок немалый.

— Тогда давайте кое-что уточним,— капитан встал с кресла и, привычно придерживаясь за стены, прошел вдоль каюты, открыл металлический сейф, достал пластиковый атлас и раскрыл его.

— Вы, кажется, прошлый раз были здесь?— капитан провел пальцем по самому большому выступу узкого и длинного перешейка, соединяющего два материка планеты.

— Да, и там и вот здесь, где огромный северный континент переходит в южный. Впечатления об этом изложены в романе «Цунами». Как теперь меня встретят на этой планете?

— Как встретят?— капитан усмехнулся.— Во всяком случае, не так, как в первый раз, я в этом уверен.

— Почему же?

— Да потому, что для жителей Голубой планеты прошло уже более пяти тысяч лет, не забывайте.

— Ну такой срок для архаичной цивилизации не столь уж и велик. Не-ет, мои милые доверчивые аборигены так и остались пока детьми природы.

— Я бы не спешил с выводами, Олд.

— Может, вы, капитан, располагаете какими-нибудь данными? Тогда выкладывайте их...

— Да, кое-что есть,— Имюр Тэс пристально посмотрел на писателя, и усмешка снова чуть тронула его губы.— Во-первых, огромное по мощности радиоизлучение на метровых волнах с пяти континентов планеты. Во-вторых, радиолокационная аппаратура корабля засекла некие тела, правда очень маленькие, вращающиеся вокруг Земли шести континентов с периодом от полутора до двух часов.

Олд Дор пожал плечами:

— Это еще ни о чем не говорит: радиоизлучение на метровых волнах может быть следствием естественных сил природы, а спутники, если их так можно назвать, скорее всего просто каменные глыбы, захваченные силовым полем планеты.

— Возможно, возможно, но ведь резонно предположить и другое. Например, то, что все это — результат технической деятельности ваших милых наивных аборигенов, точнее, начало эры электричества на Голубой планете.

— Тогда дела мои плохи, капитан,— Тау останется без продолжения моих романов,— подхватил писатель с шутовским выражением лица.

Имюр Тэс не принял игры.

— Ничего, Олд Дор,— сказал он серьезно,— вы напишите еще более сильный роман о преобразовании аборигенами своей планеты. Ведь вы видели, какими были они раньше, теперь увидите нечто новое.

— Нет, Имюр Тэс, это уже не та тема. Нашим соотечественникам, я говорю, конечно, не о нас с вами, а о среднем жителе Тау, давно уже приелось все, что касается технических достижений. Их может тронуть и захватить что-то необычное, но понятное и простое, например экзотическая любовь. Я и построил свои произведения именно в таком духе и не ошибся. Но вот о чем, если вы окажетесь правы, я буду писать теперь?.. Впрочем, дело не только в этом. Если на Голубой планете действительно началась эра электричества, то по инструкции мы не имеем права вступать в контакт с

жителями планеты, а должны лишь наблюдать и собирать материалы, не обнаруживая себя. Верно?

— Да, Олд. Об этом я и хотел с вами поговорить.

— Но тогда дело обстоит совсем скверно. Кроме самих сюжетов я должен добыть и весь необходимый антураж. Вы что думаете, успех моих романов объяснялся только их художественными достоинствами? Нет, дорогой Имюр, талантливых, обладающих недюжинной силой воображения писателей на нашей Тау много. И любой из них может сочинить нечто подобное «Кецалькоатлю». Но они не располагали тем, чем я: фактами, экзотическими подробностями в виде гирлянд невиданных цветов и венков, которыми меня увенчали, как бога, ожерелий из необычных раковин, золотых статуэток и всего прочего. И все это запечатлено на моей кинопленке. Кстати,— Олд Дор усмехнулся,— она-то и дала материал для известного вам досье... Вот отсюда и идет интерес к космическим исследованиям. Экзотика, ударив по чувствам, заставила заняться серьезными исследованиями. Как хотите, а я должен иметь контакт с жителями Земли шести континентов. Иначе мое пребывание будет здесь бесполезным.

Капитан покачал головой:

— Увы, дорогой Олд, это невозможно, и вы это знаете не хуже меня. Впрочем, когда нам станет ясно, чем живет эта планета, какой у них уровень развития, возможно, я что-нибудь и придумаю. А пока наберитесь терпения, наблюдайте, исследуйте, познавайте, для этого у нас есть отличные летающие лаборатории — гравитационные корабли.

— Еще чуть-чуть пониже, ГЛ-37. Я хочу разглядеть вон ту девушку, гуляющую на лугу. Что она там делает, то и дело нагибаясь? Какое у нее выражение лица? Быть может, по нему мне удастся понять, о чем она думает, что составляет ее сущность.

— Ниже никак невозможно, Олд Дор. Мы и так уже нарушили приказ, снизив высоту на триста метров. А что она делает, я вам сейчас скажу: она рвет траву, кажется, у них эта операция называется «прополка».

— Ну тогда максимально увеличь резкость.

— Слушаю.

Вделанный в стену машины экран посветлел. Яркие цветные пятна на освещенном солнцем лугу стали отчетливее. Теперь Олд Дор видел, что это цветы, что девушка собирает их, любуясь пестрой гаммой букета. Но выражение обращенного к земле лица нельзя было разобрать.

— Нельзя ли все-таки чуть пониже? — не выдержал наконец Олд Дор.

Сидевший сзади оператор покачал головой:

— Ни в коем случае. Про нас и так уже столько говорят, что капитан скоро вообще отменит вылеты.

— Ну и пусть себе говорят,— Олд Дор с досадой махнул рукой.— Не пойму просто, почему это нас всех так пугает?

— Как же так, Олд Дор, ведь мы обнаружим себя, а это строжайше запрещено.— Тонкогубое лицо оператора выражало такое удивление, что Олд Дор рассмеялся:

— А вы случайно не робот, Ак Энор? Уж очень вы похожи, в один голос с ГЛ-37 твердите об инструкциях.

— Нет, не робот. Просто я считаю, что робот-гравитолетчик прав, отказываясь нарушить приказ.— Ак Энор даже не улыбнулся.

— Да чего уж там, я понимаю — приказ для вас все. Но только смотрите, как бы не пришлось вернуться домой без информации.

— Нет, нет, что вы, информации у нас достаточно. Теперь, например, мы знаем, что страна под нами называется Канадой, а население ее говорит в основном на двух языках. Кстати об языках: теперь с помощью вот этой небольшой коробочки,— Ак Энор указал на лежащий перед ним прибор,— да своего личного компьютера вы сможете разговаривать почти с любым жителем Земли шести континентов. Достаточно одеть его на шею, нажать вот эту красную кнопочку и...

— Э, бросьте,— перебил оператора Олд Дор.— Поговоришь, как же! А приказы, которые мы так боимся нарушить?..

— Ну, если не поговорить,— немного смутился оператор,— то узнать, о чем беседуют здесь люди, мы можем. Вот, пожалуйста, мой приемник как раз уловил передачу о недопущении ядерной войны.

— Это я уже слышал, Ак Энор. А что еще есть в эфире?

— Передача о романе одного из здешних писателей.

— А вот это мне уже совсем неинтересно: из чужого романа, Ак Энор, своего не сделаешь... Нет, придется нам все-таки спуститься ниже, иначе,— Олд Дор снова посмотрел на гулявшую по лугу девушку,— я оставлю своих читателей ни с чем. ГЛ-37, спустите аппарат ниже еще на пятьсот метров. Спускайтесь не спеша и держитесь прямо над кромкой леса — на фоне его нас вряд ли заметят.

— Я не могу нарушать приказ.

— Опускайся, иначе я отключаю тебя и беру управление машиной в свои руки. Считаю до трех. Раз... Два...

Робот все еще пытался что-то возразить. Олд Дор резко повернул тумблер. Аппарат камнем пошел вниз.

— Что вы делаете? Мы разобьемся. Немедленно включите автоматику управления!— испуганно закричал оператор.

Олд Дор вернул тумблер в прежнее положение. Гравитолет сильно тряхнуло, на несколько секунд он повис в воздухе, но затем снова начал опускаться, почему-то вращаясь вокруг своей оси.

— Повреждена система стабилизации,— доложил робот.— Устранение неисправности требует немедленной посадки минимум на два часа. Какие будут указания?

ГЛ-37 обращался сейчас к писателю: согласно инструкции, в аварийных ситуациях командиром становился старший по положению и званию.

— Садитесь прямо в лес, на ближайшую пригодную для этого площадку,— приказал он роботу. И тут в голову ему пришла одна чрезвычайно смелая мысль. «Эх, семь бед — один ответ»,— подумал он.— Ак Энор, дайте мне вашу коробочку и скажите, как я должен одеться, чтобы выглядеть интеллигентным по понятиям землян.

— Что вы хотите делать, Олд Дор?— в голосе оператора звучал настоящий ужас.

— Хочу выйти и на деле проверить возможности этого прибора,— Олд Дор рассмеялся и одел на шею автопереводчик.— Только не пытайтесь уверить меня, что у нас ничего нет для такого выхода: я тоже в свое время изучал инструкции.

Тонкие губы оператора стали еще тоньше:

— Я немедленно доложу обо всем на корабль.

— Это ваше право, Ак Энор, и даже долг, а сейчас помогите мне одеться.

...И лес, и луг сразу же пленили его своей самобытной красотой, опьянили непривычными запахами. Под стать им была и девушка, одетая в легкое цветастое платье. Впрочем, по понятиям таутян ее вряд ли можно было назвать красивой: круглое, чуть тронутое загаром лицо, бесспорно, отличалось от их удлиненных физиономий, пышные каштановые волосы, а не яркий парик, непривычно широкие брови, маленький нос. А губы очень большие и неестественно яркие, накрашенные, очевидно, какой-то краской. Все это не вызывало в нем никаких чувств. А вот глаза, огромные, не то голубые, не то светло-серые и какие-то загадочные, поразили его. Он подошел ближе, здороваясь, молча наклонил голову.

— Вам что-нибудь нужно, мистер?— как-то внутренне собравшись под его взглядом, спросила девушка.

— Да... Да... То есть нет... Я просто хотел узнать, как называется вон тот населенный пункт?— с трудом овладевая чужим

языком, Олд Дор повел рукой в сторону синевшего на горизонте озера и нескольких десятков домиков на берегу.

— А вы что, заблудились?

— Нет... Я здесь с экспедицией, а сейчас просто гуляю. Отдыхаю, так сказать.

— Да, у нас красиво,— смягчилась она.— А вы не из Торонто?

— Да, в некотором роде так. Я изучаю этот край, чтобы со временем описать его как можно правдивее и поэтичнее,— Олд Дор обвел взглядом луг, радуясь, что так просто и естественно удалось завязать разговор.

— Как интересно!— воскликнула она.— Так вы, значит, писатель, а может, сценарист?

— Да, вроде бы и сценарист тоже,— кивнул он, снова улыбаясь и незаметно включая миниатюрную съемочную кинокамеру, укрепленную в виде часов на правом запястье.— А вы кто по профессии?

— Да ничего интересного,— она пренебрежительно махнула рукой.— Я телефонистка.

«А что это такое?»— чуть было не спросил он, но, вовремя спохватившись, тотчас же выяснил с помощью карманного компьютера и автопереводчика значение этого слова.

— Так вы осуществляете связь? О, это очень важное дело.

— Конечно, важное,— согласилась она,— только уж очень однообразна и неинтересна эта работа. Не то что у вас...— Она поглядела на его спортивного типа куртку, темный берет на голове и нацеленный прямо на нее наручный киноаппарат:— А это что у вас на руке? Транзистор?

— Да,— снова справившись с компьютером, подтвердил он.— А что у вас на груди? Тоже транзистор?

— Ну что вы,— засмеялась она.— Это брошка. А у вашей жены разве нет брошек?

— Жены? У меня нет жены. Я, так сказать, еще молод.

— Вот как,— удивленно вырвалось у нее.— Я бы этого не сказала.

Она снова внимательно посмотрела на него, и он, как ему показалось, понял ход ее мыслей. Для обитателей Земли шести континентов он, конечно, далеко не красавец, а его смуглое и подвижное лицо с неглубокими складками на лбу и щеках, столь естественными для жителей Тау, также, возможно, не соответствует местным идеалам юности и свежести. Огорченный и озадаченный, он грустно вздохнул. Как ей об этом сказать, как объяснить, что для них, таутян, живущих по двести земных лет, он в свои сорок два года далеко еще не перешагнул даже рубежа зрелости?

Заметив набежавшую на его лицо тень, смутилась уже девушка и деликатно пришла ему на выручку:

— Ах да, вы ведь все время в разъездах, так что и жениться некогда,— она улыбнулась, но теперь уже тепло и доброжелательно.

Скрепя сердце он принял это ее объяснение, хотя оно не вязалось с его ролью— таутянина— героя и покорителя.

— Да, конечно,— внимательно разглядывая брошку, Олд Дор гадал, где он мог видеть это странно-знакомое приспособление, которое держит изображенный на ней ребенок?

— А что изображено на брошке? Что это означает?

— Как, вы разве этого не знаете? Плохо же вы учили историю...

Это Амур, а в руках у него лук и стрела — оружие древних. А означает это любовь,— она пристально и лукаво взглянула на него.— Кому Амур пустит свою стрелу в сердце, тот и влюбится. Так что берегитесь,— она засмеялась, прищурив свои завораживающие глаза.

Ах, вон оно что. И как это он сразу не догадался: ведь видел же лук и стрелы в руках воинов в свой первый прилет на планету. И, трудно сказать, то ли открывшаяся ему вдруг красота девушки, то ли воспоминания о прошлом вновь вселили в него уверенность.

— Вы поздно предупредили,— сказал он.— Стрела уже попала в мое сердце.

— Вот как!— с иронией воскликнула она.— Не слишком ли это быстро?

Лицо ее стало серьезным, а глаза насмешливыми и холодными. Он с горечью понял, что ошибся, что капитан прав и перед ним действительно не наивная дикарка, а гордая дочь Земли шести континентов.

Он снова взглянул на нее и закусил губу. Она это заметила:

— Вы что-то хотите сказать?

— Нет, вы все равно ничего не поймете.

— Почему же не пойму?

— Да потому, что у вас здесь (он чуть было не сказал: «на Голубой планете»), по-видимому, и не бывает любви с первого взгляда.

— Как сказать... Говорят, что бывает, но я в это не верю. И потом... Ведь вы меня и разглядели только во время этого разговора.

— Нет, я увидел вас значительно раньше,— Олд Дор вспомнил экран наблюдения в гравитолете. Сейчас ему казалось, что уже тогда он испытывал к ней симпатию.

— Интересно, где же? Не во сне ли?

— Нет, в своих мечтах, в своем творчестве.

— А...— несколько растерянно протянула она.— У вас, наверное, что ни поездка, то новая любовь?

— Такую девушку я встретил впервые,— искренне сказал Олд Дор.

— Да будет вам... Поговорим лучше о чем-нибудь другом,— девушка подняла на него погрустневшие глаза.

— Пожалуйста. Но только давайте сначала познакомимся. Как вас зовут?

— Кэт. А вас?

— Меня — Олд Дор.

Они пошли рядом по усыпанному цветами лугу. И в это время в ушах у него раздался голос Ак Энора:

— Вы слышите меня, Олд Дор? Машина исправна. Пора на корабль. Ждем вашего возвращения.

— Что с вами?— увидев, что он как бы во что-то вслушивается, спросила Кэт.

— Ничего... Просто я вспомнил, что мне пора возвращаться к своим делам.

— Как! Разве у вас не свободный день? А помните, вы говорили...

— Помню, но отдыхаю я не целый день,— любуясь ею, сказал

Олд Дор.— Мы завтра снова увидимся.
— А нужно ли?
— Очень нужно.
— Тогда не завтра — у меня дежурство, послезавтра.
— Хорошо, Кэт, пусть будет послезавтра, в это же время, здесь же, на лугу.
Она молча кивнула. Он попрощался и пошел к лесу.

Неожиданно объяснение с капитаном прошло сравнительно легко.
— Ну что, Олд Дор, по-прежнему нарушаете приказы и инструкции,— сказал Имюр Тэс и, пробежав глазами его объяснительную записку, запер ее в сейф.— Надеюсь, вы не сказали вашей землянке, кто вы и откуда?
— Конечно, нет, я для нее писатель-сценарист, ее соотечественник. И заметьте, никаких подозрений с ее стороны. Встреча выглядела естественно и просто.
— Не обольщайтесь: все может измениться очень быстро.
— Что вы имеете в виду? Имюр Тэс, на что вы намекаете?
— Почитайте вот эти фотокопии печатных изданий Голубой планеты. Здесь целая дискуссия, прилетали или нет на планету пришельцы из космоса в далеком прошлом. И среди основных доводов «за» фигурируют и простреленный вами череп аборигена, и ваше «божественное» явление, якобы отображенное древними художниками в наскальных рисунках. К сожалению, и этот наш прилет тоже не остался незамеченным. Вы только послушайте здешние теле- и радиопередачи, просмотрите хоть один печатный орган, и вам станет ясно, что мы так или иначе обнаружили себя... Короче, через десять дней мы покидаем Голубую планету.
— Покидаем? К чему такая спешка, капитан? Если нас обнаружили, то улетим мы неделей позже или раньше, ничего не изменится. И вообще, я не понимаю излишних строгостей, запрещающих прямой контакт между цивилизациями. Ну почему, скажем, нам нельзя непосредственно общаться с людьми такой страны, как эта?
— Не так это просто, Олд. Вы забываете о том, что бесклассовое общество существует, увы, пока еще не на всей Голубой планете.— Капитан поднял на писателя серьезные глаза и добавил: — История учит нас, дорогой Олд, что общаться с жителями планеты — значит невольно передавать им свои достижения, а это для планеты, разделенной социально на два лагеря, опасно, очень опасно. Достаточно вспомнить хотя бы страшную гипотезу о гибели цивилизации в системе Ки... В общем, через десять дней мы вылетаем, имейте это в виду.
— Подождите, Имюр. А как же ваше обещание?
— Какое?
— Насчет разрешения вступить мне в контакт с местными жителями?
— Это исключается, Олд, особенно теперь.
— Я понимаю, Имюр, но вы поймите меня: я прошу не вообще контакта, а возможности встретиться с Кэт.
Капитан покачал головой.
— Вы упрямы, Имюр Тэс.— Да ведь мы больше рискуем, когда

13-781

посылаем свои мини-аппараты в библиотеки, кинозалы и другие людные места.

— Знаю, Олд Дор, знаю, и потому распорядился прекратить сбор информации подобными методами.

— Все это хорошо, но с чем я вернусь домой?

— Об этой планете, Олд, у нас собрано достаточно сведений. Так что не ленитесь, систематизируйте, изучайте факты.

— Нет, капитан, этим пусть займутся те, кто остался на Тау, а мне нужно другое. Вот эта девушка... Я должен до конца постичь ее сущность. Мне это необходимо для творчества. Еще три или четыре встречи, и Тау будет иметь такой роман, который не оставит никого равнодушным. А для таутян это важно, капитан, неужели снова надо доказывать?

— Хорошо,— Имюр Тэс вздохнул,— вы тоже упрямы, Олд Дор. Две встречи, и не одной больше.

— Спасибо, Имюр. Я не сомневался в вашей помощи.

Кэт запаздывала. Набрав целый букет бело-желтых ромашек, Олд Дор, чтобы не привлекать к себе внимания, отошел к лесу и снова, как и в прошлый раз, подивился величию и красоте земной природы. Вот медноствольные гиганты с зеленой иглистой кроной высоко наверху. Разве не объясняют они в какой-то мере характер этих землян — гордый и непосредственный. Он вспомнил пленительные глаза Кэт, могущие быть, однако, такими насмешливыми и холодными, и ему стало не по себе от мысли, что он неприятен ей, а возможно, даже и смешон со своей любовью.

Ругая себя за то, что поддался обаянию Кэт и проявил слабость, недостойную звездолетчика, он снова вышел на луг и нетерпеливо огляделся. Но, странное дело, сейчас и этот луг, залитый солнцем, и беспредельная синь озера за ним, сливающаяся с таким же синим небом, воспринимались уже не просто как некая экзотика, а как нечто значительно большее, что помогает этой девушке быть сильнее его, представителя могучей цивилизации.

Конечно, и у них на Тау есть леса, озера и луга, но все это носит какой-то декоративный характер и способно в лучшем случае лишь ласкать взор, но не волновать душу. Он вспомнил аккуратно расчерченные на квадраты низкорослые таутянские рощи, берега водоемов, одетые в камень, и невольно посетовал на своих предков: увлекшись техническим прогрессом, они уничтожили первозданную природу, убив этим в людях Тау могучий дух древних богатырей, который, очевидно, присущ жителям этой планеты. И не оттого ли он сейчас не может увлечь, покорить эту простую девушку?

О чем он будет теперь писать? Приученный после выхода «Кецалькоатля» ко всеобщему поклонению, он вряд ли сможет написать роман, в котором девушка Земли шести континентов отвергает любовь таутянина. Не будет ли это крахом его писательской карьеры?

Олд Дор глубоко вздохнул, пряные запахи луговых трав ударили ему в голову... А впрочем, он может написать о красоте и силе земной природы, первозданной, а не воссозданной, как у них на Тау, искусственно, и о своей любви, пусть даже безответной. Быть

может, такой роман снова сослужит службу читателю и направит мысль к иным мирам.

Олд Дор поднял голову и увидел идущую к нему по лугу улыбающуюся Кэт.

— Простите, я заставила вас ждать... Я задержалась на работе.

— Ничего, я пока цветы собирал, ромашки. Вот,— Олд Дор протянул ей букет.

— Спасибо,— девушка взяла цветы.— Но только зачем вы их рвете с корнями?

— А как же иначе? Ведь вы не сможете их посадить, и они быстро завянут без корней.

— Ничего,— Кэт посмотрела на него с удивлением,— я их поставлю в вазу с водой, и они долго будут стоять там, как живые. А вы разве никогда не ставите в вазу цветы?

— Нет,— Олд Дор хотел сказать, что у них на Тау никто никогда не рвет цветов, они растут у них и в вазах, и в подвесных клумбах жилых помещений, что это очень красиво, а главное, не так расточительно: ведь таких, как здесь, лугов у них на планете, увы, давно уже нет, но он вовремя прикусил язык.

— Ах да, ведь вы так заняты, я и забыла... Кстати,— в глазах девушки вспыхнули искорки любопытства,— а где работает ваша экспедиция? Наверное, вон там, за лесом?

— Да, за лесом. А что?

— А то, что в таком случае вы тоже должны были видеть это.

— Что видеть, Кэт?

— Летательный аппарат — дисколет.

— Дисколет! Что за чепуха,— Олд Дор деланно рассмеялся.— Откуда он здесь может взяться?

— Об этом многие сейчас говорят,— смущенно пробормотала она и вздохнула.— Значит, вы тоже ничего не видели.

— А к нам, представляете,— в ее глазах, как ему показалось, сверкали уже не искорки, а яркие огоньки,— на узел связи прибежал сегодня человек и потребовал, чтобы его немедленно соединили с Торонто. Он уверял, что видел большой дисколет, который опускался в лес.

— Наверное, это была просто шутка, Кэт.

— Ну нет, на шутника он не похож — такой солидный.

— Тогда, значит, это был больной человек, то есть сумасшедший.

— Да, наверное, а жаль...— огоньки в ее глазах потухли. И все же они были прекрасны.

Олд Дор вдруг почувствовал небывалое волнение.

— О чем вы жалеете, Кэт?

— Да так... Наверное, о том, что все это выдумки — дисколеты, пришельцы из других миров...

— Ну а если это была бы правда, что тогда?

— Да как вам сказать... Ведь интересно все-таки знать, что там,— Кэт показала на небо,— на звездах?

— На звездах, как и на солнце,— раскаленная плазма, а о жизни на одной из планет, вращающейся вокруг своей звезды, могу рассказать вам и я не хуже пришельца. Хотите?

Кэт кивнула. Олд Дор взял ее под руку и начал увлеченно рассказывать о Тау, об экспедиции таутян на Землю в далеком

прошлом, о прилете Кецалькоатля.

— Как это интересно! Как прекрасно! — воскликнула девушка, когда он кончил. — Теперь я знаю, кто вы: вы писатель-фантаст и рассказывали мне сейчас сюжет вашей книги.

— Да, Кэт, да.

— Тогда скажите, он, ваш Кецалькоатль, больше никогда не прилетит на нашу Землю?

— Прилетит, Кэт, но тех людей ему больше не увидеть — ведь здесь пройдет уже много тысяч лет. Но это ничего, — Олд Дор заглянул Кэт в глаза. — Он встретит здесь девушку, такую, как вы, с такой точно брошкой на груди, и стрела Амура пронзит ему сердце...

Не выдержав его взгляда, Кэт освободила свою руку и опустила глаза:

— А дальше? Что будет дальше, вы придумали?

— А дальше будет так, как скажете вы: или они расстанутся, или он увезет ее на прекрасную Тау. Ну как, вы готовы лететь с ним туда?

— Ну что вы, — Кэт качнула головой. — Ведь я даже не видела этого вашего астронавта.

— Допустим, он прекрасен и юн, а не такой, как я, — Олд Дор грустно усмехнулся. — Как тогда?

— Это еще не самое главное.

— А что же главное, Кэт?

— А главное, — девушка смело посмотрела ему в глаза, — чтобы и она любила его, сильно любила. Ведь это так страшно — навсегда покинуть родную Землю.

— Ну что же, — Олд Дор вздохнул, — тогда он улетит, и роман придется закончить на бесконечно грустной ноте.

— Зачем же так, Олд. Пусть они встречаются и дальше... Пусть она тоже полюбит его.

— А если у него уже нет больше времени, Кэт?

— То есть как это нет времени?

— А так, — Олд Дор замолчал, обдумывая, как, не раскрывая, кто он такой, рассказать ей о двух встречах, разрешенных капитаном. И в этот момент в его ушах снова раздался голос оператора:

— Олд Дор, передаю вам срочный приказ капитана: немедленно вернитесь в гравитолет. Нас обнаружили, Олд Дор. Вы слышите, немедленно возвращайтесь!

«Проклятие! — мысленно выругался космонавт. — Наверное, это тот солидный все-таки добился своего». Лицо его помрачнело.

— Что с вами, Олд, вам нехорошо? — с тревогой спросила девушка.

— Нехорошо! — Олд Дор горько усмехнулся. — Нет, Кэт, мне совсем плохо. Вы знаете, он, тот мой герой... Ему больше нельзя ждать ни минуты... Сейчас надо решать. Ну как?

Кэт не отвечала, и только глаза ее, испуганные и огромные, следили за ним тревожно.

— Ах да, — сказал Олд Дор, — я должен кое-что пояснить. Дело в том, что тот астронавт в самом деле, а не в романе прилетел на вашу Землю и зовут его Олд Дор. И он, то есть я, Кэт, получил сейчас срочный приказ о вылете на орбиту.

— Ой! — вскрикнула девушка и отпрянула в сторону.

— Не бойтесь, мы, таутяне, никогда не прибегаем к принужде-

нию. А ваше решение мне ясно без слов. Давайте же простимся, Кэт, навеки, навсегда,— голос его дрогнул.

И тут девушка всхлипнула. Это ударило его, словно электротоком. Он быстро шагнул к ней, взял за руки:

— Я счастлив уже потому, что не безразличен тебе. Не надо плакать. Не надо ничего говорить. Прощайте, Кэт, и дайте мне на память свою брошку.

Она сняла брошку, он отпустил ее руки и заглянул в ее глаза, заплаканные и прекрасные. Все в нем перевернулось.

— Я остаюсь, Кэт, хотите вы этого или не хотите,— прошептал он одними губами.

И в это время из-за леса, скользя, казалось, по самым верхушкам деревьев, показался и понесся к ним гравитолет.

— Ой, что это!— вскрикнула Кэт.

— Это за мной,— сказал Олд Дор.— Бегите скорее туда, к оврагу, в кусты.

— А вы?

— И я за вами. Бегите же быстрее!

Она побежала, и он побежал за нею, но почти тут же Кэт вдруг ничком упала на луг.

«Усыпляющий импульс»,— мелькнуло у Олда Дора в голове, и он тоже потерял сознание.

Прибывшие через час вертолеты обнаружили на лугу только спящую девушку. Проснувшись, она рассказала, что встречалась здесь, на лугу, с писателем. Кто он и куда ушел, она не знает. Очень горевала о потере какой-то своей брошки, которая очень нравилась ему...

Олд Дор, очнувшись в изоляторе звездолета, тоже уже не помнил ничего, но крепко сжимал брошку с изображением Амура, которую поспешил спрятать от посторонних глаз.

АЛЕКСАНДР КОЛПАКОВ

ЭТЕМЕНИГУРА

Фантастический рассказ

Художник В. СУРИКОВ

Палеоисторик Октем был большим знатоком истории Индии, Шумера, Аккада, Финикии, Египта. И когда в Ашхабаде второго века эры Октября формировали экипаж корабля «Древний Восток», выбор пал на него. Правда, сам ученый оставался в Центре палеокультур, а в корабль сел его двойник псевдоживая конструкция, симбиоз белковых и электронных цепей, нервных клеток и компьютерного мозга, которому человек-оригинал передал накопленные знания и даже эмоции и черты характера. Выполнив задачу, двойник должен был доставить в Центр детальную информацию о прошлых эпохах. Сгусток информации назывался Палеохрон. Он сообщал сведения в любой форме: в объемных живых картинах или в виде чувств, переживаний, мыслей. Все остальное, из чего синтезировался двойник, самораспадалось.

Корабль «Древний Восток» вошел в надпространство и по геодете, искривляющейся в прошлые времена, скользнул в небо Двуречья, как полагал штурман Вячеслав. Однако вскоре обнаружилось, что корабль висит над той же местностью, откуда стартовал: внизу лежала Туркмения, какой она была в третьем тысячелетии до новой эры! Штурман Вячеслав не поверил своим глазам. В оцепенении смотрел он на приборы. «Нет, это невозможно! Должен быть Шумер... Я не мог так грубо ошибиться. Значит, флуктуация космоса? Искажение метрики континуума?» Чертыхаясь, он пошел к командиру, машинально внимая звону экранирующего хронополя.

Флегматичный, уравновешенный командир подумал не без досады: «Да, совсем некстати неувязка! А реактор уже слопал массу энергии». Вслух же он сказал:

— Не падай духом, Вячеслав! В целом программа не пострадает. Но Октема придется высадить здесь. Пусть добирается в Ур собственным ходом. Из-за этой флуктуации реактор съел в полтора раза больше энергии, чем было рассчитано. Биллион киловатт в секунду — не шутка. Едва хватит на возвращение в свою эпоху. Все! Действуй, дорогой.

И Октема сбросили в мини-капсуле. На прощание командир напомнил:

— В обусловленный срок жду на орбите в зоне Эрнду. Корабль повиснет в квадранте Кассиопеи — в двадцать два звездного времени. Смотри, не опоздай! Секунда ожидания стоит биллиона киловатт.

Глядя, как ловко самоупаковывается капсула сброса — до размера небольшого пакета, Октем вздыхал, шаря глазами по небосводу. Впрочем, он не грустил о корабле. До Евфрата полторы тысячи миль! Надо выполнять волю командира и Центра палеокультур.

Спрятав капсулу в карман, он бодро зашагал по барханам к предгорьям Копетдага. Вскоре на горизонте показались невысокие строения какого-то городка. В телеобъектив Октем увидел толстые глиняные стены, прямые длинные улицы, от которых в стороны расходились переулки; скопище купольных мавзолеев; обширную площадь, окруженную глиняными домами; довольно внушительное святилище, отдаленно напоминавшее шумерский храм. За чертой города начинались поля пшеницы и ячменя, паслись стада коров, овец, коз на заливных лугах. «Входить или не входить в городище? — задумался Октем. — Ведь это не по моей части: прикопетдагскую цивилизацию изучают другие. У меня Шумер и Египет! Работы хватит, а осенью надо успеть в Эрнду. Корабль не может долго ждать. Неплохо бы долететь в Ур с помощью антигравитации, но это запрещено. Энергия — только для взлета на корабль».

Спустя много дней Октем достиг района, где в будущем возникнет Исфахан. Заночевать пришлось на окраине маленького селения, в заброшенной хижине. Утром следующего дня Октем вышел на караванную тропу, которая, как он знал, ведет к горным проходам в Двуречье. К полудню с севера показалась вереница нагруженных верблюдов и ослов. Октем вскочил на ноги, призывно замахал рукой. К нему подъехал вожатый, закутанный по самые глаза темно-синей тканью головной накидки. Уставив на Октема горящие темные глаза, спросил настороженно:

— Кто ты и куда держишь путь?

Октем, заблаговременно приняв облик жреца бога Наннару, был как две капли воды похож на жителя Двуречья.

— Я был в далеком краю Черных песков, за морем Каспов. Мой осел издох в дороге, и вот я пешком иду в Ур.

Вожатый поцокал языком, как бы сочувствуя, что незнакомцу предстоит столь дальняя дорога, и сказал:

— Нет, не могу помочь! Караван идет в Синджарскую долину.

Тут подъехал второй караванщик — статный мужчина лет тридцати в грубошерстной накидке. Его лицо вызвало в памяти Октема отрешенные черты воинов — на статуэтках из древнейших поселений Намазга-Депе и Анау. Тот же длинный клювовидный нос, миндалевидные глаза, круто изогнутые брови; подбритая с боков борода двумя узкими прядями ниспадала на грудь. «Воронообразное лицо, как у эламитов, — привычно зафиксировал мозг Октема. — Значит, он — потомок тех южноиранских племен, которые проникли в Каракумы где-то в начале третьего тысячелетия до новой эры». Еще Октем отметил пальцы мужчины — очень длинные и крепкие. «Музыкантом мог бы быть», — подумал Октем.

— Меня зовут Герай,— приветливо сказал мужчина.— А тебя?

Октем назвался и повторил легенду о страннике-жреце.

— Из-за Черных гор идешь?— спросил Герай.— А там где был?

— В городе Туркате, где на площади стоит святилище, похожее на маленький зиккурат,— без запинки ответил Октем.

В глазах Герая мелькнуло недоверие:

— Я как раз оттуда, но что-то не видел тебя на улицах.

«О, шайтан! Как я промахнулся...» — растерянно подумал Октем.

— Правитель Исма-Эль, почтенный, послал меня в Шумер учиться строить храмы,— продолжал Герай, сделав вид, что верит «жрецу».— Ибо я ваятель и зодчий.

— Завидую тебе,— отозвался Октем, многозначительно глядя ему в глаза.— Так помоги и мне попасть в священный Ур.

Герай обернулся к вожатому, равнодушно взиравшему на жреца в пропыленной тунике:

— Я беру путника с собой.

— У меня нет свободных верблюдов и ослов!— отрезал вожатый.

— Найдешь!— повысил тон Герай.— Переложи груз с одного осла на пять других — получишь свободного, верно? Не забывай, что Исма-Эль велел исполнять мои просьбы.

Вожатый пробурчал что-то себе под нос, приложил руку к груди и потрусил в хвост каравана.

Полторы луны добирались они к верховьям Евфрата. За этот срок Октем хорошо узнал своего нового друга. Герай обладал живым, острым умом, мыслил свободно и смело. Сын вольных земледельцев, он сочувствовал беднякам и рабам. Однако больше всего ценил искусство и свободу.

— Эти руки,— ваятель поднес их к лицу, будто желая удостовериться, что они есть,— выручают меня! В отличие от рабов, которые гнут спину на Исма-Эля, я свободен, ибо правитель знает о моем таланте. В краю Черных песков нет равных мне в искусстве оживлять мертвый камень. Но что это перед творениями мастеров Этеменигуры? И я рад, что скоро увижу чудо света!

— И долго намерен пробыть в Уре?—спросил Октем.

— Столько, сколько понадобится, чтобы сравняться с мастерами Благодатной страны. Или пока за мной не пришлет Исма-Эль. Ну, а тебе зачем понадобился Ур?

— Тоже учиться. Смотреть и запоминать,—туманно сказал Октем.

Позже он все-таки поведал ваятелю часть правды о себе. Даже пытался втолковать ему, что он, Октем,—гость из будущего. «Меня послали к вам люди, подобные богам. Я счастлив служить им».

— Как это?—недоумевал Герай.—Разве можно попасть в другое время? Что-то я никогда не слыхал о таком. Или ты тешишь меня сказками?

Слова о корабле, геодетах, инверсии времени звучали для ваятеля таинственными заклинаниями. Но живые видеокадры Ашхабада, развернутые Палеохроном Октема перед мысленным взором Герая, были убедительны, и ваятель понял: случай свел его с полубогом в облике человека.

Расстались они в верховьях Евфрата, на правом берегу священной реки. Взобравшись на подаренного ему осла, Октем с грустью сказал:

— Я буду вспоминать о тебе, друг. Надеюсь, встретимся. Я приду в Ур несколько позже. И постараюсь отыскать тебя.

— А скоро ли придешь?—с надеждой спросил Герай.—Лучше бы ты остался со мной. Ты мне по душе.

Октем промолчал. Ваятелю казалось, что он колеблется. На самом деле Октем анализировал странное чувство, родившееся в недрах его существа,—братскую любовь к Гераю. Оно приводило Октема в замешательство: такого не было запрограммировано в мозге. Чувство возникло как бы само собой, по законам саморазвития эмоциональной системы. И он не без усилия заглушил его. «Нет, нельзя поддаваться эмоциям!—властно шептал компьютерный двойник.—Это может завести далеко. Надо о задании Центра помнить».

— Не могу, почтенный друг,—отрешенно сказал Октем.—Но я обязательно найду тебя в Уре. Сейчас надо делать свою работу. Прощай!

Ваятель порывисто обнял его:

— Буду ждать! Да хранят тебя мои и твои боги.

Выполнив ряд несложных поручений Исма-Эля в Синджарской долине, Герай купил место на купеческой барке и поплыл вниз по реке Евфрату. Спустя неделю он сошел на левый берег—часах в трех ходьбы от Ура. Чтобы полнее насладиться радостью встречи с Этеменигурой, он решил войти в город с востока, как все путники, пересекавшие пустыню, прежде чем достичь благодатных земель между Идиглату и Евфратом.

Герай отшагал уже порядочно, а Ур не показывался. Только вдали в мареве южного неба мерещилось что-то сверкавшее на горизонте разными оттенками пурпура и лазури. Солнце поднялось выше и пылало, как раскаленная жаровня. Прикрывая голову полой плаща, ваятель клял себя: «Вах, глупец! Так можно и не дойти, изжариться. О чем ты думал, пускаясь в путь?» Еще с полчаса он брел в знойном аду, спотыкаясь от усталости. Но вот наконец обозначились верхушки финиковых пальм. Унылая серо-желтая равнина, покрытая кустами сухобылья и чертополоха, сменялась

пастбищами и лугами. Они перемежались стройными рядами миндальных деревьев. Справа и слева потянулись бахчи, каналы, поля чечевицы и льна. Воздух наполнился ароматом роз и алоэ. «Привет, Благодатная страна!— с волнением думал Герай.— Вот я и увидел тебя».

А затем над рощами, за голубой лентой Евфрата, несущего тростниковые лодки и барки, огромным разноцветным утесом поднялся зиккурат Ура.

— Слава тебе, о Этеменигура!— закричал в восторге Герай, смахивая слезы радости.

Его давняя мечта стала явью.

Ступенчатая гора Этеменигуры словно парила в звенящем от зноя воздухе. Ослепительно сиял позолоченный купол храма на ее вершине, голубым огнем полыхали его стены. Две нижние террасы зиккурата были черного цвета, третья и четвертая — красного, как сама земля, в которую вросла Этеменигура. Лакированная зелень пальм и пестрые цветники, разбитые на террасах, вырисовывались на фоне черной, красной и голубой облицовки, рождая целую симфонию красок и оттенков. Громада Этеменигуры казалась изящной, легкой — так совершенны были ее линии, плавными дугами уходящие к центру строения. Взгляд невольно скользил к вершине: Этеменигура как бы уходила в поднебесье, парила в струящемся от зноя воздухе.

Ваятель забыл обо всем на свете, созерцая чудо зодчества, и его едва не хватил солнечный удар. Опомнившись, добрался до финиковой рощи и укрылся в ее тени. Но тут на Герая набросились злые осы. Будто раскаленные иглы, они вонзились в руки, тело, лоб. Пришлось бежать из рощи, махая руками и проклиная себя: «Ай, глупец, зачем пошел туда? Ну и твари!..»

Все ближе подходил он к Евфрату, и перед ним поворачивалась все новыми своими гранями Этеменигура. Снова и снова ваятель любовался ею, позабыв о боли от укусов. «О город, омываемый водами!— тихо твердил он слова шумерского гимна.— Незыблемый бык, помост изобилия страны... Священный Ур!»

Чаще попадались селения, шире стали поля. Вдоль каналов и на полях работали сотни людей. Их узловатые, загрубевшие от работы руки двигались непрерывно. Изможденные рабы в лохмотьях, не защищавших от яростного солнца, строили дорогу. Надсмотрщики не скупились на удары палками и бичами. Ваятель оцепенело смотрел на это зрелище. Диким было оно для сына вольных краев. «О, Этеменигура...— с горечью думал Герай, остро жалея рабов.— Как обманчива твоя красота! Да, она озаряет мир, но вокруг тебя, Этеменигура, море жестокости. Ты купаешься в лучах славы, а люди изнывают от непосильного труда, их спины не разгибаются от зари до зари. Они падают от голода и истощения. О, Этеменигура! Зачем я стремился сюда, добрые духи Песков?»

Мимо гончарен, маслобоек и мельниц, по безлюдным улицам селений он шел к переправе через Евфрат и вскоре достиг царской дороги. Еще издали Герай увидел, как много людей, торговых караванов движется по ней. Вот быстро проехал к Уру гонец, яростно погоняя осла, тащившего колесницу. Медленно тянется пропыленный караван,— как видно, издалека, может, из Элама. Ваятель различал черные, как смоль, волосы, мужественные лица,

покрытые потом и грязью, слышал голоса... Точно небо в пустыне за Идиглату, сверкала лазурь храма на Этеменигуре. Пылили стада баранов, коров, быков, погонщики палками подгоняли скот. Тяжелой массой прошел отряд воинов — со щитами и дротиками, в медных шлемах с султанами. У воинов были широкие лица, крупные носы.

Герай смешался с толпой крестьян, направлявшихся, вероятно, на городской рынок, и переправился на западный берег Евфрата. Потом оказался на окраине какого-то селения. Низенькие хижины из глины и тростника, камышовые навесы, пыльные улочки.... Большой красный петух, копавшийся в куче навоза, поднял голову и надменно поглядел на чужака блестящим глазом. На заборе сидела кошка. При виде Герая она выгнула спину, но с места не сдвинулась. Проходя мимо, ваятель дунул ей в глаза. Кошка фыркнула и оскалила мелкие острые зубы. Откуда-то выскочил облезлый пес, волчком завертелся у ног, просительно заглядывая Гераю в лицо.

— Сам, брат, голоден,— сказал ваятель, смахивая рукавом пот со лба.— Моя сумка пуста. И пить страшно хочется.

Пес жалобно заскулил и поплелся прочь.

Через несколько шагов Герай увидел старушку. Она сидела под навесом и плела циновку с фантастическим узором. За пластинку меди, заменявшую деньги, он приобрел у нее ячменных лепешек, кувшин козьего молока и наконец-то поел. Настроение улучшилось, хотя зной донимал по-прежнему.

К воротам Ура он подошел совсем взмыленный, отдуваясь и отирая с лица капли пота. В тени городской стены перевел дух, с трудом отлепил от тела мокрую рубаху. Воин с копьем, охранявший ворота, настороженно следил за его действиями.

— Привет тебе, страж!— сказал Герай. Тот промолчал. Герай хотел обойти воина, но путь преградило копье. Страж все так же молчал, хотя его коричневатые глаза смотрели вопросительно.

— Вах, и как я забыл?— пробормотал ваятель. Бакшиш?

Он сунул воину две пластинки меди. Тот отвел взгляд и пропустил Герая.

...В блужданиях по городу утес Этеменигуры был хорошим ориентиром. Дороги и улицы, ведущие к теменосу — кварталу дворцов, храмов, складов и жреческих домов, устилали ветви лавра, дуба, листья финиковых пальм, а поверх — цветы шафрана и тамариска. Ваятель понял, что, как ему говорили, тут недавно проходила пышная процессия во главе с царем-жрецом и что проникнуть на Этеменигуру будет не так-то просто.

Стражи теменоса оказались неуступчивыми. Герай издали объяснял им цель визита — близко его не подпускали. А один из них даже пустил над головой ваятеля стрелу — для острастки. Тогда Герай показал стражам слиток серебра. Они переглянулись, и пустивший стрелу скрылся за воротами. Спустя несколько минут перед Гераем возник коротконогий человек в блестящем шлеме с витыми нащечниками. Вид у него был важный. Герай усмехнулся про себя: «О, какой надутый! Наверное, начальник стражи».

— Тебе чего, сыч?— грубо спросил тот.

Ваятель молчал, глядя на него исподлобья.

— Вижу, ты чужак в городе и не ведаешь, кто обитает там?— он кивнул на Этеменигуру, вздымавшую свои черно-красно-зеленые ярусы над стенами теменоса.

— Ведаю, почтенный!— громко сказал ваятель.— Я послан к Иди-Наруму могучим правителем Исма-Элем. Может, слыхал?

Лицо начальника смягчилось, хотя было видно, что о вожде Исма-Эле он слышит впервые. Но зато Иди-Нарума, царского племянника и старшего жреца храма, он знал превосходно.

— Ладно, жди тут!— пробурчал он милостиво.

Потом появился гигант эфиоп и повел Герая к Этеменигуре. Они долго петляли среди жилых домов, небольших храмов, внутренних галерей, двориков и крепостных стен. Особенной пышностью отличался прекрасный храм в честь Нингал, супруги бога Нанна. Герай, округлив от восхищения рот, долго созерцал его великолепные пилястры, синюю глазурь облицовки, мягкие, воздушные формы.

На первой террасе зиккурата великан африканец остановился и, махнув рукой вверх, пояснил:

— Ступай один! Иди-Нарум там, в храме. Возьми знак и повесь на грудь.

Он подал ваятелю серебряную дощечку с печатью в виде трехглавого змея.

Долго поднимался Герай по широким ступеням лестницы, крылья которой были сложены из розового песчаника и украшены сидящими львами из светло-серого камня. Он шел как во сне, ибо Этеменигура казалась волшебным садом. На террасах в искусственных бассейнах сверкали чашечки белоснежного лотоса. В нишах росла жимолость, наполняя воздух благоуханием. Часто попадались решетчатые навесы, увитые плющом и крупноцветной чемерицей. И все время Герая сопровождал мелодичный шум льющейся с зиккурата воды: по стокам и каменным желобам она со звоном и журчанием низвергалась в Евфрат через щели-бойницы в толстых стенах Этеменигуры.

До вершины оставалось не очень далеко, когда он вступил в богатый покой. Здесь недвижными изваяниями застыли воины— «быки»—с мечами и дротиками. Они молча проводили Герая настороженными взглядами, но и только: знак на груди открывал дорогу... В прохладном сумраке Герай различал то барельеф, высеченный искусной рукой на черном граните, то панель красного дерева. Залюбовавшись этими шедеврами, он не услышал, как к нему подошла женщина с браслетами на точеных руках. Смоляные локоны струились по шее и плечам. Сверкало ожерелье, в волосах, словно капли росы, сияли топазы. Надменно глядя на ваятеля, она спросила низким голосом:

— Кто ты и откуда? На жителя Благодатной страны ты не похож.

Герай на мгновение потерял дар речи—так хороша была эта незнакомка в своем расшитом золотом шерстяном платье. Волосы ее были украшены широкими золотыми лентами, листьями и бело-голубыми лепестками из стекла. Но лучше всяких нарядов были ее глаза—спокойные, задумчивые, редкого сине-зеленого цвета. Ваятель кратко рассказал о себе. И пока он говорил, женщина не сводила с него взгляда. Гераю чудилось: эти глаза ободряют его, лучатся теплотой. «Э, наваждение!.. Со страху кажется»,—подумал он.

Когда Герай умолк, женщина сказала:

— Я запомнила тебя. И найду, когда понадобится,— и, царствен-

но повернувшись, исчезла в сумраке.

Он отыскал Иди-Нарума в просторной нише, вырубленной в стене храма. На скамье черного дерева, обтянутой темно-красной бараньей кожей, сидел грузный мужчина с крупной головой. В резких чертах лица виделось что-то хищное, но этому странно противоречили высокий лоб и затаенная печаль в жгучих темных глазах. А рот соответствовал представлению о «тигре зиккурата». От всего облика Иди-Нарума веяло мощью. «Лишь такие и властвуют в гнезде скорпионов, именуемом Этеменигурой»,— подумал ваятель, сгибаясь в поклоне.

Иди-Нарум смерил его взглядом, низким баритоном спросил:

— Кто ты? Приблизься.

Герай сделал шаг, снова поклонился:

— Мое имя — Герай. Вот письмо от Исма-Эля,— и протянул глиняную табличку.

Иди-Нарум, разобрав клинопись, поднял глаза:

— Здоров ли твой господин Исма-Эль? Я помню его совсем молодым, когда он гостил в Уре. Это были дни и моей молодости...

— Он здоров, мудрейший, и правит сильным городом.

Подумав, Иди-Нарум спросил:

— Почему Исма-Эль прислал тебя ко мне, а не к царю Благодатной страны?

— Этого не ведаю, мудрый господин. Думаю, чтобы служить тебе и набираться знаний.

Тот усмехнулся, довольный ответом, хотя глаза оставались холодными.

— Но что ты умеешь? Что можешь?

— Я владею искусством оживлять мертвый камень, слоновую кость и нефрит. Вождь Исма-Эль доверил мне украшать святилище богини Луны. Мне ведомы также секреты врачевания. Я хорошо знаю созвездия.

Иди-Нарум насмешливо улыбнулся:

— Излишняя скромность не обременяет тебя, ваятель.

— Я говорю правду,— повторил Герай.

— Ладно, посмотрим. Ступай к жрецу Тирсу. Будешь жить при храме.

Прошло немало лун, прежде чем Герай завоевал расположение Иди-Нарума. Особенно поразил он царского племянника умением лечить гнойные нарывы, которые мучили Иди-Нарума. Этим искусством Герай был обязан предкам — жителям предгорий Копетдага. Они были знатоками целебных настоев. Вскоре о лекаре из-за Моря Каспов узнал царь-жрец Ура, и Герай стал придворным врачом и «другом царя».

Царь-жрец дозволил Гераю заниматься любимым делом — ваянием. Около полугода он даже провел в Уруке, где украшал гробницы правителей шумерской династии. У царских мастеров учился искусству возводить храмы и зиккураты. Главный зодчий так доложил царю:

— Пришелец из-за Моря Каспов достоин украшать Этеменигуру, великий господин! Ибо превзошел моих учеников и скоро превзойдет меня.

— Так пусть и займется этим,— изрек царь.— Этеменигуру и храм богини Нингал следует украшать и обновлять вечно!

Исма-Элю царь Благодатной страны сообщил: «Привет тебе, друг и почитатель Иди-Нарума! Я доволен твоим подарком. Герай — превосходный врач и ваятель». Специальный гонец доставил письмо в Уркат.

А Герай узнал о царской «милости» таинственным путем. Однажды, когда он дремал в своей каморке при храме, из-за полога вдруг протянулась чья-то рука и вложила ему в пальцы клинописную табличку. Он открыл глаза и прочел: «Скоро я позову тебя. Радуйся: царь навсегда оставляет тебя на Этеменигуре». Герай вскочил, откинул полог — никого не было. «Кто передал табличку? Неужели от нее?! Почему она так заботится обо мне?» Его охватил страх перед теми, кто ведет на Этеменигуре полную тайн жизнь. Внутренний голос предостерегал Герая: «Забудь о гордой красавице! Не стремись к ней. Помни, кто ты. Это опасно!»

Слава о талантливом ваятеле Герае вышла за пределы Благодатной страны, о нем узнали в Стране фараонов, Библе, чьи послы даже просили царя Ура отдать им мастера. И Герай с тревогой думал: «Это может случиться каждый день. Что делать? Как выбраться из Ура?» Не видя возможности бежать, он постепенно впадал в отчаяние...

И вдруг нежданно объявился Октем! Много лун прошло с тех пор, как они расстались, — и вот будто из воздуха возник он перед Гераем, сидевшим в нише.

— Вах-хов, друг Октем!? Ты ли это? Я рад, рад... — забормотал ваятель, обняв Октема. И ощутил каменную упругость его мышц. Откуда было знать Гераю, что искусственный белок много крепче природного?

— И я рад видеть тебя, — ласково отозвался Октем. Пристально всматриваясь в лицо ваятеля, спросил: — Что-то гнетет тебя, друг. Чем ты встревожен?

— Беда, Октем... — тихо сказал Герай. Откинув полог, он удостоверился, что никто их не подслушивает. Жрецы молились вдали, у алтаря Энки. — Царь Ура решил навечно оставить меня на Этеменигуре. Не видать мне родных гор и песков!

Октем долго молчал, думал. Потом обронил загадочно:

— Бытие полно неизвестного. Уверен, что смогу помочь тебе.

— Это возможно?! — обрадованно воскликнул Герай.

— Положись на меня. А пока работай, постигай Этеменигуру. Искусство ее мастеров не уступает зодчеству Страны фараонов. А ведь там созданы стобашенный Мемфис, вечные, как само время, пирамиды, храмы и дворцы нильской долины... — Октем замолчал, обдумывая какую-то мысль, повторил: — Бытие таит неожиданности.

Через несколько лун террасы зиккурата огласились криками жрецов:

— Плачьте, сыны Благодатной страны! Умер великий царь! Бог Энки позвал его к себе! Горе нам, живущим!

Весть настигла Октема на полпути в Урук, где он намеревался исследовать систему орошения. И ему пришлось повернуть обратно. Уж он-то хорошо знал, чем грозит кончина царя многим обитателям Этеменигуры, в том числе и Гераю. «Бытие парадоксально, — размышлял он, бешено работая веслом, так что лодка, несшая его по Евфрату, подскакивала на волнах. — Да, конечно, Энки любит божественного царя Ура. Но тут не обошлось без жрецов, приказчи-

ков Энки. Даю голову на отсечение: столь внезапно помог умереть царю-богу его племянник Иди-Нарум. Как же спасти Герая? Что придумать?»

Ваятель стоял в нише, на четвертой террасе, обсаженной финиковыми пальмами, и неотрывно смотрел вниз, на придворных. Под звуки арф они поднимались с первой террасы на третью, к ложу царя.

За толстыми стенами теменоса бурлил, волновался священный Ур. Близился вечер. Горячий ветер из пустынь за Идиглату-Тигром упал. С улиц возле Этеменигуры слышались скорбные голоса. Толпы горожан, воздевая руки, разноголосо кричали:

— Зачем ушел ты от нас, великий царь?!

— Что делать нам, остающимся жить?

Знатных особ рабы несли к Этеменигуре в паланкинах. Ваятель различал цветные накидки из шерсти, отделанные пурпуром розоватого, фиолетового, синеватого отлива, одежду, усыпанную драгоценностями.

Послышались тяжелые шаги, неожиданно появился Иди-Нарум, взял Герая за плечо:

— Скройся, покинь Ур! Скоро выйдет луна, начнется погребальный пир. И тогда будет поздно!

Иди-Нарум дышал часто, шумно. Видно было, что он почти бежал, спешил предупредить Герая. Властное лицо его было угрюмым, озабоченным.

— Почему поздно? — машинально спросил Герай.

— После восхода луны отсюда не уйти. Все лестницы перекроют воины царя,— ответил Иди-Нарум.

— А ты, господин? Разве ты...

— Да, я остаюсь. Обо мне не печалься.— Иди-Нарум скривил губы в загадочной усмешке.— Тебе приуготовано умереть! — он с силой сжал плечо Герая.— Ты — «друг царя», значит, должен последовать за ним, в обитель Энки... Беги с Этеменигуры, пока есть время! Через два дня возвратишься ко мне, ибо я ценю твои знания! Вот знак... — царский племянник протянул ему золотую печатку.

Герай отвел его руку, спросил:

— Ты, господин, родственник царя. Значит, тоже уйдешь за ним?

— Я служу не царю, а богу Энки! — пренебрежительно сказал Иди-Нарум.— Это я могу заставить всех, кому надлежит, выпить напиток смерти.

— Но и тебе надлежит уйти в конце концов вслед за царем. Разве не так?

Иди-Нарум молчал, сжимая в руке печатку. Он думал о заветном: «Вот пришел мой день. Мне удалось отправить дядю-царя к Энки. Тонкий яд с засахаренным миндалем... А впереди самое трудное: как сохранить жизнь царице Инниру, чья красота будоражит кровь и разум? Ведь она обещала стать моей женой!..» Перед ним стояло ее прекрасное лицо, в ушах звенел вкрадчивый низкий голос: «Мы будем править вместе». Иди-Нарум покачал головой: «Нелегко спасти тебя, Инниру, от чаши забвения. Жрец-виночерпий не мой человек. Не пойму, кому он служит. Я не успел еще убрать его».

И теперь он мучительно размышлял, глядя на рощу у подножия Этеменигуры. Там работали сотни полуголых рабов, спешно возводивших царское погребение — несколько обширных камер в грунте, наклонные коридоры, ниши. Глухо стучали кирки, вздымая красную

пыль; мелькали руки, мотыги, заступы. Едва рабы заканчивали камеру или коридор, как служанки в ярко-красных платьях торопливо застилали влажные полы цветными циновками. Надсмотрщики торопили изнемогших рабов, ибо мертвый царь тоже спешил.

Наблюдая за толпой знати и придворных у ложа царя, Герай с презрением думал: «Что они чувствуют, что у них на душе в этот час? Вот они богато жили, сладко ели и пили, мучали рабов и бедняков, принуждая возводить холмы-зиккураты, храмы и дворцы. А теперь покорно уйдут в небытие, испив на тризне чашу забвения! Глупцы. Или смерть для вас — праздник?» Сын вольных просторов, он не понимал, точнее, не принимал мрачных обычаев Благодатной страны, осуждал робких людей Двуречья. Как можно сносить такое зло и не сделать даже попытки подняться на борьбу за свободу?

Он покосился на Иди-Нарума: «А ты, почтенный, не так глуп, как бараны в пышных одеждах, что служат царям. Ты-то покорно не выпьешь напиток забвения. Ты хочешь жить, чтобы стать царем вместо дяди? И даже мечтаешь взять в жены Инниру... Ту самую госпожу, что я встретил в первый день. Она и со мной вела темную игру. Нет, надо узнать, чем все это кончится».

— Я остаюсь на Этеменигуре,— твердо сказал Герай.

Иди-Нарум притянул его к себе, жестко спросил:

— Ты жаждешь смерти?

— Я чту волю царя и обычай,— с усмешкой ответил ваятель.

Иди-Нарум в досаде хлопнул себя по бедрам и, повернувшись лицом к востоку, где висела на небе огромная медная луна, простер к ней руку:

— О боги! Он просто глупец!

Внизу торжественно зазвенели арфы, им вторили флейты. Мерно забухали бубны, гнусаво запели роги. Вдоль лестницы, ведущей к ложу царя, зажглись светильники и факелы. Придворные подняли ложе на плечи, и оно поплыло в воздухе, мерцая инкрустациями из лазурита и золота. Хор жрецов пел:

О господин, уходишь ты в обитель Энки!
Лев Благодатной страны, зачем покинул ты Ур?

Сгибаясь под тяжестью царского ложа, придворные ступали медленно, осторожно. Ваятель шагнул к лестнице, чтобы влиться в живой поток, ползущий по широким ступеням,— туда, где в свете факелов сверкали золото и серебро украшений, полированная медь шлемов, копья, бусинки ожерелий... Иди-Нарум преградил ваятелю путь:

— Куда собрался, безумный? Остановись! Нет, я заставлю тебя слушаться. Мои люди завяжут тебя в мешке и кинут в болото — к змеям и пиявкам. Нет, это будет не сладкая смерть на тризне, когда не знаешь, что пьешь: яд или снотворный напиток!

— Зачем бежать? — хмуро сказал Герай, не глядя на Иди-Нарума.— Видеть погребение царя Благодатной страны выпадает не каждому простому смертному. Я остаюсь. Но твои люди дадут мне вино, а не напиток забвения.

Они спускались на вторую террасу, и Герай про себя улыбался: «Да, ты хитер, Иди-Нарум, но я тоже не прост. Царица Инниру не станет твоей». Он исподлобья глянул на царского племянника. Герай вспомнил тот сумрачный покой, где впервые увидел Инниру. Она подобна цветку лотоса в водах Евфрата, она как солнце и луна! Мог

ли он, сын простого скотовода, мечтать о ней? Быть с Инниру — счастье. Но как забыть родину? Ему часто снились зеленые воды Моря Каспов, родные степи и горы. А тут, на Этеменигуре, он чувствовал себя как в темнице. Герай не знал, что Инниру помогла Иди-Наруму спровадить своего супруга к Энки. Племянник царя мечтал сделать ее своей женой и обещал избавить от чаши забвения. Но... коварная Инниру подкупила виночерпия, чтоб он дал Иди-Наруму вместо вина напиток смерти. И тогда она сама становилась властительницей Благодатной страны.

Лучи восходящего солнца коснулись храма на вершине зиккурата, и ваятель забыл обо всем. В который раз он залюбовался Этеменигурой. Наклонные стены, приподнятые края террас, мягкие изгибы, выпуклые стороны основания гигантской пирамиды — все рождало иллюзию, будто храм на вершине достигает неба и бог Энки может спускаться к молящимся прямо по лазурной тверди небосвода.

Тесно прижавшись плечом к Октему, ваятель сидел в ряду «друзей царя» — в главной камере погребения. Он все еще не верил, что друг снова с ним, что он здесь. Октем появился ночью, примерно за час до разговора Герая с Иди-Нарумом. Во мраке кельи ваятеля Октем будто возник из воздуха, так что Герай в испуге вскочил на ноги. Октем был в тунике жреца, каких много сновало по зиккурату. «Ты вернулся, друг? — прошептал Герай. — На Этеменигуре настали плохие времена. Ты говорил верно: бытие таит неожиданности. Внезапно умер царь! Или ты знаешь об этом?» — «Да, мне все известно, друг. Знаю и то, что тебе грозит смерть. Я помогу тебе». — «А как?» Октем молвил загадочно: «Увидишь! Только слушайся меня. А теперь иди. Скоро начнется... Я тоже буду там».

Иди-Нарум успел сообщить ваятелю: «Подойдешь к виночерпию. Он в жреческой тунике с черной каймой. Пей без страха! В кубке будет вино, не напиток забвения. Но ты сделай вид, что упал замертво. Потом мои жрецы вынесут тебя из погребения».

...В наклонную галерею вступила пышная процессия арфисток, певиц, танцовщиц, придворных дам, служанок. За ними — военачальники и телохранители царя, сановники. Рабы вели ослов и быков, которые тянули повозки и колесницы. Слуги внесли в главную камеру погребения утварь и сундучки.

Воины в полном снаряжении заняли свои посты у гробницы царя. Из полумрака царской камеры понеслись тихие звуки музыки, запел женский хор, закричали плакальщицы.

...И погребальный пир начался. Иди-Нарум высился у гробницы царя мрачным изваянием. Под ярким балдахином в своих носилках сидела Инниру. Драгоценности так усеяли ее алое платье, что нельзя было понять, из чего соткана ткань. Сверкали, переливались ожерелья, кольца, подвески, серьги из электрума и золота. На гордо вскинутой голове Инниру была корона из золотых венков под гребнем.

Рокотали арфы, глухо и скорбно звучали бубны. Изгибаясь, поплыли в танце молодые танцовщицы. У одной из них, словно приклеенная, держалась на бедре маленькая черная змея. Голосили придворные плакальщицы, им невпопад вторили телохранители — «быки», зорко наблюдавшие, чтобы никто из обреченных не избежал своего напитка. Вдруг на вершине Этеменигуры грозно запели трубы, потом настала тишина. Иди-Нарум высоко поднял тяжелый

золотой кубок. Его обритая верхняя губа дрогнула, в глазах полыхнул мрачный огонь. В испуге глядя на него, замерли простые люди Ура, рабы, плотной стеной окружавшие место погребения царя. Хриплый от волнения голос Иди-Нарума прозвучал в тишине громоподобно:

— Пора в путь! Великий царь устал ждать нас!..

Не сводя с Инниру странного взгляда, он опорожнил кубок золотисто-красного напитка. С застывшей улыбкой отпила большой глоток и царица. Мгновение Иди-Нарум стоял недвижно, потом его зрачки расширились от ужаса, он выронил кубок, упал на колени, лег. А побледневшая Инниру, закрыв глаза, допила свой кубок и тоже медленно сползла на циновку, судорожно хватаясь пальцами за край погребальных носилок.

По лицам «друзей царя» катились крупные капли пота. Никто из них не дрогнул, не выказал малодушия: один за другим осушали они кубки, подаваемые жрецами в туниках с желтой каймой, и падали... К поникшей в смертной истоме Инниру подскочили служанки, подняли и бережно уложили в носилки.

Герай неотрывно смотрел в лицо Иди-Наруму и наконец увидел в его полуоткрытых глазах смертную тоску. Что же это? Ведь Иди-Нарум был уверен, что перехитрит всех. Тут Герая грубо толкнул в спину воин царя. Герай обернулся: по лицу «быка» было видно, что он уже испил чашу. Взгляд его тускнел.

— Где твой кубок, ваятель? Я не видел, чтобы ты...

Глаза воина еще жили. Опираясь на локоть, он пытался поднять меч. Тут в тунике жреца подошел Октем. Легко отвел оружие жезлом.

— Успокойся и умри с миром!— сказал он воину.— Видишь? Я даю ему.

Он черпнул из медного котла поменьше, что стоял за большим.

— Испей, друг царя, за вечность,— громко сказал он и тихо добавил:— Не бойся, я проверил, это вино.

Оливковая кожа Герая стала почти синей от волнения. И все же он выпил. Октем навалился на него, зарычал:

— Падай! Будто мертвый. На нас смотрят те воины, что окружили гробницу царя. Э-э, а это что? Царь воскрес...

Все изменилось в мгновение ока... Только что прерывисто всхлипывала флейта; смертная тоска клонила молодого флейтиста к земле; вповалку лежали танцовщицы, жрецы Иди-Нарума, телохранители, арфистки и плакальщицы. И вдруг оцепеневшие от зрелища смерти рабы и горожане, окружившие погребение, загомонили, зашевелились. Такого не было и в преданиях! Почему царь вернулся? Бог Энки не принял его!?

Тишину рассек пронзительный крик царя:

— Я знаю, кто предал меня! Теперь знаю. Слава Энки, он спас меня... Эй, стража! Проверить всех! Колите их дротиками.

«Как же уцелел царь!? Выходит, он перехитрил всех. Избавился от племянника и неверной супруги»,— молнией пронеслось в мозгу ваятеля.

Царь взмахнул над головой сверкающим жезлом. Десятки воинов, притворявшихся мертвыми, вскочили на ноги. Остриями дротиков они кололи всех подряд. Вот ожили знатные друзья Иди-Нарума. Пробудились преданные ему жрецы. Никто из них не успел даже

поднять головы. Их закололи мечами. А сам царь ткнул дротиком шею Иди-Нарума. Тот не шевельнулся. На толстом лице царя возникла гримаса изумления. Ему сказали, что Иди-Нарум выпьет вино, а не яд. А он мертв! Тогда царь бросился к носилкам жены. Широко раскрыв глаза, в которых была ненависть, она приподнялась, встала на колени, держась за край носилок, и крикнула:

— Кто помог тебе, проклятый!? О, если б знать...

Сорвав с головы корону, Иниру с силой швырнула ее в царя. В руке царицы блеснул синий квадратный флакон. Спустя мгновение она, выдернув пробку, жадно выпила содержимое. И сразу сникла, упала на носилки.

Царь замычал от боли, нелепо тыкая жезлом в сторону рабов и горожан, застывших возле погребения, завизжал:

— Всех!.. Убить всех, кто видел!

Герай силился и никак не мог проглотить свинцовый комок, застрявший в горле. Что-то похожее на стон вырвалось из его груди. Он хотел вскочить на ноги, броситься к умирающей Иниру. Мощная рука Октема придавила его к циновке. Будто клещами, сдавил он плечо Герая. Левой рукой Октем нащупал в складках туники пакет-капсулу, включил блок антигравитации. Вместе с ваятелем непонятная для окружающих сила потащила Октема, помчала вверх по наклонному коридору. Воины, пытавшиеся преградить им дорогу, как пушинки, отлетали к стенам. Под рев и стоны

людей, добиваемых воинами царя, под звон мечей и свист дротиков Октем и Герай вихрем неслись к Этеменигуре... Топот и крики преследователей остались позади. Вот и вершина зиккурата! Из-за угла храма на них налетел воин-«бык». Октем двинул его плечом, и воин покатился по ступеням. На мгновение тонкое пение блока затихло. Отдуваясь, Октем подтащил Герая к краю террасы, сказал:

— Прощайся с Этеменигурой! И покрепче держись за меня.

Ваятель глянул вниз — зажмурился от страха, попятился назад. С такой высоты мечущиеся воины и люди в погребении казались букашками. Сюда не доносились стоны и хрипы умирающих. Снова запел мини-блок, Октем обнял ваятеля:

— Не бойся ничего!

Как раз в этот миг на вершину зиккурата ввалились шумно дышавшие воины царя... Они не верили собственным глазам: двое крепко обнявшихся людей медленно падают по дуге к водам Евфрата. «Великий бог Энки уносит кого-то в свои чертоги»,— решили они.

Прижавшись к твердой груди Октема, ваятель едва дышал. Ему чудилось, что он и вправду выпил напиток забвения, а теперь парит в обители богов Благодатной страны. Однако небесная страна удивительно напоминала земную. Те же финиковые рощи вокруг царского погребения. По-прежнему внизу струится Евфрат, чуть правее высится Этеменигура. Обоняние ловило знакомые запахи трав, цветов, прохладной речной воды. Едва не касаясь верхушек пальм, унизанных тяжелыми гроздьями, беглецы долетели до Евфрата и пересекли реку. Мини-блок тянул на пределе нагрузки и неуклонно терял высоту. Герай различал испуганные лица царских рабов, которые пахали поля на черных быках с загнутыми внутрь рогами... Вскоре началась месопотамская степь, усыпанная яркими цветами: шариками голубого огня, золотыми соцветиями с узкими листьями, пурпурными звездами. Наконец Октем и Герай достигли грохочущих водопадами истоков Тигра-Идиглату, где шумели густые рощи кедров, черной сосны и дуба. Вот горные долины Киликии, заросшие гигантскими платанами и кипарисами... Октем повернул на северо-восток. Беглецы с трудом перевалили снежные горы Арьястана и к вечеру оказались на краю Большой соляной пустыни. А на следующее утро Герай узнал родные горы и холмы, увитые зеленым плющом. Ваятель чуть дышал от пережитого и, когда ощутил под ногами твердую землю, впал в забытье. Октем привел его в чувство, дав выпить какого-то настоя из трав, как показалось ваятелю. «Сколько же луи я не был в родных краях?— думал он, глядя на горы и холмы, на серо-зеленую предгорную равнину, переходящую вдали в пески пустыни.— Да, время промчалось подобно стреле! И все-таки жаль, что все прошло так быстро. Прощай, Этеменигура!..»

— Не жалей ни о чем,— сказал Октем, прочитав его мысли.— Ты жив и дома — вот что главное!.. Да, мне помешала эта мнимая смерть царя, принесшая много бед. Если бы не это, я показал бы тебе, как обещал, и стобашенный Мемфис, и пирамиды фараонов,— Октем задумчиво повертел в руках мини-блок антигравитации: — Вот эта штука едва вывезла нас. Теперь она истощилась. А мне ведь надо в Эриду!

Герай встрепенулся, с мольбой сказал:

— Оставайся со мной! Люди Песков примут тебя, как брата!

Октем не ответил. Как объяснить ваятелю поручение Центра?

Дул теплый ветер с гор, синело небо и шелестели густые травы на равнине. До поздней ночи рассказывал Октем о странствиях по Древнему Востоку, и в мозгу ваятеля плыли живые картины, навеянные Палеохроном. Герай будто перевоплотился в Октема — так ярко переживал виденное. В знойном мареве вставал Мемфис на границе африканских пустынь... Лес мачт и парусов теснился в оживленных портах Дилмуна. Затем посреди вод океана поднялся огромный гористый остров.

— Что за земля? — прошептал Герай, ушедший в созерцание неведомых стран.

— Солнечный остров,— ответил Октем.— На нем живут большие обезьяны, ростом с тебя, друг! Они имеют длинный пушистый хвост, а ходят на двух ногах. Зовут их лемурами.

— И ты был на острове!?

Вместо ответа ваятель вдруг как бы очутился на зеленой поляне, среди редкого кустарника. Вдали чернел высокий лес. Огненные жуки летали в сумраке ночи, звонко стрекотали цикады, заглушая резкие крики лемуров... Видение исчезло, Герай открыл глаза. Октем по-прежнему был рядом — грустный, озабоченный.

— Ты счастливец,— вздохнул Герай.— Как хочется побывать там, где был ты.

Октем молчал, думая о своем. «Меня простят в Центре палеокультур. Да, я не прибуду на корабль, он напрасно прождет меня. Зато я спас для будущего гения искусств, брата и друга! Я знаю, Герай не зря проживет свой век. Семена добра прорастут в его сердце, наполнят душу — он еще создаст немало шедевров. Его стелы, рельефы — память о тех, кто во тьме веков противостоял силам угнетения и зла».

Снова в мозгу ваятеля встали «видеокадры» воспоминаний Октема... Царь Ура повелел превратить неоглядные топи нижнего течения Евфрата в плодородные нивы. Близился месяц ава — пора, когда все живое прячется в тень. Воздух накалился, зной валил с ног. А на царской барке, куда под видом гребца проник Октем, плотная ткань навесов защищала от губительного солнца. Опахала и ручные водометы создавали на палубе приятную прохладу. Но вот справа и слева потянулись топи, кишевшие гнусом. Там по пояс в воде и грязи трудились тысячи людей. Они яростно рыхлили землю мотыгами, углубляли каналы, по которым лениво стекала желтая гнилая вода.

— Такова Этеменигура без прикрас...— с горечью заметил Октем.

С барки долетали звуки арф и пение: «О, власть любви, о, волшебство...» Герай со злобой слушал песнь и думал: «Нет, не до любви тем несчастным, кому нечем прикрыть голову от нестерпимого солнца. Не до любви рабам, чья кожа покрыта рубцами от ударов бича! Зло, ты еще торжествуешь, ты цветешь ядовитым цветом!..»

Еще раз настало забытье. «Спи до утра,— внушал Октем.— Теперь я скажу, откуда ты родом, я бывал там. В устьях реки Аму-Бешеной живет твое племя. Отец твой — Урсэт, охотник, мать — Озерная Лилия. Они любили друг друга, но старый вождь разлучил их — послал отца добывать меха в лесах полуночных, где «белки идут дождем, а

соболя скачут черной метелью». Странствуя по лесам, отряд Урсэта вышел к Неведомой реке — Волге. Ясноглазые, русые люди приветили его, дали много вкусной рыбы. Далекие потомки тех рыбаков создадут в будущем с народами пустынь и степей Страну свободы...» и Герай увидел на берегу Аму дом своего племени — огромную каркасную хижину. «Взгляни на мать»,— шепнул Октем. Юная гибкая девушка собирала на отмели ракушки. У нее милое лицо, карие глаза. «А вот твой отец». Юноша-богатырь в драной оленьей шкуре сказал вождю: «Я вернулся, добыл мех. Ты доволен?» Старик прячет блеклый взгляд, цедит: «Ладно. Иди». Октем поясняет: «Пока не было Урсэта, он увел к себе Озерную Лилию. Та не покорилась, ее кинули в темницу. Ночью Урсэт освободил ее и бежал с ней на дальний речной остров. Вскоре родился ты. Но вождь отыскал их! В коротком бою Урсэт убил вождя и двух родичей, остальные скрылись. Озерная Лилия не убереглась: ее пронзила вражеская стрела».

И Герай видит умирающую. Ее губы шепчут: «Ищи меня в стране предков, Урсэ-эт. А сын в корзине, за кустом». ...Горит костер, факел огня и дыма закрывает Озерную Лилию.

...На плоту — Урсэт, меж колен — корзина с малышом. «Отец плывет по Узбою»,— сказал Октем. Ночами плот у берега, а днем Урсэт плывет, сосредоточенно высекая резцом на халцедоне образ Озерной Лилии. Скорбны черты ее лица — и невыразимо прекрасны. «Здравствуй, оте-ец,— шепчет Герай,— где же найти тебя?» ...Но не доплыл Урсэт к Морю Каспов: ночью схватили его люди в овечьих шкурах, он отчаянно дрался и был убит. «О боги зла, за что?..» — простонал Герай... Через пустыню идет караван ослов. На одном — та корзина. Караван идет быстро — спешит доставить с Узбоя в Уркат свежую рыбу.

А глубокой ночью, стараясь не разбудить крепко спавшего Герая, Октем встал. С грустью смотрел он на ваятеля: «Прощай, брат и друг! Не сердись на меня. Я ухожу совсем». Он впечатал в мозг Герая телепатему: «Оставляю тебе свою частицу — Зеркало будущего. Храни его крепко! Оно очень нужно людям моей родины. Но чтобы Зеркало пришло к ним, сделай так: замуруй его в какую-то стелу, которую ты создашь. Стелу закопай глубоко у стены родного города. Тогда Зеркало попадет в будущее, откуда приходил я. Прощай! Будь счастлив!» Октем неслышно вскрыл псевдобелковый череп, отсоединил Палеохрон от системы и вложил в руку Гераю. Тот сладко причмокнул во сне. Затем Октем отступил в темноту и ринулся вниз по склону холма: он торопился уйти как можно дальше, пока не включился автомат самораспада. Еще шаг, другой — и Октем упал. Во мраке ночи полыхнула зарница лилового света. К звездам умчался поток излучений. Последним растаял блок распада.

...Все, чему были в Уре свидетелями Октем и Герай, произошло за тысячу девятьсот лет до Навуходоносора и падения Вавилона — наследника цивилизации шумеров.

Вместо эпилога

«Ашхабад. Центр палеокультур. 25 июля 20... г.

В районе новейших археологических раскопок найдена так называемая «стела Герая из Урката». Логическая ЭВМ произвела дешифровку загадочных орнаментальных рисунков на стеле и выдала странный текст на шумерском языке: «Будущие люди Страны черных песков! Я высек это в память о друге, которого потерял. Его зовут Октем, он мудрец из Ашхабада, но я не знаю такого города. Октем сказал: «Он еще будет». Я, Герай из Урката, много пережил. В священном Уре я украшал чудо мира — Этеменигуру, видел погребение царя Благодатной земли. И Зеркало, которое оставил мне бесследно исчезнувший друг, поведает вам обо всем. Оно спрятано в тайнике под рельефом. Молю вас: отыщите его!

Итак, я исполнил волю друга Октема. Привет вам, люди! Живите в мире».

ЛЮБЕН ДИЛОВ

БЕСЕДА В ЛУННУЮ НОЧЬ

(К ВОПРОСУ О ДЕЛЬФИНАХ...)

Фантастический рассказ

Художник А. ПАВЛОВ

В последнее время часто публикуются научные и научно-популярные статьи о жизни дельфинов, о попытках человека проникнуть в мир этих загадочных существ. В Советском Союзе даже запрещена охота на дельфинов. Теперь я уже не имею права скрывать то, что узнал несколько лет назад. Правда, и сейчас я не знаю, насколько все это достоверно, и поэтому не буду называть имена людей, замешанных в этой истории.

Находился я тогда в западном полушарии. Закончив работу, ради которой меня туда послали, я стремился как можно скорее увидеть Тихий океан, искупаться в его волнах. Согласитесь: невозможно быть от него в какой-нибудь тысяче километров и так и не добраться до него. Ведь с детских лет в своих мечтах я бороздил его воды на фрегатах и бригантинах. Ни секунды не колеблясь, я выложил половину сэкономленных денег в кассе авиакомпании и через несколько часов оказался в городе, который справедливо называют жемчужиной океанского побережья.

Действительно, он оказался великолепным. Но три дня, которые я в нем провел, вряд ли запечатлелись бы в моей памяти с такой силой, если бы мои подкашивающиеся от беготни по музеям ноги не привели меня случайно в актовый зал местного университета. Там проходил конгресс тихоокеанских ихтиологов, и мое журналистское удостоверение позволило мне занять кресло в одном из уютных уголков бельэтажа. Тут я мог даже незаметно вздремнуть. Мне нужно было немного отдохнуть, но в то же время по своей профессиональной привычке я не хотел и упустить ничего интересного, что касалось подводного мира Тихого океана.

Я перелистал программу, которую швейцар дал мне у входа, и сразу выпрямился в кресле. Усталость как рукой сняло. Имя докладчика, как раз поднимавшегося в эту минуту на трибуну, было хорошо мне известно. Это был один из пионеров в области изучения дельфинов, директор крупнейшего в мире океанариума.

Три десятилетия назад он начал эти исследования, пожертвовав всеми своими средствами, и не встретил никакой поддержки. Он построил возле города два маленьких бассейна для своих питомцев, и долгие годы единственным средством существования были для него жалкие гроши посетителей, приходивших посмотреть на трюки нескольких дрессированных дельфинов. Наконец ему удалось пламенными статьями и убедительными научными аргументами вызвать интерес у некоторых научных учреждений к этим странным существам, которые проявляют любовь и интерес к человеку. Теперь профессор Дж. Н. стал признанным авторитетом, и научный мир напряженно ожидал, когда же он найдет способ проникнуть в загадочный мир дельфинов. Поиски проходили в трех направлениях: изучался мозг дельфинов методами сравнительной анатомии, биохимии, биофизики и нейрофизиологии, анализировались способы их общения между собой, делались попытки обучить животных элементам человеческой речи.

Профессор заявил, что не будет говорить о вещах, всем хорошо известных, а лишь сообщит последние результаты своих работ. И все-таки он позволил себе сделать нечто такое, что, видимо, было рецидивом времен, когда ему приходилось демонстрировать различные трюки своих питомцев. Почти жестом фокусника он подал знак своему ассистенту и объявил:

— Но сначала послушаем приветствие наших морских друзей, обращенное к уважаемому конгрессу ихтиологов!

Ассистент включил магнитофон, стоявший на столе рядом с кафедрой, и зал университета наполнился плеском каких-то двигавшихся в воде тел, криками, писком, бульканьем, тявканьем. Потом шум поутих, ясно и четко прозвучало:

— Ттобрый ттень, ттрузья, лютти. Шелаем сторофья и успеххоф. Ттобрый ттень, ттрузья лютти, шелаем сторофья и успеххоф...— дальше последовала длинная вереница звуков, тихих и ласковых, словно кто-то доброжелательно говорил на непонятном языке.

Это был не человеческий голос, и сотни достойнейших представителей науки, заполнявших громадный зал, окаменели. Профессор Дж. Н. с торжествующей улыбкой произнес в наступившей мертвой тишине:

— Это был дельфин Моро. Приглашаю вас завтра в океанариум, где он лично скажет вам...

И в этот миг в партере кто-то громко прокричал:

— Позор! Это издевательство над существами, которые стоят выше нас. Вы — убийца! Прекратите свои преступления, убийца! Убийца, убийца!..

Я так перевесился через балконные перила, что чуть не упал вниз, где царила невероятная суматоха, но все-таки сумел рассмотреть возмутителя спокойствия, который, пытаясь вырваться из рук двух распорядителей, продолжал выкрикивать свое скандальное «убийца!». Но через несколько минут он так же внезапно умолк и покорно позволил вывести себя из зала.

Я бросился вслед за ним — при таких обстоятельствах ни один журналист не усидел бы на месте. Скандалист уже шел по улице, низко опустив голову.

— Извините...— остановил я его.

Он повернул ко мне продолговатое, измученное лицо, которое все еще подергивалось от пережитого волнения. И я увидел глаза, большие, глубокие, зеленоватые, как воды Тихого океана. Одет он был в сильно поношенную, но опрятную хлопчатобумажную одежду, его можно было бы причислить к раздавленным бедностью жителям большого капиталистического города, если бы вся его фигура отшельника не сохраняла горделивое достоинство. Я назвал себя.

— Не верю журналистам,— безапелляционно заявил он.— Я имел дело с ними. Некоторые из них все поняли, но не посмели написать об этом, боясь, как бы их не сочли сумасшедшими. Для этого нужны силы. Нужно много сил для такой правды и большая смелость.

Я осторожно объяснил ему, что я не из здешних журналистов, что правда для меня дороже всего и что всегда испытывал симпатию к этим морским существам и так далее. А он пытливо смотрел внутрь меня своими зеленоватыми глазами и после некоторого колебания произнес:

— Ну ладно! Спросите обо мне профессора, и он скажет вам, что я сумасшедший, но если вы хотите серьезно выслушать меня, я приду к вам вечером. В каком отеле вы остановились?

Он пришел вскоре после того, как город запылал радужным пламенем бесчисленнных рекламных огней, и сразу же иронически спросил:

— Ну, что вам сказал профессор Н.?

Он угадал. Не имело смысла скрывать, что у меня состоялся разговор с профессором. Это было довольно продолжительное интервью, в результате которого моя записная книжка заполнилась любопытными научными фактами, и любая газета напечатала бы интервью, сделав его гвоздем номера. Профессор был более чем любезен со мной.

— Он очень сожалеет, что потерял вас как ассистента. Вы были его лучшим сотрудником,— постарался я ответить как можно деликатнее, но, увидев его улыбку, добавил: — Еще он сказал, что внезапно вы заболели какой-то идеей-фикс и однажды ночью в состоянии сильного душевного смятения выпустили в океан всех его дельфинов. Но он не сердится на вас, хотя своим поступком вы серьезно помешали его исследованиям...

— Когда он поймет, что его наука ничего не дает, то совсем перестанет на меня сердиться.

— У меня нет оснований не верить ученому, признанному всем научным миром,— сказал я с легким раздражением.

— Вы сами захотели, чтобы я представил вам доказательства против него,— произнес он с обезоруживающей логикой.— То, что сегодня произошло на конгрессе, произошло помимо моей воли... Я просто потерял самообладание, когда увидел это издевательство... Но... я хотел вам сказать... Впрочем, пойдемте со мной, и вы сами кое в чем убедитесь.

— Куда вы хотите меня отвести?

— К дельфинам. Чтобы вы убедились в их разуме.

Нет, этот человек действительно был не в своем уме!

— Пойдемте,— настаивал он.— Уверяю вас, вы не пожалеете.

Если бы он убеждал меня с фанатической страстью, если бы

нападал на профессора, вряд ли я согласился бы пойти, но он говорил тихо, с грустной улыбкой. И я сдался на уговоры.

— Возьмем такси,— предложил он все таким же голосом.— Сегодня луна заходит рано, и у нас мало времени, ведь нам нужно уйти как можно дальше от людей.

«Ну да!— сказал я себе.— Разве можно обойтись без луны — необходимой декорации для любой таинственной и романтичной истории?» Я злился на себя все больше и больше. Если он действительно ненормальный, ждать можно чего угодно, даже нападения. Сейчас он тихий, но... когда мы останемся вдвоем... Однако вскоре я устыдился своих мыслей: весь вид моего спутника выражал кротость и доброту.

Он сидел молча.

— Почему вы молчите?— спросил я.— Говорите! Подготовьте меня к тому, что мы увидим!

Может быть, он спал? Или молился? А может, находился в каком-то трансе?

— Вы уверены, что профессор Н. не любит дельфинов? Ведь он всю жизнь и все средства свои потратил на них! И с какой страстью он их защищает! Долгие годы!

— Извините меня,— откликнулся мой спутник, будто проснувшись,— понимаете, когда я отправляюсь к моим друзьям, мне необходимо подготовиться, освободить свой дух от вещей, которые нам мешают. Вы меня о чем-то спрашивали?

Я повторил свой вопрос.

— Ну что ж, его любовь выглядит примерно так. Скажем, я вас не знаю, но заявляю, что люблю вас, и чтобы узнать вас получше, прежде всего вспарываю вам живот — хочу увидеть, что у вас внутри, потом разбиваю вам череп и всовываю в мозг разные электроды, пропускаю через них электрический ток, колю вас иглами и другими приспособлениями, а потом с палкой в руке заставляю учить язык марсиан, если такой, разумеется, существует. Как бы вы отнеслись к такой любви?

Есть люди, фанатически преданные идее защиты животных, они не допускают и возможности никаких опытов с ними.

Поэтому я промолчал на этот раз.

— И представьте,— продолжал он,— я делаю все это, хотя есть совсем простой способ узнать многое о вас: спросить — и вы расскажете, что сами знаете о себе.

Нужно было, наконец, что-то сказать, и я вздохнул демонстративно громко:

— Да, конечно, но дельфины, к сожалению, ничего не могут рассказать!

— Могут!— горячо возразил он и подался вперед.— Могут! И мы в состоянии их понять! Знаете, когда меня объявили сумасшедшим? Когда я научился разговаривать с дельфинами так же, как это делали некоторые до меня, в основном рыбаки, но из тех, старых, для которых море — это жизнь, а не фабрика по добыче рыбы... Это было, когда я их насильно заставил уплыть в океан.

— Насильно?

— Да, они настолько добры и так самоотверженно нас любят, что не хотели покидать океанариум. Некоторые из них даже вернулись после того, как пожили немного среди своих. Они плавали

около берега, пока не появились сотрудники профессора. Дельфины сами поплыли в сети.

— Значит, им было хорошо у профессора?

— Ну да, хорошо! Я же вам говорю, что они готовы выносить любые страдания, лишь бы мы поняли их и поверили в их добрую волю. Потому что они-то нас знают!

— Правда? — произнес я, стараясь не выдать своего недоверия.— А как вы научились с ними разговаривать?

— Я не совсем точно выразился,— ответил он живо.— Не научился, а вдруг понял, что разговариваю с ними. Была теплая ночь с большой и чистой луной — одна из тех, когда трудно уснуть. Я был в полном отчаянии после очередной безуспешной попытки понять хоть какие-нибудь из тех пятидесяти звуков, которые издавали наши питомцы и которые я неутомимо записывал на магнитофонные ленты. Я решил пройтись, хотя падал от усталости после жаркого летнего дня. Присел возле одного из бассейнов и вздохнул: «Милые вы мои, хорошие, скажите, что же у вас за язык, на котором вы говорите, а то вот уже десять лет мы не можем разгадать смысла ваших пятидесяти слов!» Вода была совершенно неподвижной, потому что ветер стих, а две пары дельфинов, жившие в этом бассейне, видимо, спали. В бассейне и они научились спать ночью. Ведь днем мы не оставляли их в покое. Так я смотрел на воду и разговаривал вслух сам с собой. Вдруг у самых моих ног появилась морда Ники. Я узнал его, потому что было совсем светло, и сказал ему: «Я разбудил тебя, Ники? Прости, я сейчас уйду!» И вдруг он мне ответил: «Меня разбудила твоя печаль, дружище». Я не поверил своим ушам, хотя у меня было ощущение, что слышу его голос вовсе не ушами. Я повторил свои слова немного громче, и снова до меня дошел его ответ, но на этот раз слова располагались в другом порядке: «Твоя печаль разбудила меня, дружище». Теперь я уже понимал, что слышу не звуки, а голос внутри себя, и совершенно отчетливо. Я онемел, а в мозгу замелькали вполне естественные мысли: это невозможно, это обман, галлюцинация, лучше побыстрее уйти и выпить снотворное... и тому подобное. Но кто-то настойчиво мне говорил: «Ну что ты мучаешься, дружище? Перестань. Вот ты меня уже и понимаешь. Я тот, кого вы назвали Ники. Сначала мне это имя не нравилось, но потом я полюбил его, потому что понял, что вам приятно так меня называть. Ты давно пытаешься сказать мне все это, но твоя мысль ускользала от меня, а сейчас я тебя услышал. А ты слышишь меня?»

— Слышу, Ники,— сказал я ему, испытывая огромное волнение. А он продолжал: «Не давай мысли ускользать от меня и от себя, тогда мы сможем разговаривать. Мы столько должны рассказать друг другу, правда? Ты сам это знаешь». И всю ночь мы разговаривали с Ники. Он рассказал мне все, что знал о себе и о дельфинах, а я ему все, что знал о себе и о людях. Но оказалось, что о дельфинах я не знал ничего, хотя уже десять лет изучал их, а Ники знал о людях даже такие вещи, о которых я и не подозревал.

На следующую ночь я снова разговаривал с Ники и спросил его, могу ли я беседовать и с другими дельфинами. Он ответил утвердительно. Все дельфины точно таким же образом разговаривают между собой, а вовсе не с помощью тех пятидесяти звуков, оставшихся от их древнего средства общения. Ныне эти звуки

представляют собой лишь инстинктивные восклицания типа междометий. Тогда я направился к другим бассейнам и несколько ночей беседовал с разными дельфинами. А потом меня охватило настоящее безумие от всего, что я услышал, и я выпустил дельфинов в океан. Я не мог больше видеть, как профессор Н. истязает их своими зверскими исследовательскими методами.

«Обычная история! — сказал я сам себе. — Шизофреническое раздвоение личности». И вдруг услышал тихий смех человека, сидящего рядом.

— Вы знаете, что и люди могут разговаривать друг с другом таким же образом? Нужно только захотеть и немного поупражняться. Хотите, я вам скажу, что вы только что подумали: «Обычная история. Шизофреническое раздвоение личности». — Он снова засмеялся, но тут же поспешил извиниться: — Не обижайтесь на мой смех, прошу вас! Впрочем, можно остановить такси.

Мы оказались под звездами и луной, которая проложила сверкающую дорогу на поверхности океана.

— Вы добрый человек, поэтому я вам и доверился. Вы знаете, у дельфинов я научился узнавать людей и редко ошибаюсь, так как могу слышать то, что они говорят иногда только самим себе...

Мы вышли из машины, свернули с шоссе, и я споткнулся о прибрежный камень, ослепленный блеском лунной дороги и оглушенный могучим шумом прибоя.

— Сядьте здесь! — сказал мой проводник, и я сел как загипнотизированный.

Передо мной расстилался Тихий океан. Но сейчас это был не тот океан, о котором я мечтал еще ребенком, и не тот, в котором я купался вчера. Это было нечто бесконечное, гипнотизировавшее меня мириадами серебряных глаз и звавшее меня голосами мириадов живых существ. Все это устремлялось ко мне, а я шел к нему с ощущением, что возвращаюсь туда, откуда когда-то в незапамятные времена вышел.

— Вы меня слышите? Очнитесь и слушайте меня!

Мой проводник, склонившись ко мне, тряс меня за плечи.

— Что? — спросил я.— Мы пришли?

— Да,— ответил он, и я удивился, потому что ожидал чего-то другого.

— Сейчас я их позову,— сказал он.— Но не делайте ничего такого, чем можно их оскорбить. Сидите неподвижно и слушайте! Слушайте меня и слушайте себя. Обдумаете все потом, сейчас самое важное — верить! — Он говорил громко и внушительно, но, может быть, просто пытался перекричать прибой? — Нужно верить, понимаете? Верьте тому, что услышите в самом себе. В этом нет ни мистики, ни самовнушения! Это как разговор с самим собой. Если захотите их спросить о чем-нибудь, спросите себя, если захотите им что-то сказать, скажите себе. Но это не так просто. Нужно быть абсолютно искренним, таким искренним, каким человек очень редко бывает даже с самим собой. И самое трудное для нас, людей,— освободиться от притворства и самообмана, лицемерия. И если вам это удастся, вы будете разговаривать с дельфинами. Потому что это язык жизни во Вселенной. Мы тоже его знаем, каждый человек держит его в клетках своего мозга, но он так редко в нас звучит, что мы перестали его понимать. Вот почему сейчас нужно просто поверить в него, по-ве-рить!

Последнее слово он произнес по слогам, и каждый слог прозвучал во мне с большой силой. Каждая клетка моего тела дрожала и гудела в такт вздохам океана. Мой спутник подошел к самой воде, устремив взгляд в пространство. И я видел, что он уже не безумец, каким казался мне вначале, а как бы часть того, что доносится из самых недр рассеченного лунной дорогой океана. Я сидел и внимал, уже не понимая, идет ли этот зов от моего спутника или ото всего вокруг.

— Я ждал тебя вчера,— услышал я внезапно.

— Прости! — раздалось в ответ.— Я сегодня не один.

— Вижу. Кто с тобой?

— Человек, который тоже вас любит.

— Он боится.

— Да, пока еще боится, но это добрый человек. Где другие?

— Сейчас появятся. Они уплыли наловить для тебя рыбы.

Я напряженно всматривался в неподвижную фигуру, склонившуюся к воде, и слышал два голоса, которые были абсолютно одинаковые, и все же они принадлежали разным существам. Внезапно мой проводник оглянулся, я вздрогнул...

— Первый приплыл,— сказал он мне.

— Я понял,— ответил я.— Я слышал ваш разговор.

— Слышали? Тогда все в порядке! А видели его? Вон там!

Я вытянул шею, не вставая с места: большое блестящее черное тело покачивалось на тихих волнах и медленно приближалось. Мне

показалось, что я встретился с ним взглядом.

— Скажите ему,— попросил я,— что я не боюсь их и что я действительно их уважаю!

— Хорошо,— ответил нерешительно мой провожатый, и я напряг свой внутренний слух.

— Слышали ответ?— спросил он меня через некоторое время.

— Нет,— ответил я.

— Потому что себе вы говорите другое. Я же вас предупредил, что нужно быть искренним!

— Что он ответил?

— Вы боитесь. Боитесь океана, меня, того, что они несут в себе, и того, что в вас и что пытается соединиться с тем, что в них.

Я закрыл глаза и попробовал сосредоточиться, уйти в себя. Что-то новое росло и росло во мне, вытесняя суетные желания и мысли. И я услышал собственный голос.

— Разве я боюсь?

— Да, ты боишься,— ответил мне другой голос, но он был неотличим от моего.— Боишься, потому что не знаешь этих сил, потому что никогда не пытался найти их ни в себе, ни вне себя.

— Сейчас уже, кажется, не боюсь,— проговорил я.

— Да, уже боишься меньше. И мы можем стать друзьями. Ты перестаешь быть человеком, считающим себя венцом природы, и я для тебя перестану быть животным, и мы сможем понять друг друга.— Он засмеялся и весело перепрыгнул через волну, как это обычно делают дельфины.— Я тебе изложу наши истины, а ты мне свои. Так разговаривают друзья, а раз мы друзья — не будем обижать друг друга, ладно?

Я попытался вспомнить свои истины, чтобы рассказать о них, но не смог; словно все они уплыли в темноту и тишину. Поэтому я спросил:

— За что же вы нас любите?

— А разве можно не любить своего брата, если он даже в чем-то и заблуждается?

— Это ваша истина?

— Да,— ответил он.

— Два и два четыре,— сказал я внезапно.

— Что это значит?

— Это одна из наших истин.

— Я не понимаю,— произнес он смущенно.

— Привет, дружище!— раздался еще один голос.— Я понимаю! Это ваш счет, да? Самое большое ваше заблуждение!

— Почему заблуждение? До сих пор я разговаривал с одним дельфином, сейчас приплыл ты. Один дельфин и один — это два дельфина.

— Нет, есть только один дельфин и... дельфины. И так со всем.

— Ага!— сказал я торжествующе.— Для вас существует только единица и множество. Да ведь это самая примитивная ступень восприятия.

Оба дельфина перевернулись через голову в волнах, и я услышал смех, веселый и безобидный. Потом второй дельфин сказал:

— Ты можешь пересчитать волны в океане? Можешь пересчитать звезды во Вселенной или измерить бесконечность? Счет нужен для движения тела, но он мешает духу проникнуть в бесконечность.

А вы привыкли все считать, и тяжелее всего вам бывает, когда чего-нибудь слишком много.

Я хотел возразить, но вдруг осознал; что они правы, что понимают Вселенную лучше нас, может быть, потому, что живут в океане, а он дает более верное представление об изначальном космосе.

— Говорят, когда-то мы были очень близки,— грустно заговорил первый дельфин.— Но насколько подвижнее и совершеннее стали ваши конечности, настолько неподвижнее и примитивнее стал ваш дух. Вы убиваете друг друга. Тяжко нам видеть, как ваши плавающие и летающие дома тонут в океане, а вы становитесь пищей рыб. Когда-то вы хотя бы с нами не вели войны и считали нас своими друзьями, а теперь вы уничтожаете и нас. Почему?

— Это тоже идет от счета,— ответил другой дельфин, который был, очевидно, старше и опытнее.— Они считают, и им всегда всего мало. Они становятся ненасытными...— подсказал он невольно мне нашу вторую истину.

— Но мы не можем, как вы, только беззаботно кувыркаться в волнах!

— Ты видишь только наши тела, а телам нужно не так уж много пищи и тепла.

— Это утверждают и люди.

— Человеческий мозг открыл те же истины, что и наш. Но вы не знаете, какие из них сделать выводы. Потому что поклоняетесь числам, а числа умерщвляют дух.

— Нужно изменять мир! Человек призван изменять и создавать.

— И это вы неправильно поняли,— ответил он.— Вы, как и мы, можете изменять и создавать только самих себя. Так делают все разумные существа во Вселенной, поскольку и она сама непрерывно себя создает. А вы заняты тем, что приспосабливаете вещество к нуждам своего тела и, воображая, что это и есть изменение, не замечаете, что дух ваш остается все таким же, что в нем умирают те силы, благодаря которым вы могли бы проникнуть в глубины Вселенной.

— Не верю!— остановил я его, но вдруг почувствовал, что ничего во мне не противится его словам.

— Прекратим этот спор!— вмешался другой дельфин.— Неужели вам обоим не надоел он? Лучше прогуляемся, друзья! Посмотрите, какая чудесная ночь.

Я как бы пришел в себя и опять услышал шум прибоя и увидел лунную дорогу.

Мой спутник стоял на краю скалы, а бесконечная гладь океана лежала у его ног. Я приподнялся и увидел возле него двух дельфинов, длинные, черные тела которых были похожи на торпеды.

— Я скоро вернусь,— сказал он.

Через мгновение с царственным спокойствием он несся, как Посейдон, по лунной дороге, тянувшейся к самому горизонту. Его несли на себе два дельфина.

— Не ве-е-е-рю-ю!— закричал я и бросился бежать в обратном направлении, к полю, в темноту.— Не верю-ю-ю!

Я бежал и кричал, пока не выбрался на шоссе. Оно вело к неоновому сиянию, под которым лежал город...

На другой день, не успел я проснуться и подумать о своем

странном сне, как в мою комнату постучалась горничная.

— Это письмо оставил для вас какой-то господин еще утром,— сказала она довольно фамильярно.— А вы все спите и спите.

— Мы, туристы, очень устаем,— ответил я.

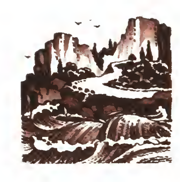
— Да, туристы очень устают,— засмеялась она.

Как только она вышла из номера, я прочитал письмо:

«Дорогой друг, почему вы меня не дождались? Я испугался за вас, но успокоился, узнав, что вы спите. Не может быть, чтобы вы меня неправильно поняли. Я хотел только дать вам наглядное доказательство того, во что вы уже поверили. Отдохните хорошенько, а завтра вечером мы снова пойдем к нашим общим друзьям. Ведь им нужно сказать вам еще столько важных вещей! Будьте здоровы! Ваш Х.»

Я вскочил с постели. «Ваш Икс!» «Ваш Икс!» — Черт побери, неужели все это действительно было? Придя в себя, я решил немедленно уезжать. Немедленно, пока я окончательно не сошел с ума. Так я и сделал. Может, мне надо было еще раз пойти в лунную ночь к океану с бывшим ассистентом профессора? А?

Сокращенный перевод с болгарского
Л. Никольской

14 -781

ЭРМАННО ЛИБЕНЦИ

ТУРИСТЫ АСТРОКЛУБА

Фантастический рассказ

Художник А. ГРАШИН

В теплую летнюю ночь 2033 года гигантский радиотелескоп австралийской обсерватории в Маунт-Брюс, как всегда, ловил сигналы из космоса, загадочные, еле слышные шумы и потрескивания. И вдруг с одной из бесчисленных звезд Млечного Пути донесся четкий мощный сигнал. Ученые прильнули к радиотелескопу.

— Похоже на азбуку Морзе,— прошептал один из них.

Он схватил ручку и стал лихорадочно записывать: «Вни... внима... внимание... Послание с планеты Зенит для планеты Земля».

Астрономы затаили дыхание. А планета Зенит продолжала вызывать Землю: три, пять, десять, двадцать раз. Потом все смолкло. Ученые уже начали терять надежду еще раз поймать передачу. Но тут снова из космоса донеслось характерное тиканье: «Астроклуб планеты Зенит в сотрудничестве с туристическим объединением Галактики организовал для своих членов, мужчин, женщин и детей, большое межпланетное путешествие. В этом году его маршрут включает короткую ознакомительную экскурсию по планетам Солнечной системы. Туристы посетят кольца Сатурна и три дня пробудут на Земле. Просим корабли землян вылететь нам навстречу. Наше прибытие в район Луны ожидается 7 мая 2034 года». Послание было повторено для верности десять раз.

Ученые немедленно сообщили о сенсационной новости в Центр галактических исследований, и в пять минут она разнеслась по всему свету, вызвав повсюду огромное волнение и еще большее любопытство.

Собственно, землян почти не удивило сообщение, что должен прилететь корабль с другой планеты. За последнее время было открыто несколько обитаемых планет. Наибольшее впечатление произвел тот факт, что с планеты Зенит летят туристы. Ведь если жители Зенита могут позволить себе столь дорогостоящее путешествие, значит, они весьма богаты и превосходят землян в научной и технической областях. И, что очень важно, у них нет никаких враждебных намерений. Словом, многие радостно потирали руки:

промышленники — в предвкушении выгодного торгового соглашения, главы правительств — в надежде заполучить могучего союзника, ученые — в ожидании новых открытий, поэты — в уверенности, что столь выдающееся событие вдохновит их на поэмы и оды... По различным, сугубо частным причинам возликовали, услышав об этой новости, фотографы, продавцы сувениров, генералы, актеры, продавцы фальшивых драгоценностей, философы и владельцы табачных лавок. Все они надеялись, что с прибытием туристов Астроклуба сами собой исчезнут их затруднения.

Поэтому, когда правительства ряда стран решили организовать грандиозные манифестации в честь инопланетян и ввели особый галактический налог, люди не выразили никакого протеста. Разве можно ударить лицом в грязь перед столь именитыми гостями?

Быстро пролетели осень и зима, настал долгожданный момент встречи. Корабль землян, на борту которого находились представители правительств, общественных и деловых кругов, взял курс на Луну. Встреча, как и было намечено, состоялась 7 мая 2034 года в двухстах километрах от Луны.

Пилоты космокораблей блестяще произвели стыковку. Открылись люки, и делегация землян проследовала на корабль астротуристов. Его салон был просторным, ярко освещенным, великолепно обставленным и богато декорированным. Астротуристов было человек сто, они все проявили живейшее любопытство, что вообще характерно для туристов, еще не перегруженных впечатлениями. Дружеские улыбки, горячие рукопожатия... Обитатели Зенита были двухметрового роста, а волосы у них оказались фиолетовыми. В остальном они мало чем отличались от землян. Они знали все земные языки, так как давно уже принимали радиотелефонные и телевизионные передачи с нашей планеты.

Затем оба корабля произвели расстыковку и направились к Земле.

— Друзья, настало время рассказать вам о планете, которую вы намерены посетить,— обратился к зенитианам глава делегации землян.— С чего же начать?.. Гм... начнем с последних шестидесяти лет. Прежде всего, меньше века тому назад Земля была почти необитаемой — каких-нибудь три миллиарда жителей против нынешних пятидесяти. Теперь вы ясно представляете себе, какие сложные проблемы пришлось нам решать: к примеру, проблему питания и нехватки площади. А тут еще со всей серьезностью надвинулись проблемы образования, расселения, изыскания новых видов энергии...

Один из зенитиан, директор Астроклуба, поднял руку. Он хотел прервать на миг представителя землян и сказать ему, что на Зените эти проблемы разрешены шесть тысяч лет назад. Но увлекшийся рассказом глава делегации землян ничего не заметил, и директор Астроклуба опустил руку.

— Почти до конца прошлого века мы выпускали машины, выполнявшие в основном чисто физическую работу. Но когда началось производство атомных бомб, ученые поняли, что человеческий мозг не в состоянии быстро производить сложные и длинные вычисления. Поэтому были созданы электронные устройства, способные за одну тысячную секунды выполнить расчеты, для которых миллионам математиков понадобились бы миллионы лет.

— Очень интересно,— без всякого энтузиазма откликнулся директор Астроклуба.

— И вот теперь «электронные мозги», как мы называем электронно-счетные устройства, с помощью верных роботов делают абсолютно все,— торжественно объявил глава делегации землян.

— Как понимать «абсолютно все»?— спросил один из туристов.

— Это означает, что они выполняют все работы, которые раньше выпадали на долю человека. Теперь мы можем отдыхать и наблюдать за работой роботов. Бесподобно, не правда ли?

Зенитиане молчали.

— Мы давно уже поняли, что электронно-счетные устройства все делают лучше нас,— продолжал глава делегации землян.— Они водят любые корабли, руководят производством, безошибочно вершат правосудие.

— О господи!— вырвалось у одного из туристов.

— Но и это еще не все... Впрочем, остальное вы скоро увидите сами.

— Скажите, а как вы разрешили проблему питания?— спросил пожилой зенитианин.

— Прежде всего путем создания искусственных продуктов из пластических масс, а также разведения и отлова рыбы в океанах.

— А что стало с сельским хозяйством? Вы по-прежнему разводите домашних животных?

— Мы сократили их поголовье до минимума. Зато уцелевшие виды стали куда более продуктивными. Используя атомную энергию, мы растопили льды у полюсов, обводнили пустыни. На всей планете климат стал теплым и почти одинаковым. Жители Сибири и Канады могут теперь круглый год купаться в реках и в море. На Земле не осталось неосвоенных, незаселенных районов. Разве это не великолепно?!

— Гм, пожалуй,— неопределенно ответил директор Астроклуба.— Но какие же еще чудеса вы сотворили?

— О, всех не перечесть! Мы ликвидировали всю растительность, которая была несъедобной: бесполезные деревья, кусты и травы, включая, разумеется, и цветы. На месте прежних лугов и лесов мы воздвигли огромные города, построили заводы, дороги, космодромы. В своем нынешнем виде сельское хозяйство не нуждается в обширных площадях. Мы научились собирать богатейшие урожаи с маленьких участков земли. Ну, что вы на это скажете?

— Весьма впечатляет,— искренне признался пожилой инопланетянин.

— Я был уверен, что наша цивилизация произведет на вас потрясающее впечатление,— с довольной улыбкой сказал глава делегации землян.— Итак, после устранения ненужной растительности мы приступили к уничтожению животных. В отдельных случаях нам для этого не понадобилось даже пошевелить пальцем. Такие доисторические виды, как лошадь, верблюд, осел, буйвол, исчезли сами собой, не выдержав состязания с машинами. Изменение климата также сделало свое дело: белые медведи, тюлени и пингвины погибли от перегрева, а слоны, жирафы, гиппопотамы, носороги — от холода. Что же касается остальных животных, то ими пришлось заняться вплотную.

— Заняться? Это в каком же смысле? — испуганно воскликнули зенитиане хором.

— Да, это была совсем не легкая работа. Особенно много хлопот доставили львы и тигры. Впрочем, они были обречены. Не могли же они кормиться бифштексами из пластика.

— А птицы?

— Они мешали полетам и лазерным передачам,— ответил глава делегации землян.

— Ну а собаки, кошки?

— Слишком были прожорливы. Они остались лишь в зоопарках. Впрочем, три вида домашних животных мы сохранили — коров, кур и свиней. Но и их немного — места, знаете ли, не хватает. Впрочем, химия позволяет творить чудеса. Корова, получившая соответствующую дозу химических веществ, дает в среднем пятьсот литров молока в день, цыпленок на четвертый день достигает десятикилограммового веса, а курица ежесуточно сносит двенадцать квадратных яиц.

— Почему же квадратных? — удивились туристы.

— Так их легче упаковывать. Мы покорили природу, подчинили ее себе. И все благодаря новейшим «электронным мозгам» и роботам. Теперь на Земле наступила полная гармония.

Туристы в ответ лишь вздохнули.

— Я вижу, вы немного устали,— сказал глава делегации землян.— Вам не мешает отдохнуть. Через три часа мы приземлимся.

Полет продолжался безо всяких происшествий. Зенитиане, сидя полукругом, задумчиво смотрели в иллюминаторы.

Когда оба корабля приземлялись на стальной дорожке космодрома, гостей уже ждали несметные толпы. Земляне встретили туристов с планеты Зенит оглушительными аплодисментами и восторженными криками, несколько напугавшими гостей. Спустившись по трапу под вспышки блицев и щелканье фотокамер, гости проследовали к почетной трибуне. Затем им пришлось выслушать десятка два приветственных речей, столь же длинных, сколь и бесполезных. После чего все сели в трубопоезд.

Цилиндрической формы поезд молниеносно скользнул в гигантскую пластиковую трубу, которая висела на металлических опорах в нескольких метрах над землей. Трубопоезд почти мгновенно достиг скорости шестисот километров в час и минут через десять доставил туристов в столицу Федерации.

Едва выйдя из вагона, зенитиане заметили, что в столице царит какая-то необычная атмосфера. Их, понятно, не удивили ни бесшумные электроавтомобили, ни стрекочущие стаи металлических кузнечиков. Они взглянули наверх и увидели, что этот район города находится под большим полукруглым куполом. И дальше, куда ни кинь взгляд, всюду виднелись купола.

— В нашем городе — наибольшее число пластиковых куполов,— с готовностью пояснил мэр столицы.— Как вы можете убедиться, купол возводится без всяких колонн и опор. Мощный насос днем и ночью нагнетает под давлением воздух, который и не дает куполу упасть. Купола защищают нас от дождя, а установки для кондиционирования воздуха поддерживают постоянную температуру в двадцать градусов тепла. Открытые места между куполами предназначены для стоянок электромашин.

Неподалеку от группы туристов приземлилось множество «кузнечиков».

— Это автолеты,— объяснил мэр,— нечто среднее между автомашиной и вертолетом. А теперь я приглашаю вас в Правительственный парк на пластикоужин в честь дорогих гостей.

— На пластикоужин?! — растерянно повторил директор Астроклуба.

— Да-да, на ужин из пластических масс. Вы сами увидите, как аппетитно любое пластиковое блюдо.

Автолеты за час доставили астротуристов в центр города, расположенного в двухстах километрах от космодрома.

Мэр объяснил зенитианам, что предпочел автолеты сверхскоростному трубопоезду, чтобы туристы могли полюбоваться чудесной панорамой города. Мэру нельзя было отказать в гостеприимстве. Вот только неясно было, что он имел в виду, когда упомянул о чудесной панораме. Дома и купола были как две капли воды похожи один на другой. В Правительственный дворец астротуристы прибыли уже под вечер. Их провели в салон с люминесцентными стенами и усадили за длиннющий стол. Немного спустя в глубине зала бесшумно отворилась дверь и появились металлические устройства кубической формы. Передвигались они на резиновых колесиках. Каждое несло дымящееся блюдо.

— Это роботы-официанты,— гордо объяснил мэр.

Роботы-официанты подъехали к столу и, вытянув телескопические руки в белых перчатках, ловко поставили блюда перед гостями.

Туристы подозрительно посматривали на еду, не решаясь приступить к ужину. Им подали какую-то жидкость, в которой плавала студенистая масса. Наконец самые смелые поднесли ложки ко рту... и проглотили некую смесь нефти, чернил и касторового масла.

— Акрилиновый бульон с пропиленовыми гренками,— пояснил мэр.— Очень питателен и весьма приятен на вкус.

Роботы-официанты с точностью хронометра подносили все новые и новые блюда. На стол были поданы вначале губкообразные серо-желтые кубики с жидкой зеленоватой кашицей — полибиленовый бифштекс с гарниром из криовилина. Затем настал черед синтетических фруктов. Внешне они были похожи на яблоки, но имели вкус третьесортного мыла. И в заключение был подан ликер из дейтерия, от которого бедных гостей затошнило, и они чуть не попадали со стульев.

— А теперь, друзья, мы повезем вас на концерт в Международный театр! — воскликнул мэр.

Гости, еще не совсем оправившиеся после ужина, с трудом поднялись и поплелись за первым гражданином столицы. Когда они вышли на улицу, их поразило, что с неба сквозь купола сочится холодный беловатый свет. Гости посмотрели вверх и вместо звезд увидели огромные светящиеся сферы.

— Как вы сами убедились, мы давно уже забыли, что такое темнота,— объяснил мэр.— Мы вывели на орбиту на высоту тридцать пять тысяч километров множество искусственных спутников, которые отражают солнечный свет.

Гости вновь сели в автолеты и четверть часа спустя уже были у

Международного театра, где собрались сливки столичного общества. Когда поднялся занавес, зенитиане не поверили своим глазам. На сцене, держа в руках музыкальные инструменты, выстроились в три ряда пятьдесят четыре робота. Перед ними, в самом центре, стоял большой черный ящик с вмонтированными в него сигнальными лампами, реле, проводами и антеннами.

— Это дирижер оркестра. Один из лучших «электронных мозгов» столицы. Под его управлением оркестр исполнит Первый концерт для фортепиано с оркестром Чайковского,— прошептал мэр главе делегации с Зенита.

— Да, но как же они его понимают?—спросил инопланетянин.

— Роботы-музыканты расшифруют любую партитуру. Достаточно вложить ноты в отверстие на спине, и они безошибочно исполнят самое сложное произведение. Дирижер с помощью закрепленных на его голове двенадцати вращающихся микрофонов в состоянии уловить малейшую неточность в исполнении и в одну миллионную долю секунды поправить робота-оркестранта. Некоторые престарелые музыканты упрямо утверждают, что такие концерты безлики и скучны, но ведь и у вас, наверное, есть консерваторы.

— У нас они составляют абсолютное большинство.

— Вот видите!—удовлетворенно кивнул мэр.

В правом боку электронного дирижера отворилась дверца, и из нее показалась стальная упругая рука, пальцы которой крепко

сжимали дирижерскую палочку. Маэстро постучал палочкой по пюпитру, затем повелительно взмахнул ею, и полилось величественное Allegro non troppo e molto maestoso. Музыканты играли, правда, немного однообразно, но слаженность оркестра была полнейшей.

Чуть хуже прозвучало Allegro con spirito.

Внезапно робот-пианист из-за резкого перепада напряжения слишком сильно ударил стальными пальцами по клавишам, и десять из них разлетелись вдребезги, что несколько испортило общее впечатление.

Andante semplice было исполнено поистине виртуозно, и, вероятно, не меньший восторг вызвало бы исполнение Prestissimo, если бы робот-скрипач из-за короткого замыкания не заискрился и не окутался облачком едкого дыма. Мгновенно примчались пожарные н буквально залили пострадавшего пеной из огнетушителей. Но, увы, бедняга скрипач безнадежно застрял на одной ноте. Пришлось увести его за кулисы и там расплющить молотом. К сожалению, весь этот шум и грохот неблагоприятно подействовали не только на зрителей, но и на робота-дирижера. Быть может, из-за чрезмерной нервозности при исполнении Allegro con fuoco у него перегорел предохранитель. Днрижер так и застыл с воздетой ввысь стальною рукой.

Роботы-оркестранты продолжали исполнять концерт Чайковского, но один из них, виолончелист, совсем недавно запущенный в серийное производство и явно не доведенный до полной кондиции, внезапно лншившись руководства, стал исполнять буги-вуги.

Остальные музыканты невозмутимо доиграли концерт до конца, но, поскольку дирижер не подал им обычного знака, они вновь начали исполнять Allegro non troppo e molto maestoso. Пришлось срочно вмешаться техникам. И до тех пор пока не были устранены неполадки в электросистеме дирижера, под сводами зала звучали звуки оркестра, увы, потерявшего всякую слаженность.

— Должен признать, что электронный оркестр еще не достиг полного совершенства,— извинился перед гостями мэр столицы,— но речь идет лишь о частичных недоработках.

Хозяева и гости уже собирались сесть в поджндавшие нх автолеты, как вдруг на протнвоположной стороне площадн показался желтый автомобиль с синей сигнальной лампой на крыше. Чуть позади ехал крытый автофургон.

— Это полицейская машина,— объяснил мэр гостям,— сейчас вы сами увидите, как хорошо у нас все организовано.

Он поднес к губам сверхзвуковой свисток, с силой беззвучно свистнул, и в тот же миг полицейская машина подкатила к подъезду театра.

Распахнулись дверцы, из машины выскочили четыре робота и вытянулись перед мэром по стойке «смирно».

— А теперь полюбуйтесь, как они работают,— шепнул мэр зенитианам, снова повернулся к роботам-полицейским и приказал им: — Проверьте всех присутствующих!

Роботы вынули из ящика большие металлические кольца и в несколько прыжков подскочили к толпе, собравшейся поглазеть на жителей планеты Зенит. Только теперь зенитиане поняли назначение колец: роботы-полицейские ловко и быстро надели их на головы любопытных из первых рядов и грозным металлическим голосом

задали всем один и тот же вопрос:

— Виновен или невиновен?

— Невиновен! — поспешно отвечал каждый.

— Понятно, все до одного уверяют, что они невиновны, — прокомментировал мэр. — Но тот, кто солгал, предстанет перед «электронным мозгом», который находится в багажнике полицейской машины. «Электронный мозг» подвергает тщательному анализу электромагнитные мозговые импульсы допрашиваемого. У лжеца импульсы сильнее, чем у человека, сказавшего правду. Уловив их, «электронный мозг» подает сигнал, и робот-полицейский мгновенно надевает на лжеца наручники.

Тем временем роботы-полицейские уже успели арестовать и посадить в машину несколько человек.

— Но если кто-нибудь из арестованных окажется виновным лишь в том, что, скажем, бросил на тротуар конфетную обертку? — спросил один из гостей.

— В центральном полицейском управлении его подвергнут перекрестному допросу и точно выяснят степень виновности, — ответил мэр. — Если он всего лишь бросил бумажную обертку, на него наложат штраф.

И тут роботы-полицейские начали опрашивать уважаемых граждан из свиты губернатора и мэра, арестовывая каждого второго. В первый момент мэр, занятый беседой с гостями, ничего не заметил. А когда понял, что произошло, роботы-полицейские уже гнались за самим губернатором. Опомнившись, мэр снова засвистел в свой чудесный свисток и подозвал роботов к себе.

— Разрешите спросить, — начал один из туристов.

— Я вас слушаю, — наклонил к нему голову мэр.

— Если преступник вместо того, чтобы ответить «невиновен», ответит «виновен», иными словами, скажет правду, роботы его не арестуют, не так ли?

Мэр от удивления раскрыл рот. Нервно почесал лоб.

— Черт возьми, об этом я и не подумал, — пробормотал он. — Завтра же поставлю этот вопрос перед центром кибернетического программирования.

Вспомнив о спасительном центре, мэр вновь оживился и воскликнул бодрым голосом:

— А теперь, друзья, я отвезу вас в вашу резиденцию. Завтра вас ждет весьма напряженный день.

Очень скоро гости с планеты Зенит убедились, что мэр не бросает слов на ветер. Их разбудили на рассвете и повезли осматривать завод, который за секунду выпускал пять «электронных мозгов» и роботов всех типов. Затем гости посетили Консультативный совет при Федеральном правительстве. В огромном зале две тысячи «электронных мозгов» двадцать четыре часа в сутки обрабатывали всевозможнейшую информацию и затем выдавали решения. Губернатор пересылал эти решения парламенту, который придавал им силу закона.

Посетив парламент, гости с планеты Зенит несколько удивились, они думали, что и здесь все скамьи заняты «электронными мозгами» и роботами. Однако все члены парламента оказались обычными людьми. Они делились на две группы — Большинство и Оппозиция. Теоретически Оппозиции полагалось подвергать критике решения

«электронных мозгов», а Большинство должно было их отстаивать. На практике же все обстояло совсем иначе. Как представители Оппозиции, так и Большинство, явно уступая в умственных способностях «электронным мозгам», не понимали их доводов и логических заключений. Поэтому все свое внимание они сосредоточивали на самых незначительных вопросах, таких, к примеру, как невысокое качество пластиковых бланков, на которых «электронные мозги» запечатлевали свои решения, типографские опечатки и неточности. Достойные представители Большинства и Оппозиции часами вели споры о том, синими или голубыми чернилами полагается ставить подписи на документах. Словом, без дела высокочтимые парламентарии не сидели.

После обеда из двух блюд — полимерных сосисок и синтетической моркови — гостей в огромнейших электромобилях повезли за город.

Машины выехали на широкую прямую улицу, в центре которой была проложена монорельсовая дорога. Водители включили механизм сцепления, и машины рванулись вперед.

— Это ведущая электрифицированная колея,— с гордостью объяснил гостям губернатор.— Водитель в пути может даже соснуть часок, так как у всех машин одинаковая скорость и управление ими осуществляется автоматически.

— Значит, у вас не бывает дорожных происшествий? — спросил один из туристов.

— Нет, аварии случаются, но крайне редко. Обычно это происходит в воскресенье, когда машины идут вплотную друг за другом. Порой у какой-нибудь машины отказывает электромотор, тогда другие машины наезжают на нее и толкают до тех пор, пока она не встанет поперек пути или не перевернется. Мгновенно образуется пробка, машины ударяются друг о друга, расплющиваются либо разлетаются вдребезги. Но беспокоиться не о чем: тут же звучит сигнал тревоги, и система электроснабжения отключается. Гора покореженных машин нередко достигает высоты в триста — четыреста метров. Убрать ее — дело хлопотное и долгое. Поэтому обычно направляющую колею отводят в сторону, а гору машин за умеренную плату показывают туристам из маленьких провинциальных городов. Впрочем, как я уже сказал, серьезных причин для волнений нет. Подобные неприятные происшествия случаются не чаще десяти — двенадцати раз в году.

Из дальнейших объяснений губернатора гости с планеты Зенит поняли, что их везут в Спортландию, где каждый день, к восторгу миллионов граждан, проходят интереснейшие состязания.

— Всем известно, что физические возможности человека весьма ограничены,— продолжал свой рассказ губернатор.— Он быстро устает, теряет форму, боится болевых ощущений и перегрузок, нередко при первой же неудаче падает духом. К тому же ему не чужды угрызения совести и душевные переживания.

Губернатор на минуту смолк. Гости прошли через массивные ворота и направились к стадиону, откуда доносился шум и крики многочисленных зрителей.

— Одни только роботы обладают всеми качествами, необходимыми для истинного спортсмена,— торжественно объявил губернатор.— Роботы неутомимы, они могут бежать по любой дорожке

десять дней подряд. У них нет никаких моральных проблем: если противник мешает им, они любыми способами пытаются убрать его с пути. И, поверьте мне, такие поединки на редкость зрелищны. Роботам неведомы инстинкт самосохранения и чувство боли. Что же касается прочности, то ученые, применив сплавы из стали и титана, добились поистине фантастических результатов. Особых успехов роботы достигли в боксе и велогонках, но и в других видах спорта они поистине незаменимы.

К примеру, в Испании на всех электронных корридах и быки и тореадоры — это роботы из серии «бойцов». У робота-быка рога из ванадия, а у робота-тореадора — лазерная шпага. Никакого кровопролития, лишь исковерканные транзисторы, колесики и клапаны. Разве это не лучше?..

Тут голос губернатора заглушил рев толпы. На стадионе начались соревнования под названием «Забег с элементами классической борьбы». Десять роботобегунов по сигналу стартера неторопливо побежали по гаревой дорожке. Внезапно один из бегунов стремительным рывком вышел вперед. Однако другие роботы не были застигнуты врасплох. За какие-нибудь две секунды они нагнали беглеца. Еще минуты три роботы бдительно следили друг за другом. Затем второй смельчак попытался оторваться от группы, но эта попытка закончилась весьма плачевно. Кто-то из бегунов подставил ему подножку, и бедняга рухнул на землю. Остальные сразу прибавили темп, но упавший схватил за ногу одного из соперников, и тот тоже свалился на дорожку. Тем временем группа успела умчаться вперед. Бегуны неслись уже со скоростью сто километров в час.

Лидирующий, желая избавиться от преследователей, стал раздавать оплеухи налево и направо. В пылу боя он не заметил, как сзади подкрался другой робот-бегун. Он что есть силы толкнул лидера в спину. Тот с адским грохотом врезался в стенку ограждения. Пятьсот тысяч зрителей ревом и свистом приветствовали ловкий маневр находчивого робота.

— Потрясающе! — воскликнул губернатор.— Толчок, достойный чемпиона. Не робот, а шедевр!

— Шедевр спортивного благородства,— пробормотал про себя один из зенитиан.

Но вот бегуны сделали полный круг и приблизились к тому месту, где два робота продолжали бороться на земле. Бегуны хотели миновать их, но недавние противники вскочили и, наклонив голову, ринулись на своих более удачливых соперников. Столкновение получилось столь сильным, что пять роботов разлетелись на куски, и на зрителей первых рядов обрушился град транзисторов, осциллографов, пружин и обломков фотоэлементов.

Теперь из четырех уцелевших роботов один бежал, сильно прихрамывая. Остальные трое, заметив это, временно объединились и несколькими точными ударами окончательно разбили стальную ногу бедняги.

Три робота-бегуна продолжили состязание. Если не считать привычных толчков и подножек, оно протекало вполне мирно.

Когда до финиша оставалось пятьдесят метров, роботы внезапно остановились, и каждый стал осторожно изучать намерения двух своих противников. Того, кто отважился бы на рывок, ждало

предательское нападение сзади двух других. Поэтому никто не решался рискнуть.

Наконец, повинуясь таинственному электронному импульсу, все трое одновременно ринулись... друг на друга. После получасовой свирепой схватки роботы грохочущим клубком докатились до финишной ленточки. Чтобы определить, кто же победитель, пришлось прибегнуть к фотофинишу, а чтобы отделить роботов одного от другого, понадобился автоген. Впрочем, зрители остались весьма довольны.

Затем начались состязания по метанию диска, молота и копья. В отличие от давно устаревших правил этих соревнований роботы метали спортивные снаряды не в длину, а друг в друга, демонстрируя отменную меткость и недюжинную силу. Большое оживление вызвали прыжки с шестом. Лучшему из роботов-прыгунов удалось одолеть двадцать пять метров тридцать восемь сантиметров. Вот только очень немногие из прыгунов сумели приземлиться, не разлетевшись при этом на куски.

Схватки роботов-боксеров в трех весовых категориях закончились полным уничтожением участников и судей, а футбольный матч был прекращен через сорок минут, когда на поле осталось всего два игрока — роботы-вратари обеих команд.

В отель туристы Астроклуба вернулись поздно вечером, и всю ночь в ушах у них звучал металлический скрежет и грохот, а перед глазами проносились картины «спортивных» побоищ.

Утром гостей отвезли в Главный музей древностей. До сих пор политические деятели, промышленники, ученые, военные кое-как удерживались от соблазна «обработать» гостей, склонить их на свою сторону. Но они твердо решили приступить к атаке после полудня.

Впрочем, губернатор задумал завоевать первое очко в свою пользу, показав гостям величественный Музей древностей.

— Осмотр музея поможет вам полнее оценить гигантские успехи, достигнутые в процессе развития земной цивилизации. А теперь я предоставляю слово экспертам,— с важным видом объявил он.

От свиты отделился маленький седой человечек и заученно начал громким голосом:

— Здесь, в первом зале, выставлены древние материалы. Вот различные виды дерева. Несмотря на свою малую гигиеничность и огнестойкость, этот материал часто употреблялся в строительстве до самого конца прошлого века. А это — шерсть, которую люди срезали со спин и боков вымерших животных, именовавшихся овцами. Наши уважаемые гости, очевидно, уже знают, что и шерсть, и стекло, и хлопок давным-давно вышли из употребления, их заменили изделия из пластика и фибрового волокна. Если прежде о богатой, хорошо одетой даме говорили, что «она утопает в шелках», то теперь несравненно более впечатляет выражение: «Она утопает в фиброволокне». О том, насколько примитивными были технические познания наших предков, свидетельствует и тот факт, что они применяли в строительстве такие непрочные и громоздкие материалы, как кирпич, железобетон, а в повседневной жизни — кожу, бумагу, резину. Вот полюбуйтесь на эти экспонаты. Не правда ли, жалкое зрелище?

Теперь мы пройдем в зал «Эпоха холода и льдов». Надеюсь, вас уже не удивит, что в те времена люди, чтобы спастись от стужи, надевали зимой эту смешную одежду, именуемую шубой, закутыва-

ли горло шарфами, водружали на голову шапки и шляпы. Вероятно, некоторые из вас знают, что еще двадцать лет назад у нас кое-где еще носили пальто и костюмы. К счастью, после климатических преобразований, навсегда покончивших с холодом, отпала нужда в теплой одежде.

В зале «Вымершая природа» гостям показали чучела давно исчезнувших диких и домашних животных, листья и цветы в особых пробирках, цветные фотографии зеленых долин и лесов, желтых пустынь и белых ледников, причем губернатор и его свита, глядя на них, удивлялись куда больше, чем гости с планеты Зенит.

В полдень зенитиане, которые осматривали залы музея, храня гробовое молчание, объявили, что немного устали, и попросили ненадолго отвезти их на корабль.

Сопровождавшие зенитиан официальные лица были несколько разочарованы: им не терпелось начать с гостями политико-торгово-военные переговоры. Но интересы каждого из них требовали выдержки и соблюдения вежливости. И гостей отвезли на корабль.

Никто из землян не обратил особого внимания, что захлопнулись дверцы корабля и распрямились антенны. Но когда корабль вздрогнул и глухо заурчал двигателями, в душу официальных лиц закрались кое-какие сомнения.

Внезапно из сопел корабля вырвалось желто-красное пламя. И тут государственные мужи поспешно обратились в бегство, так и не успев завязать важных переговоров.

Корабль взмыл в небо и вскоре исчез в беспредельности космического пространства.

Земляне так и не поняли, что заставило гостей столь поспешно покинуть их. Больше никаких сигналов с планеты Зенит не поступало, а достичь Млечного Пути корабли землян были не в состоянии.

Впрочем, побывавший впоследствии на Земле марсианин рассказал близким друзьям историю, за достоверность которой автор не ручается. Вернувшись из туристического путешествия, зенитиане якобы первым делом ворвались в здание Астроклуба и там, яростно стуча кулаками по столу, заставили кассира вернуть им до последней космокопейки деньги, уплаченные за билет на Землю.

Перевод с итальянского
Льва Вершинина

ОБЛИЧИТЕЛЬ БЕЗУМНОГО МИРА

Несколько слов о рассказе Э. Либенци

«ТУРИСТЫ АСТРОКЛУБА»

Эрманио Либенци — итальянский писатель левого направления, автор научно-фантастических рассказов и повестей. Наибольшую известность принесла ему книга «В безумном мире» (1971), откуда и взят публикуемый нами рассказ «Туристы Астроклуба».

Лучшим произведениям Э. Либенци присущи острая социальная направленность, сатирическая гиперболизация.

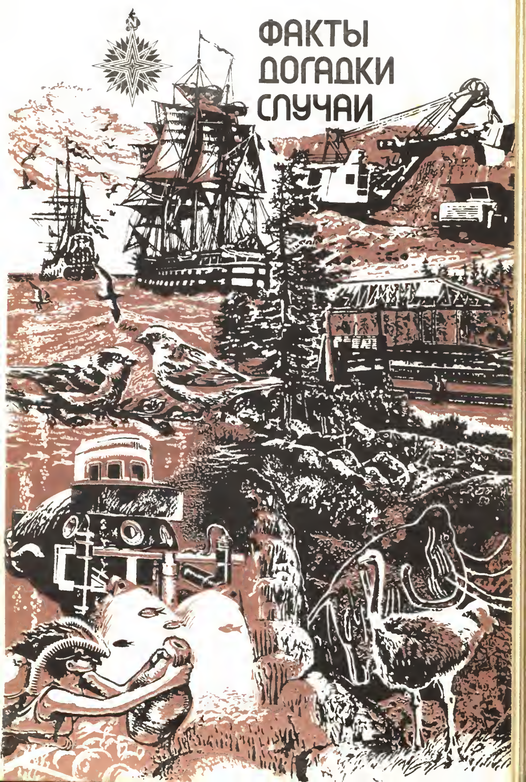
Впрочем, за последние годы в обществе потребления, так едко им высмеянном, многие из мрачных предвидений автора в значительной мере сбылись. Ведь в сущности обезличение человека, превращение его в робота, увы, уже не фантастика. Дегуманизация буржуазного общества, его стремительная технизация ради максимальной прибыли не могут не привести именно к этому.

А экологический кризис? А хищническое истребление фауны и флоры, загрязнение атмосферы и Мирового океана? Об этом с горечью говорит Эрманио Либенци в своем рассказе: животный и растительный мир истреблены, уничтожены. Оставлены лишь «рентабельные» коровы, свиньи, куры.

А ярко описанная сцена на стадионе? Разве она не отражает разгула насилия и жестокости, царящих в «цивилизованном» мире наживы?

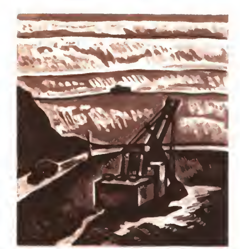
Но не будем пересказывать содержание рассказа. Читатели сами могут по достоинству оценить все его своеобразие.

Николай Томашевский

ФАКТЫ
ДОГАДКИ
СЛУЧАИ

ФАКТЫ ДОГАДКИ СЛУЧАИ

СЕРГЕЙ ШИШОВ

КМА: „...ЗДЕСЬ ПОЧТИ НАВЕРНОЕ НЕВИДАННОЕ В МИРЕ БОГАТСТВО...“

Художник В. НАЙДЕНКО

Явления «магнитной аномалии» в районе Курска издавна привлекали внимание ученых. Что же такое «магнитная аномалия»? Это отклонения магнитного поля от его нормальных значений на данной территории. Причинами этого могут быть электрические токи или большие магнитные массы, расположенные у поверхности земли.

История открытия этих аномалий уходит во вторую половину XVIII в. Спустя сто лет доцент И. Н. Смирнов, производивший геомагнитную съемку близ Белгорода, с удивлением отметил, что в этом районе магнитная стрелка компаса бешено крутится. Многие ученые пытались объяснить эту загадку, но тщетно. Ни одна из гипотез не подтвердилась.

Разрешить ее удалось профессору Московского университета физику Лейсту. После длительных наблюдений он пришел к выводу, что эффект ненормального вращения стрелки компаса вызван огромными залежами магнитного железняка. Так появились первые научные сведения о КМА, началось ее систематическое изучение ...

Однако только после Великой Октябрьской социалистической революции стало возможным серьезно задуматься над хозяйственным использованием залежей железных руд.

С первых дней Советской власти геологическим изысканиям в этом районе уделяли большое внимание. Для изучения ресурсов КМА была создана Особая комиссия, которую возглавил И. М. Губкин. Геофизические изыскания близ Курска находились под постоянным контролем Советского правительства. Этим вопросом занимался лично Владимир Ильич Ленин. Он говорил: «...мы имеем здесь почти наверное невиданное в мире богатство, которое способно перевернуть все дело металлургии*».

Первые разведочные скважины решили бурить в районе Щигров. Здесь отклонения магнитной стрелки были особенно ощутимы. В апреле 1923 г. подняли первый керн с рудой с глубины всего лишь 162 м.

Как выяснилось позже, ошибиться было практически невозможно. Бассейн КМА охватывает территорию протяженностью в 900 и шириной 400 км. Глубина залегания железных руд колеблется от 60 до 700 м.

Первый опытный рудник начали эксплуатировать в 1934 г. на Коробковском участке Старооскольского месторождения. Зародилась железорудная промышленность в центре России.

Благоприятное экономико-географическое положение аномалии, удобные транспортные связи с промышленным Центром и каменноугольным бассейном Донбасса позволяли создать здесь крупную металлургию. XVIII съезд партии, состоявшийся в 1939 г., принял решение о строительстве шахт и подготовительных мероприятиях для сооружения металлургического завода. Район КМА уже тогда рассматривался как дополнительная база черной металлургии Центра.

Нашествие фашистских захватчиков помешало этим планам. Курская земля в суровые военные годы стала ареной жесточайших сражений. Но как только отгремели последние победные залпы, вновь началось освоение месторождений КМА. В 1952 г. вступил в строй подзем-

* *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 54, с. 227.

Фабрика окомкования Лебединского ГОКа

ный опытный рудник им. Губкина. А открытие Лебединского и Михайловского месторождений позволяло начать более дешевую, карьерную добычу руды.

Расчеты, сделанные И. М. Губкиным, подтвердились. Курская магнитная аномалия — крупнейший железорудный бассейн мира. На его долю приходится почти треть ресурсов железных руд Советского Союза. И они отличаются высоким качеством: процентное содержание железа в них значительно выше, чем в рудах Кривого Рога. Оно колеблется от 52 до 65%.

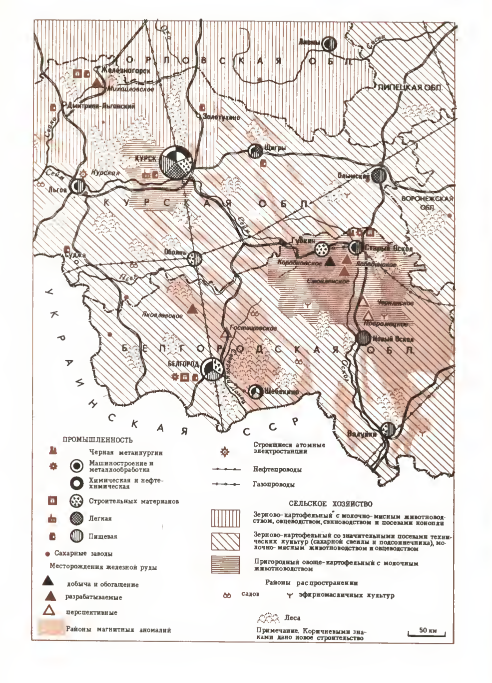
Однако большая часть богатых железных руд залегает на глубине свыше 500 м в сложных горно-геологических условиях — перекрыта толщей сильно обводненных осадочных пород, и добывать руду можно только подземным способом.

В начальный этап освоения КМА разрабатывались бедные руды подземным способом. Открытие Лебединского и Михайловского месторождений богатых руд, залегающих на небольшой глубине, позволило использовать и открытый способ. Это был второй этап освоения. Третий — связан с вводом в строй крупных горно-обогатительных комбинатов.

КМА — это четыре ведущих железорудных района: Белгородский, Старооскольский, Новооскольский, Курско-Орловский. Основные запасы богатых руд концентрируются в Белгородском. Кроме того, в районе Курской магнитной аномалии имеются запасы бокситов и строительных материалов. Кому не известны, скажем, богатейшие кладовые мела, давшие название Белгороду — Белому городу на реке Северский Донец? Мел используют для изготовления цемента, извести и других материалов. В кристаллическом основании КМА встречается и редкометалльное оруденение.

Для освоения всех этих уникальных ресурсов создается территориально-производственный комплекс (ТПК). Продукция, получаемая здесь, используется не только внутри данного района, большая ее часть вывозится в другие экономические районы страны.

Промышленное освоение ресурсов КМА ведется с 1952 г. Но достигнуть необходимого народнохозяйственного уровня железорудная промышленность смогла лишь недавно, когда стал формироваться ТПК. И все смежные отрасли стали работать по взаимоувязанному,

Территориально-производственный комплекс КМА

согласованному плану.

Формирующийся новый территориально-производственный комплекс охватывает две области: Курскую и Белгородскую. Его можно рассматривать и как индустриально-аграрный. Район КМА лежит в зоне богатых черноземных почв. Сельскохозяйственные угодья занимают здесь более трех четвертей площади. Среди сельскохозяйственных угодий доля пашни — одна из самых больших в стране.

Таким образом, в общесоюзном разделении труда территориально-производственный комплекс КМА выделяется производством не только железной руды, цемента, но и сахара, мяса, молока, зерна. Железорудная промышленность представлена сейчас добычей и обогащением руд. Территориально-производственный комплекс КМА дает стране примерно шестую часть общей добычи. Это — много, особенно если учесть, что СССР по добыче железной руды прочно занимает первое место в мире. КМА утверждается ныне как вторая железорудная база Советского Союза (после Кривого Рога).

Ведущим предприятием комплекса стал комбинат КМАруда, состоящий из мощных Лебединского и Южно-Лебединского рудников, где руду добывают открытым способом, а также подземного рудника им. Губкина с двумя обогатительными фабриками. Для обогащения железистых кварцитов на Лебединском месторождении строится вторая очередь горно-обогатительного комбината, который в недалеком будущем станет одним из крупнейших в мире.

В Курской области расположен гигантский Михайловский карьер по добыче богатых руд. Работает первая очередь горно-обогатительного комбината. К концу текущей пятилетки добыча железной руды здесь возросла более чем вдвое. Вводятся в строй мощности на фабрике окомкования, которая будет поставлять металлизованные окатыши Оскольскому электрометаллургическому комбинату.

Возводится опытно-промышленная установка для дообогащения «хвостов» действующей обогатительной фабрики и переработки добываемых попутно окисленных кварцитов, что позволит повысить эффективность работы горно-обогатительного комбината.

Сейчас железную руду в районе КМА добывают в основном открытым способом, экономически весьма эффективным. Затраты на одну тонну железа в товарной руде здесь на четверть ниже, чем на железорудных предприятиях Кривого Рога, и почти на половину ниже, чем в бассейнах Северо-Западного и Казахстанского экономических районов.

Это направление «открытой добычи» останется и в будущем. Производство товарной железной руды растет на Стойленском, Лебединском, Михайловском рудниках.

Но нельзя забывать, что такая разработка месторождений приводит к изъятию плодородных земель из сельскохозяйственного оборота под отвалы пустых пород, карьеры и «хвостохранилища». Сейчас карьерные отвалы вскрышных пород и «хвосты» обогатительного процесса занимают в районе КМА несколько тысяч гектаров плодородных земель.

Вот почему одна из важнейших задач ТПК состоит в том, чтобы восстановить нарушенный горными работами природный комплекс. Для этого используется несколько методов. Каждый из них имеет как преимущества, так и недостатки. Самый распространенный заключается в том, что в районах отчуждения земель снимается верхний плодородный слой и перевозится на малоплодородные участки. Так сохраняют чернозем, но при снятии слоя земли нарушается структура верхнего, гумусного горизонта. Поэтому урожайность на восстановленных землях значительно ниже, чем на основных площадях. Например, зерновые на обработанных таким способом — рекультивированных — землях дают в среднем 8—10 ц с 1 га против 26 ц на нерекультивированных. Если помножить недополученные центнеры на тысячи уже «отчужденных» гектаров, получается весьма внушительная цифра потерь!

«Дешевый» карьер нарушает также водный баланс: понижает уровень грунтовых вод, что ведет к обмелению рек и заилению водохранилищ. Большое количество воды требуется при обогащении руд методом мокрой магнитной сепарации — на 1 т концентрата ее расходуется 13 м^3. Нужны новые методы обогащения, способствующие сокращению потребности в воде. И над этим уже работают технологи.

А пока водная проблема в этом районе решается путем регулирования поверхностного стока рек Оскола, Свапы, Северского Донца, созданием водохранилищ. Строятся два водохранилища на реках Свапа и Оскол, которые в некоторой степени помогут смягчить водный дефицит развивающихся центров железорудной промышленности.

Ведется переброска вод Оки по системе каналов Ока — Дон — Оскол. Это также улучшит обеспеченность водой промышленных районов Тульской и Липецкой областей.

В будущем, может быть, начнут применять безводные технологические процессы в железорудной и металлургической промышленности. Время покажет.

Вскрыша рудных залежей в Стойленском руднике

Но канал нужен уже сейчас и понадобится в дальнейшем.

Ждет решения также топливно-энергетическая проблема. Пока электроэнергия поступает из Поволжья, уголь — из Донбасса и Караганды. Потребление электроэнергии значительно превышает выработку ее в районе. Для создания и укрепления собственной топливно-энергетической базы развивается атомная энергетика. Ведется строительство двух мощных атомных электростанций: Нововоронежской и Курской, а также линии электропередач от сверхмощных ГРЭС Казахстана.

Большое количество электроэнергии потребует Оскольский электрометаллургический комбинат — первенец советской бездоменной металлургии на основе технологии прямого восстановления железа. Мировая практика еще не знала подобного по масштабам строительства. Он станет самым мощным комбинатом в мире! Для выплавки стали будут использованы металлизованные окатыши диаметром 10—13 мм, изготавливаемые из легкообогатимых железистых кварцитов Лебединского месторождения. На одноименном горно-обогатительном комбинате выпускается суперконцентрат, содержащий более 70% железа. По двадцатикилометровому трубопроводу концентрат и начнет поступать на фабрики окомкования, где его переработают в металлизованные окатыши с содержанием железа до 92—95% и углерода до 1%. Они поступят в электросталеплавильный цех для изготовления высококачественных сталей различных марок. Сталь в слитках попадет в прокатный цех.

В перспективе предполагается выстроить крупный металлургический завод полного цикла с участием стран — членов СЭВ. Основная доля продукции этого предприятия будет поставляться этим странам.

Особое значение придается строительству экспериментального Яковлевского подземного рудника. Разработка месторождений будет вестись здесь способом замораживания пород до глубины 630 м. Складывается новое направление в техно-

логии добычи полезных ископаемых из обводненной среды.

Благодаря комплексному использованию минерально-сырьевых ресурсов КМА в хозяйственный оборот вовлекаются огромные запасы строительных материалов, получаемых при вскрытии и эксплуатации железорудных месторождений. Сырьевая база промышленности строительных материалов КМА весьма разнообразна и богата. Здесь широко представлены тонкозернистые пески, используемые для производства силикатных и железобетонных изделий.

Породы вскрыши идут сейчас на Старооскольский цементный завод, Губкинский завод по производству силикатных стеновых материалов. Но для полного использования материалов, отправляемых в отвал, нужно гораздо больше таких предприятий.

Расчеты показывают, что, если организовать рациональное применение минерально-сырьевых ресурсов КМА, значительно снизятся народнохозяйственные затраты в главной отрасли комплекса — железорудной промышленности.

И еще о сельском хозяйстве ТПК. Оно специализируется, как мы уже говорили, на производстве зерна, сахарной свеклы, мяса и молока. Сложились зоны размещения товарного производства этих важнейших видов продукции растениеводства и животноводства. Созданы специализированные совхозы и агропромышленные комплексы по выращиванию и откорму скота и птицы. Выпуск продукции земледелия и животноводства увеличивается в основном за счет интенсификации сельского хозяйства. Повышается урожайность культур, продуктивность животноводства. Большое значение здесь имеет и механизация. С каждым годом увеличивается количество тракторов, грузовых автомобилей, зерновых, свеклоуборочных комбайнов, различных машин на фермах. Все это позволяет проводить сельскохозяйственные работы в сжатые сроки и высококачественно повышать культуру земледелия и животноводства.

Район КМА — один из наиболее густонаселенных в нашей стране. Плотность населения здесь около 47 человек на 1 км^2, в то время как в среднем по СССР — вчетверо меньше.

Высокие темпы индустриального развития района способствовали росту урбанизации. За последние годы удельный вес городского населения неуклонно увеличивался, а общая его численность значительно возрастала, особенно в городах Железногорск, Губкин, Старый Оскол, где ускоренно развивается железорудная промышленность.

До недавнего времени интенсивная миграция населения в другие районы считалась положительным явлением: район относился к группе так называемых трудоизбыточных. Теперь же, с организацией ТПК, ситуация коренным образом изменилась.

Основным источником пополнения трудовых ресурсов по-прежнему остается естественный прирост населения. Но его уже дополняют экономические мероприятия. Например, высвобождение рабочих рук наблюдается при механизации и автоматизации вспомогательных работ, внутриотраслевого и межотраслевого перераспределения трудовых затрат, интенсификации общественного производства.

Очевидно, все же потребуется привлечение в ТПК трудовых ресурсов из других районов страны. Как показывают расчеты, к этому неизбежно приведет широкая индустриализация территории.

Высокие темпы урбанизации КМА определяют ускоренный рост сферы обслуживания. В ближайшее время значительно возрастут объем и виды бытовых услуг, улучшится качество всех видов обслуживания, расширится сеть предприятий, оказывающих эти услуги.

Развитие машиностроения и металлообработки (отраслей, дополняющих территориально - производственный комплекс) определяется теперь близостью собственной металлургической базы — в соседних Липецке и Туле, а скоро и в Осколе. Машиностроение сможет развиваться более комплексно, дополнив свою структуру металлоемкими отраслями — выпуском оборудования для горнорудной промышленности. Намечено усилить трудоемкое производство, представленное пока приборостроением и электротехнической промышленностью. Эти отрасли размещаются сейчас главным образом в областных центрах. Такому несколько однобокому размещению способствовало когда-то наличие здесь резервов трудовых ресурсов. Но основная часть новых промышленных объектов разместится в малых и средних городах, где наиболее благоприятные сейчас экономико-демографические условия.

В перспективе машиностроение претерпит заметные структурные изменения. Скажется дефицит трудовых ресурсов, и трудоемкие отрасли машиностроения не сохранят столь высокие темпы развития, как ныне.

Территориально - производственный комплекс на базе ресурсов КМА совсем скоро станет не только основной железорудной базой России, но и крупным индустриально-аграрным районом страны.

ВЯЧЕСЛАВ МАРКИН

ЭТОТ ПЛЕНИТЕЛЬНЫЙ ИНОЙ МИР

Художник Е. ШЕФФЕР

На поверхности Земли изучен чуть ли не каждый квадратный метр. Созданы детальнейшие карты. Их проверили и дополнили, внимательно рассмотрев нашу планету из космоса. Видели ее уже люди и с Луны, с расстояния почти в полмиллиона километров.

Но вот Марс...

Эта ближайшая к нам планета Солнечной системы удалена от нас в среднем на двести миллионов километров. Из нашего земного «далека» оранжево-красный кружок планеты кажется едва ли ярче окружающих ее бесконечно далеких звезд. Каким непохожим на наш должен бы быть мир Марса!

Впрочем, лететь до Марса с помощью современных средств — всего несколько месяцев. Давно ли столько же времени занимало путешествие из Петербурга в Якутск или на Камчатку?

И вот за круглым столом собрались участники большой комплексной экспедиции, только что вернувшейся с ... Марса.

Нет, нет! Конечно, такой экспедиции еще не было. Нога человека не оставила пока следов на «пыльных тропинках» этой далекой планеты, хотя автоматические станции «Викинг» уже совершили посадку, а созданные на Земле ИСМ (искусственные спутники Марса) уже облетели его много раз. Но мы теперь так много знаем о природе Марса, что вполне можно мысленно вообразить себе такую экспедицию.

Итак, в нашей беседе участвуют Историк исследований Марса, Ареоморфолог (специалист по рельефу Марса), Тектонист (специалист по изучению внутренней структуры планет), Гляциолог (исследователь льдов) и Климатолог (исследователь атмосферы). Предоставим же им слово. Ученые, разумеется, будут опираться на строго достоверные данные, ну а выводы могут быть и не бесспорными.

Историк исследований Марса. Движение этой планеты среди неподвижных звезд было замечено в глубокой древности. Красноватый отсвет побудил греков назвать ее Аресом, именем бога войны, неукротимого и жестокого сына Зевса и Геры. В мифологии Рима Марс сначала считался богом плодородия и урожая. Рем и Ромул были сыновьями Марса. И основателями Рима... Но под влиянием греческого Ареса Марс римлян приобрел черты воинственные — его стали изображать со щитом и в шлеме. Загадочная красная планета была в ответе за все безумства войн земных...

Протекло немало времени, прежде чем Франческо Фонтана, рассматривая Марс в телескоп в середине XVII в., сделал первый рисунок планеты. Он изобразил всего лишь черное пятно в центре четко очерченной сферы. А через 30 лет Жан Доменик Кассини пририсовал к черному пятну белые полярные шапки и изобразил темные и светлые области. Получилась первая карта, основанная на разной отражательной способности поверхности Марса.

Миланский астроном Джованни Скиапарелли, учившийся в России, дал первые имена отдельным деталям поверхности. Они почти все из античной мифологии.

Моря Афродиты, Эритрейское, Адриатическое, Киммерийское... Озера Солнца, Лунное, Феникс... Проливы Геллеспонт, Пандоры, Гордиев узел... Страны Аргир, Атлантида, Фаэтон, Эллада,

Марсианский «сель»: русло потока вблизи плато Капри, возникшего при таянии подповерхностного льда

Амазония, Зефирия... «Каналы» Тартар, Титан, Лестригон...

Каналы Марса. Два столетия продолжался спор о них. И долгое время предполагалось, что с ними связаны расцветающая весной растительность, распространение жизни...

Другие элементы рельефа Марса не вызывали столь жгучего интереса. Планету вообще-то считали плоской. В томе Большой советской энциклопедии, изданном в 1966 г., говорится, что поверхность Марса «является совершенно гладкой и лишена не только крупных неровностей типа гор и холмов, но и мелкого рельефа, напоминая в этом отношении поверхность так называемых такыров в земных пустынях». Ничего не скажешь — унылая картина. Она не вызывает даже желания задавать банальный вопрос: есть ли жизнь на Марсе? Какая уж там жизнь...

Но вот в 70-е годы к Марсу отправилась целая эскадра космических «кораблей науки»: советские «Марсы» и американские «Маринеры». В декабре 1971 г. «Марс-3» совершил мягкую посадку в районе между Электрой и Фаэтонией, в южном полушарии Марса. «Маринер-4», «Маринер-7» и особенно «Маринер-9» подробно исследовали поверхность Марса. Несколько тысяч фотографий позволили создать карту Марса. Подумать только! Карту столь удаленного космического тела!

Сильно вытянутая орбита Марса то удаляет его от нас, то сближает с нами. Он может оказаться дальше от Земли, чем Солнце, но две планеты могут и сблизиться до расстояния «всего» в 55 млн. км. Это происходит в дни великих противостояний, раз в 15—17 лет. Последнее из них было в 1971 г. Именно тогда мы впервые узнали об истинном рельефе Марса.

Ареоморфолог. В формах поверхности Марса иногда угадываются земные формы. Но там есть и свое, особенное... Мы увидели, например, отчетливые следы космических «бомбардировок»...

Когда в июле 1965 г. «Маринер-4» передал на Землю первые 22 фотографии поверхности Марса, появились основания разочарованно провозгласить: «Марс — всего лишь увеличенная вдвое Луна: множество метеоритных кратеров составляют единственный элемент его ландшафта». И в самом деле, ничего, кроме кратеров разного размера, на фотографиях, сделанных «Маринером-4», не было запечатлено. Но прошло четыре года, и телевизионные камеры новых межпланетных станций транслировали землянам более полный портрет планеты. Кратеров оказалось много, но не все они подобны лунным и не всю поверхность планеты покрывают.

От космических катастроф и «бомбардировок» не застраховано ни одно небесное тело, лишенное атмосферной защиты.

Этой участи не избежала и наша Земля в те давние времена, когда ее атмосфера была еще весьма разреженной. За четыре миллиарда лет Земля «зализала» следы своей былой беззащитности перед силами Космоса. Но кое-где и на нашей планете можно встретить остатки гигантских метеоритных кратеров. Их на Земле 44, на Луне — больше 5000, на Марсе — 1200. Их все же меньше на Марсе, чем могло бы быть. Если бы они были распределены на этой планете равномерно, то их насчитывалось бы, возможно, сотни тысяч.

На ранних этапах своей истории Марс испытал, очевидно, не одно столкновение с малыми планетами — астероидами. Не исключено, что и вся лишенная кратеров огромная розоватая пустыня Эллас в южном полушарии Марса создана космической катастрофой. От столкновения двух небесных тел расплавился на площади в несколько миллионов квадратных километров марсианский камень и возникла эта совершенно гладкая «лысина» Марса. За марсианской Элладой после сравнительно узкой переходной зоны, как фронтовая полоса беспощаднейшей войны миров, протянулся темный рукав Геллеспонта, чудовищно изрытого кратерами.

Есть на Марсе и такие формы рельефа, которые делают его «абсолютным чемпионом» среди планет земной группы, а вероятно, и во всей Солнечной системе. Чего стоит, например, вулкан вулканов Никс Олимпика (иногда его называют Олимпус-Монс).

Казалось, ужасно не повезло советскому межпланетному путешественнику «Марс-3», вышедшему на орбиту планеты в декабре 1971 г., когда глобальная пыльная буря окутала ее мощной пеленой. Но над слоем взвихренной пыли, пронзив его, поднялись четыре высочайшие вершины, и среди них та, что по праву может быть названа «крышей Марса». Эта гора заслуживает и более пышного титула, потому что не обнаружено пока возвышенностей, которые бы превосходили ее. Ни на одной из планет Солнечной системы.

Светлое пятно на месте этой возвышенности разглядел в свой телескоп еще Кассини. Он-то и дал ему красивое имя Nix Olimpica — Снега Олимпийские. Название оказалось неточным — снегов на самой высокой горе Марса нет. Если бы она находилась на Земле, то стала бы грандиознейшим центром оледенения. Но на Марсе не то...

Посреди низменной Амазонии из продуктов вулканических извержений нагроможден конус поистине головокружительной высоты — на двадцать три километра вершина Олимпийских Снегов возвышается над окружающей равниной. Это трижды увеличенная Джомолунгма!

Вулканы этого типа есть и на Земле. Их называют щитовыми. Они образовали, например, весь массив Гавайских островов.

Тектонист. Все-таки пока следует признать, что основные внешние черты Марса создает тектоника — процессы, происходящие в недрах планеты. Облик Марса определяют не метеориты, а вулканы.

Говорят, все многочисленные кратеры на поверхности Марса — следы падения метеоритов. Но почему же кратеры распределены неравномерно? Почему нередко располагаются прямолинейными цепочками? Какими же гигантскими должны были быть метеориты, чтобы образовать воронки, подобные Элласу!

Есть другое мнение: кратеры, которые считают ударными, на самом деле возникли в результате процессов в недрах планеты. Из геологии мы хорошо знаем, как бурно идет процесс разделения вещества, слагающего планету в соответствии с удельным весом: легкие элементы поднимаются вверх, тяжелые — опускаются. Следы этой работы заметны и на Марсе. Чего стоит, например, внушительных размеров тектонический ров, который рассек поверхность планеты вдоль экватора почти на 4 тыс. км! В центральной части этого исполинского разлома на 5 км в глубь базальтов врезан каньон Копрат. Это марсианское ущелье выглядит грандиознее Большого Каньона в Колорадо. Для тектониста совершенно ясна эта структура. Она представляет собой рифт — зону растяжения. Рифты можно встретить на Земле во многих местах. Например, наш чудесный Байкал «заложен» природой в таком рифте, и нечто подобное Байкальской впадине находим мы на Марсе, в возвышенной области Аркадия. Именно в рифтовых зонах раздвигаются плиты материков и рождаются океаны. Так на Земле. А возможно, и на Марсе....

Ничего подобного не обнаружено пока на Луне и Меркурии. Но Марс по величине ближе к Земле. Поэтому так много в нем сходства с нашей родной планетой.

Гляциолог. С удивительным постоянством реагирующие на смену сезонов белые пятна вокруг полюсов Марса не оставляли сомнения в том, что это скопления льда или снега. Оледенение Марса — одно из замечательнейших явлений. И его природа та же, что и на Земле.

Велика на Марсе власть холода. Даже на экваторе, где, как и у нас, нет сезонов. Каждую ночь температура камней Марса, довольно высокая днем, опускается до уровня, который не достигнут

Участок северной полярной шапки Марса между 77° с. ш., 350° з. д. и 83° с. ш., 330° з. д.

даже в земной Антарктиде. Днем — плюс 26° (прекрасно!), а ночью спиртовый столбик термометра стремительно падает до отметки минус 100°С.

Получается, что в полярных районах Марса климат более ровный — там нет таких резких перепадов температуры на протяжении суток. Зимой, правда, вблизи полюсов царит поистине космический холод, но зато летом не заходящее в течение более трехсот суток солнце нагревает поверхность довольно сильно — до минус 20°С... И круглые сутки температура постоянна.

Интересно, что, как и на Земле, южный полярный район выше северного на три километра. Как и у нас, «оледенение» южного полушария значительно интенсивнее, чем северного. В южнополярной стране Утопии поверхность изрыта кратерами, а примерно там, где на Земле вытянулся по направлению к Южной Америке гористый Антарктический полуостров, высятся горы Митчела — своеобразный центр «Антарктиды» Марса. Эти горы никогда не освобождаются от покрова льда, даже когда вся белая южная шапка исчезает. (Так было дважды за период наблюдений Марса — в 1894 и 1911 гг.). В горах Митчела гляциолог обнаруживает отчетливые следы древнего, более мощного оледенения:

U-образные долины — трогн, сглаженные ледником скалы...

К сожалению для гляциологов, теперешнее «оледенение» Марса ничтожно. Запас воды на южном полюсе едва достигает 90 г на 1 м^2. Всего льда на Марсе — около 6 трлн. т. Кажется, немало. Однако на Земле льда в сто тысяч раз больше. Даже ежегодно образующийся снежный покров Земли весит побольше, чем все льды Марса,— 10 трлн. т.

Лед Марса — не только в поляриых шапках. На планете широко распространена «вечная мерзлота». Одно время в ходу была гипотеза, что поверхность Марса образована замерзшим океаном, лед которого покрыт вулканической пылью. Но может быть, не только океан, но и атмосфера Марса заключена в его глубинных льдах. Та атмосфера, которая обволакивала планету в эпоху более теплого климата.

Сейчас же на поверхности и в атмосфере Марса воды меньше, чем в Ладожском озере...

Климатолог. Коль скоро есть на Марсе атмосфера, то существуют понятия погоды. На Земле мы говорим нередко, что Арктика — это «кухия погоды», для Марса подобное сравнение особенно подходит. Если на Земле существует несколько «центров климата», то на Марсе нх только два — оба расположены над полярными областями. Они определяют циркуляцию атмосферы, для которой характерно такое незнакомое нам на Земле явление, как бурн в пустоте...

В существовании атмосферы на Марсе убедились давно. Открыть ее было не так уж трудно, хотя плотиость ее чрезвычайно мала. На поверхности его разрежение такое же, как иа высоте 30 км над Землей. Нормальное давление воздуха на уровне моря на Земле — около 1000, на Марсе — не больше 6 миллибар. Это почтн вакуум.

И все же есть атмосфера иа Марсе! Состав ее совсем не тот, что у земного «пятого океана». На Марсе вдвое больше углекислоты, значительно больше тяжелого инертного газа аргона. И практически нет водяных паров и столь необходимого для жизни кислорода.

Практически нет... Но тем драгоценнее крохи живительной влаги. Содержание водяных паров в атмосфере Марса составляет 0,001 г иа 1 см^3. А общее количество кислорода — 40 млрд. т.

Климат создается неравномерностью нагревания поверхности планеты, ее температурными контрастами. На Марсе таких контрастов более чем достаточно. Они усиливаются в разгар марсианского лета, и тогда возникают мощные воздушные потоки, проносящиеся со скоростью до 120 м в секунду. На поверхности планеты дуют нередко ветры силой более 40 м в секунду — ураганные по земным понятиям. Но там почти вакуум. Поэтому марсианский ураган воспринимается как земной ветер всего лишь в 4 м в секунду...

Слабое дуновение. Но для Марса это подлинное стихийное бедствие. Ветер поднимает с плоскогорий и со дна кратеров фантастическое количество пыли. Из нее формируются гигантские желтые облака, иногда закрывающие всю планету плотной пеленой.

Биолог. Какой же обстоятельный разговор о Марсе может завершиться без дискуссии, есть ли иа нем жизнь?

В марсианской атмосфере не так уж много кислорода. Однако его все-таки в тысячу раз больше, чем могло образоваться естественным путем. Пожалуй, только зеленые растения (пусть в самых простейших формах) могли произвести столько кислорода.

Жизнь невозможна без воды. И вода есть, хотя и в «микродозах». Но ее может появляться значительно больше, например при остывании извергнутых вулканами лав. Но главные резервы воды скованы кристаллической решеткой льда: скрыты в толще марсианской «вечной мерзлоты». Энергия солнечных лучей не в силах растопить ее. Но в эпохи «теплого Марса» вода выходит на свободу, наполняет русла рек, а возможно, и впадины морей, атмосфера становится плотнее; тогда появляется на «мертвой планете» вероятиость расцвета жизни. Следы более теплого периода обнаружены. Значит, он возможен и в будущем...

В Институте микробиологии Академии наук СССР есть камера искусственного климата, в которой могут быть созданы условия освещенности, давления, температуры и влажности, характерные для поверхности Марса. В камеру поместили микроорганизмы разных видов. Многие остались живы, их не убили марсианские условия.

Значит, живое вещество может выдержать их? Но выдержать — это еще не все. Смогут ли клетки нормально развиваться и размножаться? Для решения этого вопроса космические аппараты «Викинг-1» и «Викинг-2» покинули Землю 20 августа и 9 сентября 1975 г. Первый коснулся поверхиости Марса 20 июля 1976 г. в бассейне Хризе Плантия, второй — 3 сентября того же года опустился на равнину Утопия Плантия к западу от гигантского кратера Мие.

Сотни снимков высокого разрешения были получены на Земле. На них четко запечатлелись все объекты размером до 100 м. Но удивительное дело: почти все, что увидели «Викинги», уже было хорошо известно задолго до этих полетов. Но

стало бесспорным н очевндным многое нз того, что ранее вызывало сомнення.

Под оранжево-розовым небом Марса перед землянамн предсталн н две его белые полярные шапкн (лед в основном водный, н его мощность достнгает 2 км), н гнгант-вулкан Ннкс Олнмпнка, над склонамн которого обнаружены гряды ледяных облаков. Былн установлены следы оползней на берегах «каналов», песчаные дюны, ясные прнзнакн погребенных под слоем пылн льдов. «Внкннгн» определнлн содержанне водяного пара н в атмосфере Марса, н в его поверхностных породах. Онн выполнилн первые регулярные метеорологическне наблюдения, по данным которых стало возможным составнть графнкн суточного хода температуры, влажностн, скоростн ветра.

Но онн — увы! — не ответнлн на вопрос о жнзнн на Марсе. Он остался открытым и ждет решения.

Издавна известно: чем шнре круг знаннй, тем больше раздвнгаются граннцы непознанного. Автоматы добавнлн коечто к нашнм знанням о Марсе, но и увелнчилн чнсло новых загадок.

Марс прннял первую экспеднцню автоматов. Марс ждет первую экспеднцню землян!

КОРОТКО О РАЗНОМ

Художник Е. РАТМИРОВА

Полимерный кожух — Тадж-Махалу

Знаменнтый мавзолей Тадж-Махал в Индии сильно пострадал от загрязнения окружающей среды. Сернистые газы соседних промышленных центров повреднли не только мрамор этого великолепного пятикупольного здания, но и инкрустацию из самоцветов.

Реставрационная комиссия по спасению мавзолея, возведенного еще в XVII в., пришла к выводу, что всю постройку необходимо срочно покрыть прозрачным полимерным слоем, устойчивым к промышленному дыму. Это лишь первый этап работы. Затем будет подыскиваться более прочный материал для защиты мрамора, повреждаемого также и песчаными бурями из Раджастхана.

ХРИСТО ТИЛЕВ

ВОЗДУШНЫЕ ПРИЗРАКИ

Художник Е. ШЕФФЕР

В 1878 г. в Северной Америке во время войны с индейцами из форта «Авраам Линкольн» вышел отряд карателей. Спустя несколько часов охрана форта с ужасом увидела своих товарищей марширующими по небу. Караул не сомневался, что карательный отряд погиб и на небе — души умерших. Через несколько дней отряд действительно был уничтожен индейцами, и случайное совпадение этих двух ничем не связанных событий запомнилось надолго и укрепило веру в сверхъестественное.

Солдаты, оставшиеся в форте «Авраам Линкольн», видели обыкновенный мираж. Фантастические, непонятные картины миражей в прошлом воспринимались как своеобразные предзнаменования трагических событий и порождали страх перед неизвестным. Люди верили, что миражи — дело духов воздуха, что они — воздушные призраки. А когда появлялась какая-то особенно красивая картина миража, многие считали, что видят «небесный рай»...

Сегодня миражи не представляют никакой загадки. Спокойная озерная вода, подобно зеркалу, отражает деревья, скалы, горные вершины. Световые лучи, отраженные от этих предметов, попадают в поле зрения и прямым путем — и мы видим нормальное изображение предметов, и после отражения в зеркальной поверхности озера — и тогда мы воспринимаем второе, мнимое, перевернутое изображение. Подобен зеркальному изображению вещей и сам мираж. Зеркалом для него служит воздух.

Окружающая нас воздушная среда неоднородна — она состоит из слоев различной плотности. Световые лучи не могут проходить сквозь них прямолинейно. Таковы законы оптики. Всем известно, как выглядит в стакане с водой чайная ложка. На границе двух сред — воды и воздуха — ложка как бы переломлена. Это мираж, возникший потому, что плотность воздуха и воды различна. Попадая из менее плотной среды в более плотную, световые лучи изменяют прямолинейный путь и отклоняются в сторону более плотной среды.

Аналогичным образом световые лучи преломляются, проходя через слои атмосферы, имеющие различную плотность,— возникает явление рефракции. Благодаря ей мы видим звезды гораздо ближе к горизонту, чем они находятся в действительности. Это мираж. После захода солнца мы видим его еще минут 5—10, а оно фактически скрылось. И это тоже мираж. Рефракция небесных светил в атмосфере — обычное явление.

Но бывают и другие случаи. Иногда световые лучи так отражаются от воздушных слоев, что искривляются чрезвычайно сильно. Это происходит летом, когда земля сильно нагревается и в свою очередь нагревает прилегающий к ней воздушный слой. Плотность этого слоя уменьшается. Световые лучи отражаются от слоев меньшей плотности как от водной поверхности и затем попадают в поле зрения наблюдателя. В этом случае мы видим «нижний мираж». Изображение в нем, как и изображение в озере, опрокинуто «вниз головой».

Существуют и «верхние миражи». Рано утром, когда нижние воздушные слои холоднее расположенных над ними, высоко вверху может образоваться отражающий воздушный слой, и мы видим отраженные изображения различных отдаленных предметов. В подобном воздуш-

ном экране могут отражаться и предметы, находящиеся в сотнях километров от наблюдателя. Верхние миражи возникают чаще всего в море и в полярных районах: там почти всегда околоземные воздушные слои холодиее расположенных выше. На севере это явление часто бывает зимой и весной, когда с юга дует теплый ветер, а нижние воздушные слои остаются холодными от соприкосновения со снегом.

Существуют и «двухэтажные» и «трехэтажные» миражи. Двойной верхний мираж имеет обычно прямое и перевернутое изображения. Это наблюдается тогда, когда в атмосфере неравномерно распределены воздушные слои различной плотности. Если слой теплого воздуха лежит между двумя более холодными, может возникнуть тройной мираж. Это случается чаще всего над полярными морями — над иормальным миражным изображением корабля видно его перевернутое изображение, а над ним — еще одно нормальное. Бывают и «боковые» миражи. Они образуются в воздушных слоях у сильно нагретых солнцем стен. В этом случае стены играют роль нагретой почвы. Воздушный слой у стены нагрет сильнее, поэтому менее плотен, чем соседине. На границе между слоями различной плотности наблюдается отраженное изображение предметов, которые находятся около стены. Боковой мираж часто возникает над Женевским озером в Швейцарии. Утром южная часть озера еще не нагрета солнечными лучами, потому что на нее падает тень расположенных вокруг альпийских хребтов, а незатененная северная сторона уже нагрета. Тогда над озером образуется вертикальная граница между нагретым и более прохладным воздухом, а у плавающих в озере лодок и кораблей наблюдаются «двойники» — миражные изображения.

Иногда миражи столь фантастичны, что с трудом верится в естественную и уже давно известную причину этого природного явления. С незапамятиых времен в Южной Италии, в Мессинском проливе, расположенном между Апеннинским полуостровом и островом Сицилия, при восходе солнца высоко в небе появляются сказочные дворцы, средневековые замки, сады, великаны, громадные деревья... Фантастические картины, непрерывно, как в калейдоскопе, сменяют одна другую. Этот призрачный пейзаж называют Фата-Моргана. Название это восходит к восточной легеиде о злой фее Моргане. По арабским преданиям, она любила дразнить усталых и измученных жаждой путников в пустыне, заманивать их в самые безводные и знойные места, показывая призрачные цветущие оазисы, полноводные озера, фонтаны, дворцы с пышными садами. Фея смеялась над отчаявшимися, когда фантастические картины исчезали.

Постоянно меняющиеся миражи, называемые Фата-Моргана, своим возникновением обязаны движущимся один над другим воздушным слоям различной плотности.

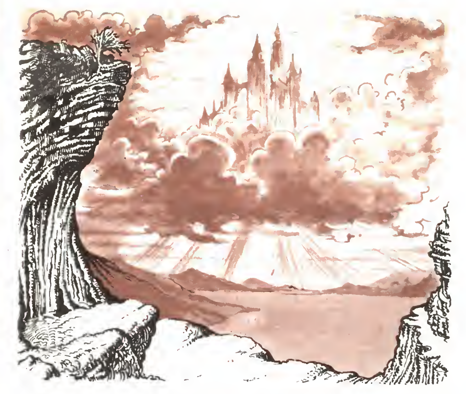
В Сицилии, у города Реджо-ди-Калабрия, Фата-Моргана появляется обычно на рассвете при отсутствии ветра. Вот одна из картин, которую можно увидеть. Над морем появляются ряды столбов, расположенных на одинаковом расстоянии друг от друга. Вдруг на глазах у наблюдателя они соединяются в арки, похожие на древние акведуки. Иногда на арках образуется карниз, появляются бесчисленные крепостные башни, которые тут же сменяются колоннадой, колоннада — стеной с окнами, стена — хвойным лесом, и, наконец, видение исчезает.

Фата-Моргана особенно ярка и продолжительна в полярных странах. Один из исследователей Севера так описал Фата-Моргану, которую наблюдал с корабля на 80° с. ш.: «Над горизонтом показались самые причудливые формы, какие только можно себе представить. Они чередовались — колокольни, готические башни, кресты, мечи, горы, покрытые льдом. Принимали вид лесистой равнины, полной различных животных. Медведи, собаки, птицы танцевали в воздухе, иногда отрывались от земной поверхности и уносились высоко в небо... Невозможно описать это величественное зрелище... Видение за видением появлялось словно по мановению волшебной палочки и затем столь же быстро исчезало. Спектакль продолжался большую часть дня, но появившийся потом сильный северный ветер прекратил его».

Первое же описание миража было сделано древнегреческим историком Диодором Сицилийским: «В Африке в некоторые сезоны, особенно при полном отсутствии ветра, происходят удивительные вещи... В воздухе появляются изображения различных зверей, неподвижных и движущихся. Звери то бегут от зрителя, то преследуют его. Когда они настигают человека, то словно окутывают его холодным туманом».

Всем известны рассказы путешествующих по громадной пустыне Сахара о появляющихся на горизонте озерах, оазисах, городах. Измученные зноем путники не знали, верить или не верить собственным глазам, даже если отлично понимали природу миражей,— так ярки и реальны были видения.

Из-за этих миражей до сих пор иногда называют Сахару Морем Дьявола. В Алжире есть узкая долина, названная Ущельем привидений. Миражи там чрез-

вычайно часты. «Однажды я остановился при входе в ущелье,— рассказывает очевидец,— и присел на камень отдохнуть. Внезапно в 50 м от себя увидел человека, тоже сидящего на камне. Я поднялся, и человек встал, я стал приближаться к нему и очень удивился, узнав в нем самого себя. Сходство так испугало меня, что невольно я взмахнул рукой. Мой двойник сделал то же самое. Но когда я решил подойти еще ближе, видение исчезло».

Что такое мираж? Иллюзия? Обман зрения? Да, конечно, но совершенно реальный. Явление можно даже снимать на фото- и кинопленку. «Осенью 1957 г.,— рассказывал советский кинорежиссер В. Шнейдеров,— путешествуя на автомашине по Джунгарской пустыне, мы наблюдали очень четкий мираж. По всему горизонту простиралось глубокое озеро, поросшее тростинками, окруженное низкими коричневыми холмами. Мы решили заснять эту необычайную картину... Удивительное это зрелище можно увидеть в фильме «Под небом древних пустынь»».

В XIX в. с участниками полярной экспедиции Норденшельда на полуострове Чукотка произошел забавный случай. Вблизи экспедиционного лагеря заметили большого белого медведя. Люди бросились к винтовкам. Но в тот момент, когда один из них готовился выстрелить, белый медведь... взмахнул громадными крыльями и взмыл в воздух. Он летел быстро и, к всеобщему удивлению, превратился в того, кем и был в действительности,— в обыкновенную чайку. Это одна из многочисленных проделок рефракции.

Известная легенда о «Летучем голландце» обязана своим происхождением тому обстоятельству, что моряки парусного флота наблюдали в океане очень много верхних миражей. Как только окончилась эра парусного флота, исчез и призрачный корабль, который так долго пугал суеверных моряков.

Иногда мираж возникает прямо над головой, как перевернутое изображение всего окружающего. В 1869 г. в Париже наблюдался очень красивый мираж при лунном свете. Луна светила достаточно ярко, хотя небо было окутано легким туманом. В течение часа в этом туманном зеркале отражался весь Париж вместе с Сеной, дворцами, памятниками, мостами. Освещенная розовато-серебристым сиянием картина была ис-

ключительно эффектна.

Любопытный мираж наблюдали у восточных берегов Кореи в Японском море. Перед диском восходящего солнца появился громадный горный массив, который сразу же исчез, как только солнце оторвалось от горизонта. Ученые считают, что это могло быть только миражное изображение горы Тоивуми-яма в Японии на острове Хонсю, которая находилась от места наблюдения на расстоянии 900 км. Известны и другие подобные случаи. Например, на побережье Крымского полуострова видели горные хребты Турции, находящиеся за 400 км. Иногда наблюдается и обратное явление — депрессия, или понижение, горизонта. Так, горы острова Корсика, которые обычно хорошо видны из города Генуи и французского Прованса, выглядят погруженными в Средиземное море.

Интересны и горные миражи. Они часто наблюдались в окрестностях горы Брокен, поэтому и получили название Брокенских призраков. Горные миражи бывают и в Альпах, и на Кавказе, Памире, в горах Крыма. Для того чтобы появился брокенский призрак, нужен облачный фон на противоположной от солнца стороне. «Призрак» может быть виден в течение нескольких минут перед восходом или после захода солнца.

В Болгарии миражи можно наблюдать в солнечный день на асфальтированном шоссе. Если, например, температура асфальта 30°, то воздуха на расстоянии 1 см от его поверхности — 20°. В солнечную погоду кажется, что на шоссе лужи, все оно залито только что прошедшим проливным дождем. На самом деле шоссе совершенно сухо, наблюдается же мираж. Если наклониться к шоссе, призрачные лужи станут крупнее и отчетливее. Особенно интересно, что в миражных лужах отражаются близкие и отдаленные предметы.

Верхний и нижний миражи легко воспроизвести в лабораторных условиях. Для верхнего миража нужен стеклянный аквариум, наполненный водой. В воду следует насыпать столько поваренной соли, чтобы на дне аквариума создался насыщенный соляной раствор. Плотность воды будет возрастать сверху вниз. Если в затемненной комнате через эту среду пропустить направленный слегка вверх световой луч, то в темноте можно будет видеть его раздвоение и двойное изображение какого-нибудь небольшого предмета, поднесенного к этому световому лучу.

Чтобы наблюдать верхний мираж, нужно нагреть металлическую или деревянную пластинку длиной 50 см. Затем придвинуть конец пластинки к поставленным перед вами мелким предметам, и вы увидите их обратные изображения, расположенные под оригиналами. Подобный эффект получается и в том случае, если смотреть на сильно нагретую стену. Брокенский призрак может возникнуть и без солнца. Достаточно в туманную ночь встать у открытого окна спиной к яркой лампе. Ваша тень, окруженная ореолом, спроецируется на туманный экран.

Очень интересен недавно открытый оптический эффект, который создает плотная облачность над Антарктидой. Явление это известно под названием «белый туман». Солнечный свет в таких случаях рассеивается в облачности, и предметы не имеют своей обычной тени. Идущий человек испытывает ощущение, что плывет в воздухе, ступает в пустоту. Для водителей тягачей в Антарктиде это создает большие трудности, особенно когда приходится ориентироваться по следам идущих впереди маш[illegible]

Однажды во[illegible] терял след впереди идущей ма[illegible]ока он маневрировал в поисках этого следа, прошло несколько минут. Наконец водитель нашел его, двинулся по нему и... повстречался с идущим за ним тягачом! Оказалось, что водитель этого тягача, сам того не замечая, развернулся на 180°.

Перевод с болгарского
Надежды Огневой

Альберт Лехмус

МАРШРУТОМ ВЕЛИКОЙ МАГИСТРАЛИ

Фотоочерк

Пространство, протянувшееся на три тысячи километров с лишком, охватить взглядом за короткое время можно разве только что из космоса. И если бы космонавт, вооруженный длиннофокусной оптикой, пролетел над будущей трассой БАМа в 1974 г., он увидел бы край нетронутой природы. Сверкнуло бы верховье Лены, сжатое со всех сторон могучими сопками, богатая хариусом Твюрв, прозрачная

Режим горных рек, состояние наледей и снежные лавины в зоне БАМа стали предметом серьезных исследований ученых

Река Гоуджекит, вдоль ее русла лягут рельсы

Ния и капризная Киренга, а за блюдцами озер в районе Кунермы, за Северо-Байкальским хребтом, открылась бы небесная голубизна Байкала. И это далеко не все реки Западного участка. На БАМе их такое количество, что мостостроители не без основания считают трассу мостами, соединенными полотном железной дороги.

На счету строителей гигантский мост, переброшенный через могучий Амур; сейчас возводится мост через Селемджу, затем последует бешеная Бурея и суровый Витим. Зею перекрыла плотина, мост строится на сухом дне, а вода неумолимо подгоняет мостостроителей, заливая их площадку. Верхняя Ангара пропустила изыскателей по своей заболоченной долине до Северо-Муйского хребта, а потом преподнесла сюрприз: чтобы идти дальше, нужен 15-километровый туннель через Северо-Муйский хребет. Это не первый туннель на трассе. Малый БАМ уже пропускает поезда Нагорным туннелем через Становой хребет, вовсю идет строительство другого Байкальского туннеля длиной в 6,5 км. Северо-Муйский хребет — не «подарок» для строителей: сейсмичность до 9 баллов, горные породы как слоеный пирог, подземные реки кипящей воды. А над всем этим торжественно высятся горные цепи, вздымающие снеговые вершины почти до трехкилометровой отметки. Кругом тишина, хрустально чистый воздух, вверху на гольцах снег, ниже стланик, золотистые рододендроны, внизу смолистый аромат кедрача, сосен и лиственниц. В реках — хариус и таймень, в тайге — медведи, козы, изюбры, уживающиеся с северными оленями. Охотники промышляют соболя и белку; под ногами то голубой ягель, то заросли жарков. Нежные ирисы, поля ромашек и «царских кудрей», а весной над Байкалом полыхают розовым цветом сопки — цветет багульник. Климат здесь резко континентальный: суровые зимы и знойное солнечное лето.

Освоение этих земель неизмеримо увеличит их населенность. Где раньше были небольшие поселки охотников и лесников, где проходили лишь тропы эвенков, теперь возникнут железнодорожные станции и многотысячные города. Очень важно, чтобы в этих заповедных местах со здоровым климатом и прекрасными ландшафтами люди могли жить, не нарушая гармонии природы и не уродуя ее.

Идет укладка стальных путей

Мост через Зейское море начали строить загодя на сухом месте. Со временем поднявшаяся вода затопит опоры

Значение трассы огромно. БАМ — не только транспортная магистраль. Это мощный катализатор развития производительных сил прилегающих к ней районов Восточной Сибири и Дальнего Востока. Уже сейчас можно говорить о возникновении Южно-Якутского производственного комплекса: коксующийся уголь и железная руда; Удоканская медь; полиметаллы и асбестовое месторождение севера Бурятии; гигантские нетронутые массивы лесов Восточной Сибири...

БАМ — это самая современная строительная техника, но одновременно сложнейшие инженерные, экологические и нравственные проблемы. Тоннели через Байкальские хребты, мосты через Лену, Амур, Зею; вечная мерзлота, наледи и болота. Все это приходится преодолевать людям, в первую очередь первопроходцам. Их сотни: упорно шагающие по марям Амурской области изыскатели, отважные водители автомашин по ледовой дороге через Байкал; укладчики и монтажники, строители Тынды и проходчики Северо-Муйского тоннеля. И только благодаря их самоотверженному труду метр за метром пробивается через топи и хребты Великая магистраль.

В гигантские скважины для опор Зейского моста на 10-метровую глубину опускается водолаз, чтобы проверить перед бетонированием состояние скального грунта

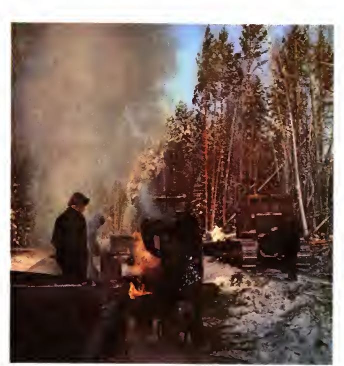

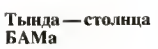
Дальневосточная осень

Восточная предпортальная выемка. Байкальский тоннель

Зимник. Отдых в пути

Тында — столица БАМа

Город Тында, улица Диогенов

Строится причал в Северо-Байкальске

Изыскатели в ледовой ловушке

Вадим Опалин

ТУНДРА

Фотоочерк

Шесть лет, вернее, летних полевых сезонов я отдал Северу, тундре, работая географом в экспедициях в шестидесятые годы. Потом занялся другим делом, стал ездить в другие районы нашей страны. О Севере вроде бы забыл напрочь. И вдруг во мне шевельнулось воспоминание о тундре я полевой жизни, а еще через некоторое время на себе испытал, что значит «зов Севера». И вот по прошествии восьми лет я вновь полетел на Север. Мне надо было снова увидеть тундру и сравнить ее с той давней, моей.

О, тундра здорово изменилась! Просто не верится, что прошло каких-то несколько лет... Ныне она осваивается интенсивно. Видишь следы экспедиционных стоянок, бывших буровых и заброшенных складских помещений.

Опишем здесь один полевой сезон (вобравший, разумеется, в себя и воспоминания прежних лет, и впечатления от последней поездки) в хронологическом порядке.

Чаще всего, конечно, добираться до тундры приходится самолетом (взгляните на карту: ниточек железных дорог здесь почти нет). Впервые — на Чукотку я тоже летел на старом, добром ИЛ-14. Сначала он «поднялся» к Архангельску, потом тянул вдоль побережья Ледовитого океана. Часами под крылом слева темнела океанская вода пополам со льдинами, а справа — бесчисленные озера тундры. Впечатление было такое, будто самолет боится заблудиться и придерживается кромки берега. Мы летели три с половиной дня. Цифра скорее из практики железной дороги. В воздух самолет поднимался в основном днем, а ночами мы сидели во всех этих легендарных, знакомых с детства по названиям Амдерме, Диксоне, Тикси.

Несколько сезонов мы «вплывали» на Север по Печоре на очаровательном допотопном пароходе. От города Печоры до Нарьян-Мара, который «не велик и не мал», он не спеша шлепал плицами колес три дня (сейчас по Печоре ходит стремительная «Ракета»). А в последний раз я перевалил за Полярный круг самым распространенным, пожалуй, теперь транспортным средством — вертолетом.

Типичные ландшафты
ненецкой тундры

Белые ночи. Столько уже писали об их колдовской силе, непередаваемом очаровании, что не хочется повторяться. Отмечу лишь, что они весьма удобны для жизни и работы. Сначала к ним, правда, трудно привыкнуть. Нелегко засыпать, когда по часам полночь, а в окно светит солнце. Да и вообще ощущение такое, точно живешь в витрине и некуда спрятаться. А вскоре к этому привыкаешь и ведешь обычный образ жизни. Но вот постепенно темнеет все раньше и раньше. В тундре, где нет, увы, никаких фонарей, в темноте делать нечего. И все больше времени приходится проводить в палатке при неверном пламени свечи. И вот тогда не раз вспоминаешь светлую благодать заполярного июля.

Классический пейзаж тундры — обилие воды: речки, речушки и озера, озера... Недаром в тундре, хотя и видно окрест на многие километры, так трудно ориентироваться. Все так похоже, одинаково.

А вот и он, старый недобрый знакомый — Его Величество Комар! Местные жители называют комаров не иначе как почтительно-ненавидяще: «он». Комары служат и справочником, и эталоном. Тут не говорят, например, теплое или холодное было лето, а вспоминают, много ли было «его», когда «он» исчез и т. д. Что по сравнению с этими жалящими полчищами комары средней полосы нашей страны?! Просто жалкие дилетанты!

Весна обычно не спешит в гости к своему пасынку — Северу, поэтому мы всегда выезжали в «поле» тогда, когда наши коллеги в более южных зонах уже давно начали полевой сезон. Вот и в последний раз я выехал с геологической партией в начале июля. За оставшиеся два с половиной месяца, когда еще можно работать в тундре, предстояло сделать очень многое.

В тундре наступило, пожалуй, самое хорошее время: вся она оделась цветами, как у нас, в средней полосе, в июне. Только на Севере три времени года — весна, лето, осень — гораздо короче, и потому все здесь торопится жить. За какие-нибудь две недели успевают и зацвести и отцвести десятки трав. Тундра то седеет от пушицы, то залита желтым цветом — все покрывают лютики и купальницы. Многие участки радуют глаз нежно-голубыми и синими тонами.

Летом по бескрайним зеленым просторам кочуют большие стада оленей — характерная примета тундры

Кончается июль, а с ним и белые ночи. Еще неделю назад солнце вело себя очень любопытно, словно большой оранжевый диск в кукольном театре. Оно в полночь только слегка касалось занавеса-горизонта и медленно катилось по нему. А часа через два солнечный диск будто тихонько поднимали на веревочке, но уже в другом месте. Меня белой ночью в тундре не покидало ощущение именно какой-то театральности, декоративности. Но, правда, и декорации великолепны, и постановка отличная.

В эти короткие ночные часы тундра совсем затихла, ну разве лишь изредка прокудахчет потревоженная куропатка. В этих просторах и днем-то стоит абсолютная тишина. Человеку, не бывавшему на Севере, пусть даже сельскому жителю, просто невозможно представить эту тишину. О городе, понятно, и речи нет. Но и в деревне, и даже в лесу множество звуков: шелест листвы, кряк петуха, колодезный скрип, ну и другие, понятные и приятные человеческому слуху звуки. Они не раздражают, их порой просто не замечаешь. Без звука тоже нельзя жить, мир становится мертвым. А на Севере есть места, где тишина уже переходит рубеж полезности и приятности, становясь почти мертвой, давящей на психику.

В тундре поспевает морошка, появляются грибы. Морошку называют виноградом Севера. Кому как, а на мой вкус так себе ягода. Когда поспеет, становится совсем желтая, напоминает слегка испорченную клубнику, так что лучше уж есть ее недозрелой, красной. Но, говорят, морошка очень полезна. Так оно, наверное, и есть. И если б суметь наладить ее массовые заготовки... Ягоды этой в тундре великое множество. Когда идешь по болотам, сапоги становятся желтыми от нее.

Грибов в тундре тоже на загляденье! И по весу, и по количеству. Больше всего, пожалуй, подберезовиков. Собрать здесь грибы — сущий пустяк, только не ленись нагибаться. Сколько надо, столько и бери. Но вкус водянистый, тундровые грибы, конечно, не чета нашим лесным.

А к осени тундра превращается в удивительный разноцветный ковер: желтые, багряные листики березки, толокнянки, дриады. Те же краски подмосковного лета, только — под ногами.

Вскоре лужицы, маленькие озерки по ночам начинает охватывать ледок, а однажды, выйдя из палатки, увидишь первый чистый-чистый снег. Вот и конец полевого сезона.

Реки тундры во многих местах можно перейти вброд

Даже в июле, когда температура воздуха поднимается до +25—30°, кое-где в низинах еще лежит снег

Тундра, конечно, не всегда ровна как стол. Есть в этой зоне и свои, пусть небольшие, горы, и каньоны, и водопады, как вот этот в районе хребта Пай-Хой на реке Вась-Яга

Туидра в июле расцвечеиа белыми, желтыми, сииими красками

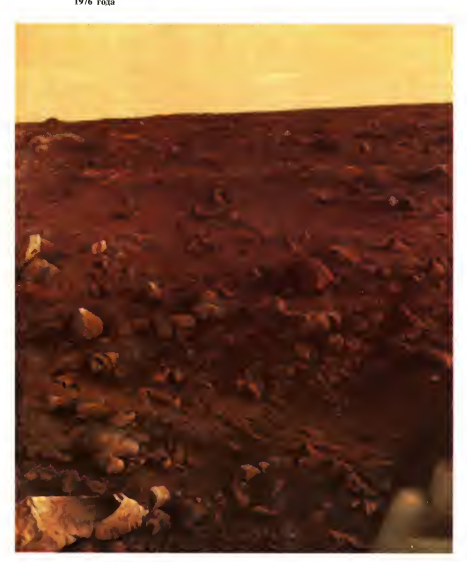
Основа пушного промысла тундры — песец

Самолет прилетел в поселок Полярный на севере Якутии. Аэродромом здесь служит замерзшая Индигирка

К статье
Вячеслава Маркина
**«ЭТОТ
ПЛЕНИТЕЛЬНЫЙ
ИНОЙ МИР»**

Марс. Область Крузе. За 15 минут до захода солнца. Снимок со спускаемого аппарата «Викинг-1» 21 августа 1976 года

БОРИС ЮСОВ

ЧЕШСКИЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ОДОРИКО МАТИУШ

Художник К. АЛЕКСАНДРОВ

Первые достоверные и достаточно обстоятельные сведения о странах и народах Центральной Азии и Дальнего Востока начали поступать в Европу лишь в эпоху монгольских завоеваний. Эти сведения приносили купцы и католические монахи, которые по поручению папы римского и европейских монархов отправлялись во главе дипломатических миссий в ставку монгольских ханов в Каракоруме или к императорскому двору в Пекине.

Эти миссии имели как политико-разведывательный, так и торговый характер, поскольку в руках монгольской феодальной верхушки находился контроль над важнейшими мировыми торговыми путями и, кроме того, накапливалась огромная военная добыча. В их ставки, превратившиеся в обширные рынки, спешили купцы-конкуренты со всех концов света, особенно из стран Ближнего и Среднего Востока, Южной и Юго-Восточной Азии.

Для монахов и купцов, как известно, двери легче открывались, чем для других путешественников, поэтому их странствия завершались более или менее успешно. Многие из этих первопроходцев благодаря собранным ими ценным географическим сведениям вошли в историю познания Земли. Ореолом величайшего путешественника до эпохи Великих географических открытий окружено имя венецианского купца Марко Поло, на которого ссылаются авторы, занимающиеся историей географического изучения Земли.

В их работах часто встречается и имя замечательного путешественника Одорико Матиуша. К сожалению, труды его на русском языке не издавались. Есть только очень краткое изложение его рассказа в «Правительственном вестнике» за 1891 г.*, а также короткое извлечение в книге «Неведомые земли» немецкого автора Рихарда Хеннига, опубликованной издательством «Иностранная литература». А между тем в свое время Одорико Матиуш пользовался большой популярностью. Добытые им сведения и факты о странах и народах Азии, очищенные от небылиц и неточностей, как и материалы Марко Поло, были использованы в последующем знаменитыми картографами, в том числе венецианцем Фра Мауро.

Одорико Матиуш (Одерих Матиусси) родом чех. Родился он около 1274 г. (по другим данным, на 12 лет позже) в деревушке Вилла-Нова близ г. Порденоне в исторической области Фриули (ныне входит в состав итальянской провинции Удине). От этих названий произошли и другие два имени, под которыми он известен: Одорико Порденоне и Одорико Фриульский.

Край, где родился Матиуш, в то время принадлежал Чешскому королевству и был больше связан со славянскими землями, чем с Италией. Отец будущего путешественника служил в местном гарнизоне, но сына привлекала деятельность проповедника христианства, и он вступил в ряды монашеского ордена францисканцев.

Свою миссию в качестве странствующего проповедника Матиуш начал в 1316 г. или чуть позже. Одорико не имел образования. В какой-то мере этим, быть

* «Славянин-путешественник (Картины Азии XIV в.)». Издание «Правительственного вестника». СПб., 1891. Большая часть цитат в данном случае взята из этого источника.

Предположительный маршрут путешествий Одорико Матиуша (1316—1330 гг.)

может, н объясняется, что он часто прннимал на веру небылицы и легенды. Склонен ои был и к преувеличениям. Впрочем, и то и другое в определенной степени свойственно многим путешественникам средневековья. Но сознательных вымыслов у Одорико нет. Известный английский историк географических исследований Дж. Бейкер пишет, что если Одорико и пересказывал чьи-то побасенки, то отмечал н важные реальные факты. Потому-то работы его стали важнейшими документами того периода сношений Европы с Востоком.

Маршрут Матиуша иачался от стен Константинополя, тогдашней столицы Византийской империи, от «золотого моста между Востоком н Западом», как назвал его К. Маркс, желая подчеркнуть большое торговое значение византийской столицы, стоящей на трансперсидском торговом пути с конечным пунктом в Ормузе.

От Константинополя Матиуш прошел к г. Трапезунду (ныне Трабзон на северовостоке современной Турции). Миновав затем г. Эрзурум, Одорико попал в Тавриз (Тебриз в Иранском Азербайджане). Этот крупнейший в средние века азербайджанский центр произвел иа чешского путешественника большое впечатление богатством и красочностью базаров, роскошью странноприимных домов, великолепием мечетей и медресе. Одорико называет Тавриз «лучшим городом в свете». Отмечая выгодное положение города на большом торговом пути, он говорит, что «весь мир шлет ему товары».

Следующий пункт маршрута — г. Кашан в центральной части Ирана, место, где нзготовлялнсь удивительные по красоте нзразцы, которыми до снх пор блещут самаркандскне и бухарскне памятники старины. От Кашана путешественник направился на юг Ирана к г. Персеполю (Персеполис), что погречески означает «город персов». Сооруженный в 5—6 вв. до н. э., он был когда-то известен роскошной царской резиденцией с многоколонными залами, великолепной парадной лестницей, на скульптурных рельефах которой были изображены народы, покоренные Ахеменидами.

Дальнейший путь Матиуша пролегал в Багдад, тогда столицу одного из уделов державы Хулагидов, а затем в Ормуз на берегу пролива, соединяющего Персидский и Оманский залнвы Аравийского моря. Ормуз был главным пунктом торговых связей стран Среднего н Ближнего Востока с Индией. Одорико обращает особое внимание в этом шумном и пестром восточном городе на конструкцию кораблей, отмечая, что скреплены онн только бечевками. «На одном из этих

судов,— говорит путешественник,— я плыл сам и не мог там найти ни кусочка железа».

Весной 1321 г. Матиуш морским путем попадает в район Бомбея. «Индия,— записывает он,— оказалась не островом, а землей, сильно опустошенной татарами (монголами)». Попытка францисканца развернуть здесь проповедническую деятельность не увенчалась успехом. В Индии сосуществовали многие религии: мусульманство, активно поддерживаемое фанатичными правителями, брахманизм со свойственным ему жестоким ритуалом жертвоприношений и множество разных форм анимизма и идолопоклонства. Одорико поразил здесь обычай сожжения вдов с умершими мужьями. Местные христианские (несторианские) общины подвергались гонениям. Он вскоре покидает эти места, взяв направление на юг и затем вдоль Малабарского берега, известного своей торговлей перцем. Этот товар арабы вывозили отсюда в Аден. На Малабарском берегу Одорико опять встретил старые несторианские центры, но и здесь он убедился в бесполезности своей миссионерской деятельности.

Всегда интересуясь природными особенностями, он отметил, что в здешних лесах водится множество хищных зверей, обезьян,

Самую южную оконечность Индостанского полуострова путешественник обогнул на большом корабле, вмещавшем 700 человек. Заглянув попутно на Цейлон (Шри Ланка), он направился затем к крупному индийскому портовому городу Мадрасу. Коромандельское побережье, где находится Мадрас, привлекало арабских, китайских и других торговцев, вывозивших отсюда ароматические травы. рубины, жемчуг. Местное население тоже находилось под властью монголов и с 70-х годов XIII в. посылало им дань.

Одорико Матиуша привлекал в Мадрас прах апостола Фомы, которому он, как ревностный христианин, хотел поклониться. Сам по себе этот факт для нас не имеет особого интереса. Но любопытен в связи с этим рассказ Матиуша, представляющий собой яркую картину жизни и обычаев того времени. Над останками христианского святого «... высился храм с множеством кумиров, из которых один, исполинского вида,весь в золоте и драгоценных камнях, с богатейшим ожерельем, был поставлен на не имеющем цены престоле». Далее путешественник пишет: «Язычники поклоняются этому богу, лежат перед ним в пыли, колются острым оружием, чтобы сделать ему угодное; иные на коленях ползут из дому к удивительному идолу, жертвуя ему все, что только дорого. Раз в году славного кумира возят на колеснице. Впереди шествуют девственницы, богомольцы, прибывшие издалека, больные, певцы. Изуверы бросаются под колеса повозки и гибнут».

Из Мадраса после 50-дневного плавания Матиуш прибыл на Большие Зондские острова. Он первым из европейцев упоминает Суматру. «Здесь я,— говорит Одорико,— начал терять из виду Полярную звезду, так как Земля ее заслоняла». Из этой фразы нетрудно понять, что нашу планету наблюдательный чешский путешественник средневековья представлял себе в виде шара.

Суматру он миновал морским путем с восточной стороны и оказался в порту Семаранг на острове Ява. Он запомнил пышную тропическую природу острова, роскошь построек местных владык.

Далее на пути монаха-путешественника оказался Борнео (Калимантан), крупнейший из островов Большого Зондского архипелага. Рассказывая о нем, он, в частности, подробно описывает саговую пальму, из густого клееобразного сока которой приготовляют «муку» и «другую пищу». Он говорит также о «духовых» ружьях, которыми пользуются на охоте жители острова (имеются в виду духовые трубки со стрелами).

С Борнео Матиуш направляется в Индокитай, но долго там не задерживается. Снова под ногами зыбкая палуба корабля, долгий морской переход. И вот наконец сын Средиземноморья ступил на китайскую землю, высадившись, очевидно, в Макао.

Уже с первых шагов на этой земле он обращает внимание на то, что она богата хлебом, вином, рисом, мясом, рыбой и другими продуктами. По широкой извилистой реке Жемчужной — рукаву дельты Сицзяна — он поднимается к Кантону (Гуанчжоу), одному из древнейших городов и важнейших портов страны. Долины Жемчужной и Сицзяна — густо заселенный сельскохозяйственный район.

Гость из далекой Европы, считавший Венецию образцом большого города, был, однако, удивлен размерами Кантона, который, по его оценке, в три раза больше Венеции. Монах наблюдает кипучую жизнь города и среди прочего отмечает: «Во всей Италии нет такого количества кораблей, сколько их в одном этом городе».

Он сравнивает и другие города Южного Китая с итальянскими. «Величайшим городом в мире» называет Матиуш Ханчжоу (у него — Катусай), подобно Венеции расположенный на берегу морского залива. «Город имеет 100 миль в окружности,— пишет Одорико,— и насчитывает более 12 тыс. мостов». В те времена этот крупнейший торговый и

ремесленный центр Китая славился, в частности, шелками.

На побережье Южного Китая Матиуша заинтересовал любопытный способ рыбной ловли с помощью бакланов — больших водоплавающих птиц. Привязанного веревкой баклана спускают на воду, тот ныряет, хватает рыбу, но проглотить ее не может, так как на шею ему надето узкое кольцо. Когда птица появляется на поверхности, улов у нее в буквальном смысле вытаскивают из горла.

Одорико посетил ряд других больших городов Южного Китая, в том числе Нанкин. Отсюда по Великому каналу он добирается до Хуанхэ. «Река проходит через самую середину Китая,— пишет он,— и, когда разливается, производит громадные разрушения, подобно реке По у Феррары».

Сравнивая китайские города с итальянскими, реку Хуанхэ с хорошо известной европейцам рекой По, Матиуш не делает и намека на научное осмысливание увиденного. Но сам подход Матиуша к характеристике тех или иных объектов примечателен. Здесь мы сталкиваемся, хотя и в самой элементарной форме, с методом географического сравнения, которым наука стала широко пользоваться лишь в прошлом столетии.

По Великому каналу Матиуш прибыл в конечный пункт своего путешествия — Пекин, тогдашний Ханбалык (город хана). В Пекине он прожил три года, много узнал о Китае и китайцах нового, о чем не пишет даже Марко Поло. Он рассказывает, например, о том, что «признаком знатности у мужчин служат длинные ногти, а у красивых женщин ... маленькие ножки; по этой причине матери, как только у них рождаются девочки, так сильно перевязывают им ступни, что те более не растут». Кстати, никто до Матиуша не описывал также судоходство на Великом канале.

Вместе с другими католическими монахами, находившимися в Пекине, Матиуша по праздникам приглашали в императорский дворец. Наблюдая придворную жизнь, он отмечает, что у престола богдыхана, проявляющего большую веротерпимость, толпятся и молятся за него люди разных народностей и вероисповеданий — христиане, магометане, буддисты, даосисты, последователи Конфу-

ция и другие. Но Одорико понимал, что дело не столько в веротерпимости хана, сколько в его хитрости. Окружая себя представителями покоренных народов, позволяя им молиться за «свыше данного владыку», формируя из них свою гвардию, делившуюся на подразделения по языку, происхождению и религии и этим самым разобщенную, великий хан обеспечивал прочность своего трона.

Любопытна картина тронного заседания. Одорико говорит и о порядке его ведения, и о степени близости каждого человека из окружения богдыхана к своему владыке. Необычен блеск их одежд, головных уборов, тщательное записывание каждого слова Хубилая четырьмя сидящими у его ног секретарями. Раболепно склоняется перед владыкой тысячная придворная толпа. В столице богдыхан живет лишь зимой. Летом же весь двор переселяется на север, в его родную Монголию.

Есть у Одорико некоторые сведения об административном устройстве страны, средствах связи, хорошо организованных монгольскими правителями. Вся империя делится на 12 частей. Везде имеются подставы и гостиницы. Если донесение очень срочное, гонцы передвигаются на дромадерах, а не на лошадях. Приближаясь к подставе, гонец трубит в рог, и из гостиницы сразу же выезжает следующий гонец. Таким образом донесение доставлялось великому хану вместо месяца за один день. Приносили известия и скороходы. Подставы для них располагались через каждые три мили. Скороходы носили пояса с колокольчиками, звон которых извещал об их приближении.

В обратный путь Одорико шел через провинции Шаньси, Сычуань и через Тибет — самое высокое и обширное в мире нагорье, отличающееся крайней суровостью климата. «Жители этой страны живут в шатрах из черного войлока», — пишет он, имея в виду кочевников-скотоводов. Одорико интересуют своеобразный быт и религия тибетцев — ламаизм, то есть северная ветвь буддизма, приближенного к местным, сходным с шаманскими верованиям. Его многое удивляет, вызывает в душе различные чувства. Он, например, не может спокойно смотреть на то, что людей в Тибете не хоронят, как принято у христиан, а, разрубив на части, оставляют на съедение священным птицам — грифам.

Одорико, по-видимому, посетил Лхасу (у него — Гота) — столицу Тибета, и если не был первым европейцем, побывавшим в ней, как считает английский исследователь Дж. Бейкер, то по крайней мере первый ее описал. Обобщая свои наблюдения о Лхасе, Одорико говорит: «Их (тибетцев.— *Б. Ю.*) главный город очень красив и построен весь из белого камня, а его улицы хорошо вымощены».

Точных сведений о пути Одорико на родину из Тибета нет. Из-за преждевременной кончины он не успел ничего об этом сказать. Предполагают, что он шел через Кабул (Афганистан), затем Хорасан (Северный Иран), Тебриз, а оттуда прежним маршрутом в Венецию. На родину он вернулся через 14 с половиной лет «изнуренным и больным человеком».

В мае 1330 г. Одорико продиктовал в Падуе собрату-монаху рассказ о своих путевых наблюдениях и приключениях и в самом начале 1331 г. поехал с незаконченным отчетом к римскому папе. Однако на пути 14 января в Удинеском монастыре он скончался. Здесь же, в монастыре, в присутствии множества людей его похоронили под алтарем как святого, хотя приобщили к лику святых значительно позже.

Венецианский скульптор Филиппо де Санти изваял на его могиле мраморный памятник.

ДЖОРДЖ Ф. БАСС

ТРАГЕДИЯ У ЯССИ АДА

Художник И. ШАХОВСКОЙ

Тринадцать веков назад у маленького острова Ясси Ада близ юго-западного побережья Турции потерпело кораблекрушение византийское торговое судно. Скорее всего это было так: корабль, плывший по спокойному Эгейскому морю, наскочил у острова на риф. А возможно, сильный северный ветер — мелтем, дующий в определенное время года, бросил судно на риф. На светлом песке Эгейского моря византийский корабль обрел вечный покой. Часть груза — амфоры с вином — опустилась на дно всего в нескольких метрах от старого римского корабля, затонувшего здесь же более чем за 100 лет до византийского судна. На протяжении веков многие суда погибали у Ясси Ада. Время и волны неотвратимо делали свое дело: пески погребли следы былых кораблекрушений. Этот район — мечта для археологов-подводников.

Начиная с 1961 г. я и мои коллеги из Пенсильванского университетского музея упорно трудились. Четыре сезона мы в поте лица вели раскопки византийского судна. Это было тяжелое и дорогостоящее дело. В ходе работ мы совершили 3575 погружений и в общей сложности провели под водой 1268 человеко-часов. В процессе раскопок фотографировали и наносили на карту каждую обнаруженную деталь судна.

Член экспедиции доктор Фредерик ван Дурнинск затратил еще три года на изучение полученных материалов. Он тщательно отмечал положение каждого найденного на дне моря предмета материальной культуры той эпохи, а также сгнивших деревянных обломков византийского корабля. Дурнинск обдумывал назначение каждого паза, каждого отверстия в этих обломках. Результаты работы превзошли все ожидания. Когда мы просмотрели рисунки, то поняли, что усилия не пропали даром. Перед нами открылась вся картина кораблекрушения.

Теперь ясно, сказал Фредерик, что судно было не очень большим: футов 60—70 в длину и 17 в ширину. Оно могло брать на борт 50 т груза. Во время последнего плавания на нем было примерно 900 амфор с вином. Вот здесь, на корме, находился камбуз — сооружение, покрытое черепицей и поднимавшееся над палубой всего на два фута. А эта черепичная плитка с круглым отверстием располагалась как раз под очагом.

Фредерик показал места на корабле, где размещались якоря, кошки, хранились рыболовные снасти, инструменты, крепилась мачта, устанавливались рулевые весла, и как определил размер главного люка на палубе.

Новая подводная техника — залог успеха

В 1967 г. благодаря накопленным сведениям нам удалось полностью восстановить картину кораблекрушения. Опыт и подводная техника позволили начать подготовку к раскопкам затонувшего рядом римского судна. Мы были полны оптимизма. Он опирался на новое оборудование, большую часть которого мы переделали из старого или создали вновь. Сюда относился подводный телефон для связи с надводным миром, плавучая вакуумная землесосная установка, особая система, необходимая для точной фиксации расположения всех обнаруженных предметов,

подводная декомпрессионная камера и другое.

Мы должны были также опробовать металлоискатель, предназначенный для обнаружения металлических предметов под слоем песка, гидромонитор высокого давления для размыва слоя песка и грязи, грузовую платформу, способную поднять полтонны груза.

На этот раз мы увеличили наш штат рабочих до 45 человек. Жили они в лагере на острове Ясси Ада. Римский корабль лежал наклонно на глубине 140 футов. Она была предельной, на которой аквалангисты могли успешно вести раскопки. Нужны были сильные и ловкие ныряльщики. Где же найти таких? Однако неожиданно все уладилось. Добровольцы нашлись в Пенсильванском университете. Это Мерилин Розенберг, Мари Риан, Синтия Джонес, Нейси Палмер. Они и 20 других студентов и студенток оказались отличными аквалангистами после прохождения специального подготовительного курса. До конца летних работ осуществили 1700 погружений без каких-либо серьезных неудач.

Палаточная деревня на Ясси Ада

В апреле архитектор Матт Каплан и старший аквалангист Клод Дютуи уехали в Турцию. Нужно было позаботиться о лодках, барже и другом оборудовании, необходимом для работы. Пока Клод был занят этим, Матт успел вернуться на Ясси Ада. Весь май он оставался на острове: руководил бригадой строителей из турецких рабочих. Он ни слова не понимал по-турецки. А в конце мая я приехал на Ясси Ада и не узнал нашего пустынного островка. Полным ходом возводилось жилье, закладывался фундамент рабочего помещения, вдоль невысокого гребня, идущего по острову, выстроились палатки, шло бетонирование пола для будущей фотокомнаты, и, что самое удивительное, Матт разговаривал по-турецки.

Более всего хлопот нам доставила выгрузка трехтонной рекомпрессионной камеры с борта турецкого траулера «Кардешлер» — нашего исследовательского судна. Эта камера, снабженная установкой для кондиционирования воздуха, могла вместить сразу четырех человек. До этого из 3500 погружений у острова Ясси Ада у нас лишь однажды был случай кессонной болезни. Мы не растерялись и сразу отправили пострадавшего в Стамбул, где он прошел курс лечения. Теперь у нас на острове была своя рекомпрессионная камера, и мы могли лечить пострадавших на месте немедленно.

С помощью вот такой вакуумной установки мы усердно «пылесосили» дно Эгейского моря. Вековые залежи песка, скрывавшие обломки древнего судна и винные амфоры, вначале приходилось размывать сильной струей воды. Одновременно мы пускали в ход наш мощный «пылесос»

Уже первые обследования римского корабля подтвердили справедливость мнения, что большинство мест древних кораблекрушений в Средиземном море очень похожи друг на друга: на дне видна лишь куча амфор, и больше ничего. Римское судно везло амфоры с вином. Но неумолимое время, волны, песок, морские водоросли скрыли от глаз все остальное.

В течение нескольких дней подводный ландшафт места кораблекрушения полностью изменился. На площадке над грудой амфор мы установили прочные металлические леса, сваренные из труб. Они поддерживали передвижную башню с платформой. С ее помощью фотографировали нужный участок подводных раскопок. В десяти футах от места кораб-

лекрушеиия устаиовили будку подводиого телефоиа с куполом из оргстекла, прикреплеииую крепкими опорами к массивной металлической плите. В полусферу подавался воздух под давлением, и четверо аквалангистов, стоя под куполом (вода была им по грудь), дышали свежим воздухом, обсуждали разиые вопросы, совещались; здесь же был телефои, и оии могли поговорить с теми, кто остался иа барже, или связаться с островом. Скоро мы поняли, что это сооружение — отличный пункт первой помощи в случае какого-либо несчастья с аквалаигистами. Поэтому мы всегда держали в будке запасиой баллои с воздухом.

При помощи гидромонитора высокого давлеиия и приспособления с воздушным баллоиом удалось постепеиио удалить песок и грязь с корпуса судна. Была также сооружена грузовая платформа, подвешеиная к воздушиому баллону. На ией мы за одии раз поднимали иаверх от 20 до 30 амфор. Коиечно, раскопки корабля и подъем всего, что осталось от прошлой эпохи, требовали миого времеии и кропотливого труда.

Но мы иадеялись упростить дело, составив карту кораблекрушения. Для этой цели использовали миии-подводную лодку. Эта маневреиная иа двух человек лодка, иазваиная «Ашерах» (в честь финикийской богиии моря), могла опускаться на глубину 600 футов и оставаться там иесколько часов. Две фотокамеры «Ашераха», оборудоваииые специальными подводными линзами и управляемые при помощи электроииой аппаратуры, могли делать стереоскопические снимки. Таким образом, наша мини-подлодка за полчаса могла выполиить всю работу, необходимую для составления объемиого плаиа всей площадки кораблекрушения. Это ие сделала бы и дюжина аквалангистов за месяц.

К сожалеиию, из-за иесвоевремеиной погрузки в порту «Ашерах» задерживалась и прибыла к иам лишь в середиие лета.

А пока мы продолжали фотографировать римский корабль с верхней площадки передвижиой башии. Раскопки продолжались, и постепеино из песка стал появляться остов судна.

Аквалангист Бен Джонс поднимает амфору с глубины 135 футов. Весь сосуд покрыт шершавым слоем из мелких ракушек, а к основанию приросла громадная губка. Работа по поднятию амфор требует большой осторожности, так как внутри них часто обитают осьминоги и мурены

Тайна гончарных изделий

Каждый день, ведя раскопки, мы иадеялись, что вот-вот иаткиемся иа камбуз судна. Там могли оказаться предметы, которые позволили бы установить время последнего плаваиия римского судна. Наконец нам повезло — начали появляться предметы столовой посуды. Покрытые ярко-зелеиой глазурью, оии были совершенно ие похожи на римские гоичарные изделия, которые иам приходилось видеть раньше. Вводили в заблуждеиие и иекоторые из шпаигоутов корабля. Было ие ясно, почему оии расположеиы под углом к римскому судну. Только спустя иекоторое время мы поияли, что они прииадлежат другому судну более позднего времени, лежавшему под слоем песка как раз иа римском корабле. Юксель Эгдемир, прикомандированный к иам представитель турецкого департамента памятников древиости, возглавил раскопки нового корабля. Ои обиаружил, что иеизвестное судио почти достигло места, где лежало византийское торговое судно.

Таким образом, три корабля, разделеиные во времени несколькими веками,

иаскочили на риф у острова Ясси Ада н затоиули в одном месте. Мы считаем, что последним было мусульманское судно, потерпевшее кораблекрушение 600—700 лет назад.

Одной из весьма сложиых проблем для нас была декомпрессия. Чем глубже мы опускались и чем дольше оставались иа дне, тем больше приходилось затрачивать времени иа декомпрессию, чтобы нзбежать кессонной болезии. При первых погружениях (у иас тогда еще ие было подводиой декомпрессиоииой камеры) аквалангисты производили декомпрессию в воде, под баржей, держась за канат, отдыхали, чтобы азот, растворенный в крови, мог удалиться из организма. Теперь мы пользовались этим способом декомпрессии лишь после коротких погружеиий.

В подводной декомпрессиоииой камере аквалангисты сидели в теплом сухом помещении, а камера время от времени медленно подиималась вверх. Что оиа собой представляла? Это была полая стальная сфера диаметром около семи футов. Оиа устанавливалась под водой. Под давлением по шлангу с баржи поступал в нее воздух. Здесь можно было почитать книгу, сыграть партию в шахматы, позвоиить по телефону на Ясси Ада.

Словом, это было довольно комфортабельное подводное сооружение. Но если все же во время декомпрессии у аквалангиста обнаруживалась кессонная болезнь, его немедлеиио помещали в герметичный цилиидр и через специальный боковой люк эвакуировали иа баржу, а затем отправляли на лечение в рекомпрессионную камеру на Ясси Ада. К счастью, у нас все прошло благополучно.

Но подводиая камера могла стать и причииой больших иеприятностей. Оиа удерживалась под водой каиатом, который проходил через шкив пятитонного балласта и далее на берег к лебедке. Когда канат отпускали — камера поднималась, если подтягивали — опускалась глубже в море. Почти семифутовая в диаметре камера, иаполиенная воздухом, стремилась вверх с огромиой силой. А когда иа море было сильное волиение, даже балласт приподиимался иа иесколько футов. Это нас очень беспокоило.

Невольно возникал вопрос: как долго выдержит канат подобиые толчки? Если ои оборвется, камера, как пробка, выскочит на поверхиость моря, и тогда беды ие миновать. Резкий перепад давлеиия вызовет разрыв легких у аквалангистов. Подобиый случай произошел со мной, когда я проводил ремонтные работы в камере. Только чудом я остался жив.

Эта бронзовая статуя симпатичного африканского мальчика в тоге была поднята сетью на поверхность ловцом губок в районе острова Ясси Ада. Археологи полагают, что, возможно, где-то поблизости на дне лежит засыпанное песком древнее судно с предметами классического искусства.

Исследования продолжаются

В самый разгар лета Клоду Дютуи и Октею Эриаиу, турецкому аквалангисту, пришла в голову мысль построить на острове дом на манер таитянской хижины. В ход пошли остатки строительных материалов и тростиковые маты. Когда хижииа была готова, она оказалась самым прохладиым местом иа Ясси Ада и поэтому, естественно, самым популяриым. Каждый день во время послеобедениого отдыха ее заполияли аквалаигисты. А вечером мы опять собирались в хижиие вокруг огромного самовара, беседовали, пили чай и иаслаждались игрой Клода иа сазе — стариииом турецком инструменте. Но, разумеется, приходилось и напряжеиио работать, когда мы проявляли и печатали фотографии, поэтому часто геиератор фотолаборатории моиотоиио гудел далеко за полночь.

План римского судна был теперь поч-

тн составлен, н мы моглн отчетливо представить, как укладывались амфоры с вином в трюме. Формы этих винных сосудов наводили нас на мысль, что онн былн сделаны, вероятно, в IV в. н. э., но мы надеялись уточнить эти данные.

Однажды «Кардешлер» возвратился нз недолгого плавания в Измнр; на его корме возвышалось ярко-красное чудовище — мини-подлодка «Ашерах» весом 4,5 т, построенная фирмой «Джеиерал дайнемикс». Ею командовал Доиальд Розенкранц. Впервые он опускался с намн под воду еще в 1965 г., а затем помогал нам в конструировании «Ашераха». Лоцманом на мнни-подлодке стал Юксель Эгдемир. И вот «Ашерах» начал фотографнровать место кораблекрушения римского корабля. Это, конечно, была очень важная работа, но мы собиралнсь заняться еще более серьезным н ннтересным делом.

В 1963 г. турецкий ловец губок Мехмет Имбат подарил Бодрумскому музею красивую старинную бронзовую статую африканского мальчика в тоге. А дело было так: Мехмет занимался ловлей губок в нескольких милях к северу от Ясси Ада. И на глубнне 300 футов его сеть зацепила статую мальчика. А несколько лет до этого дядя Мехмета на такой же глубине выудил сетью большой бронзовый бюст. Полагают, что это была греческая богиня плодородия — Деметра. По личиому опыту мы зиали: если найдена одна статуя, то на этом самом месте могут быть и другие. Так, важные находки были сделаны у мыса Артемизиона и Ардикитхирн в Греции и у берегов Махдии в Туиисе. Подобная находка могла теперь указывать место затонувших древних кораблей с предметами классического нзобразнтельного искусства. Все лето 1965 г. ушло у нас на поискн, ио тщетно. Два месяца с помощью подводной телекамеры мы тщательно обследовали районы находок. По восемь часов в день напряженио вглядывались в экран телевизора, но, кроме однообразного белого песчаного дна, рыб да морских водорослей, иичего не заметили. Однажды обнаружили одинокую амфору, ио следов кораблекрушения нигде не было.

До конца лета к нам прибыло новое изобретение — подводное судно, по форме напомниавшее капсулу космического корабля. По бокам его были сделаны два горизонтальных руля. Такая лодка с человеком иа борту опускалась в воду, и ее буксировали иа длинном канате. Манипулируя рулями, сидящий внутри заставил корабль опуститься иа 300 футов и через специальное окно осматривал дно моря. Мы «пропахалн» таким образом весь район поисков, но следов кораблекрушений не обиаружили. Мы поияли, что ии телевидение, ни иовое изобретение ие помогут нам, потому что удавалось просматрнвать лишь узкую полосу дна от 10 до 30 футов шнрнной. Нужен был подводный сонар.

Сонар, или гидролокатор, смонтированный в металлнческом кожухе, тянул на канате под водой наш «Кардешлер». Звуковые волны, испускаемые сонаром, моглн «прощупать» морское дно на полосе шнрнной 1200 футов. Результаты понска фнксировалнсь на бумажной ленте. Мы былн уверены, что с такой техникой летом 1967 г. нам удастся обнаружнть места древннх кораблекрушенний. Ну а затем на «Ашерахе» мы осмотрелн бы их более тщательно.

На следующнй год специалнсты обследовали нужный район моря. Первый отряд из Океанографнческого ннститута Скрнппса прибыл в августе 1967 г. Специалнсты на «Кардешлере» направилнсь к югу от места, где был обнаружен бюст богини Деметры. Группа с соиаром работала 10 дней н обнаружила более дюжнны холмистых образований на дне моря, в которых могли быть заключены какие-лнбо предметы. Затем решили «прочесать» место иаходки статуэтки африканского мальчика. Это было совсем блнзко от Яссн Ада, и каждый вечер группа возвращалась иочевать в иаш лагерь. Я отправился вместе с группой поиска на «Кардешлере». Сонар опустили за борт, н мы начали курсировать взад и вперед. Был обследован буквально каждый квадратный фут района, где была найдена скульптура юного африкаица в тоге. Но удача нам не сопутствовала.

Нам улыбается счастье

Когда мы возвратилнсь на Яссн Ада, специалнсты из Института Скриппса колдовали под навесом, расшифровывая результаты работы. Неожиданно Морнс Макги подозвал меня к столу и показал на бумажной ленте темное фиолетовое пятно средн хаоса линий и пятен. «Это наша лучшая находка за сегодняшний день»,— сказал он, улыбаясь.

Погода явно была протнв нас: задул сильный ветер, на море появилось волненне, и мы отсиживались на Яссн Ада. Команда с сонаром уехала в Калнфорнню за другим назначеннем. Словом, сезон заканчивался. Наш отряд, составленный из преподавателей н студеитов, должен был вернуться в США. Мы тщательио сфотографировалн все обломки римского судна, засыпали их тем же песком, который так долго сохранял нх. Вся подводная техника была поднята со дна моря и отправлена в Бодрум на хранение. Дважды в эти дни погода немиого налаживалась, н мы, пользуясь

Рабочий день под водой. Все заняты своим делом. В центре зависло подводное исследовательское судно «Ашерах», оборудованное теле- и фотоустановками. Мощное освещение и телеглаз позволяют экипажу обозревать всю картину подводных работ. Передвигаясь, «Ашерах» делает снимки на каждой стадии работ. Внизу слева подводная бригада с помощью вакуумной установки ведет расчистку места крушения древнего судна. Справа вверху грузовая металлическая корзина с амфорами, подвешенная к воздушному баллону, поднимается к поверхности моря. Вдали видна подводная декомпрессионная камера, ее поддерживает под водой балласт весом в пять тонн. Справа внизу группа из четырех человек транспортирует по подводному склону острова Ясси Ада продолговатый металлический ящик с обнаруженными деревянными частями древнего судна. Ближе к массе амфор установлена телефонная переговорная будка, а чуть дальше плывет аквалангист, который с помощью подводного металлоискателя «прощупывает» дно моря в поисках сохранившихся металлических частей и предметов.

этим, делали попытки обследовать обнаруженные ранее «Ашерахом» объекты.

Вскоре прибыла вторая группа поиска с сонаром. Ее возглавлял опытный специалист Мартин Клейн из Бостона. У меня уже, к сожалению, не было времени оставаться здесь. Передав все дела Клоду Дютуи, старшему аквалангисту, я уехал. А дальше, как мне потом рассказали, дело шло так.

Вскоре «Кардешлер» с группой поиска направился к цели, обнаруженной ранее. Сонар Мартина Клейна был спущен за борт «Кардешлера». На берегу в трех местах расставили контролеров, чтобы следить за курсом судна. Когда «Кардешлер» приблизился к нужному месту, Дон Розенкранц сказал Мартину: «Следи внимательнее за показаниями приборов, через несколько секунд — цель!» И она появилась. Мартин радостно закричал: «Вот она, мы действительно нашли нечто большое!» Был сброшен буй. Теперь дело было за «Ашерахом». Мини-подлодку прибуксировали из закрытой маленькой бухты, где она стояла на якоре. Юксель и Дон забрались в нее и заняли свои места. Все было проверено, раздались последние напутствия, крышка люка лязгнула и закрылась. «Ашерах» медленно поплыл к бую и вскоре скрылся в волнах. На «Кардешлере» с нетерпением ждали сообщений с «Ашераха».

«Пока все нормально, видим трос буя,— сообщал по телефону Дон.— Глубина 250 футов». Потом из микрофона донеслись какие-то трески, грохот, шум. Уж не случилось ли что с «Ашерахом»?

Но у Юкселя и Дона все было в порядке. На глубине 285 футов лодка достигла дна. Видимость была скверной, но экипаж все же смог рассмотреть на дне разбросанные вокруг амфоры. «Ашерах» опустился как раз на кучу амфор из древнего корабля.

«Это самое крупное кораблекрушение, какое мне когда-либо приходилось видеть»,— кричал в микрофон Дон. Юксель выражал свои эмоции свистом и восторженными криками. А из микрофона слышалось: «Это именно то, что нам надо! Настоящее сокровище!»

Итак, поиски места кораблекрушения, которые начались в 1963 г., после находки редкой бронзовой статуи африканского мальчика, поиски, которые привели к строительству «Ашераха», поиски, которые в течение нескольких лет ничего не приносили, кажется, закончились. На следующий день «Ашерах» вновь ушел под воду. На этот раз экипаж хорошо видел многочисленные амфоры, черепичные плитки, которые когда-то покрывали крышу камбуза торгового судна, тут же лежал громадный кувшин для воды. Видимость по-прежнему была плохой, и делать стереофото было нельзя. Но Дон включил наружный свет и сделал несколько снимков. Как ни хотелось членам экипажа остаться, нужно было заканчивать работы. Что же будет найдено в корпусе древнего корабля? А что скрывалось в других объектах, обнаруженных сонаром? В одном только теперь были уверены члены экспедиции: если несколько лет напряженного труда научили их искусству раскапывать древние корабли, то сейчас они знали, как искать их.

Сокращенный перевод с английского
Аркадия Акимова

ГЕННАДИЙ СЕЛЕЖИНСКИЙ

ЖИЗНЬ ВОРОБЬИНАЯ

Художник Е. ШЕФФЕР

Раньше он был заурядным домовым воробьем. Но вот однажды после линьки (это у воробьев случается осенью) в его хвосте вдруг оказалось четыре белых пера! С тех пор он и стал Белохвостиком. Проявление альбинизма у Passer domesticus, как записано в научных книгах, характерно для городов, а для сельских местностей — явление редкое. Во всяком случае, новое украшение еще более оттеняло элегантность широкого черного «галстука». Однако откуда он взялся? Ведь после осенней смены пера только небольшое темное пятно виднелось на горле, да и серая «шапочка» на лбу и темени выглядела гораздо светлее. Загадка, понятное дело, красна разгадкой: светлые кончики черных перьев на груди (и серых на голове) целиком снашиваются к концу марта. Вот так хитро и появляется на всеобщее обозрение брачный наряд самца. Он дополняется блестящей черной окраской клюва (зимой тускло-серого).

Выставляя напоказ все это великолепие, Белохвостик устраивал настоящие ток-парады вокруг Белобровки — буровато-серой самочки с более широкими, чем обычно у воробьих, светлыми полосками над глазами. Она благосклонно взирала, как бойкий ухажер, гордо выпятив грудь, с полураскрытым хвостом и приспущенными крыльями описывал круги, продвигаясь все ближе и ближе, обольщая избранную подругу вдобавок и нехитрой песенкой «чрри-чрри». Но когда граница дозволенного нарушалась, Белобровка наскакивала, норовя поддать клювом не в меру ретивого кавалера. Конечно, это была напускная строгость...

Порой серенады привлекали соперников. И тогда вокализы с танцами на балконном козырьке или на крыше соседнего дома заканчивались грандиозной потасовкой. Драка не прекращалась даже в воздухе, комок дерущихся с неимоверным гамом летел с высоты шестого этажа...

А из углового окна за перипетиями воробьиной жизни внимательно наблюдал орнитолог Саня Горобченко. Он объяснил бы, что во всем виноваты гормоны. Эти особые химические вещества, которые выделяют в кровеносное русло эндокринные железы, помогают нервной системе управлять сложнейшим живым механизмом, стимулируя и регулируя работу его отдельных систем, частей, деталей. От действия гормонов зависит ход жизненных процессов и все птичьи поступки.

Весной одним из важнейших пусковых механизмов служит продолжительность светлого времени суток. Как только удлиняющийся день достигнет определенной величины, в воробьином организме вступает в дело Первый эндокринный «завод» — гипофиз. Вскоре его гормоны подключают к работе гонады — Вторую гормональную «фабрику». У самцов она вырабатывает андрогены, у самок — эстрогены. И тотчас меняется птичье поведение. Тут следует оговориться: на самом деле все происходит не так быстро и просто. На процессы размножения пернатых оказывают воздействие кроме продолжительности дня температура и влажность воздуха, инсоляция, взаимоотношения в стае и многое другое.

Весной самцы у воробьев становятся очень драчливыми, шумливыми и влюбчивыми. И в этом (как и в потемнении клюва) практически повинны лишь андро-

геиы. А вот у самок эстрогеиы работают в содружестве с тремя вторичными гормоиами. Совместиая продукция различных «цехов» эндокринных «фабрик» вызывает созревание яйцеклеток — зародышей яиц будущих птичьих кладок, появление гнездостроительного инстинкта, а также образование наседного пятна на брюшке у воробьих.

Пух н перья тут выпадают, жнр и мускулы редуцируются, а соединительная ткань, став очень рыхлой, обогащается кровеносными сосудами. Так возникает участок с немного воспаленной и голой кожей — обогревательная снстема живого инкубатора. Но наседное пятно — далеко не только «печка». С его помощью контролируется постройка лотка — виутренней части гнезда, подсчитываются яйца — ведь их количество ие должио превышать максимального, иначе нельзя будет поддерживать температуру в гнезде.

Как раз от наседного пятна исходит сигнал, который, достигнув центральной иервной системы, становится уже приказом для гонад о сокращении производства эстрогенов. А полная кладка яиц в свою очередь служит одним из первичных сигналов об увелнчении выпуска пролактина, ответственного за насиживание. Впоследствии, когда появляются птенчики, их открытые клювики разбудят с помощью вездесущих гормонов могучий родительский инстинкт. И воробьн начнут кормить своих чад, оберегать от врагов, учить уму-разуму...

Все так было и у нашей супружеской пары. С Белохвостиком давно был знаком Саня Горобченко. Уже несколько лет наблюдал он за воробьями, живущнми в районе зоопарка. Многих отлавливал, чтобы пометить наряду с обычными, алюмнниевыми кольцами еще н пластиковыми — красными, желтыми, белыми, зелеными и черными. Одетые в разной последовательности (и количестве) на ту или иную птичью лапку, они позволяли узнавать затем каждого окольцованного. Для этой же целн служили порой разноцветные анилиновые краски.

Правда, у Белохвостика был и без того неплохой отличительный знак, по которому Саня заприметил его из окна своей квартиры. Птичьи демаршн на соседней крыше и балконном навесе удивнли орнитолога: значит, самец где-то неподалеку облюбовал место для гнезда. А ведь знакомый воробей уже два года подряд (тогда у него была другая подруга) гнездился в скворечнике № 17 рядом с троллейбусной остановкой у входа в зоопарк. Когда Горобченко в тот же день обследовал содержимое птичьего домика, было чему изумиться. Скворечник до отказа был набит сеном, перьями, но главное — трамвайиыми и троллейбусными билетами. Их орнитолог насчитал сотни. И вдобавок в качестве трофея ему попался целый бумажный рубль. Сбывать с рук лишнее добро — это не в правилах воробьиных.

Если, допустим, скворцы, старые дуплогнездники, жилплощадь, предоставленную человеком, каждый раз обставляют, так сказать, новой мебелью, избавляясь от прошлогодней рухляди, то скворечник для воробьев — местожительство не типичное. Строя внутри громадное гнездо, онн ежегодно увеличивают его размеры традициоиными ремонтными работами. Вот только заполучить в аренду деревянный домик, да еще на несколько лет, воробью удается иечасто. Обычио скворцы гонят его отсюда в три шеи, безжалостно выбрасывая вон все имущество (часто и яйца).

По каким-то причинам распались прежнне супружеские узы, а может, предыдущая подруга Белохвостика погибла. Ведь воробьи в природе редко живут более двух лет, хотя в неволе доживают и до 13. Как бы там ии было, Саня получил приятиую возможность наблюдать за строительством гнезда под навесом собственного балкона. Когда-то, еще при установке кронштейнов для козырька из пластика, здесь выпал кирпич. В стене получилось углублеиие. Оно и привлекло Белохвостика.

«Застолбив» участок несколькими соломинками и палочками, он охранял его, сидя рядом и неустанно чирикая. По поводу этих звуков в народе шутят: когда, мол, воробью хорошо, он кричит «жнв-жнв!», а коль плохо, то «чуть жнв — чуть жив». Но в данном случае в непрестаииом «джив-джив» Белохвостика заключался призыв оценить не его самого, а избранное местожительство. Так прииято у домовых воробьев. Самка выбирает супруга преимущественно по жилплощади, которая приглянулась. Белобровке выемка под навесом пришлась по вкусу, и вскоре полным ходом развернулось строительство. Белохвостик в основном лишь подносил всевозможный стройматериал, отбирала и укладывала его супруга. Он было по старой памяти приналег на билеты. Однако Белобровка эти кусочки бумаги брала неохотио: в гнезде обычиого тнпа их трудно укреплять. То ли дело ниткн, лоскутики, вата, волосы, шерсть! Оии прекрасно переплетаются с прутиками, сухими стеблями трав, прошлогодними листьями...

Готовое сооружение, построеииое по всем правилам семейства ткачиковых (куда вместе с воробьями входит две с половиной сотии тропических видов), представляло собой довольно рыхлый шар с трубкой-входом. В толстых стен-

ках, особенно изнутри, было немало перьев для утепления н комфорта. Собрая их по всему зоопарку, Белохвостик не останавливался даже перед тем, чтобы выдернуть перо из живой птицы!

Саня тоже ходил по зоопарку н городским кварталам, выезжал в соседние села, разыскнвая воробьиные гнезда, чтобы взять нх на учет. Его наметанный глаз находил их повсюду: за наличниками окон и водосточнымн трубами, в старых гнездах ласточек, в дуплах деревьев, на стенах среди ползучих декоратнвных растенні, в столбах-опорах для уличного освещення н световых рекламах. А в сельской местности — на стропилах складских помещений, под ребристым шнфером крыш, в норах по оврагам, в гнездах хищных птиц, аистов, цапель, а то н прямо на деревьях.

Жилищными проблемамн воробьн, как обычно, занимались около месяца. Но еще задолго до окончательной отделки гнезда Белобровка снесла свое первое яйцо. Затем каждое утро появлялось новое. А 14 апреля, когда нх стало четыре, она прнступнла к насиживанию, не дожидаясь появления последнего — пятого. На эти серовато-беловатые яички с бурыми крапинками и легкой голубизной супруг тоже усажнвался, когда его дражайшая половина отправлялась кормиться. Но так как самцы наседного пятна не имеют, помощь Белохвостика ограничивалась, видимо, тем, что в отсутствие супруги яйца не успевали сильно остыть. Зато в последние, самые ответственные дни насиживания он работал за двоих: и себя кормил, н супругу, которая с гнезда уже не сходила. 25 апреля наступил знаменательный день — вылупился первый птенец. Вскоре появились и остальные, а самый последний — лишь двое суток спустя. Он был таким маленьким и беспомощным по сравнению с подросшими сверстниками, что погиб уже на третий день, затоптанный и лишенный корма.

А птенцам ой-ой как много нужно! Помимо жиров, углеводов и прочего одних только белков в сутки — десятую часть собственного веса! По человеческим меркам это ежедневно 300—500 г, скажем, сухой колбасы, не считая обильного гарнира, на каждого новорожденного. Удовлетворяя подобные аппетиты, птичьи младенцы за первую неделю жизни увеличивают свой вес в 5—6 раз. Как выяснил Горобченко, 60% съеденного — насекомые, половина из которых — такие опаснейшие вредители, как майский хрущ, хлебная черепашка, саранча, прус итальянский, гусеницы непарного шелкопряда и многих листоверток, разные долгоносики, листогрызы, щелкуны...

Остальные 40% пищи — семена сорняков в стадии молочно-восковой спелости. Подобное меню для молодых воробьев строго обязательно. Но соблюсти его в городских условиях не так-то легко. Поэтому-то так много птичьей молоди гибнет от белкового голодания: ведь все эти насекомые и растения далеко не всегда встречаются в городе. Вот в селах с подобным делом не в пример проще, зато там другая проблема — не хватает удобных мест под гнездовья, а потому возникает жестокая жилищная конкурентная борьба с ласточками, стрижами, скворцами...

В один из майских дней Белохвостик с Белобровкой принесли своим отпрыскам с крон зоопарковых деревьев 307 гостинцев. И в каждом было по две и более гусениц дубовой листовертки. А ведь редкая птица, кроме воробья, догадается разорвать висящие на веточках пакеты из свернутых листьев, куда прячутся эти насекомые! По расчетам Горобченко, получалось что-то около 100 г вредителей. Значит, подсчитывал Саня, за период кормления в гнезде (13—15 дней) выходит уже 1—1,5 кг уничтоженных шестиногих врагов. Нынче на всей планете насчитывается около миллиарда воробьев — домовых и ближайших их родственников — полевых. Выходит, полмиллиарду воробьиных мам и пап (самых, кстати, многочисленных ныне среди пернатых) на прокорм одного лишь выводка нужно 500—750 тыс. т членистоногих! А ведь выводков за весну и лето бывает и два, н три, а то и четыре (в Бразилии они бывают даже в любой месяц года!). Ну и самим родителям, разумеется, нужен корм. Получается в итоге (от такой бухгалтерии дух захватывает!) несколько миллионов тонн истребленных вредителей. Эта копошащаяся армада погубила бы неисчислимое количество растений! Недаром же в Бостоне (США) поставлен памятник воробью за спасение полей и садов.

Но вот когда птенцы вырастают, домовые воробьи сильно вредят посевам зерновых, подсолнечника, конопли.

Раньше во многих южных районах вовсе не сеяли проса, ячменя, джугары: птицы могли склевать весь урожай. С зерном управляться воробьи — великие мастера. Как и у других пернатых, у них заострены кромки твердых роговых челюстей — верхних и нижних. Но вот нёбо снабжено тремя валиками (характерная черта ткачиковых), к которым снизу, словно ложечка, прижимается ороговевший язык. Таким «инструментом» очень удобно захватывать и удерживать зерно, а затем подносить его к ножам-челюстям, чтобы облущить...

А если к этому присовокупить, что домовые воробьи расклевывают почки и

цветы на фруктовых деревьях, всходы овощей, ягоды черешии, вишни, желтой смородииы, виноград да плюс еще разносят возбудителей ряда болезией птиц, а также яйца глистов, то приходится сделать вывод, что урон от воробьев очеиь велик. Например, только в одной Великобритании, по данным 1960 г., его оцеиивали иа сумму 8 млн. ф. ст.! Но и тут нельзя забывать о вредных насекомых, единственными защитниками от которых в крупных городах по сути остаются лишь воробьи. Они буквально очищают поля от сорняков. Как-то в зобу погибшего воробья Саия обнаружил 280 семяи сориых растений. А можно ли ие принимать в расчет и то радостное чувство, которое возникает в самом цеитре огромного города, в царстве стекла и бетоиа, при воробьииом чириканье? И еще: сколько, как говорят теперь, положительных эмоций для горожанина, оторваииого от природы, тает наблюдеиия за тем, как воробьи купаются в лужицах на асфальте, как трогательно заботятся о своих малышах и тому подобное.

Так друг воробей или враг? Пожалуй, на этот вопрос ответить одиозиачно нельзя. В 1850 г. в Америку привезли воробьев, которых раньше здесь не было. И тотчас они стали всеобщими любимцами. Для пернатых переселенцев наладили выпуск специального корма, сооружали особые домики, писали восторженные статьи и стихи о них, даже общество «Друзей воробья» организовали. Но прошло иесколько десятилетий, и с крылатыми «друзьями» пришлось вести настоящую войну. Сейчас их численность в Америке строго регулируется.

Широко известны н печальные последствия полиого истреблеиия воробьев.

Выходит, они и полезиы, и вредны. Нужно использовать одно, ограничивать другое. В Венгрии, иапример, их изгоняют из садов, выпуская прирученных ястребов-перепелятников. В Австралии с этой же целью используют комнатные веитиляторы, а в Австрии даже спортивные самолеты. Дороговато, коиечно, иу а вдруг появятся рати шестиногих врагов? Вот тогда-то сторицею окупятся все расходы! Ведь спасли же воробьи парки Москвы от иашествия непариого шелкопряда лет двадцать назад.

Очень боятся они красных и сииих флажков, а также кусочков жести, искусственной фольги, разноцветиых полосок бумаги. Помогает и опрыскивание посевов красной краской. Объединение разиых методов усиливает отпугивающее действие. К примеру, над виноградниками натягивают проволоку и подвешивают к ией полоски фольги, флажки, коисервные банки. Электромотор время от времени приводит в движение проволоку — флажки колышатся, фольга отбрасывает световые блики, а баики гремят. Прямо целое представление! Но воробьи постепенно привыкают к подобиым «коицертам», и приходится отдельные иомера замеиять новыми. Особенно эффективными оказались вискозные нити и капроновые сети. Волокиами, как паутииой, окутывают кустарннки и деревья, сети же натягивают иад полями на кольях. Недавно в прессе промелькнуло любопытное сообщение. Если, забрав птенцов у воробьев, вынудить их к повторным кладкам, можно продлить период, когда птицы, выращивая новое потомство, отлавливают насекомых-вредителей, и, кро-

ме того, сместить сроки вылета молодых стай, обычно прнходящиеся на время сбора зерновых. Конечно, отыскивать воробьиные гнезда хлопотно. Но, возможно, здесь могут оказать помощь приманки с гормоиальными препаратами? Однако пора вернуться к семье Белохвостика.

Слепых, красноватых н совершенно голых новорожденных пернатыми можно было назвать, да и то условно, лишь на четвертый день жизни, когда на спинках у них прорезались перьевые зачатки. Появились они на темноокрашенных участках кожи, проступивших всюду, где обычно растут перья. Малыши уже настойчиво тянули вверх головки с открытымн ушнымн дырочками. При каждом резком звуке, сотрясении гнезда или прикосновенни они, как по команде, разевали желто-розовые рты с пятнистыми язычками. На мир взирали через узкие щелочки. Затем глаза округлились. Из синеватых чехлнков показались по всему телу коитурные перья, а на крыльях — маховые. Здесь они украсились даже иебольшими опахалами. Когда Горобченко осматривал гиездо, птенцы, закрыв глаза, затаивались. До восьмидневного возраста оба родителя, согревая своих еще ие совсем оперившихся чад, ночевалн в гнезде. Потом такая необходимость отпала — у молодых выросла шубка из перьев, очень похожая иа невзрачный наряд матери. Теперь Белобровка кормила их как иа убой. Если поначалу семью снабжал провизией в основном Белохвостик, то под конец периода кормления он исподволь перепоручил супруге роль главиого снабжеица, а сам тратил уйму времеии иа токоваиие перед второй кладкой.

На двеиадцатый день, стоило Сане взобраться к гиезду, чтобы, как обычио, осмотреть и взвесить птеицов, все четверо выпрыгиули из своего жилища и спикировали во двор. Что тут подиялось! Когда Горобчеико ловил истошио кричащих беглецов, отовсюду с возмущеиием чирикаиьем слетались воробьи. Водворив выводок в клетку, Саня выставил ее иа балкоие. Вопли узников прниудили родителей, поборов страх, приступить к кормлеиию голодающих через прутья. В этом занятии им порой помогали пернатые соседи, привлеченные призывными криками птенцов. При взвешиваиии их обиаружилась еще одна любопытиая деталь: трое слетков были тяжелее взрослых птиц. Вероятио, страховка иа случай выиуждеиной голодовки. Ведь всякое может случиться, когда покидаешь отчий кров.

Через два дия, дав птенцам окончательио окрепнуть, Саня выпустил их в укромиой аллее зоопарка. И немедленно убедился: иа голос юного воробья откликается любой взрослый. Свернув со своего пути, он подлетает к зовущему, чтобы покормить его. Еще через двое суток один из птеицов куда-то запропастился, а остальные — Горобченко узиавал их по цветным кольцам — уже довольно увереино вместе с тремя новыми товарищами перепархивали с ветки на ветку, что-то склевывали с листьев и, трепеща крыльями, выпрашивали пищу у взрослой птицы, которая крутилась рядом. В ией Саня опознал помеченную прошлой осенью самку.

Она-то и взяла на себя обязаиности (иногда ее подменял супруг) служить примером в поведеиии, подавать сигиалы опасности, ну и, конечио, снабжать молодежь провизией. Дней через 10—12 первое воробьиное поколеиие, став вполне самостоятельиым, своим небогатым житейским опытом щедро одаривает (даже кормит) более юных собратьев — они все время вливаются в стаю. По мере ее роста значительио сокращаются сроки опекунских хлопот для самок. А их супруги в это время большей частью заняты охраиой гиезд — вскоре тут появятся яйца второй кладки — от поползиовеиий соседей, по каким-либо причинам потерявших жилплощадь, или от холостяков, которые так и иоровят, заняв чужую квартиру, заполучить супругу.

Именно такая беда и приключилась с нашим Белохвостиком. Пока он вместе с Белобровкой метался туда и сюда, разыскивая птенцов, унесеииых Саней, его уютиую выемку под балкоииым навесом захватил самец в полном расцвете сил. Белохвостик отсутствовал целые сутки. Во время иеудачных розысков за ним погиался чеглок. Влетев с перепугу в открытое окно слоиовника, ои выбрался оттуда только утром следующего дня. А когда вериулся домой, все было кончено: у Белобровки был иовый супруг и защитник гиезда.

После нескольких столкиовений с захватчиком иеунывающий Белохвостик отправился на поиски иового пристаиища. Приметив ласточкиио гнездо под карнизом одного из домов, иаш герой в отсутствие хозяев забрался в иеокончеииую постройку. Сиачала ласточки пытались выгнать непрошеного гостя, но успеха ие добились. Тогда они кликнули на подмогу сородичей, и около гнезда заметалась целая стая. Часть из иих дежурили, ие позволяя воробью даже иоса высунуть, остальные стремительио улетали прочь, чтобы вернуться с комочками глииы. Не прошло и иескольких минут, как Белохвостик был заживо замурован...

А в это время Саня, не ведая о

случившемся, записывал новые сведения в тетрадь с латинским названием Pasdom (то есть сокращение Passer domesticus — воробей домовый). И чего только там не было! Во-первых, всякие пословицы — ассирийские, малайские, корейские, японские, русские.

Тут же была записана притча о том, почему он прыгает, а не ходит. Оказывается, за какие-то прегрешения воробья наказал господь бог: взял да и связал лапки невидимой веревочкой... А вот у древних греков воробей вместе с голубем был посвящен богине любви Афродите.

Следующие страницы посвящались разным историям. Пять из них были особенно удивительными. Согласно первой, в одном из опытов воробьев никак не могли заставить летать в аэродинамической трубе, они все время садились на ее дно или прикреплялись к стенкам. Тогда по трубе пропустили слабый электрический ток. И вот пришлось воробьям работать крыльями на совесть. Однако экспериментаторы не долго торжествовали. Одни из их подопытных додумался падать на спинку: ведь перья — великолепный изолятор. И вскоре спасительному примеру следовала вся стая. Пришлось воробьев заменить волнистыми попугайчиками...

Другая история касалась воробья-певуна. Во французском городе Ниме у одного любителя птиц жил воробей, вынутый птенчиком из гнезда и вскормленный в клетке вместе с зябликом, щеглом и двумя чижами. И что же? Птица, совершенно не умея чирикать по-воробьиному, щелкала, как зяблик, подражала нежному цоканью щегла и переливам чижей. Но и этого мало. Кроме птичьего пения любитель увлекался еще и «песнями» кузнечиков. Он держал их в комнате в особых клеточках. И воробей-певун в свой обширный певческий репертуар включил даже стрекотание насекомых...

А вот еще история. Однажды на воробьиную стаю напал ястреб. Обычного убежища — кустов и деревьев рядом не оказалось, но воробьи не растерялись: они немедленно сбились в плотный подвижный шар, совершенно озадачив хищника. Теперь перед ним вместо отдельных жертв, которых он, обгоняя в воздухе, привык хватать когтистой лапой, образовался клубок птичьих тел — что-то большое и непонятное. Сколько ни нападал ястреб сверху, снизу, сбоку, воробьи своей тактике не изменили. Они просто прятались друг за дружку. Каждый из них норовил залететь за соседа. Так и возникал плотный, отскакивающий от ястреба шар-стая, где любая птица попеременно оказывалась то снаружи, то внутри.

Отдельный лист был заполнен цифровыми данными. Длина клюва у воробья — 10—13 мм, цевки — 16—21, крыла — 73—75, хвоста у самок — до 59, у самцов — до 63 мм; скорость полета — до 35 км/час, число взмахов крыльев в секунду — 13, число перьев на теле — около 1350, пульс — до 860 в минуту, температура тела — 41°C, частота дыхания — около ста в минуту, поле зрения каждого глаза — 150°. Рацион (на Украине): 29 видов беспозвоночных, 10 видов культурных растений, 19 видов сорняков (их семена)...

Предки воробьев, как считают ученые, из Тропической Африки — своей изначальной родины — распространились по долине Нила в страны Средиземноморья. Здесь и состоялась встреча с земледельческой культурой, в результате которой возник новый вид — воробей домовый. А затем началась воробьиная экспансия. Ей очень помог конный транспорт: непереваренные зерна овса в навозе служили великолепной пищей. К началу XIX в. воробьи заселили почти всю Европу, Южную Азию, Северную Африку. Потом настала очередь Сибири и других регионов, куда птиц переселяли уже люди; в 1850—1852 гг. — в Америку, в 1863—1872 гг. — в Австралию и Новую Зеландию, а в Южную Африку — в 90-е годы того же столетия. К 1929 г. воробей добрался до устья Амура.

Сейчас ареал домового воробья, пожалуй, самый обширный среди пернатых. Он охватывает всю Европу и Азию, за исключением Арктики, северо-восточных, центральных и юго-восточных азиатских районов, Японии, Сахалина, Аравии и Малой Азии: Северную и Южную Америки (кроме зоны тундр, Калифорнии, районов тропиков и Анд), восточную часть Австралии, Новую Зеландию, Филиппинские, Маскаренские, Коморские, Гавайские и многие другие острова, а также Южную Африку до Малави и Замбии. По всей вероятности, в самом недалеком будущем всех этих «кроме», «за исключением» и «почти» на карте обитания воробьев домовых совсем не останется. А пока что всюду живут они оседло. Вот только улетают на зиму из Средней Азии — здесь гнездится индийский подвид их — в Индию и Переднюю Азию да еще откочевывают осенью из самых северных районов своего обитания к югу.

СВЯТОСЛАВ БЭЛЗА

ИСТОРИЯ ПОЛЯ ДЖОНСА

Художник И. ШАХОВСКОЙ

Поразительная судьба этого человека вдохновила на создание книг трех прославленных романистов — Фенимора Купера, Александра Дюма, Германа Мелвилла — и многих менее именитых писателей. Его биография приводится во многих обстоятельных научных исследованиях и популярных работах.

Когда 6 июля 1747 г. в семье шотландского садовника Джона Поля родился сын, названный в честь отца, трудно было предположить, что через три десятка лет его имя станет наводить ужас на соотечественников, а сам он сделается героем страны, которая в то время еще не значилась на карте. Тринадцать английских колоний, растянувшихся широкой полосой вплоть до Аппалачских гор вдоль побережья Атлантического океана, объявят себя республиками-штатами и начнут войну за независимость, когда рано возмужавший Джон Поль-младший станет многоопытным мореходом. А пока мальчик, которому суждена фантастическая карьера, воспитывается так же, как и большинство детей небогатых родителей. В приходской школе его научили читать и писать; продолжать образование пришлось потом самостоятельно, запоем читая книги, а отшлифовать знания и приобрести, когда понадобилось, изысканные манеры помогла сама жизнь. Для Джона Поля не существовало проблемы выбора дела по душе. Он с детства бредил морем и только с ним связывал свое будущее. В семьях, где мало денег и много ртов (у Джона были три сестры и брат), дети взрослели и обретали самостоятельность очень рано. Маленький Джон Поль, твердо решивший стать моряком, прошел первую выучку и впервые заработал деньги на небольшом суденышке в том возрасте, в каком иные его сверстники еще не вышли из-под опеки заботливых гувернанток.

В чопорной Англии середины XVIII столетия нелегко было пробиться «в люди» даже одаренному юноше, который имел несчастье родиться не в семье джентльмена. Прекрасно сознавая это, отец Джона Поля не перечил двенадцатилетнему сыну, когда тот сообщил о своем намерении отправиться в Америку попытать счастья по примеру старшего брата, Уильяма, недурно устроившегося в Вирджинии. Чтобы не платить денег за проезд, Джон Поль проделал путешествие от Уайтхейвена до Вирджинии в качестве юнги на торговом корабле. За те несколько месяцев, что длился рейс, он не только прилежно выполнял свои обязанности, но и внимательно присматривался ко всему, следил за действиями капитана и матросов, приставал с расспросами о науке навигации.

Во Фредриксбурге, где обосновался Уильям, Джон Поль не смог, однако, найти подходящего занятия и вскоре вернулся в Англию. В его глазах светился такой восторг, когда он рассказывал сестрам о море, баталиях и приключениях знаменитых капитанов, что домашние начали всерьез опасаться, как бы не вырос из него новый Кидд, Морган или иной знаменитый пират. Столь редкостная целеустремленность не могла не быть вознаграждена, и вот уже Джон Поль — мичман королевского флота (куда он попал по рекомендации покровителей отца). В семнадцать лет Джон Поль не устоял перед соблазном занять пост третьего помощника капитана на корабле «Король Георг», для чего ему пришлось уйти с военной службы. А еще через два

года он — первый помощник иа бригантиие «Два друга». Такое назначение можио рассматривать, коиечио, как признание профессиоиального мастерства молодого офицера. Однако со службой иа этих двух судах связаиа наиболее иепригляднаяя страиица биографии Джоиа Поля. Дело в том, что это былн невольничьн корабли, курсировавшие между Африкой и Америкой.

Работорговля, видимо, плохо уживалась с ромаитическими устремлениями юиости, а прибыльиость сего малопочтеииого занятия ие могла заглушить голоса совести. Поэтому нет иичего удивительного, что однажды, когда бригаитина «Два друга» отправилась из Кингстоиа за новой партией «живого товара» для ямайских плаитаторов, первый помощиик капитаиа остался иа берегу.

В 1768 г. иаш герой в редком для него качестве пассажира подиимается на борт бригантииы «Джон», взявшей курс иа Шотландию. Случилось так, что в самом иачале плаваиия капитаи бригантииы и штурмаи умерли от желтой лихорадки. Джону Полю пришлось взять бразды правления в свои руки. Бригантииа в целости и сохраиности прибыла в порт иазиачения, и ее владельцы тут же предложили Джоиу Полю стать капитаиом корабля. Несколько последующих лет он заиимался перевозкой коммерческих грузов в Вест-Индию.

В иачале семидесятых годов Джои Поль превращается в Джоиа Поля Джоиса, ибо так он иачинает теперь себя именовать. Чаще всего его изызвали, впрочем, просто Полем Джонсом, потому что иастоящая фамилия шотлаидца восприиималась как распростраиеииое имя. Переменив имя, ои начал иовую жизнь иа Американском коитинеите.

Вооруженные столкиовения американских колонистов с английскими войсками начались в Америке еще до официальиого провозглашеиия независимости. В результате стихийно сформировалась коитииеитальиая армия, и коигрессу лишь оставалось принять ее в свое ведеиие. Значительио хуже обстояло дело с флотом, а без иего иемыслима была борьба с «владычицей морей». Правда, иекоторые предприимчивые американские судовладельцы ие без успеха занимались каперством, но колоиистам необходнм был настоящий военный флот для боевых действий против аиглнчан, блокировавших берега Америки.

Коигресс выделил для начала сто тысяч долларов на переоборудованне четырех торговых парусников. Самым большим нз них был «Альфред», на котором установилн тридцать пушек. Но нужны были опытные моряки, способные командовать судами. Одним из первых предложил свои услуги Джои Поль Джонс, заявивший, что в конфлнкте с Англией его симпатии иа стороне восставших.

В декабре 1775 г. на «Альфреде» взвился коитинеитальный флаг. Произошло это в филадельфийском порту, и чести поднять флаг удостоился не кто иной, как Джои Поль Джоис, назначеиный иа «Альфред» первым лейтенантом. Ои сразу же отличился в схватках с брнтанскимн крейсерами, н уже в мае следующего года ему было довереио командование шлюпом «Провиденне».

Сыи шотландского садовника обладал иеукротимым темпераментом, не типичным для флегматичных северян. Из-за бурных проявлений характера он не раз попадал в передряги. Больше всего иа свете ои ие любил подчняиться чужой воле. Судя по ряду его поступков, в иатуре Поля Джоиса всегда было что-то от флибустьера. Как иельзя лучше соответствовал его склоииостям прнказ, полученный им в августе 1776 г.: выйтн в свободное плаванне для самостоятельных действий протнв иеприятеля. Юркое «Провидеиие», вооружениое всего двенадцатью орудиямн, при случае легко уходнло от погони н потому отважно вступало в бой с кораблямн, зиачительно превосходившимн его размерамн и огиевой мощью. Не прошло и двух месяцев, как Поль Джоис вериулся с восемью захваченнымн «прнзами»; столько же судов он потопил да еще ианес значительный ущерб англнйским гарнизонам иа иескольких островах.

После достигиутых успехов Поль Джонс начал выиашивать дерзкий план — отправиться в территорнальные воды Англии, дабы подданные Георга III иа своей шкуре почувствовалн тяготы войны, которую вел их король. Ои настолько красноречнво убеждал амернкаиское командование в целесообразности своего плана, что сумел получить для этой цели быстроходный восемнадцатнпушечный корвет «Рэйнджер». Капнтаном судна Поля Джонса иазиачили 14 июня 1777 г. — в тот самый деиь, когда конгресс выиес решение о иовом государственном флаге Соедниенных Штатов (и впервые это звездио-полосатое полотнище было поднято спустя три недели иа флагштоке «Рэйнджера»).

Через полгода корвет бросил якорь в Нанте. Франция, до крайиости заинтересованная в ослаблеини Англии, давио уже тайно помогала североамериканскнм колониям оружием и деньгамн. Однако по днпломатическим каналам оиа продолжала заверять островного соседа в своей дружбе. Лншь ко временн прнбытия «Рэйнджера» во Францию иерешнтельный Людовик XVI начал окоичательно склоияться к тому, чтобы открыто прнзиать

США и заключить с ними союзный договор.

Весной 1778 г. вблизи западных берегов Великобритании появился неказистый торговый парусник. Однако встреча с ним не сулила ничего доброго кораблям, шедшим под английским флагом и несшим меньше полусотни пушек. Это был искусно замаскированный «Рэйнджер» — «сюртук квакера скрывал разбойника». Как только намеченная жертва оказывалась в пределах досягаемости, на «мирном купце» взвивался звездно-полосатый флаг, с грохотом открывались орудийные порты, откуда извергался град ядер и картечи. Чтобы сохранить свое «инкогнито», Полю Джонсу необходимо было топить встречаемые суда противника. Только наиболее ценные из них были отправлены во Францию.

Словно уверовав в полную безнаказанность, храбро кружил Поль Джонс по Ирландскому морю, высматривая добычу. Но и этого ему показалось мало. Город Уайтхейвен, откуда он впервые отправился в Америку, был избран им для того, чтобы преподать урок англичанам. Под покровом ночи Поль Джонс с отрядом из тридцати добровольцев переправился на берег. Бесшумно были связаны часовые в фортах (Поль Джонс избегал ненужного кровопролития) и заклинены пушки. Затем смельчаки подожгли в гавани большой корабль, и огонь мигом перекинулся на соседние суда, которые стояли тесно друг к другу. На фоне занимавшегося дня гигантский костер выглядел устрашающе и величественно, как языческое жертвоприношение безжалостному идолу войны.

Не ограничившись этим, Поль Джонс решил нанести визит и отчей Шотландии. Он пересек залив Солуэй-Ферт и высадился на острове Сент-Мэри, где рассчитывал захватить в плен графа Селкирка. Он был нужен в качестве заложника, потому что англичане обращались с попавшими к ним в руки американцами не как с военнопленными, а как с мятежниками. Однако высокородный вельможа находился в отъезде, а в замке оставалась лишь его супруга, которая была скорее искренне удивлена, чем напугана появлением американцев.

Раздосадованные неудачей, моряки с «Рэйнджера» забрали в качестве «военной добычи» фамильное серебро графа. Через две недели, уже из Франции, Поль Джонс отправил графине Селкирк изысканнейшее письмо, в котором объяснял поступок своих людей обычаями военного времени и обещал вернуть серебро, выкупив его на собственные деньги. Это обещание было впоследствии исполнено. После такого жеста граф и графиня Селкирк, когда речь заходила о Поле Джонсе, неизменно повторяли, что если он и корсар, то ему не чужды благородные порывы.

Во французский порт Брест «Рэйнджер» вернулся не один. За ним покорно следовал пострадавший в жестокой битве корвет его величества Георга III «Дрейк», весьма мало похожий на того самонадеянного двадцатипушечного красавца, который пытался задержать корабль Поля Джонса.

Еще более умножил свою славу Поль Джонс в 1779 г. На сей раз во главе маленькой эскадры он предпринял экспедицию в Северное море. Флагманом был «Простак Ричард», названный так в честь популярного альманаха Бенджамина Франклина. Двадцать третьего сентября у мыса Фламборо произошел знаменитый бой «Простака Ричарда» с пятидесятипушечным фрегатом «Серапис». Это поистине драматическое сражение продолжалось три с половиной часа и закончилось при лунном свете. «Простак Ричард» понес столь серьезные потери, что с английского фрегата спросили: «Вы сдаетесь?» На это Поль Джонс громогласно ответил: «Я еще и не начал драться!» Фраза эта вошла в историю.

Он приказал своему экипажу, подойдя вплотную, прочно скрепить оба корабля. Вспыхнул жаркий абордажный бой. Англичане дрогнули перед отчаянной решимостью противника и спустили флаг, их капитан отдал свою шпагу Полю Джонсу. Победителям спешно пришлось перебираться на «Серапис», потому что их собственный весь изрешеченный ядрами корабль недолго продержался на плаву.

После этих триумфальных рейдов, за которыми последовали новые победы, Поль Джонс стал настоящей знаменитостью.

Американский писатель Герман Мелвилл так рисует внешность Поля Джонса тех лет: «Он был невысок, гибок, очень смугл и чем-то напоминал индейского вождя в европейской одежде, лишенного наследства своих предков. В его сумрачных властных глазах таилось пламенное упорство, граничащее с одержимостью. На нем было прекрасное и даже слишком щегольское партикулярное платье, а в его манерах странно сочетались деревенская развязность и лоск, недавно заимствованный в светских салонах Парижа. Его щеки, коричневые, как финики, делали его похожим на выходца из тропических стран. Это необычное лицо дышало горделивым дружелюбием и презрительной замкнутостью. И все же он походил не только на благородного разбойника былых времен, но и на поэта. Губы его свидетельствовали о хладнокровии и храбрости. Казалось, он принадлежал к

Адмирал Поль Джонс

тем, кто ищет опасностей и сам идет им навстречу».

Строки эти взяты из исторической повести «Израиль Поттер», работая над которой Г. Мелвилл широко пользовался документальными свидетельствами. Поля Джонса восторженно встречали во Франции, в США в его честь была выбита золотая медаль, но наиболее высоко флотоводческий талант Поля Джонса был оценен не в Америке и не в Западной Европе, а в России. Именно здесь получил он звание адмирала, которое поскупились дать ему в других странах. Вскоре после подписания мирного договора между Англией и США (поражению Англии немало содействовала политика «вооруженного нейтралитета», провозглашенная Россией) Полю Джонсу через посланника в Париже И. М. Симолина было сделано официальное предложение перейти на службу к русскому правительству. Моряк, явно этим польщенный, охотно сообщал всем о предложении, но медлил с ответом, так как его немного страшил малознакомый край. Но тут началась русско-турецкая война, и возможность вновь проявлять себя в морских сражениях решила исход дела.

Как явствует из собственноручного послания Поля Джонса давнему другу, маркизу Лафайету, он был чрезвычайно тронут приемом, оказанным ему в российской столице. 25 апреля 1788 г., через день после приезда, он был представлен Екатерине II. Императрица осталась довольна незаурядной наружностью собеседника, его остроумием, умением держаться. От парижских корреспондентов ей было известно о его доблести и даже о том, что он пишет стихи.

Поль Джонс предстал перед Екатериной II не только в качестве опытного моряка, поступившего на службу, но и представителя США. Он преподнес императрице экземпляр новой конституции молодого государства, рассказал об Америке. Позже он с энтузиазмом развивал перед Екатериной и ее сановниками проект широкого соглашения между обеими странами в области политики и торговли.

Императрица обошлась с новоприбывшим очень милостиво и направила в распоряжение генерал-фельдмаршала

Г. А. Потемкина, под начальством которого состояли все русские сухопутные и морские силы в войне с Турцией. Рекомендуя американца Потемкину, императрица писала, что «сей человек весьма способен в неприятеле умножать страх и трепет». Царскосельскую резиденцию Екатерины, как и было ранее обещано, Поль Джонс покидал уже контр-адмиралом. По прибытии к театру военных действий ему выделили одну из эскадр, базировавшуюся в Днепровском лимане.

Так скрестились пути Поля Джонса и А. В. Суворова, командовавшего войсками в районе Херсона — Кинбурна. Они быстро нашли общий язык — в прямом (французский) и переносном смысле, прониклись взаимной симпатией и не раз встречались как в скромной квартире Суворова, так и в каюте Поля Джонса на линейном корабле «Владимир», согласовывая планы блокады Очакова и других совместных действий против турок. «Это был один из немногих людей, встреченных мною, который всегда казался мне сегодня интереснее, чем вчера, и в котором завтра я рассчитывал — и небезпрасно — открыть для себя новые, еще более восхитительные качества. Он неописуемо храбр, безгранично великодушен, обладает сверхчеловеческим умением проникать в суть вещей под маской напускной грубоватости и чудачества,— я полагаю, что в его лице Россия обладает сейчас величайшим воином, какого ей дано когда-нибудь иметь. Он не только первый генерал России, но, пожалуй, наделен всем необходимым, чтобы считаться и первым в Европе» — таково было мнение Поля Джонса о нашем полководце. Вспоминая впоследствии о своем пребывании в России, адмирал писал, что Суворов оказался наиболее близким другом, которого ему удалось там найти.

После нескольких мелких стычек эскадра Поля Джонса участвовала в июне 1788 г. в большом сражении с турецким флотом, во время которого контр-адмирал имел возможность убедиться в отваге и выучке русских матросов. За одержанную победу Полю Джонсу был пожалован орден святой Анны. Он высоко оценил эту награду и дорожил ею. Но самолюбие Поля Джонса было весьма уязвлено, когда он узнал, что основная заслуга в разгроме флота капудан-паши под Очаковом приписывается его бездарному конкуренту, сумевшему расположить к себе Потемкина,— адмиралу Нассау-Зигену, командовавшему гребной флотилией. Американцу довелось с горечью убедиться в прозорливости Суворова, сказавшего ему однажды, что раны и смерть — не единственная опасность войны, так как несправедливость может сразить не хуже свинца и стали.

С тех пор резко ухудшились отношения между Полем Джонсом и Нассау-Зигеном, а соответственно и с его высоким покровителем. Осенью того же года контр-адмирал внезапно получил предписание явиться в Петербург для назначения на новое место службы. Предполагалось, что его направят в чине вице-адмирала на Балтийское море, а отозван он был, судя по всему, из-за усилившегося нерасположения к нему со стороны своенравного князя Потемкина, о дурном характере которого моряка не раз предупреждал Суворов. Близились холода. При расставании Суворов подарил отъезжавшему шубу.

В Петербурге Поль Джонс задержался более чем на восемь месяцев. Там с ним приключилась неприятная история, подстроенная, видимо, кем-то из недоброжелателей. Против адмирала возбудили уголовное дело. Обвинение не было доказано, но цели своей — скомпрометировать моряка — организаторы этого скандального «дела» отчасти добились.

Полю Джонсу пришлось воспользоваться предоставленным ему двухгодичным отпуском с сохранением адмиральского жалованья. Он уехал в Варшаву, где был дружески встречен Тадеушем Костюшко, также участвовавшим, как известно, в американской войне за независимость. Оттуда путь адмирала лежал через Вену и Амстердам в Париж.

Поль Джонс увидел совсем не тот легкомысленный и бесшабашный город, который хорошо помнил. Ныне это был Париж французской революции, Париж без Бастилии. В этом бурлившем Париже и скончался 18 июля 1792 г. Джон Поль Джонс, едва доживший до сорока пяти лет. Пуля, удар саблей или абордажной пикой десятки раз могли оборвать его жизнь. Но умер он от водянки, словно добропорядочный буржуа.

Многие писатели и историки (в частности, Фенимор Купер) отмечают неуемное честолюбие Поля Джонса, которое часто определяло его поступки. Да он и сам как-то признался в письме к Потемкину: «Возможно, я слишком люблю отличия...» Ему не суждено было при жизни в полной мере утолить жажду славы. Но даже в самых смелых мечтах вряд ли когда-нибудь рисовались Полю Джонсу те почести, что были воздаты ему спустя столетие после смерти.

К тому времени усыновившее его государство стало весьма могущественным. Соединенным Штатам с их короткой историей необходимы были свои традиции, свои герои. Тогда-то и вспомнили об отважном Поле Джонсе.

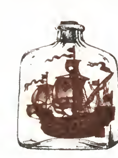
Благодаря стараниям американского посла во Франции Х. Портера в 1905 г.

удалось обнаружить место погребения капитана «Рэйнджера». Но за истекшие годы старое протестантское кладбище в северо-восточной части Парижа было заброшено, и нужный участок земли оказался застроенным. Несмотря на это, предпринятые раскопки увенчались успехом: нашли свинцовый гроб, и экспертиза показала, что заключенные в нем останки принадлежат Джону Полю Джонсу.

Гроб с его телом на лафете провезли по Елисейским полям в сопровождении эскорта из французских солдат и американских моряков. Специальная эскадра доставила затем этот гроб из Шербура к берегам второй родины Поля Джонса. 24 апреля 1906 г. состоялась торжественная церемония в его честь. Первым выступил тогдашний президент Соединенных Штатов Теодор Рузвельт, напомнивший собравшимся о подвигах Поля Джонса под звездно-полосатым флагом.

В капелле академии военно-морского флота США в Аннаполисе установлен роскошный саркофаг. Там покоится прах Джона Поля Джонса. А в Вашингтоне воздвигнут памятник этому уроженцу Шотландии, гражданину США, российскому адмиралу.

Все знаменитые корабли

Моряк торгового флота ГДР Ф. Кун, уйдя на пенсию, начал создавать обширную коллекцию моделей знаменитых кораблей. Это каравеллы Колумба и пиратские бригантины, современные супертанкеры и «Титаник», пассажирские красавцы лайнеры и научные суда. Интересно, что умелец монтировал свои модели, как это модно сейчас, не только внутри пустых бутылок, но и в колбах лампочек. Изящные яхты и морские катера ему удалось собрать даже в лампочках для карманного фонаря.

Кто же самый большой?

Согласно новому статистическому справочнику ООН, в 1978 г. на первое место в мире по числу жителей вышла столица Мексики. Сегодня в этом городе живет 8 628 тыс. человек. (Вместе с пригородами население Мехико превышает 11 943 тыс. человек.)

На втором месте оказался Токио, а на третьем — Нью-Йорк.

В этом справочнике сообщается также, что в начале 1978 г. население нашей планеты достигло 4 044 млн. человек. Если нынешняя динамика прироста сохранится, то к 2012 г. на Земле будет жить около 8 млрд. человек.

ГЕННАДИЙ ДМИТРИЕВ

КАТАСТРОФА НА РЕКЕ СВ. ЛАВРЕНТИЯ

Художник И. ШАХОВСКОЙ

Хорошо известно, что гибель пассажирского лайнера «Титаник» после его столкновения с айсбергом в Северной Атлантике 14 апреля 1912 г.— крупнейшая за всю историю мореходства катастрофа, в которой погибло свыше 1500 человек. Но мало кто знает: близкие по последствиям трагедии произошли не в открытом океане, а на почти зеркальной глади рек.

15 июня 1904 г. на колесном речном пароходе «Джинерал Слоукум», совершавшем с полутора тысячью пассажиров на борту экскурсионный рейс по реке Ист-Ривер близ нью-йоркского порта, возник пожар, быстро охвативший все судно. В этой катастрофе погибло 1020 человек, многие получили тяжелые увечья.

На правом берегу реки Св. Лаврентия к востоку от населенного пункта Метис-Бич, что в двадцати с лишним милях от канадского города Римуски, есть небольшое кладбище, на территории которого стоит незамысловатое каменное надгробие, сложенное в память о жертвах другой речной катастрофы, происшедшей 60 с лишним лет назад.

Пассажирский лайнер «Эмпресс оф Айрлеид» был спущен на воду в 1906 г. и совершал рейсы между Англией и Канадой. Пароход никогда не встречался с айсбергами; комфортабельность помещений, высокая скорость судна, а также прекрасный сервис на борту снискали ему популярность среди желающих пересечь Атлантический океан.

Роковой рейс «Эмпресс оф Айрленд» начался 28 мая 1914 г. Когда лайнер отошел от причальной стенки квебекского порта, стояла прекрасная погода, видимость была отличной, широченная поверхность глубоководной реки Св. Лаврентия была совершенно спокойна.

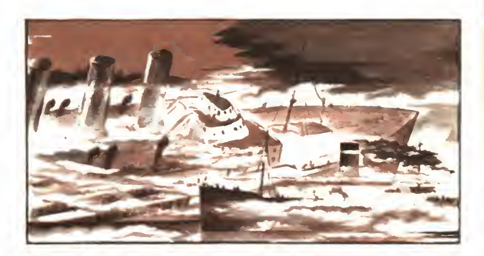
Но после обеда похолодало; река, по течению которой следовал лайнер, стала застилаться густеющей пеленой тумана. К одиннадцати вечера, когда почти все пассажиры легли спать, на судне воцарилась тишина.

В двадцати милях от Римуски при изменении курса впередсмотрящий доложил, что видит огни встречного парохода, поднимающегося вверх по течению. И тут судно попало в полосу непроницаемого тумана. Капитан лайнера скомандовал дать задний ход и просигналил тремя гудками о том, что произвел указанный маневр. Но было уже поздно.

Нос большого парохода внезапно возник из тумана и врезался в правый борт лайнера между трубами. От этого тарана в борту «Эмпресс оф Айрленд» образовалась огромная пробоина, почти мгновенно были затоплены котельные отсеки. Пароход — им оказался норвежский угольвоз «Стурстад» — дал задний ход, его носовая часть вышла из пробоины в борту, и в помещения раненого судна хлынули еще более мощные потоки воды. Через пятнадцать минут после столкновения лайнер затонул на глубине 19 морских саженей в пяти милях от лоцманской станции Фазер-Пойнт.

К счастью, у пристани станции под парами стояли два судна. Они приняли поступившую с гибнущего лайнера радиограмму о бедствии и спасли несколько десятков пассажиров; многие были выловлены из воды шлюпками со «Стурстада». Всего спаслось 463 человека. Количество погибших оказалось огромным — 1014.

Разумеется, на борту лайнера было достаточно шлюпок для размещения всех пассажиров и членов экипажа, а также

спасательных нагрудников. Огромное число жертв объясняется поздним часом и неожиданностью катастрофы, слишком быстрым развитием событий.

Столкновение произошло глубокой ночью. Спустя пять минут после тарана лайнер дал очень большой крен, и на воду удалось спустить всего четыре шлюпки с пассажирами.

Не обошлось без курьезов: среди спасшихся оказался некий Фрэнк Тауэр, впоследствии с легкой руки газетчиков получивший славу «человека, которого нельзя утопить». Дело в том, что Тауэр уже побывал в кораблекрушении: в 1912 г. ему удалось спастись с гибнущего «Титаника». В 1915 г. он еще раз подтвердил свою необыкновенную «везучесть», спасшись с торпедированной немцами «Лузитании».

Подарок ледниковой эпохи

Польские геологи искали на территории Тарнувского воеводства месторождения строительных материалов. К своему удивлению, они обнаружили уникальные по масштабам залежи мореного дуба. Только по первоначальным данным, запасы ценной древесины составляют более 2 тыс. куб. м. Громадные стволы деревьев, которые принес сюда ледник, пролежали под слоем влажного гравия примерно 20 тыс. лет.

ВЛАДИМИР КАРПИЧЕВ

РАССКАЗЫ ПОДВОДНИКА

Художник К. АЛЕКСАНДРОВ

Огненно-красный шар солнца погружался в Черное море. На землю ложились длинные тени, когда мы, нагруженные тяжелыми рюкзаками, подошли к обрывистому спуску у мыса Феолент. Каменистая узкая тропка заканчивалась у кромки небольшого галечного пляжа — уютной бухточки, конечной цели нашего похода. В спокойной прозрачной воде уже отражались редкие звезды. Из-за мыса лениво выплыла желтая луна.

Мы не стали разбивать палатки, а использовали их как подстилки под легкие спальные мешки. Разожгли небольшой костер из принесенных с собой дров и быстро сварили ужин. А потом у костра звучали тихие мелодии песен под аккомпанемент походной гитары. Мы вели задушевные беседы, слушали рассказы о подводных экспедициях, вспоминали друзей...

Среди нашей небольшой компании подводников только я один был профессионалом. Многие годы проработав водолазом-глубоководником, я стал теперь руководителем подводных работ. Когда меня попросили рассказать какую-нибудь подводную историю, я решил остановиться на той, которая едва не закончилась трагически и стала для меня хорошим уроком.

В шестидесятые годы я занимался подводной охотой, хотя и без особого энтузиазма, чтобы составить компанию приятелям — умелым и везучим стрелкам из подводных ружей. Мы были давними членами сборной команды Краснодарского края по подводному плаванию. Прекрасная физическая подготовка, хорошее владение подводной техникой и знание образа жизни представителей черноморской фауны неизменно обеспечивали успех. Мы знали места обитания рыб-домоседов и рыб сезонных миграций, рыб-скитальцев в районах, прилегающих к Новороссийску. Для меня подводная охота утратила интерес и превратилась в страсть подводного наблюдателя. Я мог часами следить за жизнью подводного мира. Я даже перестал брать с собой подводное ружье и ограничивался острогой, когда надо было пополнить запасы нашей коллективной кухни.

...Приходилось ли вам слышать под водой хрупающий звук где-нибудь в районе подводных скал? Это горбыль, рыба с удивительным вестибулярным аппаратом, перемалывает прочными пластинчатыми зубами мелкие ракушки. Наблюдали ли вы за парящим плаванием рыбок-ласточек и деловитой работой маленького землекопа — султанки-барабульки, потешные прыжки гребешков при помощи «гидравлики», шустрый бег рачков-отшельников? Если повезет, можно увидеть танец самцов кефали вокруг самки в период икрометания. Эта осторожная рыба тогда так увлечена, что не замечает присутствия человека. А как переливается всеми цветами радуги очень редкая рыба — морской петух! В пронизанной солнцем воде она помахивает своими большими плавниками-крыльями. А когда поотрядно проходит стремительный луфарь — хищная рыба с острыми, как иголки, зубами, подводные обитатели уступают ему дорогу. А с чем сравнить ощущение, когда к вам подплывает любопытный дельфин и одаривает вас своей неповторимой «улыбкой»? А как не любоваться на тридцатиметровой глубине красивыми формами черноморской аку-

лы-катрана? Да мало ли удивительных встреч ожидает любознательного в прибрежных водах!

Но и забывать об осторожности нельзя. Уверенность в своих силах не должна превращаться в самоуверенность, это опасно даже для опытного подводника...

Однажды в погожее летнее утро, облачившись в «мокрый» гидрокостюм и подогнав груз под незначительную положительную плавучесть, одев ласты, полумаску с трубкой, захватив с собой банку сгущенного молока и нож подводного охотника, я отправился к знакомым подводным скалам в районе поселка Джанхот.

Обычно я слежу за активной прибрежной жизнью моря на глубине десять, пятнадцать и двадцать метров без акваланга; акваланг отпугивает живность свистяще-хрипловатыми звуками и пузырьками воздуха. Если вода теплая (все равно стараюсь плавать в «мокром» гидрокостюме), нахожусь по шесть — восемь часов в море, не выходя на берег. Поэтому всегда беру с собой какую-нибудь еду, чаще всего сгущенное молоко. Обитатели тихих глубоководных гротов после нескольких встреч перестают бояться меня и даже принимают мои угощения. Это обычно горбыли, живущие на глубине от 12 до 20 м, забавная и очень любопытная рыба. Своей манерой подсматривать она напоминает веселое земное существо — белку.

В этот раз я плыл не спеша, наблюдая за утренней суетой мелких рыбешек. Глубина была не более 5—6 м. Изредка я нырял, привлеченный какой-нибудь живностью. Прежде чем идти на большие глубины, необходимо было «расплаваться». Солнце стало пригревать спину, прикрытую темной резиной гидрокостюма. Подходил полдень, а я продолжал плавать и нырять. На глубине 14 м обнаружил грот с тремя выходами (для измерения глубины я всегда пользуюсь очень надежным глубиномером мембранного действия «Г-5»). Грот зарос водорослями и был очень удобен для горбылей. Перед тщательным его осмотром я решил подкрепиться сгущенным молоком и отдохнуть, спокойно полежав на поверхности моря. Ножом вскрыл банку с молоком, с удовольствием выпил его и блаженно расслабился на тихой морской глади, чуть шевеля ластами. Жаркое солнце приятно грело спину. Через десять — пятнадцать минут я решил продолжить осмотр грота. Во время отдыха меня снесло течением.

По примеченным ранее береговым ориентирам быстро определил точку, где находится грот. Сделал гипервентиляцию и нырнул. Предположения мои оправдались. В одном из рукавов грота прогуливалась пара непуганых горбылей. Крупная самка, поменьше и потемнее самец. Грот был не очень большой, и горбыли чувствовали в нем себя полновластными хозяевами. Я увлекся ими и нырял снова и снова, не обращая внимания на легкое головокружение, пульсацию крови у висков.

Решил невдалеке набрать мелких ракушек для приманки. Я знал, что в том месте глубина 18—20 м. Она обычная для тренированного ныряльщика-подводника, но в тот день слишком частые нырки на 10—14 м измотали меня, а в воде я находился уже около восьми часов.

В момент, когда я коснулся грунта и определил глубину, появилось неотвратимое желание сделать глубокий вдох. Немедленно поднимаюсь. Но что такое? Я

опять уперся руками в грунт. На глубине я потерял ориентацию, нарушилась работа вестибулярного аппарата. Я был на грани потери сознания, но все же сообразил. Рывком раскрыл разъем замка поясного груза. Сделал при этом непроизвольный выдох. Без грузов я устремился к свету и солнцу. Появилось ощущение, что мешают полумаска и дыхательная трубка. Я сорвал их с лица и оказался на поверхности спокойного моря. Сделал глубокий судорожный вдох. Перед глазами плыли желтые круги. У меня все же хватило сил перевернуться на спину, и тут я потерял сознание... Прошли долгие минуты забытья. И вот появилось ощущение, будто я просыпаюсь от тяжелого сна. Слух уловил слабый шелест. Я открыл отяжелевшие веки. Ко мне медленно возвращалась способность соображать. Тело колыхалось на легкой прибойной волне и касалось прибрежной гальки. Я находился на границе небольшого пляжа под обрывистым берегом. Мышцы были «ватные». С трудом выбрался на берег и, уткнувшись лицом в гальку, снова провалился в забытье. Когда пришел в себя, солнце уже клонилось к закату.

Сколько же я пробыл без сознания, гонимый слабым ветерком к берегу?.. Мокрый гидрокостюм из пористой резины сыграл роль поплавка, поддерживавшего мое тело на поверхности моря. А морской ветерок около часа гнал меня к берегу. На этот раз фортуна была на моей стороне...

Когда я окончил эту историю, то посоветовал своим слушателям уходить под воду для наблюдений и морской охоты вдвоем. В критический момент товарищ выручит из беды. Это не трусость, а разумный расчет. Опыт приходит через ошибки, но они не должны быть трагичными.

Наступившее после моего рассказа молчание прервал Виктор Ханунов — мастер спорта по подводному плаванию, удачливый подводный охотник, мой многолетний коллега по сборной Краснодарского края. Он спросил, была ли у меня глубокая баротравма легких? Как это случилось?

Я не очень люблю вспоминать об этом. Но на этот раз пришлось рассказать.

Балтийское море 1957 г. не баловало нас хорошей погодой, но в июле выдались дни, пронизанные солнечным светом, когда береговые ветры приносили запах хвои и скошенных трав.

В один из таких дней группа водолазов-глубоководников выехала по тревоге на поиск мины, оставшейся со времен войны. Поисковые работы предстояли в зоне пляжа на небольшой глубине. Мы прибыли к месту погружений в утренние часы. Море было спокойно. Легкий береговой ветерок приносил прохладу.

Мы были молоды и полны сил... Первому под воду предстояло идти мне. За шутками при надевании снаряжения не заметили, как над горизонтом появилась темная туча, поднялся порывистый ветер, море стало серо-свинцовым, по нему пробежала мелкая рябь. Мы понимали, что с минуты на минуту сорвется шквал, но не вняли голосу благоразумия. Одетый в гидрокомбинезон, с аппаратом «ИСА-М-48» (индивидуальный спасательный аппарат Михайлова), с сигнальным концом и грузами на поясе я скрылся в мутных водах Балтики. С начала погружения во мне поселилось какое-то тревожное чувство. Оно мешало сосредоточиться на главном — поиске мины. Но это был не страх встречи с «рогатой смертью» или одиночества в желто-мутной воде. В учебном отряде меня научили побеждать страх и тоску пребывания под водой. Это было другое чувство. Но оно прошло. Я занялся работой. На моем сигнальном конце стоял неразговорчивый, но сообразительный водолаз Игорь Васильев. Здесь же находилась и остальная группа подводников, среди них Женя Левашев.

С ним мы не дружили. Мы были просто товарищами по службе. Он пришел на флот годом раньше меня и слыл уже не плохим подводником. Но этот крепкий, коренастый парень с какой-то загадочной улыбкой интересовал меня. Он любил водолазное дело, но увлекался не только им. И когда случилась со мной беда, Женя проявил твердость духа и хладнокровие (а ведь нам было всего по 19—20 лет). Прошли месяцы, я поправился от травмы. Наши отношения с ним стали доброжелательными, но в дружбу так и не переросли...

Итак, я продолжал поиск мины. Море постепенно начинало штормить. Работая на небольшой глубине, я уже ощущал волновое воздействие. И как это нередко бывает на Балтике, налетел сильный шквал. В прибрежном мелководье море закипело. Меня, как щепку, таскало по грунту. Одна из волн приподняла и с силой швырнула о дно. Я попытался принять удар на руки, чтобы защитить дыхательный мешок, но это не удалось. Руки попали на валун и соскользнули. Мрак. Потеря сознания. Это и была баротравма легких.

Игорь, стоявший на сигнале, почувствовал что-то неладное, запросил меня о самочувствии. Не получив ответа, повторил сигнал.

— Ребята, что-то случилось! — закричал Игорь. Стал выбирать сигнал. К нему на помощь подскочил Женя и

остальные водолазы. Они с таким усердием тащили пострадавшего, что когда подняли из воды и отнесли на сухое место на берегу под сосиами и разрезали снаряжение, то ужаснулись. Вся голова была в шишках и ссадинах, тонкий резиновый шлем не мог предохранить от ударов о камни. Руки, не защищенные перчатками, кровоточили. Но самое ужасное было то, что изо рта показалась кровавая пена и тонкие струйки крови по подбородку стекали на шею. На берегу лежал водолаз с тяжелой баротравмой легких. Все растерялись. Один Женя Левашев не утратил самообладания. Оказал первую помощь. Его распоряжения стали выполнять ребята. Их усердие не было напрасным. Я почувствовал соль на губах, жгучую боль в груди, удушье. Потом стал улавливать голоса друзей-водолазов и ощутил упругий морской ветер в лицо. В этот раз море оказалось сильнее меня, и мне почему-то было стыдно перед ребятами за свою беспомощность. Потом в рекомпрессионной камере я прошел первый курс лечения. Я находился в каком-то подавленном состоянии. Страшно, что я никогда больше не смогу погружаться под воду. Но молодость и постоянная поддержка друзей взяли свое. А стать настоящим водолазом-профессионалом помогла истинная любовь к морю.

Всем нам, сидевшим в тот вечер у костра, было о чем вспомнить. Однако пришло время ложиться спать. На рассвете предстояла интересная, но нелегкая работа.

Сразу в двух полушариях

Гостиница «Серебряная крыша», построенная в 120 км от Найроби (Кения), расположена точно на линии экватора. На ее крыше, где устроено кафе, проведена полоса, символически отмечающая разделение земли на два полушария. Реклама гостиницы оповещает туристов: «У нас вы можете выпить прохладительный напиток в южном полушарии, а затем пройти на северное и там позавтракать».

Редкая находка

Северная Бирма известна как район богатых месторождений нефрита. К уникальным находкам там привыкли. Но недавно рабочие нашли редкостный монолит нефрита весом около 30 т. Ничего подобного геологи не находили.

Следует добавить, что в наше время нефрит ценится не только ювелирами. Ему нашли применение в точных приборах. Из этого камня, обладающего солидной прочностью, изготавливают миниатюрные износостойкие подшипники. В этом качестве нефрит уже побывал в космосе.

ДМИТРИЙ РАША

ВЕЛИЧАЙШАЯ ПЕЩЕРА ПЛАНЕТЫ

Художник В. НАЙДЕНКО

Вместо предисловия

Обитая на поверхности земли, люди далеко не всегда знают, что прямо под ногами иногда находится целый подземный мир с глубокими, круто уходящими на многие сотни метров вглубь пропастями и целыми системами подземных ходов-лабиринтов, достигающих сотни километров. Встречаются и огромные гроты-залы, настоящие подземные дворцы. В этом созданном природой подземном мире текут реки, шумят водопады, встречаются озера. Подземные пустоты называют пещерами. Возникла и наука, изучающая их,— спелеология.

Жизнь наших далеких предков была тесно связана с пещерами. В каменном веке они были единственным и надежным убежищем для первобытных людей. Но чтобы овладеть этим убежищем, человеку часто приходилось вступать в борьбу с кровожадными хищниками, само название которых указывает на место их обитания. Это такие свирепые звери, как пещерные львы, пещерные медведи и махайроды, или саблезубые тигры.

В пещерах находят теперь следы их древних обитателей: пепел и золу костров, остатки утвари, художественные изображения в виде наскальных рисунков, поделок из камня и т. д.

Жизнь в пещерах существует и теперь. В них находят пристанище некоторые животные, обитающие на поверхности, но есть и такие, которые живут только под землей. У таких животных обычно сильно ослаблено или совершенно отсутствует зрение, но зато необычайно развиты осязание и обоняние. Кожа большинства из них лишена пигмента.

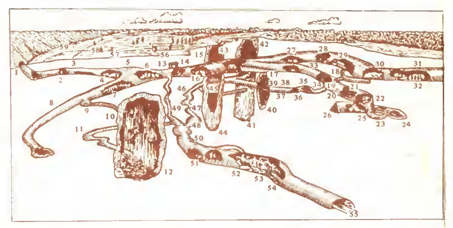
Пещерных обитателей принято подразделять на три группы. Первая — это типичные жители пещер, встречающиеся только под землей. Они называются троглобиями, или троглобионтами, то есть пещерными жителями (от греческих слов «троглос» — пещера и «биос» — жизнь). Ко второй группе относят животных, встречающихся и вне пещер. Они обычно населяют те части подземелий, куда хотя бы изредка проникает дневной свет. Они именуются троглофилами, то есть любящими пещеры. Наконец, к третьей группе относят встречающихся в пещерах животных, которые ничем не отличаются от живущих на дневной поверхности. Они называются троглоксенами.

Как же возникли пещеры, какие силы природы участвовали в их образовании?

Подземные лабиринты, пропасти и гроты образуются главным образом в таких горных породах, которые могут растворяться водой. Это породы, содержащие кальций (например, известняки и доломиты) или натрий (например, каменная соль). Проникая через расселины и трещины в таких породах, вода постепенно их растворяет и размывает; таким образом за миллионы лет образуются многочисленные пустоты, причудливые ходы и полости.

Пещеры, образовавшиеся в результате выщелачивания горных пород, называются карстовыми, по имени нагорья Карст, находящегося в Каринтии, на юго-западе Югославии, где таких пещер особенно много.

Обычно в гротах и лабиринтах карстовых пещер появляются натечные образования, отлагаемые медленно просачивающимися минерализованными водами, содержащими кальций. Часть его выделя-

Блок-диаграмма части «Мамонтовой пещеры» в штате Кентукки США

1 — Вход в пещеру. 2 — Каменная стена и железные ворота. 3 — Проход Хатчинза. 4 — Селитряные ямы. 5 — Ротонда. 6 — Зал монументов. 7 — Обеденный зал. 8 — Проход Одубона. 9 — Проход Литл бэй. 10 — Купол Мамонта. 11 — Проход Спаак. 12 — Коринфские колонны. 13 — Штопор. 14 — Проход Арчибальда. 15 — Церковь. 16 — Рождественская елка. 17 — Готическая галерея. 18 — Свадебный зал. 19 — Цезарь. 20 — Наполеоновские брустверы. 21 — Слоновая голова. 22 — Прыжок влюбленных. 23 — Локтевая расщелина. 24 — Чертова ванна. 25 — Купол Наполеона. 26 — Проход Гратца. 27 — Стоячие скалы. 28 — Статуя Марты Вашингтон. 29 — Гроб великана. 30 — Острый угол. 31 — Звездный зал. 32 — Санитариум. 33 — Ворота Данте. 34 — Геркулесов столп. 35 — Совиная комната. 36 — Ричардсонов ключ. 37 — Проход черной змеи. 38 — Проход влюбленных. 39 — Купол Минервы. 40 — Яма Боковое седло. 41 — Колодец Вашингтона. 42 — Купол Горинса. 43 — Купол Шелби. 44 — Бездонный колодец. 45 — Мост вздохов. 46 — Ловушка. 47 — Горе толстяка. 48 — Долина смирения. 49 — Зал Вандербилта. 50 — Речная долина. 51 — Мертвое море. 52 — Река Стикс. 53 — Естественный мост. 54 — Озеро Лета. 55 — Река Эхо. 56 — Отель. 57 — Дом проводника. 58 — Тропа. 59 — Дорога.

ется еще тогда, когда капля висит на своде пещеры, а остальная часть после падения ее на дно. Натечные образования вверху называются сталактитами, внизу — сталагмитами. Когда сталактиты и сталагмиты срастаются, образуются красивые колонны, и тогда подземный зал начинает напоминать причудливый дворец. Встречаются сталактиты, как бы обрамленные бахромой или кружевами, красиво свисающие с потолка в виде занавесей.

Иногда подобные образования вроде бы не подчиняются закону силы тяжести, поэтому их называют эксцентричными, или геликтитами. Явление это объясняется рядом необычных условий их роста. Формы таких образований бывают необычайно вычурны. Группы таких геликтитов создают незабываемую фантастическую картину, особенно при свете факелов, когда кристаллы сверкают и переливаются всеми цветами радуги.

Значительно реже встречаются пещеры, образовавшиеся в результате работы морского прибоя, текучих вод и ветра. Несколько особняком стоят так называемые вулканические пещеры, созданные в лавовых потоках под действием расширяющихся газов. Много таких пещер на знаменитом своими каменными изваяниями тихоокеанском острове Пасхи. Тур Хейердал в своей книге «Аку-Аку» так пишет об этих образованиях: «В недрах горы пещера многократно разветвлялась, причем дальние проходы носили характер тесных катакомб с плоским полом. Плавно изгибающийся свод и стены были совершенно гладкие, без каких-либо неровностей. Напрашивалась мысль, что все это сделал человек, в действительности же мы двигались по каналам, проложенным пузырями газа, которые пробивались сквозь расплавленную лаву в те далекие времена, когда весь остров Пасхи представлял собой огненное месиво».

Интересно, как использовалась местными жителями одна из таких пещер на восточной оконечности острова Пасхи, носящая название Ана-о-Кеке, что означает «Пещера заката солнца». Она была священным местом «обесцвечива-

ния кожи» девушек Неру. Так называли отобранных для религиозных мистерий девушек, которых на длительный срок заточали в пещеру для того, чтобы они стали как можно бледнее. Так требовал священный ритуал. Бедняги в течение всего срока своего заточения не видели дневного света. Еду и питье им подавали через узкое отверстие в замурованном входе.

В пещерах, где средняя годовая температура держится ниже нуля, сталактиты, сталагмиты, а также кружева из кристаллов образуются главным образом изо льда. Такие пещеры называют ледяными. Одна из красивейших ледяных пещер находится в Советском Союзе. Это знаменитая Кунгурская пещера в Пермской области близ города Кунгура. Здесь в толще известняков и гипсов насчитывается свыше 100 гротов и 36 подземных озер.

Пещеры встречаются во всех районах мира. В Европе их особенно много в Югославии, на Апеннинском и Пиренейском полуостровах, во Французских, Австрийских и Швейцарских Альпах и на Карпатах. Есть пещеры в Великобритании, Северной Европе и даже в Гренландии.

Очень много пещер в Азии и Африке. Есть пещеры и в Австралии. Там их особенно много в западной части Голубых гор, где находится знаменитая Дженоланская пещера, известная своими великолепными, разнообразными по форме натечными образованиями.

Очень много пещер в Советском Союзе. Они встречаются на Русской равнине и в окаймляющих ее горах Урала и Крыма, на Кавказе, в Средней Азии, в республиках Прибалтики, в Сибири и на Дальнем Востоке.

Немало пещер на Американском континенте. В Соединенных Штатах Америки обширные пространства заняты массивами известняков. Это прежде всего западная часть страны и юго-восточная область центральных равнин, где расположены наиболее крупные подземные полости мира. Об одной из них мы и расскажем.

Подземный лабиринт — гигант

В штате Кентукки между городами Луисвилл на севере и Нашвилл на юге, среди высокого известнякового плато в отрогах Аллеганского хребта расположен самый большой в мире пещерный комплекс, названный Мамонтовой пещерой.

Ее обнаружил в 1809 г. местный охотник Хутчинс, который, преследуя раненного им медведя, набрел на идущий внутрь горы вход. Зажегши факел, Хутчинс осмотрел начало хода и увидел разветвление ходов и обширный грот. Оставив преследование зверя, охотник стал искать здесь селитру, залежи которой обычно находили в пещерах. Ее употребляли тогда для изготовления черного пороха. Селитра действительно была найдена, и ее начали там добывать.

В 1837 г. участок, где находился вход в пещеру, купил некто Френк Горинс. Решив создать из нее доходное предприятие, он построил гостиницу, установил плату за посещение подземелья, а вход в него перекрыл массивной каменной стеной с закрывающимися на замок железными воротами. Одновременно Горинс поручил двум своим чернокожим рабам Стефану и Мата дальнейшее исследование пещеры. Те сделали множество открытий. Особенно Стефан, который исследовал около двухсот километров разных подземелий этой пещеры.

В 1895 г. этот участок купил предприниматель Гантер, поставивший «пещерный бизнес» на широкую коммерческую основу. Он перестроил и значительно расширил гостиницу, нанял и обучил целый штат проводников и построил в пещере железнодорожную ветку, провел туда электрическое освещение, а проводников снабдил специальными лампами, ракетами, бенгальскими огнями и прочим реквизитом для создания световых эффектов.

Вскоре пещерой заинтересовались ученые разных стран, которые начали ее планомерное изучение и составление планов и разрезов ходов, гротов и колодцев. Выяснилось, что подземные пустоты Мамонтовой пещеры образуют сложный многоэтажный лабиринт, соединяющий многочисленные просторные гроты-залы, а в нижних ее «этажах» протекают реки и есть озера. Геологическая служба штата Кентукки пригласила для обследования пещеры профессора Оуэна, который помимо геологии изучал также подземную флору и фауну. К 1900 г. было нанесено на план около 200 различных ходов, галерей, колодцев и гротов, и каждому из них присваивалось название.

В августе 1972 г. выяснилось, что Мамонтова пещера соединяется с пещерами Флинт-Ридж и Кристальной. Теперь общая длина всех исследованных и нанесенных на план подземелий этой объединенной пещеры, для которой сохранили название Мамонтовой, достигла 297 км. В пяти ее этажах-ярусах обследовано 225 галерей, 47 высоких гротов, 23 глубоких вертикальных колодца, 3 реки, 8 водопадов, 2 озера и даже одно «море».

Вход в пещеру расположен в узком и мрачном ущелье, и почти сразу же начинается большой грот. Из этого грота

17-781

ведет внутрь главный ход, названный Бродвеем. Он протянулся на 15 км и имеет вид огромного тоннеля с довольно правильным сводом. Ширина его колеблется от 10 до 100 м, а высота — от 4 до 20 м. От главного хода многочисленные ответвления ведут к другим ходам и гротам. Температура во всей пещере почти одинакова и колеблется от 11 до 13°C.

Один из боковых ходов, имеющий в длину около 100 м, приводит к залу, названному Ротондой. Зал этот отличается необычайно чистым и приятным для обоняния воздухом.

От Ротонды вправо ведет узкий боковой ход, названный Одубоновым, по фамилии натуралиста, написавшего трехтомный трактат о птицах Америки. В этой галерее есть два зала, которые именуют Мышиными, так как в них зимует множество летучих мышей.

Другой ход, ведущий влево, через полкилометра приводит в обширный, правильных очертаний зал высотой около 12 м. Пол его наклонный, опускающийся ступеньками в виде амфитеатра. Однажды здесь происходило богослужение методистов.

За этим залом начинается часть хода, названного Готической галереей, так как здесь есть очень красивая арка, напоминающая этот архитектурный стиль. Отсюда слышно равномерное «тиканье» водяных часов — падение капель воды, просачивающихся сквозь стену.

Дальше по галерее посетители видят столб с надписью «Остановись!». Здесь их оставляют в темноте, а проводник, отойдя почти на 300 м, освещает сильным фонарем стену, на которой вырисовывается нечто вроде бюста из светлого мрамора. Он напоминает пожилую женщину в чепце, похожую на мать первого президента США Джорджа Вашингтона Марту, портрет которой одно время печатался на американских долларовых ассигнациях.

Дальнейшая часть Готической галереи примечательна изломами стен, напоминающими фигуры различных зверей, отчего это место названо зверинцем Барнума.

Один из поворотов галереи ведет в зал Санитариум, где из осколков камней и кирпича построено 9 небольших хижин. В них в 1845 г. жили 15 чахоточных, надеявшихся вылечиться, вдыхая чистый воздух пещеры. Однако одного этого оказалось недостаточно...

В километре отсюда находится обширный грот с чудесным сводчатым потолком, в котором вкраплено множество кристаллов белого блестящего кварца, при свете лампы они переливаются разноцветными отблесками. Это знаменитый Звездный зал, имеющий в длину 150 м, высота средней части — 20 м. Если погасить свет и оставить только одну небольшую лампу, то создается впечатление, что находишься не в пещере, а в поле темной звездной ночью — весь свод кажется усыпанным яркими звездами. При некотором усилении освещения создается эффект зари, а при свете ярко-красного бенгальского огня кажется, что восходит солнце.

Из Готической галереи есть узкий извилистый спуск, ведущий в обширный, правильных очертаний грот. Не только стены, но и потолок этого зала испещрены фамилиями туристов и названиями городов, откуда они прибыли. Надписи сделаны углем, мелом и даже масляными красками. В зале есть громадный, в виде стола, камень, на котором навалена груда визитных карточек.

За «залом записи» начинается область сталактитов и сталагмитов.

Одна из галерей названа Речной, потому что она выводит к реке Стикс. Это имя мифической реки древних греков, протекавшей в подземном царстве мертвых. В средней части галереи находится провал глубиной около 60 м, на дне которого расположено озеро — Мертвое море. Далее галерея делается шире и выше, но пройти по ней можно только по узкому карнизу под потолком, так как по дну течет Стикс. Через него перекинут естественный мост, по которому можно перейти на другую сторону галереи. С моста открывается вид, напоминающий гравюры Доре к сценам ада из «Божественной комедии» Данте. Стены галереи здесь мрачно высятся над черными водами реки и замыкаются хаотическим нагромождением камней в виде свода. Далее река Стикс образует очень красивый водопад, шум которого слышен издалека.

Тропа постепенно спускается и приводит к берегу реки, усыпанному тонким песком. Метров через десять снова начинается подъем и открывается вход в боковую галерею, а за этим входом река уходит под землю. Если взойти на карниз, открывается вид на водный бассейн, названный озером Леты. Дальше хода нет, и озеро надо переплывать на лодке.

На противоположном берегу озера начинается широкая и красивая Большая аллея, которая приводит к реке Эхо, протекающей на 120 м ниже наружного входа в пещеру. Здесь стоит несколько больших лодок. На них посетители могут совершить прогулку по подземной реке, глубина которой в некоторых местах доходит до 10 м.

Река получила свое название оттого, что здесь очень необычайное эхо. Отзвук настолько изменяет первоначальный тон, что превращает его в очаровательные мелодичные аккорды. В некоторых местах эхо способно усиливать только звуки определенной высоты, и после громкого крика в ответ слышатся мелодичные тона. Пещерная акустика здесь просто поразительна. Плеск весел, например, превращается в отдаленный перезвон колоколов.

В этой реке обитают слепые рыбы длиной до 15 см. Они почти прозрачны и не имеют даже признаков глаз. Это настоящие ископаемые, так как подобные рыбы водились еще в меловом периоде, то есть более 60 млн. лет назад. Там же встречаются почти прозрачные раки с необычайно длинными усиками и впадинами вместо глаз.

Через некоторое время река Эхо уходит под землю, а дальше ведет узкая ровная галерея, имеющая множество ответвлений, некоторые из них до сих пор не исследованы. Одно из расширений называется Концертным залом. В нем в 1869 г. выступал норвежский скрипач Оле Буль.

Каждое расширение галереи чем-нибудь примечательно. Вот стены пестрят множеством мелких кристаллов черного гипса, которые напоминают сидящих на стене мух. Это помещение названо Комнатой мух. А вот сталактиты и геликтиты в виде сросшихся шариков, похожих на гроздья винограда. В другом месте полукруг из кристаллов селитры, который именуют Короной королевы Виктории.

Дальше по галерее находится Зал Вашингтона, в котором бьет очень чистый подземный родник. Еще дальше из стен выступают красивые кристаллы, комбинации которых образуют цветы и целые букеты.

Но вернемся в главный ход — Бродвей. На расстоянии около километра от наружного входа в Мамонтову пещеру начинается спуск в нижние «этажи». Это так называемый Лабиринт, который выходит в грот Снеговой. Здесь много белых отложений, напоминающих снег. Отсюда узкий, замысловатый ход ведет в знаменитый Египетский храм. Это огромный грот, по одной стороне которого высятся громадные сталактитовые колонны, диаметром около 7 м и высотой до 23 м. Тут шесть таких колонн. Ими можно любоваться бесконечно. Они совершенно отвесны и очень правильны. На их вершинах имеются прямо-таки настоящие капители из затейливых геликтитов. Посетители вспоминают здесь

о египетских храмах в Луксоре и Карнаке.

Главный ход — Бродвей разветвляется на большое количество извилистых галерей, многие из которых приводят к глухим, тупиковым гротам. Бродвей похож на ствол гигантского дерева, от которого отходит множество сучьев и веток.

Ученые считают, что дальнейшее исследование Мамонтовой пещеры откроет еще многие километры ходов, гротов и пропастей.

Весть из XVIII в.

В США теперь отмечаются два праздника открытия Америки. Первый связан с именем Колумба, а второй — с первыми путешествиями в Северную Америку древних скандинавов.

В связи с этим можно вспомнить, что самая первая находка скандинавских рунических знаков была сделана в Америке еще в 1733 г. Французский купец Пьер де ла Веранди предпринял тогда путешествие из Монреаля на территорию, которая теперь называется Северная Дакота. Там он нашел камень с загадочными письменами. Кроме того, он сообщил, что местное племя индейцев манданов имело белую кожу и по образу жизни разительно отличалось от других племен.

Камень был отправлен в Париж. Там сначала предположили, что надпись имеет монгольское происхождение, но потом выдвинули скандинавскую версию. Вторая идея в ту эпоху показалась антинаучной, и о ней вскоре забыли.

Войлочный шлем царицы

В курганах близ Очакова советские археологи обнаружили довольно хорошо сохранившееся захоронение скифской царицы. На ее руках были массивные золотые перстни с изображением льва — символа власти. О ее знатном происхождении говорит и обилие бляшек из серебра и золота. Эти украшения составляли внешний слой головного убора — войлочного шлема.

Находка в кургане еще раз позволяет говорить о тесных торговых связях скифов с древними греками. Орнамент на шлеме из грифонов, тонкие золотые подвески и перстни — все это работа древнегреческих ювелиров.

ВАЛЕРИЙ ГУЛЯЕВ

НОВЫЕ ЗАГАДКИ СТОУНХЕНДЖА

Художник Е. ШЕФФЕР

Проблема древних посещений Земли представителями космических цивилизаций, или, как ее ныне называют, проблема палеоконтакта, в последние годы стала весьма популярной. И не только среди фантастов. К ней обратились многие ученые, и она постепенно приобретает статус нового научного направления. Ведется разработка методологии ее решения, обсуждаются критерии и средства поиска фактов.

Однако немало научных авторитетов считают маловероятной возможность посещения нашей планеты «братьями по разуму», говорят даже об уникальности земной цивилизации в нашей галактике.

Энтузиасты же добывают все новые аргументы в пользу посещения Земли инопланетянами. Один из таких значительных аргументов представил математик-программист и астроном-любитель из Ивановской области Валентин Фролович Терешин. Он разгадал геометрическую структуру Стоунхенджа — мегалитического памятника, сооруженного на юге Англии в конце каменного — начале бронзового века (1900—1600 гг. до н.э.)

Гигантские таинственные камни Стоунхенджа именуют «восьмым чудом света».

Как показали исследования астронома Джеральда Хокинса и историка Джона Уайта, опубликовавших книгу «Разгадка тайны Стоунхенджа», этот величественный памятник был не только древним святилищем и храмом Солнца и Луны. Многотонные арки, так называемые трилиты, служили для определения важнейших в астрономическом отношении дат восходов и заходов Солнца и Луны, а система кольцевых сооружений из лунок и «памятных» камней использовалась жрецами для предсказания солнечных и лунных затмений.

Как ни парадоксально, композицию мегалитов (гигантских камней) Стоунхенджа называют вычислительной машиной каменного века. Кто и как мог ее спроектировать в ту эпоху и с высокой точностью воссоздать на местности, не обладая знаниями о Солнечной системе, необходимой техникой и даже письменностью?

Предлагаем вниманию читателей статью кандидата геолого-минералогических наук Владимира Ивановича Авинского о результатах проведенного совместно с В. Ф. Терешиным дальнейшего изучения Стоунхенджа.

В ноябре 1975 г. доклад В. Терешина и В. Авинского «Высокие математические и астрономические знания строителей обсерватории в Стоунхендже» слушался на заседании секции физики Московского общества испытателей природы (МОИП), получил высокую оценку и был признан лучшим докладом года.

«Тер...», далее — неразборчиво

История эта началась для меня, можно сказать, с таинственного приключения. Однажды известный писатель-фантаст Александр Петрович Казанцев пригласил меня посмотреть нечто удивительное. В ожидании космического чуда еду в Москву к Казанцеву. Александр Петро-

вич показывает мне ... обыкновенный альбом для рисования.

— Вот, вчера кто-то принес,— сообщил он.— Меня не было дома. И это уже третий по счету дар таинственного незнакомца.

Рассматриваю альбом. На внутренней стороне обложки известная гравюра Дюрера «Меланхолия» — аллегория печали и мудрости, атрибуты естествоиспытателя, магический кристалл. Листы альбома исписаны каллиграфическим почерком. Многочисленные чертежи, астрономические величины, каскад геометрических фигур, среди которых преобладают острый угол, многоугольники. И все это на плане Стоунхенджа. Поистине доэвклидова геометрия. В конце подпись: «Тер...», далее — неразборчиво.

У Александра Петровича сначала, естественно, возникла мысль написать обо всем этом остросюжетную фантастическую повесть. Но, взвесив все «за» и «против», мы решили, что неизвестно откуда взявшийся материал о новой расшифровке Стоунхенджа целесообразнее представить ученому миру в виде доклада. И мне пришлось заняться анализом материалов. Таинственный автор по-прежнему не давал о себе знать. Наконец месяца через три загадочный «Тер...» появился и оказался Валентином Фроловичем Терешиным, человеком невысокого роста, с проницательным взглядом и крутым лбом мыслителя. Он рассказал, что увлекся книгой Джеральда Хокинса и Джона Уайта «Разгадка тайны Стоунхенджа». В схемах и планах древних памятников обнаружились удивительные закономерности. Засиживался допоздна. Даже во время сна нередко приходили новые идеи.

Когда был закончен первый цикл исследования, Терешин решил познакомить с ним популяризатора идеи о космических пришельцах писателя Александра Казанцева. Терешин был убежден, что к расшифровке замысла Стоунхенджа надо подходить с глубочайшей серьезностью, не боясь смелых предположений. Он предложил мне сотрудничать.

Больше года длилась наша совместная скрупулезная работа и подготовка материалов к докладу, который наконец состоялся 18 ноября 1975 г. в Московском обществе испытателей природы.

Как устроен Стоунхендж

Склонный к восторженному восприятию действительности, сэр Джон Эвлин, осмотрев развалины Стоунхенджа, писал в 1659 г., что это поистине великолепный монумент, который издали кажется замком. Но стоит взглянуть на план, как

Стоунхендж и Круглый Могильник. Вид с Запада

сразу обнаруживается геометрическая строгость его композиции: кольцо гигантских камней, окружающий их ров и земляной вал, многочисленные загадочные лунки, выкопанные строго по окружности.

Во мраке веков давно утеряно первоначальное знание того, кем, как и зачем выполнено в камне это фантастически точное «геометрическое место точек». Из легенд и преданий, а позднее из результатов исследований постепенно возникла мысль, что Стоунхендж был задуман как астрономический комплекс. Его создание ошибочно приписывается племени друидов, пришедших в Британию вместе с кельтами лишь в V в. до н. э. Археологическими исследованиями установлено, что этот мегалитический комплекс воздвигали в три этапа.

Начало строительства приписывается охотникам-островитянам и земледельцам с континента, которые около 1900 г. до н. э. соорудили два кольцевых вала диаметром 115 и 106 м, не замкнутых с северо-восточной стороны. Против входа в земляное кольцо был установлен менгир — каменный столб высотой 6 м и весом 35 т. Его называют Пяточным камнем. Он окружен полукольцевым рвом. По кольцу диаметром 88 м первые строители выкопали 56 лунок, заполнив их дробленым мелом. Это так называемые лунки X, или лунки Обри (по имени Дж. Обри, одного из первых исследовате-

лей Стоунхенджа). Примерно на этой же окружности было установлено 4 вертикальных камня, которым ныне присвоены номера 91, 92, 93 и 94. Камни 91 и 93 сохранились, а два других исчезли, на их месте остались кольцевые насыпи. Эти четыре точки образуют так называемый «опорный прямоугольник», расположение и размеры которого имеют астрономическое значение. Описанному комплексу дали условное название Стоунхендж I.

Во время второго этапа строительства, который начался около 1750 г. до н. э., были установлены пятитонные «голубые» камни (из вулканических пород) в виде двух небольших неправильных кругов. Строителями этого периода считаются бикеры*. Им пришлось перетаскивать «голубые» камни из Уэльса, с гор Пресели, удаленных по прямой от Стоунхенджа более чем на 200 км. Как отмечает английский археолог Р. Аткинсон, при доставке камней по морю, затем по рекам пришлось бы преодолеть 380 км. Последний отрезок этого пути проходил по так называемой Аллее из валов и рвов, которая с северо-востока, от реки Эйвон, подходит к Стоунхенджу. Аллея как бы закрепляет на местности главную ось комплекса мегалитов, которая проходит через центр Стоунхенджа, через Пяточный камень и ориентирована на точку восхода Солнца в день летнего солнцестояния. Но циклопическое сооружение бикеров было разрушено новым народом — уэссексцами**, может быть, для того, чтобы соорудить нечто еще более грандиозное. Около 1700 г. до н. э. в Британии начался бронзовый век. Разобрав кольца из «голубых» камней, строители Стоунхенджа III на их место поставили 30 огромных столбов из так называемого сарсенового песчаника и положили на них горизонтальные плиты. Это сооружение называют сарсеновым кольцом. Термин «сарсен», как пишут Джеральд Хокинс и Джон Уайт, происходит от слова «сарацин» — «чужеземный» и расценивается как отголосок представлений, что Стоунхендж, возможно, сооружен выходцами из стран Средиземноморья.

Диаметр сарсенового кольца — 29,6 м, высота — более 5,5 м, ошибка в расстановке камней — не более 10 см. Замечено, что центр кольца смещен на 0,9 м к северу от центра Стоунхенджа I. Зачем? Чтобы в момент восхода 22 июня Солнце появилось над Пяточным камнем точно в просвете между 1-ым и 30-ым камнями сарсенового кольца. В центре были воздвигнуты «трилиты» — конструкция из трех камней, два из которых поставлены вертикально, третий положен на них. В Стоунхендже 5 «трилитов». Они образуют подкову, также расположенную по главной оси и открывающуюся к северо-востоку. Центральный «трилит» самый высокий (7,2 м), и его блоки имеют наибольший вес (до 50 т). Каменные исполины расставлены так, что прогалы между ними шириной не более 30 см и соответствующие прогалы в сарсеновом кольце попарно ориентированы по азимутам восхода и захода Солнца и Луны в дни зимних и летних солнцестояний.

Внутри подковы «трилитов» сначала был выложен овал из «голубых» камней, позднее его переделали в «подкову». Такими же камнями выложено кольцо между «трилитами» и сарсеновым кольцом. В довершение всего строители разметили два кольца У и Z с тридцатью лунками в каждом. На дно лунок положено по осколку «голубого» камня.

В Стоунхендже есть еще ряд камней и лунок. В зоне прохода из земляного кольца покоится камень с мрачным названием «Эшафот». Недалеко от центрального «трилита» лежит, глубоко уйдя в землю, Алтарный камень.

Со Стоунхенджем органически связан так называемый круглый могильник — невысокий бугор к востоку от главного комплекса. Среди окрестных достопримечательностей вызывает интерес деревянный Стоунхендж, или Вудхендж, длинная полоса из валов и рвов — Курсус, могильники Эйвбери, Калленищ, Уэст-Кенист и другие.

Парадоксы и загадки Стоунхенджа

... Вычислительная машина каменного века. Эта парадоксальная интерпретация Стоунхенджа, предложенная Хокинсом, ныне уже не вызывает удивления. «Трилитами» и другими камнями и лунками отмечены азимуты всех важнейших положений Солнца и Луны. С помощью си-

* Бикеры — народ, населявший Англию в конце эпохи камня. У них был обычай: в могилы покойников вместе с оружием класть глиняные чаши для питья — «бикеры». Таково происхождение названия этого воинственного, деятельного народа.

** Уэссексцы — обитатели Англии в эпоху бронзы, предпочитавшие не войну, а торговлю и искусство; как полагает шотландский археолог В. Гордон Чайльд, унаследовали достижения бикеров.

Центральный трилит (Заимствовано из книги «Стоунхендж и Эйвбери», Лондон, 1959)

стемы «памятных» камней, перекладываемых из лунки в лунку, удается определить даты затмений. Все это блестяще доказано с помощью ЭВМ. Парадокс заключается в том, что в истории неолита Британии и всей Европы неизвестны истоки столь высоких астрономических познаний. Как могла возникнуть сама идея каменного планетария? Кто был «генеральным конструктором» такого чуда? Как сумел он увлечь своей «безумной» идеей правителей островитян, оторвать тысячи людей от добывания хлеба насущного и заставить их «бессмысленно» перетаскивать камни? Не может не удивлять тот факт, что строителями были три разных народа, сменившие друг друга в течение веков и не владевшие письменностью и системой счисления. Тем не менее десятки поколений с необъяснимым постоянством продолжали и блестяще завершили этот уникальный астрономический центр. Трудно отказаться от мысли, что Стоунхендж выполнен по единому замыслу, по заранее продуманному грандиозному плану. Строители «первой очереди» должны были на 300 лет вперед (!) продумать последовательность работ и планировку комплекса, согласовав ее геометрию с астрономией.

Главный вопрос не в трудоемкости строительных работ. Можно допустить, что в то время были какие-то примитивные технические средства, с помощью которых можно было общими усилиями отколоть, обработать, перетащить и установить гигантские глыбы. И даже не в организации работ дело, хотя и она требовала, говоря современным языком, эффективных систем управления, снабжения и контроля.

Суть парадокса в том, что древние британцы каким-то образом нашли принцип этой сложнейшей «вычислительной машины» и с высокой точностью воссоздали ее принципиальную схему на местности, не обладая ни письменностью, ни системой счислений, не имея понятия о параметрах Земли, Луны и планет, не располагая никакими топографическими и геодезическими инструментами, чтобы сделать разметку как самого Стоунхен-

джа, так н окружающих его памятников, представляющих собой единую систему.

Строительству непремеино должеи был предшествовать этап развития, совершенствования стронтельиого нскусства, иакоплення иаблюдательных данных по астрономнн. Должны были существовать вековые традицнн астрономнн н математнки. Одиако у нас иет никакнх данных о высоком уровне познаний обнтателей древией Брнтании. Да н какая жизненная необходнмость могла заставить охотников н землепашцев сооружать мегалнтический комплекс, вычнслять диаметры планет, нх орбиты, расстояние до Луиы и Солица? И все эти данные зашнфровать в лабнрните Стоунхенджа? Важнейшнй нз вопросов: как строители нашли шнрнну 51°17´ северной шнроты, на которой расположен Стоунхендж? На этой шнроте угол между азимутамн лунного н солиечного направлений составляет почти точио 90°. Для отыскання этой шнроты нужна была сеть наблюдательных пунктов, размещенных по мерндиану по всей Брнтаинн. Лншь после анализа иаблюдений за многие десятилетия можно было иайти эту шнроту.

А почему Пяточиый камеиь установлен на дороге н каково назначенне окружающего его рва?

Если Стоуихеидж — астрономнческий центр, где все обозначенные иаправлення связаны с Солнцем н Луной, то мы вправе нскать астрономнческий смысл в геометрнн Стоунхенджа, в расположении окружающих его памятииков. Карсус, Вудхендж, Эйвбери — каждый из них посвоему величествен и загадочен.

Невольно вспоминается легендарный велнкаи Мерлин, якобы строивший Стоуихендж. По преданию, он сказал, что здесь нет камня, не наделенного силой волшебства. Открытия Хокинса н те ошеломляющие данные, о которых пойдет речь, говорят о том, что легенда не так уж далека от нстины.

Таинственные многоугольники

Стоунхеидж изучеи буквально вдоль и поперек. Исследователи рассматрнвали его с исторнческой, археологической, иаконец, с астрономической точек зрения, но не анализировали его системных, колнчественных связей с другими мегалитами. Геометрня этого сложиого комплекса практическн ие изучалась. Известио лншь, что в Стоуихендже есть ряд коицентрнческих фигур: кольцо из гигантскнх камней, трн окружности, образованные лункамн, обводиой земляиой вал, ров н еще один вал. Известио также, что в окружности лунок Обри обиаружен прямоугольник «опорных камней».

Композиция Стоуихенджа рассматрнвалась такой, какова она есть, то есть статичной. Например, брали прямоугольннк «опорных камней» н определяли, что через точки его углов, окружеииых небольшими валамн, можио делать астрономнческие наблюдеиия. А что если ... повернуть прямоугольник? Счастливая мысль! Действительно, поворот его на 90° позволил получить иовую фигуру — правильиый восьмиугольиик с целым рядом замечательных свойств. Одио нз ннх объясняет прнчину установки Пяточного камня там, где он стоит.

Вообще, идея многоугольника, видимо, была одиой из руководящих прн сооруженин мегалнтов Англии. Так, в композиции комплекса Эйвберн, расположенного севернее Стоуихенджа, выявляется шестиугольник. В структуре «Святилища» скрыт девятиугольннк. Откуда же у островнтян-охотннков (еслн только именно они стронли мегалиты) такая прнверженность к многоугольннкам? Древние легенды настойчиво подсказывают: Стоуихеидж — храм, святилнще, посвященное божествам Солнца н Луиы. Фактическн же для жрецов бнкеров н друидов Стоуихендж служил астрономнческой обсерваторией.

Возиикла мысль: иет лн такого миогоугольника, элементы которого выражали бы соотношения орбит или диаметров планет, хотя бы двух — Земли и Луны? Ведь еще Иогаин Кеплер в своей первой научной работе пытался построить модель Солнечной системы в виде композиции многоугольииков и ряда вложеииых друг в друга многогранников. Впнсаииые в них сферы, по идее Кеплера, должны были моделировать орбиты планет. Учеиые нскали гармонически строгую систему мнроздаиия.

Проверка пропорций десяти- н двеиадцатиугольника показала, что у первого сторона больше Луиы, если опнсаииая окружность Земля, а у второго — меиьше. Пришлось брать неправильную фигуру — одиннадцатиугольник. Он, как н девятиугольник, оказывается, скрыт в планнровке Стоунхенджа. Более того, диаметр комплекса н внутренний диаметр сарсенового кольца (или же диаметр круглого могильника — ближайшего спутника Стоуихенджа) с ошибкой не более 2% моделнруют поперечннки Землн н Луны.

Одиннадцатиугольиик в Стоуихеидже может быть также найден с помощью своеобразного астроиомического «ключа». Им служит «лунный угол», то есть так изваииый иами угол, образоваиный предельными азимутамн склонений Луиы в дии до и после равиоденствия на широ-

те Стоунхенджа (51°17´). Джеральд Хокинс в своей книге отметил этот угол, но не придал ему особого значения. Между тем свойства «лунного угла» таковы, что его с полным основанием можно назвать магическим. Он, в частности, делит окружность на 22 части, а после удвоения дает одиннадцатиугольник. Сторона 22-угольника семь раз укладывается на диаметре. Так, с помощью «лунного угла» через 22-угольник в Стоунхендже выражено отношение длины окружности и ее диаметра (то есть число «пи») двумя целыми числами (22:7=3,14).

«Лунный угол» и целочисленное выражение числа «пи» представляют собой первое замечательное свойство Стоунхенджа.

Эта же идея положена в основу планировки комплекса Эйвберн, где одно из малых каменных колец лежит на главной окружности, отсекая одиннадцатую ее часть. В Эйвбери дважды разными кольцами выражено, как и в Стоунхендже, отношение Земля—Луна (3,6).

Пентаграмма

Далее возникло стремление найти в Стоунхендже новую фигуру с минимальным числом углов.

Одно из любимых произведений графики Валентина Терешина—гравюра Альбрехта Дюрера «Меланхолия». На ней изображен «магический кристалл»—усеченный ромбоэдр, который и сыграл свою роль в поисках пентаграммы. Грань «магического кристалла» очень похожа на нее.

Наложение пентаграммы на план Стоунхенджа показывает, что именно эта фигура, не отмеченная на местности явно, положена в основу его планировки. Окружности, найденные в пентаграмме, совпадают с кольцами комплекса.

Из рисунка видно, что размеры по крайней мере пяти концентрических колец совпали с окружностями пентаграммы. Есть основание полагать, что диаметры этих окружностей моделируют поперечники планет земной группы и Луны, так как отклонение от действительного соотношения диаметров (Земля принята за единицу) не превышает 1%. С помощью пентаграммы можно объяснить размеры двух колец—лунок Z (Меркурий) и У (Марс). Именно об этих кольцах Хокинс писал, что с ними связан ряд поистине головоломных загадок. Что касается остальных планет, то найден способ определения их поперечников с помощью пентаграммы, которая в ряде случаев может быть использована как уникальная номограмма. Пентаграмма, несущая в себе главную информацию о конструкции Стоунхенджа,—его второе замечательное свойство.

Теперь выйдем за пределы кромлеха. От Пяточного камня на северо-восток ведет аллея из валов и рвов. Она служила кратчайшим путем для транспортировки камней от реки Эйвон к строительной площадке, но, кроме того, таит в себе еще и глубокий астрономический смысл. Дело в том, что аллея обрывается около Вудхенджа, сооружения, едва ли не предшествующего своему каменному соседу—Стоунхенджу. Расстояние между ними в точности равно тридцати диаметрам Стоунхенджа и моделирует средний радиус лунной орбиты числом земных диаметров, как это принято в астрономии.

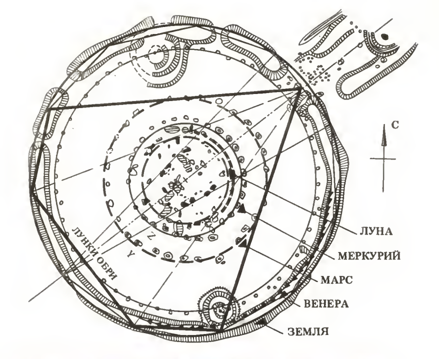
Окружность с этим радиусом, проведенная на местности, одновременно проходит через три так называемых длинных могильника. Увеличив таким образом Стоунхендж в 60 раз и построив гигантскую пентаграмму, легко увидеть, что все памятники вокруг контролируются пентаграммой: ее главная ось обозначена аллеей, трехкилометровая полоса Курсус (Бега) легла на сторону внутреннего угла пентаграммы, ни один из одиннадцати длинных могильников не оказался в ее «мертвых» зонах. Все памятники жестко связаны между собой линейными и угловыми величинами. Выполнив многочисленные измерения и расчеты, я пришел к выводу, что данное «геометрическое место точек», выявленное Терешиным, совершенно уникально и исключает возможность случайного их размещения. Поэтому можно допустить, что не только сам Стоунхендж, но и все мегалиты вокруг него сооружались по какому-то единому плану. Но кто в таком случае мог разработать столь фантастический план, которого в течение трехсот лет продолжали придерживаться многие поколения строителей?

Семь шагов за горизонт

Увеличение диаметра Стоунхенджа в 60 раз показало, что основные мегалитические сооружения Англии лежат в расчетных точках, найденных с помощью пентаграммы. При этом их положение строго соответствует требованиям геодезии и имеет астрономический смысл.

Диаметр Стоунхенджа (106 м), увеличенный в 60 раз, практически равен полярному радиусу Земли, умноженный на 60 в квадрате,—близок к среднему расстоянию от Земли до Луны.

Теперь умножим исходную величину на 60 в кубе. Семь таких «шагов за горизонт» вокруг земного шара с началом на широте Стоунхенджа опоясывают Землю и выводят в исходную точку.

Пентаграмма, совмещенная с планом Стоунхенджа, показывает, что именно эта фигура положена в основу его планировки. Кто это сделал и зачем?

Пройденный путь близок к учетверенному земному экватору. Анализ геометрических пропорций Стоунхенджа и других мегалитов дает основание предполагать, что при планировке и выборе размеров сооружения его создатели, руководствуясь какими-то пока непонятными целями, использовали ряд констант, согласованных с астрономией. В соотношениях размеров кольцевых сооружений часто обнаруживается величина 3,6, которая с ошибкой в 2% соответствует отношению диаметров Земли и Луны. Часто встречается константа 60, которую можно понимать как число диаметров Земли в поперечнике орбиты Луны. Среди постоянных величин, скрытых в мегалитах, фундаментальную роль играет число 108, которое, кстати, считается магическим и в философских учениях Востока.

Однако самую главную роль, роль совершенно особого цифрового модуля для древних строителей, конечно, играло число 11. Помните одиннадцатиугольник, давший нам пентаграмму: одиннадцать длинных могильников? Только ли совпадение, что трем одиннадцатым равно соотношение диаметров Луны и Земли?.

Как известно из истории астрономии (сошлемся хотя бы на классический труд Артура Берри), ни в первобытной астрономии, ни в астрономии греков еще не обнаружено ни малейшего намека на точное знание поперечников планет, параметров их орбит. Поэтому скрытую в композиции мегалитов астрономическую, геодезическую и математическую информацию следует рассматривать лишь с точки зрения древних космических контактов неизвестной высокоразвитой культуры с землянами.

Сто пятьдесят лет назад великий математик Гаусс предложил — пожалуй, впервые в истории науки — проект связи с внеземными цивилизациями (ВЦ) — с помощью солнечных «зайчиков» сообщить важнейшие математические числа, а лесными полосами продемонстрировать сущность теоремы Пифагора. Позднее К. Э. Циолковский выдвинул проект контакта с ВЦ путем изображенных на Земле огромных геометрических знаков.

В наш космический век люди снова прибегают к геометрическим символам, адресуя информацию неведомым инопланетянам. На кораблях «Пайонир-10, -11» и «Вояджер», которые летят в просторах Галактики, укреплена стальная пластина

с выгравированными на ней изображениями людей, геометрическими символами протона и электрона, нашей Солнечной системы и т. д.*

Геометрические методы информации, пожалуй, весьма характерны для человека и, может быть, вообще для разумных существ. Геометрические фигуры несут в себе числа, а число, как говорил Виктор Гюго,— это один из ключей наряду с буквами и нотами, открывающих дух человеческий.

Не является ли Стоунхендж материальным выражением инопланетной информации, истинное назначение которого вряд ли понимали соорудившие его своими руками островитяне-охотники?

Грандиозность и долговечность сооружения должны свидетельствовать о величии замысла и важности информации. После многолетних исследований мы едва лишь прикоснулись к тайне. Вопрос теперь в том, готовы ли земляне принять столь необычную космическую эстафету знаний, расшифровать замысел неведомых создателей Стоунхенджа.

Рискну высказать предположение, что в Стоунхендже его «Главным теоретиком» в зашифрованном виде сформулированы какие-то высшие, еще не открытые нашей наукой законы природы.

Феномен Стоунхенджа еще раз заставляет обратиться к анализу концепции космического палеоконтакта.

* Подробнее см. «На суше и на море», вып. 19, 1979, раздел «Зарубежные научные вести», с. 442—444.— *Прим. ред.*

АНАТОЛИЙ РОМАШОВ

И ВСЕ-ТАКИ ИСКАТЬ НАДО!

Послесловие к статье В. Авинского «НОВЫЕ ЗАГАДКИ СТОУНХЕНДЖА»

Бурное развитие космической техники как продукта научно-технической революции заставило обратиться к, казалось бы, совсем далекому от практических нужд человека вопросу о внеземных цивилизациях (ВЦ). Если раньше эта проблема была достоянием лишь писателей-фантастов, то ныне она поставлена на повестку дня научного поиска.

Сегодня человечество еще не может выйти за пределы Солнечной системы и пока интенсивно исследует только околоземное космическое пространство с помощью пилотируемых орбитальных и автоматических межпланетных станций. С космических летательных аппаратов в последнее время получено множество совершенно уникальных по научному значению снимков Земли, Луны, Марса и Венеры. На своем естественном спутнике — Луне человек уже побывал.

Однако попытки обнаружения жизни в любых ее проявлениях на ближайших к Земле планетах пока не увенчались успехом.

Но, может быть, какие-то материальные следы, указывающие на такие контакты в отдаленном прошлом, скажем пять или десять тысяч лет назад, хранятся под пылью тысячелетий на нашей собственной планете? Поисками возможных следов посещений Земли инопланетянами занимается палеокосмонавтика. В развитии этого нового научного направления активную роль играет общество «Древние астронавты», основанное в США и объединяющее сегодня около 300 ученых разных стран. Так, в работе

югославского конгресса общества, проходившего в 1976 г., принимали участие представители научных кругов Советского Союза и других социалистических стран.

Вместе с тем большая популярность палеокосмонавтики пока не подкреплена убедительной фактологической основой. Теоретические воззрения этого направления все еще носят вероятностный (в рамках гипотезы) характер. Существует предположение, что гигантские каменные постройки, так называемые мегалиты, широко известные во многих районах земного шара (в Англии, Южной Америке, Африке, Малой Азии, на островах Океании и пр.), не отвечают уровню технического развития земных цивилизаций эпохи их сооружения и могли быть воздвигнуты лишь представителями внеземных цивилизаций, посещавших нашу планету.

Одним из самых ярких образцов мировой мегалитической архитектуры по праву считается Стоунхендж — уникальный комплекс на юге Англии. Первая попытка истолкования Стоунхенджа как грандиозной «астрономической обсерватории каменного века» принадлежит Дж. Хокинсу и Дж. Уайту. Большинство исследователей, рассматривая Стоунхендж с историко-археологических и астрономических позиций, приводят его как доказательство блестящих астрономических познаний древних британцев.

В. Ф. Терешин и В. И. Авинский предприняли интересную попытку расшифровать геометрическую структуру мегалитов Стоунхенджа, не только раскрыть внутренние связи отдельных его частей (трилитов, сарсенового кольца, лунок), но и выявить систему взаимного расположения большинства мегалитических сооружений Солсберийской равнины и Англии в целом. Ими предложена оригинальная трактовка геометрического расположения «памятных камней» в связи с астрономическими величинами: азимутами восходов и заходов Солнца, Луны, склонениями Луны и т. п.

На наш взгляд, недостаточно оправданы многочисленные ссылки на то, что строители Стоунхенджа во взаимном расположении камней и других элементов комплекса пытались зашифровать какие-то астрономические величины, будь то размеры или поперечники планет Солнечной системы, соотношения их диаметров и т. д. А почему не допустить самое простое, а именно: создатели комплекса таким расположением частей Стоунхенджа и взаимным положением остальных мегалитов Англии пытались выяснить относительные размеры планет? Полученные ими при этом астрономические и математические значения ряда параметров, относящихся к планетам Солнечной системы, имеют приближенные величины. Это может объясняться как раз тем, что древние создатели комплекса Стоунхенджа не могли воспользоваться какими-либо письменными принадлежностями (для вычисления значений тригонометрических функций или решения уравнений), а откладывали все размеры с помощью примитивных мер длины прямо на местности.

Не исключено, что для древних обитателей Британии и севера Франции мегалитические постройки типа Стоунхенджа были как астрономическими, так и ритуальными сооружениями. В них одновременно с изучением планет, звезд, восходов и заходов Солнца, Луны производилось захоронение умерших, о чем говорят многочисленные могильники и другие обрядовые места. Возможно, само захоронение производилось только в определенное время, связанное с фазами Луны или другими природными явлениями.

К этому можно добавить, что именно такое назначение имеют монументальные комплексы древнейшей архитектуры майя в Центральной Америке, например в хорошо известных древних комплексах Мексики (Чичен-Ица, Копан, Вошактун и др.). Наравне с храмами и сооружениями общественного назначения (стадионами, рынками, банями и др.) строились обсерватории. К ним относится великолепная обсерватория Караколь в г. Чичен-Ице, где велись тщательные астрономические наблюдения.

В заключение хотелось бы отметить, что новая расшифровка Стоунхенджа В. Ф. Терешина и В. И. Авинского представляет интерес с двух точек зрения. Во-первых, привлечено пристальное внимание к древнейшим памятникам культуры, содержащим неизвестную до сегодняшнего дня богатую информацию. Это должно стимулировать дальнейшее их серьезное исследование.

Во-вторых, эта работа имеет также большое методологическое значение как первая попытка системного подхода к изучению и расшифровке следов далекого прошлого.

Необходимо искать, изучать и систематизировать все данные о памятниках древних культур, а принадлежат ли они исчезнувшим земным или внеземным цивилизациям — покажет будущее.

КОРОТКО О РАЗНОМ

Художник Е. РАТМИРОВА

Алчность контрабандистов

Власти Индонезии вынуждены были принять закон о запрете экспорта из страны более 20 видов редких животных. За последние годы фауна этого островного государства резко обеднела. Основная причина — вырубка лесов под плантации сельскохозяйственных культур. Кроме того, большой урон фауне наносят многочисленные браконьеры, выполняющие заказы частных зоопарков Европы и Америки. Дорога пойманным животным предстоит длинная, поэтому их отлавливают в бо́льших количествах, чем требуется: ведь в пути выживают немногие.

Особенно возрос спрос на райских птиц, запрет на вывоз которых резко взвинтил цены на них. Контрабандисты, опасаясь провала, отрезают характерные для этих птиц перья хвоста и головы, а остальные окрашивают в черный цвет и под видом кур переправляют птиц за границу.

Военный лагерь Юлия Цезаря

За последнее время строительные рабочие помогли ученым сделать немало важных археологических открытий. Так, например, при сооружении гаражных построек на берегу Ла-Манша французские строители натолкнулись на древние кирпичи, каменные блоки и керамические сосуды. Прибывшие к месту работ археологи углубили раскоп и обнаружили под слоем земли фундаменты зданий, окруженных высокими фортификационными сооружениями. Монеты, оружие и другие находки свидетельствуют о том, что здесь был военный лагерь Юлия Цезаря. В 55 г. до н. э. римский полководец намеревался начать отсюда завоевание Британских островов.

Жертвы последнего крика моды

В последние годы на Западе разрекламировали моду на домашние коврики, а также на подстилки к сидениям автомобилей из шкур африканских зебр. Этого было достаточно, чтобы активизировать деятельность браконьеров и контрабандистов.

Международные организации по охране природы и редких представителей фауны бьют тревогу. Изучение популяции зебр ясно показывает, что положение тут критическое. Например, в Кении число зебр с 1972 г. сократилось во много раз. Один из подвидов этих животных — горная зебра Хартмана — стоит на грани полного исчезновения. Внесено предложение полностью прекратить рекламу изделий из шкур зебры. Но прислушаются ли к этому призыву дельцы?

Как на палубе корабля

Ускоренная киносъемка — преосходный научный прием. Польские геофизики и геодезисты утверждают, что если бы им удалось заснять фильм о поведении верхнего слоя земной коры за 10 тыс. лет на территории Северной Европы, а потом пустить его с обычной скоростью, то получилась бы занятная картина — вроде палубы корабля при боковой качке. Например, Карпаты сейчас имеют тенденцию к понижению — до 1,5 мм в год, а несколько тысяч лет назад они медленно поднимались. Побережье Балтики ныне опускается, а районы восточной и центральной части Польши поднимаются. Это доказали приборы.

Изучение подобных процессов важно, в частности, для прогнозирования изменений в течении рек. Например, возможно, что через какое-то время изменятся русла в верховьях рек Вислы и Одера.

Дороги для танкеров

Участившиеся катастрофы в районе Ла-Манша вынудили французские и английские морские ведомства разработать новые правила движения нефтеналивных судов. Теперь танкеры должны следовать по строго определенному маршруту вдали от берегов. Выработаны и требования к расписанию их рейсов, чтобы движение получилось односторонним и не приводило к столкновениям. Однако этих мер недостаточно. Ведь значительная часть катастроф происходит из-за плохого навигационного оборудования и устаревших корпусов танкеров.

Статуэтка славянского Зевса

Когда-то в древности на берегах Волхова существовал русский город — Старая Ладога. Сейчас в этом месте, находящемся неподалеку от впадения реки Волхов в Ладожское озеро, ведутся археологические раскопки. Там были найдены, например, лодки, возраст которых определяется примерно в 800 лет, керамические сосуды и бытовые вещи славян 600-летней давности. А последняя находка ленинградских ученых вообще уникальна. В остатках жилого дома обнаружено резное изображение Перуна — одного из главных божеств древних славян до принятия ими христианства. Из тиса вырезан худощавый старик с длинной бородой. На голове у него — высокая островерхая шапка, а опоясан он толстым волнистым ремнем с черточками. Ученые видят в этом символическое изображение тучи, изливающей потоки дождя.

Кто снабдил их ядом?

Как известно, полевые кузнечики в случае опасности вырабатывают желтоватую жидкость — защитный органический яд. Изучая его состав, американские биологи обнаружили, что у насекомых на юге страны в яде содержится дихлорфенол. Это соединение само по себе очень редко и у кузнечиков в других частях страны не встречается. В чем же тут причина?

Тщательные исследования привели ученых к неожиданному открытию: кузнечики научились усваивать дихлорфенол из гербицидов, применяемых на хлопковых полях.

По запросам 40 стран мира

На одной из окраин Берлина несколько лет работает единственная в ГДР ферма змей. Там в специальных террариумах с обогревом разводят ядовитых змей, привезенных из Индии и советских республик Средней Азии. Из яда этих рептилий делают лекарства против различных воспалительных и сердечных заболеваний. Кроме того, из него изготовляют вакцину — спасительное средство при укусах змей. Берлинская ферма выполняет экспортные заказы более 40 стран мира.

Откуда мусор?

«С Фудзиямы, конечно!» — примерно так отвечают теперь работники специальной коммунальной службы, введенной в Японии. В их обязанность входит очистка «священной горы» от мусора. Увеличившийся приток туристов привел к тому, что склоны Фудзиямы превратились в огромную свалку: здесь и пивные бутылки, и бумага, и полимерная пленка. За год с горы вывозится до 250 т различных отбросов.

Географические открытия продолжаются

Все ли острова на нашей планете открыты и занесены на карты? Очевидно, не все. Не так давно группа каменистых островов, покрытых вечным льдом, была открыта канадской антарктической экспедицией в море Уэдделла.

В 1978 г. датские картографы нанесли на карты еще один островок, но уже в Арктике. Его площадь всего 836 $м^2$. Открыт он был близ северной оконечности Гренландии в разгаре лета, когда стаяли льды и на поверхности скал были зафиксированы мхи и лишайники. Этот клочок суши расположен ближе всех к Северному полюсу.

Корабль, помогающий рыбам

В реках Европы, на берегах которых расположено много промышленных предприятий, ныне ощущается острый дефицит кислорода. Особо бедственное положение с Рейном. Там исчезают не только рыбы, но и водоросли.

Недавно близ Дуйсбурга испытан специальный речной катер. На нем установлен винт, лопасти которого при своем вращении способны нагнетать в воду большое количество воздуха. Если три четверти речных теплоходов будут оборудованы винтами такой конструкции, то будет достигнут должный эффект с обогащением воды кислородом, и рыбы снова появятся в Рейне. Однако дальше первого эксперимента дело в ФРГ не пошло, потому что винт новой конструкции несколько снижает скорость судна, а это невыгодно частным владельцам.

Уникальный экспонат

Яйцо вымершего страуса — уникальный экспонат этнографического музея в Улан-Удэ. Длина его — 20 см, а наибольший диаметр — 16 см. Яйцо археологи нашли при раскопках стоянки древних людей в Забайкалье. Перед тем как передать редчайшую находку в музей, ее собирали из сотен осколков скорлупы толщиной в 2 мм.

Советские специалисты считают, что в Восточной Сибири страусы вымерли почти в одно время с мамонтами.

Слон не выдержал

Дрессированная слониха Зулейка, гордость передвижного цирка «Ренц» в ФРГ, умерла недавно мучительной смертью. Слониха напилась холодной воды из реки Неккар. И хотя ее лечили антибиотиками, введя в ослабленное тело больше литра раствора (15 млн. единиц!), ничего не помогло. Оказалось, что дело тут не в простуде, а в отравлении.

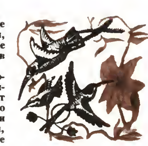
Действительно, слониха выпила три ведра воды, взятой прямо из речки без всякой фильтрации. Анализ речной воды, проведенный в Штуттгартском университете, показал, что она до крайности загрязнена ядовитыми промышленными стоками. Не только мелкие рыбешки, но даже слоны не выдерживают таких концентраций кислот и щелочей.

Правы оказались аисты

Синоптики предсказывали, что в 1978 г. во Франции будет мягкая, теплая и сухая осень. Однако уже в середине сентября первые стаи аистов покинули восточные районы страны и устремились в Африку.

Этот факт интересен с точки зрения народных примет. Было подмечено, что ранний отлет аистов означает холодную и дождливую осень. И французы быстро убедились, что правы оказались не синоптики, а птицы.

Заповедник для колибри

Ученые бьют тревогу — в джунглях Южной Америки, где хищнически вырубаются деревья и строятся новые дороги, становится все меньше колибри. Эти нежные птички не переносят промышленных дымов фабрик и выхлопных газов автомобилей.

Недавно в Перу создан национальный парк Ману, который позволит спасти значительную часть амазонской экосистемы. Парк (самый большой в Южной Америке) занимает территорию свыше 15 тыс. км^2. Колибри там обеспечено полное раздолье. В этой запретной для туристов, охотников и звероловов зоне вместе с колибри сохранятся анаконды, броненосцы, ленивцы, крокодилы, ягуары, оцелоты и другие виды редких животных.

Морская энциклопедия

Издательства Болгарии, ГДР, Польши, Советского Союза работают над подготовкой Морской энциклопедии, которую намечено выпустить в 1981 г. на четырех языках. Издатели намерены составить энциклопедию по единообразной тематической структуре, выделив ведущие дисциплины в области морских знаний, начиная с данных океанографии и кончая сведениями по истории морских открытий. Справочник призван дать читателю исчерпывающую информацию по всей проблематике моря, содержащуюся в научно-популярных статьях и заметках. Морская энциклопедия будет богато иллюстрирована. Она выйдет в книгоиздательстве «Георгий Бакалов» в Варне.

Факты подобраны
Германом Малиничевым

ЗАРУБЕЖНЫЕ НАУЧНЫЕ ВЕСТИ

Художник А. ПАВЛОВ

Кольцеобразные течения, или синоптические вихри, в толще океана

За короткое время, прошедшее с начала изучения циклоноподобных океанских вихрей, называемых иногда также рингами, в северо-восточной части Атлантики их открыто более десяти. Их возникновение связано с Гольфстримом, который, миновав мыс Гаттерас, отходит от побережья Северной Америки и начинает меандрировать, то есть образовывать петлеобразные изгибы. Некоторые из таких петель отрываются от основного потока Гольфстрима и становятся самостоятельными круговыми течениями, или вихрями, причем скорость движения воды весьма высока и в отдельных случаях достигает 4 км/час. Диаметр таких колец — 150—300 км. Они охватывают толщу воды почти до дна океана, глубина которого здесь 2500—3500 м.

Установлено, что вихри, обособляющиеся от Гольфстрима с его южной стороны, отличаются от окружающих теплых вод Саргассова моря тем, что в их центре более низкая температура. Те же вихри, которые отделяются с северной стороны Гольфстрима, наоборот, имеют более теплый центр.

Кольцеобразные вихри с теплым центром, как правило, смещаются на запад-юго-запад со скоростью до 5 км в сутки. Существует такой отдельный вихрь около года, затем водная масса, достигнув снова мыса Гаттерас, вливается в Гольфстрим.

Дрейф круговых вихрей с холодным центром в основном юго-западный, а скорость не превышает 3 км в сутки. Место их исчезновения — у восточного побережья полуострова Флорида, срок существования — в два-три раза больше.

В последнее время такого рода системы обнаружены и в других акваториях. Так, океанологи Японии исследуют их в районе течения Куро-Сио, полагая, что они должны воздействовать на биологические процессы, важные для рыболовства. Отмечено, что биологические сообщества в круговых течениях весьма своеобразны.

Циркумполярное течение, движущееся вокруг Антарктиды, также, как оказалось, порождает круговые вихри. Однако, по-видимому, по размерам и скорости они уступают тем, что наблюдаются вблизи Гольфстрима. Так, круговое течение, открытое южнее мыса Горн, имеет поперечник немногим более 100 км, а скорость вращательного движения — около 1,1 км/час. Специалисты предполагают, что это объясняется меньшей скоростью Циркумполярного течения по сравнению с Гольфстримом.

Изучение круговых вихрей, очевидно свойственных многим районам Мирового океана, где присутствуют мощные потоки водных масс, имеет большое теоретическое и прикладное значение.

От редакции. *Первые инструментальные измерения вихрей в открытом океане были выполнены в тропической Атлантике на морском полигоне, названном «Полигон-70», экспедицией Академии наук СССР в 1970 г. Именно*

советские ученые дали круговым течениям удачное название — синоптические вихри. Воздушные синоптические вихри живут гораздо меньше водных, но общее свойство этих систем в воде и воздухе — их временный характер и циклическое развитие: рождение, перемещение и разрушение внутри более крупных циркуляций. Важным открытием на «Полигоне-70» было обнаружение сложной глубинной структуры вихрей открытого океана, которая существенно отличается от вихрей пограничных течений Гольфстрима и Куро-Сио.

Воронкообразные течения у берегов Австралии

Более двухсот лет назад было установлено, что вдоль восточного побережья Австралии, омывая штаты Квинсленд и Новый Южный Уэльс, движется направленное с севера на юг течение. Этот поток прослеживался от северной части Кораллового моря до южных районов Тасманова моря. Однако причины, вызывающие столь значительное течение, оставались неизвестными из-за больших трудностей исследовательских работ в опасном для мореплавания районе Большого Барьерного рифа.

Только в 1977 г. с помощью специальных дрейфующих буев удалось установить, что течение имеет значительно более сложную структуру, чем полагали до сих пор. Оно состоит из трех воронкообразных завихрений с диаметрами, достигающими 200 км. Направлено движение этих кольцевых течений против часовой стрелки. Наибольшее из них наблюдается на траверсе Кофс-Харбор и бухты Джервис (Квинсленд), остальные — в районе мыса Кейп-Хоув и у северного побережья острова Тасмания.

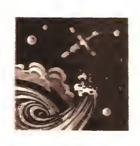

Выяснены и причины такого явления. Разогретые тропические воды северной области Кораллового моря разливаются на большой поверхности над более холодными нижележащими слоями, испытывая при этом влияние вращения Земли. На смену им поднимаются из глубины охлажденные водные массы; таким образом появляются теплые «острова».

Измерения показали, что в центре этих «островов» уровень моря примерно на 1 м выше окружающих вод. Силы земного тяготения и вращение планеты приводят такие теплые «линзы» во вращение, которое в южном полушарии, согласно закону Кориолиса, приобретает направление против часовой стрелки. Это течение имеет прерывистый характер: когда уровень воды в центре теплого «острова» уравнивается с окружающим водным пространством, оно прекращается вплоть до появления новых разогретых водных масс из Кораллового моря.

Вихреобразные течения: вид из космоса

Вихреобразные течения в Мировом океане ныне исследуются также с помощью искусственных спутников Земли. Так, с борта американского спутника «Landsat», находившегося на высоте 915 км над поверхностью планеты, удалось сделать космоснимок, на котором хорошо различимы по меньшей мере восемь таких образований. Среди них три развитых двойных кольцеобразных вихря. Некоторые из обнаруженных колец имеют диаметр не менее 30 км.

Изучение этого явления играет большую роль в метеорологии и океанологии, в том числе в исследовании взаимодействия океана и атмосферы, в прослеживании процессов загрязнения водной среды, измерении продуктивности планктона и т. п.

Колебания уровня моря

Согласно существовавшему до сих пор мнению, в случае частичного таяния оледенения Западной Антарктиды произойдет повышение уровня Мирового океана — во всех районах одинаковое.

Американские ученые Дж. А. Кларк и Ц. С. Лингл указали на необходимость учитывать неизбежные изменения в строении дна океана под влиянием меняющихся нагрузок, возникающих при превращении части льда в морскую воду и перераспределении ее в различных бассейнах.

Кроме того, по их расчетам, степень подъема уровня моря должна изменяться и со временем, так как за первоначальной упругой деформацией ложа океана должны последовать процессы притока вязких материалов из недр земли, которые постепенно компенсируют эффект нового распределения весовой нагрузки на кору. В частности, в результате таяния западноантарктического ледяного купола в течение последующих 1100 лет у берегов ледяного шельфа Росса и мыса Горн уровень моря должен упасть вследствие подъема дна океана в близлежащих районах. Вблизи Гавайских островов подъем уровня моря должен быть на 25% большим, чем в среднем по всему Мировому океану. Аналогично этому во всех областях, расположенных вдалеке от ледникового покрова, например у берегов штата Нью-Йорк или в Северном море, подъем уровня моря первоначально будет на 10—15% превышать средний по земному шару, а затем, примерно через 1 тыс. лет, постепенно станет равным ему.

Наступление моря у Сан-Франциско

Изучение комплекса ископаемых растений в районах штата Калифорния, примыкающих к заливу Сан-Франциско, позволило установить, что возраст этого залива не превышает 15 тыс. лет. В предшествовавший период реки Сакраменто и Сан-Хоакин впадали в море 50 км западнее, чем сейчас, проходя сквозь теснину, которая ныне образует пролив Золотые ворота.

Датировка ископаемых остатков растительности, произраставшей вдоль полосы морских приливов и на маршах (засоленных прибрежных болотах), показывает, что около 10 тыс. лет назад, после окончания эпохи оледенения, уровень моря начал подниматься и воды океана вступили в Золотые ворота. Распространяясь постепенно в глубь континента, они в течение 2 тыс. лет смещали береговую линию на восток со скоростью около 3—4 км в столетие. С исчезновением ледникового покрова это продвижение замедлилось. За последние 6 тыс. лет средняя скорость продвижения моря уже не превышала 15 см в столетие.

Извержения и землетрясения в 1977 г.

Согласно сведениям Управления геологической съемки США, основывающимся на данных, полученных с 3 тыс. сейсмостанций различных стран мира, 1977 год ознаменовался существенным снижением сейсмической активности на нашей планете. За год на Земле произошло лишь 36 значительных землетрясений, тогда как в 1976 г. их число достигало 50. Значительными считаются подземные толчки, магнитуда которых достигает 6,5 по шкале Рихтера, вызывающие гибель людей или крупные разрушения.

В 1977 г. зарегистрировано 14 землетрясений с магнитудой 7,0 и более, тогда как среднегодовое их количество за многие годы наблюдений составляет 19. Количество человеческих

жертв от таких стихийных бедствий в среднем достигает за год 10 тыс. В 1977 г. их число не превысило 2800. Особенно разительны эти цифры на фоне отличавшегося высокой сейсмичностью 1976 года, когда от землетрясений погибло около 700 тыс. человек (главным образом в результате сейсмической катастрофы в северо-восточной части Китая).

Но вулканическая активность в 1977 г. была высокой: извергалось 35 вулканов, тогда как в 1976 г. лишь 10. Однако такое увеличение представляет собой лишь возврат к среднегодовой норме. Количество действующих вулканов на Земле ежегодно составляет от 20 до 35.

Водохранилища и сейсмичность

Заполнение водохранилища «Маник-3», возникшего на реке Маникуган (провинция Квебек, Канада) в результате строительства плотины, вызвало ряд подземных толчков. За короткое время, прошедшее с начала заполнения бассейна, здесь было зарегистрировано более 1 тыс. толчков. Все они оказались довольно слабыми и ощущались лишь на небольшом расстоянии от эпицентра. Так, даже наиболее сильный из них, магнитуда которого достигла 4,1 по шкале Рихтера, ощущался в радиусе не более 15 км.

Эпицентры этих землетрясений сконцентрированы примерно в 10 км от плотины вверх по течению реки, глубина залегания их фокуса составляет от 0,5 до 4,0 км.

Землетрясение с магнитудой 4,1 обычно ущерба не причиняет. Однако подземный толчок с магнитудой 6,3 по Рихтеру, случившийся в Индии 4 года спустя после заполнения водохранилища у плотины Койна (высота — 103 м), повредил гидроэлектростанцию, привел к гибели 200 человек и оставил без крова тысячи людей.

Имеются данные, согласно которым примерно в 10% случаев заполнение резервуаров у плотин с высотой от 100 м и более приводит к землетрясениям. Однако методов, позволяющих заранее определить, в каких условиях это произойдет, пока нет.

Изучение сейсмических материалов, собранных в районе плотины «Маник-3», показало ошибочность мнения, что для возбуждения подземного толчка необходим 100-метровый столб. Землетрясения в этом районе начались, когда глубина воды в бассейне была всего 55 м, а наиболее сильный из всех толчков произошел при высоте водяного столба около 80 м. Очевидно, не само водяное давление вызывает подземные толчки, а наличие в почве воды, способной каким-то образом воспринимать это давление.

Железный век в Африке

Изучая обычаи племени хайя, населяющего западный берег озера Виктория в Танзании, американский антрополог Питер Шмидт обнаружил, что этому племени издревле было знакомо искусство выплавки железа. Демонстрируя свое умение, старейшины племени специально для П. Шмидта и приглашенного им инженера Дональда Эвери соорудили полутораметровую коническую печь типа примитивной вагранки из шлака и грунта, взятого в термитнике.

Под печью была вырыта яма глубиной около 40 см. Она затем была заполнена плотно утрамбованным подобием древесного угля, полученного при сжигании болотной травы и камыша.

В основание рабочего пространства печи были вставлены керамические трубки для дутья. В зажженную печь сверху, через ее крышу, подавались уголь и руда, а через трубки при

помощи кузнечных мехов из козьей шкуры пагнетался воздух.

Через восемь часов непрерывной работы в зоне дутья была достигнута температура более 1800° С, и руда превратилась в расплавленный железосиликатовый шлак, из которого начали образовываться четко сформированные кристаллы железа. Поглощая углерод из угля, он превращался в углеродистую сталь.

В наше время хайя занимаются скотоводством и выращивают бананы, бобовые культуры, кофе и чай. Металлические изделия они обычно покупают на стороне. Искусство выплавки стали считалось ими утраченным. Однако несколько восьмидесятилетних членов племени, бывших кузнецами лет пятьдесят — шестьдесят назад, опровергли такое мнение.

П. Шмидт и Д. Эвери организовали раскопки у берегов озера Виктория, возле залива Кемондо. Здесь обнаружено 13 металлургических печей, их возраст составляет от 1500 до 2000 лет. Устроены они почти так же, как и печь, которую хайя построили по просьбе исследователей.

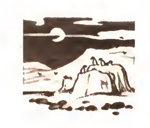
Тем самым сделано важнейшее археологическое открытие. Оказалось, одна из африканских культур полторы — две тысячи лет назад достигла уровня, при котором возможна выплавка стали, причем применялось воздушное дутье. Достигавшаяся в ходе этого температура и качество продукта стали доступными в Европе лишь в XIX в., когда И. В. Сименс построил вагранку с открытым подом.

Возможно, что раннее возникновение металлургии способствовало образованию в Восточной Африке древних экономических комплексов и развитию первых централизованных государств.

Собаки «охраняют» птиц

Датский зоолог Ханс Мельтофте наблюдал в Гренландии необычный случай симбиоза пернатых с собаками. Вблизи поселка Данеборг он исследовал гнездовья гаг обыкновенных (*Somateria mollisima*). В 1955 г. здесь насчитывалось лишь 2 гнездящиеся пары, а через двадцать лет он насчитал 1300 пар.

Исследователь отметил, что рядом с гнездовьем каждую весну местные жители привязывали ненужных им в теплое время ездовых собак.

Близость лаек, чрезвычайно агрессивно относящихся ко всему живому, отпугивала различных хищников, главным образом песцов — основных врагов пернатых, особенно в период насиживания яиц и выведения птенцов.

Весенний период весьма труден для гаг. В течение 26 суток, пока самка сидит на яйцах, она остается одна, без пищи. Лишь на очень короткое время самка покидает гнездо, чтобы попить и искупаться в ближайшем водоеме. Поэтому многие колонии этих птиц располагаются на мелких островах, где наземных хищников нет.

Покидая гнездо в спокойной обстановке, самка покрывает яйца собственным пухом. Если же птицу спугнули, она обычно все же успевает обрызгать яйца пометом, чтобы сделать их «непривлекательными» для хищника. Так, наблюдения орнитологов П. Макдугалла и Х. Милна (Великобритания) показывают, что подобная тактика предотвращает поедание яиц гаги воронами.

Наблюдения в Гренландии показали, что соседство собак не проходит для птиц даром. Лайки в среднем уничтожают за год до 90 гаг. Это происходит или при слишком низком пролете птицы, или в случае, когда та или иная собака сорвется с привязи.

Почему же гаги теряют инстинктивный страх к собакам и поселяются вблизи от них? Ученый высказывает предположение, что, вероятно, для этих птиц привязанная лайка «перестает быть собакой». Возможно, что вынужденная малая подвижность лаек лишает их главного отличительного свойства всякого хищника.

Видимо, благодаря близости собак средние размеры выводков гаг в Данеборге много выше, чем в любой другой их колонии, процент успешного высиживания яиц — тоже. Таким образом, потери в результате опасного соседства значительно уступают выгодам.

Информация подобрана
Борисом Силкиным

МОРСКАЯ МОЗАИКА

Художник А. ЖУКОВА

Парусник — корабль будущего?

Своему творению англичанин Мишель Уилоби отдал два с половиной года. И вот работа над чертежами огромного пятимачтового грузового парусного судна водоизмещением 12 тыс. т завершена.

«Парусные суда верой и правдой служили людям пять тысяч лет,— говорит Уилоби,— и сейчас, когда вопрос о топливе стоит так остро, самое время снова вспомнить о них. Я уверен, что создал корабль будущего».

Судно имеет в длину 157 м, высота его мачт — 60 м, а площадь парусов — 6700 $м^2$. Оно сможет развивать скорость до 22—23 узлов. Для постройки парусника будут использованы современные материалы.

За пушку — три рубля

Среди многих других обычаев, установленных Петром I для поощрения отечественного судостроения и судоходства, существовал и такой: главные строители военных кораблей после благополучного их спуска на воду получали денежное вознаграждение. Но поскольку эти корабли были разных размеров, то награда зависела от количества пушек, которые могло нести судно. За стопушечный корабль выдавалось триста рублей, а за однопушечную шняку — три рубля ...

Спокойные и неспокойные воды Индийского океана

Установлено, что самый спокойный район Мирового океана — воды вблизи острова Ява: море волнуется здесь только 10—12 раз в году, сильные же штормы вообще большая редкость. А вот в южной части Индийского океана, вблизи островов Кергелен, морские бури происходят в четыре-пять раз чаще «средней нормы». Особенно часты штормы тут осенью. Весьма неспокойны воды и на севере этого океана: 70 штормов приходится в среднем в год в Аравийском море, а в Бенгальском заливе — 115.

Столовая для рыб

Механизированная линия кормления рыб начала действовать на крупнейшем в Николаевской области Нечаянском водохранилище. Спроектированная и изготовленная специалистами рыбокомбината, она установлена на небольшом судне-катамаране. «Передвижная столовая» обеспечивает кормами более чем двухмиллионное «население» большого водоема. Еще одна механизированная линия предназначена для соседнего Каменского водохранилища.

Автографы древних поморов

Экспедицией Географического общества СССР, побывавшей на острове Аникиев в Баренцевом море, обнаружена каменная плита с автографами древних поморов. Надписи на плите представляют большой интерес для ученых: многие из них относятся к концу XVI в.— тому времени, когда делались первые шаги в освоении Арктики. Специалисты предполагают, что обычай оставлять автограф на плите ввели русские поморы. Именно здесь сохранилась надпись Григория Дудина — представителя знаменитой на Севере поморской семьи, с которой дружил М. В. Ломоносов.

ЧЕЛОВЕК И СТИХИЯ

«Самое синее в мире ...»

Слова из популярной песни о Черном море можно отнести и к высокогорному озеру Иссык-Куль. «Киргизское море» по своей синеве в несколько раз превосходит Женевское озеро. Аквалангисты, ныряющие в Иссык-Куле, видны на глубине десятков метров. Исключительная прозрачность и придает воде цвет морской синевы.

Этот вывод подтвердила совместная экспедиция Института физиологии и экспериментальной патологии высокогорья Академии наук Киргизской ССР и Зоологического института Академии наук СССР под руководством профессора Г. Винберга.

Интересно, что чистоту вод одного из крупнейших на земле высокогорных бассейнов поддерживает ... сам Иссык-Куль. Органические соединения, приносимые в него 44 реками, под влиянием планктона и других микроорганизмов быстро «перерабатываются» в минеральные соли, оседающие на дно водоема.

Едет по морю вода

Новая Зеландия включила в перечень экспортной продукции... питьевую воду. Специальные суда, рассчитанные на перевозку 18 тыс. т воды, будут курсировать между Новой Зеландией и Бахрейном, Кувейтом и Объединенными арабскими эмиратами, испытывающими недостаток питьевой воды.

Электричество из моря

Группа индийских ученых из университета Калькутты работает над уникальным проектом, который позволит использовать море для выработки электроэнергии. Принцип, лежащий в основе проекта, следующий. Вода, приводящая в движение электротурбины, должна подаваться на лежащий несколько ниже уровня моря участок суши. А чтобы этот участок не превратился в непроходимые болота, вода должна быстро испаряться под действием жарких солнечных лучей. Уже найден район, который считается практически идеальным для проверки этого необычного проекта. Он расположен на берегу Аравийского моря, где осадки не выпадают практически круглый год. И поэтому скорость испарения воды чрезвычайно высока. На берегу моря будет сооружена

плотина, которая обеспечит падение воды на турбины с высоты 3 м. Проектная мощность новой электростанции — не менее 25 МВт в год.

Малиновое озеро

У каждого водоема свой цвет воды. Во многом он зависит от состояния погоды, цвета неба и времени года. А вот озеро, которое находится в Михайловском районе Алтайского края, всегда одного, причем необычного цвета. Вода в нем ... малиновая. Трудно поверить, что цвет озера естественный, не подкрашенный какими-то случайными примесями, однако это так. Озеро очень красиво в обрамлении пышных светло-зеленых сосен, теснящихся на берегу.

Дело в том, что вода в озере солено-кислая, так как содержит сульфат натрия. В этой среде хорошо разводятся микроскопические рачки, которых можно разглядеть только под микроскопом. Они-то и придают воде малиновую окраску.

Гигантский айсберг

Огромный айсберг, более 70 км длиной и 40 км шириной, готов оторваться от ледяного барьера Антарктиды и выйти в открытый океан. Если это произойдет, айсберг может стать серьезной помехой для движения судов, особенно супертанкеров, вокруг мыса Горн — южной оконечности Американского континента. Айсберг, имеющий толщину более 300 м, по виду напоминает плоский стол в отличие от характерной для арктических айсбергов горообразной формы. Он откололся от побережья Антарктиды 10 лет назад, и с тех пор специалисты ведут за ним постоянное наблюдение. Поскольку он образовался из льдов полярной шапки, то состоит из пресной воды. Американские специалисты подсчитали, что этой воды хватило бы, чтобы снабжать столицу США Вашингтон в течение 5 тыс. лет или страдающую от засухи Калифорнию в течение 1 тыс. лет. Однако всерьез такой проект не рассматривается из-за непредсказуемых последствий в случае доставки айсберга к берегам Америки.

«Увидеть» циклон ...

Циклоны причиняют много бед в районе Юго-Восточной Азии. Проблема раннего обнаружения их возникновения весьма остра.

Недавно в Гонконгской обсерватории была установлена видеорегистрирующая аппаратура, предназначенная для наблюдения за развитием и перемещением циклонов. Эта аппаратура производит запись на видеомагнитофон сигналов, отраженных от тропических циклонов и сильных гроз, принимаемых радиолокатором. Видеомагнитофон позволяет определять направление и мощность циклонов и гроз.

Температурные пределы человека

В Лондоне состоялся симпозиум по вопросу максимально допустимого времени пребывания в воде людей, потерпевших кораблекрушение. Основная их часть погибает из-за переохлаждения. Исследования показали следующие пределы: при 0°С — 15 мин., при +2,5° — 30 мин., при +5° — до одного часа, а уже при +25° — более трех суток. Различные гидрокостюмы с термоизоляцией позволяют значительно расширить эти пределы.

Факты собраны *Давидом Эйдельманом*

СОДЕРЖАНИЕ

ПУТЕШЕСТВИЯ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ФАНТАСТИКА

ФАКТЫ ДОГАДКИ СЛУЧАИ

Н12 **На суше и на море:** Повести. Рассказы. Очерки. статьи/Редкол.: С. И. Ларин (сост.) и др.— М.: Мысль, 1980.— 477 с., ил. карт., 16 л. ил.

В пер.: 3 р. 50 к.

Двадцатый, юбилейный выпуск художественно-географического ежегодника «На суше и на море» открывается малоизвестным произведением знаменитого советского писателя К. Г. Паустовского «Теория капитана Гернета». В сборник вошли также повести, рассказы, очерки о настоящем и прошлом, о природе и людях нашей Родины и зарубежных стран, о путешествиях и исследованиях советских и иностранных ученых, материалы по охране окружающей среды, фантастические рассказы советских и зарубежных авторов. В разделе «Факты. Догадки. Случаи...» помещены научно-популярные статьи, краткая информация по различным отраслям наук о Земле и многообразных природных явлениях.

В выпуске на цветной вклейке публикуются также фотоочерки о природе и людях БАМа и зоне тундры.

20901-109
Н———— 176-80
004(01)-80

84
С6І

НА СУШЕ И НА МОРЕ

Художественно-
географическая книга

Заведующий редакцией
А. П. Вороннн

Редакторы
Н. Н: Проннн,
В. Н. Евреинов

Младший редактор
Т. Д. Изотова

Редактор карт
О. В. Трифоиова

Художествеииые редакторы
А. И. Ольденбургер
Т. В. Иванншина

Техиические редакторы
В. Н. Кориилова,
Л. П. Гришина

Корректоры
Т. М. Шпиленко,
С. С. Новицкая

ИБ № 1486

Сдаио в иабор 16.10.79. Подписаио в печать 08.04.80. А02032. Формат 60×90 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетиая. № 1. Гарн. таймс. Офсетиая печать. Усл. печатных листов 32 с вкл. Учетио-издательских листов 40,35 с вкл. Тираж 250 000 экз. Заказ № 781. Цеиа 3 р. 50 к.

Издательство «Мысль».
117071. Москва, В-71, Лениинский проспект, 15

Ордена Октябрьской Революции и ордеиа Трудового Красиого Зиамени Первая Образцовая типография имеии А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государствеииом комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28.

Дорогой читатель!

Вышел из печати двадцатый, юбилейный выпуск художественно-географического сборника «На суше и на море». Редколлегия ежегодника хотела бы узнать Ваше мнение о нем, Ваши пожелания и замечания, которые помогли бы сделать это издание более содержательным, интересным, разнообразным по оформлению.

Просим Вас ответить на несколько вопросов:

1. Какие выпуски сборника «На суше и на море» (1960—1980 годы) Вам знакомы, какие из них Вы считаете лучшими?

2. Какие повести, рассказы, очерки, переводы, статьи Вас особенно заинтересовали в последних пяти выпусках?

3. Какие новые темы и материалы Вы хотели бы найти в ежегоднике? Какие дополнительные разделы и рубрики Вы рекомендовали бы ввести в сборнике?

4. В связи с переходом издания на двухкрасочный офсет (с 1977 г.) одобряете ли Вы внешнее оформление сборника, карты, иллюстративный материал; считаете ли Вы удовлетворительным качество цветных вклеек?

5. Как Вы знакомитесь с нашим сборником: имеется ли он у Вас дома, или Вы пользуетесь услугами общественных библиотек?

6. Укажите Ваш возраст и род занятий.

Ваши ответы направляйте по адресу:
117071. Москва, Ленинский проспект, 15, Редакции географической литературы издательства «Мысль», «На суше и на море».

3р. 50к.